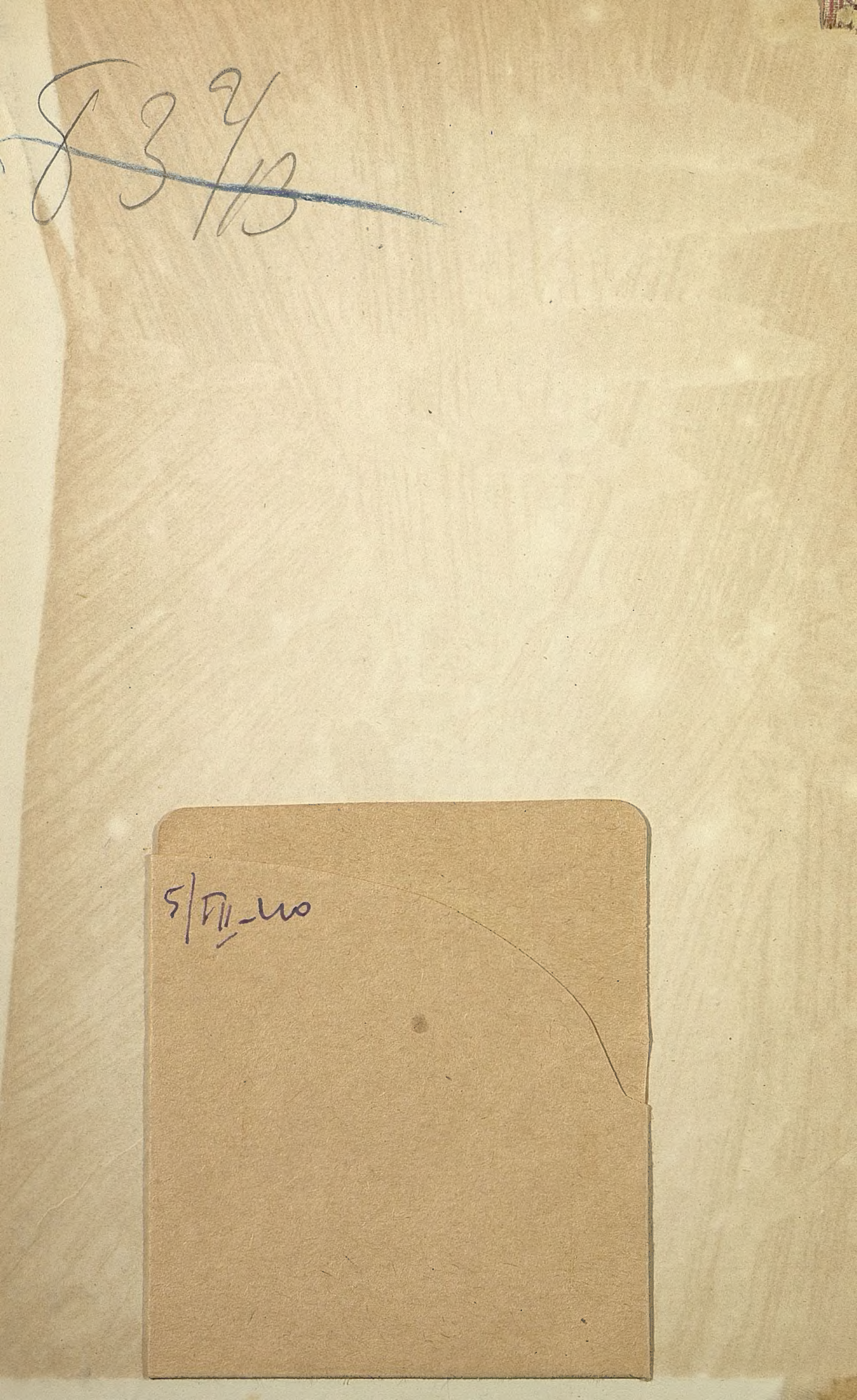

5/VII-40

8 3 $\frac{2}{13}$ ~~10 $\frac{9}{1}$~~

ЖИЗНЬ И ТРУДЫ

М. П. ПОГОДИНА.

Дни минувшіе и рѣчи,
Ужъ замолкшія давно...
Князь Вяземскій.
Былое въ сердцѣ воскреси,
И въ немъ сокрытаго глубоко
Ты духа жизни допроси!
Хомяковъ.

Николая Барсукова.

КНИГА ВТОРАЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича. Вас. Остр., 2 лин., 7.
1889.

ЖИЗНЬ И ТРУДЫ

М. П. ПОГОДИНА.

Дни минувшие и рѣчи,
Ужъ замолкшія давно...
Князь Вяземскій.

Былое въ сердцѣ воскреси,
И въ немъ сокрытаго глубоко
Ты духа жизни допроси!
Хомяковъ.

Николая Барсукова.

КНИГА ВТОРАЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича. Вас. Остр., 2 лин., 7.
1889.

(1566)

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

ГЛАВА I (1826). Прибытіе, пребываніе въ Москвѣ и отбытіе тѣла императора Александра I. Участіе Погодина въ печальныхъ церемоніяхъ. Слово архіепископа Филарета при гробѣ императора Александра. Ода М. А. Дмитріева . . . 1 — 5

ГЛАВА II (1826). Труды Погодина по Русской Исторіи. Его отношенія къ Булгарину. Знакомство съ графомъ С. П. Румянцовымъ. Письмо Евгенія м. Кіевскаго. Академія Наукъ. Отношенія Погодина къ Полевому. Ходаковскій. Педагогическія чтенія . . . . 5 — 13

ГЛАВА III (1826). Погодинъ переводитъ Церковно-Словенскую грамматику Добровскаго. Афоризмы. Увлеченія Шиллеромъ и Гете. Мечты о путешествіи . . . . 13 — 20

ГЛАВА IV (1826). Трубецкіе. Кончина Карамзина. Письмо къ Погодину одного Курскаго помѣщика. Погодинъ собирается описать жизнь Карамзина. Письмо Пушкина къ князю П. А. Вяземскому. Адель . . . . 20 — 28

ГЛАВА V (1826). Пребываніе Погодина въ селѣ Луневѣ у Малиновскихъ. Возвращеніе въ Москву. А. С. Хомяковъ. Высочайшій манифестъ. Размышленіе Погодина о послѣдствіяхъ *14 декабря*. Кремлевское молебствіе . . . . 28 — 32

ГЛАВА VI (1826). Въѣздъ императора Николая въ Москву, для священнаго коронованія. Поѣздка Погодина въ Нижній Новгородъ и возвращеніе въ Москву. Священное коронованіе. Слово Филарета. Коронаціонныя празднества. Погодинъ на придворномъ маскарадѣ. Княгиня З. А. Волконская . . . 33 — 38

ГЛАВА VII (1826). Предположеніе Погодина и друзей его издать литературный сборникъ *Гермесъ*. Пріобрѣтаетъ портретъ

Стран.

и книги Шлецера. Критика Веневитинова на Мерзлякова. Трубецкіе. Пріѣздъ Пушкина въ Москву. Знакомство съ нимъ Погодина. Чтеніе *Бориса Годунова*. Праздникъ на Дѣвичьемъ полѣ. Погодинъ вмѣстѣ съ Мельгуновымъ и Соболевскимъ посѣщаетъ этотъ праздникъ. Обѣдъ у Трубецкихъ съ Пушкинымъ. Вторичное чтеніе *Бориса Годунова*. Чтеніе *Ермака* Хомякова. 38 — 46

ГЛАВА VIII (1826). Зарожденіе *Московскаго Вѣстника*. Обѣдъ по этому случаю. Мицкевичъ. С. А. Соболевскій. Отношеніе Полевыхъ къ *Московскому Вѣстнику* и Пушкину. Отъѣздъ послѣдняго въ Михайловское и письмо его князю П. А. Вяземскому. *Тригорское* Языкова. Отношеніе князя П. А. Вяземскаго къ *Московскому Телеграфу*. . . . . 45 — 55

ГЛАВА IX (1826). Переѣздъ Д. В. Веневитинова въ С.-Петербургъ. Арестуется при въѣздѣ въ столицу. Роковыя для Веневитинова послѣдствія этого ареста. Письмо княгини З. А. Волконской къ Пушкину. Неудовольствіе властей за чтеніе *Бориса Годунова* въ Москвѣ. Письма Пушкина Погодину и Соболевскому. Погодинъ празднуетъ свои имянины. А. М. Кубаревъ. П. М. Строевъ. Сближеніе Погодина съ Пв. А. Мухановымъ. Свадьба Мансуровыхъ. Протестъ противъ этого брака митрополита Филарета . . . . 55 — 62

ГЛАВА X (1826). Возвращеніе Пушкина въ Москву. Останавливается у Соболевскаго на Собачьей площадкѣ. Участіе Петербургскихъ друзей Погодина въ судьбахъ *Московскаго Вѣстника*. Письма Д. В. Веневитинова, князя В. Ѳ. Одоевскаго. Стремленіе Погодина привлечь къ *Московскому Вѣстнику* Петербургскія ученыя силы. Благопріятное время для литературной дѣятельности . . . . 63 — 70

ГЛАВА XI (1827). *Московскій Вѣстникъ*. Сношенія Пушкина съ Погодинымъ. Мнѣніе Пушкина о нѣкоторыхъ сотрудникахъ *Московскаго Вѣстника*. Письмо В. П. Титова. Письмо Туманскаго. Журнальное дѣло не ладилось у Погодина. Письма Д. В. Веневитинова. Рѣзкій отзывъ послѣдняго объ И. И. Дмитріевѣ. Защита князя П. А. Вяземскаго. Отношенія Погодина къ своему журналу. Отзывъ *Московскаго Телеграфа*. Вліяніе участія Пушкина въ *Московскомъ Вѣстникѣ* . . . 70 — 82

ГЛАВА XII (1827). Кончина князя И. Д. Трубецкаго. Отъѣздъ Мансуровыхъ въ Берлинъ. Письмо А. И. Мансуровой къ Погодину. Письмо С. А. Соболевскаго изъ Петербурга. Отношенія Погодина къ Трубецкимъ . . . . 82 — 85

ГЛАВА XIII (1827). Эпиграмма Пушкина на А. Н. Муравьева. Критика Погодина и Баратынскаго на стихотворный сборникъ А. Н. Муравьева *Тавридо*. . . . . 85 — 89

ГЛАВА XIV (1827). Кончина Д. В. Веневитинова . . 89 — 93

Стран.

ГЛАВА XV (1827). Поѣздка Шевырева въ Саратовскую губернію. Переѣздъ В. П. Титова въ Петербургъ. М. А. Максимовичъ. Малороссійскія пѣсни . . . . 93 — 99

ГЛАВА XVI (1827). Братья Кирѣевскіе . . . . . 99 — 104

ГЛАВА XVII (1827). И. С. Мальцовъ. Письмо В. П. Титова. Н. А. Мельгуновъ. Письмо послѣдняго къ Погодину. А. И. Кошелевъ. Мицкевичъ и Малевскій. І. И. Ростовцевъ и его трагедія *Князь Пожарскій* . . . . 104—114

ГЛАВА XVIII (1827). Участіе въ *Московскомъ Вѣстникѣ* Ѳ. Н. Глинки и А. Ѳ. Мерзлякова. Выходки противъ князя П. А. Вяземскаго. Эпиграмма Пушкина. Доброжелательныя отношенія князя П. А. Вяземскаго къ Погодину. Гречъ и Булгаринъ. . . . . 114—122

ГЛАВА XIX (1827). Кончина отца Погодина. Изданіе *Московскаго Вѣстника* во время отсутствія Погодина. Письмо Рожалина. Поѣздка Погодина въ Задонскъ и знакомство съ тамошнимъ архимандритомъ Самуиломъ. Письмо В. П. Титова и труды послѣдняго, напечатанные въ *Московскомъ Вѣстникѣ.* Ободрительныя письма Пушкина къ Погодину. Замѣчанія П. А. Плетнева о *Московскомъ Вѣстникѣ.* . . . . 122—130

ГЛАВА XX (1827). Возвращеніе Шевырева въ Москву. Переписка объ его соредакторствѣ въ *Московскомъ Вѣстникѣ.* Пріѣздъ въ Москву С. А. Соболевскаго и И. С. Мальцова. Завтраки и ужины. Письмо Жуковскаго къ Погодину . . . 130—135

ГЛАВА XXI (1827). Н. С. Арцыбашева. Письма его къ Погодину. Печатаніе статей Арцыбашева въ *Московскомъ Вѣстникѣ.* Отношеніе Погодина къ Московской цензурѣ . . . . 135—140

ГЛАВА XXII (1827). Труды Погодина по части Философіи, Географіи, Статистики, Всеобщей Исторіи и Русской Исторіи. Его историческіе афоризмы, повѣсти, переводы изъ Шатобріана. Педагогическая литература. Знакомство съ трудами Славянскихъ ученыхъ. Погодинъ задумываетъ продолженіе *Ураніи.* Письма В. П. Титова и Пушкина. Письмо Погодина о Русскихъ романахъ. Замѣчаніе на оное князя П. А. Вяземскаго . 140—152

ГЛАВА XXIII (1827). Профессорская дѣятельность Погодина. Московскій Университетъ того времени. Сношенія Погодина съ профессорами другихъ университетовъ. Отношеніе Погодина къ попечителю Писареву. Профессорскій Институтъ въ Дерптѣ. Отказъ Погодина вступить въ оный. Юбилей Лодера. 152—161

ГЛАВА XXIV (1827). Столѣтній юбилей Императорской Академіи Наукъ. Погодинъ избранъ въ корреспонденты Академіи. Письмо къ нему Булгарина. Общество любителей Россійской Словесности. Избраніе Погодина въ члены онаго. Его рѣчь въ Обществѣ. Поѣздка Погодина въ Петербургъ. Обѣдъ у Булгарина . . . . 161—166

Стран.

ГЛАВА XXV (1828). Разборы Шевырева сочиненій Булгарина, *Московскаго Телеграфа*, *Сѣверной Пчелы* и сочиненій Н. Наз. Муравьева. Разборъ Погодина сочиненія послѣдняго о Новгородѣ . . . . 166—172

ГЛАВА XXVI (1828). Полемика П. М. Строева съ Николаемъ Полевымъ. Дѣло о переводѣ сочиненія Вальтеръ Скотта *о Наполеонѣ* . . . . 172—178

ГЛАВА XXVII (1828). Отношенія Погодина къ Шевыреву. Поѣздка послѣдняго въ Петербургъ и письма его оттуда. Вниманіе Гете къ Шевыреву. Пушкинъ. Пріѣздъ барона Дельвига въ Москву. Недоразумѣніе съ Пушкинымъ. Отзывъ Погодина и *Атенея* о IV и V пѣсняхъ *Онѣгина* . . . . 178—185

ГЛАВА XXVIII (1828). Отъѣздъ изъ Москвы Мицкевича и Хомякова. Размолвка Погодина съ И. В. Кирѣевскимъ. Статья послѣдняго о Пушкинѣ. Отношеніе Петербургскихъ друзей Погодина къ *Московскому Вѣстнику*. Труды В. П. Титова . . 185—192

ГЛАВА XXIX (1828). Вклады въ *Московскій Вѣстникъ* князя П. А. Ширинскаго-Шахматова, И. И. Давыдова. В. Л. Пушкина, В. С. Филимонова и Ѳ. Н. Глинки. Отношеніе къ А. Ѳ. Мерзлякову. Тщетное стремленіе Погодина привлечь Востокова въ участію въ *Московскомъ Вѣстникѣ*. Кончина А. И. Ермолаева. Графъ Д. И. Хвостовъ. На труды Погодина обращаетъ вниманіе А. П. Ермоловъ . . . . 192 — 200

ГЛАВА XXX (1828). Ю. И. Венелинъ. В. Н. Каразинъ. Цвѣтущее состояніе Всероссійскаго Государства при Петрѣ Великомъ. Славянскій вопросъ . . . . 200 — 206

ГЛАВА XXXI (1828). Переводъ Славянской грамматики Добровскаго. Полемика по поводу оной съ Полевымъ . . 206 — 213

ГЛАВА XXXII (1828). Домъ Аксаковыхъ. Кончина А. И. Писарева. А. А. Краевскій . . . . 213 — 224

ГЛАВА XXXIII (1828). К. Ѳ. Калайдовичъ. Отношенія Погодина къ сыну Шлецера. Общительность Погодина. Письмо къ нему Г. И. Соколова. Мечта Погодина вступить въ Императорскую Академію Наукъ . . . . 224 — 234

ГЛАВА XXXIV (1828). Замѣчанія Арцыбашева на *Исторію Государства Россійскаго* Карамзина и послѣдствія оныхъ для Погодина . . . . 234 — 264

ГЛАВА XXXV (1828). Эпилогъ къ полемикѣ Арцыбашева и Погодина . . . . 264 — 276

ГЛАВА XXXVI (1828). Трубецкіе . . . . 276 — 284

ГЛАВА XXXVII (1828). Университетская дѣятельность Погодина. Вступленіе въ должность министра народнаго просвѣщенія князя К. А. Ливена. Посѣщеніе Московскаго университета новымъ министромъ. Присутствуетъ на лекціи По-

Стран.

година и остается ею недоволенъ. Отношенія Погодина къ астроному Перевощикову и къ М. Г. Павлову. Университетскій Благородный Пансіонъ. Кончина Императрицы Маріи Ѳеодоровны . . . . 284 — 291

ГЛАВА XXXVIII (1828). Труды Погодина: переводъ трагедіи Гете *Гецъ фонъ-Берлихингенъ*; переводъ сочиненія Риттера *Карта Европы* и пр. Почитаетъ Суворова. Равнодушіе Погодина къ происходившей тогда войнѣ Россіи съ Турціею. Плоды его уединеннаго размышленія. Его повѣсть *Черная Немочь*. Критика Бѣлинскаго. Преобразованіе *Московскаго Вѣстника*. Празднованіе дня рожденія. Встрѣча новаго 1829 года . . 291 — 300

ГЛАВА XXXIX (1829). Кончина А. С. Грибоѣдова. Отъѣздъ Шевырева вмѣстѣ съ княгинею З. А. Волконскою въ Италію. Обѣдъ Погодину, данный Ширяевымъ. Отъѣздъ Мицкевича изъ Россіи. . . . . 300 — 305

ГЛАВА XL (1829). Переселеніе Языкова изъ Дерпта въ Москву. Примиреніе Погодина съ И. В. Кирѣевскимъ. Кончина А. А. Воейковой. Отъѣздъ Петра Кирѣевскаго за границу. Сватовство Ивана Кирѣевскаго. Письмо С. А. Соболевскаго . . . . 305 — 310

ГЛАВА XLI (1829). Хомяковы . . . . 310 — 315

ГЛАВА XLII (1829). Аксаковы. Путешествіе Погодина вмѣстѣ съ Щепкинымъ по Малороссіи. Трубецкіе. . . . 315 — 325

ГЛАВА XLIII (1829). Соперничество Петербурга съ Москвою. Положеніе *Московскаго Вѣстника* по отъѣздѣ Шевырева въ Италію. *Галатея* Раича. Замѣчаніе о ней князя П. А. Вяземскаго. *Московскій Телеграфъ* и разрывъ съ нимъ князя П. А. Вяземскаго. Союзъ Полеваго съ Булгаринымъ и Гречемъ. Польскій элементъ въ русской литературѣ. Критика Полеваго на XII томъ *Исторіи Государства Россійскаго*. *Иванъ Выжигинъ* Булгарина. Объявленіе Полеваго о выходѣ въ свѣтъ *Исторіи Русскаго Народа* . . . . 325—341

ГЛАВА XLIV (1829). Н. И. Надеждинъ. Его критика въ *Вѣстникѣ Европы* на произведенія Пушкина: *Графъ Нулинъ* и *Полтава*. Отношенія Погодина къ *Вѣстнику Европы* и къ *Сѣвернымъ Цвѣтамъ* . . . . 341—352

ГЛАВА XLV (1829). Полемика Арцыбашева съ Погодинымъ въ *Московскомъ Вѣстникѣ*. Письмо В. П. Титова. Сообщеніе Пушкина. Погодинъ жалуется въ *Московскомъ Вѣстникѣ* на литературныя гоненія. Не разрываетъ своихъ сношеній съ Арцыбашевымъ. Погодину преграждается путь въ Петербургѣ. Мысль издать *Благопромыслительный Муравей*. 353—359

ГЛАВА XLVI (1829). Отношеніе Погодина къ Каченовскому. А. М. Кубаревъ. Письмо послѣдняго къ князю А. И. Барятинскому. Знакомство Погодина съ Топильскимъ, Ровин-

Стран.

скимъ и Бантышъ-Каменскимъ. Письмо къ нему Бунге. Отношенія къ Баратынскому . . . . 359—364

ГЛАВА XLVII (1829). Охраненіе Русскихъ Древностей отъ истребленія. Археографическая Экспедиція Строева. Переписка послѣдняго съ Погодинымъ. Чтеніе въ Академіи Наукъ о результатахъ Археографической Экспедиціи. К. Ѳ. Калайдовичъ . . . . 364—374

ГЛАВА XLVIII (1829). Погодинъ печатаетъ на свой счетъ сочиненіе Венелина *о Болгарахъ*. А. С. Шишковъ. Возникшая по поводу книги Венелина полемика. Знакомство М. А. Максимовича съ Гоголемъ . . . . 374—389

ГЛАВА XLIX (1829). Погодинъ продолжаетъ трудиться надъ переводомъ Славянской грамматики Добровскаго. Статья о Святополкѣ. Мысль написать жизнь Ломоносова для народа. Пишетъ трагедію Марѳа посадница. Приготовляетъ къ изданію статистику Кириллова. Изслѣдованія Погодина объ Іоаннѣ Грозномъ, Борисѣ Годуновѣ, Отрепьевѣ. Мнѣнія объ этихъ статьяхъ Арцыбашева, И. В. Кирѣевскаго и Ксенофонта Полевого. Статья Погодина о происхожденіи Москвы. Замѣтка А. И. Бюргера. Дѣло о судѣ надъ царевичемъ Алексѣемъ. Другія статьи и изданія Погодина. Турецкая война. Болѣзнь императора Николая I. Замѣчанія о политическомъ равновѣсіи Европы. Афоризмы . . . . 390—402

ГЛАВА L (1829). Университетская дѣятельность Погодина. Лекція о Карамзинѣ, которую посѣтилъ И. В. Кирѣевскій. Общества: Исторіи и Древностей Россійскихъ и Любителей Россійской Словесности. Избраніе Пушкина въ члены послѣдняго. Письма къ Пушкину князя П. А. Вяземскаго и Николая Полевого. Пребываніе Гумбольдта въ Москвѣ. Встрѣча новаго 1830 года . . . . 402—408

I.

Первая половина 1826 года въ Русской Исторіи была ознаменована скорбными событіями. „Вся земля наша“, повѣствуетъ Филаретъ, была тогда „отъ края до края, отъ столицы до столицы прочерчена погребальными путями царскими. Довлѣетъ Господи! Да почіетъ гнѣвъ Твой; да почіетъ сердце наше предъ Тобою“ [1]). Февраля 4-го 1826 года московскій военный генералъ губернаторъ князь Д. В. Голицынъ доносилъ императору Николаю I-му: „Тѣло въ Бозѣ почившаго государя императора Александра Павловича 3 февраля прибыло благополучно въ Москву и покоится на устроенномъ для того мѣстѣ въ Архангельскомъ соборѣ [2]). Въ печальномъ шествіи отъ Серпуховской заставы до Архангельскаго собора принималъ участіе и Погодинъ, о чемъ свидѣтельствуетъ слѣдующая запись его *Дневника:* „Съ 6 часовъ дожидались у Серпуховскихъ воротъ въ домѣ. Назначили въ ассистенты при несеніи орденовъ. Шелъ подлѣ и несъ орденъ Св. Духа. Взглянулъ на множество народа“ [3]). На другой день при гробѣ Александра Благословеннаго Архіепископъ московскій произнесъ: „О Боже! такъ-ли неумолимъ гнѣвъ Твой? Царь не только благочестивый, но и безпримѣрный въ благочестіи, царь, который *сотвори правое предъ очима Господнима,* царь, который старался не только подвластную ему Іудею, но всю землю Израилеву очистить отъ идолослуженія и просвѣтить Богослуженіемъ истиннымъ,

который, какъ скоро узналъ книгу закона Божія, немедленно принесъ предъ нею покаяніе въ беззаконіяхъ своего народа и съ тѣхъ поръ не переставалъ быть ея ученикомъ, исполнителемъ, защитникомъ, исповѣдникомъ, такой царь, съ такимъ сердцемъ и душою не могъ отвратить Господа отъ ярости гнѣва Его великаго; но гнѣвъ сей открылся раннею и внезапною смертію сего самаго царя Іосіи. О, Боже! такъ-ли неумолимъ гнѣвъ Твой?

Не таковъ-ли гнѣвъ Божій надъ нами, Россіяне?

Не позналъ Іудейскій народъ цѣны сокровища, которое имѣлъ въ царѣ своемъ Іосіи, не позналъ, когда имѣлъ, и не воспользовался симъ сокровищемъ. *Весь Іуда и Іерусалимъ плакаша о Іосіи. И Іеремія возрыда по Іосіи. И глаголаша: вси князи и княгини плачь по Іосіи.* Ахъ! поздно большая часть изъ нихъ плакала по Іосіи вмѣсто того, чтобы прежде усерднѣе плакать вмѣстѣ съ Іосіею, когда сердце его сокрушалось покаяніемъ и смирялось предъ грознымъ судомъ Божіимъ. Іеремія, безъ сомнѣнія, лучше всѣхъ зналъ, почему *рыдалъ*, когда другіе только *плакали:* онъ рыдалъ удвоеннымъ плачемъ о лишеніи царя и плачемъ о позднемъ плачѣ народа“.

Вспоминая о Наполеонѣ и не называя его имени, Владыка произнесъ: „Изъ порывовъ безначалія родился, какъ сильный вихрь, похититель власти, который то уносилъ престолы съ мѣстъ, гдѣ они были, то поставлялъ ихъ на мѣстахъ, гдѣ ихъ не было, и который, наконецъ, поднявъ большую часть Европы, несъ обрушить ее на Россію.

Что, еслибы на сіе время, когда такъ укрѣплялся и возвышался сей *излишній* на земли, что, еслибы не воздвигъ Господь *потребнаго* на ней? Что́ было бы съ народами, которые со дня на день умножая собою число порабощенныхъ, чрезъ сіе самое умножали число орудій порабощенія и увеличивали силу поработителя? Что́ было бы съ священнымъ царскимъ достоинствомъ, которое непорфирородный царь оскорблялъ сугубо и униженіемъ порфирородныхъ, и возвышеніемъ

непорфирородныхъ? Чтó было бы съ просвѣщеніемъ и разумомъ образованнѣйшей части свѣта, когда неограниченное самолюбіе никакихъ границъ неуважавшаго властителя непремѣнно требовало, чтобы все умѣло только раболѣпствовать предъ нимъ, чтобы добродѣтель подвизалась только исполнять его волю, истина—ему ласкательствовать, знанія—изобрѣтать только средства для его цѣлей, искусства—производить ему памятники его славы или размножать его идолы? Чего надлежало ждать и Христіанскому Богослуженію отъ мнимаго въ своей землѣ возстановителя онаго, который далъ ему видъ возстановленія только для того, чтобы чрезъ то получить себѣ видъ освященія, который одною рукою возстановлялъ Алтарь Христовъ, а другою гораздо съ бóльшимъ усиліемъ созидалъ синагогу христоубійственнаго народа"?

Въ заключеніе *Слова* произнесено: „Слышу плачъ пѣвца Израилева: *горы Гелвуйскія, да не снидетъ роса, ниже дождь на васъ!* За что сіе проклятіе на невинную природу? — *Яко тамо поверженъ бысть щитъ сильныхъ*, жалуется пѣвецъ Израилевъ.—Пріиди, пѣвецъ скорби! я укажу тебѣ мѣсто болѣе достойное негодованія. Пріиди, помоги мнѣ сѣтовать на горы Таврійскія. *Горы Таврійскія! да не снидетъ роса, ниже дождь на васъ!* Не оружіемъ враговъ поражены тамо сильные: горный вѣтръ пронзилъ главу священную... Но тщетно и сіе негодованіе и, можетъ быть, дерзостно. *Смиримся подъ крѣпкую руку Божію.* И для насъ, и для оплакиваемаго нами лучше молиться, нежели жаловаться" [4]).

Въ полночь 6 февраля по совершеніи панихиды началось печальное шествіе изъ собора для слѣдованія въ Петербургъ по Кремлю, чрезъ Спасскія ворота, мимо церкви Василія Блаженнаго, по Красной площади, къ Иверскимъ воротамъ, а отъ нихъ вдоль Тверской улицы до Тверской заставы. Стеченіе народа, всѣхъ сословій было едва-ли не многолюднѣе, чѣмъ при входѣ тѣла въ столицу и „жители, какъ при встрѣчѣ тѣла, такъ и при разлукѣ съ нимъ, старались отличить дни сіи не только сердечнымъ умиленіемъ

1*

и всеобщею тишиною, но даже и наружнымъ убранствомъ домовъ своихъ". По прибытіи тѣла къ заставѣ архіепископъ Филаретъ, произнеся къ охранителю и сопровождателю драгоцѣнныхъ останковъ генералъ-адъютанту графу Орлову-Денисову краткое назидательное слово, благословилъ его въ дальнѣйшій путь образомъ. Ямщики Тверской ямской слободы и крестьяне Хорошевской волости, испросивъ убѣдительнѣйшими просьбами позволеніе везти тѣло на себѣ, отвезли оное отъ заставы до Петровскаго дворца, у коего оно было переставлено на дорожную колесницу и отправлено въ путь тѣмъ же порядкомъ, какимъ шествовало до Москвы [5]). Погодинъ, принимая участіе также въ качествѣ ассистента и въ этомъ печальномъ шествіи отъ Кремля до Тверской заставы, засвидѣтельствовалъ, что „такой тишины, какая была въ народѣ, и вообразить нельзя" [6]). Понятно то впечатлѣніе, которое произвело на нашего героя все видѣнное и слышанное имъ въ эти историческіе дни, и у него явилась мысль „издать всѣ сочиненія на смерть Государя", разсчитывая при этомъ на поддержку въ этомъ предпріятіи. Нѣсколько дней спустя, но еще полный впечатлѣніями пребыванія и проводовъ тѣла императора Александра I-го онъ посѣтилъ Трубецкихъ и читалъ у нихъ „прекрасные стихи" Михаила Александровича Дмитріева на кончину Государя [7]).

Благоговѣй, покрытый тьмою!
Уста Предвѣчнаго рекли,
Надъ сей вѣнчанною главою
Я собралъ всѣ бѣды земли!
Онѣ обрушились; но, вѣрный,
Онъ не роптал на Промыслъ Мой;
Онъ зналъ Мой судъ нелицемѣрный
И правилъ Я его судьбой!
Для духа зрѣлаго—призыва
Не возвѣщаетъ сѣдина;
Не держитъ долѣ срока нива
Въ браздѣ созрѣвшаго зерна!

Спроси въ семъ гробѣ прахъ священный
Сколь духъ, сокрытый въ немъ, страдалъ,

Когда, подвигнувъ полвселенны,
Его Я твердость искушалъ!
Спроси: легко ль обрѣлъ онъ славу,
Когда Я чуждую державу
Повергъ подъ мечъ его руки;
Спроси: сколь часто, въ мракѣ ночи,
За васъ его не спали очи —
И дни дѣлами изочти. [8]).

II.

Въ ученой жизни Погодина 1826 годъ ознаменовался появленіемъ цѣлаго ряда трудовъ его по Русской Исторіи. Въ засѣданіи Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ (28 января) читалъ онъ *Нѣчто о родѣ великой княгини Ольги.* Въ этомъ изслѣдованіи онъ старался доказать, что благовѣрная княгиня Ольга „была Варяжскаго Норманнскаго рода“, а не Славянскаго. „Когда жъ“, сказалъ онъ въ заключеніе, „отыщутся и издадутся всѣ древнія наши свидѣтельства, тогда, надѣюсь, найдется болѣе для сего доказательствъ; впрочемъ, и теперь можно, кажется, принять въ Исторію сіе положеніе“ [9]). Извѣстно, что святая благовѣрная княгиня Ольга особенно чтится въ семействѣ князей Бѣлосельскихъ-Бѣлозерскихъ и у нихъ въ домѣ даже хранилась древняя ея икона, писанная по семейному преданію живописцемъ императора Константина Багрянороднаго въ то самое время, когда крестилась Ольга въ Царьградѣ, а потому неудивительно, что засѣданіе это посѣтила княгиня З. А. Волконская, рожденная княжна Бѣлосельская-Бѣлозерская [10]).

Во время своего пребыванія въ Петербургѣ Погодинъ, какъ мы уже знаемъ, познакомился съ Булгаринымъ и завязалъ съ нимъ дружескія сношенія. Въ это время Булгаринъ вмѣстѣ съ Гречемъ издавалъ *Сѣверный Архивъ,* „журналъ древностей и новостей по части исторіи, статистики, путешествій, правовѣдѣнія и нравовъ“. Несмотря на то, что

журналъ сей былъ враждебенъ Карамзину, Погодинъ въ теченіе всего 1826 года былъ дѣятельнымъ его сотрудникомъ. Тамъ напечаталъ онъ *Нѣчто о святыхъ изобрѣтателяхъ Славянской грамоты, Кириллѣ и Меѳодіи* [11]). Занимаясь въ это время переводомъ 2-й части Эверсовыхъ изслѣдованій, Погодинъ отправляетъ къ Булгарину отрывокъ изъ этого сочиненія *о Казарахъ* при слѣдующемъ письмѣ: „Я нарочно выбралъ сію статью потому, что она заключаетъ въ себѣ нѣчто цѣлое, краткое обозрѣніе исторіи Казаровъ; къ ней приложены многія любопытныя примѣчанія съ указаніемъ на разные источники. Мы въ пріятной надеждѣ получить со временемъ сочиненіе достопочтеннаго нашего оріенталиста Френа о семъ важномъ для насъ народѣ. Вслѣдъ за симъ доставлю вамъ статью Клапрота о Казарахъ же“ [12]). По поводу помѣщенныхъ Погодинымъ переводовъ въ *Сѣверномъ Архивѣ* Булгаринъ писалъ ему: „Мы не можемъ платить *за переводы*, ибо имѣемъ своихъ переводчиковъ слишкомъ много. За *критики* ни полушки. Мы рады дѣлиться малыми нашими доходами съ почтенными литераторами, но только съ *пчелами*, а не съ *трутнями*. Мы съ Гречемъ часто вспоминаемъ васъ: вы очаровали насъ своими познаніями и скромностью“. Впрочемъ, въ другомъ своемъ письмѣ (отъ 24 марта 1826) Булгаринъ писалъ ему: „Условіе съ вами соблюдается и относительно *переводовъ*; но это именно касается до однихъ *васъ*, потому что вы будете переводить одно важное, любопытное и съ примѣчаніями. Зная васъ, вашъ благородный характеръ и правоту, надѣемся, что вы насъ болѣе подчивать будете оригинальными для успѣха нашихъ изданій“ [13]).

Предполагая издать 2-ю часть *Ураніи*, Погодинъ просилъ Булгарина вклада въ этотъ альманахъ. На это тотъ отвѣчалъ: „Вы желали, чтобы я прислалъ что нибудь вамъ для вашего альманаха. Признаюсь, хотя заваленъ работою по четыремъ журналамъ и кромѣ того занимаюсь, между нами будь сказано, изданіемъ моихъ сочиненій, хотя самъ

бѣденъ, но съ вами дѣлюсь послѣднимъ. Посылаю къ вамъ пьеску, которую я берегъ для новаго изданія, пьеску, къ которой у меня особенно лежитъ отеческое сердечко, тѣмъ болѣе, что она полюбилась другу моему А. С. Грибоѣдову, говорящему мнѣ всегда правду въ глаза. Прошу васъ объ одномъ, ничего не перемѣнять, сохранить мои знаки препинанія. Если статья вамъ не понравится, благоволите отослать обратно. Это меня ни мало не оскорбитъ, но не сваливайте грѣха на цензуру, какъ случается съ нашею братіею журналистами". Упомянувъ о цензурѣ, Булгаринъ прибавляетъ: „Новый ценсурный комитетъ откроется въ половинѣ октября (1826 года). Обѣщаютъ *благоразуміе.* Боюсь, чтобы конецъ этого слова не вышелъ съ другимъ кратчайшимъ. Впрочемъ генералъ Карбонье человѣкъ умный и добрый. Мы надѣемся, что онъ полюбитъ общее благо, славу Государя и защититъ бѣдную литературу отъ невѣжественныхъ когтей цензоровъ, на которыхъ по-нынѣ не было ни суда, ни расправы, ни аппеляцій. Я съ перваго знакомства полюбилъ васъ душевно и не измѣнюсь въ чувствахъ. Извините меня предъ Строевымъ, что я не писалъ къ нему. Мнѣ писать письма смерть. И это письмо кража времени отъ журналовъ. Воспользовался головною болью, чтобы написать къ вамъ". Затѣмъ, обращаясь къ своей статьѣ, Булгаринъ продолжаетъ: „Еслибы вамъ пришлось цензировать мою статью въ Петербургѣ, въ такомъ случаѣ перепишите ее, но не подписывайте въ рукописи моего имени, *а имя тисните послѣ.* Въ *новой* цензурѣ у меня есть *личный* врагъ въ родѣ Полеваго, Анастасевичъ, который, можетъ быть, захочетъ мстить мнѣ" [14]). Это письмо свидѣтельствуетъ, что Погодинъ вплоть до изданія *Московскаго Вѣстника* былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ Булгаринымъ.

Въ теченіе того же 1826 года Погодинъ перевелъ и издалъ на счетъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ 2-й томъ Историческихъ Изслѣдованій Эверса. Въ то же время онъ приводилъ къ окончанію и

другой свой трудъ, порученный ему еще покойнымъ канцлеромъ графомъ Н. П. Румянцовымъ: это переводъ сочиненія Неймана о жилищахъ древнихъ Руссовъ. По кончинѣ Канцлера Погодинъ былъ успокоенъ слѣдующимъ письмомъ Кеппена (отъ 15 апрѣля 1826): „Ф. И. Кругъ просилъ меня сказать вамъ, что графъ С. П. Румянцовъ по прибытіи въ Москву удовлетворитъ ваши требованія. Онъ выдастъ вамъ деньги, нужныя для напечатанія книги, и сто экземпляровъ прежняго изданія“ [15]). Въ томъ же удостовѣрилъ его и самъ Кругъ. „Теперь“ писалъ Погодинъ, „чувствую силу и примусь за окончаніе дѣлъ, которыхъ накопилось много“.

Въ апрѣлѣ 1826 года посѣтилъ Москву графъ С. П. Румянцовъ. Погодинъ былъ ему представленъ и въ своемъ *Дневникѣ* сдѣлалъ о немъ слѣдующее лаконическое замѣчаніе: „умный человѣкъ“ [16]). Наконецъ вышелъ въ свѣтъ и переводъ Погодина подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *О жилищахъ древнѣйшихъ Руссовъ, сочиненіе г-на Н. и критическій разборъ онаго М. Въ типографіи С. Селивановскаго 1826.* Въ предисловіи мы читаемъ: „Переводъ и критическій разборъ сочиненія предпринятъ въ прошломъ 1825 году по препорученію незабвеннаго графа Н. П. Румянцова. Сіе препорученіе было для меня тѣмъ пріятнѣе, что я надѣялся исполненіемъ онаго доставить нужное дополненіе къ изданнымъ мною прежде книгамъ о семъ предметѣ: разсужденію о происхожденіи Руси и Эверсовымъ критическимъ изслѣдованіямъ для Россійской Исторіи. Теперь любители Исторіи найдутъ въ сихъ четырехъ сочиненіяхъ полное, по возможности критическое собраніе свѣдѣній, доселѣ мало извѣстныхъ, о Руссахъ, основателяхъ нашего Государства, которые для насъ столько важны во всѣхъ отношеніяхъ“. Нейманъ свое сочиненіе о *жилищахъ* написалъ въ формѣ письма къ Эверсу и переводъ этого письма посвященъ Погодинымъ „милостивому государю Филиппу Густавовичу Эверсу, въ знакъ искренняго уваженія посвящаетъ переводчикъ“; *критическій разборъ сочиненія г-на Н. о жилищахъ древнѣйшихъ Руссовъ,* начинающійся съ 63

страницы, посвящен „милостивому государю Филиппу Ивановичу Кругу. Въ знакъ искренняго уваженія посвящаетъ сочинитель“. Этотъ трудъ свой Погодинъ при письмѣ отправилъ къ кіевскому митрополиту Евгенію и удостоился получить отъ него слѣдующія строки (отъ 3 декабря 1826 г.): „Письмо ваше и при ономъ переводъ вашъ книги *О жилищахъ древнѣйшихъ Руссовъ* имѣлъ я честь получить и книгу, а особливо критическій вашъ разборъ прочиталъ съ великимъ удовольствіемъ. Ваша терпѣливость въ сводахъ, проницательность въ заключеніяхъ и рѣшительная критика заслуживаютъ великое уваженіе. Сей Лифляндскій ученый Эверсъ достоинъ также вниманія, хотя часто пишетъ парадоксы“ [17]). Труды Погодина по Русской Исторіи обратили на себя вниманіе Академіи Наукъ, и ему представлялась возможность возсѣсть на академическое кресло. Кеппенъ въ письмѣ своемъ (отъ 26 октября 1826 г.) просилъ его прислать *curriculum vitae*, „особливо извѣстіе о напечатанныхъ вами сочиненіяхъ. Это нужно для Круга, который собирается предложить васъ въ члены корреспонденты Академіи Наукъ по случаю наступающаго празднованія академическаго столѣтія“. Въ слѣдующемъ письмѣ (отъ 3 ноября 1826) Кеппенъ даже писалъ Погодину: „Скажите мнѣ откровенно, *но между нами*, не прочите ли вы себя въ академики. У Круга нѣтъ адъюнкта. Онъ къ вамъ очень расположенъ. Эверсъ также изданіемъ вашимъ весьма доволенъ. Не попытаться ли? Не пришлете ли мнѣ вашихъ сочиненій для С. С. Уварова?“ Погодинъ этому разумѣется обрадовался и по всѣмъ вѣроятіямъ написалъ рѣшительно, что, можетъ быть, смутило Кеппена и понудило отвѣтить ему весьма уклончиво (отъ 1 декабря 1826 г.): „Сочиненія ваши и переводы я представилъ С. С. Уварову, который принялъ ихъ очень благосклонно. Не думаю, чтобы адъюнкты Академіи могли жить внѣ Петербурга. Впрочемъ, прошу васъ прежній вопросъ, мною вамъ предложенный, не почитать еще какимъ-либо предложеніемъ. Я, какъ вамъ извѣстно, не состою ни въ какихъ сношеніяхъ съ

Академіею, но токмо съ нѣкоторыми академиками болѣе или менѣе знакомъ". Но увлекшее Погодина журнальное поприще и союзъ его съ противниками Карамзина, какъ мы впослѣдствіи увидимъ, отклонили его отъ Академіи Наукъ.

Упомянувъ объ отношеніяхъ Погодина къ Булгарину до изданія *Московскаго Вѣстника*, обязательно сказать и объ отношеніяхъ его къ Полевому, издателю *Московскаго Телеграфа*. Если въ это время не было дружбы у него съ Полевымъ, то не было еще и открытой вражды. По крайней мѣрѣ Погодинъ бывалъ у Полеваго, о чемъ свидѣтельствуетъ запись *Дневника* подъ 27 марта 1826 года. Въ то же время Булгаринъ писалъ ему: „Что̀ Полевой? Утолилъ ли злобу свою противъ меня, или все еще пышетъ местью и бранью? Я для него служу фокусомъ, въ которомъ сосредоточиваются всѣ лучи его гнѣва и злобы противу цѣлаго міра! Удивительно! Кто ни пишетъ противу, я все виноватъ" [18]). Отъ Полевого Погодинъ узналъ о кончинѣ Ходаковскаго. Почтимъ память сего знаменитаго путешественника, духовное наслѣдіе котораго, то есть бумаги, досталось впослѣдствіи Погодину.

„Имя Ходаковскаго", пишетъ А. Н. Пыпинъ, „пользовалось большою славой въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ, да и на долго послѣ ставилось въ ряду замѣчательныхъ изслѣдователей Славянской и Русской народной старины. Литературное поприще его было очень кратко; при жизни онъ успѣлъ напечатать нѣсколько небольшихъ статей; болѣе обширныя работы его явились долго спустя послѣ его смерти; самая біографія его до послѣдняго времени оставалась темной и загадочной,—но это не мѣшало его извѣстности. Карамзинъ съ интересомъ прислушивался къ его идеямъ; позднѣе Погодинъ былъ великимъ его почитателемъ; въ Польской литературѣ Ходаковскій до послѣдняго времени сохранилъ великую славу, какъ человѣкъ, который своимъ обращеніемъ къ народности положилъ первое основаніе новому направленію Польской поэзіи, давшему ей Мицкевича".

Въ 1819 году Ходаковскій появляется въ Петербургѣ. Здѣсь

онъ былъ любезно принятъ Государственнымъ канцлеромъ, графомъ Н. П. Румянцовымъ, и вскорѣ знакомится съ Карамзинымъ, Шишковымъ, Уваровымъ и многими другими [19]. Карамзинъ одобрилъ его предположеніе отыскивать и описывать городки, т.-е. небольшія земляныя насыпи извѣстной формы, разбросанные на великихъ пространствахъ Россіи и, какъ полагалъ Ходаковскій, означающіе древнѣйшее мѣстопребываніе Славянъ. Огласивши свой проектъ и получивъ по ходатайству Карамзина денежное пособіе отъ правительства, Ходаковскій началъ свое изслѣдованіе съ Новгородской губерніи. Въ знакъ благодарности за ходатайство Карамзина онъ обругалъ его въ *Вѣстникѣ Европы*, называя его „Невскимъ Плутархомъ, пресловутымъ историкомъ". Когда Карамзинъ прочелъ это, то писалъ И. И. Дмитріеву: „За Поляка, который думалъ бранить меня въ *Вѣстникѣ Европы*, я вчера, между нами, ходатайствовалъ у князя А. Н. Голицына: бѣдный мой критикъ не имѣетъ ни гроша"; а самому Ходаковскому Карамзинъ писалъ: „съ сожалѣніемъ слышу отъ васъ о малой надеждѣ на успѣхъ вашихъ трудовъ въ Россіи. Я радъ еще сказать нѣсколько словъ о пользѣ вашихъ упражненій; но не ручаюсь вамъ за ихъ дѣйствительность. Посылаю 50 р., болѣе не имѣю" [20]). По свидѣтельству Ксенофонта Полеваго, „личныя потребности Ходаковскаго были чрезвычайно умѣренны. Всегдашній костюмъ его составляли: сѣрая куртка, сѣрые шаравары, а на головѣ что-то въ родѣ суконнаго колпака. Въ такомъ костюмѣ являлся онъ всюду и обращалъ на себя вниманіе солдатскою откровенностью, близкою къ грубости. Пришедши въ гости, онъ обыкновенно оставался до тѣхъ поръ, когда надобно было ложиться спать. Особенно милъ бывалъ онъ съ людьми, отличавшимися изысканными костюмами и свѣтскими манерами, и называлъ ихъ въ глаза *фанфаронами*. Никто не сердился на него за выраженія и обращеніе: на такую ногу умѣлъ онъ поставить себя, что на него смотрѣли, какъ на Діогена" [21]). „Къ отличнымъ свойствамъ Ходаковскаго", говоритъ о немъ Кеппенъ, „причислить должно

способность его бесѣдовать съ простолюдинами. На торжищахъ, въ хижинахъ ихъ, въ своей собственной обители онъ и жена его всегда съ успѣхомъ умѣли пользоваться ихъ простодушными повѣствованіями, преданіями, мѣстными познаніями и самымъ суевѣріемъ. Такимъ образомъ онъ успѣлъ собрать драгоцѣнные матеріалы, въ числѣ коихъ мы всегда съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминали о географическихъ его фоліантахъ и о собраніи народныхъ пѣсней, подслушанныхъ имъ какъ въ Польшѣ, такъ и въ Россіи, и обыкновенно записывавшихся со словъ самихъ поселянъ" [22]). Къ этому извѣстію Кеппена, Погодинъ прибавляетъ, что Ходаковскій, „предложивъ тому или другому крестьянину, пріѣхавшему съ своимъ возомъ на рынокъ, нѣсколько вопросовъ объ именахъ селеній около какого нибудь городища, подсказывалъ ему остальныя и получалъ себѣ въ награду часто такой отвѣтъ: „али ты колдунъ, баринъ, что, не бывавъ у насъ, знаешь всѣ наши мѣста?" [23]). Ходаковскій скончался въ ноябрѣ 1825 г. въ Тверской губерніи въ должности управителя имѣніями одного тверскаго помѣщика [24]). Оригинальная личность Ходаковскаго и его труды привлекли къ себѣ вниманіе Пушкина и онъ обезсмертилъ имя его въ своихъ геніальныхъ твореніяхъ:

Но каюсь: новый *Ходаковскій*,
Люблю отъ бабушки Московской
Я толки слушать о роднѣ,
Объ *отдаленной* старинѣ.

Въ мартѣ 1826 года заявили о своемъ существованіи *Педагогическія Чтенія*, объ учрежденіи коихъ при Московскомъ Университетѣ мы уже говорили. „Въ присутствіи г. попечителя Императорскаго Московскаго Университета А. А. Писарева, г. ректора А. А. Антонскаго, г. директора Педагогическаго Института А. Ѳ. Мерзлякова и гг. профессоровъ Двигубскаго, Чумакова, М. Г. Павлива, и И. М. Снегирева открыты были педагогическія чтенія при Университетѣ.

1) Магистръ Погодинъ читалъ предварительное положе-

ніе о сихъ чтеніяхъ, цѣлію коихъ есть: а) пріуготовленіе кандидатовъ и магистровъ подъ надзоромъ профессоровъ изъяснять ясно, удовлетворительно и легко предметы изъ той науки, которой каждый изъ нихъ себя постятилъ преимущественно. б) Переводъ книгъ классическихъ по всѣмъ отраслямъ наукъ.

2) Кандидатъ Максимовичъ читалъ лекцію о воздухѣ.

3) Кандидатъ Сергѣй Камашевъ читалъ задачу: какая теорія объ изящномъ доселѣ есть совершеннѣйшая, и почему?

4) Профессоромъ Мерзляковымъ сдѣлано было предложеніе объ изданіи ручнаго словаря Латинскаго, географическаго Россійской Имперіи и извлеченія изъ Славянской грамматики Добровскаго, нужнаго для Русской.

5) Магистръ Погодинъ прочелъ списокъ книгъ, предназначенныхъ переводу [25]).

Изъ біографіи Д. В. Веневитинова мы узнаемъ, что эти Педагогическія бесѣды охотно посѣщались имъ и что на этихъ бесѣдахъ Веневитиновъ обращалъ на себя вниманіе, какъ своимъ яснымъ и глубокимъ умомъ, такъ и замѣчательной діалектикой своихъ доводовъ, и что эти бесѣды развернули въ немъ тѣ качества хорошаго прозаика, которымъ суждено было проявиться только въ весьма немногихъ статьяхъ [26]).

III

Мы уже знаемъ, что мысль о переводѣ грамматики церковно-славянскаго языка Добровскаго давно занимала Погодина. Не имѣя успѣха въ этомъ предпріятіи въ сотоварcommittee

ревъ согласился. Они заперлись, и на Ѳоминой недѣлѣ вся грамматика, состоявшая почти изъ девятисотъ страницъ, была у нихъ готова. Погодинъ не успѣлъ только перевести предисловія, а Шевыревъ окончить синтаксиса. Но за это поплатились они двумя обмороками. Погодинъ упалъ въ четвергъ на Святой недѣлѣ со стула въ своей комнатѣ, а Шевыревъ — въ воскресенье на крылосѣ въ своемъ приходѣ у Пимена [28]). 2 мая 1826 года переводъ грамматики Добровскаго былъ окончательно совершенъ. Вотъ какія мысли пришли Погодину по окончаніи своего обѣтнаго труда. „Добровскій находится теперь въ состояніи ясновидящаго. Ему можно предлагать вопросы. Ему понятны теперь звуки безъ смысла. Словенскій народъ удивителенъ. Онъ долженъ существовать, въ Европѣ ли то, или въ Азіи, съ давнѣйшихъ временъ; ибо въ IX вѣкѣ онъ является съ такимъ языкомъ, богатымъ и правильно образованнымъ, какого не можетъ имѣть молодой народъ. Прибавлю, что онъ былъ и ужасно уже многочисленъ въ то время. Почему языкъ Словенскій во всемъ своемъ блескѣ явился у одного племени, у Русскихъ? Другія племена (Поляки, Богемцы) имѣли свою эпоху величія, но языкъ никогда не достигалъ до высокой степени. Какъ долго творился языкъ нашъ отъ Кирилла и Меѳодія до Ломоносова (государство отъ Рюрика до Петра) и какія чудеса будутъ на немъ. Мысль моя цѣпенѣетъ. Если Словени ровесники, положимъ, Грекамъ, почему языкъ ихъ образовывался такъ долго? Потому же, почему лавръ растетъ у насъ только теперь, а въ Италіи онъ разцвѣлъ уже на могилѣ Вергиліевой. Мы приближаемся къ открытію первоначальнаго языка. Такъ, какъ теперь говоримъ мы: русскій, польскій, богемскій и пр. суть нарѣчія словенскаго языка, такъ прежде какой либо Ѳракіецъ-Добровскій могъ сказать: словенскій, греческій суть нарѣчія индоевропейскаго языка. Какихъ людей Богъ далъ Словенскому языку: Кирилла и Меѳодія, Добровскаго! На словенскомъ языкѣ разительно видна первообразность: коренныя формы, каждое слово есть неопредѣленное, ничего не значитъ, и только, по-

лучая другой неопредѣленный придатокъ получаетъ опредѣленность, смыслъ".

Оконченный трудъ Погодинъ отнесъ къ попечителю Писареву, но принятъ былъ этотъ трудъ, кажется, сухо; по крайней мѣрѣ, вотъ что записалъ онъ въ Дневникѣ: „Нѣтъ добраго слова за такой трудъ. Невѣжи!" [29]). Когда вѣсть объ этомъ трудѣ дошла до Кіевскаго митрополита Евгенія, то онъ писалъ Погодину (отъ 3 декабря 1826 года): „Добровскаго грамматикою давно бы Русскимъ надлежало воспользоваться, хотя и онъ не обнялъ всѣхъ діалектовъ Словенскихъ. Но мы надѣемся, что вы дополните ее своими примѣчаніями" [30]). Труженики наши утѣшались только сознаніемъ совершенія труда. „Признаюсь,—писалъ Погодинъ,—взглядъ на эту груду мелко исписанной бумаги, взглядъ на эту крѣпость, взятую нами приступомъ, доставилъ намъ сладкое удовольствіе" [31]). Но имъ долго пришлось дожидаться того времени, когда трудъ ихъ явился на свѣтъ Божій.

Великіе дни Святой и Страстной седмицы 1826 года Погодинъ проводилъ истиннымъ подвижникомъ. Совершая вмѣстѣ съ другомъ своимъ Шевыревымъ обѣтный трудъ по переводу грамматики церквно-славянскаго языка, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ неукоснительно исполнялъ обязанности православнаго христіанина. Молитвами, пощеніемъ, трудами и говѣніемъ приготовлялъ себя къ Таинствамъ Покаянія и Евхаристіи. Въ Великую Среду (15 апрѣля) исповѣдывался, а предъ исповѣдью „листовалъ Фихте" Священнику онъ каялся въ своихъ сомнѣніяхъ и въ „нетвердыхъ религіозныхъ понятіяхъ". На это священникъ ему сказалъ: „вѣра есть даръ Божій". Каялся онъ также и въ гордости, самолюбіи и въ славолюбіи. „Мнѣ досадно",—каялся онъ,—„когда какой-нибудь магнатъ, проходя мимо меня, обращается ко мнѣ съ привѣтствіемъ: здравствуйте, Михаилъ Петровичъ, когда некому уже сказать въ комнатѣ, и жметъ руку изъ милости. Мнѣ хочется показать имъ что я выше ихъ. Но это мелочь. Слава меня прельщаетъ. Когда я слышу и вижу, какъ восхищаются Шиллеромъ, мнѣ хочется

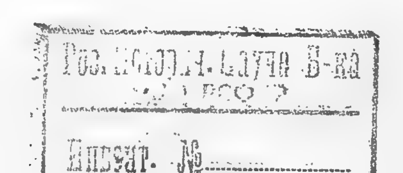
того же, сердце бьется". Въ Великій Четвергъ сподобился пріобщиться Св. Таинъ; но за обѣдней, сознается онъ, все „мечтались ему трагедіи". Въ домовой церкви Трубецкихъ слушалъ онъ страстную службу. „Читанныя Евангелія возбуждали мысли его къ драматической поэмѣ". Ему представлялись въ началѣ ея пастухи, говорящіе у стадъ своихъ о своихъ предчувствіяхъ. Что-то будетъ великое, неожиданное. Вдругъ разливается благоуханіе въ воздухѣ. Удивленіе. Слышатся голоса Ангеловъ: „Христосъ рождается, славите: Христосъ съ небесъ, срящите: Христосъ на земли, возноситеся: пойте Господеви вся земля, и веселіемъ воспойте людіе, яко прославися". Окончаніе: Апостолы всѣ вмѣстѣ оплакиваютъ Іисуса, ими оставленнаго; является Марія Магдалина и разсказываетъ имъ смерть Спасителя, какъ его распяли, какъ ругались надъ нимъ. Что же Онъ? спрашиваютъ ее. Прости имъ Господи, сказалъ Онъ, не вѣдятъ бо что творятъ. Являются Ангелы въ воздухѣ и поютъ воскресеніе. Является самъ Іисусъ въ облакахъ... У меня духъ занимаетъ, когда я думаю объ этомъ"... Свѣтлую заутреню Погодинъ слушалъ также у Трубецкихъ и похристосовался со всѣми.

Занятія русскою исторіею и всеобщею, разговоры, встрѣчи давали ему пищу для размышленія, плодомъ котораго являлись афоризмы, сохраненные имъ въ *Дневникѣ*. Однажды во время лекціи въ Университетскомъ Пансіонѣ, ему пришла мысль, что „народы вступаютъ такъ же въ бракъ, какъ и лица. Такъ норманны женились на словенахъ, и пошло новое поколѣніе отъ сего соединенія. Норманны были мужемъ, словене— женою. Норманны, несмотря на свою малочисленность, расположили приданымъ, дали и политическое устройство, и духовное... Самая величайшая свадьба въ Европѣ была между изнѣжившеюся Римскою Имперіею и мужественными германскими народами. На языкѣ новой философіи это будетъ, думаю, такъ: норманны сдѣлались положительною частью русскаго государства, словяне отрицательною. Имена получили государства европейскія вслѣдствіе тѣхъ свадебъ: Венгрія, Булгарія, Франція и пр.

какъ и въ гражданскихъ. Иначе нельзя образовать Африку и Азію, какъ снарядивъ со всей Европы войско и отправясь въ походъ крестовый на нихъ. Пусть европейцы сядутъ на престолахъ ашантіевъ, бирмановъ, китайцевъ, японцевъ и заведутъ порядокъ европейскій. Тогда участь сихъ странъ рѣшится. И почему не сдѣлать такъ? Вотъ о чемъ потолкуютъ на конгрессѣ. Счастіе рода человѣческаго отъ этого зависитъ". Потомъ Погодинъ задается любопытнымъ вопросомъ: „Почему языческая религія не подавала повода къ войнамъ, а христіанская напротивъ?" Любопытенъ также и слѣдующій его афоризмъ: „Духъ благолюбія явился въ концѣ прошедшаго столѣтія. Между французами въ Руссо, между американцами въ Франклинѣ, между нѣмцами въ Гердерѣ и между русскими въ Карамзинѣ". Тогдашнее положеніе Египта навело его на мысль: „Старый Египетъ опять является первою просвѣщенною страною въ Африкѣ и Азіи. Можетъ быть и турокъ судьба забросила въ Европу для того, чтобы они сдѣлались кондукторами европеизма на Востокѣ".

Но любимымъ предметомъ размышленій Погодина было прошедшее, настоящее и будущее Россіи. „Намедни я думалъ о томъ, что у насъ нѣтъ средняго состоянія, которое вездѣ производило революцію, что у насъ крестьянинъ можетъ сдѣлаться дворяниномъ". Относительно крестьянъ Погодинъ, по крайней мѣрѣ, въ 1826 году утверждалъ, что они „до тѣхъ поръ не станутъ людьми, пока не приневолятъ ихъ къ тому. Войдите въ ихъ хижины, распорядите ихъ бытъ, научите работѣ и вы увидите, что будетъ изъ сихъ вандаловъ. Въ исторію скоро войдутъ, въ число доказательствъ доказательства a priori, о которыхъ не смѣли думать смѣлые Шлецеры. Удивителенъ русскій народъ, но удивителенъ только еще въ возможности. Въ дѣйствительности онъ низокъ, ужасенъ и скотенъ. Что можно изъ него сдѣлать! Какъ Петръ могъ произвесть такую реформу. Чтеніе сочиненія г-жи Сталь о революціи навело Погодина на слѣдующія размышленія: Читая сочиненія г-жи Сталь о революціи, онъ столкнулся съ мыс-

2

лями, схожими съ своими. „Я давно уже“, — писалъ онъ по этому поводу,— „раздѣлилъ россійскую исторію на два періода. Первый—феодализмъ съ Рюрика, второй деспотизмъ съ Іоанна III. Третьему сѣмя положено 14 декабря. Первое европейское явленіе Россіи было въ 1812 году. Дотолѣ дѣйствія ея были частныя. Іоаннъ III утвердилъ самодержавіе, а первый прочный шагъ къ нему сдѣланъ за 150 лѣтъ до него Іоанномъ Калитою въ Москвѣ, а Калита сдѣлалъ сей шагъ только при помощи Монголовъ, а Монголы могли пособлять ему только по покореніи Россіи, а Россія покорена (отчасти) отъ раздѣленія на удѣлы, и такъ изъ самаго феодализма чрезъ многіе процессы родился деспотизмъ. Къ новой перемѣнѣ шагъ сдѣланъ 14 декабря, и сіе 14 декабря къ будущему относится такъ, какъ Іоаннъ Калита къ Іоанну III. Чудится мнѣ, что и династіи имѣютъ извѣстное отношеніе къ эпохамъ: феодализму, деспотизму и представительному образу правленія Въ россійской исторіи я вижу это ясно: мы переживаемъ вторую эпоху, и вторая династія у насъ царствуетъ. Рюрикова династія жила въ феодализмѣ и совершила оный деспотизмъ. Вторая династія приняла въ руки свои деспотизмъ... Замѣтимъ, что косвенно прямые Рюрикова потомки, коихъ было очень много при началѣ сей второй династіи какъ-то случайно отстранились съ феодальною своею кровью... Зайдя однажды въ Кремль, Погодинъ думалъ, что Іоаннъ, смотря на комету, долженъ оборотиться на Архангельскій Соборъ: тамъ *хоронятся* цари“ [32]).

Шиллеръ и Гете въ это время также занимали умъ и сердце Погодина, а въ особенности Шиллеръ. Думая однажды о путешествіи, онъ восклицалъ: „Духъ Шиллера! Носись надо мною. Сижу на его могилѣ“ [33]). Кстати здѣсь замѣтимъ, что путешествіе съ самыхъ юныхъ лѣтъ было любимою мечтою Погодина. Наконецъ въ 1825 году Совѣтъ Университета, при содѣйствіи ректора Антонскаго назначилъ Погодина отправить въ чужіе края для занятій всеобщею исторіею [34]), но любимая мечта его въ это время разлетается въ прахъ.

Попечитель А. А. Писаревъ сообщаетъ ему слѣдующую бумагу, полученную имъ отъ министра Шишкова. „По представленію вашего превосходительства отъ 26 января 1826 г. вносилъ я въ Комитетъ гг. министровъ записку объ отправленіи магистра Погодина въ чужіе края для усовершенствованія въ наукахъ. Нынѣ Комитетъ далъ знать, что оный полагалъ таковое представленіе мое утвердить, испросивъ на то Высочайшее соизволеніе. Главноначальствующій надъ почтовымъ департаментомъ при подписаніи журнала изъяснилъ, что „нѣтъ пользы посылать сего магистра въ чужіе края для окончанія наукъ по нынѣшнимъ обстоятельствамъ, а удобнѣе въ университетѣ можно дать то образованіе, которое правительству угодно будетъ“. Съ симъ мнѣніемъ согласились министръ юстиціи и начальникъ главнаго штаба его императорскаго величества.

Въ засѣданіи 16 марта объявлено комитету, что государь императоръ высочайше утверждаетъ мнѣніе главноначальствующаго надъ почтовымъ департаментомъ и согласившихся съ нимъ членовъ комитета. А между тѣмъ единственнымъ желаніемъ Погодина было то, чтобы, воспользовавшись уроками европейскихъ ученыхъ и мѣстными наблюденіями, доказать въ свое время сколь возможно болѣе и достойнѣе пламенную его преданность Московскому университету и благодарность достопочтеннымъ его наставникамъ; а потому отказъ въ путешествіи „ошеломилъ“ его, но попечитель ободрялъ его надеждою на Карамзина и Жуковскаго. За разсѣяніемъ своей печали онъ ходилъ къ Трубецкимъ. Но если не удалось Погодину въ это время побывать на могилѣ Шиллера, то письма послѣдняго были въ рукахъ его и онъ читалъ ихъ съ увлеченіемъ. „Какіе обширные виды, замѣчаетъ Погодинъ въ своемъ *Дневникѣ* по поводу этого чтенія, какія сѣмена положилъ для новой философіи этотъ человѣкъ и другіе. Чрезъ нихъ какъ по лѣстницѣ можно дойти до нея. Я чувствую это по себѣ. У Шиллера я нашелъ свои мысли“. Погодинъ не только увлекался Шиллеромъ, но даже стремился быть ему подобнымъ

и находилъ, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, сходство между собою и Шиллеромъ, о чемъ свидѣтельствуютъ слѣдующія записи его *Дневника:* „Радъ былъ, находя въ Шиллерѣ, что у него мысли уяснялись не прежде, какъ начиналъ онъ писать. У меня также. Читалъ біографію его и воспламенялся. Когда я буду Шиллеромъ? Безпрестанно справлялся, въ какомъ году какую трагедію онъ написалъ“ [35]).

IV.

Дѣвичье поле, нынѣ застроенное разными зданіями, совершенно утратило свой пустынный, историческій, а слѣдовательно и поэтическій характеръ, и переѣздъ на него съ Пречистенки совсѣмъ не чувствителенъ; но въ 1826 году это приснопамятное поле вполнѣ сохраняло свой первоначальный видъ, такъ что москвичи уединялись туда какъ-бы въ Подмосковную. Трубецкіе имѣли тамъ свою дачу и въ 1826 году въ ожиданіи коронаціи измѣнили своему Знаменскому, поселившись на лѣто подъ Дѣвичьимъ монастыремъ. Въ началѣ мая Погодинъ получилъ приглашеніе отъ Трубецкихъ провести съ ними лѣто. Приглашеніемъ этимъ онъ воспользовался съ особеннымъ удовольствіемъ, ибо привязанность его къ княжнѣ Александрѣ Трубецкой все болѣе и болѣе возрастала. „Наконецъ, я на чистомъ воздухѣ,—съ восторгомъ записываетъ Погодинъ въ своемъ *Дневникѣ,*—веселъ и спокоенъ. Гуляю много съ ними и любуюсь ею. Смотрю на траву, на деревья, на небо. Слушаю соловья. Прочелъ имъ почти всего Жуковскаго, Пушкина“. Онъ былъ въ самомъ поэтическомъ, восторженномъ настроеніи духа и, слушая пѣніе княжны Аграфены Ивановны, замышлялъ стихотвореніе. „Душа моя,—замѣчаетъ онъ по этому поводу,—созрѣла, чувство созрѣло. Ахъ, дайте мнѣ любви!“ Тогда же у него явилась мысль запечатлѣть свой образъ въ потомствѣ, и онъ „началъ писать портретъ свой для потомства“, и при

этомъ почему-то „смѣялся надъ разительнымъ сходствомъ". Но въ то время, когда онъ блаженствовалъ подъ Дѣвичьемъ монастыремъ, въ Петербургѣ 22 мая 1826 года скончался Карамзинъ. Это горестнѣйшее извѣстіе Погодинъ получилъ отъ Мерзлякова. „Миръ праху твоему, мужъ кроткій, человѣколюбивый. Будь ангеломъ хранителемъ, будь духомъ нашего просвѣщенія". Такъ оплакивалъ онъ кончину Карамзина; но при этомъ у него мелькнула мысль, „что̀ еслибы мнѣ поручили окончить главу и издать *XII-й томъ*".— „Нѣтъ, — меланхолически замѣчаетъ Погодинъ, — Блудову", и при этомъ онъ возмущается глупыми сужденіями о Карамзинѣ, которыя ему довелось слышать и образчикъ которыхъ онъ приводитъ въ своемъ *Дневникѣ:* „Не онъ одинъ писалъ Исторію, писали и другіе; но онъ подробнѣе. Правда и то, что у него источники были такіе, какихъ у другихъ не было. Сравните Карамзина съ Несторомъ. Какой варварскій языкъ у втораго и какой прекрасный у перваго, и тому подобныя глупости" [36]). Но у Погодина въ это время явился невѣдомый ему поклонникъ нѣкто курскій помѣщикъ Германъ, который изъ своего села Генеральщины Дмитровскаго уѣзда Курской губерніи написалъ ему письмо, конечно, пріятное: „Читалъ книгу вашу о *Происхожденіи Руси* съ живѣйшимъ любопытствомъ. На всякой страницѣ встрѣчалъ для себя новое. Многаго, по невѣжеству, не понималъ; но что̀ понималъ, то находилъ прекраснымъ; образъ изложенія, силу слога, убѣдительность доводовъ противъ историческаго суевѣрія и вольнодумства и скромность любезнаго автора. Я читалъ также съ большимъ удовольствіемъ статьи ваши въ *Сѣверномъ Архивѣ* и *Отечественныхъ Запискахъ.* Патріотическое сердце мое радуется вашимъ трудамъ и талантамъ, предвидя въ немъ замѣну великой потери, которую исторія и словесность теперь оплакиваютъ. 11 томовъ исторіографа не удовлетворяютъ еще совершенно ожиданіямъ публики. Да приметъ любезный авторъ трактата о *Происхожденіи Руси* сей долгъ въ наслѣдство, да увѣнчается славою своего пред-

шественника, и да утѣшитъ согражданъ, довершивъ знаменитое его творенiе. Со всею скромностью вашею, кажется, вы въ томъ успѣете. Понимается, что мы имѣемъ право на сей часъ осудить васъ на сей безсмертный трудъ, что онъ потребуетъ много и весьма много времени и бóльшихъ средствъ, какiя, можетъ быть, теперь не въ рукахъ вашихъ, но я утѣшаюсь надеждою въ томъ и другомъ случаѣ: небо пошлетъ вамъ жизнь, а отечество дастъ средства. Кажется, до временъ Елисаветы историкъ можетъ сохранить безпристрастiе. Но, впрочемъ, и одна Исторiя Петра I-го приведетъ его къ безсмертiю. Есть одна глупая книга *Зерцало* Мальгина; но можно удивляться съ какою смѣлостью и истиною сочинитель говорилъ о Аннѣ Ивановнѣ и мощномъ ея любовникѣ. Черезъ сорокъ или пятьдесятъ лѣтъ, стало, можно себѣ позволить еще болѣе правосудiя. Карамзинъ гдѣ-то сказалъ: „о временахъ Петра Великаго и Анны Ивановны мы многое слыхали отъ отцовъ нашихъ, чего нѣтъ въ книгахъ“. Неужели онъ унесъ сiи слухи въ могилу? Неужели не оставилъ матерiаловъ для новѣйшей исторiи? Онъ, который такъ хорошо чувствовалъ затрудненiя историка при бѣдности лѣтописей? Нѣтъ, у него вѣрно остались записки: слѣдственно есть и фундаментъ для будущаго архитектора“ [37]). Карамзинъ не выходилъ изъ головы Погодина и онъ „долго думалъ о сочиненiи Жизни Карамзина, за которую, говоритъ онъ въ *Дневникѣ*, „примусь непремѣнно, если не вздумаетъ самъ Вяземскiй“. Самъ Пушкинъ писалъ князю П. А. Вяземскому: „Читая въ журналахъ статьи о смерти Карамзина, бѣшусь, какъ они холодны, глупы и низки. Неужто ни одна русская душа не принесетъ достойной дани его памяти. Отечество въ правѣ отъ тебя того требовать. Напиши намъ его жизнь: это будетъ 13-й томъ Русской Исторiи. Карамзинъ принадлежитъ Исторiи. Но скажи все“. Но Карамзинъ былъ для Погодина величина отвлеченная, живымъ же идеаломъ для него была княжна Александра Трубецкая. Оплакивая Карамзина, при-

помнимъ слова любезнаго ему Шиллера, переданныя на нашъ языкъ Жуковскимъ:

Все великое земное
Разлетается, какъ дымъ:
Нынѣ жребій выпалъ Трои,
Завтра выпадетъ другимъ...
Смертной силѣ, насъ гнетущей,
Покоряйся и терпи;
Спящій въ гробѣ, мирно спи;
Жизнью пользуйся живущій.

И Погодинъ дѣйствительно въ это время, какъ живущій, жизнью пользовался; а потому вмѣсто Карамзина онъ принялся писать біографію княжны Александры Трубецкой, сокрывъ ея имя подъ именемъ Адели, съ которою онъ подъ Дѣвичьемъ „подслушивалъ въ аллеѣ соловья, распѣвающаго посреди всеобщей тишины“. Подъ давленіемъ сильнаго впечатлѣнія Погодинъ прочелъ сестрѣ своей героини, тоже въ то время невѣстѣ, стихотвореніе Пушкина *Адели:*

Играй, Адель,
Не знай печали,
Хариты, Лель
Тебя вѣнчали
И колыбель
Твою качали.
Твоя весна
Тиха, ясна:
Для наслажденья
Ты рождена.
Часъ упоенья
Лови, лови!
Младыя лѣта
Отдай любви,
И въ шумѣ свѣта
Люби, Адель,
Мою свирѣль.

Когда Погодинъ прочелъ это стихотвореніе, то княжна Аграфена Ивановна сказала ему: „это наша Сашенька“. За обѣдомъ, свидѣтельствуетъ онъ, княжна Александра „была въ самомъ дѣлѣ Аделью, въ бѣломъ платьецѣ. Я люблю ее“. Гуляю по саду, Погодину пришла мысль напи-

сать ея біографію. Не долго думая, онъ въ тотъ же день приступилъ къ этому дѣлу. „О, женщины“! восклицаетъ онъ въ своемъ *Дневникѣ*, „біографія *Адели* окончится семнадцатымъ годомъ. Бойтесь, юноши, она является, и въ заключеніе *люби, Адель, мою свирѣль*. Радъ былъ, что Ал. Ив. понимаетъ хорошія мысли. Съ большимъ удовольствіемъ гулялъ по саду“. Потомъ Погодинъ водилъ княженъ въ Новодѣвичій на могилу матери Жуковскаго [38]). Познакомимся теперь съ самою повѣстью *Адель*, которая по своему содержанію заключаетъ въ себѣ обильный автобіографическій матеріалъ, такъ какъ въ ней отражается внутренній міръ самого Погодина, и вмѣстѣ съ тѣмъ начертанъ портретъ его героини, княжны Александры Трубецкой. „Въ ея походкѣ, въ ея движеніяхъ — поэзія! Голосъ мягкій, сладкій. Когда она говоритъ, такъ пріятно отзывается въ ушахъ моихъ. Однакожъ странно! Многіе утверждаютъ, что она нехороша собою. И носъ широкъ, и лобъ великъ. Невѣжи! Только мнѣ она показываетъ красоту свою. Я вижу ее, я одинъ достоинъ покланяться ей!“ Отношенія Адели къ герою повѣсти изображаются такъ: „Нѣтъ, она не чувствуетъ ко мнѣ этой пламенной дружбы, которой жаждетъ душа моя, она не любитъ меня. Адель только что привыкла ко мнѣ. Ей нравится мой образъ мыслей; ей пріятно говорить со мною — и только. Правда, взоръ ея часто обращается на меня съ нѣжностію. Иногда радуется она моему явленію очень мило, прощается со мною очень нѣжно. Когда-то я сказалъ ей, что стѣна между нами поднимается выше и выше. Нѣтъ, это только застава, отвѣчала она, чрезъ которую мы проложимъ путь“. Наконецъ, герой нашъ рѣшается объясниться съ Аделью въ любви. „Какъ мнѣ этого хочется! Но все не смѣю. Рѣшительный у себя, я робѣю передъ нею“. Онъ находитъ и самый языкъ недостаточнымъ для подобныхъ объясненій, а потому взываетъ: „Ахъ, дайте, дайте мнѣ другую неземную азбуку“. Однажды послѣ ужина вмѣстѣ съ гостями они пошли въ садъ слушать соловья. „Пріятная минута! Все

было тихо; мы впереди другихъ приближались къ нему на цыпочкахъ въ темной аллеѣ. Вотъ звуки вдругъ раздадутся на всю рощу, и вдругъ опять благоговѣйное безмолвіе. Какъ мнѣ хотѣлось поцѣловать мою Адель!“

„На каждомъ шагу природа представляетъ удовольствіе человѣку, и какъ мало онъ пользуется имъ, ожесточенный! Ночь, синій сводъ. осыпанный сверкающими алмазами, полный свѣтлый мѣсяцъ, дробящійся между древесными вѣтвями, воздухъ благоухаетъ, тишина въ природѣ, а душа всего— Адель“. Герой нашъ говоритъ съ Аделью о путешествіи. „Всѣмъ прекраснымъ мы насладимся, всему великому мы поклонимся. Гробница Шиллера и Гердера, лекціи Шеллинга, Мадонна Рафаэлева, нѣмецкая литература, французскія палаты, спектакли, улица Побѣды, Лондонская гавань, мирное жилище Вальтеръ Скотта, чугунныя дороги, Ланкастерскія школы, восхожденіе солнца на Альпійскихъ горахъ, вечерняя прогулка по Женевскому озеру, Венера Медицейская, вѣчный Римъ, Этна, лавръ Вергиліевъ, Тайная вечеря Леонардо да-Винчи, развалины Помпеи, Храмъ св. Петра. Мы перечувствуемъ всю исторію, мы переживемъ всю жизнь. Религія, жизнь семейственная, жизнь гражданская, царство промышленности, царство изящнаго представятся удивленнымъ взорамъ нашимъ. А мѣста благородныхъ усилій, освященныя кровавымъ потомъ, горючими слезами великихъ мыслителей,— это ива Шекспира, этотъ чердакъ Руссо, или темницы Лютера, Галилея, Данта. Но развѣ мы ограничимся одною Европою... Мы увидимъ водопадъ Ніагарскій, дремучіе лѣса, многоводныя рѣки и недосягаемыя горы юной природы Американской, и степенный Египетъ, и поэтическую Индію съ сѣдовласыми браминами, и Аравійскія пустыни, и Іерусалимъ, естественную столицу міра по вѣрному выбору Наполеона, седмихолмный Константинополь, средоточіе Европы, Азіи и Африки. И, наконецъ, Виѳлеемъ, Голгоѳу, Святая Святыхъ, небо, землю!“ По возвращеніи въ отечество, герой нашъ мечталъ вмѣстѣ съ Аделью поселиться „въ деревнѣ на берегу Волги“ и при

этомъ сознается, что „мысль о сельской жизни даже пріятнѣе путешествія моему воображенію, и ни о чемъ еще не мечталъ я такъ сладостно! Вдали отъ суетъ, недостойныхъ человѣка, будемъ мы жить мирно и спокойно въ нашемъ заповѣдномъ уединеніи, наслаждаться любовію и съ благоговѣніемъ созерцать истинное, благое и прекрасное въ природѣ, наукѣ и искусствѣ. Я буду набожно вопрошать всемірныхъ оракуловъ, вникать въ ихъ многозначущія завѣщанія, и, можетъ быть,—мечта сладостная, —творческія думы созрѣютъ, по выраженію поэта, въ душевной глубинѣ, и я самъ по священному слѣду успѣю стереть какое-нибудь пятно на скрижаляхъ ума человѣческаго, или напечатлѣть новую истину въ поученіе современниковъ и потомства". Времяпрепровожденіе въ деревнѣ герой нашъ въ своемъ воображеніи начерталъ такимъ образомъ: „По утру, прогулявшись по рощамъ и долинамъ, освѣжась чистымъ воздухомъ, принимаюсь я за работу въ своемъ кабинетѣ, пишу, читаю цѣлые часы безъ всякой помѣхи. Предъ обѣдомъ ко мнѣ приходитъ Адель съ Эмилемъ на рукахъ и разсказываетъ о его первой улыбкѣ,—разцѣловавъ ихъ обоихъ, я показываю ей драгоцѣнности, собранныя на днѣ исканія... Опять гуляемъ. Послѣ простаго, вкуснаго обѣда, отдохнувъ, мы воспоминаемъ о нашемъ путешествіи, или учимся языкамъ, или говоримъ о жизни Александровъ, Фридриховъ, Петровъ, или читаемъ Руссо, Карамзина, Байрона, Окена, Клопштока... Какіе собесѣдники вмѣсто дюжинныхъ посѣтителей призраковъ столицы!... Устами великихъ учителей я посвящу мою Адель въ таинства науки... А друзья, которые подъ часъ пріѣдутъ посѣтить насъ съ новыми звуками русской лиры, произведеніями русскаго ума, новыми указами, залогами отечественнаго счастія. Вотъ ужъ тогда отъ души мы выпьемъ, тогда по полному бокалу шампанскаго! Да, непремѣнно еще надобно завести у себя вѣрнѣйшіе портреты великихъ людей и копіи съ изящнѣйшихъ произведеній ваянія и живописи, чтобъ всякимъ взглядомъ въ нашемъ домѣ изощрялся вкусъ, возвы-

шалась душа“ [39]). Этими пространными выписками мы, кажется, достаточно познакомили нашихъ читателей съ идеалами Погодина. Повѣсть эта понравилась Веневитинову, который по поводу ея писалъ ему: „Повѣсть ваша мнѣ очень нравится, она была бы еще занимательнѣе, была бы прекраснымъ маленькимъ романомъ, еслибъ характеры были болѣе развиты. Поздравляю васъ съ прекраснымъ утромъ, а самъ иду спать“. Погодинъ, будучи въ это время поглощенъ предметомъ своего поклоненія, повидимому, не охотно принималъ посѣщавшихъ его товарищей. По крайней мѣрѣ, по поводу посѣщенія Загряжскаго онъ замѣтилъ, что „пріѣхалъ не кстати“; но тѣмъ не менѣе отправился съ нимъ въ Дѣвичій монастырь и тамъ „поклонился матери Жуковскаго ея сыномъ“. Посѣщалъ его также и Оболенскій, который вмѣстѣ съ нимъ ходилъ въ тотъ же Дѣвичій монастырь, и разъ какъ-то онъ указалъ Погодину на слѣдующую гробовую надпись: „Подъ симъ камнемъ лежитъ его превосходительства господина дѣйствительнаго статскаго совѣтника такого-то крѣпостной человѣкъ“. По этому поводу Погодинъ пожелалъ покойному: „Sit tibi terra levis“. 19 іюня 1826 года ему пришлось разстаться съ Дѣвичьимъ Полемъ и ѣхать къ Малиновскимъ въ Лунево; весь вечеръ проговорилъ съ княжною Александрою, что́ будетъ дѣлать тамъ. Наконецъ, наступилъ часъ разлуки. „Тронутый“ прощаніемъ, герой нашъ выѣхалъ съ Дѣвичьяго Поля, но по возвращеніи въ Москву узналъ, что Малиновскіе отложили свой отъѣздъ въ деревню; а между тѣмъ ему совѣстно было вернуться къ Трубецкимъ, а потому онъ остался въ Москвѣ и имѣлъ утѣшеніе видѣться съ Веневитиновымъ. Но желаніе видѣть княжну Александру побѣдило въ немъ чувство робости, и онъ вернулся къ Трубецкимъ, которые, впрочемъ, были ему „рады“. Онъ прогостилъ у нихъ до 27 іюня, читая предмету своего поклоненія *Донъ-Карлоса*, и это чтеніе вызвало слѣдующее замѣчаніе княжны Александры

Ивановны: „Можно безъ любви къ той и той знать любовь, любить безусловно. Вотъ піитическая любовь“ [40]).

V.

Въ концѣ іюня 1826 года Погодинъ вмѣстѣ съ Малиновскимъ поѣхалъ въ ихъ Лунево. Сельскій воздухъ и хлѣбосольство хозяевъ подѣйствовали на него благодѣтельно; между тѣмъ, душа его была преисполнена любви. „Я люблю, а не живу“, отмѣчаетъ онъ въ *Дневникѣ*, и при этомъ у него явилась мысль написать шесть писемъ о любви, въ которыхъ намѣревался развить: „первое — потребность любить, любовь піитическая, душа созрѣла. Второе—явился предметъ любви. Третье — когда я не вижу ее, тогда хочется имѣть ее. Хочу дѣлать то-то, то-то и то“. Но при этомъ, какъ бы испугавшись, Погодинъ восклицаетъ: „Прочь мысль недостойная: ей надобно только поклоняться“. Затѣмъ онъ взываетъ къ слову: „О слово! зачѣмъ ты не можешь выразить ея. Ты, музыка, скажи звуками. Душа не нашла еще языка. Сойди, Меркурій, на землю, изобрѣти намъ эту святую азбуку, которая перемѣнитъ лицо земли и рода человѣческаго. Любовь найдетъ эту азбуку“. Находясь въ такомъ настроеніи, Погодина очень естественно тянуло на Дѣвичье поле, гдѣ процвѣталъ его живой идеалъ. Но въ Луневѣ у него явилась мысль перевести твореніе Гете *Гецъ фонъ-Берлихенгенъ*, что онъ вскорѣ и исполнилъ. 2 іюля 1826 года Погодинъ разстался съ Луневымъ и поѣхалъ въ Москву. Тамъ онъ видѣлся съ Кубаревымъ, Мерзляковымъ и Антонскимъ. Съ Кубаревымъ бесѣдовалъ „о заговорщикахъ“, а съ Мерзляковымъ и Антонскимъ объ университетскихъ дѣлахъ. Въ Москвѣ же онъ видѣлся съ Веневитинымъ и говорилъ съ нимъ о Давыдовѣ и Хомяковѣ [41]). Но прежде чѣмъ послѣдуемъ мы за нашимъ героемъ на Дѣвичье поле, скажемъ нѣсколько словъ о замѣчательномъ человѣкѣ, который впервые является на страницахъ нашего повѣствованія и который

до конца своей жизни былъ связанъ съ Погодинымъ узами тѣснѣйшей дружбы. Алексѣй Степановичъ Хомяковъ родился въ Москвѣ, на Ордынкѣ, въ приходѣ Егорія, что на Всполье *), въ 1804 году, 1 мая, на день пророка Іереміи. По отцу и по матери, урожденной Кирѣевской, Хомяковъ принадлежалъ къ старинному русскому дворянству и предковъ своихъ зналъ на перечетъ лѣтъ за 200 въ глубь старины. Царь Алексѣй Михайловичъ былъ особенно милостивъ къ одному изъ его предковъ, Петру Семеновичу, который былъ царскимъ подсокольничьимъ, и царь писалъ къ нему письма, уцѣлѣвшія въ ихъ родовомъ архивѣ [42]). Отецъ Хомякова весною 1822 года привезъ своего сына въ Новоархангельскъ Херсонской губерніи для опредѣленія на службу въ кирасирскій полкъ и поручилъ его командиру этого полка графу Дмитрію Ерофеевичу Остенъ-Сакену, который принялъ юношу Хомякова, какъ сына. По свидѣтельству графа Остенъ-Сакена, „въ физическомъ, нравственномъ и духовномъ воспитаніи Хомяковъ былъ едва-ли не единица. Образованіе его было поразительно превосходно, и я во всю жизнь свою не встрѣчалъ ничего подобнаго въ юношескомъ возрастѣ. Какое возвышенное направленіе имѣла его поэзія! Онъ не увлекся направленіемъ вѣка къ поэзіи чувственной. У него все нравственно, духовно, возвышенно. Ѣздилъ верхомъ отлично. Прыгалъ чрезъ препятствія въ вышину человѣка. На эспадронахъ дрался превосходно. Обладалъ силою воли, не какъ юноша, но какъ мужъ, искушенный опытомъ. Строго исполнялъ всѣ посты по уставу Православной Церкви, и въ праздничные и воскресные дни посѣщалъ всѣ богослуженія. Въ то время было уже значительное число вольнодумцевъ, деистовъ, и многіе глумились надъ исполненіемъ уставовъ Церкви, утверждая, что они установлены для черни. Но Хомяковъ внушалъ къ себѣ такую любовь и уваженіе, что никто не позволялъ себѣ коснуться его вѣрованія. Онъ не позволялъ себѣ внѣ

*) Въ настоящее время домъ этотъ принадлежитъ нашему почтенному ученому, Геннадію Ѳедоровичу Карпову.

службы употреблять одежду изъ тонкаго сукна, даже дома, и отвергнулъ позволеніе носить жестяныя кирасы, вмѣсто желѣзныхъ полупудоваго вѣса, несмотря на малый ростъ и съ виду слабое сложеніе. Относительно терпѣнія и перенесенія физической боли обладалъ онъ въ высшей степени спартанскими качествами". Хомяковъ не болѣе года оставался подъ начальствомъ графа Остенъ-Сакена и былъ переведенъ въ лейбъ-гвардію конный полкъ [43]); 1825 и начало 1826 года провелъ въ путешествіяхъ по чужимъ краямъ. Движеніе, овладѣвшее въ то время петербургскою военною молодежью, прошло мимо Хомякова. „Какіе безумцы!", писалъ ему въ Парижъ изъ Петербурга его братъ Ѳедоръ Степановичъ (отъ 24 декабря), о *14 декабрѣ*. „Они не знаютъ ни отечества своего, ни духа народнаго. Впрочемъ, надобно признаться, что не всѣ одобряли послѣдняго мятежа, не всѣ даже знали напередъ, что онъ будетъ... Въ этомъ сумасбродномъ предпріятіи гораздо меньше показано геройства, нежели можно было ожидать. Государь одинъ всѣхъ удивлялъ. Его до сихъ поръ никто не зналъ; онъ передъ мятежниками показывалъ чудеса хладнокровія и храбрости: одинъ останавливалъ кровопролитіе и до послѣдней минуты старался ихъ увѣщать. Цѣлую ночь давалъ онъ приказанія и дѣлалъ допросы съ присутствіемъ духа, которое показалось бы рѣдкимъ и въ человѣкѣ, давно привыкшемъ къ дѣламъ и опасностямъ. Замѣть, я пишу это не по почтѣ, слѣдовательно, не принужденъ скрывать истинныхъ чувствъ своихъ" [44]). Хомяковъ жилъ долго и уединенно въ Парижѣ, много занимался живописью и писалъ трагедію свою *Ермакъ*. На обратномъ пути въ Россію въ 1826 году онъ объѣхалъ земли западныхъ славянъ [45]) и съ *Ермакомъ* въ томъ же году пріѣхалъ въ Москву. Познакомившись съ Хомяковымъ, мы послѣдуемъ за Погодинымъ на Дѣвичье поле, который вскорѣ по пріѣздѣ туда, получилъ отъ Веневитинова *Ермака* Хомякова. По прочтеніи, онъ сдѣлалъ объ этой трагедіи слѣдующее замѣчаніе: „Многія мѣста истинно піитическія. Хомяковъ напитанъ

духомъ Шиллера; но стихосложеніе большею частію дурно". Въ домѣ Трубецкихъ весьма интересовались явленіями русской литературы, и княжна Александра Трубецкая даже разсердилась на Погодина за то, что онъ не прочелъ *Ермака* ей первой [46]).

Въ то время, когда сердце нашего героя было преисполнено любви, неумолимая исторія шествовала своимъ царственнымъ путемъ, и изъ Царскаго Села 13 іюля 1826 года раздался гласъ ея: „Верховный уголовный судъ, составленный для сужденія государственныхъ преступниковъ, совершилъ ввѣренное ему дѣло. Приговоры его, на силѣ законовъ основанные, смягчены, сколько долгъ правосудія и государственная безопасность дозволили, обращены нами къ надлежащему исполненію и изданы во всеобщее извѣстіе. Такимъ образомъ, дѣло, которое мы всегда считали дѣломъ всей Россіи, окончено; преступники воспріяли достойную ихъ казнь; отечество очищено отъ слѣдствій заразы, столько лѣтъ среди его таившейся. Не въ свойствахъ, не въ нравахъ русскихъ былъ сей умыселъ. Сердце Россіи для него было и всегда будетъ неприступно. Не посрамится имя Русское измѣною Престолу и Отечеству. Мы не имѣемъ, не можемъ имѣть другихъ желаній, какъ видѣть отечество наше на самой высшей степени счастія и славы". Въ заключеніи мы читаемъ слѣдующія трогательныя строки воцарившагося Божіею Милостію Самодержца, ковчега нашего спасенія: „Наконецъ, склоняемъ мы особенное вниманіе на положеніе семействъ, отъ коихъ преступленіемъ отстали родственные ихъ члены. Во все продолженіе сего дѣла сострадая искренно прискорбнымъ ихъ чувствамъ, мы вмѣняемъ себѣ долгомъ удостовѣрить ихъ, что въ глазахъ нашихъ союзъ родства предаетъ потомству славу дѣяній, предками стяжанную, но не омрачаетъ безчестіемъ за личные пороки или преступленія. Да не дерзнетъ никто вмѣнять ихъ по родству кому либо въ укоризну: сіе запрещаетъ законъ гражданскій, и болѣе еще претитъ законъ христіанскій" [47]). Прискорбное событіе 14 декабря произвело на

нашего героя сильное впечатлѣніе, долго не выходило изъ его головы и порождало размышленія. Но вотъ что́ писалъ ему одинъ изъ его товарищей, нѣкто Шипулинъ изъ отдаленнаго Тифлиса: „Что́ чуется и что́ дѣлается о бунтовавшихъ петербургскихъ? Вотъ до чего дошла внутренняя Россія? Не стыдно ли кореннымъ жителямъ, побѣдителямъ и властелинамъ всей Европы? Въ Грузіи все тихо, спокойно, благополучно отъ сихъ происшествій не смотря на отдаленность, недавно пріобрѣтенность и на множество иновѣрцевъ“ [48]). Эти строки могутъ служить укоромъ декабристамъ и оправданіемъ Карамзина. Обнародываніе Донесенія Слѣдственной Коммиссіи Погодинъ находилъ неосторожностью правительства, такъ какъ оно, по убѣжденію его, бросало „сѣмя революціи во мнѣніи народа“. Вѣсть о казни „какъ громомъ поразила Погодина“, и онъ не могъ заснуть „до третьго часа“, и ему все мерещились висѣлица, каторга.

Чувствами и мыслями своими по этому поводу онъ дѣлился и съ Кубаревымъ, и съ Трубецкими, и съ Веневитиновымъ. „Пріѣзжалъ Веневитиновъ“ отмѣчаетъ онъ въ своемъ *Дневникѣ*, „всѣ жены ѣдутъ на каторгу. Это дѣлаетъ честь вѣку“. 19 іюля 1826 года, въ Чудовѣ монастырѣ божественную литургію совершалъ архіепископъ Филаретъ; по совершеніи же литургіи со кресты пошли на кремлевскую площадь, гдѣ въ присутствіи императрицы Маріи Ѳеодоровны, великаго князя Михаила Павловича, великой княгини Елены Павловны отправленъ былъ архіепископомъ благодарственный молебенъ „за избавленіе отъ крамолы, угрожавшей бѣдствіемъ всему Россійскому государству“ [49]). Въ числѣ молящихся былъ и Погодинъ, и вотъ что записалъ въ *Дневникѣ*: „Сѣрки наши крестятся, когда звонятъ въ колокола, и восклицаютъ: Матушка наша Государыня, когда Марія Ѳеодоровна раскланивалась по сторонамъ“ [50]).

VI.

16 іюля 1826 года выѣхалъ изъ Царскаго Села императоръ Николай I въ Москву для священнаго коронованія и 21-го прибылъ въ Петровскій дворецъ. Въ это же почти время возвратился въ Москву и Погодинъ, размышляя о странныхъ явленіяхъ въ свѣтѣ. „Здѣсь", думалъ онъ, „вѣшаютъ на висѣлицѣ энтузіаста, тамъ солдаты собираютъ сумму и посылаютъ отъ своего имени пушку грекамъ, тамъ дѣлаютъ опыты надъ паровыми ружьями, тамъ жгутъ Руссо и Вольтера, рѣжутъ янычаръ"; 25 іюля происходилъ торжественный въѣздъ императора въ древнюю столицу. Многія тысячи сопровождали это царственное шествіе отъ Петровскаго Дворца до самаго Кремля [51]). Въ числѣ этихъ тысячей находился и Погодинъ, который примѣтилъ, что „государь былъ пасмуренъ, государыня худа, мальчикъ хорошъ". Въ ожиданіе коронаціи Погодину вздумалось съѣздить въ Нижній на ярмарку. Взявъ отпускъ у „пасмурнаго" Антонскаго, онъ отправился искать попутчика. Отъ купца Ширяева онъ узналъ, что на ярмарку ѣдетъ его подрядчикъ, и онъ уговорился съ нимъ ѣхать. Наканунѣ Преображенія выѣхалъ изъ Москвы, но пробылъ на ярмаркѣ всего только три дня, торопясь обратно къ коронаціи. На дорогѣ онъ разговорился со своимъ ямщикомъ о 1812 годѣ. „Вотъ французъ", сказалъ ямщикъ, „пришелъ въ Москву, ушелъ и Богъ знаетъ, куда дѣвался. Слѣдъ простылъ". „Онъ умеръ, другъ мой", отвѣчалъ ему Погодинъ. „А гдѣ же?" „Далеко, за моремъ, на островѣ. Его туда услали". „Давно ли?" „Лѣтъ семь". Поѣздку свою въ Нижній Погодинъ описалъ въ письмахъ къ княжнѣ Александрѣ Ивановнѣ; но мы, къ сожалѣнію, не имѣли въ рукахъ этого источника [52]).

Наконецъ, наступило 22 августа 1826 года, день Священнаго Коронованія. При вступленіи Императора въ Успенскій Соборъ Филаретъ, въ этотъ день возведенный въ санъ митрополита, произнесъ „Благочестивѣйшій Государь! Нако-

нецъ ожиданіе Россіи совершается. Уже Ты предъ вратами Святилища, въ которомъ отъ вѣковъ хранится для Тебя Твое наслѣдственное освященіе.

Нетерпѣливость вѣрноподданничечкихъ желаній дерзнула бы вопрошать: по что Ты умедлилъ? еслибы не знали мы, что какъ настоящее торжественное пришествіе Твое намъ радость, такъ и предшествующее умедленіе Твое было намъ благодѣяніе. Не спѣшилъ ты явить намъ Твою славу, потому что спѣшилъ утвердить нашу безопасность. Ты грядешь, наконецъ, яко Царь не только наслѣдованнаго Тобою, но и Тобою сохраненнаго Царства.

Не возмущаютъ ли при семъ духа Твоего прискорбныя напоминанія? Да не будетъ! И кроткій Давидъ имѣлъ Іоава и Семея; не дивно, что имѣлъ ихъ и Александръ Благословенный. Въ царствованіе Давида прозябли сіи плевелы; а преемнику его досталось очищать отъ нихъ землю Израилеву; что жъ, если и преемнику Александра палъ сей жребій Соломона?—Трудное начало царствованія тѣмъ скорѣе показываетъ, что даровалъ ему Богъ въ Соломонѣ.

Ничто, ничто да не препятствуетъ священной радости Твоей и нашей! *Царь возвеселится о Господѣ. Сынове Сіона возрадуются о Царѣ своемъ. Да начнетъ все множество хвалити Бога: Благословенъ грядый Царь во имя Господне*! Всеобщая радость, воспламеняя сердца, да устроитъ изъ нихъ одно кадило предъ Богомъ, чтобы совознести ѳиміамъ Твоего сердца, да снидетъ благодатное осѣненіе Царя Царствующихъ на Тебя и Твое царство.

Вниди, Богоизбранный и Богомъ унаслѣдованный Государь Императоръ! Знаменіями величества облеки свойства истиннаго величества: *Помазаніе отъ Святаго* да запечатлѣетъ все сіе освященіемъ внутреннимъ и очевиднымъ, долгоденственнымъ и вѣчнымъ“ [53]). По свидѣтельству современниковъ, рѣчь эта „тронула Монарха до слезъ“ [54]). Этотъ день своею величавостью тронулъ сердце и нашего героя. Онъ надѣлъ мундиръ и отправился въ Кремль, на который въ это время были

обращены очи всего міра. „На силу продрался“ туда. „Царь идетъ“, читаемъ въ его *Дневникѣ*, „звонъ колоколовъ, стукъ оружія, пушечные выстрѣлы, движеніе. Прекрасно. Молись, Россія! Дѣйствіе священное совершается. Какая торжественная минута!“. Но вмѣстѣ Погодина интересовали и награды, послѣдовавшія послѣ Коронаціи, по поводу которыхъ онъ замѣтилъ, что „министерство просвѣщенія осталось въ сторонѣ“. Послѣ Коронаціи послѣдовалъ въ Москвѣ цѣлый рядъ торжествъ и увеселеній; но Погодину удалось быть только на придворномъ маскарадѣ, который происходилъ 1-го сентября въ Императорскомъ Театрѣ. Еще за нѣсколько дней, онъ сталъ хлопотать о билетѣ, который помогъ ему достать Веневитиновъ; но для этого необходимо имѣть домино. „Такъ и быть“, соображаетъ Погодинъ, „его можно послѣ на подкладку“. Когда Веневитиновъ вручилъ ему билетъ, то онъ также замѣтилъ, что „паркетъ опасенъ, хотя и ступеней нѣтъ“. Но тѣмъ не менѣе Погодинъ „нарядился“ и отправился въ маскарадъ вмѣстѣ съ Соболевскимъ. „Видѣлъ“, отмѣчаетъ онъ въ своемъ *Дневникѣ*, „Мармона и герцога Девонширскаго. Прекрасная зала, освѣщеніе, публика. Какъ обрадовались Трубецкіе, которыхъ на-силу отыскалъ я. Прелесть Александра Ивановна“ [55]). Погодинъ остался ужинать и ночевалъ у Веневитонова, который разсказывалъ ему о княгинѣ Волконской. Пользуясь этимъ случаемъ, и намъ надлежитъ помянуть хоть нѣсколькими словами эту замѣчательную особу.

Жизнь княгини Зинаиды Александровны Волконской возбуждаетъ живѣйшее любопытство. Она была дочь оберъ-шенка князя Александра Михайловича Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго (1752—1809), роднаго по матери племянника графовъ Чернышевыхъ, столь извѣстныхъ въ Елисаветинское и Екатерининское царствованія. Князь Бѣлосельскій былъ страстный любитель словесности. Онъ былъ литературнымъ воспитателемъ своей дочери. Мать княгини Зинаиды Александровны была Варвара Яковлевна Татищева, племянница славнаго Петра Дмитріевича Еропкина. Съ малолѣтства княгиня Вол-

конская окружена была памятниками ума и произведеніями искусства. Она вышла за-мужъ за родного внука фельдмаршала князя Репнина егермейстера князя Никиту Григорьевича Волконскаго († 1844). Ея прекрасная наружность, ея умъ и разнообразныя дарованія обратили на нее общее вниманіе при первомъ вступленіи ея въ свѣтъ. Императоръ Александръ I любилъ бывать въ ея обществѣ особенно въ Теплицѣ и въ Прагѣ въ 1813 году, потомъ въ Парижѣ, и въ эпоху конгрессовъ Вѣнскаго и Веронскаго. Блестящимъ періодомъ жизни ея были года 1813—1831 [56]). Еще Батюшковъ въ 1818 году писалъ къ Е. Ѳ. Муравьевой изъ Одессы „сію минуту иду къ княгинѣ Зинаидѣ съ Сенъ-При; она здѣсь поселилась, и все у ногъ ея. Она, говорятъ, поетъ прелестно и очень любезна" [57]). Она знала по-гречески и полатыни и находилась въ дружескихъ сношеніяхъ съ извѣстнымъ ученымъ Гульяновымъ. „Княгиню", писалъ о ней С. Т. Шевыревъ А. В. Веневитинову, „чѣмъ ближе видишь, тѣмъ больше любишь и уважаешь. Еи стихія—Римъ. Въ ней врожденная любовь къ искусству. О, еслибы она въ молодости писала по-русски. У насъ бы поняли, въ чемъ состоитъ деликатность и эстетизмъ стиля. Она создала бы у насъ Шатобіанову прозу. Да у насъ и не понимаютъ тонкости ея выраженій: у насъ требуютъ огромнаго чего-то. Я самъ не понималъ ея прежде, ибо жилъ въ другой сферѣ. Княгиню поймешь только у нея въ гостинной, и то, когда станешь къ ней ходить чаще. Да, я къ ней приглядѣлся, что это, какъ сравнить ее съ другими! Какъ она выше ихъ!"

Съ 1824 по 1829 г. княгиня Волконская жила въ Москвѣ, въ богатомъ домѣ брата своего у Тверскихъ воротъ, который она умѣла обратить въ настоящую академію наукъ и искусствъ. Она страстно занялась русскою словесностью, изученіемъ русскихъ древностей и народнаго быта. По поводу своего избранія въ члены Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ княгиня написала письмо на имя предсѣдателя, въ которомъ предлагала учре-

дить при Обществѣ патріотическую бесѣду, коей главная цѣль была бы знакомить иностранныя государства „съ учеными памятниками нашего Отечества". Она украшала свой домъ оригиналами и копіями знаменитѣйшихъ произведеній живописи и ваянія. Веневитиновъ, Соболевскій, Шевыревъ, Погодинъ, Кирѣевскіе, Хомяковы встрѣчались на ея вечерахъ съ княземъ Вяземскимъ, Пушкинымъ, Мицкевичемъ, Баратынскимъ и другими знаменитостями. Извѣстный музыкантъ Геништa посвящалъ княгинѣ свои романсы. Наконецъ, княгиня Волконская принимала участіе въ литературныхъ упражненіяхъ архивныхъ юношей и вмѣстѣ съ ними писала повѣсти и сказки. Одно изъ такихъ произведеній, озаглавленное *Пампушки*, хранится въ семейномъ архивѣ М. А. Веневитинова; княгинѣ Волконской въ этой повѣсти принадлежитъ нѣсколько страницъ, испещренныхъ поправками С. П. Шевырева, который былъ ея домашнимъ человѣкомъ [58]).

Гостепріимный ея домъ открытъ былъ также и для нашего знаменитаго путешественника Андрея Николаевича Муравьева. „Домъ Бѣлосельскихъ", пишетъ онъ, „былъ мнѣ особенно близокъ какъ по родственнымъ связямъ, такъ и потому, что младшій братъ княгини Волконскій воспитывался вмѣстѣ со мною. Часто бывалъ я на вечерахъ и маскарадахъ, и тутъ однажды по моей неловкости случилось мнѣ сломать руку колоссальной гипсовой статуи Аполлона, которая украшала театральную залу. Это навлекло мнѣ злую эпиграму Пушкина" [59]). Въ ея же домѣ провела свой прощальный вечеръ 26 декабря 1826 года ея невѣстка княгиня Марія Николаевна Волконская предъ отъѣздомъ своимъ въ Сибирь вмѣстѣ съ мужемъ княземъ Сергѣемъ Григорьевичемъ, и вечеръ этотъ трогательно описалъ Алексѣй Владимировичъ Веневитиновъ [60]).

Пушкинъ посылая княгинѣ З. А. Волконской свою поэму *Цыганы*, писалъ ей.

Среди разсѣянной Москвы
При толкахъ виста и бостона,
При бальномъ лепетѣ молвы
Ты любишь игры Аполлона.

Царица музъ и красоты,
Рукою нѣжной держишь ты
Волшебный скипетръ вдохновеній,
И надъ задумчивымъ челомъ,
Двойнымъ увѣнчаннымъ вѣнкомъ,
И вьется и пылаетъ геній.
Пѣвца, плѣненнаго тобой,
Не отвергай смиренной дани,
Внемли съ улыбкой голосъ мой,
Какъ мимоѣздомъ Каталани
Цыганкѣ внемлетъ кочевой.

И вся эта совокупность благопріятныхъ условій въ Московскомъ домѣ княгини З. А. Волконской, какъ часто бываетъ у насъ, пропало для Россіи быстро и безвозвратно.

VII.

Успѣхъ *Ураніи* ободрилъ какъ Погодина съ Шевыревымъ, такъ и друзей ихъ. Погодинъ съ Веневитиновымъ составили планъ изданія другого литературнаго сборника, посвященнаго переводамъ изъ классическихъ писателей древнихъ и новыхъ, подъ заглавіемъ *Гермесъ*. Это предпріятіе дало поводъ къ частымъ и оживленнымъ собраніямъ друзей. Въ это же время Погодинъ былъ до безконечности обрадованъ пріобрѣтеніемъ отъ сына Шлецера книгъ и портрета его знаменитаго отца *) „Сокровище!“, восклицаетъ Погодинъ въ своемъ *Дневникѣ*, „былъ у Веневитиновыхъ и призвалъ ихъ на поклоненіе Шлецеру“. Наканунѣ Рождества Богородицы у него былъ обѣдъ, на которомъ присутствовали Шевыревъ, Оболенскій и „отчасти“ Веневитиновъ. Разсуждали объ изданіи *Гермеса*. Въ бумагахъ Погодина уцѣлѣло оглавленіе, написанное Шевыревымъ, изъ какихъ авторовъ и кому надо переводить отрывки для помѣщенія въ *Гермесъ*. Изъ Геродота долженъ былъ перевести самъ Шеверевъ, изъ Ѳукидида—Титовъ, изъ

*) Въ настоящее время портретъ Шлецера пріобрѣтенъ отъ наслѣдниковъ Погодина графомъ С. Д. Шереметевымъ и пожертвованъ имъ въ Императорское Общество Любителей Древней Письменности.

Ксенофонта—Веневитиновъ, изъ Поливія—Оболенскій, изъ Плутарха—Рожалинъ, изъ Ливія—А. Н. Муравьевъ, изъ Саллюстія—Погодинъ, изъ Тацита—Кубаревъ, изъ Маккіавели—Погодинъ, изъ Ансильона—Мальцовъ, изъ Миллера—Погодинъ, изъ Шлецера—Погодинъ, изъ Гердера—Шевыревъ, изъ Геерена—Рожалинъ, изъ Шиллера—Мальцовъ. Наконецъ 20 сентября 1826 все собраніе „въ запуски" порѣшило издавать *Гермесъ* [61]). Но Погодинъ, оставаясь вѣрнымъ своему старому и любезному наставнику Мерзлякову, не рѣшался предпринимать никакого дѣла, не испросивъ предварительно его, такъ сказать, благословенія, тогда какъ Веневитиновымъ Мерзляковъ могъ быть въ то время недоволенъ за его разборъ своего разсужденія *О началѣ и духѣ древней трагедіи*, разборъ съ эпиграфомъ Amicus Plato, magis amica veritas, начинавшійся такъ: „Прискорбно для любителя отечественной словесности возставать на мнѣнія вѣрнаго ея жреца въ то самое время, когда онъ приноситъ ей въ даръ новый плодъ своихъ трудовъ и, въ живыхъ переводахъ передавая намъ духъ и красоты древней поэзіи, воздвигаетъ памятникъ изящному вкусу и чистому Русскому языку; но чѣмъ отличнѣе заслуги г. Мерзлякова на поприщѣ словесности, тѣмъ опаснѣе его ошибки по обширности ихъ вліянія,—и любовь къ истинѣ принуждаетъ нарушить молчаніе, повелѣваемое уваженіемъ къ достойному литератору". Веневитиновъ заключаетъ: „Одна любовь къ наукѣ заставила меня возстать противъ мнѣній г. Мерзлякова. Я увѣренъ, что, если критика моя дойдетъ до него, онъ самъ оправдаетъ въ ней по крайней мѣрѣ намѣреніе, съ которымъ я вооружился противъ собственнаго удовольствія, невольно ощущаемаго при чтеніи такого разсужденія, гдѣ кисть искусная умѣла соединить силу выраженія со всею прелестію разнообразія. *Amicus Plato, sed magis amica veritas*" [62]). Весьма естественно, что Мерзляковъ не могъ быть доволенъ этою статьею Веневитинова, но тѣмъ не менѣе, когда Погодинъ пришелъ къ нему вмѣстѣ съ послѣднимъ, чтобы ис-

просить благословеніе на изданіе *Гермеса*, то онъ принялъ Веневитинова такъ, „какъ будто и не сердился никогда". Черезъ нѣсколько дней послѣ того у Погодина опять обѣдали Веневитиновъ и Титовъ, которые предложили амфитріону странный вопросъ: Былъ ли онъ влюбленъ? „Нѣтъ", отвѣтилъ Погодинъ, „я любилъ только княгиню Голицину и княжну Александру Трубецкую". Замѣтимъ здѣсь кстати, что къ послѣдней особѣ былъ весьма не равнодушенъ самъ Веневитиновъ и пользовался, кажется, взаимностію. Повидимому, Погодинъ пріобрѣталъ въ своемъ другѣ опаснаго соперника; но герой нашъ къ этому относился весьма благодушно. По крайней мѣрѣ, въ *Дневникѣ* его мы читаемъ: „Веневитиновъ и княжна Александра Ивановна. Досадно что ли мнѣ, что онъ заслонилъ меня? Клянусь, что нѣтъ, я одинаково люблю и его, и ее, но что-то непріятное на сердцѣ. Это продолжится недолго. Въ утѣшеніе себя вспоминалъ случаи, въ которые я получалъ знаки ея благосклонности. Я занимаю у нея свое мѣсто. Смотрѣлъ на ихъ танцы. Любовь развиваетъ характеръ, сказалъ мнѣ Веневитиновъ".

Погодинъ даже мечталъ о томъ, чтобы „женить ихъ. Они были бы счастливы" [63]).

Въ то самое время, когда онъ и его друзья были, такъ сказать, въ попыхахъ, рвались работать, думали о журналѣ, программы смѣняли программами, является въ Москву Пушкинъ, который пріѣхалъ 8 сентября 1826 года въ коляскѣ съ фельдъегеремъ, вызванный изъ Михайловскаго уединенія самимъ Императоромъ Николаемъ I. Тотчасъ по прибытіи въ Москву, Пушкинъ имѣлъ счастіе быть представленъ Государю [64]). Императоръ необыкновенно милостиво принялъ нашего знаменитаго писателя и, сколько извѣстно, продолжительно бесѣдовалъ съ нимъ между прочимъ о возмущеніи 14 декабря, о намѣреніяхъ своихъ дать прочное основаніе и направленіе воспитанію юношества и вообще народному образованію [65]). Впослѣдствіи во всѣхъ случаяхъ жизни своей Пушкинъ вспоминалъ о наставленіяхъ, преподанныхъ ему въ

это время отеческою снисходительностію Монарха, не иначе, какъ съ чувствомъ благоговѣнія и умиленія [66]).

Его я просто полюбилъ.
О нѣтъ, хоть юность въ немъ кипитъ,
Но не жестокъ въ немъ духъ державный:
Тому, кого караетъ явно,
Онъ въ тайнѣ милости творитъ.

Текла въ изгнаньѣ жизнь моя.
Влачилъ я съ милыми разлуку,
Но онъ мнѣ царственную руку
Подалъ—и съ вами снова я!

Во мнѣ почтилъ онъ вдохновенье,
Освободилъ онъ мысль мою,
И я ль въ сердечномъ умиленьѣ
Ему хвалы не воспою?

Семейство Пушкиныхъ было нетолько знакомо, но состояло даже въ родствѣ съ семействомъ Веневитиновыхъ. Чрезъ нихъ и чрезъ князя Вяземскаго Пушкинъ познакомился съ Погодинымъ и съ его друзьями. На другой день по пріѣздѣ его въ Москву Погодинъ отмѣчаетъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Пушкинъ пріѣхалъ! Ѣхать къ нему убѣдилъ Веневитиновъ. Онъ поѣхалъ одѣваться. Я одѣлся. Воротился и отговорилъ: что за поклоненіе, какъ приметъ“. Въ то время, когда рѣшался вопросъ: ѣхать или не ѣхать къ Пушкину, между двумя друзьями завязался раговоръ о предметѣ общаго ихъ поклоненія: „объ ея характерѣ, умѣ, о шалостяхъ“. Въ это же время Веневитиновъ сообщилъ ему о содержаніи „своего затѣяннаго романа“, который очень понравился Погодину. Между тѣмъ самъ Веневитиновъ узналъ о пріѣздѣ Пушкина въ Москву отъ княжны Александры Ивановны Трубецкой на балѣ у французскаго посла маршала Мармона, и вотъ какимъ образомъ. Стояли они на этомъ балѣ противъ Государя и княжна сказала Веневитинову: „Я теперь смотрю *de meilleur oeil* на Государя, потому что онъ возвратилъ Пушкина“. Когда Веневитиновъ сообщилъ объ этомъ самому Пушкину, то онъ сказалъ: *Ахъ, душенька, везите меня скорѣе къ ней,*

Съ сими словами Веневитиновъ поѣхалъ къ Трубецкимъ и передалъ ихъ княжнѣ Александрѣ Ивановнѣ, которая при этомъ „покраснѣла, какъ маковъ цвѣтъ“.

На третій день по пріѣздѣ въ Москву 10 сентября 1826 года Пушкинъ читалъ у Веневитиновыхъ своего *Бориса Годунова*. „Веневитиновъ“, отмѣчаетъ въ *Дневникѣ* Погодинъ, „вѣрно спрашивалъ у Соболевскаго, нельзя ли какъ нибудь пригласить меня, и вѣрно получилъ отвѣтъ отрицательный. Мнѣ больно и досадно“; но Погодинъ успокоивалъ себя такимъ разсужденіемъ: „Веневитиновъ можетъ говорить съ Пушкинымъ, а я что буду съ своими *Афоризмами*? Да вѣдь и у Пушкина афоризмы“. На другой день Веневитиновъ разсказывалъ Погодину о вчерашнемъ днѣ: „*Борисъ Годуновъ* чудо. У него еще Самозванецъ, Моцартъ и Сальери, Наталья Павловна, продолженіе Фауста, 8-я пѣснь Онѣгина“. На этомъ же вечерѣ рѣшилась участь и *Гермеса* „Альманахъ не надо издавать“, сказалъ Пушкинъ, „пусть Погодинъ издаетъ въ послѣдній разъ, а послѣ станемъ издавать журналъ, кого бы редакторомъ“? Въ тотъ же день Веневитиновъ познакомилъ Погодина съ Пушкинымъ. „Мы съ вами давно знакомы“, сказалъ онъ, увидя Погодина, „и мнѣ очень пріятно утвердить и укрѣпить наше знакомство иначе“.

При первой этой встрѣчѣ Пушкинъ не произвелъ на Погодина особеннаго впечатлѣнія, по крайней мѣрѣ вотъ что отмѣтилъ послѣдній въ *Дневникѣ*: „превертлявый и ничего не обѣщающій снаружи человѣкъ“ [67]).

16 сентября 1826 года были столы и увеселенія для народа на Дѣвичьемъ полѣ. Императоръ и Императрица изволили прибыть въ полдень на мѣсто празднества и были встрѣчены радостными восклицаніями народа, покрывавшаго все пространство обширнаго Дѣвичьяго поля [68]). Чтобы посмотрѣть на праздникъ, Погодинъ вмѣстѣ съ Соболевскимъ и Мельгуновымъ „пошелъ въ народъ“. Впечатлѣніе, произведенныя на него этимъ праздникомъ, онъ отмѣтилъ въ своемъ *Дневникѣ:* „Пріѣхалъ Царь. Бросились. Славное дви-

женіе! Сцены на горахъ. Скиѳы бросились обдирать холстъ, ломать галлереи. Каковы! Куда попрыгали и комедіанты. Веревки изъ-подъ нихъ понадобились. Какъ били чернь. Недоставайся никому. Народъ ломитъ дуромъ. Мы дожидались, что будутъ бросать билеты, крѣпостному воля, а государеву деньги. Къ 5-ти на полѣ было пусто. Въ этотъ день Погодинъ обѣдалъ у Трубецкихъ вмѣстѣ съ Пушкинымъ, который, обращаясь къ нему, сказалъ: „Жаль, что на этомъ праздникѣ было мало драки, мало движенія“. На это Погодинъ отвѣтилъ, „что этому причиною бѣлое и красное вино, если бы было Русское, то...“

Вскорѣ послѣ того Погодинъ зашелъ къ князю П. А. Вяземскому и вмѣстѣ отправились къ Трубецкимъ. По прибытіи князь Вяземскій, обращаясь къ княжнамъ Трубецкимъ и указывая на Погодина, сказалъ: „Мы вездѣ были вмѣстѣ и я никакъ не хотѣлъ уступить ему, чтобы онъ былъ у васъ одинъ“. Смѣялись [69]).

Пушкинъ, долго лишенный удовольствій столицы, по пріѣздѣ въ Москву „предался имъ съ энергіей“, а потому Погодину и его друзьямъ нелегко было уговорить его прочесть имъ *Годунова*. Наконецъ, въ *Дневникѣ* Погодина, подъ 10 октября, читаемъ: „Пушкинъ обѣщалъ прочесть *Годунова* во вторникъ, 12 октября. Браво!“ И въ этотъ день „спозаранку“ всѣ собрались къ Веневитиновымъ, которые жили между Мясницкою и Покровкою, на поворотѣ къ Армянскому переулку, и съ трепещущимъ сердцемъ ожидали Пушкина. Въ 12 часовъ онъ является. „Какое дѣйствіе произвело на всѣхъ насъ это чтеніе“, вспоминалъ черезъ 40 лѣтъ Погодинъ, „передать невозможно. До сихъ поръ еще, а этому прошло 40 лѣтъ, кровь приходитъ въ движеніе при одномъ воспоминаніи. Надо припомнить, — мы собрались слушать Пушкина, воспитанные на стихахъ Ломоносова, Державина, Хераскова, Озерова, которыхъ всѣ мы знали наизусть. Учителемъ нашимъ былъ Мерзляковъ. Надо припомнить и образъ чтенія стиховъ, господствовавшій въ то время. Это былъ распѣвъ, завѣщанный фран-

цузскою декламаціей, которой мастеромъ считался Кокошкинъ, и послѣднимъ представителемъ былъ въ наше время графъ Блудовъ. Наконецъ, надо представить себѣ самую фигуру Пушкина Ожиданный нами величавый жрецъ высокаго искусства—это былъ средняго роста, почти низенькій человѣчекъ, вертлявый, съ длинными, нѣсколько курчавыми по концамъ волосами, безъ всякихъ притязаній, съ живыми, быстрыми глазами, съ тихимъ, пріятнымъ голосомъ, въ черномъ сюртукѣ, въ темномъ жилетѣ, застегнутомъ на-глухо, въ небрежно подвязанномъ галстухѣ. Вмѣсто высокопарнаго языка боговъ мы услышали простую, ясную, обыкновенную и между тѣмъ піитическую увлекательную рѣчь!

Первыя явленія выслушаны тихо и спокойно или, лучше сказать, въ какомъ-то недоумѣніи. Но чѣмъ дальше, тѣмъ ощущенія усиливались. Сцена лѣтописателя съ Григоріемъ всѣхъ ошеломила. Мнѣ показалось, что мой родной и любезный Несторъ поднялся изъ могилы и говоритъ устами Пимена, мнѣ послышался живой голосъ русскаго древняго лѣтописателя. А когда Пушкинъ дошелъ до разсказа Пимена о посѣщеніи Кириллова монастыря Іоанномъ Грознымъ, о молитвѣ иноковъ „да ниспошлетъ Господь покой его душѣ страдающей и бурной", мы просто всѣ какъ будто обезпамятѣли. Кого бросало въ жаръ, кого — въ ознобъ. Волосы поднимались дыбомъ. Не стало силъ воздерживаться. Кто вдругъ вскочитъ съ мѣста, кто вскрикнетъ. То молчаніе, то взрывъ восклицаній, напримѣръ, при стихахъ Самозванца:

Тѣнь Грознаго меня усыновила,
Димитріемъ изъ гроба нарекла,
Вокругъ меня народы возмутила,
И въ жертву мнѣ Бориса обрекла.

Кончилось чтеніе. Мы смотрѣли другъ на друга долго, и потомъ бросились къ Пушкину. Начались объятія, поднялся шумъ, раздался смѣхъ, полились слезы, поздравленія. Эванъ, эвое, дайте чаши!

Явилось шампанское, и Пушкинъ одушевился, видя такое

свое дѣйствіе на избранную молодежь. Ему было пріятно наше волненіе. Онъ началъ намъ, поддавая жару, читать пѣсни о Стенькѣ Разинѣ, какъ онъ выплывалъ ночью по Волгѣ на востроносой своей лодкѣ, предисловіе къ Руслану и Людмилѣ:

У лукоморья дубъ зеленый,
Златая цѣпь на дубѣ томъ;
И днемъ, и ночью котъ ученый
Все ходитъ по цѣпи кругомъ,
Идетъ направо—пѣснь заводитъ,
Налѣво—сказку говоритъ.

Потомъ Пушкинъ началъ разсказывать о планѣ Дмитрія Самозванца, о палачѣ, который шутитъ съ черною, стоя у плахи на Красной площади въ ожиданіи Шуйскаго.

О, какое удивительное то было утро, оставившее слѣды на всю жизнь. Не помню, какъ мы разошлись, какъ докончили день, какъ улеглись спать. Да едва ли кто и спалъ изъ насъ въ эту ночь. Такъ былъ потрясенъ весь нашъ организмъ.

На другой день, по требованію Пушкина, было назначено чтеніе *Ермака*, только-что оконченнаго и привезеннаго Хомяковымъ изъ Парижа. Погодинъ слушалъ *Ермака*, наблюдая Пушкина, и при этомъ замѣтилъ: „Не отъ меня ли онъ сдѣлалъ гримасу“. По его отзыву, „*Ермакъ* есть картина мозаическая, не настоящая, есть алмазы, но и много стеколъ“, и чтеніе его послѣ *Бориса Годунова* не могло произвести впечатлѣніе на слушателей, и только нѣкоторыя лирическія мѣста вызвали хвалу. „Мы“, говорится далѣе, „почти его не слыхали. Всякій думалъ свое. Въ антрактѣ мнѣ представился образъ Мареы Посадницы, о которой я давно думалъ, искавъ языка. Жуковскаго Орлеанская дѣва дала мнѣ нѣкоторое понятіе объ искомомъ языкѣ, а Борисъ Годуновъ рѣшилъ его окончательно“.

Пушкинъ знакомился съ Погодинымъ и его друзьями все ближе и ближе и видѣлся съ ними очень часто. Шевыреву выразилъ онъ свое удовольствіе за его стихотвореніе *Я есмь*,

и прочелъ наизусть нѣсколько стиховъ. Погодину сказалъ любезности за его повѣсти, напечатанныя въ *Ураніи* [70]). Сближеніе Погодина и его друзей съ Пушкинымъ послужило основаніемъ *Московскаго Вѣстника*.

VIII.

Толки о журналѣ, начатые еще въ 1824 году въ обществѣ Раича, вслѣдствіе сближенія съ Пушкинымъ Погодина и его друзей, усилились. Множество дѣятелей молодыхъ, ретивыхъ было, такъ сказать, на лицо. „Помолясь", Погодинъ отправился къ Пушкину. „Журналъ благословляетъ", восклицаетъ онъ въ своемъ *Дневникѣ*. Послѣ многихъ переговоровъ редакторомъ назначенъ былъ Погодинъ, въ помощники ему былъ избранъ Рожалинъ. Много толковъ было о заглавіи. Рѣшено: *Московскій Вѣстникъ*. Рожалинъ собственноручно написалъ *Ultimatum:* „Я (т. е. Погодинъ), нижеподписавшійся, принимая на себя редакцію журнала, обязуюсь:

1) Помѣщать статьи съ одобренія главныхъ сотрудниковъ: Шевырева, Титова, Веневитинова, Рожалина, Мальцова и Соболевскаго по большинству голосовъ.

2) Платить съ проданныхъ тысячи двухсотъ экземпляровъ десять тысячъ А. С. Пушкину.

3) Платить означеннымъ сотрудникамъ по сто рублей за листъ сочиненія и по пятидесяти — за листъ перевода.

4) Выписывать книгъ и журналовъ на четыре тысячи рублей съ общаго согласія означенныхъ сотрудниковъ.

5) Платить за печатаніе и прочія издержки журнала.

6) Всѣ остальныя деньги предоставляются редактору за редакцію и прочія издержки.

Если подписчиковъ будетъ менѣе 1,200, то плата раскладывается пропорціонально.

Помощникомъ редактора назначается Рожалинъ съ жалованьемъ шести сотъ рублей. Онъ долженъ имѣть въ своемъ

вѣдѣніи продажу журнала. Деньги же имѣютъ быть доставляемы отъ книгопродавца къ редактору.

Матеріалы для журнала должны храниться у редактора.

Если подписчиковъ будетъ болѣе 1,200, то плата главнымъ сотрудникамъ увеличивается пропорціонально, полагая редактору прибавки на шесть тысячъ. Остальная же сумма предоставляется на разныя общеполезныя предпріятія по усмотрѣнію редакціи. „Этотъ *Ultimatum* подписалъ: М. Погодинъ. Согласіе съ изложеннымъ въ немъ подтвердили своею подписью: Д. Веневитиновъ, Н. Рожалинъ, С. Соболевскій.

Рожденіе *Московскаго Вѣстника* положено отпраздновать общимъ обѣдомъ всѣхъ сотрудниковъ. На этотъ обѣдъ былъ приглашенъ Мицкевичъ. По свидѣтельству князя П. А. Вяземскаго, „въ двадцатыхъ годахъ Мицкевичъ былъ въ Москвѣ и въ Петербургѣ въ родѣ почетной ссылки. Въ томъ и другомъ городѣ сблизился онъ со многими русскими писателями и радушно принятъ былъ въ лучшее общество. Были ли у него и тогда потаенныя, заднія или передовыя мысли, рѣшить трудно. Оставался онъ кровнымъ полякомъ и тогда, это несомнѣнно, но озлобленія въ немъ не было“. Мицкевичъ, по справедливому замѣчанію князя Вяземскаго, „какъ Байронъ, какъ Пушкинъ, не могъ быть дѣйствующимъ политическимъ лицомъ. Онъ былъ и выше, и ниже этой роли. Каждому дана своя доля. Конечно, подобныя натуры могутъ, какъ видѣли мы въ Байронѣ, принести себя на жертву идеѣ или служенію предназначенной себѣ цѣли. Онѣ, по своей раздражительной впечатлительности могутъ увлекаться мнѣніями и волненіемъ того и другого лагеря. Но тогда изъ владыкъ на почвѣ имъ родной становятся онѣ на чужой сценѣ игралищами и невольниками часто мелкихъ и своекорыстныхъ политическихъ подрядчиковъ“. Разсказываютъ, что Пушкинъ, встрѣтясь гдѣ-то на улицѣ съ Мицкевичемъ, посторонился и сказалъ: „Съ дороги двойка, тузъ идетъ“. На это Мицкевичъ тутъ-же отвѣчалъ: „Козырная двойка туза бьетъ“ [71]). Доказательствомъ сочувствія, которое питали къ

Мицкевичу, можетъ служить и участіе его на этомъ братскомъ обѣдѣ. 24 октября 1826 года собрались въ домѣ, бывшемъ Хомякова, на Кузнецкомъ мосту: Пушкинъ, Мицкевичъ, Баратынскій, два брата Веневитиновыхъ, два брата Хомяковыхъ, два брата Кирѣевскихъ, Шевыревъ, Титовъ, Мальцевъ, Рожалинъ, Раичъ, Рихтеръ, Оболенскій, Соболевскій, Погодинъ. „И какъ подумаешь“, вспоминалъ Погодинъ, „изъ всего этого сборища осталось въ-живыхъ только тричетыре человѣка, да и тѣ по разнымъ дорогамъ! *). Нечего описывать, какъ веселъ былъ этотъ обѣдъ. Сколько тутъ было шуму, смѣху, сколько разсказано анекдотовъ, плановъ, предположеній! Напомню одинъ, насмѣшившій все собраніе. Оболенскій, адъюнктъ греческой словесности, добрѣйшее существо, какое только можетъ быть, подпивъ за столомъ, подскочилъ послѣ обѣда къ Пушкину, и взъерошивая свой хохликъ, любимая его привычка, воскликнулъ: „Александръ Сергѣевичъ, Александръ Сергѣевичъ, я единица, единица, а посмотрю на васъ, и покажусь себѣ милліономъ. Вотъ вы кто“! Всѣ захохотали и закричали: „милліонъ, милліонъ!“ [72]) Соболевскій, какъ другъ Пушкина, игралъ важную роль при учрежденіи *Московскаго Вѣстника,* а потому скажемъ объ этомъ въ своемъ родѣ замѣчательномъ человѣкѣ, нѣсколько словъ. Сергѣй Александровичъ Соболевскій по свидѣтельству коротко знавшаго его П. И. Бартенева родился въ Ригѣ 10 сентября 1804 года. Рига была случайнымъ мѣстомъ его рожденія; по первоначальному воспитанію, долговременному жительству и связямъ онъ принадлежалъ преимущественно Москвѣ, хотя имя его было извѣстно въ Парижѣ и Лондонѣ, Римѣ и Мадридѣ. По матери своей Аннѣ Ивановнѣ Лобковой онъ приходился правнукомъ коменданту Петербургской крѣпости временъ Анны и Елисаветы Игнатьеву. Мать его была женщина замѣчательнаго ума и страстно его любила. Соболевскій съ раннихъ лѣтъ получилъ тщательное образованіе.

*) Въ настоящее время изъ этого числа здравствуетъ только одинъ В. П. Титовъ.

Изъ Москвы его отправили въ Петербургъ въ Благородный пансіонъ при Педагогическомъ институтѣ, гдѣ учителями его были Куницынъ, Арсеньевъ, Галичъ, Раупахъ, Германъ; а въ числѣ товарищей композиторъ Глинка и Левъ Сергѣевичъ Пушкинъ, черезъ котораго Соболевскій сблизился съ его братомъ, Баратынскимъ, Дельвигомъ и другими писателями. По возвращеніи въ Москву онъ поступилъ на службу въ Московскій архивъ къ А. Ѳ. Малиновскому и занялъ видное мѣсто въ ряду блестящей тогда московской молодежи, такъ называемыхъ архивныхъ юношей. Мать не щадила для него издержекъ. Онъ жилъ въ Москвѣ роскошнымъ баловнемъ фортуны, блистая на московскихъ гульбищахъ, собирая у себя умную и талантливую молодежь, но всегда вѣрный любви къ просвѣщенію и чувству изящнаго. Въ это время онъ сблизился съ Мицкевичемъ, тогдашнимъ чиновникомъ канцеляріи князя Д. В. Голицына. Мицкевичъ и Пушкинъ повѣряли ему свои произведенія до ихъ выхода въ свѣтъ, принимали его совѣты, дорожили его замѣчаніями. Въ немъ самомъ открылся даръ мѣткаго остроумія и чудеснаго стиха. Стихи его, къ сожалѣнію, большею частью нескромные на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ облетали по всѣмъ кружкамъ общества. Его шуточные отзывы и эпиграммы приписывались Пушкину. Соболевскій устранилъ поединокъ послѣдняго съ графомъ Ѳ. И. Толстымъ въ сентябрѣ 1826 года и былъ полезенъ нашему знаменитому писателю впослѣдствіи и въ другихъ общественныхъ столкновеніяхъ, а также и въ дѣлахъ домашняго и денежнаго хозяйства [73]). Сдѣлавъ это необходимое отступленіе, скажемъ, что Погодинъ волею и неволею долженъ былъ ладить съ Соболевскимъ, хотя нельзя сказать, чтобы онъ выносилъ отъ него всегда пріятное впечатлѣніе. Ему приходилось иногда выдерживать съ нимъ споръ о журналѣ, къ коему, по свидѣтельству его, Соболевскій „придумалъ цензоровъ“, а въ число ихъ включилъ и себя. Однажды у Веневитинова, говоря о „піесахъ Пушкина“, Соболевскій разсердилъ Погодина.

„На все смотритъ этотъ чудакъ“, замѣчаетъ онъ, „съ пирожной стороны“ [74]).

Учрежденіе *Московскаго Вѣстника* подъ покровительствомъ Пушкина, само собою разумѣется, не могло быть пріятною новостью для издателя *Московскаго Телеграфа* Н. А. Полевого. Въ *Запискахъ* брата его К. А. Полевого мы находимъ объ этомъ любопытныя свѣдѣнія. Среди торжествъ коронаціи, когда вдругъ разнеслась въ Москвѣ радостная и неожиданная вѣсть, что Императоръ вызвалъ Пушкина изъ его уединенія, и что Пушкинъ въ Москвѣ, „въ числѣ самыхъ счастливыхъ отъ этой вѣсти“, повѣствуетъ Ксенофонтъ Полевой, „былъ и мой братъ, Николай Алексѣевичъ. Оставалось ему укрѣпить личнымъ знакомствомъ нравственный союзъ, *естественно связывающій людей необыкновенныхъ*, и однимъ изъ лучшихъ желаній Николая Алексѣевича было свиданіе съ Пушкинымъ. Онъ тотчасъ поѣхалъ къ нему и воротился домой не въ веселомъ расположеніи духа. Я съ юношескимъ нетерпѣніемъ и любопытствомъ прибѣжалъ къ нему въ комнату, восклицая: —Ну, что? видѣлъ Пушкина?.. разсказывай скорѣе. Съ обыкновенною своею умною улыбкою, онъ поглядѣлъ на меня и отвѣчалъ въ раздумьѣ: —Видѣлъ. —Ну каковъ онъ? —Да я, братецъ, нашелъ въ немъ совсѣмъ не то, чего ожидалъ. Онъ ужасно холоденъ...“ Наконецъ Пушкинъ посѣтилъ Полевыхъ какъ-то вечеромъ вмѣстѣ съ Соболевскимъ. „Этотъ вечеръ“, повѣствуетъ Ксенофонтъ Полевой, „памятенъ мнѣ впечатлѣніемъ, какое произвелъ на меня Пушкинъ, видѣнный мною тутъ въ первый разъ. Когда мнѣ сказали, что Пушкинъ въ кабинетѣ у Николая Алексѣевича, я поспѣшилъ туда, но, проходя черезъ комнату передъ кабинетомъ, невольно остановился при мысли: я сейчасъ увижу его! Съ тревожнымъ чувствомъ отворилъ я дверь... Надобно замѣтить, я представлялъ себѣ Пушкина такимъ, какъ онъ изображенъ на портретѣ, приложенномъ къ первому изданію *Руслана и Людмилы*, т.-е. кудрявымъ, пухлымъ юношею, съ пріятною улыбкою... Передъ конторкою, на которой обыкно-

венно писалъ Николай Алексѣевичъ, стоялъ человѣкъ, немного превышавшій эту конторку, худощавый, съ рѣзкими морщинами на лицѣ, съ широкими бакенбардами, съ тучею кудрявыхъ волосъ. Ничего юношескаго не было въ этомъ лицѣ, выражавшемъ угрюмость, когда оно не улыбалось. Онъ былъ не веселъ, молчалъ, когда рѣчь касалась современныхъ событій, почти презрительно отзывался о новомъ направленіи литературы... Пушкинъ нѣсколько развеселился бутылкой шампанскаго... О *Московскомъ Телеграфѣ* не было и рѣчи... Свиданіе кончилось тѣмъ, что мы съ братомъ остались въ недоумѣніи отъ обращенія Пушкина". Еще болѣе непріятное впечатлѣніе вынесъ о Пушкинѣ самъ Ксенофонтъ Полевой, когда онъ однажды утромъ посѣтилъ его. Пушкинъ въ то время жилъ въ гостинницѣ на Тверской въ домѣ князя Гагарина.

„Тамъ", свидѣтельствуетъ Ксенофонтъ Полевой, „занималъ онъ довольно грязный нумеръ въ двѣ комнаты, и я засталъ его въ татарскомъ серебристомъ халатѣ съ голою грудью, не окруженнаго ни малѣйшимъ комфортомъ. На этотъ разъ онъ былъ въ какомъ-то раздраженіи и тотчасъ началъ рѣчь о *Московскомъ Телеграфѣ*, въ которомъ находилъ множество недостатковъ. Я возражалъ ему, какъ умѣлъ, и разговоръ шелъ довольно запальчиво, когда въ комнату вошелъ г. Шевыревъ, тогда еще начинавшій писатель, и Пушкинъ началъ оказывать Шевыреву самое пріязненное расположеніе, хотя и съ высоты своего величія, тогда какъ со мною онъ разговаривалъ почти, какъ непріятель. Вскорѣ ввалился въ комнату М. П. Погодинъ. Пушкинъ и къ нему обратился дружески. Я увидѣлъ, что я буду лишній въ такомъ обществѣ, и взялся за шляпу. Провожая меня до дверей и пожимая мнѣ руку, Пушкинъ сказалъ: „Sans rancune, je vous en prie!" и захохоталъ тѣмъ простодушнымъ смѣхомъ, который памятенъ всѣмъ знавшимъ его".

Вскорѣ братья Полевые услышали, что Пушкинъ основываетъ свой журналъ, *Московскій Вѣстникъ*, подъ редакціей Погодина. По поводу чего Ксенофонтъ Полевой сар-

кастически замѣчаетъ въ своихъ *Запискахъ*: „Это извѣстіе объяснило намъ многое въ недавнихъ отношеніяхъ Пушкина съ нами, особливо, когда стали извѣстны подробности, какъ заключился такой странный союзъ. Въ самомъ дѣлѣ, странно было, что этотъ *сердечный союзъ* устроился слишкомъ проворно; и сближеніе Пушкина въ важномъ литературномъ предпріятіи съ молодыми людьми, еще ни чѣмъ не доказавшими своихъ дарованій, казалось еще изумительнѣе, когда во главѣ ихъ являлся г. Погодинъ! Гдѣ могъ узнать, и какъ могъ оцѣнить всю эту компанію Пушкинъ, только что пріѣхавшій въ Москву"? Союзъ Пушкина съ редакторомъ и сотрудниками *Московскаго Вѣстника* Ксенофонтъ Полевой объясняетъ такимъ образомъ: „Не невозможно", пишетъ онъ, „что Пушкинъ, несмотря на свои ребяческія, смѣшныя мнѣнія объ аристократствѣ простилъ бы моему брату званіе купца, еслибы тотъ явился предъ нимъ смиреннымъ поклонникомъ. Но когда издатель *Московскаго Телеграфа* протянулъ къ нему руку свою, какъ родной, онъ хотѣлъ показать ему, что такое сближеніе невозможно между потомкомъ бояръ Пушкиныхъ и между смиреннымъ гражданиномъ. Пушкинъ признавалъ своимъ собратомъ самого ничтожнаго барича и оскорблялся, когда въ обществѣ встрѣчали его, какъ писателя, а не какъ аристократа... Такой образъ мыслей", повѣствуетъ далѣе Ксенофонтъ Полевой, „мѣшалъ Пушкину сближеніе его съ Н. А. Полевымъ и естественно заставилъ его легко согласиться на предложеніе безвѣстныхъ молодыхъ людей, которые просили его быть не столько сотрудникомъ, сколько покровителемъ предпринимаемаго ими журнала. И онъ, и они разсчитывали на вѣрный успѣхъ отъ одного имени Пушкина, которому все остальное должно было служить только рамою. Пушкину было очень кстати получать большую плату за свои стихотворенія, печатанныя въ журналѣ, покорномъ ему во всѣхъ отношеніяхъ, и въ этой-то надеждѣ онъ имѣлъ новую причину отдалиться отъ *Московскаго Телеграфа*, который не платилъ и не предлагалъ ему ничего за его сотрудничество,

потому что до 1825 года такъ поступали всѣ журналисты [75])".

Между тѣмъ въ концѣ октября 1826 года Пушкинъ уѣхалъ въ свое Михайловское для приведенія въ порядокъ дѣлъ и преимущественно для разбора и укладки книгъ своихъ, которыя намѣревался отправить въ одну изъ столицъ [76]).

Выслушавъ Полевыхъ, послушаемъ Пушкина, который вотъ что̀ писалъ изъ Михайловскаго отъ 9 ноября 1826 года къ князю П. А. Вяземскому: „Милый мой, Москва оставила во мнѣ непріятное впечатлѣніе, но все-таки лучше съ вами видѣться, чѣмъ переписываться. Къ тому же журналъ.—Я ничего не говорилъ тебѣ о твоемъ рѣшительномъ намѣреніи соединиться съ Полевымъ,- а, ей Богу, грустно. И такъ, никогда порядочные люди вмѣстѣ у насъ ничего не произведутъ! Все въ одиночку. Полевой, Погодинъ, Сушковъ, Завальевскій, кто бы ни издавалъ журналъ—все равно. Дѣло въ томъ, что намъ надобно завладѣть однимъ журналомъ самовластно и единовластно. Мы слишкомъ лѣнивы, чтобъ переводить, выписывать, объяснять etc. etc. Эта черная работа журнала; вотъ зачѣмъ и издатель существуетъ. Но онъ долженъ: 1) знать грамматику русскую, 2) писать со смысломъ, т.-е. согласовать существительное съ прилагательнымъ и связывать ихъ глаголомъ. А этого-то Полевой и не умѣетъ. Ради Христа, прочти первый параграфъ его извѣстія о смерти Румянцева и Ростопчина, и согласись со мной, что ему невозможно довѣрить изданіе журнала, освященнаго нашими именами. Впрочемъ, ничего не ушло. Можетъ быть, не Погодинъ, а я буду хозяинъ новаго журнала. Тогда, какъ ты хочешь, а Полевого мы пошлемъ къ... [77])".

Въ деревнѣ Пушкинъ нашелъ посланіе Языкова, извѣстное *Тригорское*, и съ восторгомъ писалъ ему: „Сейчасъ изъ Москвы, сейчасъ видѣлъ ваше *Тригорское*. Спѣшу обнять и поздравить васъ. Вы ничего лучше не написали, но напишете много лучшаго" [78]). Въ другомъ письмѣ Пушкинъ писалъ Языкову: „Вы знаете по газетамъ, что я участвую въ *Мос-*

ковском Вѣстникѣ, слѣдственно и вы также. Непремѣнно же будьте нашъ. Погодинъ вамъ убѣдительно кланяется, *Тригорское* ваше, съ вашего позволенія, напечатано будетъ въ 2-мъ № *Московскаго Вѣстника*. Рады ли вы журналу? Пора задушить альманахъ. Дельвигъ нашъ. Одинъ Вяземскій остался твердъ и вѣренъ *Телеграфу*,—жаль, но что-жъ дѣлать"?[79]) Но князь П. А. Вяземскій остался „твердъ и вѣренъ" *Телеграфу* по той причинѣ, что былъ „въ полномъ смыслѣ крестнымъ отцомъ *Телеграфа* и измѣнить крестнику своему не хотѣлъ и не могъ". Вотъ что́ повѣствуетъ онъ о происхожденіи *Московскаго Телеграфа*: „Полевой былъ въ то время, т.-е. въ 1824 г., еще литераторомъ in partibus infidelium. Едва ли не противъ меня были обращены первыя дѣйствія его. По крайней мѣрѣ ему приписывали довольно бранное посланіе на имя мое, напечатанное въ *Вѣстникѣ Европы*, въ отвѣтъ на мое извѣстное и также не слишкомъ вѣжливое посланіе къ Каченовскому. Какъ бы то ни было, Полевой со мной познакомился и бывалъ у меня по утрамъ. Однажды засталъ онъ у меня графа Михаила Вельегорскаго. Рѣчь зашла о журналистикѣ. Вьельгорскій спросилъ Полеваго, что́ онъ дѣлаетъ теперь. Да покамѣстъ ничего,—отвѣчалъ онъ.—Зачѣмъ не приметесь вы издавать журналъ? продолжалъ графъ. Тотъ благоразумно отнѣкивался за недостаткомъ средствъ и другихъ приготовительныхъ пособій. Юноша былъ тогда скроменъ и застѣнчивъ. Вьельгорскій настаивалъ и преслѣдовалъ мысль свою; онъ указалъ на меня, что я и пріятели мои не откажутся содѣйствовать ему въ предпріятіи его, и такъ далѣе——дѣло было рѣшено. Вотъ какъ въ кабинетѣ (московскаго) дома моего въ Чернышевомъ переулкѣ зачато было дитя, которое послѣ надѣлало много шума на бѣломъ свѣтѣ. Я закабалилъ себя *Телеграфу*. Почти въ одно время закабалилъ себя Пушкинъ *Московскому Вѣстнику*. Но онъ скоро вышелъ изъ кабалы, а я втерся и въѣлся въ свою всѣми помышленіями и всѣмъ тѣломъ". И князь Вяземскій оставался „твердъ и вѣренъ" *Московскому Телеграфу* до тѣхъ поръ, пока образъ дѣйствія издателя согласовался съ

литературными убѣжденіями князя Вяземскаго. „Литературная совѣсть моя не уступчива, а щекотлива и брезглива. Не умѣетъ она мирволить и входить въ примирительныя сдѣлки [80])“.

Между тѣмъ Погодинъ получилъ въ это время изъ Петербурга оффиціальное разрѣшеніе издавать *Московскій Вѣстникъ* и въ восторгѣ въ своемъ *Дневникѣ* 1826 года, подъ 6 ноября, возглашаетъ: *Ура*!

IX.

Почти одновременно съ Пушкинымъ, т.-е. въ концѣ октября 1826, выѣхалъ изъ Москвы и Д. В. Веневитиновъ. Переѣздомъ въ Петербургъ и поступленіемъ на службу въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ Веневитиновъ обязанъ былъ торжеству коронаціи и наплыву въ Москву представителей высшей администраціи, которые не могли не обратить вниманія на даровитаго юношу. Дѣло въ томъ, что занятія въ Московскомъ Архивѣ у А. Ѳ. Малиновскаго не удовлетворяли молодыхъ людей [81]); а между тѣмъ у Веневитинова, по свидѣтельству Погодина, былъ такой планъ, который, по его собственному сознанію, и „у него былъ нѣкогда“: „Служить, выслуживаться, быть загадкою, чтобы наконецъ, выслужившись, занять значительное мѣсто и имѣть большой кругъ дѣйствія. Это планъ Сикста V-го“ [82]). Но въ то время перейти на службу въ Петербургъ было трудно безъ личныхъ связей. Такія связи чрезъ своихъ родныхъ нашли изъ архивныхъ юношей: А. И. Кошелевъ въ Р. А. Кошелевѣ и князѣ С. И. Гагаринѣ; князь В. Ѳ. Одоевскій въ Васильѣ Сергѣевичѣ Ланскомъ, управлявшемъ въ то время Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ; а Д. В. Веневитинову помогла, по всей вѣроятности, та особа, гостиная которой составляла, какъ мы уже знаемъ, центръ для тогдашней московской молодежи, именно княгиня З. А. Волконская. Съ семействомъ же Веневитиновыхъ Бѣлосельскіе и Волконскіе были въ старинныхъ

пріятельскихъ и даже дружескихъ сношеніяхъ, а потому слово, замолвленное княгинею З. А. Волконскою за Веневитинова, могло имѣть успѣхъ у графа Лаваля и особенно у князя П. М. Волконскаго, а чрезъ послѣдняго и у министра Иностранныхъ Дѣлъ графа Нессельроде.

Въ октябрѣ Веневитиновъ сталъ собираться въ Петербургъ, гдѣ у него уже были на службѣ нѣкоторые товарищи и между прочимъ Ѳедоръ Степановичъ Хомяковъ, который въ это время находился временно въ Москвѣ и, возвращаясь въ Петербургъ, предложилъ Веневитинову ѣхать съ нимъ вмѣстѣ и даже вмѣстѣ жить въ чужомъ для нихъ обоихъ городѣ [83]).

Отъѣздъ Веневитинова изъ Москвы былъ для Погодина очень чувствителенъ, независимо отъ дружбы, между ними завязавшейся, которую герой нашъ запечатлѣлъ посвященіемъ своего перевода *Гецъ фонъ-Берлихингенъ*, трагедіи Гете, „Дмитрію Владиміровичу Веневитинову въ знакъ дружбы посвящаетъ М. Погодинъ 1826. Сентября 21“ [84]). Отъѣздъ Веневитинова былъ также очень чувствителенъ и для *Московскаго Вѣстника*, въ учрежденіи котораго онъ принималъ такое живое и дѣятельное участіе. Впрочемъ, и по переѣздѣ въ Петербургъ, какъ мы увидимъ, Веневитиновъ не охладѣлъ къ этому предпріятію.

Въ описываемое время пріѣхалъ въ Москву изъ Сибири библіотекарь графа Лаваля французъ Воше, провожавшій въ ссылку княгиню Е. И. Трубецкую, рожденную Лаваль. Воше остановился въ домѣ княгини З. А. Волконской. Въ то время все, что имѣло отношеніе къ декабристамъ, подвергалось наблюденію и бдительному надзору полиціи. Въ надеждѣ избавить Воше отъ подозрительности властей княгиня Волконская устроила ему совмѣстную поѣздку въ Петербургъ съ Веневитиновымъ и Хомяковымъ, какъ съ лицами, непричастными къ декабристамъ. Такимъ образомъ сопутничество вышеназванныхъ молодыхъ людей могло вполнѣ обезпечивать француза Воше отъ всякихъ опасеній. Случилось однако иначе. Поѣхали они въ двухъ экипажахъ. Воше сидѣлъ по пере-

мѣнно то съ однимъ, то съ другимъ изъ своихъ сопутниковъ. Путешествіе началось очень благополучно. „Мы пріѣхали въ Торжекъ“, писалъ Веневитиновъ къ своимъ роднымъ „самымъ благополучнымъ образомъ. Я очень радъ путешествовать вмѣстѣ съ Воше, это самый милый малый на свѣтѣ, и я уже полюбилъ его всею душею“ [85]).

Великій Новгородъ вызвалъ изъ сердца Веневитинова слѣдующія вдохновенныя строки:

Ты ль предо мной, о древній градъ,
Довольства, славы и торговли!
Какъ живо сердцу говорятъ
Холмы разсѣянныхъ обломковъ!
Не смолкли въ нихъ твои дѣла,
И слава предковъ перешла
Въ уста правдивыя потомковъ.
О Новгородъ въ вѣковой одеждѣ
Ты предо мной — — —
Твой прахъ гласитъ, какъ бдящій вѣстникъ
О непробудной старинѣ — —
Отвѣтствуй городъ величавый:
Гдѣ времена цвѣтущей славы, — —
И эта гордая волна
Носила дань войны жестокой [86])

Стихотвореніе это Веневитиновъ посвятилъ княжнѣ Александрѣ Ивановнѣ Трубецкой и отправилъ къ Погодину для доставленія по принадлежности, что сей послѣдній исполнилъ въ точности и записалъ въ своемъ *Дневникѣ:* „Отдалъ покраснѣвшей Александрѣ Ивановнѣ *Новгородъ* Веневитинова“ [87]). Послѣдуемъ за нашими путешественниками далѣе. Подъѣзжая къ Петербургу, Воше не избѣгъ обычныхъ вопросовъ на заставѣ и былъ, какъ личность подозрительная, подвергнутъ аресту. Веневитиновъ, сидѣвшій тогда въ одномъ съ нимъ экипажѣ, былъ также арестованъ и просидѣлъ сутки или около двухъ на одной изъ петербургскихъ гауптвахтъ и провелъ это время въ крайне сыромъ, холодномъ и нездоровомъ помѣщеніи. Этотъ арестъ ни въ чемъ неповиннаго Веневитинова имѣлъ для него роковыя послѣдствія. Такъ что, когда Веневитиновъ представлялся своему новому начальству въ

Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ, то директоръ Азіятскаго Департамента, почтенный Родофиникинъ послѣ продолжительнаго съ нимъ разговора былъ пораженъ его болѣзненнымъ видомъ и къ своему отзыву о немъ, какъ о человѣкѣ, подававшемъ большія надежды и обѣщавшемъ Азіятскому Департаменту много пользы вслѣдствіе прекраснаго знанія греческаго языка, прибавилъ при словесномъ докладѣ графу Нессельроде: „Но мы имъ не долго воспользуемся, у него смерть на глазахъ, онъ долженъ скоро умереть" [88]).

Проводивши со слезами Веневитинова, послѣдуемъ за Пушкинымъ и найдемъ въ немъ свое утѣшеніе. „Возвращайтесь!", писала ему княгиня З. А. Волконская, „Московскій воздухъ какъ будто полегче. Великому русскому поэту подобаетъ писать или среди раздолья степей, или подъ сѣнію Кремля; творецъ *Бориса Годунова* принадлежитъ городу царей. Отъ какой матери родился человѣкъ, геній котораго есть сила, изящество, непринужденность, который, являясь то дикаремъ, то европейцемъ, то Шекспиромъ и Байрономъ, то Аріостомъ или Анакреономъ, но всегда оставаясь русскимъ, умѣетъ переноситься отъ лиры къ драмѣ, отъ пѣсенъ, то полныхъ любовной нѣги, то простодушныхъ, то подъ часъ даже суровыхъ, то романтическихъ, то ѣдкихъ — къ важному и безъискусственному тону строгой исторіи" [89]). Между тѣмъ, до высшей власти дошло извѣстіе, что Пушкинъ въ Москвѣ читалъ *Бориса Годунова* еще до представленія этого сочиненія на разсмотрѣніе Государя и за это чрезъ графа Бенкендорфа онъ получилъ легкое замѣчаніе [90]). По этому поводу Пушкинъ изъ Пскова писалъ Погодину: „Милый и почтенный, ради Бога, какъ можно скорѣе остановите въ московской цензурѣ все, что носитъ мое имя. *Такова воля высшаго начальства;* покамѣстъ не могу участвовать и въ вашемъ журналѣ; но все перемелется и будетъ мука, а намъ хлѣбъ да соль. Некогда пояснять; до свиданія скораго. Жаль, что договоръ нашъ не состоялся" [91]). О томъ же писалъ Пушкинъ и Соболевскому: „Освобожденный отъ цензуры, я долженъ однакожъ, прежде

чѣмъ что нибудь печатать, представить оное выше, хотя бы бездѣлицу. Мнѣ уже (очень мило, очень учтиво) вымыли голову. Конечно, я въ точности исполню высшую волю, и для того писалъ Погодину дать знать въ цензуру, чтобы моего ничего нигдѣ не пропускали. Изъ этого вижу для себя большую пользу: освобожденіе отъ альманашниковъ, журнальщиковъ и прочихъ щепетильныхъ литературщиковъ. Остановлюсь у тебя“ [92]).

Это письмо Пушкина дошло до Погодина только 14 декабря и какъ „громомъ поразило его“ [93]). Вскорѣ по полученіи этого письма, Погодина посѣтилъ Соболевскій и объ этомъ посѣщеніи въ *Дневникѣ* Погодина находимъ слѣдующую лаконическую запись: „Былъ поутру невѣжа Соболевскій. Досадно. Пушкинъ пріѣдетъ скоро“ [94]). Въ ожиданіи пріѣзда въ Москву Пушкина посмотримъ какъ провелъ Погодинъ день своихъ именинъ. Имениникъ былъ въ молитвенномъ настроеніи и у него „тихо было на сердцѣ“. По обычаю онъ отпраздновалъ этотъ день съ своими друзьями и ужинъ ему обошелся въ 200 рублей. У него пировали: Калайдовичъ, Строевъ, Троицкій, Норовъ, Андросовъ, Шевыревъ, Титовъ, Оболенскій, Раичъ, Ознобишинъ, Томашевскій, Бычковъ, Кубаревъ, Ан. Н. Муравьевъ, Мальцовъ, Рожалинъ, Соболевскій [95]). Замѣтимъ здѣсь кстати, что, хотя Кубаревъ и былъ въ числѣ пирующихъ друзей, но между старинными друзьями въ это время произошло нѣкое охлажденіе. По крайней мѣрѣ, вотъ что мы читаемъ въ *Дневникѣ* Погодина: „Ходилъ къ обѣднѣ въ Странопріимный домъ графа Шереметева и обѣдалъ у холоднаго и менѣе нравящагося мнѣ теперь Кубарева“ [96]), но за то съ П. М. Строевымъ Погодинъ продолжалъ быть въ дружескихъ отношеніяхъ. Онъ отъ души поздравлялъ нашего Археографа, получившаго въ то время орденъ, и любовался его семейнымъ счастіемъ. „Былъ у Строева“, читаемъ въ *Дневникѣ* Погодина, „и смотрѣлъ на него работающаго предъ женою“ [97]). Они вмѣстѣ трудились въ *Сѣверномъ Архивѣ* Булгарина, который, между прочимъ, писалъ Погодину: „Что

дѣлаетъ добрый, милый, умный и ученый Строевъ, котораго я люблю и который на меня сердится. Нѣсколько присланныхъ имъ малыхъ, но дорогихъ статеекъ лежатъ у меня безъ употребленія. Старая цензура запретила ихъ. Жду, что скажетъ новая“ [98]). Въ это же время Погодинъ сблизился съ Павломъ Александровичемъ Мухановымъ, братомъ несчастнаго декабриста. Судьба любимаго брата поразила его жестоко. Въ занятіяхъ русскою исторіею искалъ онъ утѣшенія въ постигшей его скорби [99]). Такимъ образомъ общая страсть къ русской исторіи и къ книгамъ сблизила Погодина съ Мухановымъ и они до конца жизни оставались друзьями.

Въ это время въ домѣ Трубецкихъ совершилось событіе, о которомъ мы не считаемъ въ правѣ умолчать по близкимъ отношеніямъ Погодина къ этому дому. Въ ту пору рѣшилась судьба княжны Аграфены Ивановны Трубецкой и ей пришлось навсегда разстаться и съ родною ей Покровкой, и съ роднымъ селомъ Знаменскимъ. Сердце ея уже давно принадлежало двоюродному ея брату по матери, флигель-адъютанту Александру Павловичу Мансурову. Состоя съ 1818 г. адъютантомъ при князѣ П. М. Волконскомъ, онъ сопровождалъ Императора Александра I-го во всѣхъ его заграничныхъ путешествіяхъ и снискалъ своими достоинствами благоволеніе Монарха, который принималъ участіе и въ его интимной жизни. Императоръ зналъ о его привязанности къ княжнѣ Трубецкой и выразилъ согласіе, если возможно, устроить ихъ бракъ. Объ этомъ согласіи Императора Александра I сдѣлалось извѣстно и его Преемнику, у котораго наслѣдіемъ оказалось желаніе устроить судьбу Мансурова. Еще лѣтомъ Погодинъ шутилъ съ княжною Аграфеною „о трехъ годахъ, кои полагаетъ срокомъ княгиня для ея замужества“. Наканунѣ Покрова Погодинъ узнаетъ, что княжна выходитъ за Мансурова. „Наконецъ отдохнетъ мученица“, замѣчаетъ онъ въ своемъ *Дневникѣ*. На другой день онъ сообщаетъ объ этомъ своему другу Веневитинову, который очень этому обрадовался; а 12 ноября 1826 года Погодинъ уже пи-

руетъ на брачномъ пиру и потомъ записываетъ въ своемъ *Дневникѣ* слѣдующее: „Къ Трубецкимъ. Убираніе, благословеніе, прощаніе дѣвушки съ домомъ отеческимъ. Хотѣлось въ церковь. Ужиналъ много. Шампанское поздравительное“ [100]). Когда Веневитиновъ, уже будучи въ Петербургѣ, узналъ объ этомъ, то писалъ Погодину: „Засвидѣтельствуй мое почтеніе Аграфенѣ Ивановнѣ и княжнѣ. Дай Богъ, чтобы онѣ были столько же счастливы и веселы, сколько они добры и снисходительны. А я умѣю цѣнить ихъ благосклонность и быть благодарнымъ“ [101]). Однажды Погодинъ посѣтилъ новобрачныхъ, и Аграфена Ивановна разсказала ему „исторію любви своей съ А. П. Мансуровымъ“. „Достойная женщина!“, восклицалъ Погодинъ [102]). Но, 54-е правило Вселенскаго Собора повелѣваетъ: *Да не попустиши двоюродной сестрѣ сочетатися бракомъ съ двоюроднымъ братомъ... Если же что таковое сдѣлано будетъ, по расторженіи брака виновные да подвержены будутъ семилѣтней епитиміи*; а потому противъ этого брака, какъ анти-церковнаго, возставала мать новобрачной, благочестивая княгиня Екатерина Александровна и строгій блюститель церковныхъ законовъ митрополитъ московскій Филаретъ. Радостно и поучительно внимать глаголамъ, преподаваемымъ по этому поводу Святителемъ Московскимъ князю Александру Николаевичу Голицыну: „Московская церковь молитъ Бога, да обратитъ проницательный взоръ Благочестивѣйшаго Государя на дѣло правосудія церковнаго къ охраненію священныхъ правилъ и къ отвращенію всякаго соблазна. О неприкосновенности правила Вселенскаго Собора, котораго предѣлъ если преступить, то неизвѣстно будетъ, на чемъ остановиться. О томъ, чтобы не распространять въ народѣ неблагопріятныхъ впечатлѣній, особенно во времена, требующія всякой осторожности. О достойномъ употребленіи именъ священныхъ и высокихъ, т.-е. царскихъ. Епископъ связанъ священными узами, и какъ подниметъ руку сокрушить ихъ? И если подниметъ, какъ послѣ сего будетъ вѣрить его суду Церковь и православный Государь. Умоляю

ваше сіятельство поставить себя на моемъ мѣстѣ и войти въ чувствованіе затрудненія, въ которое поставляетъ меня не другое что, какъ желаніе сохранить несмущенную совѣсть предъ Богомъ и Государемъ".

Хотя князь А. Н. Голицынъ и писалъ Митрополиту, что „Государь Императоръ пошлетъ приказаніе Мансурову не оставаться долѣе въ Москвѣ, а ѣхать въ Петербургъ, чтобы потомъ отправиться въ Берлинъ и потому князь Голицынъ выразилъ надежду, что симъ кончится деликатное положеніе Митрополита по оному дѣлу"; но какъ бы то ни было, въ бумагахъ митрополита Филарета сохранилось собственноручное черновое всеподданнѣйшее прошеніе его слѣдующаго содержанія:

„Всемилостивѣйшій Государь! Священный долгъ служить Вашему Императорскому Величеству вѣрою и правдою особенно вожделѣннымъ для меня дѣлаетъ благодарность къ милостямъ и благодѣяніямъ Вашего Императорскаго Величества, неизреченно для меня великимъ. Но, при сознаніи внутреннихъ моихъ недостатковъ, немощь тѣлесная, въ теченіе немалаго времени едва преодолѣваемая принужденными усиліями, наконецъ отнимаетъ у меня надежду соотвѣтствовать обязанностямъ ввѣреннаго мнѣ служенія. Посему пріемлю дерзновеніе Ваше Императорское Величество всеподданнѣйше просить о увольненіи меня отъ управленія ввѣренною мнѣ епархіею и о высочайшемъ дозволеніи мнѣ, съ согласія Святѣйшаго Сѵнода, избрать жительство безъ управленія, въ одномъ изъ монастырей, гдѣ здоровый воздухъ и не слишкомъ большая отдаленность отъ врачебныхъ пособій позволили бы мнѣ оберегать остатки разрушающагося здоровья на послѣднее служеніе посильными молитвами о мирѣ церкви и о долгоденственномъ и о благоденственномъ царствованіи Вашего Императорскаго Величества и на собственное приготовленіе къ предстоящему суду Христову". Было ли подано это прошеніе и какой былъ отвѣтъ — остается намъ неизвѣстнымъ [103]).

X.

19 декабря 1826 года Погодинъ, сидя дома, вдругъ услышалъ шумъ и стукъ: является Шевыревъ, Соболевскій и восклицаютъ: „пріѣхалъ Пушкинъ!“. Сначала Погодинъ не повѣрилъ имъ, но потомъ убѣдился. Вмѣстѣ съ тѣмъ они сообщили ему радостную вѣсть, что Пушкинъ принимаетъ такое же участіе въ *Московскомъ Вѣстникѣ*, какъ и самъ редакторъ, и „даетъ все“ [104]). Въ этотъ пріѣздъ свой въ Москву Пушкинъ остановился у Соболевскаго на Собачьей площадкѣ въ домѣ Ренкевича (нынѣ Левенталя). Ровно черезъ сорокъ одинъ годъ Соболевскій писалъ Погодину: „Заѣзжайте въ кабакъ!! Я вчера тамъ былъ, но ни вина, ни меда не пилъ. Вотъ въ чемъ дѣло. Мы ѣхали съ Лонгиновымъ черезъ Собачью площадку; сравнявшись съ угломъ ея, я показалъ товарищу домъ Ренкевича, въ которомъ жилъ я, а у меня Пушкинъ. Сравнялись съ прорубленною мною дверью на переулокъ—видимъ на ней вывѣску: *продажа вина и проч.* Sic transit gloria mundi!!! Стой, кучеръ! Вылѣзли изъ возка и пошли туда. Домъ совершенно не измѣнился въ расположеніи: вотъ моя спальня, мой кабинетъ, та общая гостиная, въ которую мы сходились изъ своихъ половинъ, и гдѣ засѣдалъ Александръ Сергѣевичъ въ Самоѣдскомъ ергакѣ. Вотъ гдѣ стояла кровать его; вотъ гдѣ такъ нѣжно возился и нянчился онъ съ маленькими датскими щенятами. Вотъ гдѣ собирались Веневитиновъ, Кирѣевскій, Шевыревъ, Рожалинъ, Мицкевичъ, Баратынскій, вы, я... и другіе мужи, вотъ гдѣ болталось, смѣялось, вралось и говорилось умно!!! Кабатчикъ, принявшій насъ съ почтеніемъ, должнымъ такимъ посѣтителямъ, которые вылѣзли изъ экипажа, очень былъ удивленъ нашему хожденію по комнатамъ заведенія. На вопросъ мой: слыхалъ ли онъ о Пушкинѣ? онъ сказалъ утвердительно, но что-то заикаясь. Въ другой странѣ у бусурмановъ и на дверяхъ сдѣлали бы надпись: здѣсь жилъ Пушкинъ. И въ углу бы

написали: здѣсь спалъ Пушкинъ! — и такъ далѣе". Это письмо вызвало воспоминаніе и въ Погодинѣ: „Помню, помню", писалъ онъ, „живо этотъ знаменитый уголокъ, гдѣ жилъ Пушкинъ въ 1826 и 1827 году, помню его письменный столъ, между двумя окнами, надъ которымъ висѣлъ портретъ Жуковскаго съ надписью: *ученику побѣдителю отъ побѣжденнаго учителя.* Помню диванъ въ другой комнатѣ, гдѣ за вкуснымъ завтракомъ—хозяинъ былъ мастеръ этого дѣла—началъ онъ читать мою *Русую Косу* и дойдя до мѣста въ началѣ, гдѣ одинъ молодой человѣкъ выдумалъ новость другому любителю словесности, чтобъ вызвать его изъ задумчивости: „Жуковскій перевелъ Байронова *Мазепу*", вскрикнулъ съ восторгомъ, „какъ! Жуковскій перевелъ Мазепу!". Однажды мы пришли къ Пушкину рано съ Шевыревымъ за стихотвореніемъ для *Московскаго Вѣстника*, чтобъ застать его дома, а онъ еще не возвращался съ прогульной ночи и пріѣхалъ при насъ. Помню, какъ намъ было неловко, въ какомъ странномъ положеніи мы очутились изъ области поэзіи въ области прозы" [105]). Любопытно сопоставить съ этимъ *воспоминаніемъ* современное свидѣтельство самого Погодина, находящееся въ *Дневникѣ* его подъ 28 декабря 1826 года: „У Пушкина (т.-е. въ описанной выше квартирѣ). Досадно, что свинья Соболевскій свинствуетъ при всѣхъ. Досадно, что Пушкинъ *въ развращенномъ видѣ* пришелъ при Волковѣ. Ѣздилъ для него на почту. *Борисъ* пропущенъ. Читалъ Афоризмы. Здѣсь есть глубокія мысли, сказалъ Пушкинъ".

Петербургскіе друзья Погодина и издалеча принимали живѣйшее участіе въ судьбахъ *Московскаго Вѣстника.* „Что̀ дѣлаетъ нашъ журналъ?" писалъ Веневитиновъ Соболевскому, „Я надѣюсь, что ты — изъ дѣятельныхъ сотрудниковъ: а именно понукаешь Погодина впередъ, ругаешь Полеваго, выжимаешь изъ Шевырева статьи и выкидываешь тернія и зелія недостойныя изъ нашего цвѣтущаго сада. Если ты хорошо вникнулъ въ роль свою, то ты увидѣлъ, что она не противорѣчитъ твоей гордой и солидной осанкѣ. Ты долженъ

быть крѣпкій цементъ, связующій камни сего новаго зданія; отъ тебя зависитъ его прочность. Надобно, чтобы въ каждомъ нумерѣ было имя Пушкина. Скажу тебѣ искренно, что здѣсь отъ этого журнала много ожидаютъ; самъ Пушкинъ писалъ сюда о немъ. Скажи нашимъ, чтобы они не щадили Булгарина, Воейкова и прочихъ. Истинные литераторы за насъ. Дельвигъ также поможетъ и Крыловъ не откажется отъ участія. Принимайтесь только задѣло единодушно и оно покатится“ [106]). Самому же Погодину Веневитиновъ писалъ (отъ 17 ноября 1826 года): „Дельвига по сихъ поръ не могъ видѣть. Какая-то судьба мѣшаетъ намъ знакомиться. Я къ нему, онъ ко мнѣ. Я къ Пушкинымъ, онъ отъ нихъ. Я расположенъ здѣсь заняться дѣломъ. Сегодня переѣзжаю на мою квартиру, которая будетъ моею пустынею. Въ ней, надѣюсь, умрутъ всѣ мои предразсудки и воскреснутъ, прозябнутъ сѣмена добрыя. Уединеніе мнѣ было нужно, и шагъ рѣшительный сдѣланъ. Какъ я живо представляю вашъ праздникъ и милаго, премилаго Шевырева“. Въ другомъ письмѣ, (отъ 1 декабря 1826 года), Веневитиновъ пишетъ: „Я былъ у Козлова, и онъ обѣщалъ мнѣ. Не худо, если ты самъ напишешь ему, въ которомъ скажешь: что ты поручилъ мнѣ просить его быть участникомъ въ журналѣ, что я объявилъ тебѣ его согласіе, и ты поставляешь себѣ долгомъ благодарить его и просить украсить своимъ стихомъ первые нумера *Вѣстника*. Если почитаешь за нужное предлагать ему условія, то возьми этотъ трудъ на себя; а мнѣ нельзя ни торопить старика, ни говорить ему объ условіяхъ, ибо онъ обѣщалъ мнѣ стихи, какъ авторъ, который не продаетъ ихъ, но слышитъ съ удовольствіемъ объ нашемъ предпріятіи, и самъ вмѣняетъ себѣ въ честь участвовать въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ участвуютъ Пушкинъ и другіе литераторы. Ты же, какъ редакторъ, можешь объявить ему, что журналъ издается не въ твою пользу, и что ты долженъ вознаграждать труды всѣхъ, участвующихъ въ ономъ. Въ этомъ ничего нѣтъ неловкаго. Мнѣ что-то все грезится стихами. Если тебѣ нѣ-

которые понравятся, то не печатай ихъ, не предупредивъ меня, потому что эти пьесы какъ-то всѣ связаны между собою, и мнѣ бы хотѣлось напечатать ихъ въ томъ же порядкѣ, въ которомъ они были написаны.

Почти всѣ тѣ, которыхъ я здѣсь видѣлъ, подписываются на нашъ журналъ и ожидаютъ его съ нетерпѣніемъ. Въ обществахъ петербургскихъ наше предпріятіе не безъ защитниковъ, и мнѣ кажется, я могу сказать тоже рѣшительно, что общее мнѣніе за насъ. Говорю это искренно, а не для того, чтобы тебя обрадовать. Отнимать у Полевого *Вадима* не годится. Пушкинъ вѣрно никогда на это не дастъ своего согласія; а надобно требовать отъ него позволенія напечатать въ 1-мъ нумерѣ *Вѣстника*, что онъ ни въ какомъ другомъ журналѣ помѣщать стиховъ своихъ не будетъ, исключая *Вадима*, котораго онъ въ такомъ-то мѣсяцѣ отдалъ г. Полевому и который по причинамъ, неизвѣстнымъ автору, еще не напечатанъ. Пиши къ нему чаще; ты имѣешь на то полное право, купленное и твоимъ знакомствомъ, и 10 тыс. рублями. Вообще опояшься твердостью и рѣшимостью, необходимою для издателя журнала. Искренность не нахальство. Вотъ тебѣ урокъ, любезный другъ. Прости мнѣ его ради дружбы; онъ можетъ быть не безполезенъ". Наконецъ, Погодинъ получаетъ отъ своихъ петербургскихъ друзей посланіе подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Въ канцелярію Издателей Московскаго Вѣстника изъ С.-Петербургскаго отдѣленія. Всепокорнѣйшій рапортъ отъ Д. Веневитинова и Одоевскаго Погодину:* Мы нижеподписавшіеся извѣщаемъ издателя *Московскаго Вѣстника,* что мы съ удовольствіемъ принимаемъ на себя отдѣлъ критики, съ тѣмъ только условіемъ, что всѣ наши статьи, какъ-бы они задорны ни казались мягкосердечному Погодину, помѣщались безъ разведенія водою (Рукою Д. Веневитинова). Нижеподписавшійся, подтверждая все вышесказанное, прибавляетъ еще условіе: его имени никому не открывать и не подписывать. Браниться—радъ (Рукою Одоевскаго). Подъ мои статьи мо-

жете ставить *В* или *въ,* но не больше. Письмо твое отдамъ завтра Козлову (Рукою Д. Веневитинова).

Рожалину: Кто вбилъ тебѣ въ голову, что я связался съ Булгаринымъ. Я и въ лицо его не видалъ и вѣрно къ нему съ первымъ визитомъ не поѣду (Рукою Д. Веневитинова). А у тебя, отецъ святой, прошу благословенья! Что до труда касается, съ тебя буду примѣръ брать. Нельзя ли попросить Мещерскаго уступить мнѣ, за что хочетъ, Voyage de Montaigne en Italie (Рукою Одоевскаго).

Соболевскому: Ты, попавшійся на истинное мѣсто свое на средину, животъ многъ содержащій и ничего не испускающій, призри на меня грѣшнаго, совершенно совратившагося съ пути гастрономическаго, презирающаго устрицами, боящагося лимбургскаго сыра, чтó не должно тебя пугать; ибо для тебя больше того и другого останется. Недавно я познакомился съ твоимъ однокорытникомъ, Глинкою, чудо малый. Музыкантъ, какихъ мало. Не въ тебя уродъ (Рукою Одоевскаго).

Титову: Здравствуй, душенька, Володенька,—ты думалъ, что я забылъ тебя—ничуть; не писалъ—правда; да когда? Дѣти просятъ каши, жена—не скажу. Ты ѣдешь въ Питеръ—жду; пріѣзжай, душка, трубку дамъ. Пиши ко мнѣ. (Рукою Одоевскаго). На послѣднее письмо твое еще не отвѣчалъ, любезный другъ, потому что все это время я почти не выпускалъ пера изъ рукъ. Благодарю тебя, безъ фразы, за твою дружбу. Трудитесь, мы съ Одоевскимъ, надѣюсь, не отстанемъ. Авось не даромъ соединили усилія. Соболевскому нѣтъ мѣста писать. (Рукою Д. Веневитинова).

Шевыреву: Малютку цѣлую и ласкаю. Умница мальчикъ; пишетъ, переводитъ; а нѣтъ, чтобы ко мнѣ написать (Рукою Одоевскаго). Молодецъ Шевыревъ! Я еще не выспался въ Петербургѣ, а онъ уже отвѣчалъ. *Валенштейновъ лагерь* Рожалинъ говоритъ, что славно, и я вѣрю. Печатай его въ первыхъ книжкахъ; онъ понравится. Я бы отвѣчалъ тебѣ риѳмами на риѳмы; но я такъ много риѳмовалъ, не худо

свой запасъ риѳмъ поберечь на черный день. Покамѣстъ довольствуйся дружбой за дружбу (Рукою Д. Веневитинова)". Погодинъ старался также привлечь къ *Московскому Вѣстнику* и ученыя силы петербургскія, и прежде всѣхъ завербовалъ почтеннаго Кеппена, который писалъ ему, отъ 15 ноября 1826 года: „А. Х. Востоковъ и я, мы оба весьма согласны содѣйствовать вамъ въ изданіи *Московскаго Вѣстника.* Тутъ же встрѣчаемъ мы и почтенныхъ нашихъ литературныхъ сослуживцевъ, Калайдовича и Строева. Но Востоковъ, также какъ и я, можетъ токмо располагать минутами. Что касается до меня, то я могу нѣсколько распространить мою иностранную переписку, вознаграждая издержки по оной платежемъ редакціи *Московскаго Вѣстника.* Какъ Востоковъ, такъ и я, оба мы согласны быть сотрудниками на слѣдующихъ условіяхъ. Плата отъ печатнаго листа 100 р. Если же число подписчиковъ на ваше изданіе будетъ мало, то мы охотно безъ всякаго платежа будемъ сообщать вамъ хотя краткія статьи. Въ такомъ случаѣ потребно будетъ только небольшое вознагражденіе за издержки корреспондентскія. Сейчасъ пишу къ Ѳ. В. Булгарину, прося его вписать наши имена въ списокъ лицамъ, принимающимъ участіе въ изданіи *Московскаго Вѣстника*". Хотя въ то время Михаилъ Александровичъ Дмитріевъ по своимъ литературнымъ убѣжденіямъ принадлежалъ къ другому приходу, но тѣмъ не менѣе онъ по дружбѣ своей съ Погодинымъ не отказался участвовать въ *Московскомъ Вѣстникѣ* и писалъ его редактору отъ 26 декабря 1826 года:

Вотъ вамъ тетрадь моихъ стиховъ,
Когда годятся для журнала!
Давно рука моя, давно ихъ сохраняла
Отъ журналистовъ и чтецовъ...
Не думайте, чтобъ я берегъ ихъ потаенно,
Считая даромъ дорогимъ:
Нѣтъ!.. Знаю, что они не бисеръ многоцѣнный,
Да не хотѣлось ихъ метать предъ Полевымъ! [107]).

Время, въ которое возникъ *Московскій Вѣстникъ,* по свидѣтельству Погодина, было самое благопріятное и ожи-

вленное въ литературѣ. „Всякій день слышалось о чемъ-нибудь новомъ. Языковъ присылалъ изъ Дерпта свои вдохновенные стихи, славившіе любовь, поэзію, молодость, вино; Денисъ Давыдовъ съ Кавказа; Баратынскій выдавалъ свои поэмы. *Горе отъ ума* Грибоѣдова только что начало распространяться. Пушкинъ прочелъ *Пророка* (который послѣ *Бориса* произвелъ наибольшее дѣйствіе) и познакомилъ насъ съ слѣдующими главами *Онѣгина,* котораго до тѣхъ поръ напечатана была только первая глава. Между тѣмъ, на сценѣ представлялись водевили Писарева съ острыми его куплетами и музыкою Верстовскаго. Шаховской ставилъ свои комедіи вмѣстѣ съ Кокошкинымъ. Щепкинъ работалъ надъ Мольеромъ, и Аксаковъ, тогда еще не старикъ, переводилъ ему *Скупаго.* Загоскинъ писалъ *Юрія Милославскаго.* Дмитріевъ выступилъ на поприще со своими переводами изъ Шиллера и Гете. Всѣ они составляли особый отъ нашего приходъ, который вскорѣ соединился съ нами, или, вѣрнѣе, къ которому мы съ Шевыревымъ присоединились, потому что всѣ наши товарищи, оставаясь въ постоянныхъ, впрочемъ, сношеніяхъ съ нами, отправились въ Петербургъ. Оппозиція Полевого въ *Телеграфѣ,* союзъ его съ *Сѣверной Пчелой* Булгарина, желчныя выходки Каченовскаго, къ которому явился вскорѣ на помощь Надеждинъ, давали новую пищу. А тамъ еще Дельвигъ съ *Сѣверными Цвѣтами,* Жуковскій съ новыми балладами, Крыловъ съ баснями, которыхъ выходило по одной, по двѣ въ годъ, Гнѣдичъ съ *Иліадой,*, Раичъ съ Тассомъ, и Павловъ съ лекціями о натуральной философіи, гремѣвшими въ университетѣ, Давыдовъ съ философскими статьями. Вечера, живые и веселые, слѣдовали одинъ за другимъ: у Елагиныхъ и Кирѣевскихъ за Красными воротами, у Веневитиновыхъ, у меня, у Соболевскаго на Собачьей площадкѣ, у княгини Волконской на Тверской. Въ Мицкевичѣ открылся даръ импровизаціи. Пріѣхалъ Глинка, товарищъ Соболевскаго и Льва Пушкина, связанный болѣе другихъ съ Мельгуновымъ, и присоединилась музыка.

Горько мнѣ сознаться, что я пропустилъ нѣсколько изъ

этихъ драгоцѣнныхъ вечеровъ страха ради іудейска“ [108])... „Я зналъ,—отмѣчаетъ далѣе Погодинъ, — о подозрѣніи на меня за *Нищаго*“, помѣщеннаго въ *Ураніи;* новый предсѣдатель цензурнаго комитета князь Мещерскій послалъ на меня доносъ, выставляя *Московскій Вѣстникъ* отголоскомъ *14-го Декабря.* Мицкевичъ находился подъ надзоромъ полиціи, да и самъ Пушкинъ съ Баратынскимъ были не совсѣмъ еще обѣлены. Въ качествѣ редактора журнала я боялся слишкомъ часто показываться въ обществѣ людей, подозрительныхъ для правительства, и дѣйствительно, мнѣ пришлось бы плохо, еслибы въ цензурномъ комитетѣ не занялъ наконецъ мѣста Сергѣй Тимоѳеевичъ Аксаковъ; онъ принялъ къ себѣ на цензуру *Московскій Вѣстникъ,* и мы съ Шевыревымъ успокоились“.

XI.

Въ русской литературѣ *Московскій Вѣстникъ* останется навсегда достопамятнымъ потому, что на первый же его страницѣ впервые былъ оглашенъ отрывокъ изъ безсмертнаго творенія Пушкина *Борисъ Годуновъ:*

Еще одно, послѣднее сказанье,
И лѣтопись окончена моя;
Исполненъ долгъ, завѣщанный отъ Бога
Мнѣ грѣшному. Не даромъ многихъ лѣтъ
Свидѣтелемъ Господь меня поставилъ,
И книжному искусству вразумилъ... и пр.

Первая книжка *Московскаго Вѣстника* явилась въ свѣтъ во время пребыванія Пушкина въ Москвѣ, гдѣ онъ прожилъ всю зиму и часть весны 1826—1827 г. Жизнь великаго поэта въ Москвѣ представляла собой рядъ торжествъ и забавъ. Онъ вставалъ поздно. Пріемная его всякій день была наполнена знакомыми и незнакомыми [109]); но эта разсѣянная жизнь нисколько не мѣшала ему украшать страницы *Мос-*

ковскаго Вѣстника своими произведеніями; а потому странно читать въ петербургскомъ журналѣ *Сынъ Отечества*, издаваемомъ Гречемъ и Булгаринымъ, слѣдующія строки неизвѣстнаго автора *Письма съ Кавказа:* „Я весьма радъ, что г. Погодинъ вступилъ на журнальное поприще: не знаю, каковъ будетъ журналъ его въ отношеніи къ *изящной словесности* (это при участіи то Пушкина!) но по части русской археологіи, онъ, безъ сомнѣнія, будетъ занимателенъ. Жалѣю, что издатель спозаранку взялъ на себя обязанность цѣнить достоинство всѣхъ другихъ журналовъ. Мнѣ кажется это неприличнымъ; ибо по праву естественному и гражданскому, никто не можетъ быть судьею въ своемъ дѣлѣ“ 110). Вмѣстѣ съ тѣмъ Пушкинъ, питая расположеніе къ Погодину и Шевыреву, не особенно сочувствовалъ нѣкоторымъ изъ „глубокомысленныхъ“ сотрудниковъ *Московскаго Вѣстника*. Въ одномъ отрывкѣ, найденномъ П. И. Бартеневымъ, Пушкинъ представилъ типъ ихъ въ образѣ *Вершнева*, о которомъ сказалъ: „это одинъ изъ тѣхъ юношей, которые воспитывались въ московскомъ университетѣ, служатъ въ Московскомъ Архивѣ, они одарены убійственною памятью, все знаютъ и все читали, которыхъ стоитъ только тронуть пальцемъ, чтобъ изъ нихъ полилась ихъ всемірная ученость“ 111). Однажды Погодинъ зашелъ къ Пушкину и потомъ вотъ что́ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Пушкинъ декламировалъ противъ философіи, а я не могъ возражать дѣльно и больше молчалъ, хотя очень увѣренъ въ нелѣпости того, что́ онъ говорилъ“ 112). Этимъ, конечно, объясняются нижеслѣдующія строки В. П. Титова, писанныя (18 іюля 1827 г.) Погодину уже изъ Петербурга, гдѣ въ то время находился и Пушкинъ: „Безъ сомнѣнія величайшая услуга, какую бы могъ я оказать вамъ, это — держать Пушкина въ уздѣ; да не имѣю къ тому способовъ. Дома онъ бываетъ только въ 9 ч. утра, а я въ это время иду на службу царскую; въ гостяхъ бываетъ только въ клубѣ, куда входить не имѣю права, къ тому же съ нимъ надо няньчиться, до чего я не охотникъ и не мастеръ. У него

часто бываетъ Сомовъ и т. п.; послѣдній взялъ у него, какъ говорятъ, для *Сѣверныхъ Цвѣтовъ* отрывокъ изъ *Онѣгина* и *Годунова.* Я желалъ бы знать отъ васъ, много ли онъ вамъ оставилъ и что́ обѣщалъ? Ибо на его скорый возвратъ не разсчитывайте. Увѣдомьте объ этомъ скорѣе. Я жду возвращенія Дельвига изъ Ревеля: кажется, мы другъ другу понравились, къ тому же онъ знакомъ съ дядею моимъ, и мы вѣрно сладимъ; онъ имѣетъ вліяніе на Пушкина" [113]). Но послѣдній и безъ всякихъ „вліяній" сознавалъ свои нравственныя обязанности относительно *Московскаго Вѣстника,* о чемъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ слѣдующія его строки (отъ 31 іюля 1827 г.) къ барону Дельвигу: „У меня на рукахъ *Московскій Вѣстникъ,* и я не могу его оставить на произволъ судьбы" [114]).

И самъ Погодинъ во время пребыванія Пушкина въ Москвѣ нерѣдко посѣщалъ его. Они читали вмѣстѣ *Сѣверные Цвѣты.* При этомъ у Погодина мелькнула мысль „ошеломить эти *Цвѣты* чѣмъ нибудь капитальнымъ". Пушкинъ весьма сочувствовалъ повѣстямъ Погодина, но, сказавъ ему много лестнаго, однако прибавилъ: „за вами смотрѣть надо". Однажды Пушкинъ при Погодинѣ получилъ письмо отъ Туманскаго, который сообщалъ, что въ Одессѣ всѣ въ восхищеніи отъ *Московскаго Вѣстника* [115]); но самому Погодину онъ писалъ слѣдующее: „Журналъ вашъ находитъ въ нашемъ городѣ, вообще мало читающемъ русскія книги, большое число читателей. Нѣкоторыя статьи, въ особенности статьи историческія доставили всѣмъ мыслящимъ людямъ Одессы истинное удовольствіе. Но я не могу сказать того же о философическихъ отрывкахъ. Долгое еще время будутъ непонятны въ Россіи и несообразны съ нашимъ духомъ чрезвычайно отвлеченныя умствованія новыхъ нѣмецкихъ философовъ. Состояніе русскаго общества не таково, чтобы членамъ онаго можно было погружаться въ хаосъ мыслей, иногда исполинскихъ, часто остроумныхъ, но безплодныхъ въ приложеніи. Намъ нужны предметы, такъ сказать, осязательные. Чтобы сдѣлать жур-

налъ вашъ народнымъ и полезнымъ, вамъ чаще надо обращаться къ тому, чтó передъ нашими глазами дѣлается. Словомъ сказать, точка вашего зрѣнія на предметы должна быть Россія, а не Германія. Вотъ философія, которая можетъ имѣть благотворное вліяніе на просвѣщеніе въ нашемъ отечествѣ,—просвѣщеніе, котораго вы будете достойнымъ жрецомъ. Я по большей части доволенъ критическими статьями, помѣщаемыми въ вашемъ журналѣ, но и тутъ бываютъ нѣкоторые промахи. Напримѣръ, что нашелъ загадочнаго критикъ *Апологовъ* Остолопова въ успѣхахъ русской басни. Въ странѣ, гдѣ истина не можетъ явиться въ суровой наготѣ, она прибѣгаетъ къ иносказаніямъ, и получивъ однажды это направленіе, неминуемо должно усовершенствовать принятый ею родъ. Въ Аѳинахъ не было басни. На Востокѣ она уничтожится развѣ съ уничтоженіемъ деспотизма. Басня не есть знакъ ума младенчествующаго, но знакъ ума, работающаго въ оковахъ. Будь я въ Москвѣ, я сдѣлался бы вашимъ усерднѣйшимъ сотрудникомъ, ибо вижу въ васъ человѣка, искренно желающаго блага и истинно просвѣщеннаго“ [116]).

Въ началѣ мая 1827 года Пушкинъ получилъ дозволеніе на пребываніе и въ Петербургѣ. Въ іюнѣ онъ уже былъ на брегахъ Невы [117]). Между тѣмъ, несмотря на его соучастіе, журнальное дѣло у Погодина не ладилось, но тѣмъ не менѣе онъ рѣшился въ первомъ же нумерѣ *Московскаго Вѣстника,* напечатать *Письмо къ Издателю,* которое, такъ сказать, обливало послѣдняго холодною водою. „Ты мечтаешь“, читаемъ мы въ этомъ *Письмѣ,* „что всѣ обратили на тебя свое вниманіе, что всѣ готовы ободрять тебя на скользкомъ пути твоемъ... О, какъ ты заблуждаешься! Я подслушиваю иногда различные толки въ нашемъ свѣтѣ и до сихъ поръ услышалъ очень мало для тебя утѣшительнаго! Начнемъ съ великолѣпныхъ чертоговъ знатнаго, богатаго барина. Управитель его, которому всегда поручено читать газеты, объявивъ обо всѣхъ важныхъ новостяхъ, ни слова не промолвилъ о твоемъ журналѣ; онъ замѣтилъ издавна, что его баринъ всегда пропу-

скаетъ мимо ушей такія новости. Юный сынъ его не разсмотрѣлъ твоего объявленія, потому что глаза его разбѣжались по извѣстіямъ о первомъ собраніи, маскарадѣ и проч. Разсѣянная Эмилія, услышавъ за котильономъ отъ своего кавалера о новомъ журналѣ, спросила: тамъ будутъ и моды? и получивши отвѣтъ отрицательный, ужъ болѣе про него не спрашивала... Ты спѣшишь, какъ я вижу, къ тѣсной и темной кельѣ ученаго... Ты съ трепетомъ ожидаешь отъ него мнѣнія... Онъ прочелъ твое объявленіе и безмолвно положилъ его на свой столикъ... Но неужели никто не обратилъ на тебя взоровъ?.. Нѣтъ, ты можешь утѣшиться, другъ мой: на тебя обратили взоры, твоя же братія, журналисты. Смотри, одинъ изъ нихъ уже сталъ за уголъ и ищетъ камня потяжелѣе; другой прямо съ гордымъ видомъ хочетъ бросить тебѣ перчатку. Вотъ еще спѣшатъ къ тебѣ дюжина другая блѣдныхъ вдовцовъ Парнасскихъ, которые хотятъ пріютить у тебя сиротъ своихъ отчужденныхъ непризнательнымъ міромъ. Старые искатели всего новенькаго несутъ къ тебѣ свои лепты, въ надеждѣ купить на нихъ лѣкарства отъ скуки, ихъ убивающей. За нимъ течетъ и пестрая толпа любителей пестрой смѣси... Вотъ гости, пришедшіе на пиръ твой".

Въ слѣдующемъ же нумерѣ самъ Погодинъ отвѣчалъ на это письмо: „Ты несправедливо судишь о нашей публикѣ. Правда, что многіе у насъ читаютъ только по средамъ и субботамъ, и скорѣе узнаютъ о привозѣ голстинскихъ устрицъ и лимбургскаго сыра, нежели о появленіи новой басни Крылова или баллады Жуковскаго; правда, что многія дамы наши ничего не хотятъ знать, кромѣ извѣстій о модахъ и элегій Ламартиновыхъ, а Эмиліи не говорятъ о литературѣ даже и за котильонами... Правда, что чтеніе не сдѣлалось еще у насъ такою необходимостью, какъ у иностранцевъ; но правда и то, что во всѣхъ сословіяхъ нашего народа кругъ людей благомыслящихъ мало-помалу распространяется, что сіи люди жаждутъ познаній, такимъ людямъ посвящается *Московскій Вѣстникъ*. „Но неужели, въ упоеніи самолюбія, мечтаешь", говоритъ мой другъ,

„удовлетворить требованію такихъ людей?“ Нѣтъ. *Московскій Вѣстникъ* издается не однимъ мною, но многими занимающимися русскою литературою, кои, бывъ движимы чистымъ усердіемъ къ общему благу, рѣшились соединить свои усилія во-едино при семъ изданіи и принести общую жертву на алтарь отечественнаго просвѣщенія. Скажу теперь нѣсколько словъ о планѣ нашего журнала въ дополненіе къ сдѣланному объявленію, которое иные назвали недостаточнымъ, другіе—педантическимъ, третьи—(Сѣв. Пч. 1826 г. № 156)... но оставимъ ихъ. Всѣ книги можно раздѣлить на три разряда: одни заключаютъ въ себѣ собственно познанія, излагаемыя въ видѣ системы или науки; другія суть произведенія ума творящаго; третьяго рода книги заключаютъ матеріалы и пособія для наукъ. Журналъ есть книга общая. Съ тою же точностью, съ какою раздѣлили мы книги, означимъ и отдѣлы журнала. Къ первому отдѣлу *Московскаго Вѣстника* принадлежатъ произведенія ума творящаго. Это изящная словесность. За симъ отдѣломъ слѣдуетъ второй—науки. За науками слѣдуетъ критика. Это есть отдѣлъ собственно журнальный. Наконецъ, четвертый отдѣлъ журнала или *Смѣсь* составляютъ путешествія, документы историческіе, разысканія, анекдоты и пр. Мнѣ поручена редакція сего журнала, то есть я, отвѣчая за все изданіе, долженъ приводить доставляемыя и всѣми нами одобренныя статьи въ порядокъ, указывать сотрудникамъ на статьи, для журнала нужныя, смотрѣть за слогомъ. Я съ удовольствіемъ буду помѣщать насмѣшки надъ невѣжами, надъ всезнайками и пр., и всякую критику, самую язвительную, на самого себя, на своихъ сотрудниковъ, друзей и недруговъ. Таковъ нашъ планъ, наша цѣль, наши средства“ [118]).

Въ то же самое время Погодинъ получалъ изъ Петербурга довольно неободрительныя письма отъ одного изъ лучшихъ своихъ друзей, принимавшаго сердечное участіе въ успѣхѣ *Московскаго Вѣстника*. По выходѣ въ свѣтъ перваго нумера журнала Веневитиновъ, еще не имѣя его, писалъ Погодину

(отъ 7 января 1827 г.): „О первомъ нумерѣ *Вѣстника* уже носился слухъ, но слухъ еще невнятный и у меня журнала нѣтъ. Надѣюсь, что ты пришлешь мнѣ его. Получаешь ли ты иностранные журналы. Это необходимо. Заставляй переводить изъ нихъ всѣ ученыя статьи, объявляй о всѣхъ открытіяхъ, что поддерживаетъ *Телеграфъ*. Мы азіатцы, но имѣемъ претензію на европейское просвѣщеніе; хотимъ знать то, что́ знаютъ другіе и знать неучившись и только по журналамъ. Въ первый годъ надобно жертвовать своими правами даже несправедливымъ требованіямъ публики. И такъ, на первый годъ девизъ журнальный долженъ быть Ament meminisse periti. На слѣдующій годъ, когда журналъ завлечетъ читателей, мы покажемъ имъ пропущенную часть стиха Ignoti discant. Молодцы петербургскіе журналисты, все пронюхали до малѣйшей подробности: твой договоръ съ Пушкинымъ и имена всѣхъ сотрудниковъ. Но пускай, они вредить тебѣ не могутъ. Главное отнять у Булгариныхъ ихъ вліяніе“. Но когда Веневитинову „по милости“ барона Дельвига удалось „заглянуть въ *Московскій Вѣстникъ*, то писалъ: „онъ по росту никакъ не сравняется съ Шевыревымъ *). Скажу тебѣ откровенно, здѣсь говорятъ, что ожидали болѣе отъ перваго нумера; а познакомившись короче съ этимъ журналомъ, онъ не безъ горечи замѣтилъ: „Мнѣ давно хотѣлось поговорить съ тобою, именно, о нашемъ общемъ дѣлѣ, т.-е. о журналѣ. Публика ожидаетъ отъ него статей дѣльныхъ и даже безъ всякой примѣси этого вздора, который украшаетъ другіе журналы. Говорю это рѣшительно; потому что вслушивался съ намѣреніемъ во всѣ толки о *Московскомъ Вѣстникѣ*. Двѣ книжки кажутся немного бѣдными, особенно первая, а вотъ тому причины: во-1-хъ, мало листовъ, во-2-хъ, слишкомъ крупны статьи. Наконецъ, нѣтъ почти никакихъ современныхъ извѣстій. Брань начинать намъ рано. Пусть бросятъ въ него первый камень; тогда и мы будемъ отвѣчать, и я вѣрно отъ храбрѣйшихъ не отстану. Я уже говорилъ, что

*) Шевыревъ былъ маленькаго роста.

съ *Телеграфомъ* не худо бы сначала жить въ ладу; не утверждаю этого рѣшительно, потому что не знаю, какъ ведетъ себя Полевой. Критику выходящихъ книгъ возьму я охотно на себя, но надобно, чтобъ онѣ выходили, а здѣсь ничего не слыхать до сихъ поръ. Cousin издалъ книгу прекрасную, и я непремѣнно доставилъ бы о ней статью, но погодите. Если мы сначала будемъ занимать публику самыми строгими статьями, то насъ назовутъ педантами. Я намѣренъ послать разборъ свой въ переводѣ къ самому Cousin и просить его сообщить мнѣ отвѣтъ для помѣщенія въ томъ же журналѣ. Cousin преблагородный человѣкъ, я знаю къ нему путь, и онъ вѣрно не откажется. Завтра буду я писать для того, чтобы доставить вамъ новыхъ сотрудниковъ, а именно: Klaprot и Гульянова. Всѣ они пріобрѣли славу европейскую. На-дняхъ познакомлюсь съ Сенковскимъ, который не откажетъ въ повѣстяхъ съ арабскаго. Я заставляю всѣхъ трудиться и даже Алексѣя Хомякова. Въ этомъ же письмѣ Веневитиновъ дѣлаетъ такой рѣзкій отзывъ объ И. И. Дмитріевѣ: „Дмитріевъ завистливъ и ему бы хотѣлось уронить хоть сколько нибудь Пушкина. Молодыхъ же людей онъ никого не похвалитъ, всегда видя въ нихъ соперниковъ. Впрочемъ, голоса онъ почти не имѣетъ. Напечатайте слѣдующіе стихи:

„Я слышалъ камены тебя воспитали,
Дитя, засыпалъ ты подъ басеньки ихъ.
Безсмертный даръ свой тебѣ передали
И мы засыпаемъ на басняхъ твоихъ».

Чтобы не ввести въ заблужденіе читателя этимъ пристрастнымъ и одностороннимъ взглядомъ на нашего знаменитаго писателя, считаемъ долгомъ привести слѣдующее свидѣтельство князя П. А. Вяземскаго: „Пушкинъ не любилъ Дмитріева, какъ поэта, то-есть, правильнѣе сказать, часто не любилъ его. Скажу откровенно, онъ былъ или бывалъ сердитъ на него. Дмитріевъ, классикъ — не очень ласково привѣтствовалъ первые опыты Пушкина, а особенно поэму его

Русланъ и Людмила. Онъ даже отозвался о ней колко и несправедливо. Вѣроятно, отзывъ этотъ дошелъ до молодаго поэта, и тѣмъ былъ онъ ему чувствительнѣе, что приговоръ исходилъ отъ судіи, который возвышался надъ рядомъ обыкновенныхъ судей и котораго, въ глубинѣ души и дарованія своего, Пушкинъ не могъ не уважать. Пушкинъ въ жизни обыкновенной, ежедневной, въ сношеніяхъ житейскихъ, былъ непомѣрно добросердеченъ и простосердеченъ, но умомъ, при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, бывалъ онъ злопамятенъ... Дмитріевъ при дальнѣйшихъ произведеніяхъ Пушкина совершенно примирился съ нимъ и оказывалъ ему должное уваженіе, такъ и у Пушкина бывали частыя перемирія въ отношеніи къ Дмитріеву. Князь Козловскій просилъ Пушкина перевесть одну изъ сатиръ Ювенала, которую Козловскій почти съ начала до конца зналъ наизусть. Онъ преслѣдовалъ Пушкина этимъ желаніемъ и предложеніемъ. Тотъ наконецъ согласился и сталъ приготовляться къ труду. Однажды приходитъ онъ ко мнѣ и говоритъ: „а знаешь-ли, какъ приготовляюсь я къ переводу, заказанному мнѣ Козловскимъ? Сейчасъ перечиталъ я переводъ Дмитріева латинскаго поэта и англійскаго Попъ. Удивляюсь и любуюсь силѣ и стройности шестистопнаго стиха его". Самъ Погодинъ свидѣтельствуетъ, „что молодые люди, показавшіе расположеніе къ словесности, имѣли доступъ къ Дмитріеву и находили покровительство". Въ одномъ изъ писемъ И. И. Дмитріева къ Погодину читаемъ: „Прошу васъ почтить меня увѣдомленіемъ о званіи и службѣ, имени и отчествѣ г. Андросова. Вы можете сами чувствовать, какъ эти подробности важны въ лѣтописаніяхъ, а я прибавлю, что для современнаго намъ товарища министра они даже необходимы".

Сдѣлавъ это необходимое отступленіе, возвратимся къ письму Веневитинова. „Посылаю къ вамъ переводъ изъ Шиллера, который мы тотчасъ сдѣлали съ Хомяковымъ вдвоемъ. Чудакъ Погодинъ! И бранить то его совѣстно. Однакожъ скажу ему: Мнѣ по всему кажется, что онъ болѣе суетится, нежели дѣ-

лаетъ. Дельвигъ все боленъ, а онъ не измѣнитъ; мы съ нимъ дружны, какъ сыны одной поэзіи. Скажи Погодину, что не худо бы помѣстить извѣстіе о смерти Ланжерона“ [119]).

Это недовольство друзей огорчало Погодина и наводило на него какую-то апатію. „Ужасная разсѣянность по журналу“, отмѣчаетъ онъ въ своемъ *Дневникѣ*, подъ 21 января 1827 г. Но чтобы нѣсколько сохранить время, положилъ „принимать посѣтителей только по опредѣленнымъ днямъ“ [120]). Къ тому же къ соредактору своему Рожанину Погодинъ, по собственному сознанію, не питалъ особаго расположенія: „былъ съ Рожалинымъ у Титова“, пишетъ онъ, „я не чувствую сердечной довѣренности къ Рожалину, а умственную. Ему даже пріятно будетъ, кажется, если надо мною посмѣется кто нибудь, онъ рѣшительно не заступится, какъ Дмитрій Веневитиновъ. Можетъ быть, я оскорбилъ его такимъ подозрѣніемъ. Дай Богъ“ [121]). Разсѣянность, на которую онъ жалуется по отношенію къ журналу, объясняется тѣмъ, что голова Погодина была занята какими-то идеальными и неопредѣленными предметами, совершенно противоположными тѣмъ ежедневнымъ, будничнымъ заботамъ, которыя одолѣваютъ журналистовъ. Въ то время, когда по обяззнности редактора слѣдовало бы думать о веденіи журнала, вотъ какую запись находимъ въ его *Дневникѣ*, подъ 27 января 1827 вода: „Я думалъ, какъ бы уравнять себѣ дорогу, обезпечить себя, потомъ на свободѣ всею душею углубиться въ исторію. Молись! Послышалось мнѣ внутри. Я всталъ со стула, задумался и упалъ на колѣни,— всѣ мои мысли стали молитвою... О чемъ? Я самъ не зналъ... Да разовьется душа моя, да постигну я все, да передамъ другимъ, воспою Христе,—да буду чистъ... все не то... и между тѣмъ я желалъ, молился. Такъ устремлена была душа моя на это неизвѣстное, къ этому Богу, Духу—Подателю, не тому, къ которому прикладывается толпа, что я не чувствовалъ тѣла. Желаніе мое было и тихое, и походило на требованіе, и продолжалось долго... Его прервали, но оно возвращалось. Меня не знаютъ. Видя въ мелочныхъ хлопотахъ,

всякій подумаетъ, что я весь въ нихъ. Нѣтъ! Я не отдаю себя. Это все дѣлаетъ мой внѣшній человѣкъ, а не я. А зачѣмъ я написалъ это? Какая загадка человѣкъ"!

Въ то же время Погодинъ далеко былъ не равнодушенъ къ *Московскому Вѣстнику*, о чемъ свидѣтельствуютъ слѣдующія строки *письма его къ другу въ Петербургъ*: „До сихъ поръ мы со всевозможнымъ вниманіемъ прислушивались къ толкамъ о *Московкомъ Вѣстникѣ*, и пока не услышали ничего положительнаго

Одинъ кричитъ арбуза,
Другой соленыхъ огурцовъ.

Многіе говорятъ о странныхъ мысляхъ, о томъ, о другомъ, но изподтишка, а на чистой водѣ дѣло оканчивается общими мѣстами. Милостивые государи! напишите свои замѣчанія и будьте увѣрены, что издатель и сотрудники, желая сколько возможно совершенствовать свой журналъ, выслушаютъ правду съ благодарностью и не преминутъ ею воспользоваться" [122]).

Журналъ Полевого *Московскій Телеграфъ* встрѣтилъ появленіе въ свѣтъ *Московскаго Вѣстника*, къ которому впослѣдствіи онъ относился крайне враждебно, сначала очень дружелюбно, конечно, благодаря вліянію князя П. А. Вяземскаго. „Можно поздравить читателей Русскихъ журналовъ", читаемъ въ *Телеграфѣ*, „или вообще просвѣщенныхъ читателей нашихъ, съ появленіемъ *Московскаго Вѣстника*. У насъ журналы не то, что у другихъ народовъ, указатели литературы или политики, герольды и часто бойцы господствующихъ мнѣній на томъ или другомъ поприщѣ. Литература наша, какова ни есть, не въ литературѣ, а въ журналахъ: они могутъ сказать: Rome n'est plus dans Rome, elle est toute où nous sommes. Кто у насъ не читаетъ журналовъ, тотъ ровно ничего русскаго не читаетъ, по крайней мѣрѣ новѣйшаго, текущаго. Поэтому и должно желать, чтобы журналы наши отвѣтствовали важности своего назначенія и возвышенности своего положенія въ книжной іерархіи. Имя Пушкина фортуна для журнала, а онъ,

какъ сказано въ объявленіи о новомъ изданіи, преимущественно въ немъ участвуетъ. Должно однакожъ надѣяться, что и другіе участники не оставятъ его одного поддерживать бремя правленія. Нѣкоторыя изъ статей, напечатанныхъ въ трехъ книжкахъ *Московскаго Вѣстника*, до-нынѣ вышедшихъ, уже отчасти и оправдываютъ надежды. Вообще многіе журналы наши такъ совратились съ пути чистой, безкорыстной литературы, что добросовѣстность, умъ и вкусъ нуждаются въ орудіяхъ для разглашенія мнѣній благонамѣренныхъ, благородныхъ и эстетическихъ. Кажется, можно утвердительно предсказать, что *Московскій Вѣстникъ* будетъ вѣстникомъ одного изящнаго и благороднаго" [123]).

Между тѣмъ, участіе Пушкина въ *Московскомъ Вѣстникѣ* не только возбуждало къ сему журналу вниманіе жителей даже отдаленныхъ провинцій нашего отечества, но порождало стремленіе въ людяхъ, совершенно еще неизвѣстныхъ въ литературѣ, помѣщать въ немъ свои произведенія. Вотъ что писалъ Иванъ Петровичъ Бороздно Погодину изъ села Медвѣдова, Черниговской губерніи, Стародубскаго уѣзда, отъ 20 января 1827 года: „Помня благосклонное ваше ко мнѣ расположеніе, коимъ я имѣлъ счастіе пользоваться нѣкогда, во время товарищеской жизни вашей съ А. М. Кубаревымъ и М. С. Шираемъ, спѣшу возобновить старое знакомство и уже рекомендуюсь вамъ, какъ издателю литературнаго журнала. Дерзость свою я даже до того простираю, что теперь же спѣшу препроводить къ вамъ стихи мои подъ заглавіемъ: *Къ Надинѣ*". Въ то же время енисейскій губернаторъ Степановъ писалъ Погодину по поводу статьи почтеннаго Левшина: „Объ имени Киргизъ-Кайсацкаго народа и отличіи его отъ подлинныхъ или дикихъ народовъ„: „Въ № 16-мъ *Московскаго Вѣстника* помѣщена статья г. Левшина, въ которой слишкомъ замѣтны ошибки Клапрота для жителя Енисейской губерніи. Ежели слова сего ученаго въ точности переданы сочинителемъ статьи о Киргизахъ, то покорнѣйше прошу напечатать и мою въ вашемъ журналѣ; если же ошибки произошли отъ неяснаго

изложенія г. Левшинымъ, то оставьте замѣчанія мои безъ вниманія, ибо я не хочу ссориться съ своими; но не терплю надменности чужестранцевъ, которые хотятъ по всѣмъ предметамъ выставлять себя всевѣдущими и требуютъ, чтобы имъ во всемъ вѣрили. Хотя мнѣ извѣстно, что гг. журналисты поставили себѣ за правило не отвѣчать; однако же, нѣтъ правилъ безъ исключенія, и вы крайне бы меня одолжили, удостоя своимъ отвѣтомъ" [124]).

XII.

Оставимъ на время редакцію *Московскаго Вѣстника* и послѣдуемъ за самимъ редакторомъ его на Покровку. Тамъ въ домѣ Трубецкихъ совершилось прискорбное событіе.

1 марта 1827 года скончался князь Иванъ Дмитріевичъ Трубецкой. Погодинъ, разумѣется, былъ на всѣхъ панихидахъ и присутствовалъ на отпѣваніи, которое совершалось 5 марта. „Русская обѣдня", замѣчаетъ онъ по этому поводу, „со всѣми многочисленными ектеніями есть повтореніе Византійской. Сперва о Св. Синодѣ, потомъ о Государѣ". Кончина князя Ивана Дмитріевича, вѣроятно, была не неожиданностью для его семейства, ибо, какъ мы знаемъ, онъ уже давно находился въ болѣзненномъ состояніи, а потому смерть его, кажется, не произвела удручающаго впечатлѣнія. По крайней мѣрѣ, на третій же день послѣ похоронъ мы видимъ Погодина у Трубецкихъ; онъ весело разговариваетъ тамъ съ княжною Александрою Ивановною о Соболевскомъ и читаетъ ей стихотворенія Пушкина и Веневитинова [125]). Но какъ бы то ни было, съ кончиною главы семейства домъ Трубецкихъ началъ постепенно пустѣть, а 15 марта они проводили навсегда изъ Москвы новобрачныхъ Мансуровыхъ. Въ этотъ день Погодинъ у нихъ обѣдалъ. Переписалъ для Аграфены Ивановны *Бахчисарайскій Фонтанъ* Пушкина. Наконецъ простился съ ними и проводилъ до заставы. „Какъ рвалась", за-

мѣчаетъ онъ въ своемъ Дневникѣ, „княжна Александра Ивановна“ [126]). По прiѣздѣ въ Берлинъ Аграфена Ивановна вспомнила о Погодинѣ и написала ему слѣдующее: „Александръ исполнилъ съ удовольствiемъ ваше порученiе, любезный Михаилъ Петровичъ, къ крайнему моему сожалѣнiю мнѣ пришлось дѣйствовать пока одной пантомимою, такъ какъ я не знаю нѣмецкаго языка, но я уже начала учиться здѣшнему языку, взяла на себя трудъ вбить въ мою голову склоненiя и проч. Надѣюсь на его стоитическiя качества и на то, что берлинскiй воздухъ развернетъ мое понятiе. Городъ хорошъ, народъ веселый, мы живемъ скромно, покойно въ нашемъ мирномъ уголкѣ, вспоминаемъ о милыхъ сердцу, мысли носятся надъ благословеннымъ Знаменскимъ, гдѣ и вы видали красные денечки вмѣстѣ съ нами, авось и воротимся и будемъ опять гулять въ Грачевникахъ. Скоро ожидаю видѣть добраго нашего Геништа, онъ лучше васъ исполнилъ свое обѣщанiе. Когда же и васъ завлечетъ въ Берлинъ ваша путешествующая звѣзда? Мнѣ будетъ очень прiятно васъ видѣть и увѣрить, что вездѣ моя приверженность къ вамъ одинакова. Прошу васъ прислать мнѣ *Цыганы*, новое изданiе Пушкина, о которыхъ читала въ газетахъ. Поручаю Сашѣ вамъ вручить издержки на сiю книгу, которую буду ожидать съ нетерпѣнiемъ. Благодарю васъ за аккуратность вашего журнала. Скажите, какъ вы управляете вашею журналистскою совѣстiю, столь мало сходною съ совѣстью *Михаила Петровича Знаменскаго*. Прощайте, однакожъ, любезный и добрый Михаилъ Петровичъ“ [127]).

Ученикъ Погодина, князь Николай Ивановичъ Трубецкой тоже оставилъ Москву и переѣхалъ въ С.-Петербургъ. Вотъ какiя свѣдѣнiя о немъ получилъ Погодинъ отъ Соболевскаго: „Я здѣсь живу у дисципула твоего, котораго, впрочемъ, рѣдко вижу, ибо онъ вѣчно при своихъ лошадкахъ въ Стрѣльнѣ. Мнѣ товарищъ Пельскiй; мы съ нимъ ѣздили на Мальцовской лодкѣ къ Николаю моремъ, тамъ ночевали и взявши его съ собою, пустились въ обратный путь; но тутъ бѣда;

Поднялась буря или, по крайней мѣрѣ, нѣчто подобное; вода стала плескать въ наше судно, и мы всѣ, люди не водяные и не охотники до сего элемента, перетрусили, кромѣ одного хозяина. Кстати о немъ, ужъ онъ не изобрѣтаетъ фраковъ, а вѣчно разъѣзжаетъ по Невѣ и по взморью; лодокъ у него цѣлый флотъ. Гонимый бурею средь разъяренныхъ волнъ, я вспоминалъ о княгинѣ и княжнѣ. О первой я думалъ: гдѣ было бы ваше сердце, княгиня, когда бы вы видѣли чадо свое въ десяти верстахъ отъ берега, носимое въ *утлой ладьѣ*. О второй: хорошо вамъ, княжна, кататься по Знаменскимъ прудамъ. Попались бы вы сюда, то прошла бы охота ѣздить sur l'eau, dans l'eau, sous l'eau, какъ говоритъ Дмитрій Борисовичъ Мансуровъ" [128]).

Между тѣмъ уроки Погодина съ княжною Александрою Ивановною тоже прекратились, о чемъ онъ весьма сожалѣлъ „Какихъ пріятныхъ минутъ лишился я въ послѣднее время, не занимаясь съ Александрою Ивановною", пишетъ онъ въ Дневникѣ [129]). Несмотря на это, Погодинъ нерѣдко посѣщалъ Трубецкихъ. Иногда встрѣчался тамъ съ Пушкинымъ, любилъ съ княжною Александрою Ивановною вспоминать о Знаменскомъ, которое уже вступило въ область прошлаго. Въ концѣ апрѣля Трубецкіе переѣхали на Дѣвичье поле, и 1 мая Погодинъ отправился туда пѣшкомъ. „Тамъ", писалъ онъ, „съ большимъ удовольствіемъ ходилъ по саду и вспоминалъ прошлогоднее любезное время и о миломъ Димитріи Веневитиновѣ, объ Аграфенѣ Ивановнѣ" [130]). Въ это же время бѣдное сердце Погодина воспылало нѣжною страстью къ какой-то Луизѣ, жившей у Всеволожскихъ. Вотъ сцена, описанная имъ самимъ въ *Дневникѣ:* „Какъ покраснѣла она, увидѣвъ меня! Очень была рада мнѣ. „Что вы такъ долго не были у насъ?", спросила она. „Тоска напала на меня", отвѣчалъ я. „Ахъ, Боже мой, и на меня также. Я рада, что у насъ такая симпатія съ вами". У меня такъ и билось сердце. Прощаясь, смотрѣла на меня изъ окошка". Съ предметомъ своей новой страсти Погодинъ встрѣчался и у Трубецкихъ, о

чемъ отмѣчалъ въ *Дневникѣ:* „Встрѣтилъ, и сердце забилось. Я боюсь, Луиза, уже не влюбленъ ли я въ васъ. Она любитъ меня, какъ хорошаго и добраго учителя, и только. Жаль, что мало говорю съ нею. Нѣтъ разговоровъ важныхъ, да и негдѣ и некогда“, Но вмѣстѣ съ тѣмъ сердце его не охладѣвало и къ княжнѣ Трубецкой. Однажды глубокою осенью ходилъ онъ на Дѣвичье поле, и вотъ чтó потомъ записалъ въ *Дневникѣ:* „Гулялъ въ саду, подъ Дѣвичьемъ, съ чувствомъ увидѣлъ балконъ и живо представилъ ее, опершуюся на перила и разговаривающую при прощаніи. Прошелся по всѣмъ дорожкамъ“. А когда Погодинъ узналъ объ ея нездоровьѣ, то восклицаетъ въ своемъ *Дневникѣ:* „Ахъ Боже мой! Сталъ думать о ней. Неужели она умретъ и я умру, прощаясь съ нею на погребеніи. Мнѣ нельзя будетъ быть при ней во время болѣзни. Я не увижу уже ее и, Богъ знаетъ, что пошло въ голову. Прошибли почти слезы“. На другой день онъ посѣтилъ ее и узналъ, что она уже выздоравливаетъ, о чемъ записалъ въ Дневникѣ: „Четверть часа пробылъ у нея, разсказавъ мелькомъ все, прибавилъ, какъ мнѣ хотѣлось видѣть васъ, хоть записочку вашу“ [131]).

XIII.

Аграфена Ивановна Мансурова въ письмѣ своемъ изъ Берлина спрашивала Погодина: „Чѣмъ кончилась брань Муравьева?“.

Мы уже имѣли случай упоминать, что на вечерѣ, бывшемъ зимою 1827 года у княгини З. А. Волконской, Андрей Николаевичъ Муравьевъ „по своей неловкости“ имѣлъ несчастіе сломать руку колоссальной гипсовой статуи Аполлона, которая украшала театральную залу. Это, какъ извѣстно, навлекло на Муравьева злую эпиграмму Пушкина, который, не разобравъ стиховъ, тутъ же написанныхъ Андреемъ Николаевичемъ въ свое оправданіе на пьедесталѣ статуи, думалъ,

что онъ называетъ себя соперникомъ Аполлона, а потому написалъ:

Лукъ звенитъ, стрѣла трепещетъ,
И клубясь издохъ Пифонъ;
И твой ликъ побѣдой блещетъ
Бельведерскій Аполлонъ!
Кто жъ вступился за Пифона,
Кто разбилъ твой истуканъ?
Ты, соперникъ Аполлона,
Бельведерскій Митрофанъ.

Погодинъ же, не смотря на то, что былъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ Муравьевымъ, напечаталъ эту эпиграмму въ Московскомъ Вѣстникѣ, подъ заглавіемъ *Изъ Антологіи*, а въ своемъ *Дневникѣ* отмѣтилъ: „Эпиграмма на Муравьева. Къ Трубецкимъ сказать. Бельведерскій — хорошо". Но Муравьевъ держалъ себя въ этой исторіи съ большимъ достоинствомъ и, вскорѣ послѣ того, когда онъ встрѣтился у Трубецкихъ съ Погодинымъ, то послѣдній долженъ былъ сознаться, что Муравьевъ былъ „очень благоразуменъ" и даже поцѣловалъ Погодина; но этотъ „поцѣлуй Муравьева обжегъ его" [132]). Эпиграмма не озлобила Муравьева и противъ Пушкина, такъ какъ при встрѣчѣ съ Соболевскимъ Муравьевъ спросилъ его: „Какая могла быть причина, что Пушкинъ написалъ на меня такую злую эпиграмму?" Соболевскій отвѣчалъ: „Вамъ покажется страннымъ мое объясненіе, но это сущая правда; у Пушкина всегда была страсть выпытывать будущее и онъ обращался ко всякаго рода гадальщицамъ. Одна изъ нихъ предсказала ему, что онъ долженъ остерегаться высокаго бѣлокураго молодаго человѣка, отъ котораго придетъ ему смерть. Пушкинъ довольно суевѣренъ и потому, какъ только случай сведетъ его съ человѣкомъ, имѣющимъ всѣ сіи наружныя свойства, ему сейчасъ приходитъ на мысль испытать: не это ли роковой человѣкъ? Онъ даже старается раздражить его, чтобы скорѣе искусить свою судьбу. Такъ случилось и съ вами, хотя Пушкинъ къ вамъ очень расположенъ" [133])

Эпиграмму Пушкина знаютъ всѣ наизусть, но не многіе знаютъ отзывъ Пушкина о нашемъ почтенномъ путешественникѣ и церковномъ человѣкѣ, который сохранился въ одной черновой рукописи поэта, недавно только что обнародованной; а потому—мы считаемъ нравственнымъ долгомъ повторить его: „Въ 1829 году за Балканами остановились Русскія войска; начались переговоры, военныя дѣйствія прекратились. Во время переговоровъ, среди торжествующаго нашего стана, въ виду смятеннаго Константинополя, одинъ молодой поэтъ думалъ объ Іерусалимѣ, о Св. Храмѣ, нынѣ забытомъ христіанскою Европою для суетныхъ развалинъ Пареенона. Ему представилась возможность исполнить давнее желаніе, любимую мечту отрочества. А Н. Муравьевъ чрезъ Дибича получилъ дозволеніе посѣтить Св. Мѣста и отправился къ нимъ черезъ Константинополь и Александрію. Молодаго нашего путешественника привлекло туда не суетное желаніе обрѣсти краски для поэтическаго романа, не безпокойное любопытство, не надежда найти насильственныя впечатлѣнія для сердца усталаго и притупленнаго. Онъ посѣтилъ Св. Мѣста, какъ вѣрующій, какъ смиренный, простодушный крестоносецъ, жаждущій повергнуться въ прахъ предъ Гробомъ Христа Спасителя. Онъ не старается, какъ Шатобріанъ, воспользоваться противоположностью миеологій Библіи и Одиссеи, онъ не останавливается, онъ спѣшитъ, онъ мимоходомъ бесѣдуетъ съ преобразователемъ Египта, проникаетъ въ глубину пирамидъ, проникаетъ въ пустыню, оживленную черными шатрами Бедуиновъ, верблюдами каравановъ, вступаетъ въ Обѣтованную землю, наконецъ, съ высоты вдругъ видитъ Іерусалимъ“ [134]).

Замѣтимъ здѣсь кстати, что *эпиграмма* Пушкина нисколько не помѣшала А. Н. Муравьеву восхищаться произведеніями нашего знаменитаго писателя. Вотъ что писалъ онъ Погодину въ томъ же 1827 году отъ 27 ноября изъ Волоколамскаго села Александровскаго: „я опять въ деревнѣ, любезный Михаилъ Петровичъ, и пишу вамъ нѣсколько словъ, чтобы извѣстить васъ о моемъ пріѣздѣ. Въ предпослѣднемъ нумерѣ *Вѣст-*

ника я читалъ прекраснѣйшій отрывокъ изъ *Вадима,* хотя я его и прежде зналъ, но здѣсь прочелъ снова съ большимъ удовольствіемъ. По моему мнѣнію одно изъ лучшихъ твореній Пушкина; желалъ бы я прочесть всю поэму, которой сюжетъ занимателенъ и изобилуетъ поэзіею.

Въ это же время Муравьевъ издалъ въ Москвѣ сборникъ своихъ стихотвореній подъ заглавіемъ *Таврида* (1827 г.). Тогдашняя критика не оставила ихъ безъ вниманія. Баратынскій написалъ разборъ и напечаталъ его въ *Московскомъ Телеграфѣ,* а Погодинъ въ *Московскомъ Вѣстникѣ,* между прочимъ напечаталъ: „Мы получили разборъ сихъ стихотвореній, слишкомъ строгій и рѣзкій,—но не печатаемъ онаго, прочитавъ въ *Телеграфѣ* разборъ г. Баратынскаго, слишкомъ впрочемъ снисходительный. Держась середины, мы скажемъ вмѣстѣ съ Баратынскимъ, что въ стихотвореніяхъ г. Муравьева часто бываютъ видны слѣды піитическаго безпокойства и часто отсутствуетъ логика, какъ говоритъ другой рецензентъ". Посовѣтовавъ Муравьеву „воспользоваться замѣчаніями критиковъ, Погодинъ начинаетъ полемику съ Баратынскимъ. На его замѣчаніе, что „лирическая поэзія любитъ простоту", онъ возражаетъ: сіе положеніе очень неопредѣленно и подвержено многимъ исключеніямъ: укажемъ на простыя выраженія въ *эпическихъ* мѣстахъ священнаго писанія, на простую сцену въ *трагедіи Борисъ Годуновъ* Пушкина, а съ другой стороны на *Псалмы* Боговдохновеннаго Давида, на не простаго Пиндара". На справедливое замѣчаніе Баратынскаго, что „критика ѣдкая не приноситъ пользы ни читателямъ, ни авторамъ", Погодинъ говоритъ, „что съ слѣпыми нечего разсуждать о цвѣтахъ, а знатокъ и въ ѣдкой критикѣ различитъ истину отъ сужденій пристрастныхъ".

Какъ бы то ни было, но критика не произвела на Муравьева ободряющаго дѣйствія. „Весьма горько было", пишетъ онъ, „для моего авторскаго самолюбія читать критическій разборъ моей книжки, хотя и довольно снисходительный, но, какъ мнѣ тогда казалось, слишкомъ строгій. Критику на-

писалъ мой пріятель Баратынскій, оттого и не было ничего оскорбительнаго въ его сужденіяхъ, но для молодого писателя это былъ жестокій ударъ при самомъ началѣ литературнаго поприща, который рѣшилъ меня обратиться къ прозѣ“ [135]).

XIV.

Въ мартѣ 1827 года всѣ друзья Погодина были потрясены извѣстіемъ о внезапной кончинѣ въ Петербургѣ Дмитрія Владиміровича Веневитинова. Ѳ. С. Хомяковъ, съ которымъ онъ жилъ, писалъ своему брату „Хотѣлось бы для твоего исправленія, чтобы ты пожилъ съ нами здѣсь, посмотрѣлъ на Димитрія. Это—чудо, а не человѣкъ; я передъ нимъ благоговѣю. Представь себѣ, что у него въ 24-хъ часахъ, изъ которыхъ составлены сутки, не пропадаетъ ни минуты, ни полминуты. Умъ, воображеніе и чувства въ безпрестанной дѣятельности. Какъ скоро онъ всталъ, и до самаго того времени, какъ онъ выѣзжаетъ, онъ или пишетъ или бормочетъ новые стихи; пріѣхалъ изъ гостей, весело ли ему было или скучно, опять за то же принимается, и это продолжается обыкновенно до 3-хъ часовъ ночи. На наше житье-бытье смѣшно смотрѣть: мы сидимъ въ двухъ комнатахъ, одна подлѣ другой съ открытыми дверями, часто въ одной, и въ цѣлый день иногда двухъ словъ не промолвимъ иначе, какъ за обѣдомъ или когда придетъ кто-нибудь къ намъ въ гости. Онъ рѣдко читаетъ, гулять никогда не ходитъ, выѣзжаетъ только по обязанности. Я въ большомъ былъ объ немъ безпокойствѣ на прошедшей недѣлѣ: у него сдѣлалось вдругъ воспаленіе въ груди и въ легкихъ, такъ что принуждены были кровь пустить. Въ ночь передъ кровопусканіемъ онъ совсѣмъ не засыпалъ, хотя я у него свѣчи потушилъ, все стихи ex-promptu и, кажется, бредилъ, потому что разыгрывалъ одинъ въ постели какую-то комедію; по утру же, пред-

ставь мое удивленіе, какъ скоро я проснулся, продиктовалъ мнѣ пьесу. Черезъ два часа принуждены были ему пустить кровь—истинно сочинительская: она была какъ чернила [136])". Оправившись послѣ этой болѣзни, Веневитиновъ вошелъ въ полную колею свѣтской жизни: дѣлалъ визиты, ѣздилъ на вечера и балы. Въ одномъ изъ писемъ къ сестрѣ, на обѣщаніе прислать ей свой портретъ, онъ упоминаетъ объ измѣненіи своей внѣшности и замѣчаетъ: „Ты бы меня не узнала. Петербургскій климатъ завилъ мнѣ волосы и сдѣлалъ глаза чернѣе; кромѣ того я ношу бакенбарды, усы и испанскую бородку. Все это придаетъ мнѣ такой самоувѣренный видъ, какого ты во мнѣ не можешь представить" [137]). По свидѣтельству П. А. Плетнева, „въ продолженіе зимы, которую провелъ Веневитиновъ въ Петербургѣ, онъ былъ самою занимательною новостью, украшеніемъ, милымъ гостемъ въ каждомъ обществѣ, гдѣ только цѣнятъ или умъ, или талантъ, или свѣтскій успѣхъ. Но природа и воспитаніе будто для того только и показали намъ это прекрасное свое твореніе, чтобы мы, взглянувъ на него, удовольствовались *однимъ воспоминаніемъ* [138])".

Въ началѣ марта 1827 года Ланскіе хозяева дома*), въ которомъ жилъ Веневитиновъ съ Хомяковымъ, давали балъ; помѣщенія тѣхъ и другихъ раздѣлялись открытымъ дворомъ. Разгоряченный танцами, не обращая вниманія на морозъ, Веневитиновъ, возвращаясь домой, не счелъ нужнымъ потеплѣе одѣться и въ одномъ фракѣ перебѣжалъ по двору разстояніе до своей квартиры. Послѣдовавшая затѣмъ простуда не пощадила и безъ того разстроеннаго здоровья его. 15 марта 1827 года онъ скончался на рукахъ Ѳедора и Алексѣя Хомяковыхъ, А. И. Кошелева и князя В. Ѳ. Одоевскаго [139]).

Лишь черезъ три дня послѣ кончины Веневитинова Погодинъ будучи у Трубецкихъ, узналъ о его болѣзни и тотчасъ же отправился къ его брату и Рожалину, тотъ подтвердилъ печальное извѣстіе, а на другой день онъ уже самъ

*) Домъ этотъ стоялъ на мѣстѣ нынѣшняго № 82, на Мойкѣ между Фонарнымъ и Прачешнымъ переулками.

принесъ письмо. извѣщавшее о кончинѣ Веневитинова. „Неужели такъ!“ восклицаетъ Погодинъ въ своемъ *Дневникѣ*, „ревѣлъ безъ памяти. Кого мы лишились? Намъ нѣтъ *полнаго* счастья теперь! Только что соединился было кругъ, и какое кольцо вырвано. Ужасно, ужасно“. Когда онъ сообщилъ объ этомъ Соболевскому, то тотъ „зарыдалъ“. Кончину Веневитинова оплакивала также и княжна Трубецкая. „Его одного“, замѣчаетъ поэтому поводу Погодинъ „почиталъ я достойнымъ имѣть эту руку. Тоска. Тоска“. За мѣсяцъ до своей кончины Веневитиновъ писалъ Погодину: „скажи княжнѣ Александрѣ Ивановнѣ, что я не нахожу съ кѣмъ мнѣ здѣсь безъ нея танцовать“ [140]). А князь Одоевскій писалъ: „при семъ найдете стихи Димитрія“; вы знаете, что онъ ощущалъ часто въ себѣ необходимость выражаться стихами или лучше каждую минуту жизни обращать въ поэзію. Отъ того и такое множество его маленькихъ стихотвореній. Стиховъ прилагаемыхъ ни у кого нѣтъ, кромѣ меня. Одни написалъ онъ, встрѣчая у меня новый годъ; другіе на моей нотной книгѣ, на которой Скарятинъ нарисовалъ богиню съ пятью звѣздами. Могу также доставить музыкальное произведеніе Дмитрія. Мнѣ бы хотѣлось издать ихъ вмѣстѣ съ сочиненіями моего друга, чудно соединявшаго въ себѣ всѣ три искусства“. Веневитиновъ по замѣчанію Шевырева, „какъ мгновенная звѣзда пролетѣлъ отъ земли къ небу — и исчезъ, надолго оставивъ за собою свое лучезарное сіяніе“ [141]).

Бренные останки Веневитинова были перевезены въ Москву и преданы землѣ въ Симоновомъ монастырѣ. Старецъ Дмитріевъ почтилъ его память слѣдующимъ надгробіемъ *):

Здѣсь юноша лежитъ подъ хладною доскою,
Надъ нею роза дышетъ—
А старость дряхлою рукою
Ему надгробіе пишетъ [142]).

Осиротѣлые же друзья помѣстили на страницахъ *Московскаго Вѣстника* послѣднюю его пророческую пѣснь: „Незаб-

*) Вспомни стр. 77 и сравни съ эпиграммою.

венный другъ нашъ чудеснымъ образомъ предрекъ свою судьбу. Черезъ недѣлю послѣ отправленія къ намъ изъ Петербурга элегіи, онъ занемогъ нервическою горячкою, которая въ восемь дней низвела его въ могилу".

..Душа сказала мнѣ давно:
Ты въ мірѣ молніей промчишься!
Тебѣ все чувствовать дано,
Но жизнью ты не насладишься...

Судьба въ дарахъ своихъ богата,
И не одинъ у ней законъ:
Тому—процвѣсть развитой силой
И смертью жизни слѣдъ стереть....

Другому рано умереть,
Но жить за сумрачной могилой!
Мнѣ сладко вѣрить, что со мною
Не все, не все погибнетъ вдругъ,.....

И смѣлый стихъ не разъ встревожитъ
Умъ пылкій юноши во снѣ,
И старецъ со слезой, быть можетъ,
Труды не лживые прочтетъ—

Онъ въ нихъ души печать найдетъ
И молвитъ слово состраданья:
„Какъ я люблю его созданья!
„Онъ дышетъ жаромъ красоты,

„Въ немъ умъ и сердце согласились,
„И мысли полныя носились
„На легкихъ крыліяхъ мечты,
„Какъ зналъ онъ жизнь, какъ мало жилъ!"

Сбылись пророчества Поэта
И другъ въ слезахъ съ началомъ лѣта
Его могилу посѣтилъ.
Какъ зналъ онъ жизнь! какъ мало жилъ!" [143]).

Много, много лѣтъ спустя послѣ кончины Веневитинова Погодинъ писалъ: „Дмитрій Веневитиновъ былъ любимцемъ, сокровищемъ всего нашего кружка. Всѣ мы любили его горячо. Точно такъ предшествовавшее поколѣніе, поколѣніе Жуковскаго, относилось къ Андрею Тургеневу, а слѣдующее, забредшее на другую дорогу, къ Николаю Станкевичу. Въ Карамзинскомъ кружкѣ это мѣсто занималъ Петровъ. И всѣ

четыре поколѣнія лишились безвременно своихъ представителей, какъ будто принося искупительныя жертвы. Двадцать пять лѣтъ собирались мы остальные въ этотъ роковой день, 15 марта въ Симоновъ монастырь, служили панихиду, и потомъ обѣдали вмѣстѣ, оставляя одинъ приборъ для отбывшаго друга“ [144]).

XV.

Въ то время, когда Погодинъ горькими слезами оплакивалъ раннюю кончину своего друга Веневитинова, Шевырева не было въ Москвѣ. Еще зимою 1827 года онъ отправился посѣтить свою родную Саратовскую губернію и 19 марта, ничего еще не зная о постигшемъ *Московскій Вѣстникъ* несчастіи, писалъ Погодину: „Я теперь въ Саратовѣ, ѣздилъ по губернскимъ дворянамъ, чинамъ, зѣвалъ, бесѣдуя съ ними, ѣлъ икру чудную и стерлядку, видѣлъ Волгу и любовался ея широтой. Все голо, пусто, все покрыто снѣгомъ. Завтра ѣду въ деревню. До сихъ поръ ровно ничего не сдѣлалъ“. Но тамъ Шевырева постигла тяжкая болѣзнь перенеся которую, онъ писалъ опять Погодину, но уже въ іюнѣ: „Я теперь такой вѣры, что со всякимъ изъ насъ бываетъ переломъ въ жизни, который долженъ непремѣнно явиться въ какой-нибудь болѣзни. Горячку свою считаю важною эпохою въ своей жизни. Потому послѣ нея мнѣ должно совершенно окрѣпнуть и потомъ дѣло дѣлать. Почти мѣсяцъ проѣздили мы на богомолье и къ роднымъ“ [145]).

Между тѣмъ началось общее переселеніе архивныхъ юношей, а вмѣстѣ съ тѣмъ друзей Погодина и сотрудниковъ *Московскаго Вѣстника* въ Петербургъ на службу. Первыми отправились туда князь Одоевскій, несчастный Веневитиновъ, Кошелевъ, а за ними Владиміръ Павловичъ Титовъ, принимавшій дѣятельнѣйшее участіе въ *Московскомъ Вѣстникѣ*. Мая 9-го 1827 г. онъ уже писалъ изъ Петербурга Погодину: „До сихъ поръ ни за что

не могъ приняться; теперь остепенюсь и примусь за разборъ Платона. Алексѣй Хомяковъ кажется и не думаетъ ѣхать въ Москву, заботиться о постановкѣ *Ермака* на здѣшней сценѣ; недавно написалъ стихотвореніе *Поэтъ*. Вашего покорнаго слуги жребій брошенъ; я вступилъ уже въ азіатскій департаментъ, гдѣ буду служить подъ непосредственнымъ начальствомъ Тимковскаго". Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ прибавляетъ: „Вчера былъ почти нечаянно въ обществѣ пансіонскихъ пріятелей; но, кажется, отъ всѣхъ ихъ ни шерсти, ни молока не добьешься [146]).

Уѣзжая изъ Москвы, Титовъ заручился рекомендательнымъ письмомъ Максимовича къ его дядѣ, извѣстному путешественнику по Китаю Егору Ѳедоровичу Тимковскому. Въ одномъ изъ писемъ своихъ изъ Петербурга Титовъ поручаетъ „сказать Максимовичу усердное спасибо за его рекомендацію, причемъ отозвался о Тимковскомъ такъ: „онъ прелюбезный человѣкъ, очень со мною ласковъ и полезенъ мнѣ совѣтами" [147]).

Пользуясь этимъ случаемъ, почтимъ память Михаила Александровича Максимовича, который въ теченіе своей долгой жизни шелъ съ Погодинымъ рука объ руку и почти одновременно окончивъ свое земное поприще, сошелъ въ могилу. Въ то время Максимовичъ принадлежалъ къ сотрудникамъ *Московскаго Телеграфа*, слѣдовательно къ другому приходу; но это однако не мѣшало ему находиться въ дружбѣ съ Погодинымъ и со всѣмъ кругомъ *Московскаго Вѣстника*.

Мы уже знаемъ, что въ первый разъ Погодинъ увидѣлъ Максимовича въ 1820 году у гроба его дяди, а своего учителя латинской словесности, знаменитаго Романа Ѳедоровича Тимковскаго. Тогда Максимовичъ только что пріѣхалъ изъ Малороссіи въ Москву искать премудрости въ университетѣ. Свѣтъ Божій Максимовичъ увидалъ 3 сентября 1804 года въ Малороссійской степи, на востокѣ отъ Золотоноши, въ Згарскомъ хуторѣ Тимковщинѣ. Шестилѣтнимъ мальчикомъ онъ былъ привезенъ въ Золотоношу, въ Благовѣщенскій женскій монастырь, на ученіе книжное и въ тотъ же день чер-

ница Варсонофія, сестра генерала Голенка, посадила его съ указкою за грамотку. Обычный курсъ первоначальнаго ученія той поры—*грамотка*, *часословецъ* и *псалтырь* весь былъ пройденъ въ монастырѣ у той-же черницы. Потомъ первыя свѣдѣнія въ наукахъ Максимовичъ пріобрѣлъ отъ старшаго своего дяди, Ильи Ѳедоровича Тимковскаго, жившаго послѣ окончанія своего профессорства въ Харьковѣ, селѣ Турановкѣ, близъ Глухова. Ученіе Максимовичъ продолжалъ въ Новгородъ-Сѣверской гимназіи. Рано развились въ душѣ его любовь къ природѣ и поэтическое настроеніе. Еще въ гимназіи онъ то и дѣло бродилъ по садамъ и лѣсамъ, собирая растенія и мечтая сдѣлаться московскимъ профессоромъ ботаники. 25 октября 1819 года Максимовичъ съ сердечнымъ трепетомъ увидалъ „Бѣлокаменную“ и остановился у дяди своего профессора Р. Ѳ. Тимковскаго, который былъ первымъ путеводителемъ его по Кремлю. Тимковскій записалъ своего племянника въ студенты словеснаго отдѣленія и помѣстилъ въ одинъ изъ кандидатскихъ нумеровъ окнами на Никитскую. Объ опредѣленіи своего племянника на казенный счетъ Тимковскій и слышать не хотѣлъ. Но Максимовичъ не долго имѣлъ счастіе пользоваться руководствомъ своего знаменитаго дяди, такъ какъ тотъ скончался 15 января 1820 года. На лекціяхъ Мерзлякова Максимовичъ встрѣчался съ Погодинымъ, и они вмѣстѣ восхищались блестящими импровизаціями и критическими разборами любимаго профессора. Словесникъ однако не покинулъ любезной ему ботаники и усердно исхаживалъ московскія окрестности, собирая мѣстную флору [148]). Много лѣтъ спустя, а именно 2 мая 1870 г. Михаилъ Александровичъ Максимовичъ, поминая свою юность, писалъ намъ: „Владиміръ Сергѣевичъ Филимоновъ былъ первый поэтъ, позвавшій меня, первогоднаго студента, въ маѣ 1820 года, къ себѣ на обѣдъ, на которомъ былъ и подстриженный въ кружокъ въ долгополомъ синемъ сюртукѣ купецъ Николай Полевой, торговавшій тогда въ Москвѣ сладкою водкою, *Филимоновкою*, но въ тоже время уже писавшій

статьи въ *Вѣстникъ Европы*, подъ наставленіемъ Каченовскаго, которому рекомендовалъ его Филимоновъ, какъ самоучку. Въ день помянутаго обѣда у *мецената*, такъ звалъ онъ Филимонова, читалъ онъ свою статейку *Овсяный кисель*— пасквиль на Жуковскаго. Тогда началось мое знакомство съ знаменитымъ издателемъ *Московскаго Телеграфа*. А позванъ я былъ на обѣдъ какъ переводчикъ Горація, будучи рекомендованъ ему письменно моимъ незабвеннымъ дядею Р. Ѳ. Тимковскимъ, однимъ изъ геніальнѣйшихъ людей, какихъ зналъ я на моемъ вѣку, но несчастливо протекшимъ путь своей земной жизни" [149]). Погодинъ уже въ преклонныхъ годахъ писалъ Максимовичу: „Далѣе встаетъ на нашемъ горизонтѣ величавая фигура Павлова, который только что воротился изъ Германіи съ натуральною философіею Шеллинга и Окена, и началъ проповѣдывать новое ученіе о природѣ. Какъ ошеломлены мы были его полюсами, его непобѣдимыми силлогизмами! Твои *Размышленіе о природѣ* и диссертація *О системахъ растительнаго царства* вышли плодомъ новаго ученія, которое отозвалось и въ *Основаніи Зоологіи* Щуровскаго;— мнѣ доставили вы нѣсколько сравненій для *Историческихъ Афоризмовъ*. Тогда же вышла и моя диссертація магистерская *О происхожденіи Руси*, которой тезисы ты, злодѣй, кажется, и на ноты положилъ, по крайней мѣрѣ, помню, распѣвалъ первый:

Варяги—Русь—не Шведы,
Варяги—Русь—не Пруссы,
Варяги—не Козары.
Варяги составляли
Особенное племя
Норманское.

Но вотъ являются *Телеграфъ* и *Московскій Вѣстникъ* съ зародышами западничества и славянофильства. Война завязалась вскорѣ не на животъ, а на смерть" [150]). Ксенофонтъ Полевой характеризуетъ любезнаго намъ Максимовича живыми чертами: „Максимовичъ" пишетъ онъ, „вскорѣ сдѣ-

лался домашнимъ человѣкомъ въ нашемъ домѣ, такъ что проводилъ цѣлые дни, а иногда и ночевалъ у насъ. Онъ былъ довольно оригиналенъ своимъ малороссійскимъ юморомъ и страстью къ ботаникѣ. Въ нашемъ кругу всѣ близкіе знакомые любили шутить съ Максимовичемъ, даже подсмѣивались надъ любимыми его занятіями, потому что онъ пресмѣшно разсказывалъ о нихъ, иногда вставляя латинскія слова въ свои разсказы. Когда онъ былъ уже домашнимъ человѣкомъ у насъ, Николай Алексѣевичъ называлъ его не иначе, какъ dominus. Но, шутя и балагуря, юноша dominus сдѣлался кандидатомъ и потомъ магистромъ естественныхъ наукъ. Онъ былъ страшный лѣнтяй и всегда казался дремлющимъ; но взамѣнъ всего, онъ обладалъ удивительною смѣтливостью, умѣлъ спрашивать, слушать и, такъ сказать, учился изъ разговоровъ. Когда многіе тогдашніе молодые люди читали, изучали нѣмецкихъ философовъ, онъ не читалъ ихъ, но слушалъ сужденія и объясненія профессора Павлова и всей фаланги его послѣдователей, съ которыми былъ знакомъ почти со всѣми. Словомъ, онъ вполнѣ воспользовался правиломъ древней мудрости: „Кто говоритъ, тотъ сѣетъ; кто слушаетъ, тотъ собираетъ". Отличаясь въ обхожденіи малороссійскимъ простодушіемъ, онъ чрезвычайно любилъ знакомиться съ людьми самыми противоположными по всѣмъ отношеніямъ и, легко сближаясь съ ними, наконецъ, заставлялъ ихъ исполнять свои требованія, даже свои прихоти, и всѣ, смѣясь, дѣлали для него, чтó онъ хотѣлъ. При всемъ наружномъ простодушіи онъ отличался необыкновенною разсудительностію, умомъ проницательнымъ и тѣмъ окончательно привязывалъ къ себѣ" [151]). Не даромъ же И. В. Кирѣевскій говорилъ о Максимовичѣ, что въ немъ есть драгоцѣнный камушекъ; а перо у него золотое съ брилліантовымъ кончикомъ [152]). Написанное имъ сочиненіе по руководству натуральной исторіи Окена *Главныя основанія Зоологіи* обратило на него вниманіе добраго князя В. Ѳ. Одоевскаго, который отыскалъ его въ кандидатскихъ нумерахъ и ввелъ въ кругъ своихъ друзей. Съ того времени

началось сближенiе Максимовича съ литературнымъ мiромъ, богатое воспоминанiями [153]). Въ описываемое время, т.-е. въ 1827 году, Максимовичъ напечаталъ и защитилъ диссертацiю на степень магистра *О системахъ растительнаго царства* и въ томъ же году издалъ *Малороссiйскiя пѣсни*. Этому изданiю радовался Пушкинъ; а С. П. Шевыревъ горячо привѣтствовалъ его въ *Московскомъ Вѣстникѣ:* „Любители народной поэзiи должны обратить вниманiе на новоизданныя Малороссiйскiя пѣсни. Почтенный собиратель, удѣляющiй время отъ успѣшныхъ занятiй въ наукахъ естественнымъ занятiямъ отечественною литературою, вполнѣ заслуживаетъ нашу благодарность. Наши филологи должны смотрѣть на всякое подобное изданiе, какъ на упрекъ себѣ въ бездѣйственности. Какъ до сихъ поръ мы не спѣшимъ уловить Русскiя пѣсни, столь родныя нашему сердцу, которыя, можетъ быть, скоро унесетъ съ собою на-вѣки старое поколѣнiе? Хотя низшiй классъ народа не столько подверженъ влiянiю перемѣнчивой моды, какъ сословiе высшее, въ которомъ, начиная отъ поэмъ стихотворныхъ до золотаго колечка на рукѣ красавицы, все измѣняется быстро—однако, несмотря на то и поселяне наши подвергаются общему стремленiю всѣхъ людей—мѣнять старое на новое. Прежнiя пѣсни замѣняются другими, какъ алый кумачъ—московскимъ ситцемъ и холстинской, какъ шитый золотомъ кокошникъ и бѣлая фата—платкомъ гродетуровымъ. На югѣ Россiи, въ мѣстахъ приволжскихъ старыя пѣсни и сказки остаются собственностью однихъ стариковъ и старухъ и вскорѣ сдѣлаются добычей забвенiя. Вѣтренная молодежь любитъ пѣсни новѣйшаго сложенiя", и сколько могъ С. П. Шевыревъ замѣтить, онѣ не схожи со старыми не только содержанiемъ, но и голосами. „Древнiя пѣсни разбойничьи, столь прежде знакомыя берегамъ нашей поэтической Волги, рѣдко на ней раздаются. Несмотря на то, что сiя рѣка, нестолько носившая суда военныя, сколько торговыя, заслуживаетъ названiя *купеческой*; но отдадимъ ей справедливость: она внушала много пѣсенъ поэтическихъ, и кто не пожалѣетъ, если онѣ исчез-

нутъ въ памяти русскихъ? Приносимъ благодарность за словарь, приложенный къ изданію. Онъ тѣмъ болѣе заслуживаетъ похвалу, что въ ономъ показано сходство словъ въ разныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, что стоило большого труда терпѣливому и любознательному издателю.

Любители и любительницы поэзіи найдутъ въ малороссійскихъ пѣсняхъ свѣтлыя мысли и теплыя чувствованія сердца. Поэты найдутъ въ нихъ источникъ вдохновенія, а филологи пищу для своего ума наблюдательнаго" [154]).

Такимъ образомъ со времени изданія малороссійскихъ пѣсенъ въ 1827 году Максимовичъ является уже на поприщѣ словесности, но вскорѣ ему пришлось совсѣмъ разстаться *съ розою и лиліею.*

XVI.

Московскій Вѣстникъ сблизилъ Погодина и съ присно-памятными братьями Кирѣевскими, Иваномъ и Петромъ. Сближеніе это перешло въ дружбу, непрерывавшуюся до кончины ихъ. Въ исторіи просвѣщенія нашего Кирѣевскіе играютъ важную роль, а потому намъ подобаетъ познакомиться съ ними нѣсколько короче.

По свидѣтельству Максимовича, родъ Кирѣевскихъ принадлежитъ къ числу самыхъ старинныхъ и значительныхъ родовъ Бѣлевскихъ и Козельскихъ дворянъ. Въ старину Кирѣевскіе служили по Бѣлеву, владѣли въ Бѣлевскомъ уѣздѣ многими вотчинами и помѣстьями, и имъ изстари принадлежало село Долбино въ семи верстахъ отъ г. Бѣлева. Замѣчательное красотою мѣстоположенія, Долбино знаменито въ округѣ своею старинною церковью, въ которой находится чудотворный образъ Успенія Пресвятой Богородицы, усердно чтимый жителями. Въ продолженіе лѣтнихъ мѣсяцевъ почти ежедневно являются изъ г. Бѣлева благочестивые горожане отслужить молебенъ и поклониться св. иконѣ. Въ августѣ во

время успенской ярмарки нѣсколько тысячъ народа стекается въ Долбино изъ всѣхъ окружныхъ городовъ и уѣздовъ.

Въ Долбинѣ прошли дѣтскіе годы Ивана и Петра Кирѣевскихъ. Первый родился въ Москвѣ 22 марта 1806 года, а послѣдній въ Долбинѣ 11 февраля 1808 года. Отецъ ихъ Василій Ивановичъ Кирѣевскій былъ человѣкъ замѣчательно просвѣщенный. Онъ зналъ пять языковъ; библіотека, имъ собранная, свидѣтельствуетъ о его любви къ чтенію; въ молодости самъ переводилъ и даже печаталъ романы и другія мелкія литературныя произведенія того времени; но по преимуществу онъ занимался естественными науками, физикой, химіей и медициной; охотно и много работалъ въ своей лабораторіи; съ успѣхомъ лѣчилъ всѣхъ, требовавшихъ его помощи. Онъ служилъ въ гвардіи и вышелъ въ отставку секундъ-маіоромъ; въ 1805 году женился на Авдотьѣ Петровнѣ Юшковой. Во время первой милиціи былъ онъ выбранъ въ дружинные начальники. Въ 1812 году перевезъ всю свою семью въ Орелъ. Здѣсь и въ Орловской деревнѣ своей Кирѣевской Слободкѣ, въ трехъ верстахъ отъ Орла, онъ далъ пріютъ многимъ семействамъ, бѣжавшимъ изъ Минска, Смоленска, Вязьмы и Дорогобужа; взялъ на себя лѣченіе, содержаніе и продовольствіе девяноста человѣкъ раненныхъ русскихъ, съ христіанскимъ самоотверженіемъ ухаживалъ за больными, брошенными французами, и на подвигѣ христіанскаго сердоболія, заразившись тифозною горячкою, скончался въ Орлѣ 1-го ноября 1812 года. Тѣло его было перевезено въ Долбино и похоронено въ церкви.

Авдотья Петровна Кирѣевская возвратилась съ дѣтьми въ Долбино. Сюда въ началѣ 1813 года переѣхалъ Василій Андреевичъ Жуковскій, ея близкій родственникъ, воспитанный съ нею вмѣстѣ, который еще съ дѣтства былъ съ нею друженъ. Жуковскій прожилъ здѣсь почти два года. Въ концѣ 1815 года онъ оставилъ свою Бѣлевскую родину; поѣхалъ въ Петербургъ для изданія своихъ стихотвореній, надѣясь возвратиться скоро, думая посвятить себя воспитанію маленькихъ

Кирѣевскихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ принять на себя опекунскія заботы. Жуковскому однако не суждено было возвратиться въ Долбино и поселиться „среди соловьевъ и розъ“. Онъ остался въ Петербургѣ, вступилъ въ службу при Дворѣ; но и оттуда писалъ въ свое любезное Долбино: „Знаете, что всякій ясный день, всякій запахъ березы производитъ во мнѣ родъ Heimweg“...

Нѣсколько лѣтъ, проведенныхъ вблизи такого человѣка, каковъ Жуковскій, не могли пройти безъ слѣда для братьевъ Кирѣевскихъ. Иванъ развился весьма рано. Еще въ 1813 году онъ такъ хорошо владѣлъ шахматною игрою, что плѣнный генералъ Бонами не рѣшался играть съ нимъ, боясь проиграть семилѣтнему мальчику; онъ всегда съ любопытствомъ и по нѣскольку часовъ слѣдилъ за игрою ребенка. Десяти лѣтъ Иванъ Кирѣевскій былъ коротко знакомъ со всѣми лучшими произведеніями русской словесности и такъ-называемой классической французской литературы, а двѣнадцати онъ хорошо зналъ нѣмецкій языкъ. Конечно, тихіе Долбинскіе вечера, когда Жуковскій почти каждый разъ прочитывалъ что-нибудь, только что имъ написанное, должны были имѣть сильное вліяніе на весь строй его будущей жизни; отсюда, быть можетъ, его рѣшительная склонность къ литературнымъ занятіямъ, идеально-поэтическое настроеніе его мыслей. Для Ивана Кирѣевскаго Жуковскій всегда оставался любимымъ поэтомъ. Излишне, кажется, говорить объ ихъ дружескихъ отношеніяхъ, неизмѣнявшихся во все продолженіе ихъ жизни. Жуковскій горячо любилъ Кирѣевскаго, вполнѣ цѣня и его способности, и возвышенную чистоту его души. При всѣхъ литературныхъ предпріятіяхъ Кирѣевскаго Жуковскій спѣшилъ являться первымъ и ревностнымъ сотрудникомъ, и, если обстоятельства того требовали, энергическимъ заступникомъ. Зная Кирѣевскаго, онъ всегда смѣло могъ ручаться за благородство его стремленій, за искренность его желаній блага. Впослѣдствіи Жуковскій писалъ А. П. Елагиной: „въ вашей семьѣ заключается цѣлая династія хорошихъ писателей—пустите ихъ всѣхъ по этой дорогѣ! Дойдутъ къ добру. Ваня—

самое чистое, доброе, умное и даже философское творенiе. Его узнатъ покороче весело“. До пятнадцатилѣтняго возраста Кирѣевскiе оставались безвыѣздно въ Долбинѣ; у нихъ не было ни учителей, ни гувернеровъ; они росли и воспитывались подъ непосредственнымъ руководствомъ матери и вотчима. Въ 1817 году А. П. Кирѣевская вышла замужъ за своего внучатнаго брата Алексѣя Андреевича Елагина. Елагинъ, горячо и нѣжно любившiй Кирѣевскихъ, былъ ихъ едиственнымъ учителемъ до 1822 года, и молодые Кирѣевскiе привязались къ своему второму отцу всѣми силами своей любящей души. Иванъ Кирѣевскiй, какъ уже замѣчено, развивался быстро, не говоря уже о томъ, что онъ еще въ деревнѣ прекрасно выучился по-французски и по нѣмецки, коротко познакомился съ литературами этихъ языковъ, перечиталъ множество историческихъ книгъ и основательно выучился математикѣ. Еще въ Долбинѣ началъ онъ читать философическiя сочиненiя и первые писатели, которые случайно попались ему подъ руки, были Локкъ и Гельвецiй, но они не оставили вреднаго впечатлѣнiя на его отроческой душѣ. А А. Елагинъ, въ началѣ усердный почитатель Канта, котораго *Критику чистаго разума* онъ вывезъ съ собою изъ-заграничныхъ походовъ, въ 1819 году черезъ Веланскаго познакомился съ сочиненiями Шеллинга, сдѣлался его ревностнымъ поклонникомъ и въ деревнѣ переводилъ его письма о догматизмѣ и критицизмѣ. Свѣтлый умъ и врожденныя философическiя способности И. В. Кирѣевскаго были ярки въ этомъ почти что отроческомъ возрастѣ; прежнiе литературные разговоры во время длинныхъ деревенскихъ вечеровъ нерѣдко стали замѣняться бесѣдами и спорами о предметахъ чисто философическихъ“ [155]).

Дальнѣйшее воспитанiе дѣтей потребовало переѣзда изъ Долбина въ Москву. Это произошло въ 1822 году. Елагины поселились у Сухаревой башни, въ домѣ Померанцева. Впослѣдствiи они купили себѣ у Д. Б. Мертваго большой домъ близъ Красныхъ воротъ въ тупомъ закоулкѣ за церковью Трехъ Святителей съ обширнымъ тѣнистымъ садомъ и съ

почти сельскимъ просторомъ. Домъ этотъ долго былъ извѣстенъ не только московскому образованному обществу, но и всему литературному и ученому люду [156]). Въ Москвѣ молодые Кирѣевскіе брали уроки у Снѣгирева, Мерзлякова, Цвѣтаева и другихъ профессоровъ московскаго университета; слушали публичныя лекціи профессора Павлова; выучились по-англійски. Нѣкоторые уроки бралъ Иванъ Кирѣевскій вмѣстѣ съ Александромъ Ивановичемъ Кошелевымъ, и съ этихъ поръ начинается дружба Кирѣевскаго и Кошелева, крѣпкая, на всю жизнь. Они вмѣстѣ выдержали такъ называемый комитетскій экзаменъ и въ одно время вступили на службу въ 1824 году въ Московскій Главный Архивъ Иностранной Коллегіи. Кирѣевскіе были связаны между собою такою нѣжною, горячею дружбою, которая бываетъ рѣдка даже между братьями. Петръ Васильевичъ, стяжавшій себѣ впослѣдстіи имя собраніемъ русскихъ пѣсенъ, въ молодости былъ крайне застѣнчивъ, потому изъ друзей брата съ нимъ дружились только—тѣ, кого судьба приводила пожить нѣсколько лѣтъ подъ одной кровлей. Чрезъ *архивныхъ юношей*, своихъ товарищей, Кирѣевскіе познакомились съ Погодинымъ и приняли живѣйшее участіе въ *Московскомъ Вѣстникѣ*. До сего времени Иванъ Кирѣевскій еще не выступалъ на литературное поприще, къ которому готовился и на которое уже тогда имѣлъ самый возвышенный взглядъ. „Мы возвратимъ“, писалъ онъ въ 1827 году Кошелеву, „права истинной религіи, изящное согласимъ съ нравственностью, возбудимъ любовь къ правдѣ, глупый либерализмъ замѣнимъ уваженіемъ законовъ и чистоту жизни возвысимъ надъ чистотою слога“. Въ это же время на вечерѣ у княгини З. А. Волконской князь П. А. Вяземскій взялъ съ Ивана Кирѣевскаго слово написать что нибудь для прочтенія и онъ написалъ *Царицынскую ночь*. Это былъ первый его литературный опытъ, сдѣлавшійся извѣстнымъ многочисленному кругу слушателей [157]). Братъ же его Петръ напечаталъ въ томъ же 1827 году въ *Московскомъ Вѣстникѣ* статью о *Курсѣ греческой новѣйшей литературы*, читанномъ

въ Женевѣ Яковаки *Ризо* Нерулусомъ, бывшимъ первымъ министромъ греческихъ господарей Валахіи, Молдавіи (Женева 1827 г.) [158]). На эту статью обратилъ вниманіе тогдашній министръ юстиціи Дмитрій Васильевичъ Дашковъ и, по свидѣтельству его племянника В. П. Титова, „исписалъ поля этой статьи своими примѣчаніями и опроверженіями" [159]). Въ *Дневникѣ* 1827 г. подъ 3 мая Погодинъ записалъ объ Иванѣ Кирѣевскомъ: „Добрѣйшій малый съ самымъ горячимъ и кроткимъ сердцемъ"; а однажды, послѣ того какъ посѣтилъ Кирѣевскихъ вмѣстѣ съ Рожалинымъ, онъ замѣтилъ: „говорилъ очень умно о Россіи, о томъ мѣстѣ, которое предоставлено ей между народами, о національности" [160]).

XVII.

Въ числѣ ревностныхъ сотрудниковъ *Московскаго Вѣстника* слѣдуетъ упомянуть и Ивана Сергѣевича Мальцева, тоже въ то время „архивнаго юношу". Онъ дѣйствовалъ тамъ не только перомъ, но и карандашомъ, и первый нумеръ *Московскаго Вѣстника* 1827 года украшенъ его работы портретомъ Гёте, а пятый—портретомъ Вальтеръ-Скотта. Мальцевъ же первый познакомилъ чрезъ *Московскій Вѣстникъ* русскихъ читателей съ вышедшимъ въ 1827 году произведеніемъ Вальтеръ Скотта *Жизнь Наполеона.* Книга эта имѣла громадный успѣхъ въ Европѣ, но въ Россіи оставалась подъ строгимъ запрещеніемъ. Несмотря на это Мальцовъ доставилъ въ *Московскій Вѣстникъ* сначала статью: *Нѣсколько словъ объ Исторіи Наполеона Бонапарта, сочиненной Вальтеръ-Скоттомъ,* а затѣмъ сталъ печатать тамъ же и отрывки изъ этой книги [161]). Въ этомъ дѣлѣ принималъ участіе Титовъ, о чемъ свидѣтельствуетъ письмо его изъ Петербурга, отъ 18 іюля 1827 года: „Вотъ вамъ еще горячій блинъ, любезные мои друзья издатели. Бога ради, Погодинъ, не обожгись имъ и не сойди съ ума, получа отрывки изъ Валь-

теръ-Скотта. Дѣло серьезное; этотъ случай покажетъ журнальной собратіи, что мы ближе ихъ къ источникамъ и умѣемъ ими пользоваться. Дорога каждая недѣля: потому требую, чтобъ сіи отрывки были помѣщены по колику то возможно наипоспѣшнѣе. Этому щеголеватому выраженію научился я въ департаментѣ. Постараюсь уломать Мальцова окончить Вальтеръ-Скотта къ шестнадцатому нумеру“ [162]).

Къ кругу *Московскаго Вѣстника*, а, слѣдовательно, къ близкимъ Погодину людямъ принадлежалъ также Николай Александровичъ Мельгуновъ. Онъ родился въ 1804 году, въ Орловской губерніи, гдѣ отецъ его имѣлъ значительное имѣніе и пользовался общимъ уваженіемъ. Для воспитанія своего единственнаго сына онъ не щадилъ ничего. Въ 1819 году молодой Мельгуновъ отданъ былъ въ благородный пансіонъ при педагогическомъ институтѣ въ Петербургѣ. Потомъ ѣздилъ за границу съ профессоромъ Василевскимъ. Въ 1824 году Мельгуновъ выдержалъ экзаменъ, установленный указомъ 1809 года, и поступилъ на службу въ Московскій архивъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Вмѣстѣ съ своими товарищами *архивными юношами* Титовымъ и Шевыревымъ участвовалъ въ переводѣ книги Тика *Объ искусствѣ и художникахъ, размышленіе отшельника, любителя изящнаго*. Переводъ этотъ былъ изданъ въ Москвѣ въ 1826 году; а годъ спустя онъ задумалъ совершить путешествіе по Россіи, поощряемый къ тому почтеннымъ Кеппеномъ, который также желалъ склонить къ тому и Погодина и писалъ ему: „Весьма, весьма желаю имѣть съ вами свиданіе въ Тавридѣ. Не уклоняйтесь отъ путешествія съ г. Мельгуновымъ. Дай Богъ, чтобы наши дворяне почаще стали предпринимать поѣздки по отечественнымъ краямъ. Послѣ путешествія по Россіи вамъ не трудно, думаю, будетъ обрѣсти средства къ путешествію по чужимъ краямъ, гдѣ вамъ тогда вдвое болѣе рады будутъ“ [163]). Но занятія помѣшали ему воспользоваться благими совѣтами Кеппена, несмотря на собственное желаніе; памятникомъ же путешествія Мельгунова осталось слѣдующее любопытное его

письмо къ Погодину: „Видно, вы родились подъ счастливымъ созвѣздіемъ; иначе бы поѣхали со мною. Представьте, что вотъ уже ровно полтора мѣсяца, какъ я сижу въ Кіевѣ между четырехъ стѣнъ ненавистной комнаты. Правда, лучъ надежды проглянулъ и я, какъ отогрѣтая муха, расправляю понемногу крылья и готовлюсь въ дальнѣйшій путь. Дорогу отъ Москвы до Орловской деревни я не считаю за путешествіе, ибо ѣхалъ не одинъ, не по собственному произволу, и дѣлалъ мало путнаго. Изъ деревни отправился на Коренную ярмарку, на которую пріѣхали къ самому развалу. Черезъ Курскъ, Бѣлгородъ, гдѣ въ одинъ день познакомился почти со всею семинаріею, добиваясь узнать кое-что о Саркелѣ, но напрасно. Мы пріѣхали въ Харьковъ. Вамъ, можетъ быть, уже извѣстно, что здѣсь я провелъ три года юности, и потому не удивитесь, если скажу, сколь живы были впечатлѣнія. Разумѣется, что изъ старыхъ товарищей не нашелъ почти никого, исключая двухъ прекрасныхъ дочерей губернатора, нашего бывшаго сосѣда; прочихъ Петербургъприманилъ къ себѣ... Теперь упомяну о маломъ числѣ лицъ, достойныхъ примѣчанія. Вотъ они: Кренбергъ, котораго физіономія и тяжелое обхожденіе мнѣ, признаюсь, не совсѣмъ легли по сердцу. Въ замѣнъ этого, случай свелъ меня съ двумя здѣшними молодыми натуралистами: съ сангвиническимъ Черняевымъ, профессоромъ ботаники, недавно возвратившимся изъ чужихъ краевъ, очень милымъ человѣкомъ и страстнымъ къ своей наукѣ. Онъ желаетъ очень имѣть литературныя связи съ Максимовичемъ, и дѣлалъ уже des avances, но тотъ не отвѣчаетъ ему; замѣтьте ему это. Другой—зоологъ и минералогъ, и какъ минералъ неповоротливъ. Впрочемъ, его хвалятъ. Это—Криницкій, полякъ, воспитанникъ Виленскаго университета. Не менѣе лестно для меня знакомство съ здѣшнимъ профессоромъ россійской исторіи Гулакомъ-Артемовскимъ, совершеннымъ знатокомъ Малороссіи и языка ея. Я искалъ знакомства съ *тутошными* жителями, индигенами тѣхъ мѣстъ, чрезъ которыя проѣхалъ. Я дорожу ими въ особенности потому, что по разнымъ обстоятельствамъ не могъ посвятить до-

статочнаго времени для узнанія Малороссіи, края любопытнѣйшаго, на который до сихъ поръ еще слишкомъ мало обращали вниманія. Въ поѣздкѣ моей изъ Харькова въ Чугуевъ я имѣлъ случай свесть знакомство съ человѣкомъ чрезвычайно примѣчательнымъ, а именно, съ отставнымъ генераломъ Александровымъ. Онъ чугуевскій уроженецъ; служилъ цѣлый вѣкъ и былъ со временъ Суворова вездѣ съ нашею арміею. Будучи одаренъ отъ природы умомъ здравымъ, сужденіемъ прямымъ и легкимъ, пылая страстью къ познаніямъ, онъ безъ предварительнаго образованія и безъ пособія иностранныхъ языковъ, пріобрѣлъ богатыя свѣдѣнія и обогатилъ себя еще богатѣйшими собственными замѣчаніями и наблюденіями. Бесѣда этого старца, исполненнаго юношескаго жара, знанія свѣта, обворожила меня. Нѣтъ, думаю, человѣка во всей Малой Россіи, который имѣлъ бы болѣе Каразина способностей и средствъ къ пріобрѣтенію матеріаловъ по всѣмъ частямъ о здѣшнемъ краѣ. Мы провели у него нѣсколько дней въ деревнѣ, по дорогѣ изъ Харькова въ Полтаву. На него моя крѣпкая надежда. Разсказъ странствія моего приближаетъ меня къ Полтавской губерніи. Вотъ средоточіе, цвѣтъ Малороссіи. Я повторяю и повторять буду, что кто не былъ въ Полтавской губерніи, тотъ не можетъ имѣть полнаго понятія о Малороссіи. Котляревскій просилъ меня предложить книгопродавцамъ московскимъ, не пожелаютъ-ли они купить полную его *Энеиду*. Здѣсь, въ Малороссіи найдется много на нее охотниковъ. Я равно увѣренъ, что и всякій просвѣщенный россіянинъ не останется равнодушенъ къ единственному произведенію Малороссійской словесности, памятнику языка, принадлежащаго народу, нѣкогда славному, и который вмѣстѣ съ нимъ, вѣроятно, скоро исчезнетъ вовсе и будетъ жить въ одномъ этомъ памятникѣ. Въ Переяславлѣ, который несмотря на свою древность не представляетъ вовсе ничего взору любителя давнопрошедшаго, я познакомился съ аматеромъ Отечественной Исторіи г. Благодаровымъ... Въѣхалъ въ Кіевъ уже съ лихорадкою въ тѣлѣ. Первымъ стараніемъ моимъ было посѣтить

Высокопреосвященнаго*). Онъ считаетъ меня землякомъ своимъ и былъ нѣкогда очень друженъ съ моимъ роднымъ дядей. Сужденія его о литераторахъ русскихъ, а въ томъ числѣ и о московскихъ, довольно рѣзки. Онъ неумолимъ въ своихъ приговорахъ; но васъ очень уважаетъ за *Происхожденіе Руси* и строгость исторической критики въ оной. Надо признаться, что вы изъ малаго числа избранныхъ. О Туровѣ онъ мнѣнія противнаго предположенію К. Ѳ. Калайдовича: онъ на сторонѣ *существующаго города* Пинска, чему удовлетворительныхъ доказательствъ я отъ него еще не слыхалъ. О Тмутаракани въ Кіевской губерніи онъ мнѣнія г. Арцыбашева. Не упустилъ я случая познакомиться и съ г. Берлинскимъ, извѣстнымъ по своему описанію Кіева,—еще съ Лохвитскимъ, разрывателемъ Десятинной церкви. Изъ здѣшнихъ знакомыхъ моихъ особеннаго вниманія заслуживаетъ отставной генералъ Бѣгичевъ, человѣкъ лѣтъ пятидесяти, страстный къ познанію, мудрецъ въ родѣ древнихъ. Пріобрѣтаетъ свѣдѣнія съ цѣлями, чисто практическими; страстно любитъ естественныя науки, особенно медицину; и недовольный французами, онъ нечувствительно и самъ собою обратился къ нѣмцамъ. Любопытно и поучительно видѣть человѣка, который на закатѣ дней своихъ отбросивъ прежніе предразсудки, принялся съ жаромъ юноши за сочиненія Шеллинга, Шуберта, Окена, Кайзера и пр., коихъ имена произноситъ съ благоговѣніемъ, ея открытія старается примѣнить практически, дѣйствуя въ небольшомъ, безызвѣстномъ кругу и не думая изъ него выдти. Несмотря на свою тихую, уединенную жизнь онъ здѣсь извѣстенъ своими добродѣтелями, ибо чуждается свѣта, а не людей. Онъ въ особенности изучаетъ чудесныя дѣйствія магнетизма, самъ практически занимается имъ, и не одинъ житель Кіева и окрестныхъ мѣстъ благословляетъ его искусство. Такіе люди несмотря на ихъ желаніе безызвѣстности не должны быть потеряны для человѣчества и для соотечественниковъ. Близкое разсматриваніе состоянія просвѣщенія въ здѣшнихъ

*) Евгенія.

провинціяхъ не очень-то радуетъ патріота. Если уже и блеснулъ въ столицахъ свободный порывъ ума, освободившагося хотя нѣсколько отъ узъ чужеземныхъ законодателей, и у насъ болѣе не боятся ферулы Буало, Лагарпа и другихъ, то здѣсь еще не пробудилась искра самороднаго пламени. Университеты наши не могутъ возбудить ее, а образъ здѣшней жизни и того менѣе. Здѣсь читающихъ можно раздѣлить на три разряда: на диллетантовъ, которые читаютъ, какъ вездѣ, всякій попавшійся имъ сбродъ. Они спятъ подъ книгу крѣпче обыкновеннаго, а потому единственно и любятъ чтеніе. Второй классъ довольно многочисленный,— классъ полуученыхъ, которые получили чрезъ дипломы изъ университетовъ и семинарій право судить и рядить безъ пощады и литераторовъ, и литературу. Это классъ самый несноснѣйшій и, можетъ быть, самый вредный, потому именно, что одинъ господствуетъ, безъ противниковъ; но онъ наиболѣе выписываетъ и читаетъ журналы, слѣдовательно для васъ не безъ выгоды. Отъ него первый классъ живится журналами, хотя пользуется ими самымъ невиннымъ образомъ: онъ довольствуется повѣстями и стишками, которые старается выучить наизусть. И потому здѣсь вовсе не въ диковинку слышать *стишки* Пушкина изъ устъ дѣвушекъ даже въ кругу купеческомъ. Наконецъ, третій классъ очень малочисленный— истинныхъ ученыхъ, которые обыкновенно хранятъ совершенно нейтралитетъ. На житье въ провинціяхъ люди просвѣщенные осуждаютъ себя по большей части изъ усталости отъ свѣта и вслѣдствіе неудовольствій ими въ жизни претерпѣнныхъ; рѣдко изъ другихъ какихъ либо частныхъ причинъ. Но ни въ какомъ случаѣ они не любятъ дѣлать гласными сужденія свои о предметахъ, на которые отчасти перестали по тѣмъ же причинамъ обращать постоянное вниманіе. Изъ всего этого предоставляю вамъ самимъ сдѣлать заключеніе: какой участи подверженъ журналъ вашъ наравнѣ съ прочими. Равнодушіе, безсмысленность или грубое нахальство, вотъ что́ ожидаетъ ихъ здѣсь. Между тѣмъ человѣчество идетъ своимъ чередомъ,

и поколѣнія слѣдуютъ за поколѣніями, и духъ времени вопреки препятствіямъ и невѣжеству все побѣждаетъ и утверждаетъ печать свою неизгладимо. Русскіе, вооружимся терпѣніемъ и твердостью! Недавно случилось мнѣ крѣпко припомнить мысль о критическомъ обзорѣ сцены изъ *Бориса Годунова* для помѣщенія въ *Московскомъ Вѣстникѣ* и сожалѣлъ, что она не исполнилась. Люди образованные, между прочимъ, одинъ воспитывавшійся въ университетскомъ пансіонѣ, но съ предразсудками французской школы, вовсе не понимаютъ смысла этого произведенія, удивляются пятистопнымъ ямбамъ, тому, что монахъ выведенъ на сцену; да и самая простота языка Пимена становится для нихъ предметомъ соблазна“ [164]).

Вспоминая сотрудниковъ *Московскаго Вѣстника*, нельзя пройти молчаніемъ Александра Ивановича Кошелева. По свидѣтельству П. И. Бартенева, въ началѣ нынѣшняго вѣка проживалъ въ Москвѣ въ домѣ своемъ за Сухаревою башнею, на первой Мѣщанской отставной гвардейскій подполковникъ, вдовецъ, Иванъ Родіоновичъ Кошелевъ (1753 † 1818), родной правнукъ извѣстнаго въ новой нашей исторіи пастора Глюка. Въ 1797 году лишился онъ жены своей Елисаветы Петровны, урожденной княжны Меншиковой, двоюродной сестры адмирала. Съ ихъ домомъ издавна находилась въ дружбѣ дочь французскаго эмигранта Дарья Николаевна Дежарденъ. На ней Иванъ Родіоновичъ женился въ Бронницкомъ помѣстьѣ своемъ Ильинскомъ 21 августа 1804 года, и отъ этого брака родился 6 мая 1806 года въ Москвѣ Александръ Ивановичъ Кошелевъ. Дѣтство его протекло подъ вліяніемъ отца, человѣка образованнаго, долго жившаго въ Англіи, учившагося въ славной Итонской школѣ. Но главною воспитательницею Кошелева была его мать († 1836), про энергію и умъ которой до сихъ поръ расказываютъ знавшіе ее москвичи. Мальчикъ съ раннихъ лѣтъ отличался необыкновенною живостью. Въ 1812 году на пути въ дальнюю Тамбовскую деревню родители должны были его удерживать отъ

лишнихъ разговоровъ съ крестьянами; когда кормили лошадей, онъ собиралъ вокругъ себя мѣстное населеніе, передавая имъ газетныя извѣстія о военныхъ дѣйствіяхъ. На отрока и юношу Кошелева значительное вліяніе имѣла Авдотья Петровна Елагина, жившая по сосѣдству съ домомъ его родителей. Дружба съ ея старшимъ сыномъ И. В. Кирѣевскимъ на всю жизнь осталась святынею для Кошелева. Завѣтныя области философіи и Богословія рано привлекли къ себѣ Кошелева. Съ братьями Кирѣевскими и княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ предался онъ изученію классиковъ, въ особенности зналъ онъ по-гречески. Но Кошелева съ раннихъ поръ влекла къ себѣ жизнь общественная и политическая. Пылкій юноша рвался къ дѣятельности. Гроза *14 декабря* миновала тогдашняго „архивнаго юношу". Между тѣмъ въ Петербургѣ пользовался большимъ вѣсомъ при Дворѣ и въ обществѣ, двоюродный братъ его отца, извѣстный масонъ и другъ князя А. Н. Голицына, Родіонъ Александровичъ Кошелевъ, благодаря которому его племянникъ получилъ мѣсто въ Департаменѣ Иностранныхъ Исповѣданій [165]). Сдѣлавшись петербургскимъ чиновникомъ, Кошелевъ не переставалъ интересоваться *Московскимъ Вѣстникомъ* и даже участвовалъ въ немъ. Вотъ что онъ писалъ Погодину въ ноябрѣ 1827 года, изъ Петербурга: „физико-географическія лекціи профессора Гумбольдта начались въ Берлинѣ въ началѣ ноября. Число желающихъ слушать его такъ велико, что онъ принужденъ былъ для удовлетворенія тѣхъ, которые не могли достать билетовъ на первый курсъ, начать другой курсъ. Говорятъ, что описать нельзя съ какимъ восторгомъ внимаютъ его чтеніямъ. Между слушателями нѣсколько министровъ, генераловъ. По просьбѣ берлинскихъ дамъ г. Гумбольдтъ въ скоромъ времени откроетъ курсъ физической географіи для женскаго пола въ Академіи Пѣнія" [166]).

Въ описываемое время Погодинъ сошелся короче съ Мицкевичемъ и другомъ его Малевскимъ. Они нерѣдко видѣлись и любимою темою ихъ бесѣдъ была исторія Польши. Погодинъ „выспрашивалъ" у нихъ и слышанное служило ему „подтверж-

деніемъ собственныхъ догадокъ". Толковали они также о французской политикѣ и о европейскихъ государяхъ. Однажды Мицкевичъ при прощаніи даже „разцѣловалъ" Погодина [167]).

Въ числѣ сотрудниковъ *Московскаго Вѣстника* состоялъ также и знаменитый впослѣдствіи предсѣдатель редакціонныхъ коммиссій для составленія положенія о крестьянахъ генералъ-адъютантъ Іаковъ Ивановичъ Ростовцевъ, а тогда только поручикъ Лейбъ-Гвардіи Егерскаго полка. Онъ родился 23 декабря 1803 года. Отецъ его происходилъ изъ купеческаго званія, что однако не мѣшало ему получить чинъ дѣствительнаго статскаго совѣтника, а его мать была дочерью извѣстнаго нѣкогда своимъ богатствомъ и пышностью коммерціи совѣтника и С.-Петербургскаго 1-й гильдіи купца Ивана Васильевича Кусова, который не разъ былъ удостоенъ чести принимать у себя императора Александра I-го. Ростовцевъ воспитывался въ Пажескомъ корпусѣ, откуда въ 1822 году, былъ выпущенъ прапорщикомъ [168]). Не смотря на то, что Ростовцевъ былъ кореннымъ петербуржцемъ какъ по своей наружности, такъ и по образу жизни, онъ представлялъ собой типъ чистаго великороссіянина. Мы уже знаемъ, что Погодинъ познакомился съ нимъ черезъ В. Н. Семенова и Н. А. Загряжскаго въ Петербургѣ въ декабрѣ 1825 года. Въ коронацію 1826 года Ростовцевъ, въ качествѣ адъютанта великаго князя Михаила Павловича, пріѣзжалъ въ Москву. Чрезъ Загряжскаго Погодинъ возобновляетъ съ нимъ знакомство. „Вы историческое лицо", сказалъ онъ Ростовцеву, при первомъ свиданіи съ нимъ въ Москвѣ. Разговоръ между ними завязался о *14-мъ декабря* и при этомъ Погодинъ замѣчаетъ, что онъ „простой, неглупый малый" [169]). Во время пребыванія Ростовцева въ Москвѣ вышло донесеніе слѣдственной коммиссіи о злоумышленномъ обществѣ, гдѣ между прочимъ приведены о немъ слова Рылѣева, обращенныя къ Государю: „Вы видите—намъ измѣнили", и проч. „До чрезвычайности огорченный", пишетъ по этому поводу Ростовцевъ, „симъ выраженіемъ, по которому многіе могли заключить, что я и

самъ былъ нѣкогда членомъ злоумышленнаго общества, я не скрылъ грусти моей отъ великаго князя Михаила Павловича. Его Высочество позволилъ мнѣ о семъ писать Государю и отправилъ немедленно къ Его Величеству письмо мое". Въ этомъ письмѣ мы между прочимъ читаемъ: „Прочитавъ донесеніе вамъ слѣдственной коммиссіи, увидѣвъ всю низость людей, дерзнувшихъ посягнуть на все священное, я снова со слезами благодарности принесъ мольбу мою Богу, что Онъ сподобилъ меня, по мѣрѣ ничтожныхъ силъ моихъ, быть хоть нѣсколько полезнымъ Вамъ и Отечеству... Я никогда не оскверналъ себя соучастіемъ съ симъ обществомъ; но люди—могутъ несправедливо заключить, судя по неясному описанію въ *донесеніи* моего поступка, что и я былъ нѣкогда членомъ сего общества. Ваше величество, спасите меня отъ сего безчестія, которое отравитъ жизнь мою... Отвратите отъ меня укоризны и презрѣніе людей благородныхъ и оправдайте меня передъ Россіею и потомствомъ". Черезъ три недѣли съ половиною дежурный генералъ Потаповъ увѣдомилъ Ростовцева: „Государь Императоръ высочайше повелѣть соизволилъ повторить вамъ высочайшій его Величества отзывъ, что самая откровенность ваша будетъ для всѣхъ лучшимъ доказательствомъ, что вы никогда и не помышляли участвовать въъ злонамѣренныхъ видахъ мятежниковъ" [170]). Это письмо свое къ Государю Ростовцевъ читалъ Погодину [171]). Въ тоже время они настолько между собою сблизились, что Ростовцевъ сдѣлался сотрудникомъ *Московскаго Вѣстника* и на страницахъ этого журнала помѣстилъ отрывокъ изъ третьяго дѣйствія своей исторической трагедіи *Князь Пожарскій* [172]). Любопытно, что планъ этой трагедіи Ростовцевъ читалъ декабристамъ почти наканунѣ *14 Декабря*. „Въ послѣднихъ числахъ ноября 1825 года", пишетъ онъ, „я читалъ имъ планъ новой моей трагедіи *Князь Пожарскій*, гдѣ я въ роли Пожарскаго хотѣлъ выставить возвышенный идеалъ чистой любви къ отечеству. Планъ мой чрезвычайно имъ понравился; но крайне меня удивило то, что они въ одинъ голосъ стали опровергать то мѣсто, гдѣ

Пожарскій, желая соединить во-едино войска свои и войска Трубецкаго, старшаго и лѣтами и саномъ, провозглашаетъ его главнымъ военноначальникомъ и дѣлается его подчиненнымъ. Пожертвованіе Пожарскаго своимъ самолюбіемъ они называли униженіемъ; они говорили, что Пожарскій долженъ быть гордъ, неуступчивъ и знать себѣ цѣну. Я долго съ ними спорилъ и оставилъ все по прежнему; но споръ сей, хотя и маловажный самъ по себѣ, произвелъ на меня невыгодное впечатлѣніе, ибо я еще болѣе увѣрился въ ихъ самолюбіи“ [173]).

XVIII.

Къ участію въ *Московскомъ Вѣстникѣ* Погодинъ старался привлечь и писателей старшаго поколѣнія. Этимъ стремленіемъ молодого редактора особенно былъ польщенъ знаменитый авторъ *Таинственной Капли* Ѳедоръ Николаевичъ Глинка, почтённый Пушкинымъ и *Посланіемъ*:

Когда средь оргій жизни шумной
Меня постигнулъ остракизмъ...
...Но голосъ твой мнѣ былъ отрадой
Великодушный гражданинъ!...

и *эпиграммами*

Нашъ другъ *Глаголь* кутейникъ въ эполетахъ.. [174]).

или

Вотъ Глинка—Божія коровка..

Письма же его *Русскаго офицера,* изданныя въ Москвѣ въ 1808 году питали патріотическое чувство отрока Погодина. Какъ бы то ни было, на призывъ участвовать въ *Московскомъ Вѣстникѣ* Глинка не замедлилъ откликнуться изъ Петрозаводска (отъ 2 мая 1827): „благосклоннымъ вниманіемъ своимъ вы нашли человѣка въ пустынѣ, и прекрасное изданіе ваше, конечно, будетъ манною для души, для вкуса“. Въ другомъ письмѣ (отъ 7 ноября того же года) Ѳ. Н. Глинка

писалъ: „Я право не считаю себя авторомъ, могущимъ обогащать какое-нибудь изданіе, особливо такое прекрасное, какъ ваше. У меня есть стихотворенія, большею частью не занимательныя для нынѣшняго свѣта; это вопли души, изліянія чувства; у меня найдутся нѣкоторыя мысли, обернутыя въ прозаическіе періоды; но все это едвали стоитъ вниманія. Я съ большимъ вниманіемъ прочелъ повѣсти ваши: *Нищій* и другую *Какъ аукнется*; онѣ внушили мнѣ большое уваженіе и что-то дружелюбное къ автору. Въ разныхъ мѣстахъ журнала я замѣчаю также мысли, заимствованныя изъ философіи Шеллинга: нѣкогда я съ жадностью слушалъ лекціи сей философіи. Высокое понятіе о безусловномъ, о гармоніи міра уясняетъ мысли, возвышаетъ душу“ [175]).

Самъ наставникъ Погодина, строгій классикъ Мерзляковъ, несмотря на то, что по своему литературному исповѣданію и не принадлежалъ къ приходу *Московскаго Вѣстника*, но изъ любви къ любезному ученику своему помѣстилъ на страницахъ его журнала свое лирико-драматическое стихотвореніе *Шуваловъ и Ломоносовъ*, посвященное „почтеннѣйшимъ членамъ Университетскаго Совѣта“ съ эпиграфомъ изъ Ломоносова:

О, вы, которыхъ ожидаетъ
Отечество отъ нѣдръ своихъ,
И видѣть таковыхъ желаетъ,
Какихъ зоветъ отъ странъ чужихъ!

Обращаясь къ Москвѣ Мерзляковъ говоритъ:

О мать градовъ! въ тебѣ Творецъ благоволилъ
И храму первому возникнуть просвѣщенья!...
Доселѣ бывъ вождемъ, несла стальную грудь
Ты въ брани грозныя за Русь твою родную;
Теперь наставницей, теперь въ урокъ ей будь,
И юность возлелей Отечеству драгую;
Сіе сокровище и небу и землѣ
И царствамъ и царямъ любезно и священно [176]).

Не смотря на всѣ убѣжденія Пушкина, князь П. А. Вяземскій остался вѣренъ *Московскому Телеграфу*. Между тѣмъ въ *Московскомъ Вѣстникѣ* на первыхъ же порахъ начали

появляться неблагопристойныя противъ него выходки. Такъ на страницахъ этого журнала появилась рецензія на книжку *Жизнь игрока*. Рецензентъ скрылся подъ псевдонимомъ *Зоилъ 2-й*. Между прочимъ въ этой рецензіи было сказано: „тотъ, кто лучшіе года жизни провелъ въ качествѣ игрока, навѣрное можетъ быть литераторомъ развѣ только на *выдержку*“ [177]). А. В. Веневитиновъ сообщилъ Погодину, что нѣкоторые толкуютъ эти строки „въ сторону предосудительную для князя Вяземскаго“. Это сообщеніе очень смутило Погодина. „Мнѣ было“, пишетъ онъ, „очень и очень непріятно, потому что душевно уважаю его“. На другой же день Погодинъ отправился къ князю Вяземскому объясниться [178]). Тѣмъ не менѣе даже лучшій другъ князя Вяземскаго, Пушкинъ, разразился на него въ *Московскомъ Вѣстникѣ* эпиграммою подъ заглавіемъ *Поэтъ* и *Прозаикъ*.

О чемъ, прозаикъ, ты хлопочешь?
Давай мнѣ мысль какую хочешь:
Ее съ конца я заострю,
Летучей рифмой оперю,
Вложу на тетиву тугую,
Послушный лукъ согну въ дугу
А тамъ пошлю на удалую,
И горе нашему врагу! [179]).

Поводомъ къ этой эпиграммѣ былъ разборъ сдѣланный княземъ Вяземскимъ поэмы *Цыгане*. „Этотъ разборъ“, пишетъ самъ князь Вяземскій, „навлекъ, или могъ бы навлечь облачко, на свѣтлыя мои съ Пушкинымъ сношенія. О томъ я долго не догадывался и узналъ случайно, гораздо позднѣе. Александръ Алексѣевичъ Мухановъ, общій пріятель нашъ, сказалъ мнѣ однажды, что изъ словъ, слышанныхъ имъ отъ Пушкина, онъ убѣдился, что поэтъ несовсѣмъ доволенъ отзывомъ моимъ о поэмѣ его. Помнится мнѣ, что Пушкинъ былъ особенно недоволенъ замѣчаніемъ моимъ о стихахъ... *медленно скатился. . съ камня на траву свалился*. Между тѣмъ онъ самъ ничего не говорилъ мнѣ о своемъ неудовольствіи: напротивъ, насколько могу припомнить, даже благодарилъ меня за статью.

Какъ бы то ни было, взаимныя отношенія наши оставались самыми дружественными. Онъ молчалъ, молчалъ и я, опасаясь дать словамъ Муханова видъ сплетни, за которую Пушкинъ могъ бы разсердиться. Но и не признавалъ я надобности привести въ ясность этотъ сомнительный вопросъ. Могъ я думать, что Пушкинъ и забылъ или измѣнилъ свое первоначальное впечатлѣніе, но Пушкинъ не былъ забывчивъ. Въ то самое время, когда между нами все обстояло благополучно, Пушкинъ однажды спрашиваетъ меня въ упоръ: можетъ ли онъ напечатать слѣдующую эпиграмму:

О чемъ, прозаикъ, ты хлопочешь?

Полагая, что вопросъ его относится до цензуры, отвѣчаю, что не предвижу никакого со стороны ея препятствія. Между тѣмъ замѣчаю, что при этихъ словахъ моихъ лицо его вдругъ вспыхнуло и озарилось краскою, обычною въ немъ примѣтою какого-нибудь смущенія или внутренняго сознанія въ неловкости положенія своего. Впрочемъ и тутъ я, такъ сказать, пропустилъ или проглядѣлъ краску его: не далъ себѣ въ ней отчета. Тѣмъ дѣло кончилось. Уже послѣ смерти Пушкина какъ-то припомнилась мнѣ вся эта сцена: загадка нечаянно сама разгадалась предо мною, я понялъ, что этотъ *прозаикъ*—я, что Пушкинъ, легко оскорблявшійся, оскорбился нѣкоторыми замѣтками въ моей статьѣ и наконецъ хотѣлъ узнать отъ меня, не оскорблюсь ли я самъ напечатаніемъ эпиграммы, которая сорвалась съ пера его противъ меня.

Досада его, что я въ невинности своей не понялъ нападенія, бросила въ жаръ лицо его. Онъ не имѣлъ духа объясниться со мною: на меня нашла какая-то голубиная чистота, которая не давала уловить и разглядѣть *словеса лукавствія*. Такимъ образомъ громъ не грянулъ и облачко пронеслось мимо насъ, не разразившись надъ нами. Когда я одумался и прозрѣлъ, было поздно. Бѣднаго Пушкина уже не было на лицо“ [180]).

Не смотря на эти выходки *Московскаго Вѣстника*, князь

Вяземскій продолжалъ доброжелательствовать Погодину и оказывать содѣйствіе въ его предпріятіяхъ. По свидѣтельству самого же Погодина, въ томъ же 1827 году онъ обращался къ князю Вяземскому съ просьбою, не можетъ ли онъ довесть о переводѣ славянской грамматики Добровскаго до свѣдѣнія товарища министра народнаго просвѣщенія Д. Н. Блудова. Онъ охотно изъявилъ свою готовность. Вскорѣ послѣ этого князь Вяземскій написалъ Погодину изъ Остафьева: „я поспѣшилъ исполнить порученіе, данное вами но еще не имѣю отвѣта отъ Д Н. Блудова. Какъ скоро получу, не замедлю увѣдомить васъ о его содержаніи. Я давно просилъ Соболевскаго сказать вамъ обо всемъ этомъ и въ пріѣздъ свой въ Москву искалъ васъ, но узналъ, что вы были въ отлучкѣ. Вотъ причины, по коимъ я неумышленно оставилъ васъ по сіе время въ неизвѣстности. Полагая, что вы часто видитесь съ П. М. Строевымъ, прошу васъ сказать ему, что я имѣлъ честь получить его письмо и отошлю приложеніе по принадлежности“ [181]).

Наконецъ намъ слѣдуетъ упомянуть объ отношеніяхъ Погодина къ супротивной сторонѣ. Дружба его съ Булгаринымъ продолжалась недолго. Еще въ концѣ ноября 1826 года Ѳадей Венедиктовичъ, по поводу сотрудничества Погодина въ *Сѣверномъ Архивѣ*, написалъ ему колкое письмо: „Вспомните, почтеннѣйшій, ту минуту, когда я предложилъ вамъ сотрудничество. Вспомните, что вы обѣщали доставлять ко мнѣ оригинальныя статьи по сорока рублей за печатный листъ и между прочимъ нѣсколько переводовъ. Я сказалъ, что во всемъ полагаюсь на вашу деликатность и надѣюсь, что вы не будете помогать намъ одними переводами. Теперь, когда намъ должно кончить разсчетъ и условія, сосчитайте, почтеннѣйшій, много ли вы прислали оригинальности, исключая статьи о Восточной Словесности г. Ознобишина. Удерживаюсь отъ всякихъ комментаріевъ и честь имѣю объявить вамъ на ваше требованіе о возвращеніи вашихъ статей, что онѣ находятся не у меня, а у Н. И. Греча. Онъ прямо отвѣчалъ мнѣ, что начала статей

безъ конца никогда не печатаетъ, а потому ожидаетъ отъ васъ окончанія оныхъ. Тоже прибавлю, что статьи изъ Риттера о *прозябаемыхъ* и проч. вовсе не намѣренъ принимать въ счетъ нашего условія, ибо за переводъ изъ старой книги нельзя платить по сорока рублей, и то безъ нашего выбора. Что касается до вашей статьи о Руссахъ, то должно сознаться, что издавать книгу и особо продавать отпечатанные листы почитаю я такимъ сотрудничествомъ, на которое я никогда не рѣшился бы! Но у всякаго свои правила, и я, не взирая на все это, ожидаю отъ васъ окончательнаго съ нами разсчета и желаю вамъ всѣхъ успѣховъ на поприщѣ журналиста, будучи готовъ содѣйствовать вамъ всѣми зависящими отъ меня средствами. Я увѣренъ, что вы, будучи журналистомъ, станете требовать отъ своихъ сотрудниковъ гораздо болѣе твердости въ словѣ и въ исполненіи обѣщаній. Вы видѣли, какъ я съ вами поступалъ; на первое востребованіе сообщилъ вамъ мою статью для альманаха и вовсе не полагалъ, чтобъ наше сотрудничество кончилось присылкою переводовъ изъ книгъ вами переводимыхъ. Но дѣло сдѣлано, я не ропщу и, будучи чуждъ всякихъ непріятныхъ чувствованій, напротивъ того, простираю вамъ руку для дружескаго союза къ общему благу на поприщѣ словесности. Только по моей опытности и старшинству въ лѣтахъ осмѣливаюсь дать совѣтъ, а именно, что акуратность въ денежныхъ разсчетахъ и добрая вѣра должны быть главными качествами журналиста, который примѣромъ своимъ долженъ водворять проповѣдуемую имъ нравственность и въ молодыхъ писателяхъ возбуждать къ себѣ уваженіе. Объявленіе ваше, какъ мнѣ сказывалъ Кеппенъ, что вы будете платить по *сту* рублей за листъ — есть несбыточное дѣло! Поживете, увидите. Извините за откровенность мою. Это господствующее качество моего характера. Я такъ взросъ, такъ и состарѣюсь Этимъ я нажилъ себѣ враговъ, но имѣю за-то истинныхъ, пламенныхъ друзей. Да будетъ проклята зависть и ея поклонники“ [182]).

Напечатавъ въ *Сѣверной Пчелѣ* объявленіе объ изданіи

Московскаго Вѣстника, издатели сдѣлали по этому поводу слѣдующее ядовитое примѣчаніе: „Нѣкоторые изъ иногородныхъ нашихъ подписчиковъ поручили намъ подписаться на журналъ, издаваемый А. С. Пушкинымъ. На удачу, мы выписали для нихъ журналъ, издаваемый г. Погодинымъ, въ которомъ нашъ первоклассный поэтъ обѣщалъ участвовать преимущественно. Впрочемъ, просвященные и привычные читатели журнальныхъ объявленій и журналовъ знаютъ, что значитъ преимущественное участіе поэтовъ въ журналахъ. О семъ можно справиться въ объявленіи о *Сынѣ Отечества* на 1821 годъ, и въ книжкахъ сего журнала въ теченіе 1820 и 1821 годовъ“ [183]). Это примѣчаніе дало поводъ Погодину напечатать въ своемъ *Московскомъ Вѣстникѣ*: „Скажу теперь нѣсколько словъ о планѣ нашего журнала въ дополненіе къ сдѣланному объявленію, которое иные назвали недостаточнымъ, другіе педантическимъ, третьи... но оставимъ ихъ!“ и при этомъ сослался на тотъ нумеръ *Пчелы*, въ которомъ было напечатано вышеприведенное примѣчаніе [184]). Строчки эти не ускользнули отъ вниманія Булгарина и онъ въ оправданіе свое писалъ Погодину (отъ 29 января 1827 года): „Напрасно вы, милостивый государь, изволили сдѣлать намекъ во 2-мъ нумерѣ вашего журнала, будто бы *Пчела* что-то прожужжала вамъ непріятное. Объявленіе ваше напечатано, а Гречъ сдѣлалъ примѣчаніе на счетъ г. Воейкова, который, бывъ съ нимъ въ сотрудничествѣ, обманулъ его обѣщаніемъ содѣйствія собратій своихъ поэтовъ. О выходѣ въ свѣтъ вашего журнала также сказано было хорошо, а объ особѣ вашей вездѣ съ надлежащимъ уваженіемъ. Къ намъ уже успѣли прислать нѣсколько критикъ на *Московскій Вѣстникъ*, между прочимъ, нѣкто, подписавшійся Калистратомъ Черемохинымъ изъ сельца Баевки, прислалъ жестокую вещь и увѣдомляетъ, что писалъ къ вамъ подъ симъ именемъ. Но мы ничего не печатаемъ въ предосужденіе ваше не для того, чтобы критики могли унизить достоинство вашего журнала, но для того именно, что при новорождающемся

изданіи они могли бы произвесть непріятное впечатлѣніе и отвлечь нѣкоторыхъ нашихъ старыхъ читателей и почитателей отъ подписки, а мы сего вовсе не желаемъ, напротивъ того, сами рекомендуемъ и имѣемъ на сіе письменныя доказательства. И такъ, милостивый государь, прошу васъ не считать ни меня, ни Н. И. Греча въ числѣ вашихъ противниковъ или недоброжелателей, а напротивъ того, надѣйтесь, какъ на вѣрныхъ сподвижниковъ и союзниковъ въ одномъ общемъ дѣлѣ, т.-е. распространеніи истиннаго просвѣщенія, нравственности и доставленіи публикѣ пріятнаго и наставительнаго чтенія. Я человѣкъ кабинетный, не мѣшаюсь ни въ какія интриги и не буду никогда игралищемъ чужихъ страстей. Вредить вамъ не имѣю ни склонности, ни охоты, ни даже пользы. Въ Россіи для всѣхъ добрыхъ людей просторно. Примѣръ злобнаго и мстительнаго Полеваго и роднаго брата его по сатанѣ Воейкова не долженъ бы увлекать никого. Вы видите, какъ я живу съ почтеннымъ М. Т. Каченовскимъ. Воейковъ ввелъ Греча въ недоумѣніе съ нимъ, но я никогда ни словомъ, ни дѣломъ не тронулъ ученаго мужа“ [185]). Но это нисколько не помѣшало самому Гречу послать къ редактору *Московскаго Вѣстника* свою *грамматику* при слѣдующемъ письмѣ: „Препровождаю при семъ къ вамъ, какъ къ журналисту и любителю русскаго языка, двѣ грамматики мои, и прошу имъ мѣста и пощады въ *Московскомъ Вѣстникѣ*. Я читалъ съ большимъ удовольствіемъ ваши грамматическія статьи въ трудахъ Московскаго Общества, и вижу, что вы знаете какъ предметъ сей, такъ и трудности съ обработываніемъ онаго сопряженныя. Я рѣшился сдѣлать первый шагъ. Пусть другіе пойдутъ далѣе. Судя по духу вашего журнала, я увѣренъ, что найду въ немъ критики и замѣчанія благонамѣренныя“. Надежда Греча не обманула и въ *Московскомъ Вѣстникѣ* И. Ѳ. Калайдовичъ напечаталъ на его грамматику весьма благонамѣренную рецензію, въ заключеніе коей сказалъ: „Мы обязаны великою благодарностію г. Гречу за первую болѣе подробную и болѣе систематическую

грамматику, нежели всѣ прежнія. Для учителей опытныхъ она можетъ служить богатымъ запасомъ матеріаловъ. Скажу откровенно, неусыпные труды г. Греча принесли много пользы и мнѣ въ филологическихъ моихъ изысканіяхъ“ [186]). Слѣдуетъ замѣтить, что на петербургскихъ друзей Погодина Булгаринъ произвелъ самое гнусное впечатлѣніе. Вотъ что̀ писалъ о немъ Веневитиновъ (отъ 7 января 1827 года): „Съ тѣхъ поръ, какъ я видѣлъ Булгарина, имя его сдѣлалось для меня противнымъ. Я полагалъ, что онъ умный вѣтренникъ, но онъ площадный дуракъ. Ужасно ругаетъ *Телеграфъ*, о тебѣ ни слова. Говоритъ, что самъ знаетъ, что онъ интриганъ, но это сопряжено съ благородною цѣлію и всѣ поступки его клонятся къ пользѣ отечественной словесности. Экой уродъ!“ [187]). Въ это время Булгаринъ издалъ собраніе своихъ сочиненій, о чемъ В. П. Титовъ писалъ Погодину: „Поздравляю съ выходомъ сочиненій Ѳадея; золота въ нихъ много; но *Телеграфъ*, вѣроятно, чешетъ уже зубы“ [188]). Самъ Булгаринъ не замедлилъ выслать экземпляръ своихъ сочиненій редактору *Московскаго Вѣстника* при слѣдующемъ письмѣ: „Вы сами въ письмѣ хвалили моего *Янычара*, а по выходѣ въ свѣтъ *Лиры*, упоминая о всѣхъ статьяхъ — умолчали о немъ *). Это предсказываетъ мнѣ, какъ вы примите мои сочиненія. Богъ съ вами! Ругайте и браните! Посылаю вамъ экземпляръ и прошу откатать по совѣсти“ [189]).

XIX.

Первая половина 1827 года въ жизни Погодина ознаменовалась цѣлымъ рядомъ горестныхъ для него утратъ. Едва успѣли похоронить князя Ивана Дмитріевича Трубецкаго,

---

*) *Сѣверная Лира* на 1827 годъ посвящается любительницамъ и любителямъ отечественной словесности, изд. Раичемъ и Ознобишинымъ (М. 1827). Въ этомъ альманахѣ помѣщенъ былъ *Янычаръ* Булгарина. (См. *Московскій Вѣстникъ* 1827. № 5, стр. 86).

скончался Дмитрій Владиміровичъ Веневитиновъ. Вскорѣ послѣ этого, среди нескончаемыхъ хлопотъ, заботъ и суеты по изданію, Погодинъ получаетъ изъ Орловской губерніи прискорбное извѣстіе объ отчаянной болѣзни своего отца, который по день смерти оставался управляющимъ Ливенскими имѣніями графа Ростопчина. Погодинъ немедленно же отправился къ одру умирающаго родителя. Въ *Дневникѣ* мы находимъ объ этомъ слѣдующую лаконическую запись: „Извѣстіе о болѣзни батюшки. Туда. Умеръ“ [190]). Вслѣдствіе отъѣзда Погодина всѣ хлопоты по изданію *Московскаго Вѣстника* пали на Рожалина, который писалъ А. В. Веневитинову (отъ 6 іюня 1827 г.): „Вотъ уже нѣсколько дней, какъ Погодина нѣтъ, и вся журнальная обуза опять налегла на плечи мои тяжелѣе прежняго. Вообрази себѣ, что я работаю почти одинъ“ [191]). Самому же Погодину онъ сообщалъ (отъ 16 іюня): „Очень радъ, что вы покойнѣе у себя дома. Только мнѣ приходится туго. Я теперь взялся за журналъ и ясно вижу всѣ его недостатки, которые, если въ остальные полгода не исправятся, то отобьютъ у насъ половину и теперешнихъ нашихъ подписчиковъ. Это я вамъ предсказываю рѣшительно, и прошу васъ, слушайте меня. Бережливость на этотъ годъ дѣло пустое, доходъ — не сбыточное. И такъ употребимъ все, чтобы поднять наше изданіе на равную степень съ пресловутымъ *Телеграфомъ*. Вслѣдствіе сего — по шести листовъ въ книжкѣ быть не должно, а по крайней мѣрѣ восемь до истеченія года. Во вторыхъ, надобно больше разнообразія и жизни; это зависитъ отъ мелочей и критики. Критика съ Булгаринымъ и К° должна быть бранная, и знайте, я начинаю ее съ 13 №. Впрочемъ, не мѣшаетъ задѣть при случаѣ и прочіе журналы. Они нарочно оставили насъ въ покоѣ; *журналъ* думаютъ — *ученый рушится самъ собою.* Думать надобно не столько о наукахъ, на науки всегда есть неистощимые источники, надобно думать о повѣстяхъ. Это мы рѣшили съ Томашевскимъ. *Печеную голову* (повѣсть Титова) я получилъ и помѣщаю въ 13 №. Презабавная штука! Отъ Пушкина сейчасъ только

получилъ *Наташу*. Кеппенъ прислалъ вамъ свои *Матеріалы*: надобно бы вамъ благодарить его и написать хорошенькій разборъ, только не въ видѣ афоризмъ по вашему обыкновенію, а одушевить, одушевить. Отъ Шевырева также пришло письмо: онъ выздоровѣлъ, ѣдетъ куда-то на богомолье и самъ не знаетъ, когда воротится въ Москву. Мальцовъ, кажется, и не думаетъ трудиться, а живетъ на дачѣ съ Одоевскимъ и всякими Лаурами и играетъ съ утра до вечера въ мушку. Ждалъ каждый день отъ васъ отвѣта на письмо мое касательно типографіи, и все-таки не получилъ. Вы престранный человѣкъ ей Богу; знаете, что такія дѣла не требуютъ отлагательства. Но раздумывайте, какъ хотите долго, а мы съ Соболевскимъ дали ужъ Семену задатокъ для приготовленія нужныхъ литтеръ, и завтра же я отвезу къ нему оригиналъ для 13 №. Хомяковъ долженъ быть скоро въ Москву; но отъ него можно ждать только умныхъ совѣтовъ и отрывковъ изъ его трагедіи, а болѣе едва ли чего нибудь. Вѣрьте моимъ совѣтамъ, ибо я въ своемъ родѣ великій интриганъ, и вѣрьте также потому, что я совершенно преданъ выгодамъ журнала нашего" [192]). Письмо это, конечно, не могло утѣшить Погодина въ постигшей его скорби. „По дорогѣ", писалъ онъ, „по коей неслась нѣкогда Тамерланова дикая конница, отправился я въ Задонскъ", который въ наши дни освященъ памятью святителя воронежскаго Тихона. Съ настоятелемъ Задонской обители, архимандритомъ Самуиломъ, Погодинъ вошелъ въ дружескія сношенія. По возвращеніи въ Москву о. Архимандритъ (отъ 19 августа 1827 года) писалъ ему: „Послѣ отъѣзда вашего изъ Задонска, я вскорѣ началъ пользоваться издаваемымъ вами *Московскимъ Вѣстникомъ*. Его приличнѣе бы назвать продолженіемъ *Пріятнаго и полезнаго препровожденія времени* *). Подъ симъ названіемъ выходившій нѣкогда журналъ столько же для меня былъ занимателенъ и любезенъ, какъ и вашъ нынѣ издаваемый, а потому желаю

*) Изданіе П. Сохацкаго и В. Подшивалова. 20 частей. Москва съ 1794 по 1799 годъ.

сердечно, чтобы ваша сила и охота на продолженіе онаго были неистощимы. Кромѣ того, къ бо́льшему моему одолженію получилъ я вашихъ же еще двѣ книжки: одну *о Происхожденіи Руси*, а другую—*о Жилищахъ древнѣйшихъ Руссовъ*. Но ихъ я еще не читалъ за недосугами. Не знаю, какимъ образомъ пріобрѣлъ Глазуновъ право на печатаніе сочиненій Тихона, только думаю неотъемлемо, потому что нынѣшній Митрополитъ Кіевскій вѣрно бы открылъ путь и средства Задонскому монастырю воспользоваться произведеніемъ онаго Святителя, коего прахъ покоится въ ономъ монастырѣ“ [193]).

По возвращеніи въ Москву, Погодинъ нашелъ у себя на столѣ циркулярное письмо В. П. Титова изъ Петербурга (отъ 18 іюля 1827) въ редакцію *Московскаго Вѣстника*, изъ котораго онъ также не могъ извлечь для себя ничего утѣшительнаго. Въ этомъ письмѣ мы между прочимъ читаемъ: „меня разсердили, признаюсь, 10 и 11 №№; можно ли подавать на себя такое оружіе? Отъ Раича отъ роду не ожидалъ я такихъ нелѣпостей: лучше во сто разъ *Московскому Вѣстнику* обойтись безъ стиховъ, нежели опохабить нумеръ этимъ переводомъ изъ Тасса *). О себѣ я думаю, что въ Петербургѣ могу вамъ болѣе принести пользы, нежели въ Москвѣ: во 1-хъ, я здѣсь могу доставать вещи, которыхъ тамъ не могъ бы; во 2-хъ, чувствую себя душевно крѣпче и спокойнѣе тамошняго: этому вина отчасти привычка къ постоянному труду службы, отчасти и то, что мое будущее теперь не такъ неопредѣленно, и воображеніе не рыскаетъ вдаль. Ты, Погодинъ, мнѣ все пишешь о Перовскомъ; я его не знаю; напиши мнѣ, о какихъ говоришь запискахъ и кто онъ такое. Также ты пристаешь ко мнѣ о мнѣніяхъ насчетъ журнала; да я не вижу надобности узнавать ихъ, думаю, что мы сами заранѣе можемъ рѣшить, какая статья понравится публикѣ. Ради Христа держите хорошенько корректуру. Нумеръ 13-й очень красивъ, но въ немъ тьма опечатокъ. У меня

*) Въ 10-мъ нумерѣ *Московскаго Вѣстника* С. Е. Раичъ напечаталъ отрывокъ изъ своего перевода шестой пѣсни *Освобожденнаго Іерусалима*.

много запасовъ и плановъ для *Вѣстника*; постепенно выполняю. Одинъ изъ нихъ рушился: я сговорился-было съ Абрамомъ Норовымъ о помѣщеніи отрывка въ *Московскомъ Вѣстникѣ*; онъ уѣхалъ съ флотомъ. Я заставилъ Кошелева писать ему въ слѣдъ; онъ захорохорился, сталъ предписывать условія, и я на него плюнулъ. Видѣли ли III часть *Матеріаловъ* Кеппена. Разберите дѣльно эту дѣльную книгу; если не возметесь – я разберу. Лишь только въѣдетъ Шевыревъ въ Московскую заставу—написать мнѣ. Жуковскій за-границей, и о немъ покуда говорить нечего. Помѣщайте также скорѣе переводъ Рожалина о Магабаратѣ: его многіе желаютъ читать Очень радъ, что въ двухъ послѣднихъ нумерахъ, которые вообще хороши и занимательны, критика сдѣлалась гораздо живѣе. Не должно презирать и самой пустой книги. Надѣюсь вскорѣ доставить разборъ сочиненій Булгарина и Логики Додаева—Могарскаго. Мнѣ нравится тонъ, принятый нами въ критикѣ: учтиво и часто дѣльно. Я того мнѣнія, что намъ рѣдко нужно въ ней паясить, за то наша критика должна быть безпощадна; надобно искать способовъ понравиться публикѣ другого рода статьями; я твердо увѣренъ, что мы имѣемъ такихъ способовъ болѣе чѣмъ всѣ другіе журналисты и навѣрное привлечемъ публику рано или поздно, если будемъ постоянны, не восхищаясь и не робѣя. Судьба намъ послала нѣсколько жестокихъ ударовъ; если мы хоть шатаясь да устояли, то можно воображать болѣе лестную будущность“ [194]). Наставническій тонъ этого письма можетъ быть объясненъ тѣмъ, что В. П. Титовъ былъ однимъ изъ ревностныхъ сотрудниковъ *Московскаго Вѣстника*.

Считаемъ долгомъ обозрѣть труды его, помѣщенные въ этомъ журналѣ 1827 г. Онъ перевелъ и напечаталъ здѣсь два отрывка изъ замѣчательнаго сочиненія Флетчера *о Русскомъ государствѣ:* О домашней жизни царя Ѳеодора Іоановича и о старинныхъ Русскихъ свадьбахъ. пояснивъ въ примѣчаніи: „Хотя здѣсь повторяются извѣстія, уже изложенныя въ *Исторіи Государства Россійскаго*, но мы сочли нужнымъ помѣстить

отрывки изъ Флетчера въ близкомъ переводѣ съ подлинника, потому что читатели встрѣтятъ въ немъ нѣсколько лишнихъ подробностей и сверхъ того увидятъ образецъ повѣствованія сего стариннаго путешественника въ наше Отечество" [195]). Кромѣ того мы встрѣчаемся со слѣдующими произведеніями В. П. Титова: *Радость и печаль* [196]); происшествіе, разсказанное дервишемъ, подъ заглавіемъ *Печеная голова* [197]); *Нѣсколько мыслей о зодчествѣ* [198]); *О достоинствѣ поэта* [199]). *Мысли о краснорѣчіи* [200]). Критическіе разборы: *Опытовъ Аллегорій иносказательныхъ описаній въ стихахъ и прозѣ.* Соч. Өедора Глинки (Спб. 1826). Эта статья чрезвычайно понравилась Д. В. Веневитинову, и онъ поручалъ „поцѣловать" за нее Титова [201]). Въ это время В. И. Оболенскій напечаталъ свой переводъ *Платоновыхъ разговоровъ* (М. 1827). В. П. Титовъ въ своемъ вышеупомянутомъ циркулярномъ письмѣ писалъ: „Поклониться отъ меня В. И. Оболенскому и сказать, что мой дядя (т.-е. Дмитрій Васильевичъ Дашковъ) велѣлъ благодарить его за письмо и *Платона*, но я забывалъ это выполнить" [202]). Вмѣстѣ съ тѣмъ Титовъ напечаталъ въ *Московскомъ Вѣстникѣ* критическій разборъ этого перевода въ заключеніи коего читаемъ: „Господинъ Оболенскій держался вѣрно подлинника и съ точностію переложилъ его: это первостепенное достоинство. Рецензентъ замѣтитъ впрочемъ, *что во многихъ мѣстахъ перевода читатель не получаетъ понятія о сладкорѣчіи Платоновомъ*" [203]). Когда же рецензентъ прочелъ въ печати эти свои строки, то писалъ Рожалину: „Ты поступилъ въ противность правиламъ дипломатической психологіи, не подсластивъ въ концѣ разбора Платона замѣчанія о слогѣ Оболенскаго. Правило таково: брани сколько хочешь да на концѣ похвали; а тутъ напротивъ—и я знаю навѣрное, что Оболенскій обидѣлся, чего мнѣ не хотѣлось" [204]).

Кромѣ того, В. П. Титовъ познакомилъ читателей *Московскаго Вѣстника* съ содержаніемъ путешествія кавалера Гамбы (consul du roi à Tiflis) въ южную Россію и преимущественно въ Закавказскія области съ 1820 по 1824 годъ (Парижъ

1826 два тома) и съ содержаніемъ романа Купера *Степь* (The Prairie) [205]). Но въ концѣ концовъ Титовъ сознается Погодину: „Если когда нибудь сидѣло во мнѣ авторское самолюбіе, добрый Петербургъ постарался его вырвать—и постарался не даромъ“ [206]).

Утѣшителемъ же Погодина оставался неизмѣнно Пушкинъ, который, послѣ того какъ провелъ всю зиму бъ Москвѣ, получилъ наконецъ въ началѣ мая 1827 года дозволеніе на пребываніе и въ Петербургѣ. [207]). Въ концѣ лѣта онъ уѣхалъ въ свое Михайловское и оттуда написалъ Погодину письмо, начинающееся такъ:

Въ началѣ жизни мною правилъ
Прелестный, хитрый, слабый полъ;
Тогда въ законъ себѣ я ставилъ
Его единый произволъ, и пр. до стиха:
И чувствъ глубокихъ и страстей.

„Чтò вы дѣлаете? Чтó нашъ *Вѣстникъ*? Посылаю вамъ лоскутокъ *Онѣгина* ему на шапку. *Фаустъ* и другіе стихи еще не вышли изъ подъ царской цензуры. Я убѣжалъ въ деревню, почуя риѳмы“! И тутъ же сообщаетъ свое извѣстнѣйшее стихотвореніе.

Пока не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ,
Въ заботахъ суетнаго свѣта
Онъ малодушно погруженъ; и т. д.

Потомъ прибавляетъ: „Назовите эти стихи да и тисните. Чтó дѣлаетъ мой бѣдный Байбакъ *)? Гдѣ онъ“ [208])? Вскорѣ Пушкинъ опять пишетъ Погодину изъ Михайловскаго (отъ 31 августа 1827): „Побѣда, побѣда! *Фауста* Царь пропустилъ кромѣ двухъ стиховъ: *да модная болѣзнь, она недавно вамъ подарена.* Скажите это отъ меня господину, который вопрошалъ насъ, *какъ мы смѣли* представить предъ очи его высокородія такіе стихи! Покажите ему это письмо и попросите его высокородіе отъ моего имени впредь быть учтивѣе

*) Соболевскій.

и снисхотительнѣе. Плетневъ доставитъ вамъ сцену съ копіей отношенія Бенкендорфа. Если московская цензура все-таки будетъ упрямиться, то напишите мнѣ, и я опять буду безпокоить государя императора всеподданнѣйшей просьбой и жалобами на неуваженіе Высочашей Его Воли. Ради Бога, не покидайте *Вѣстника*; на будущій годъ обѣщаю вамъ *безусловно* дѣятельно участвовать въ его изданіи, для того разрываю непремѣнно всѣ связи съ альманашинками обѣихъ столицъ. Главная ошибка наша была въ томъ, что мы хотѣли быть слишкомъ дѣльными; стихотворная часть у насъ славная, проза можетъ быть еще лучше, но вотъ бѣда: въ ней слишкомъ мало вздору. Вѣдь вѣрно есть у васъ повѣсть для *Ураніи*? Давайте ее въ *Вѣстникъ*. Кстати о повѣстяхъ: онѣ должны быть непремѣнно существенной частію журнала, какъ моды у *Телеграфа*. У насъ не то, что въ Европѣ — повѣсти въ диковинку. Онѣ составили первоначальную славу Карамзина, у насъ про нихъ еще толкуютъ. Ваша индѣйская сказка *) въ европейскомъ журналѣ обратитъ общее вниманіе, какъ любопытное открытіе учености; у насъ тутъ видятъ просто повѣсть и важно находятъ ее глупою. Чувствуете разницу? *Вѣстникъ Московскій* по моему безпристрастному совѣстному мнѣнію — лучшій изъ русскихъ журналовъ. Въ *Телеграфѣ* похвально одно ревностное трудолюбіе, а хороши однѣ статьи Вяземскаго, но за-то за одну статью Вяземскаго въ *Телеграфѣ* отдамъ три дѣльныхъ статьи *Московскаго Вѣстника*. Его критика поверхностна или несправедлива, но образъ его побочныхъ мыслей и ихъ выраженія рѣзко оригинальны, онъ мыслитъ, сердитъ и заставляетъ мыслить и смѣяться: важное достоинство, особенно для журналиста! Если вы съ нимъ увидитесь, скажите ему, что я предъ нимъ виноватъ, но что все собираюсь загладить свою вину. Не знаю, увижу ли я васъ

*) *Переходъ черезъ рѣку*, приключеніе брамина Парамарты (*Московск. Вѣстникъ* 1827, № 15). По предположенію П. О. Морозова, сказка эта переведена съ нѣмецкаго В. П. Титовымъ (*Соч. Пушкина*, VII, 196); но въ оглавленіи *Московскаго Вѣстника* (1827 г., ч. IV) при этой піесѣ поставленъ иниціалъ *К.*

нынѣ, по-крайней мѣрѣ, хочется зимою побывать въ бѣлокаменной. До свиданія, милый и любезный. Весь вашъ безъ церемоній". Само собою разумѣется, это письмо очень ободрило Погодина. Какъ бы въ подтвержденіе сказаннаго Пушкинымъ, нѣкто Михаилъ Лащевскій изъ Кронштадта (отъ 22 сентября 1827 г.) писалъ Погодину: „За журналъ благодарю, но только впередъ прошу помѣщать *повеселѣе что нибудь*".

Зоркій и безпристрастный наблюдатель хода русской литературы П. А. Плетневъ писалъ князю П. А. Вяземскому (отъ 5 мая 1827 г.): „Какая у васъ теперь въ Москвѣ литературная дѣятельность! Здѣсь за смертью Карамзина и за отъѣздомъ Жуковскаго все пришло въ то состояніе, въ какомъ было до ихъ переѣзда изъ Москвы въ Петербургъ. *Московскій Вѣстникъ* кипитъ дѣятельностью. Кажется однакожъ мнѣ, что онъ круто все хочетъ повернуть. Ему хочется вдругъ развить у насъ и Германскія идеи и таинства Востока. Это какъ-то мутитъ воду, а не даетъ ей быстрѣйшаго теченія"[209]).

XX.

Осенью 1827 года С. П. Шевыревъ возвратился въ Москву изъ своей поѣздки въ Саратовскую губернію. Между друзьями, составлявшими редакцію *Московскаго Вѣстника*, возникъ вопросъ о соредакторствѣ Шевырева, такъ какъ занимавшій сію должность, Рожалинъ, очень ею тяготился, а веденіемъ дѣла редакціи Погодинымъ были недовольны, о чемъ могутъ свидѣтельствовать письма Титова, а въ особенности нижеслѣдующее письмо Соболевскаго изъ Петербурга (отъ 10 сентября 1827 года): „Долго нерѣшался я писать къ тебѣ", писалъ онъ Погодину, „и знаешь почему? Потому что боялся моей глупой горячности и не хотѣлъ какимъ нибудь слишкомъ сильнымъ выраженіемъ лишить себя, хотя на короткое время, твоего ко мнѣ благорасположенія или дружбы; назови это чувство какъ хочешь; твое дѣло. Когда ты мнѣ отдалъ

нашъ журнальный счетъ, я изумился, а еще болѣе оскорбился имъ. Мнѣ показалось совершенно неблагопристойнымъ съ твоей стороны оказывать издателямъ *Московскаго Вѣстника*, друзьямъ, роднымъ по чувствамъ и намѣреніямъ, то пренебреженіе, которое столь громко оглашалось въ этомъ счетѣ. Признаюсь, что, по крайней мѣрѣ, не учтиво въ дѣлѣ общемъ разсчитываться на клочкѣ бумаги общими и круглыми итогами и съ недосмотрѣніями. Ты спросишь меня, почему я не объяснился съ тобою на словахъ. Трудно было, душа моя. Я въ вашемъ дѣлѣ человѣкъ постороній, ибо я былъ, такъ сказать, посредникомъ между вами и Пушкинымъ. Мнѣ было больно видѣть неминуемый разрывъ его съ такими людьми, которыхъ я люблю, а можетъ быть и уважаю, видѣть наступающее торжество Булгарина и Греча надъ вами. Еслибы я началъ говорить съ тобою объ этомъ дѣлѣ, то будучи разстроенъ трехмѣсячными противностями и наступающею разлукою съ родными (у меня родные—друзья мои), я увлекся бы тою горячностью, которой примѣры ты, къ сожалѣнію моему, видѣлъ. Вотъ тебѣ, Михайлика, первое и клянусь что и послѣднее. Дѣлайте впередъ съ Пушкинымъ что хотите; рѣшительно отрекаюсь отъ такого дѣла, гдѣ надобно говорить правду или молчать“ [210]). Между тѣмъ Погодинъ, ободренный письмомъ Пушкина, отъ 31 августа 1827 года, повидимому, желалъ вести дѣло самостоятельно, а потому неудивительно, что это недовольство друзей произвело на него самое непріятное впечатлѣніе. „Уныніе не покидаетъ меня“, – читаемъ въ его *Дневникѣ*, „и внѣшнія хлопоты снѣдаютъ у меня время. Какъ все низко, мелко подлѣ меня. Что за необразованность у насъ въ tiers état“ [211]). Въ назначеніи Шевырева соредакторомъ Погодина принимали участіе самъ Рожалинъ и И. В. Кирѣевскій. „Добрый Алексѣй Веневитиновъ“, писалъ Погодинъ, „сказалъ, между прочимъ, мнѣ, что Кирѣевскій и Рожалинъ не приступятъ къ участію, пока я не извѣщу ихъ объ утвержденіи Шевырева соредакторомъ. Пустые люди! И вамъ не совѣстно поступать такъ со мною? Вы дожидаетесь, чтобы

я сказалъ вамъ, и не хотите сами спросить меня! Изъ чего вы хлопочете формуляры. Я готовъ былъ написать имъ, что не хочу имѣть дѣла такимъ образомъ" [212]). Въ то же время изъ Петербурга Титовъ и князь Одоевскій посылаютъ Погодину ультиматумъ (отъ 13 октября 1827 года): „Fuit nuntius Mosquensis", пишетъ Одоевскій, по крайней мѣрѣ, для насъ нижеподписавшихся. Мы послали къ вамъ, господа, письмо, гдѣ довольно ясно означены причины, почему хотѣли мы соредакторства Шевырева. Что за слабость характера? Вчера вы соглашались на наше предложеніе, сегодня не соглашаетесь! Мы постояннѣе васъ: мы держимся своего мнѣнія и рѣшительно и прерѣшительно объявляемъ, что *соредакторство Шевырева есть для насъ* conditio sine qua non, non, non. На это мы рѣшились не на обумъ: что *умъ хорошо, а два лучше*, въ томъ, кромѣ приведенныхъ причинъ въ нашей промеморіи, служатъ намъ доказательствомъ три полемическія статьи противъ *Телеграфа*, которыя возбудили въ насъ такое чувство, что мы боялись назвать его. Мы знаемъ, что Погодинъ не напечаталъ бы этихъ статей, осмотрясь хорошенько, но поспѣшность выхода книжекъ, минута негодованія—чего не дѣлаетъ? Будь у него человѣкъ, безъ согласія коего ни одна статья не могла бы печататься въ *Московскомъ Вѣстникѣ*, и вѣрно бы журналъ этотъ не осрамилъ себя подобными статьями. En resumé вотъ нашъ *ультиматумъ:* 1) Въ силу учрежденія *Московскаго Вѣстника*, издатели большинствомъ голосовъ имѣютъ право дѣлать въ немъ какія хотятъ преобразованія. 2) Нынѣ большинствомъ голосовъ положено Шевыреву быть соредакторомъ. 3) Итакъ, если меньшинство не хочетъ соредакторства Шевырева, то оно не повинуется большинству и учрежденію. *Ergo:* Связь цѣлаго рушится, Nuntius умираетъ, и мы, избирая благую часть, отрекаемся отъ всякаго участія въ *Московскомъ Вѣстникѣ* дѣломъ, словомъ или помысломъ. *Amen*". Одоевскій же прибавляетъ слѣдующее: „Поводомъ къ сему посланію служитъ сообщенное изъ Москвы извѣстіе, что Погодинъ, по полученіи

письма Пушкина, объявилъ, что не хочетъ соредакторства Шевырева. Если это неправда, пусть горячіе уголья падутъ на головы сообщившихъ сіе извѣстіе" [213]).

Очевидно, и это посланіе не могло произвести пріятнаго впечатлѣнія на Погодина. Вотъ что по поводу этихъ переговоровъ мы читаемъ въ его *Дневникѣ*: „Письмо отъ Одоевскаго и Титова. Предосадно мнѣ было. Кирѣевскій поступилъ неосторожно и даже непонятно, потому что дурно. Я не сержусь, впрочемъ. Толковалъ Шевыреву и Алексѣю Веневитинову, что всѣ толкутъ воду и не могъ убѣдить. Несутъ свое да и только. Мочи нѣтъ, и скучно, и досадно. Чтобы возстановить гармонію, отправился къ Трубецкимъ. Не тутъ-то было. Все время княжна Александра Ивановна оставалась у больной сестры. И не оборотилась ко мнѣ, не сказала ни слова... Непріятно. Толковалъ съ Сеймондомъ объ ужасномъ состояніи государства, о всеобщей бѣдности дворянства, купечества. Гроза крестьянъ. Неутѣшительная перспектива! Говорилъ съ Шевыревымъ объ этомъ... Ну, если вслѣдствіе государственныхъ переворотовъ состоянія сравняются, и я..." [214]). Съ своей стороны И. В. Кирѣевскій нашелъ нужнымъ написать ему: „Я виноватъ передъ тобою, любезный Погодинъ, и вотъ именно въ чемъ: когда ты спрашивалъ меня, писалъ-ли я къ Титову, что ты отказывалъ Шевыреву въ соредакторствѣ послѣ полученія письма отъ Пушкина, то я отвѣчалъ тебѣ, что не писалъ о Пушкинскомъ письмѣ въ отношеніи къ этому дѣлу. И въ самомъ дѣлѣ, я до сихъ поръ не помню, чтобы я писалъ о томъ. Но, обдумавъ хорошенько, я увидѣлъ, что не долженъ былъ отвѣчать тебѣ такъ рѣшительно, ибо когда ты объявилъ свое основаніе на права Шевырева, то я дѣйствительно полагалъ одною изъ причинъ тому надежду на улучшеніе журнала Пушкинскимъ сотрудничествомъ, и потому, думая это, я *могъ* это и написать къ Титову, съ которымъ я привыкъ быть откровеннымъ" [215]).

Въ концѣ-концовъ, Погодинъ долженъ былъ, для пользы дѣла, покориться и признать Шевырева соредакторомъ; но

не безъ горечи записалъ онъ въ *Дневникѣ* по этому поводу: „Я сдѣлалъ много, много. Только-бъ кончить мнѣ изданіе журнала чрезъ годъ, а тамъ примусь за дѣла важныя и покажу вамъ себя. Вы узнаете, кто съ вами кланялся, молчалъ и говорилъ о снѣгѣ. Припадокъ гордости. Перестань!“ [216]).

Несмотря на дружбу, между Погодинымъ и Шевыревымъ происходили частыя стычки. Въ *Дневникѣ* Погодина мы находимъ слѣдующія по этому поводу отмѣтки: „Очень доволенъ товариществомъ Шевырева, хотя и кричу съ нимъ каждый день! Досадно было на Шевырева, который твердилъ о своемъ прилежаніи и моей лѣности. Взбѣсилъ меня Шевыревъ до крайности безпрестаннымъ звономъ о своихъ трудахъ, выходками противъ Дмитрія Веневитинова, такъ что я бросилъ ему деньги и послалъ его и ихъ къ чорту. Какая досада! Сошлись опять въ тотъ же день, сперва дома при посредствѣ Кубарева, а потомъ на завтракѣ у Соболевскаго“ [217]).

Въ началѣ ноября вернулись въ Москву С. А. Соболевскій и И. С. Мальцевъ. „Крикъ и шумъ“, читаемъ мы въ *Дневникѣ*. Начались завтраки и ужины. Наканунѣ Николина дня, „по неотступному требованію“ Веневитинова Погодинъ отправился на ужинъ къ Соболевскому. Нельзя сказать, чтобы этотъ ужинъ произвелъ на перваго пріятное впечатлѣніе. Въ *Дневникѣ* Погодинъ отмѣчаетъ: „Скотина Мальцевъ и оскотинившійся на ту минуту Веневитиновъ пристали съ ножомъ къ горлу—пей, и я на-силу уѣхалъ отъ нихъ, ушибенный весьма больно Веневитиновымъ. Что за вакханаліи! Никогда не буду уже я у васъ присутствовать. Передъ людьми совѣстно. Свиньи!“ На другой день Погодинъ отправился къ Веневитинову. Тамъ встрѣтилъ Мальцева и Соболевскаго, которые стали на него кричать, и это „при людяхъ“. Погодинъ не вытерпѣлъ и сказалъ имъ: „Addio, я вамъ не товарищъ, и глупо, что связался съ вами“. При этомъ онъ, вспоминая въ своемъ *Дневникѣ* объ обѣдѣ, бывшемъ по поводу учрежденія *Московскаго Вѣстника*, замѣчаетъ: „Связь была хорошая только въ прошлогоднемъ обѣдѣ, а тамъ и разбрелись. Я выше васъ

всѣхъ“ [218]). Все это огорчало Погодина и наводило на него даже уныніе, апатію; но Жуковскій явился его утѣшителемъ. „Благодарю васъ“,—писалъ онъ ему, „отъ всего сердца за ваше любезное письмо и за ваши литературные подарки. Будучи въ чужихъ краяхъ, я не могъ познакомиться съ вашимъ журналомъ—онъ гдѣ-то гуляетъ по Европѣ, а до меня недобрался. Здѣсь, въ Петербургѣ, я просмотрѣлъ всѣ книжки и съ большимъ удовольствіемъ Вы сами хорошій работникъ и имѣете умныхъ сотрудниковъ. Я отъ всей души пожалѣлъ о Веневитиновѣ — чистый свѣтъ угасъ слишкомъ скоро. У него было много прекраснаго въ душѣ нравственнаго и поэтическаго. Шевыревъ прекрасная надежда. Хомяковъ поэтъ. Въ часъ добрый. Объ васъ не говорю. Вы вооружитесь не на шутку, чтобы дѣйствовать, какъ настоящій рыцарь на полѣ славы литературной. Учитесь у Европы, но дѣйствуйте для Россіи, для ея *вѣрнаго* блага. Коментарія на это не нужно — онъ былъ бы слишкомъ дологъ, вы сдѣлаете его сами. Не заглянете-ли къ намъ въ Петербургъ? Я бы радъ былъ васъ увидѣть. Простите. Сохраните мнѣ ваше дружеское расположеніе“ [219]).

XXI.

Съ іюля 1827 года Погодинъ вошелъ въ сношенія съ Николаемъ Сергѣевичемъ Арцыбашевымъ. Біографическія свѣдѣнія о семъ почтенномъ и трудолюбивомъ, по выраженію Погодина, „регистраторѣ Русской Исторіи“ довольно скудны. Арцыбашевы принадлежатъ къ числу древнихъ дворянъ и фамилія ихъ внесена въ шестую часть дворянской родословной книги Казанской губерніи. *Прапрадѣдъ* Арцыбашева, Иванъ Ивановичъ, еще при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, именно въ 1643 году, былъ „написанъ изъ житья по московскому списку“. Въ 1647 году его пожаловали въ стряпчіе и онъ участвовалъ почти во всѣхъ войнахъ временъ царя Алексѣя Михайловича.

Онъ же былъ въ кіевской службѣ съ бояриномъ Василіемъ Борисовичемъ Шереметевымъ, завѣдывалъ у него „нарядомъ", т. е. артиллеріей, и былъ убитъ въ 1660 году, въ кровопролитной битвѣ подъ городомъ Чудновымъ. Сынъ сего героя и *прадѣдъ* нашего историка—Семенъ Ивановичъ Арцыбашевъ въ 1690 году пожалованъ былъ въ стольники, а его сынъ Авраамъ Семеновичъ Арцыбашевъ въ 1734 году именовался капитаномъ Ингерманландскаго пѣхотнаго полка; а внукъ сего послѣдняго былъ извѣстный нашъ историкъ Николай Сергѣевичъ Арцыбашевъ. Сохранилось одно письмо его къ М. П. Погодину, въ которомъ заключаются любопытныя автобіографическія свѣдѣнія. „Не за лишнее почитаю", писалъ Арцыбашевъ, „объяснить вамъ, какъ мнѣ удалось воспользоваться Лаврентьевскою Оленинскою лѣтописью: будучи въ 1805 году въ Петербургѣ, стоялъ я у Д. И. Языкова, стариннаго моего друга, между Семеновскимъ и Обуховымъ мостомъ на берегу Фонтанки въ домѣ Мертваго, что недалеко отъ дома А. Н. Оленина, котораго племянники Николай и Петръ Дмитріевичи Хрущовы ходили къ намъ ежедневно и нѣкогда первый принесъ показать мнѣ Лаврентьевскій списокъ, какъ теперь помню, въ кожаномъ футлярѣ. Будучи охотникъ до такихъ вещей, упросилъ я Языкова выписать для меня съ дипломатическою точностію оттуда, хотя до крещенія русскихъ, что онъ выполнилъ. Такимъ образомъ имѣю я съ этого списка вѣрный протовень, писанный рукою самого Языкова. Покойный Канцлеръ, бесѣдуя со мною 1824 года въ Нижнемъ, сказывалъ мнѣ, что онъ беретъ уже мѣры къ изданію Лаврентьевской Оленинской Лѣтописи и съ сожалѣніемъ говорилъ о напечатанной въ Москвѣ со списка неблагонадежнаго, т.-е. Пушкинскаго" *). По выходѣ въ отставку изъ

*) Строгій критикъ Карамзина въ данномъ случаѣ впадаетъ въ непростительную ошибку. То, что онъ называетъ *Лаврентьевскою Оленинскою лѣтописью*, и есть *Пушкинская*. Въ 1801 году графъ Алексѣй Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ имѣлъ счастіе поднести императору Александру I принадлежавшій ему *Лаврентьевскій списокъ* Нестеровой лѣтописи, который по высочайшему повелѣнію переданъ былъ въ Императорскую Публичную Библіотеку при директорѣ А. Н. Оленинѣ.

Лейбъ Гвардіи Семеновскаго полка, Арцыбашевъ переименованъ въ чинъ титулярнаго совѣтника, въ которомъ состоялъ съ 28 іюня 1805 года, а съ 4 ноября 1812 года былъ почетнымъ смотрителемъ Чебоксарскаго уѣзднаго училища. Въ 1822 году совѣтъ Казанскаго Университета представилъ попечителю казанскаго учебнаго округа Магницкому объ увольненіи Арцыбашева, согласно его прошенію, отъ должности почетнаго смотрителя [220]). По выходѣ въ отставку, Арцыбашевъ поселился въ уѣздномъ городѣ Казанской губерніи Цивильскѣ и посвятилъ свою жизнь русской исторіи. Еще въ 1802 году задумалъ онъ свой *Сводъ лѣтописей*, и первымъ печатнымъ трудомъ его было *О первобытной Россіи и ея жителяхъ* (Спб. 1808); потомъ *Приступъ къ повѣсти о русскихъ* (Спб. 1811). Въ послѣдующіе годы Арцыбашевъ участвовалъ въ журналахъ, гдѣ помѣщалъ или отрывки изъ своего *Свода* или критическія статьи по разнымъ вопросамъ русской исторіи. Вотъ какъ самъ Арцыбашевъ характеризуетъ свои труды: „Я сличалъ слово въ слово, а иногда буква въ букву всѣ лѣтописи, какія могъ имѣть; составлялъ ихъ, дополняя одну другою, и такимъ образомъ составлялъ изложеніе (textus); послѣ вычищалъ отъ всего лѣтописнаго или занимательнаго только для современниковъ, но со всѣмъ ненужнаго для потомства отъ *лишесловія*, свойственнаго тогдашнему образу сочиненій, и, наконецъ, переводилъ оставшееся на нынѣшній русскій языкъ, какъ возможно буквальнѣе, соображалъ свой переводъ съ древними чужеземными и архивными памятниками, дополнялъ ими лѣтописи и помѣщалъ иногда слова тѣхъ источниковъ, смотря по разбору, въ *изложеніи*“ [221]).

Въ іюлѣ 1827 года Погодинъ получаетъ изъ Цивильска отъ сего почтеннаго мужа письмо слѣдующаго содержанія: „По разнымъ статьямъ *Вѣстника Европы* я давно уже питаю къ вамъ душевное уваженіе. Мнѣ удалось бѣгло прочитать вашу книжку и подивиться затѣямъ господъ новѣйшихъ нѣмецкихъ дѣеписателей: ни слова̀ Нестора, ни Annales Bertiniani, ни даваемое донынѣ Финнами Шведамъ названіе

Ruotzi, ни очевидное сходство древнихъ русскихъ именъ со Шведами, ни Рослагенъ, однимъ словомъ, ничто не можетъ поколебать ожесточеннаго ихъ упорства!! Нельзя повѣрить, чтобы до такой степени они были плохи; скорѣе же можно это счесть невниманіемъ къ учености россійской. Но ихъ и наша степень просвѣщенія право не такая, какъ Гишпанцевъ и Гаитянъ во время открытія Америки. Вы, милостивый государь, много чести сдѣлали нѣмцу Нейману, приписывая вздорной и достаточно вами опровергнутой его статьѣ ученое достоинство: оно, какъ видно, не простирается далѣе Еверсовыхъ *Kritische Vorarbeliten*, Шлецерова *Нестора*, Френовыхъ Ibn *Fozlan's*... и Лаврентьевской лѣтописи; слѣдственно имѣя предъ собою библіотеку изъ четырехъ книгъ, вздумалось молодцу побѣдить истину, утвержденную наилучшими знатоками въ теченіе почти цѣлаго вѣка" [222]). По полученіи этого письма, Погодинъ отправилъ ему свою книгу о *Происхожденіи Руси* и шестнадцать нумеровъ *Московскаго Вѣстника*. Благодаря за этотъ подарокъ, Арцыбашевъ писалъ (отъ 3 сентября 1827 г.): „Съ чувствованіемъ душевной благодарности удостоился я получить отъ васъ письмо, шестнадцать нумеровъ *Московскаго Вѣстника* и книгу о *Происхожденіи Руси*. Долгомъ считаю служить вамъ и служилъ бы уже, еслибы обстоятельства соображались нашимъ желаніямъ; но человѣкъ замышляетъ, а Богъ распредѣляетъ: родной мой братъ, занемогшій въ исходѣ іюля, скончался 5 августа и оставилъ по себѣ жену съ пятью малолѣтними дѣтьми, а мнѣ печаль и заботу. Будьте увѣрены, что какъ скоро духъ мой придетъ хотя въ малѣйшее равновѣсіе, то я постараюсь доставить въ вашъ журналъ статью" [223]). И дѣйствительно, вскорѣ послѣ того онъ присылаетъ въ *Московскій Вѣстникъ* статью подъ заглавіемъ: *Ярославъ*, и Погодинъ въ своемъ *Дневникѣ* отмѣчаетъ: „Получилъ прекрасную статью отъ Арцыбашева" [224]). Статья эта была тотчасъ же напечатана [225]), и съ того времени Арцыбашевъ дѣлается постояннымъ сотрудникомъ *Московскаго Вѣстника*, и сотрудничество это, какъ увидимъ, дорого обошлось Погодину. Замѣ-

чательно, что сотрудничество Арцыбашева въ *Московскомъ Вѣстникѣ* послужило поводомъ знакомству, а потомъ и сближенію Погодина съ Сергѣемъ Тимоѳеевичемъ Аксаковымъ, о которомъ и семействѣ его скажемъ потомъ. Осенью 1827 года былъ учрежденъ въ Москвѣ отдѣльный цензурный комитетъ, предсѣдателемъ коего былъ назначенъ князь Мещерскій, а цензоромъ С. Т. Аксаковъ. Комитетъ этотъ временно помѣщался въ квартирѣ предсѣдателя, на Вздвиженкѣ, въ домѣ графа Шереметева, съ которымъ князь Мещерскій былъ очень близокъ. Открылись засѣданія комитета. Начали являться издатели журналовъ и, по свидѣтельству С. Т. Аксакова, „первый явился М. П. Погодинъ, котораго я до тѣхъ поръ не видывалъ. Мы вышли въ присутственную комнату, познакомились съ журналистомъ, и предсѣдатель мой объявилъ, что онъ самъ будетъ цензуровать *Московскій Вѣстникъ*. Погодинъ тутъ же вручилъ ему рукопись: *Повѣствованіе о Россіи* Николая Арцыбашева, уѣхалъ, а мы воротились въ кабинетъ. Князь Мещерскій развернулъ рукопись и сейчасъ мнѣ сказалъ: „Любезнѣйшій Сергѣй Тимоѳеевичъ! чтобы внушить къ себѣ полное уваженіе, мы должны дѣйствовать съ строгою точностью, не отступая ни отъ одной буквы устава; вотъ эту рукопись я читать не буду: она написана слишкомъ мелко, особенно выноски и ссылки, которыхъ наберется не меньше текста. Я по службѣ обязанъ читать рукописи, но не обязанъ терять глазъ; въ уставѣ именно есть параграфъ, въ которомъ сказано, что рукописи должны быть чисто и разборчиво писаны“. Я просмотрѣлъ толстую тетрадь Арцыбашева и увидѣлъ, что она написана очень четко и что только ссылки и выписки изъ грамотъ написаны мелко. Я сказалъ моему предсѣдателю, что это слишкомъ строго, что если у него не слабы глаза, то рукопись прочесть очень можно“ [226]). По поводу этого посѣщенія цензурнаго комитета Погодинъ отмѣтилъ въ своемъ Дневникѣ: „Въ цензурѣ Мещерскій несносенъ“ [227]). Вслѣдъ за симъ Погодинъ получаетъ отъ князя Мещерскаго слѣдующій ордеръ: „Покорнѣйше прошу прика-

зать переписывать статьи въ Цензуру представлаемыя въ бо̀льшемъ порядкѣ, какъ то по установленію слѣдуетъ и не сшивать тетрадей такъ, чтобы цѣлыя слова зашиты были на згибахъ—вообще извольте приказать не по пятидесяти по три строчки писать на страницѣ, какъ на сегодня присланной тетради, между коихъ уже никакое слово цензора помѣщено быть не можетъ. Иначе цензура вынуждена будетъ отступить отъ правилъ ея снисхожденія и обращать таковыя тетради для переписки какъ слѣдуетъ".

XXII.

Сверхъ трудовъ Погодина по общей редакціи *Московскаго Вѣстника*, за которые ему приходилось испытывать нападенія, мы находимъ на страницахъ его не мало личныхъ статей и изслѣдованій Михаила Петровича по части философіи, географіи, статистики, всеобщей и русской исторіи. Тамъ были помѣщены тоже и его *Историческіе Афоризмы* — подъ такимъ заглавіемъ онъ предлагалъ читателямъ свои мысли, родившіяся у него „при размышленіяхъ объ исторіи и при чтеніи историческихъ сочиненій". По свидѣтельству самого Погодина, *Афоризмы* доставили ему „много насмѣшекъ". Даже въ самомъ *Московкомъ Вѣстникѣ* они встрѣтили ѣдкія замѣчанія и, кажется, со стороны Рожалина. Погодинъ переводитъ изъ Астова курса философіи о Тацитѣ, о Грекахъ и Римлянахъ. Тогда же онъ предпринимаетъ переписку съ другомъ, въ которой излагаетъ *Мысли, какъ писать исторію географіи*. „Цѣлью сей переписки, замѣчаетъ онъ, предполагаемъ обращать по возможности вниманіе публики, и преимущественно молодыхъ людей, на нѣкоторыя стороны въ наукахъ, оставленныя иными безъ вниманія, наводить на размышленіе о предметахъ занимательныхъ, возбуждать любопытство, указывать на книги важныя и пр.; — для сей цѣли въ иныхъ случаяхъ пишемъ нерѣдко пара-

доксы, кои иногда опровергаются въ отвѣтѣ, иногда предоставляются на судъ читателей, въ иныхъ случаяхъ защищаемъ несправедливое мнѣніе, чтобы послѣ уступкою показать яснѣе несправедливость онаго, въ другихъ притворяемся незнающими и пр. Мы очень увѣрены, что для достиженія нашей цѣли потребны не наши силы, но хотимъ дѣлать, что можемъ: пусть другіе дѣлаютъ лучше. Намъ кажется такого рода переписка, ненужная въ другихъ мѣстахъ, для нашей публики полезнѣе многихъ статей, помѣщенныхъ въ журналахъ. На-дняхъ началъ я читать Исторію географіи Мельтебрюна... Заднимъ числомъ, ворчишь ты, улыбаясь. — Лучше поздно, нежели никогда, отвѣчаю я тебѣ съ любезнымъ моимъ Санхо-Пансою... Наши умники, желая, какъ говорятъ они, идти рядомъ съ Европою, стараются читать все новое, узнавать все объ новомъ, а сколько есть для нихъ стараго—новаго! Друзья мои! Присвойте-ка себѣ напередъ старое, а потомъ съ Богомъ уже и рядомъ идите и догоняйте, и перегоняйте, кого хотите". Данныя въ Исторіи, Географіи, по мнѣнію Погодина, надлежало-бы расположить слѣдующимъ образомъ: „*Омиръ.* При немъ извѣстно... Послѣ него *Иродотъ* При немъ прибавлялось..! и т. д. Намъ русскимъ достался прекраснѣйшій удѣлъ изъ всѣхъ удѣловъ, розданныхъ доселѣ народамъ: мы выходимъ послѣдніе на поле европейскаго просвѣщенія,—оно уже воздѣлано,—намъ остается пожать плоды и приниматься за новое сѣяніе. Мы-ли отстаемъ отъ другихъ, мы-ли не впишемъ своего имени въ книгу ума человѣческаго... Но я замечтался [228]).

Твореніе знаменитаго Риттера *Die Erdkunde* при самомъ своемъ явленіи въ свѣтъ обратило вниманіе Погодина. Ксенофонтъ Полевой въ своихъ *Запискахъ* сообщаетъ, что Николай Полевой „первый началъ писать о взглядѣ Риттера на *Землевѣдѣніе.* Это до такой степени было ново, что впослѣдствіи отъявленный врагъ Полевого М. П. Погодинъ, тогда еще молодой человѣкъ, пришелъ къ нему попросить у него сочиненія Риттера, о которыхъ тотъ упомянулъ въ рецензіи на книжку о древней Географіи, изданную Погодинымъ. До

сихъ поръ онъ, вѣроятно, и не слыхивалъ о Риттерѣ, какъ многіе другіе“ [229]). Въ *Дневникѣ* же Погодинъ подъ 14 ноября 1825 г. отмѣтилъ: „Читалъ Риттера и восхищался“. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ приступилъ къ переводу Риттера. „Если переводъ о Европѣ готовъ“, писалъ къ Погодину Кеппенъ, „то сообщите мнѣ оный. Я могъ бы представить сей трудъ на усмотрѣніе графа Сиверса, коего мнѣніе могло бы рѣшить дѣло“ [230]). Отрывокъ изъ этого перевода, подъ заглавіемъ: *О главныхъ горныхъ хребтахъ въ Европѣ, ихъ связи и мысахъ* былъ напечатанъ въ *Московскомъ Вѣстникѣ* съ слѣдующимъ примѣчаніемъ: „Увѣренный въ великой пользѣ Риттерова сочиненія объ Европѣ въ отношеніи къ физической географіи для нашихъ гимназій, я перевелъ оное все и печатаю теперь въ разныхъ журналахъ для того, чтобъ получить отъ критиковъ замѣчанія и воспользоваться ими“. По поводу этаго предпріятія Илья Ѳедоровичъ Тимковскій писалъ Погодину: „Имѣю случай благодарить васъ, что вы съ Риттеромъ оправдали меня въ давнемъ состязаніи, чтобы Географію признать наукою Университетскою, самостоятельною“.

Изъ Шеллинговой всеобщей газеты для нѣмцевъ 1813 года онъ переводитъ отрывокъ сочиненія Мöллера, подъ заглавіемъ *Опытъ характеристики четырехъ частей свѣта* и въ предисловіи къ переводу пишетъ: „Въ предлагаемомъ отрывкѣ читатели не найдутъ полнаго, ученаго обозрѣнія; но нѣкоторыя новыя мысли и соображенія автора, кажется молодого человѣка, который не сдѣлался еще хозяиномъ своего предмета, заслуживаютъ общее вниманіе, особливо у насъ, гдѣ съ подобныхъ сторонъ и не заглядывали на географію, низверженную въ низшіе дѣтскіе классы“. По части *статистики* Погодинъ помѣстилъ въ *Московскомъ Вѣстникѣ* изъ Дюпена: *Взглядъ на Францію въ умственномъ и нравственномъ отношеніи*. Разбирая *Литературный Музеумъ* на 1827 годъ Владиміра Измайлова, Погодинъ замѣчаетъ: „что еслибы нѣкоторые наши ученые вмѣнили себѣ въ обязанность къ концу года представлять полный статистическій

отчетъ о всѣхъ отрасляхъ просвѣщенія". Вмѣстѣ съ тѣмъ, разбирая *Руководство* Кайданова *къ Познанію Всеобщей Политической Исторіи* (Спб. 1826), Погодинъ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: „Историческій слогъ имѣетъ одно высшее свойство - краткость — превосходно опредѣленное Шлецеромъ. Сжимайте такъ происшествія въ повѣствованіи, какъ сжимаютъ хлопчатую бумагу на Индійскихъ корабляхъ: охапку въ горсть. Такія горсти даютъ намъ только Тациты".

По предмету главной своей спеціальности, т.-е. по части Русской Исторіи, онъ выступилъ съ цѣлымъ рядомъ критическихъ статей; не оставилъ безъ вниманія ни одной маломальски замѣчательной книги, относящейся къ Исторіи, начавъ подробнымъ обозрѣніемъ книги Еверса *о древнѣйшемъ правѣ Руси*, тогда еще не переведенной, гдѣ выразилъ свои мысли о различіи удѣльной системы отъ феодальной.

По поводу своего перевода *Еверсовыхъ Критическихъ изслѣдованій*, Погодинъ обращаетъ вниманіе молодыхъ людей, которые пожелали-бы заниматься *исторической критикой*, на значеніе вообще трудовъ Еверса: „Здѣсь говоритъ онъ, увидятъ они, съ какихъ разныхъ точекъ можно смотрѣть на событіе, какъ пользоваться доказательствами, располагать оныя. Наконецъ, здѣсь найдутъ они указаніе на многіе источники, у насъ мало извѣстные. Съ такою цѣлью переведено сочиненіе г. Еверса, хотя переводчикъ и вовсе не принимаетъ его мнѣнія".

Университетскій товарищъ Погодина А. З. Зиновьевъ въ 1827 году издалъ разсужденіе, для полученія степени магистра, *О началѣ, ходѣ и успѣхахъ критической Россійской Исторіи*. Михаилъ Петровичъ нельзя сказать, чтобы дружелюбно отнесся къ этому первому опыту своего товарища. „*Исторія Критической Россійской Исторіи* можетъ быть начата съ Байера", писалъ онъ по этому поводу, „а потомъ надлежитъ описать мракъ, господствовавшій въ нашей исторіи до принесенія въ оную свѣтильниковъ симъ славнымъ критикомъ. Далѣе—описывать, держась хронологическаго порядка, какъ сей мракъ разсѣявался, какъ постепенно откры-

вались новые матеріалы для исторіи—такимъ образомъ, читателю представится самое легкое обозрѣніе"; но Зиновьевъ слѣдовалъ другому плану: „онъ говоритъ намъ сперва объ исторической критикѣ, какія государства особенно важны для исторіи, причины, по коимъ русское государство принадлежитъ къ онымъ, о неизвѣстности древней Русской Исторіи, о басняхъ, коими она была наполнена, потомъ описываетъ вдругъ всѣ важнѣйшіе матеріалы русской исторіи и представляетъ каталогъ сочиненій общихъ и частныхъ о русской исторіи и писателей, коими матеріалы обработывались. Въ сужденіяхъ о писателяхъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, авторъ держится мнѣній Шлецера". Въ заключеніе Погодинъ совѣтуетъ своему товарищу „не прибѣгать къ общимъ мѣстамъ, коими онъ вездѣ обилуетъ, особенно въ введеніи, гдѣ, между прочимъ, есть ссылка на Баумгартеново предисловіе къ Испанской исторіи Ферреры!!" [231]). Зиновьева эта рецензія крайне раздражила, и онъ въ *Письмѣ къ издателю Московскаго Телеграфа* писалъ по этому поводу: „Жалѣю, что рецензентъ предлагалъ мнѣ большею частью требованія, кои уже исполнены въ моемъ сочиненіи, или искалъ въ немъ того, что никакъ не могло войти въ составъ онаго, по моему собственному плану и по цѣли, для которой я писалъ его. Я напечаталъ свое *Разсужденіе* въ самомъ маломъ количествѣ экземпляровъ и разослалъ не болѣе тридцати посторроннимъ лицамъ: все это обязывало г. Погодина говорить опредѣленнѣе о моемъ сочиненіи, ибо читатели *Московскаго Вѣстника* не имѣютъ предъ собою отвѣтчика, а видятъ одного истца. Почему рецензентамъ не поставить себѣ за правило: лучше пропустить нѣсколько ошибокъ, чѣмъ охуждать то, что не заслуживаетъ порицанія?". Въ заключеніе, Зиновьевъ благодаритъ Погодина за совѣтъ „не прибѣгать къ общимъ мѣстамъ"; „но", замѣчаетъ Зиновьевъ, „не вижу сему примѣра въ рецензіи г. Погодина, наполненной общими мѣстами, а всего болѣе *и пр., и пр.*".

Замѣтимъ здѣсь кстати, что противъ книги Зиновьева

также выступилъ въ *Сѣверной Пчелѣ* нѣкій Зубаревъ, который въ *Вѣстникѣ Европы* проповѣдывалъ, что Карамзинъ „только что перефразировалъ исторію князя Щербатова и что Іоаннъ Экзархъ Болгарскій ничѣмъ не лучше Іоакимовой лѣтописи, и что ученый Каченовскій доказалъ это“ [232]). Погодинъ въ письмѣ *къ другу въ Петербургѣ* пишетъ: „Всего болѣе заслуживаетъ вниманія ученое преніе, возникшее между гг. Каченовскимъ и Калайдовичемъ по поводу книги, изданной симъ послѣднимъ: *Іоаннъ, Экзархъ Болгарскій*. Калайдовичъ доказываетъ, что сей болгаринъ жилъ въ IX вѣкѣ, т.-е. былъ почти современникъ безсмертныхъ Кирилла и Меѳодія. Каченовскій же доказываетъ, что Іоаннъ жилъ отнюдь не въ IX, а по большей мѣрѣ, въ XII столѣтіи“; но Погодинъ остался недоволенъ тѣмъ, что статья Каченовскаго, „имѣющая неотъемлемое ученое достоинство, испестрена такими выходками, кои не непріятно прочесть развѣ только въ сужденіи о какомъ нибудь ефемерномъ литературномъ явленіи“. При этомъ онъ справедливо замѣчаетъ: „Какъ мало еще людей занимается у насъ науками, даже въ университетахъ между студентами! Книга, подобная *Іоанну Экзарху Болгарскому*, со всѣми критиками и антикритиками, должна бы входить въ классическое ихъ занятіе. Намъ говорятъ о сочинителѣ словенской грамматики въ IX столѣтіи, переводчикѣ философскихъ сочиненій на молодой языкъ, а мы слушаемъ это съ такимъ равнодушіемъ, какъ будто бы намъ разсказывали пошлую побасенку“.

Иванчинъ-Писаревъ, впослѣдствіи пріятель Погодина, въ 1827 году написалъ *Рѣчь въ память исторіографа Россійской Исторіи*, а Михаилъ Петровичъ написалъ на нее рецензію, въ которой, между прочимъ, читаемъ: „Авторъ распространяется весьма много о зоилахъ, будто старавшихся унизить Карамзина, и въ такихъ громоносныхъ выраженіяхъ, что всякій, незнакомый съ русскою литературою, представитъ себѣ легіонъ злонамѣренныхъ критиковъ. Какъ же удивится онъ, услышавъ, что въ продолженіе пятнадцати лѣтъ не про-

изнесено *ни одного* общаго положительнаго сужденія объ исторіи Карамзина, ни справедливаго, ни несправедливаго. Съ нашей изящной статуи стерли нѣсколько пыльныхъ пятенъ,—но какіе Лессинги и Винкельманны опредѣлили критически ея достоинство? —Карамзинъ долженъ былъ сожалѣть, что не слыхалъ себѣ критики, и важнѣйшее доказательство того, что онъ опередилъ своихъ современниковъ, я нахожу въ томъ, что они не умѣли ни хвалить, ни порицать его. Описывая препятствія, которыя Карамзинъ встрѣтилъ на своемъ поприщѣ, авторъ упоминаетъ о недостаткѣ совѣтниковъ. „Кто у насъ говорилъ о немъ такъ, какъ говорилъ о Цицеронѣ Плиній? Кто писалъ къ нему, какъ писалъ Плиній къ Тациту? Какой Буало вѣщалъ ему: „пиши — я ручаюсь за потомство“. На это Погодинъ возражаетъ: „авторъ позабылъ, что Карамзину былъ другомъ Дмитріевъ, что Державинъ говорилъ ему:

Пой Карамзинъ,
И въ прозѣ гласъ слышенъ соловьинъ“.

Въ это время почтенный П. И Кеппенъ издалъ свои *Матеріалы для Исторіи Просвѣщенія въ Россіи*. Книга эта возбудила общій интересъ и навела Погодина на слѣдующія мысли: „Россія со стороны просвѣщенія представляетъ явленіе необыкновенное въ лѣтописяхъ европейскихъ: восьмидесяти, можно сказать, даже пятидесяти лѣтъ еще не прошло, какъ начали у насъ заводить училища, а мы имѣемъ уже поэтовъ, дѣеписателей, ученыхъ! Правда, что Россія могла пользоваться чужими опытами, правда, что просвѣщеніе ея ограничивается не великимъ числомъ людей, но нельзя отрицать, что успѣхи сего числа удивительны, и, сравнивая наше отечество въ этомъ отношеніи съ другими европейскими государствами, мы имѣемъ полное право сказать, что просвѣщеніе у насъ расло не по годамъ, а по часамъ. Отчего же безпрестанно у насъ слышатся жалобы на медленный ходъ нашего просвѣщенія? Оттого, что жалующіеся смотрятъ только на то,

что́ должно и можно сдѣлать впередъ, а не на то, что уже сдѣлано; они забываютъ о своемъ собственномъ просвѣщеніи, которое есть плодъ многихъ и великихъ трудовъ въ гражданскомъ обществѣ, и думаютъ только о милліонахъ своихъ собратій, живущихъ только жизнью животною. Станемъ надѣяться, что сіи дикари наконецъ начнутъ очеловѣчиваться и благой совѣтъ истиннаго просвѣщенія проникнетъ въ ихъ курныя избы. Сія надежда тѣмъ основательнѣе, что правительство наше, имѣющее всѣ возможныя средства для распространенія просвѣщенія, всегда старается употреблять оныя въ пользу. Такъ покойный императоръ Александръ, въ началѣ своего царствованія, объявилъ торжественно, что народное просвѣщеніе почитаетъ онъ первою и прочнѣйшею основою государственнаго благосостоянія; и читая у Кеппена изображеніе успѣховъ просвѣщенія въ первое десятилѣтіе его царствованія, мы видимъ его стремленіе къ достиженію сей высокой цѣли. Такъ августѣйшій преемникъ его, при самомъ вступленіи его на престолъ, указалъ на важность воспитанія. Взглянемъ на Европу: какое правительство изобрѣтало средства, принимало рѣшительныя, дѣятельныя мѣры для образованія народовъ, такія, какія, напримѣръ, принимало оно для усовершенствованія разныхъ другихъ отраслей правленія? Какое правительство полагало умственное образованіе гражданъ конечною своею цѣлью? Самыя благонамѣренныя изъ нихъ только что подкрѣпляли частныхъ людей въ ихъ предпріятіяхъ, къ распространенію просвѣщенія клонящихся. Русское просвѣщеніе, напротивъ, обязано бытіемъ своимъ правительству,—вотъ одинъ изъ отличительныхъ признаковъ нашей Исторіи".

Въ то же время П. М. Строевъ издалъ *Второе прибавленіе къ Описанію рукописей, хранящихся въ библіотекѣ графа Ѳ. А. Толстова* (М. 1827). „Пріятно видѣть, пишетъ Погодинъ, по поводу выхода въ свѣтъ этой книги, „что у насъ начинаютъ наконецъ издавать подобныя книги истинно *ученымъ* образомъ. Дай Богъ новыхъ покровителей Русской

Кліо, осиротѣвшей по смерти графа Румянцова". Не оставленъ имъ безъ вниманія и капитальный трудъ митрополита Евгенія: *Словарь Историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина* (М. 1827). „Отечественные ученые" — пишетъ Погодинъ — „должны принести благодарность сочинителю за то, что онъ не упустилъ случая воспользоваться встрѣтившимися средствами. Сколько, къ сожалѣнію, видимъ мы людей, которые, обладая у насъ драгоцѣнными матеріалами, ни сами не созидаютъ, ни другимъ не даютъ созидать зданія. Нельзя не замѣтить, что сочинитель *нерѣдко* отвергаетъ то, что по единогласному рѣшенію нашихъ критиковъ отвергнуто, напр. Іоакимова лѣтопись, Словено-русскія руны, до христіанства употреблявшіяся, рожденіе Несторово на Бѣлоозерѣ и пр., и одинакимъ, такъ сказать, тономъ говоритъ иногда о мнѣніи какого-нибудь Шлецера и о мнѣніи какого-нибудь Емина" [233]).

Начитавшись съ дѣтства романовъ, будучи подверженъ порывамъ иногда необузданной фантазіи, ободряемый самимъ Пушкинымъ, Погодинъ подвизался также и на поприщѣ романиста и трагика. „Побились объ закладъ съ Шевыревымъ", читаемъ въ его *Дневникѣ*, „о томъ, чтобы написать по повѣсти къ 15 декабря. Думалъ о романахъ", читаемъ мы въ другомъ мѣстѣ его *Дневника*, „предметы такъ и лѣзутъ въ голову". Такъ, въ описываемое нами время, на страницахъ *Московскаго Вѣстника* мы видимъ его повѣсти: *Невѣста на ярмаркѣ, Великодушный поступокъ изъ Новой Исторіи, Возмездіе* и *Убійца*. Этого рода свои произведенія Погодинъ не рѣшился, однако, печатать въ отдѣлѣ *Изящной Словесности* и скромно помѣстилъ ихъ въ отдѣлѣ *Прозы*. Онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, переводилъ *Рене* Шатобріана. Напомнимъ читателямъ нашимъ, что переводъ этотъ оконченъ еще въ 1821 году и тогда же онъ думалъ напечатать его въ *Вѣстникѣ Европы*; но Каченовскій объявилъ ему, что переводъ *Рене* былъ уже напечатанъ два раза. Несмотря на это, сдѣлавшись редакторомъ *Московскаго Вѣстника*, Погодинъ помѣстилъ его на

страницахъ своего журнала съ слѣдующимъ примѣчаніемъ: „Я перевелъ сію повѣсть Шатобріана вмѣстѣ съ половиною его сочиненія *Genie du Christianisme* въ 1821 году, не знавъ о двухъ прежнихъ переводахъ ея, за двадцать лѣтъ напечатанныхъ. Переводъ мой назовутъ можетъ быть лишнимъ,—я помѣщаю его здѣсь и потому, что всѣ экземпляры прежнихъ переводовъ разошлись и сгорѣли въ 1812 году, и потому, что сочиненія Шатобріанова, только что изданныя вполнѣ, возбуждаютъ нынѣ общее вниманіе. Кстати обращу вниманіе своихъ читателей на характеръ *Рене*, энтузіаста, недовольнаго внѣшнею жизнью, которая не удовлетворяетъ его внутреннимъ потребностямъ. Сей характеръ изображается многими великими современными писателями и напрасно думаютъ нѣкоторые находить у нихъ подражаніе другъ другу. Не говоря о Руссо, разительно представившемъ сей характеръ въ природѣ, укажу, кромѣ Шатобріана, на сочиненіе Гете: *Фаустъ, Вильгельмъ Мейстеръ,* Байрона: почти во всѣхъ своихъ поэмахъ; и на Пушкина: *Кавказскій Плѣнникъ, Алеко*“. Однако, переводъ этотъ встрѣтилъ сильное осужденіе со стороны В. П. Титова и далъ поводъ, между прочимъ, къ требованію соредакторства Шевырева. Титовъ замѣчаетъ, что этотъ переводъ „возбудилъ смѣхъ во всѣхъ читателяхъ умныхъ и полуумныхъ“ [234]).

Педагогическія книжки также останавливали вниманіе Погодина. Такъ, по поводу выхода въ свѣтъ перевода съ англійскаго, *Постепенное чтеніе для дѣтей* (М. 1827), мы читаемъ: „Наблюдателю отечественныхъ нравовъ, другу добра, пріятно видѣть попеченія, прилагаемыя съ нѣкотораго времени родителями о воспитаніи дѣтей своихъ. Мы съ живѣйшимъ удовольствіемъ прочли сію книжку, служащую яснымъ тому доказательствомъ“. Разбирая альманахи, онъ останавливается на *Дѣтскомъ Цвѣтникѣ* Бориса Өедорова и преподаетъ издателю слѣдующее полезное наставленіе: „Съ дѣтьми должно говорить по-дѣтски: это не такъ просто, какъ многіе полагаютъ. Только тотъ, кто обнялъ предметъ со всѣхъ

сторонъ знаетъ, какую сторону его и какъ должно показать дѣтямъ. Славный Шлецеръ въ предисловіи къ своему введенію къ Исторіи для дѣтей говоритъ: „Я стыжусь признаться, сколько времени я сидѣлъ за сими листами. По цѣлымъ днямъ размышлялъ я, какъ иной сельскій священникъ за проповѣдью, *что* хотѣлъ я сказать, въ другіе дни изслѣдовалъ, *чего* не хотѣлъ я сказать; наконецъ, *какъ* я хотѣлъ сказать" [235]).

Московскій Вѣстникъ чрезъ П. И. Кеппена знакомилъ своихъ читателей и съ трудами Славянскихъ ученыхъ. „Если мнѣ удастся—писалъ Кеппенъ Погодину отъ 7 января 1827 года—„переселить Ганку въ Россію, то въ Прагѣ у насъ корреспондентомъ будетъ Палацкій". Мысль объ учрежденіи словенскихъ каѳедръ при русскихъ Университетахъ возникла тогда же. Въ письмѣ отъ 27 января 1827 года Кеппенъ спрашивалъ Михаила Петровича, „есть ли при Московскомъ Университетѣ молодые люди, которые съ пользою могли бы объѣхать земли словенскія и которые могли бы со временемъ быть профессорами славянской литературы по всѣмъ нарѣчіямъ" [236]).

Не довольствуясь *Московскимъ Вѣстникомъ*, Погодинъ задумалъ-было продолжать изданіе альманаха *Уранія* и даже писалъ объ этомъ Востокову (отъ 3 Іюля 1827): „Много одолжили бы вы меня, еслибы доставили хоть одну сербскую пѣснь въ *Уранію*, которую намѣренъ я издать на будущій 1828 годъ" [237]). Кромѣ того, онъ участвовалъ въ альманахѣ, издаваемомъ Раичемъ и Ознобишинымъ, подъ заглавіемъ *Сѣверная Лира* на 1827 годъ, гдѣ помѣщено его *письмо о Русскихъ романахъ*, въ которомъ онъ указываетъ на источники для нихъ въ русской исторіи и русскихъ обычаяхъ. Любопытно, что въ самомъ же *Московскомъ Вѣстникѣ* сдѣлано противъ этого письма слѣдующее возраженіе: „Если авторъ хорошо, быть можетъ, знаетъ старину, то ему очень худо извѣстны, кажется, современные обычаи въ нашемъ большомъ свѣтѣ. Читатели не помнятъ, чтобы на блистательномъ вечерѣ,

послѣ танцевъ, передъ ужиномъ и молодежь и старики когда нибудь собирались за одинъ круглый столъ дѣлать другъ другу привѣтствія, *отпускать* насмѣшки и заводить разговоръ общій. Вѣрно онъ писалъ свою рѣчь въ кабинетѣ, а не произносилъ въ гостиной" [238]). Князь П. А. Вяземскій объ этомъ письмѣ замѣтилъ, что это „произведеніе г. Погодина умное и занимательное"; но при этомъ выражаетъ сожалѣніе, что авторъ „въ письмѣ своемъ о русскихъ романахъ, задѣваетъ, какъ многіе изъ нашихъ комиковъ, погрѣшности условныя, мнимыя, а не существенныя. Описывая, напримѣръ, общество, въ коемъ онъ находился, продолжаетъ: „Сперва похвалены были, какъ водится, всѣ присутствовавшіе взаимно другъ другомъ". Характеристическая-ли это черта нашихъ нравовъ? Мало ли въ нашихъ блистательныхъ собраніяхъ встрѣтится истинно смѣшнаго? Зачѣмъ прибѣгать къ общимъ, такъ сказать, давно заданнымъ уликамъ? „Сколько есть у насъ Тарасовъ Скотининыхъ", говоритъ авторъ, и тутъ не мѣтитъ онъ въ цѣль. Тарасъ Скотининъ и въ комедіи Фонъ-Визина каррикатура, а не портретъ. Предъ порокомъ и глупостью не должно выставлять увеличительное зеркало: имъ это по рукѣ. Они скажутъ: „мы себя здѣсь не узнаемъ"—и ваши исправительныя мѣры останутся безъ успѣха. Лучше дотрогивайтесь слегка, но задирайте всегда за живое, то-есть за истинное" [239]). Но противъ намѣренія Погодина издавать самому альманахъ энергично возстали и В. П. Титовъ и самъ Пушкинъ. „Такая мысль—писалъ Михаилу Петровичу Титовъ—простительна только человѣку, выведенному изъ себя семейнымъ несчастіемъ: въ 26 году мы болѣе надѣялись на свои силы, но и тутъ разочли съ покойнымъ Дмитріемъ, что *Гермесъ* отниметъ хорошія поэмы у *Вѣстника*; и такъ можно ли теперь объ этомъ думать. Хочешь ли напомнить о своемъ имени публикѣ, издавай скорѣе *Гёца*". „Вы хотите—писалъ ему съ своей стороны Пушкинъ — „издать *Уранію!!!* Tu, Brute!!. Но подумайте: на что это будетъ похоже? Вы, издатель Европейскаго журнала въ Азіятской Москвѣ, вы чест-

ный литераторъ между лавочниками литературы, вы!.. Нѣтъ, вы не захотите марать себѣ рукъ альманашной грязью. У васъ много *накопилось статей, которыя не входятъ въ журналъ*, но какихъ же? quod licet *Uraniae*, licet тѣмъ паче *Московскому Вѣстнику*, не только licet, но decet. *Есть и другія причины.* Какія? Деньги? Деньги будутъ, будутъ. Изданіе *Ураніи*, ей Богу, можетъ хотя и несправедливо, повредить вамъ въ общемъ мнѣніи порядочныхъ людей. Прочтите, что Вяземскій сказалъ объ Альманахѣ издателя *Благонамѣреннаго*; онъ совершенно правъ. Публика наша глупа, но не должно ее морочить. Такъ точно какъ журнальный сыщикъ Сережа глупъ, но не должно его навѣрное обыгрывать въ карты. Издатель журнала долженъ всѣ силы употребить, дабы сдѣлать свой журналъ какъ можно совершеннымъ, а не бросаться за барышами. Лучше ужъ прекратить изданіе; но сіе было бы стыдно. Говорю вамъ просто и прямо, потому что васъ искренно уважаю. Прощайте. *Стансы къ Царю*, имъ позволены. *Пѣсни о Стенькѣ* не пропущены".

Въ то время, когда Титовъ и самъ Пушкинъ такъ убѣдительно упрашиваютъ Погодина не марать рукъ „альманашною грязью", какъ нарочно, онъ получаетъ отъ нѣкоего Садока Юрьева письмо (отъ 15 сентабря 1827 года) слѣдующаго содержанія: „Одинъ мой хорошій знакомый предпринялъ издать на будущій 1828 годъ альманахъ и, признавая васъ за единственнаго наслѣдника по части литературы безсмертнаго Карамзина, желалъ бы имѣть нѣсколько статеекъ изъ подъ пера вашего и сотрудниковъ вашихъ отличныхъ литераторовъ и поэтовъ, коихъ вы завербовали подъ свое знамя, а потому и проситъ моего посредничества въ полученіи таковыхъ произведеній, для украшенія оными его журнала" [240]).

XXIII.

Между тѣмъ кругъ дѣятельности Погодина все болѣе и болѣе распространялся будучи редакторомъ *Московскаго Вѣст-*

ника, онъ въ тоже время возсѣдалъ на каѳедрѣ Всеобщей Исторіи Императорскаго Московскаго Университета. „Но вотъ уже мы и профессорами", писалъ Погодинъ, будучи въ глубокой старости къ своему другу Максимовичу, воспоминая свою молодость, „открылось новое поприще". „Берегите пуще всего идею университета!" гласитъ Павловъ,—„смотрите, чтобъ она не пострадала!"—„Душа и тѣло", восклицаетъ Сандуковъ, „не есть еще дѣло: надо дѣло дѣлать!" Щепкинъ съ своею точностью, Перевощиковъ съ живостью и разнообразіемъ, Надеждинъ съ тезисами: гдѣ жизнь, тамъ и поэзія. А Мудровъ съ правилами Иппократа, а Ефремъ Осиповичъ Мухинъ, ревнитель русскаго начала. А Дядьковскій, работавшій часовъ по шести въ день для студентовъ, ревностный, неутомимый, послѣ на всемъ бѣгу подшибленный противною партіей и завѣщавшій все свое имѣніе на пособіе бѣднымъ семинаристамъ!" [241]). Еще въ 1825 году Погодину было предложено читать студентамъ перваго курса Всеобщую Исторію, которую онъ и преподавалъ, руководствуясь Шлецеровымъ *Введеніемъ*. При чтеніи лекцій Шеллингова философія оказывала на профессора свое вліяніе. Изъ мыслей, возникшихъ въ продолженіе сихъ лекцій о событіяхъ, составились знаменитые *Историческіе Афоризмы* Погодина [242]). Въ то время, когда онъ вступилъ на каѳедру, Московскій Университетъ, по свидѣтельству И. А. Гончарова, „былъ святилищемъ не для однихъ насъ, учащихся, но и для ихъ семействъ и для всего общества. Москва гордилась своимъ Университетомъ, любила студентовъ, какъ будущихъ самыхъ полезныхъ, можетъ быть, громкихъ, блестящихъ дѣятелей общества. Студенты гордились своимъ званіемъ и дорожили своими занятіями, видя общую къ себѣ симпатію и уваженіе. Они важно расхаживали по Москвѣ, кокетничая своимъ званіемъ и малиновыми воротниками. Даже простые люди, и тѣ при встрѣчахъ, ласково провожали глазами юношей въ малиновыхъ воротникахъ. Я не говорю объ исключеніяхъ. Въ разносословной и разнохарактерной толпѣ, при различіи воспитанія, нравовъ и привычекъ, явля-

лись, конечно, и мало подготовленные къ серьезному ученію, и дурно воспитанные молодые люди, и просто шалуны и повѣсы. Иногда пробѣгали въ городѣ — впрочемъ, рѣдкіе — слухи о шумныхъ пирушкахъ въ трактирахъ, о шалостяхъ, въ родѣ напримѣръ, перемѣны ночью вывѣсокъ у торговцевъ, или задорныхъ пререканій съ полиціей и т. п. Но большинство студентовъ держало себя прилично и дорожило доброй репутаціей и симпатіями общества. Эта симпатія вливала много тепла и свѣта въ жизнь университетскаго общества“ [243]). Но, чтобы нѣсколько оттѣнить эту свѣтлую картину, начертанную нашимъ знаменитымъ писателемъ, считаемъ долгомъ воспользоваться свидѣтельствомъ другого современника профессорской дѣятельности Погодина, Н. И. Пирогова и представить описаніе его *десятаго нумера*, въ которомъ жили казеннокоштные студенты. „Понятій о нравственности *десятаго нумера*“, повѣствуетъ Пироговъ, „не смотря на мое короткое съ нимъ знакомство, я не вынесъ ровно никакихъ. Разгулъ при наличныхъ средствахъ ,полный индифферентизмъ къ добру и злу при пустомъ карманѣ,—вотъ вся мораль *десятаго нумера*, оставшаяся въ моемъ воспоминаніи. Вотъ настало первое число мѣсяца. Получено жалованье. Нумеръ накопляется. Дверь то и дѣло хлопаетъ. Солдатъ, старый Яковъ, ветеранъ, служитель нумера, озабоченно приходитъ и уходитъ для исполненія разныхъ порученій. Являются чайники съ кипяткомъ и самоваръ. Входятъ разомъ человѣка четыре, двое нумерныхъ студентовъ, одинъ чужой и Успенскій протодіаконъ. Шумъ, крикъ и гамъ. Протодіаконъ что-то баситъ. Всѣ хохочутъ. Яковъ является со штофомъ за пазухою, въ рукахъ несетъ колбасу и паюсную икру. Печать со штофа срывается съ восклицаніемъ: „ну-ка, отецъ протодіаконъ, бѣлаго панталоннаго хватимъ“.—*Весьма охотно*, глухимъ басомъ и съ разстановкой отвѣчалъ протодьяконъ. Начинается попойка. Приносится Яковомъ еще штофъ и еще, такъ до положенія ризъ... Впослѣдствіи почуялись и въ *десятомъ нумерѣ* вѣянія другого времени; послышались чаще имена Шеллинга,

Гегеля, Окена... Но университетское воспитаніе, продолжаетъ Пироговъ, „предоставленное почти исключительно силамъ природы, едвали не дало, въ нравственномъ отношеніи, лучшіе плоды, чѣмъ позднѣйшее, искусственное... Я встрѣчался не разъ въ жизни съ прежними обитателями *десятаго нумера*—и многихъ изъ нихъ видѣлъ потомъ тише воды и ниже травы, на службѣ, семейныхъ, богомольныхъ. Того господина, напримѣръ, изъ *десятаго нумера*, который горланилъ во всю ивановскую оду на *Вольность*, я видѣлъ потомъ тишайшимъ штабъ-лекаремъ, женатымъ, игравшимъ довольно шибко въ карты и служившимъ отлично въ госпиталѣ“ [244]).

Погодинъ, по своей общительной природѣ, былъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ профессорами другихъ университетовъ, интересуясь ихъ состояніемъ. Такъ, напримѣръ, въ одномъ изъ писемъ къ Погодину, отъ 1 іюня 1827 года, мы находимъ любопытныя свѣдѣнія о состояніи Казанскаго Университета, слѣдовательно, вскорѣ послѣ попечительства Магницкаго: „Нѣсколько словъ скажу вамъ объ Университетѣ Казанскомъ. Преогромнѣйшее зданіе на горѣ, изъ камня дикаго цвѣта; имѣетъ фигуру продолговатую; я по наружности хотѣлъ сдѣлать нѣкоторое сравненіе съ Московскимъ, но никакъ не можно, ибо Московскій въ видѣ полукружія, а Казанскій въ видѣ протяженной прямой линіи. Въ Московскомъ куполъ, а въ Казанскомъ на самомъ верху квадратной кровли поставленъ животворящій крестъ изъ металла позлащеннаго, а можетъ быть и чистаго золота. Церковь больше Московской Университетской; а въ церкви особенно поразило мои взоры вверху сдѣланное углубленное отверстіе, и оное озарено невечерѣющимъ солнцемъ, такъ что и въ обѣдню, и во всеночную мнѣ случилось тамъ быть и видѣть свыше сходящее сіяніе, и тамъ же, т.-е., въ ономъ возвышеніи, озаренное свѣтомъ всевидящее око, какое видѣлъ обыкновенно на дворянскихъ медаляхъ. Какъ здѣсь строго держатъ студентовъ Казанскихъ! Ай! ай! не въ силахъ выразить! Даже въ свою комнату они ни ногой, какъ развѣ только послѣ ужина на

ночь, а то весь день или въ классахъ, или въ комнатахъ, такъ называемыхъ занимательныхъ, или въ саду. Но и какая чистота, что за бѣлье, что за кровати, мебель—все прекрасно. А какой безподобный, обѣденный и ужинный столъ. Здѣсь студента лелѣютъ лучше, нежели въ домѣ родительскомъ, но уже и вольки не даютъ. Все разочтено по времени, даже и со двора идти не иначе, какъ по билету. Всѣ обязаны ходить по формѣ“ [245]). Не смотря на то, что Погодинъ былъ еще въ то время молодымъ профессоромъ, отношенія его къ тогдашнему попечителю московскаго округа А. А. Писареву, котораго Пироговъ называетъ „мундирнымъ попечителемъ“, были самыя свободныя, о чемъ можетъ свидѣтельствовать слѣдующая запись *Дневника*: „Былъ у попечителя и безъ церемоніи описалъ ему многія его глупости, что принялъ онъ благосклонно“ [246]).Эта близость къ попечятелю придавала Погодину нѣкій вѣсъ въ глазахъ многихъ и увеличивала его связи и знакомства. Вотъ что писалъ ему Николай Николаевичъ Семеновъ, изъ Рязани, въ іюнѣ 1827 года: „Наконецъ и я попалъ въ рангъ индѣйскаго пѣтуха, и управляю уже рязанскимъ учебнымъ округомъ. Я слышалъ, однако же, отъ пріѣхавшихъ сюда изъ Москвы, что попечитель начало моего директорства хочетъ почтить визитерствомъ. Милости просимъ. Мы почетныхъ гостей принять всегда готовы. Желательно только знать, кого ко мнѣ въ гости назначутъ“ [247]).

Въ 1827 году послѣдовало приглашеніе со стороны правительства къ воспитанникамъ университета вступить; въ такъ называемый, Профессорскій институтъ, учрежденный въ Дерптѣ, съ тѣмъ, что по окончаніи тамъ курса, лучшіе изъ нихъ будутъ отправлены въ чужіе края. Учрежденіемъ своимъ этотъ институтъ былъ обязанъ академику Парроту, товарищу знаменитаго Кювье. Парротъ былъ долго профессоромъ физики въ Дерптскомъ университетѣ, а потомъ сдѣлался академикомъ С.-Петербургской Академіи Наукъ. По сообщенію Пирогова, Парротъ былъ свидѣтелемъ въ Дерптѣ и въ С.-Петербургѣ смутныхъ и выходящихъ изъ ряду вонъ событій,

постигшихъ наши университеты въ концѣ царствованія императора Александра I, и тутъ онъ воспользовался своимъ исключительнымъ положеніемъ и желаніемъ преемника Александра преобразовать всю учебную часть въ государствѣ. Императору Николаю было извѣстно, что Парротъ пользовался особеннымъ довѣріемъ и расположеніемъ императора Александра I, имѣя къ нему всегда свободный доступъ. Главнѣйшимъ и самымъ существеннымъ пунктомъ проекта Паррота было подготовленіе русскихъ молодыхъ людей, кончившихъ университетскій курсъ, въ Дерптскомъ университетѣ, для дальнѣйшихъ занятій наукою за границею [218]). Такимъ образомъ, въ 1827 году, проектъ академика Паррота былъ высочайше утвержденъ и мысль объ учрежденіи Профессорскаго института вскорѣ осуществилась. Когда Погодинъ получилъ предложеніе вступить въ этотъ институтъ, то онъ написалъ въ правленіе Императорскаго Московскаго Университета слѣдующее: „Вслѣдствіе предписанія г. ректора, симъ честь имѣю объявить, что я не могу, несмотря на свое желаніе воспользоваться монаршею милостью и ѣхать въ чужіе края для усовершенствованія себя въ наукахъ, по слѣдующимъ причинамъ: 1) оклады отправляющихся неопредѣлены: я, содержа здѣсь своими трудами цѣлое семейство, не могу оставить оное въ неизвѣстности на будущее время въ этомъ отношеніи. 2) По наукѣ, мною избранной предметомъ занятій, я не имѣю нужды учиться въ Дерптѣ и Парижѣ, и вмѣсто оныхъ, желалъ бы употребить часть назначеннаго времени на посѣщеніе другихъ университетовъ германскихъ, наиболѣе славящихся профессорами по исторической части, напримѣръ, Геттингенскаго. 3) Я желаю всегда принадлежать Московскому Университету, а не какому-либо другому. 4) Получивъ уже два года степень магистра въ Московскомъ Университетѣ, имѣя право теперь читать лекціи и, читавъ уже оныя, получилъ степени отъ разныхъ ученыхъ сословій въ государствѣ, а потому почитаю оскорбительнымъ для сихъ мѣстъ подвергать себя постороннимъ экзаменамъ на-равнѣ съ студентами, только что оканчивающими свой курсъ“ [249]).

Конецъ 1827 года въ Московскомъ университетѣ былъ ознаменованъ празднованіемъ полувѣковаго юбилея знаменитаго Лодера *). Въ этомъ торжествѣ Погодинъ принималъ непосредственное участвіе и описалъ его какъ очевидецъ. Торжество происходило 6 сентября 1827 года. „Никогда еще не было въ Москвѣ“, повѣствуетъ Погодинъ, „и кажется въ Россіи, ученаго праздника, столь блестящаго, столь примѣчательнаго во всѣхъ отношеніяхъ; съ одной стороны, мы видѣли здѣсь мужа, который въ продолженіе цѣлаго полувѣка, ревностно, съ неутомимою дѣятельностью подвизаясь на славномъ поприщѣ наукъ, оказалъ незабвенныя услуги ученому свѣту и снискалъ европейскую славу;—съ другой—собраніе знаменитыхъ и достойныхъ гражданъ, которые изъявляли ему торжественно глубокое почтеніе и благодарность въ сей важный для него день. Въ 8 часовъ утра врачи московскіе принесли поздравленіе Лодеру въ его домѣ и пригласили его на обѣдъ, въ честь его приготовленный; онъ изъявилъ свое согласіе, не зная, впрочемъ, что его тамъ ожидаетъ. Въ 2 часа по полудни, когда всѣ участвовавшіе въ устроеніи праздника, многія постороннія почетныя особы, московскій генералъ-губернаторъ, князь Д. В. Голицынъ, князь Н. Б. Юсуповъ, И. И. Дмитріевъ и прочіе ревнители просвѣщенія собрались въ домѣ князя Юсупова на Никитской,—четыре маршала въ четырехъ каретахъ отправились за Лодеромъ. Онъ пріѣхалъ съ ними въ сопровожденіи г-на Броссе, своего соотечественника (изъ Риги). На крыльцѣ его встрѣтили нѣкоторые врачи и лишь только ступилъ онъ на лѣстницу, какъ раздалась музыка, коею возвѣщено было въ залѣ его прибытіе. При вступленіи его туда, докторъ Пфелеръ, другъ его, старшій изъ докторовъ московскихъ, привѣтствовалъ его нѣмецкою рѣчью. Слышавъ трепещущій голосъ Пфелера и видѣвъ потупленный, слезящійся взоръ Лодера, нельзя было сказать, кто изъ нихъ обоихъ былъ болѣе тронутъ. Слушатели раздѣляли съ ними ихъ чувствованія. Въ самомъ дѣлѣ, не усладительно ли было

*) Родился въ 1753 году, въ Ригѣ. Скончался въ 1832 году, въ Москвѣ.

видѣть сихъ двухъ маститыхъ старцевъ, которые, пройдя вмѣстѣ уже почти всю длинную дорогу свою, съ такою честью для себя, съ такою пользою для своихъ ближнихъ, предъ концомъ ея торжественно привѣтствуютъ другъ друга, и, воспоминая преодолѣнныя трудности, взаимно отдаютъ себѣ должную честь. По окончаніи сей рѣчи раздалась музыка: *Тебѣ Бога хвалимъ,* соч. Гроуна. Однажды, въ кругу своихъ знакомыхъ, Лодеръ изъявилъ свое сожалѣніе, что сорокъ лѣтъ не слыхалъ этой музыки, и желаніе услышать ее еще разъ въ своей жизни. Тотчасъ объ этомъ написали въ Германію,— тамъ употребили всѣ усилія отрыть сію старинную музыку и прислали сюда. Тронутый старецъ, услышавъ знакомые звуки, доставлявшіе ему столько удовольствія въ юности, прослезился, но онъ не угадывалъ, сколько еще наслажденій предназначено ему было испытать въ этотъ день! Потомъ говорена была латинская рѣчь, сочиненная докторомъ Шмицомъ. Въ прекрасной русской рѣчи г. Маркусъ, одинъ изъ отличнѣйшихъ докторовъ московскихъ, изобразилъ идеалъ врача, и въ короткихъ, но сильныхъ словахъ показалъ всю важность его сана и полный кругъ его дѣйствія между согражданами. Кончивъ свое изображеніе, онъ съ особеннымъ ораторскимъ искусствомъ отнесся къ своимъ слушателямъ, и ссылаясь на ихъ собственное сужденіе, утвердилъ, что достигнуть до такого идеала невозможно,—но, сказалъ онъ въ заключеніе, дѣйствительность убѣждаетъ насъ въ противномъ: Лодеръ, коего юбилей мы нынѣ празднуемъ, доказалъ, что можно приблизиться къ начертанному нами идеалу, и я, только опасаясь оскорбить его скромность, не стану теперь въ его жизни искать положительныхъ доказательствъ Наконецъ, г. Эйнбродтъ, ученикъ Лодеровъ, сказалъ французскую рѣчь—Лодеръ на всѣ рѣчи отвѣчалъ экспромтомъ, на нѣмецкомъ, латинскомъ и французскомъ языкахъ, и въ отвѣтахъ своихъ произнесъ обѣтъ посвятить, съ большею ревностью, остатокъ своей жизни на пользу общую, въ знакъ благодарности за тѣ лестные знаки благоволенія, которые удостоился

онъ получать прежде и теперь отъ государя, отечества и друзей своихъ. По окончанiи рѣчей поднесены ему были поздравленiя отъ университетовъ: Дерптскаго, Геттингенскаго (въ коемъ онъ получилъ свой докторскiй дипломъ въ 1777 году), Рижской гимназiи, общества врачей петербургскихъ и рижскихъ, письмо короля прусскаго, при коемъ присланъ ему знакъ краснаго орла втораго класса *), отъ славнаго Александра Гумбольдта, старца Гуфланда. Въ 4 часа маршалы пригласили собранiе къ столу. Столъ былъ накрытъ на 120 приборовъ и украшенъ, какъ и вся зала, цвѣтами и гирляндами изъ лавровъ. Лодеръ сидѣлъ между княземъ Д. В. Голицынымъ и княземъ Н. Б. Юсуповымъ. Снявъ салфетку съ своего прибора, онъ увидѣлъ богатую золотую табакерку съ надписью и своимъ гербомъ, которую ему приносили, въ память сего дня, московскiе врачи и друзья его. Тогда же поднесенъ былъ ему высокiй серебряный кубокъ. Сей кубокъ отдалъ онъ въ лютеранскую церковь, желая, какъ сказано въ надписи, приношенiе друзей своихъ посвятить Богу, подателю всѣхъ благъ. Въ продолженiе великолѣпнаго обѣда были питы тосты: первый—за здравiе Государя Императора, высокаго покровителя ученыхъ. Второй—за здравiе Лодера, и со всѣхъ концовъ залы раздались громогласныя восклицанiя, продолжавшiяся нѣсколько минутъ: vivat, Loder, vivat! Лодеръ всталъ и въ то же мгновенiе распространилось по залѣ глубочайшее молчанiе. Дрожащимъ голосомъ благодарилъ онъ присутствовавшихъ за благосклонность ему оказанную, приписывая оную не своимъ заслугамъ и достоинствамъ, а ихъ снисхожденiю. Третiй тостъ за здравiе князя Д. В. Голицына, который съ такою ревностью споспѣшествуетъ въ Москвѣ всѣмъ предпрiятiямъ, относящимся къ просвѣщенiю и гражданской образованности. Четвертый тостъ за здравiе хозяина дома, въ коемъ совершалось празднество, князя Н. Б. Юсупова, и прочихъ посѣтителей. Предъ окончанiемъ обѣда докторъ Мудровъ воспѣлъ

*) Лодеръ представленъ былъ къ 3-му классу, но король самъ, вмѣсто третьяго класса, написалъ втораго.

золотую свадьбу Лодера съ медициною въ краткихъ стихахъ, кои разсмѣшили все собраніе и доставили большое удовольствіе Лодеру. По окончаніи обѣда всѣ присутствовавшіе вышли въ прежнюю залу и увидѣли большую прозрачную картину, представляющую храмъ эскулаповъ съ латинскою надписью. Лодеръ былъ внѣ себя отъ восхищенія, смѣялся, плакалъ, цѣловался и благодарилъ всѣхъ посѣтителей. Въ 9 часовъ собраніе разъѣхалось.

Дай Богъ, заключаетъ Погодинъ, нашимъ врачамъ и вообще всѣмъ нашимъ ученымъ доживать до такихъ юбилеевъ! Дай Богъ имъ заслуживать такіе знаки всеобщаго добровольнаго уваженія!

Намъ остается теперь отъ лица всей публики засвидѣтельствовать всеобщую благодарность тѣмъ друзьямъ Лодера, кои первые возъимѣли мысль почтить его такимъ праздникомъ и доставили случай москвитянамъ видѣть зрѣлище европейское“ [250]).

XXIV.

29 Декабря 1826 года въ С.-Петербургѣ происходило торжественное празднованіе столѣтія Императорской Академіи Наукъ, удостоенное Высочайшаго присутствія Государя Императора, императрицъ Александры Θеодоровны и Маріи Θеодоровны, великаго князя Наслѣдника Александра Николаевича, великаго князя Михаила Павловича и великой княгини Елены Павловны. По прибытіи высочайшихъ особъ въ многочисленное и блистательное собраніе членовъ и приглашенныхъ посѣтителей, президентъ академіи Уваровъ открылъ засѣданіе рѣчью на русскомъ языкѣ. За симъ непремѣнный секретарь Фусъ, читалъ на французскомъ языкѣ историческое обозрѣніе дѣяній Академіи и ученыхъ ея коллекцій съ самаго ея учрежденія. По окончаніи онаго, президентъ поднесъ Государю Императору и Императоторской фамиліи зо-

лотыя медали, выбитыя по сему случаю. Потомъ читаны были програмы задачъ, предложенныхъ Академіею, и провозглашены имена новоизбранныхъ по сему случаю почетныхъ членовъ. Посѣтители съ душевнымъ восторгомъ услышали, что списокъ сихъ знаменитыхъ любителей наукъ начинается драгоцѣнными именами Государя Императора, Наслѣдника Престола, цесаревича Константина Павловича, великаго князя Михаила Павловича и августѣйшаго родителя императрицы Александры Ѳеодоровны короля Прусскаго. Засѣданіе окончено было краткою рѣчью академика Шторха. По отбытіи Высочайшихъ Особъ, посѣтителямъ предложенъ былъ великолѣпный завтракъ [251]).

Въ этотъ достопамятный день Погодинъ былъ сопричисленъ къ первенствующему ученому сословію въ государствѣ; но оффиціальное увѣдомленіе о семъ онъ получилъ только въ февралѣ 1827 года. „Императорская Академія Наукъ“, писалъ къ нему Фусъ, „въ торжественномъ собраніи 29 декабря минувшаго 1826 года, бывшаго по случаю столѣтняго ея юбилея, въ присутствіи Его Величества Государя Императора и всей Августѣйшей Его Фамиліи, избрали васъ единогласно въ число своихъ *корреспондентовъ*“ и Булгаринъ поэтому поводу поздравлялъ его въ такихъ выраженіяхъ: „Съ избраніемъ васъ въ корреспонденты Академіи Наукъ честь имѣю поздравить. Весьма жаль, что не всѣ избранные вошли въ сіе святилище прямымъ путемъ. Нѣкоторые изъ нашихъ петербургскихъ корреспондентовъ влѣзли чрезъ переднія“ [252]).

Старѣйшее въ Москвѣ Общество Любителей Россійской Словесности, въ засѣданіи своемъ 7 сентября 1827 года, также сопричислило Погодина къ числу своихъ членовъ. Общество это, учрежденное въ 1811 году, было обязано своимъ процвѣтаніемъ А. А. Прокоповичу Антонскому. Самыя блестящія его собранія происходили въ 1818 году, когда императоръ Александръ I и весь Дворъ пребывали въ Москвѣ; но въ концѣ октября 1826 года, Антонскій обратился въ Общество съ письмомъ, въ которомъ между прочимъ читаемъ: „слабость

здоровья моего и преклонныя лѣта не позволяютъ мнѣ долѣе, съ желаннымъ успѣхомъ, нести званіе предсѣдателя Общества Любителей Россійской Словесности. Покорнѣйше прошу на мое мѣсто избрать способнѣйшаго". И этотъ *способнѣйшій* оказался Θедоръ Θедоровичъ Кокошкинъ; но къ сожалѣнію, по свидѣтельству современника М. А. Дмитріева, „многіе думали, въ томъ числѣ и я, что Кокошкинъ, какъ человѣкъ степенныхъ лѣтъ, не малаго чина, извѣстный въ обществѣ прежними связями, а въ литературѣ переводомъ Мольерова *Мизантропа*, будетъ полезенъ въ званіи предсѣдателя. Но Кокошкинъ, не твердый въ характерѣ и страстный болѣе къ театру, нежели къ литературѣ, не умѣлъ направлять мнѣній членовъ, думалъ болѣе о наружномъ блескѣ собраній и сдѣлалъ изъ нихъ одинъ спектакль для публики". Въ это-то время Погодинъ вступилъ въ Общество и въ засѣданіи, бывшемъ 28 ноября 1827 года, подъ предсѣдательствомъ Θ. Θ. Кокошкина и въ присутствіи гг. почетныхъ членовъ: князя Д. В. Голицына, И. И. Дмитріева, А. А. Писарева, ректора Университета И. А. Двигубскаго, Л. А. Цвѣтаева и при многочисленномъ собраніи посѣтителей и посѣтительницъ, новоизбранный членъ произнесъ слѣдующую рѣчь: „Удостоенный лестнаго права принадлежать къ вашему достопочтенному сословію, милостивые государи, ничѣмъ болѣе не могу я доказать вамъ моей глубочайшей благодарности за такое лестное вниманіе къ посильнымъ трудамъ моимъ, какъ изъявленіемъ готовности принимать дѣятельное участіе въ вашихъ общеполезныхъ занятіяхъ. Съ робостію произношу я сіе обѣщаніе, ибо чувствую въ полной мѣрѣ важность трудовъ, предлежащихъ Обществу. Въ этомъ отношеніи почитаю себя обязаннымъ, милостивые государи, дать вамъ отчетъ въ понятіи, какое имѣю о сихъ трудахъ. Первою цѣлью онаго есть утвержденіе правилъ языка Русскаго. Доселѣ сей языкъ, богатый и звучный, которому достались, кажется, въ совокупности всѣ достоинства новыхъ языковъ европейскихъ, языкъ, которымъ говорятъ на пространствѣ девяти тысячъ

верстъ въ длину, въ сосѣдствѣ съ дикими Американцами и Шведами, Монголами и Австрійцами, на которомъ писали уже многіе отличные авторы, не имѣетъ еще удовлетворительной грамматики и повинуется одному употребленію. Никогда общество не могло удобнѣе заняться симъ предметомъ, какъ нынѣ. Во всѣхъ земляхъ Словенскихъ ученые устремили свое вниманіе на языкъ свой и изслѣдованіями своими о всѣхъ его нарѣчіяхъ представляютъ русскому грамматику драгоцѣнное пособіе. Обществу надлежитъ воспользоваться сими трудами, вмѣстѣ съ изысканіями нашихъ литераторовъ, разбирать, цѣнить ихъ и создать желанное цѣлое. Другой, не менѣе важный, предметъ есть исторія языка. Наступило уже то вожделѣнное время, когда на исторію перестаютъ смотрѣть какъ на безжизненное повѣствованіе о войнахъ и мирныхъ договорахъ, какъ на собраніе собственныхъ именъ и годовыхъ чиселъ, и исторія языка принимается торжественно въ исторію народа. И въ самомъ дѣлѣ—не тамъ ли заключается, не тамъ ли видна вся Русская Исторія въ промежуткѣ между простымъ, отрывистымъ разсказомъ нашего древняго Нестора и звучнымъ періодомъ Карамзина, строфою Пушкина—не тамъ ли видна, повторю я, какъ и между *Правдою* Ярослава, *Наказомъ* Екатерины II, между клѣтью святаго Владиміра и Зимнемъ Дворцемъ въ Петербургѣ? Изслѣдовать постепенно ходъ усовершенствованія языка, представить по оному развитіе умственныхъ понятій въ народѣ и степени просвѣщенія—вотъ драгоцѣнныя страницы, коихъ ожидаетъ отъ васъ милостивые государи, отечественная исторія. Наконецъ, упомяну о третьемъ предметѣ занятій Общества, о теоріи словесности. Во всей Европѣ теперь рѣшается борьба между старымъ образомъ мыслей въ словесности и новымъ, между такъ называемымъ классицизмомъ и романтизмомъ, борьба, въ которой принимаютъ участіе и ваши атлеты, теоретически и практически. У насъ, слѣдовательно, гдѣ просвѣщеніе не пустило еще далеко корней въ публикѣ, гдѣ все увлекается подражаніемъ, необходимъ литературный арео-

пагъ, который бы пріобрѣлъ довѣренность публики своими трудами, управлялъ ея мнѣніемъ, произносилъ рѣшительные приговоры сочиненіямъ, указывалъ заблуждающимся путь истинный. Вотъ, милостивые государи, краткое мое обозрѣніе трудовъ, предлежащихъ Обществу. Вы почитаете меня способнымъ содѣйствовать къ достиженію вашей цѣли и я, не столько вѣря своимъ силамъ, какъ вашему призванію, прошу назначить мнѣ удѣлъ занятій, потому что во всякомъ ученомъ обществѣ члены, по моему мнѣнію, должны дѣлать только то вмѣстѣ, чего не могутъ дѣлать порознь. Ревностнымъ исполненіемъ вашего порученія я постараюсь доказать вамъ на дѣлѣ мою признательность и оправдать ваше избраніе, если не успѣхомъ, то по крайней мѣрѣ усердіемъ“.

Кромѣ рѣчи Погодина въ этомъ засѣданіи происходило, между прочимъ, слѣдующее: Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ произнесъ также слово въ коемъ изъявилъ свою признательность гг. членамъ за единогласное избраніе его въ предсѣдатели Общества и прочелъ *Пѣснь Соловья*, стихотвореніе Раича:

Ароматнымъ утромъ мая
О подругѣ воздыхая—
О любимицѣ своей,
Пѣлъ надъ розой соловей:

Мило въ дни златые мая
Пѣсни нѣги напѣвая,
Мнѣ подъ розою сидѣть,
На прелестную глядѣть...

Юность рѣзвая, живая!
Насладимся утромъ мая;
Утро жизни отцвѣтетъ
И на сердце грусть падетъ.

С. Т. Аксаковъ прочелъ преложеніе 71-го псалма, сдѣланное Шатровымъ; кромѣ того, предсѣдателемъ же Общества, прочтены стихи А. А. Писарева по случаю побѣдъ въ Персіи, посвященные генералу И. Ѳ. Паскевичу [253]).

Несмотря на то, что Погодинъ былъ нѣкоторымъ образомъ героемъ этого засѣданія, мы вотъ что читаемъ въ *Днев-*

никѣ его, подъ 28 ноября: „Собраніе Общества Любителей Россійской Словесности. Самое нелѣпое какое только представить себѣ можно. Прочелъ свою рѣчь, сидя противъ князя Голицына“.

Михайловъ день, т.-е. день своихъ именинъ, Михаилъ Петровичъ началъ молитвою, и за обѣднею ему запечатлѣлся псаломскій стихъ: *Творяй ангелы своя духи, и слуги своя пламень огненный*, а въ *Дневникѣ* своемъ отмѣтилъ: „Какая славная пѣснь!“ Вечеромъ къ нему собрались: Мицкевичъ, Малевскій, Веневитиновъ, Герке, Елагинъ, Кирѣевскій и Соболевскій. Это почтенное собраніе произвело на Погодина престранное и неожиданное впечатлѣніе. „Чудаки!“, восклицаетъ онъ въ *Дневникѣ*, „неужели вы думаете, что я принимаю участіе въ такихъ увеселеніяхъ? Нѣтъ! Я вою съ волками. Была минута для меня общей гармоніи. Прошлаго года на общемъ обѣдѣ я смотрѣлъ тогда на себя, какъ на часть кольца. Теперь я самъ себѣ кольцо. Жаль, что Мицкевичъ не остался дольше. Съ нимъ говорилъ съ удовольствіемъ и съ Малевскимъ. Соболевскій былъ очень уменъ“.

Между тѣмъ, въ день его именинъ въ Университетѣ произошла непріятная исторія: „студенты поколотили инспектора за грубость“. Вотъ что̀ мы находимъ объ этомъ въ *Дневникѣ:* „Пріѣзжалъ попечитель. Зоветъ ихъ всѣхъ. Гдѣ Петропавловскій (зачинщикъ)? Мы всѣ *Петропавловскіе*, отвѣчаютъ они. Отдаютъ шпаги“).

Въ концѣ декабря, Погодинъ отправился въ Петербургъ. Тамошніе литераторы приняли его очень дружелюбно. Даже Булгаринъ далъ въ честь Московскаго гостя обѣдъ, на которомъ вмѣстѣ съ нимъ пировалъ и самъ Пушкинъ.

XXV.

Въ то время, когда Погодинъ пировалъ у Булгарина въ Петербургѣ, Шевыревъ выпустилъ въ Москвѣ первую книжку *Московскаго Вѣстника* на 1828 годъ, съ критическимъ „Обо-

зрѣніемъ русской словесности за 1827 г.“, въ коемъ онъ коснулся и нраво-описательныхъ произведеній Булгарина. Разумѣется, послѣдній взбѣсился и назвалъ Погодина измѣнникомъ [254]). Въ этомъ разборѣ Шевыревъ, между прочимъ, говоритъ: „Теплота чувства или мысли, которая роднитъ душу читателя съ писателемъ, совершенно отсутствуетъ въ сочиненіяхъ Булгарина. Главный ихъ характеръ безжизненность: изъ нихъ вы не можете даже опредѣлить образа мыслей въ авторѣ... Безцвѣтныя статьи о нравахъ и безхарактерныя повѣсти, писанныя съ цѣлію доказать весьма извѣстныя нравственныя правила, напрасно воскресли изъ двудневныхъ листовъ *Сѣверной Пчелы* и забытыхъ книжекъ многихъ журналовъ. Г. Булгаринъ, кажется, завладѣлъ монополіею въ описаніи *нравовъ*... Но не русскіе нравы онъ описываетъ, а передѣлываетъ чужіе на русскіе. Г. Гречъ, товарищъ г. Булгарина, доказываетъ достоинство его сочиненій числомъ подписчиковъ; но число подписчиковъ не всегда зависитъ отъ достоинства произведеній“ [255]). Раздосадованный Булгаринъ не замедлилъ отвѣтомъ, въ которомъ старался излить всю свою весьма понятную злобу на Шевырева. „Г. Погодинъ, писалъ онъ, издатель *Московскаго Вѣстника*, отправляясь на время въ Петербургъ, поручилъ редакцію первой книжки своего *Вѣстника* добрымъ пріятелямъ, которые сыграли съ нимъ презабавную шутку. Они помѣстили *Обозрѣніе Словесности за 1827 годъ*, статью, исполненную противорѣчіями и ошибками всякаго рода. Они, вѣроятно, разсчитывали, что для распространенія славы *Московскаго Вѣстника* должно открыть въ немъ явную войну съ литераторами, неучаствующими въ изданіи онаго, расхвалить однихъ только пріятелей и сотрудниковъ своихъ, а другихъ осмѣять, одурачить предъ публикою, и заставить ихъ писать противъ *Московскаго Вѣстника:* это, по тактикѣ литературныхъ пандуровъ, стоитъ громкихъ объявленій въ газетахъ. Разсчетъ хитрый, но такія уловки нужны только писателямъ-самозванцамъ или журналистамъ, живущимъ подаяніями ближнихъ. Г. Погодинъ, человѣкъ умный, ученый,

скромный, писатель благонамѣренный, не имѣетъ надобности въ сихъ стратагемахъ". Указавъ въ сорока одномъ пунктѣ замѣченныя имъ ошибки, въ упомянутомъ *Обозрѣніи*, „противъ логики и грамматики", Булгаринъ, обращаясь къ Погодину, предлагаетъ ему поспѣшить въ Москву. „Поспѣшайте домой, любезнѣйшій Михаилъ Петровичъ! Если замедлите въ дорогѣ, то, можетъ быть, найдете М*а*сковскій Вестникъ" *) [256]). Прочитавъ этотъ отвѣтъ, Погодинъ записалъ въ *Дневникѣ:* „Булгаринъ написалъ преглупую статью на Шевырева. Ну взбѣсится теперь мой Шевыревъ. Уже и Веневитиновъ кричитъ. Много мнѣ труда предстоитъ" [257]). Между тѣмъ Петербургскіе друзья остались чрезвычайно довольны статьей Шевырева. „*Обозрѣніе* всѣмъ понравилось", писалъ князь Одоевскій, „и всѣ въ одинъ голосъ говорятъ, что никогда характеръ сочиненій Булгарина не былъ такъ вѣрно опредѣленъ; онъ вамъ написалъ преглупый отвѣтъ въ *Сѣверной Пчелѣ.* Чуръ не спускать. Его послѣдняя надежда на Погодина; но увѣренъ, что онъ сохранитъ твердость. Надобно же когда-нибудь вывести молодца на свѣжую воду" [258]). Самъ строгій В. П. Титовъ тоже весьма одобрительно отзывался теперь о *Московскомъ Вѣстникѣ.* „Спасибо вамъ за первый нумеръ", писалъ онъ отъ 26 января 1828 г., „отлично хорошъ и журналенъ. Обозрѣніе Шевырева лихо и славно. Здѣсь я слышалъ, что Погодинъ писалъ извинительное посланіе къ Булгарину; не понимаю чему приписать эту слабость характера". Подъ этимъ посланіемъ В. П. Титовъ, вѣроятно, разумѣлъ отзывъ Погодина на выходку Булгарина, который онъ напечаталъ въ *Московскомъ Вѣстникѣ* и по поводу чего онъ записалъ въ *Дневникѣ:* „Написалъ очень тонкій отзывъ Булгарину, очень, очень былъ доволенъ имъ. Шевыревъ защищенъ благородно, я опять въ сторонѣ, безъ нарушенія приличій" [259]). Булгарину же онъ отвѣчалъ весьма сдержанно: „Въ *Сѣверной Пчелѣ* напечатаны замѣчанія на *Обозрѣніе Русской Словесности,* помѣщенное въ 1 № *Московскаго Вѣстника.* Тамъ

*) Булгаринъ намекаетъ якобы на безграмотность Шевырева.

совѣтуютъ мнѣ объясниться предъ публикою, что эта статья напечатана во время моего отсутствія. Я долгомъ поставляю сказать здѣсь, что она была бы напечатана и при мнѣ, хотя, разумѣется, я приложилъ бы къ ней свои замѣчанія. Впрочемъ, скажу здѣсь мимоходомъ, разбирая статью, въ которой находится столько сужденій положительныхъ, основанныхъ на доказательствахъ, гораздо приличнѣе было бы обратить вниманіе на сіи доказательства, разобрать ихъ, даже со всею строгостью, нежели предлагать замѣчанія на опечатки" [260]). Этотъ отзывъ, само собою разумѣется, не могъ удовлетворить Шевырева. Обѣдая однажды вмѣстѣ съ нимъ у Кирѣевскаго, Погодинъ досадовалъ, что Шевыревъ „принимаетъ такое живое участіе въ глупой статьѣ Булгарина и безпрестанно говоритъ о ней"; а по поводу требованій Шевырева напечатать его объясненіе Булгарину, Погодинъ, не соглашаясь на это, отмѣтилъ въ своемъ *Дневникѣ:* „Зачѣмъ баловать мальчика, который кусаетъ себѣ ногти" [261]). За разборомъ сочиненій Булгарина, Шевыревъ напечаталъ въ *Московскомъ Вѣстникѣ* разборъ *Московскаго Телеграфа,* которому онъ посвятилъ огромную статью съ такимъ заключеніемъ: „Трудолюбіе, неутомимость, разнообразіе, современность, пестрота, смѣсь новаго со старымъ, многосторонность, всеобъемлемость, поверхностность, гордость, презрѣніе къ опытности, безпокойство, желаніе мыслить, неопредѣленность, неточность, легкомысліе, неясность, совершенная темнота, рѣзкость въ приговорахъ, рѣшительность, расторопность, поспѣшность, оборотливость, скорость, опрометчивость, нетерпѣніе и терпѣніе, варваризмы, многословіе, страсть къ общимъ мѣстамъ, пустота, вялость, каррикатура, благородство вообще, благонамѣренность вообще, отсутствіе личности, безотчетное желаніе совершенствованія, пристрастіе". Но вмѣстѣ съ тѣмъ Шевыревъ признается, что „*Телеграфъ* есть лучшій журналъ въ Россіи, имѣющій неотъемлемое право на признательность публики. Явившись въ то самое время, когда задремали всѣ журналисты и отучили публику отъ чтенія, онъ и въ любите-

ляхъ чтенія поддержалъ сію благородную охоту и пріохотилъ новыхъ читателей. По всѣмъ правамъ онъ заслуживаетъ, чтобы имя его означало новую эпоху въ исторіи русскаго журнализма“ [262]). Слѣдя за ходомъ начавшейся войны *Московскаго Вѣстника* съ петербургскими и московскими журналистами, В. П. Титовъ писалъ Погодину (отъ 26 января 1828 года): „Каковъ же оборотень Полевой! Въ *Прибавленіяхъ* учитъ, какъ кланяться въ театрѣ, а въ журналѣ хвалитъ безъ памяти все петербургское и приноситъ челобитную Сомову на *Московскій Вѣстникъ*. И все это для успѣховъ конторы: славный торгашъ. Щелкать его надобно, однако не выводя изъ терпѣнія: двухъ враговъ за-разъ имѣть накладно“. Между тѣмъ въ другомъ письмѣ (отъ 11 августа 1828) Титовъ отдаетъ справедливость и издателю *Московскаго Телеграфа*: „Не во гнѣвѣ вамъ буде сказано“, пишетъ онъ, „я привыкъ уважать Полеваго болѣе съ тѣхъ поръ, какъ сравнилъ его съ петербургскими журналистами“ [263]). Шевыревъ не останавливался и сдѣлалъ жестокое нападеніе на *Сѣверную Пчелу* въ своемъ *Обозрѣніи Литературныхъ Русскихъ Журналовъ;* но предварительно счелъ нужнымъ оговориться: „Мы уже заранѣе обѣщали отвѣчать молчаніемъ, пишетъ онъ въ началѣ статьи, на всѣ неучтивыя выходки раздраженныхъ издателей *Сѣверной Пчелы*, и сей разборъ написанъ такъ, какъ бы *Сѣверная Пчела* не обнаружила явно своего негодованія. Потому знатоки въ литературной тактикѣ да не сочтутъ его отвѣтомъ гг. Гречу и Булгарину“. Послѣ этого онъ начинаетъ разборъ и вотъ что, между прочимъ, читаемъ мы въ немъ: „*Сѣверная Пчела* есть единственная газета въ Россіи, которая имѣетъ средства сообщать скоро и вѣрно все, что̀ дѣлается новаго въ мірѣ политическомъ и литературномъ, посему и читаютъ ее во всѣхъ концахъ нашего отечества. Возбуждая такое общее участіе въ любителяхъ чтенія по всей Россіи, владѣя такими богатыми способами, какое благодѣтельное можетъ она имѣть вліяніе на просвѣщеніе отечества! Посему, не въ правѣ-ли мы требовать отъ нея болѣе совер-

шенства, нежели отъ другихъ журналовъ? Сколь велико наше желаніе, чтобы у насъ, въ Россіи, такого рода газета способствовала ко всеобщему движенію въ литературѣ и примѣромъ здравой, безпристрастной критики, правильнаго, благороднаго, благонамѣреннаго образа мыслей, европейской вѣжливости, пріобрѣла довѣріе всеобщее и распространяла чистую любовь къ наукамъ и духъ благородной терпимости,— сколь велико сіе желаніе наше, столь же велики и сожалѣнія о томъ, что *Сѣверная Пчела* почти совсѣмъ не соотвѣтствуетъ своему важному назначенію".

Такимъ образомъ, эти *Разборы* дали поводъ къ постоянной враждѣ издателей *Телеграфа* и *Сѣверной Пчелы* къ Шевыреву. Недовольствуясь этимъ и вопреки совѣта Погодина, онъ выступилъ съ ѣдкою критикою и противъ статсъ-секретаря Николая Назарьевича Муравьева, который въ 1828 году издалъ въ Петербургѣ въ трехъ частяхъ: *Нѣкоторыя изъ забавъ отдохновенія съ 1805 года.* Содержаніе этой книги преимущественно составляетъ романъ въ письмахъ, подъ заглавіемъ: *Всеволодъ и Всеслава.* Прочія же статьи касаются частью до предметовъ философскихъ, частью до наукъ естественныхъ. Шевыревъ не одобряетъ этого сочиненія и обвиняетъ автора за анахронизмы, за неясность мыслей и за отсутствіе практическаго и грамматическаго знанія языка... „Если", пишетъ Шевыревъ, „попадется эта книга въ руки юноши, понятіе котораго еще слабо, еще не развито, не самобытно,— онъ не пойметъ въ ней многаго, и недовѣрчивый къ своимъ способностямъ, не мудрено, что захочетъ углубляться въ мысли автора, изложенныя такимъ сбивчивымъ и запутаннымъ образомъ: такое усиліе можетъ быть вредно для ума молодого, неопытнаго". Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ находитъ, что „безъ особаго словаря нельзя совершенно понимать этой книги".

Эту критику, какъ мы уже замѣтили, не одобрялъ Погодинъ. „Споры съ Шевыревымъ", отмѣчаетъ онъ въ своемъ *Дневникѣ*, „который непремѣнно хочетъ обругать Муравьева. Изъ чего, чудакъ, бьется? Помѣшался на рыцарствѣ. Какъ будто у насъ

была литературно-политическая партія! А безъ нея къ чему распространяться о пустой книжкѣ“; а въ другомъ мѣстѣ *Дневника* мы читаемъ: „Толковалъ все Шевыреву, что наживемъ мы врага въ Муравьевѣ за критику, не унимается“. И какъ бы для смягченія гнѣва Муравьева, Погодинъ напечаталъ въ томъ же *Московскомъ Вѣстникѣ* хвалебный отзывъ о другомъ сочиненіи того же автора: *Историческія изслѣдованія о Древностяхъ Новгорода.* (Спб. 1828). Приступая къ разбору этой книги, Погодинъ приводитъ слова Шлецера: „Завадовскій, Румянцовъ, Козодавлевъ, Муравьевъ читаютъ моего *Нестора*, какъ я знаю по документамъ: государственные люди, занимающіе высшія мѣста въ государствѣ, читаютъ критико-историческія изслѣдованія и читаютъ ихъ съ удовольствіемъ и благосклонностью! Не есть ли это одна изъ особенностей, коими со славою отличается нынѣшнее русское правительство, достойное общество сподвижниковъ Александра“? „Съ какимъ удовольствіемъ,—говоритъ уже отъ себя Погодинъ,—увидѣлъ бы Шлецеръ, что человѣкъ государственный не только читаетъ, но и пишетъ самъ критико-историческія изслѣдованія“. Съ величайшимъ удовольствіемъ повторимъ слова автора: „русскіе во времена Рюрика, Св. Владиміра, были нѣчто похожее на нынѣшнихъ Киргизовъ, Бурятъ съ ихъ князьками, тайшами, султанами, съ ихъ простотою, бѣдностію пастырскою, съ тою только разницею, что наша простота и бѣдность были не пастырскія, но звѣроловыя и частію земледѣльческія: понеже сторона около Днѣпра, Двины, Волхова тогда была стороною дремучихъ лѣсовъ“. Ставъ на сію точку, мы увидимъ древнѣйшую нашу исторію совершенно не въ томъ великолѣпномъ видѣ, въ какомъ видѣлъ ее Карамзинъ [264]).

XXVI.

Московскій Вѣстникъ 1828 года имѣлъ, можно сказать, воинственное направленіе. На его страницахъ выступилъ про-

тивъ *Московскаго Телеграфа* и знаменитый нашъ Археографъ П. М. Строевъ.

Мы имѣемъ данныя, что доселѣ, т.-е. до 1828 года, Строевъ съ Полевымъ находились въ дружескихъ отношеніяхъ. Ниже мы предложимъ письмо, въ которомъ самъ Полевой свидѣтельствуетъ о дружбѣ, бывшей между нимъ и Строевымъ. Поводомъ къ ссорѣ друхъ пріятелей послужило, какъ кажется, слѣдующее обстоятельство: Въ началѣ 1828 года Строевъ обѣщалъ Полевому помѣстить въ его *Московскомъ Телеграфѣ* разборъ изданной Ѳедоромъ Аделунгомъ книги *Баронъ Мейербергъ и Путешествіе его по Россіи* (Спб. 1827). Составляя этотъ разборъ, Строевъ не разъ бесѣдовалъ съ Полевымъ, сообщая ему свои замѣчанія на эту книгу. Нѣкоторыя изъ этихъ замѣчаній по своему свойству только и могли быть сдѣланы Строевымъ при его безпрерывныхъ занятіяхъ русскими древностями. Не окончивъ работы, Строевъ уѣхалъ въ Петербургъ по дѣламъ археографической экспедиціи, а также для свиданія съ графомъ Ѳ. А. Толстымъ. Въ отсутствіе Строева, вышелъ третій нумеръ *Московскаго Телеграфа* 1828 года и онъ не безъ изумленія прочелъ разборъ книги Аделунга, въ которомъ бо̀льшая часть, сдѣланныхъ имъ при личныхъ бесѣдахъ замѣчаній на эту книгу, пущены были въ дѣло отъ лица самого издателя, къ тому же „не полно, другое пропущено, иное искажено“. По этому случаю Строевъ напечаталъ въ *Московскомъ Вѣстникѣ* слѣдующую аллегорію: „Въ 1810 году одинъ старожилъ литераторъ, умирая, завѣщалъ мнѣ рукопись своего *Дневника*, въ которомъ разсказываетъ, что въ 1778 году онъ зналъ въ Москвѣ одного самозванца ученаго, который, когда ему приходила охота писать что нибудь дѣльное, мастерски умѣлъ заманивать къ себѣ какого нибудь знатока и въ видѣ разговора выспрашивалъ, что̀ ему нужно; а въ то же время его cousin, сидя за ширмами, записывалъ слышанное“. Послѣ того Полевой, приноравливаясь къ военнымъ событіямъ того времени, напечаталъ, въ своемъ *Телеграфѣ* 1828 года двѣ дипломатическія статьи:

а) *Нота о Турецкихъ и Персидскихъ дѣлахъ, поданная въ 1728 году императрицѣ Екатеринѣ* какимъ-то „знаменитымъ россійскимъ дипломатомъ“ и б) *Письмо Турецкаго визиря къ графу П. А. Румянцову* отъ 1 іюня 1778 года съ отвѣтомъ на оное графа Румянцова. Въ этомъ письмѣ визирь убѣждаетъ графа прекратить кровопролитіе, склонить императрицу къ миру, и графъ изъявляетъ готовность на то и другое. Строевъ, пораженный такими хронологическими несообразностями, напечаталъ въ *Московскомъ Вѣстникѣ* свое письмо къ Погодину, въ которомъ между прочимъ пишетъ: „Нашедъ такія диковинки въ какихъ нибудь *Запискахъ*, посвященныхъ диковинкамъ, я насмѣялся бы досыта и бросилъ книжку; но когда прочиталъ ихъ въ *Московскомъ Телеграфѣ*, признаюсь откровенно, то меня поразилъ какой-то сплинъ. Что значатъ, думалъ я, всѣ наши знанія, вся наша мудрость? Давно ли мы читали въ вашемъ *Вѣстникѣ*, что *Московскій Телеграфъ* есть украшеніе нашей литературы? И сей великій журналистъ, великій критикъ etc. (увы!) сдѣлался жертвою мистификаціи какого нибудь юноши дипломата. Какимъ образомъ знаменитый россійскій дипломатъ, въ 1728 году, представилъ ноту императрицѣ Екатеринѣ I, когда ея величество 6 мая 1727 года переселилась отъ сей жизни въ вѣчность? Не менѣе сомнѣній рождаетъ и переписка визиря съ графомъ Румянцовымъ; когда я приступалъ къ чтенію письма перваго, мое воображеніе само собою настроилось на то *восточное словоизлитіе*, въ духѣ котораго писались и теперь пишутся отзывы азіятскихъ дипломатовъ и начальниковъ. Это было естественно; ибо по роду моей службы и занятій, я перечиталъ ихъ очень довольно. Могъ ли я не удивиться, когда вмѣсто восточныхъ выраженій мнѣ представились: европейскій слогъ, фразы на манеръ французскихъ, тонъ не паши турецкаго, но какого нибудь витязя въ родѣ Баярда? О прекращеніи какого кровопролитія переписывался визирь съ Румянцовымъ въ 1778 году, когда еще 10 іюля 1774 года заключенъ былъ славный Кучукъ-Кайнарджискій миръ, послѣ котораго дру-

желюбное согласіе Россіи съ Оттоманскою Портою не нарушалось болѣе тринадцати лѣтъ?“ Письмо это было сигналомъ къ открытой войнѣ. Полевой, задѣтый заживое, написалъ „a monsieur, monsieur de Stroeff“ *) ругательное письмо (отъ 17 іюля 1828 г.), въ которомъ, между прочимъ, читаемъ: „чрезмѣрно удивляюсь, что желаніе *оправдать себя въ глазахъ начальства* заставило васъ написать ругательную статью на человѣка, который въ теченіе пяти или шести лѣтъ старался доказать вамъ свое доброе расположеніе и дружбу. Вамъ угодно вразумлять меня въ тайнахъ исторической хронологіи: буду благодаренъ за такую услугу, умѣя въ то же время награждать презрѣніемъ всякую литературную и домашнюю сплетню и сожалѣть о людяхъ робкаго, ничтожнаго характера, которые за одинъ ласковый взглядъ своего милостивца не пощадятъ ни друга ни пріятеля“. На это письмо Строевъ спокойно отвѣтилъ: „Юпитеръ, ты сердишся, слѣдовательно не правъ!“ Справедливость требуетъ замѣтить, что полемика Строева съ Полевымъ дошли до крайности и даже неприличія. Полевой, какъ извѣстно, имѣлъ въ Москвѣ водочный заводъ и Строевъ, желая уколоть этимъ своего противника, напечаталъ: „Въ *Московскомъ Телеграфѣ* рекомендуются разныя статьи изъ *Edinburgh Review*. Не понимаю, почему наши журналисты не воспользовались доселѣ совѣтомъ издателя *Телеграфа* и не перевели хотя одной изъ нихъ, напримѣръ: „*О пивныхъ кабакахъ въ Англіи?*“ Полевой отвѣчаетъ на это: „Исполняя желаніе г. Строева я, переведу статью *О пивныхъ кабакахъ въ Англіи* и напечатаю въ *Телеграфѣ* съ посвященіемъ П. М. Строеву“. На это Строевъ отвѣчаетъ: „Здѣсь не ошибка ли отъ поспѣшности, кажется, вмѣсто словъ *я переведу и напечатаю* правильнѣе: я попрошу, прикажу, поручу, найму перевесть и напечатаю“ [265]). Между тѣмъ, Шевыревъ писалъ Погодину изъ Петербурга: „За статьи Строева всѣ насъ бранятъ здѣсь. Противъ всѣхъ спорить не бу-

*) Такъ надписалъ Полевой адресъ приводимаго письма.

дешь. Гласъ народа—гласъ Божій. Охъ ужъ этотъ Полевой, я ему дамъ знать“ [266]).

Къ укрѣпленію враждебныхъ отношеній Погодина къ Полевому послужило также дѣло о переводѣ сочиненія Вальтера Скотта *Жизнь Наполеона*. Мы уже знаемъ, что Иванъ Сергѣевичъ Мальцовъ познакомилъ читателей *Московскаго Вѣстника* съ твореніемъ этого знаменитаго писателя. Въ это время Погодинъ, поощряемый В. П. Титовымъ, задумалъ издать переводъ этой книги. Но ту же мысль возымѣлъ и Полевой. Вотъ что повѣствуетъ Ксенофонтъ Полевой объ этомъ предпріятіи: „Въ концѣ 1827 года братъ мой получилъ чрезвычайно любопытную книгу *Жизнь Наполеона*, сочиненную Вальтеръ-Скоттомъ... Съ понятнымъ любопытствомъ принялись читать. Къ удивленію, мы не нашли въ ней ничего, что стоило бы запрещенія (каковому она была подвергнута въ Россіи). За исключеніемъ немногихъ страницъ, книга его могла быть напечатана у насъ при самой строгой цензурѣ. Эта мысль поощрила насъ заняться переводомъ *Жизни Наполеона*. Но какъ быть съ Московской цензурой, гдѣ предсѣдательствовалъ тогда Сергѣй Тимофѣевичъ Аксаковъ, не разъ задѣтый издателемъ *Московскаго Телеграфа* за плохія его сочиненія, другъ театральной партіи Писарева и вслѣдстіе всего этого непримиримый врагъ моего брата? Нѣсколько времени онъ былъ цензоромъ *Московскаго Телеграфа* и чинилъ намъ всякія притѣсненія. При такихъ отношеніяхъ съ Московскою цензурою, мы рѣшились представить первый томъ своего перевода въ С.-Петербургскій цензурный комитетъ. Въ мартѣ 1828 года, я отправился въ Петербургъ, явился тамъ въ цензурный комитетъ и представилъ свою рукопись. Секретаремъ комитета былъ тогда Комовскій, который изумился, взглянувъ на заглавіе моей рукописи и сказалъ мнѣ: „Mais, m-r, ne savez vous pas que cet ouvrage est rigoureusement défendu?“ Къ столу секретаря подошли человѣка два цензора и, услышавъ, о чемъ у насъ шла рѣчь, улыбнулись и сомнительно покачали головою. Черезъ нѣсколько дней мнѣ объявили, что ми-

нистръ А. С. Шишковъ приказалъ разсмотрѣть рукопись обыкновеннымъ порядкомъ. Для разсмотрѣнія рукопись моя была передана цензору Василію Григорьевичу Анастасевичу, который въ началѣ іюня подписалъ рукопись къ печати“ [267]). Объ этомъ К. С. Сербиновичъ не замедлилъ увѣдомить В. П. Титова (отъ 8 іюля 1828 г.): „*Жизнеописаніе Наполеона* представлено въ Главный Цензурный Комитетъ московскимъ купеческимъ братомъ Ксенофонтомъ Полевымъ. Разсмотрѣно и одобрено г. Анастасевичемъ“. На этомъ письмѣ В. П. Титовъ сдѣлалъ приписку и отправилъ въ Москву: „Вотъ вамъ документальный отвѣтъ о Вальтеръ Скоттѣ Если онъ не пришелъ ранѣе, вините самихъ себя. Увѣряю васъ, что вы по коммерческой части въ подметки Полевому не годитесь. Не сердись Михаилъ, что не пишу къ тебѣ особенно: я привыкъ видѣть въ васъ двуединство“. Къ этому Титовъ прибавляетъ: „Изъ твоего намѣренія посѣтить Новики *), О Стефанѐ, вижу, что ты не совсѣмъ чуждъ философскихъ *мыслей*, недостаетъ одного только: потащи съ собой Кирѣевскаго. Погодина оставь хозяйничать, за наказаніе зачѣмъ не пріѣхалъ весною изъ Рязани“ [268]). О дальнѣйшихъ мѣропріятіяхъ Погодина по этому дѣлу, мы находимъ свѣдѣнія въ тѣхъ же *Запискахъ* Ксенофонта Полеваго: „какими-то невѣдомыми путями“, пишетъ онъ, „М. П. Погодинъ узналъ, что министръ дозволилъ разсмотрѣть и одобрить къ печатанію переводъ *Жизни Наполеона*. Сообразивъ, что книга, чрезвычайно любопытная для современной публики, вѣроятно, дастъ большія выгоды, онъ вздумалъ быть участникомъ въ этихъ выгодахъ и объявилъ моему брату, что также переводитъ *Жизнь Наполеона*, и, чтобы не помѣшать другъ другу двойнымъ изданіемъ, желаетъ войти въ сдѣлку съ нимъ, т. е. издавать книгу вмѣстѣ; или какимъ-нибудь образомъ подѣлить барыши. Николай Полевой тотчасъ увидѣлъ, къ чему клонится такое вмѣшательство въ его предпріятіе, и далъ какой-то уклончивый отвѣтъ. Тогда Погодинъ началъ осаждать его и перего-

*) Рязанское имѣніе В. П. Титова.

ворами, и письмами, и увѣщаніями, и страхомъ соперничества. Ревностнымъ помощникомъ Погодина при этомъ былъ Шевыревъ. Долго тянулись жаркіе переговоры, памятникомъ которыхъ остаются у меня нѣсколько записокъ Погодина, писанныхъ по обыкновенію его на засаленныхъ клочкахъ бумаги, *непрочтомымъ* (indéchiffrable) почеркомъ, и наполненныхъ грубыми выраженіями. Наконецъ брату моему надоѣли наглыя притязанія: онъ объявилъ, что предоставляетъ Погодину издавать переводъ его какъ онъ хочетъ, а свой будетъ издавать отдѣльно". Но и предпріятіе Полевого не увѣнчалось успѣхомъ, виновникомъ коего онъ считалъ С. Т. Аксакова. По распоряженію новаго министра народнаго просвѣщенія князя Ливена рукопись перевода слѣдующихъ томовъ *Жизни Наполеона* была отобрана, а отпечатанные листы перваго тома были конфискованы [269]),

Воевать *Московскому Вѣстнику* пришлось безъ союзниковъ и даже *Атеней*, издаваемый знаменитымъ профессоромъ М. Г. Павловымъ недружелюбно относился къ органу своихъ учениковъ и Погодинъ съ горечью записываетъ въ *Дневникѣ*: „Читалъ разныя выходки у Полевого и у Павлова на себя. Какъ очевидно имъ хочется унизить мой журналъ! Къ какимъ подлостямъ прибѣгаютъ они! На меня это не имѣетъ ни малѣйшаго вліянія. Я высоко стою надъ ними".

XXVII.

Вся тяжесть изданія *Московскаго Вѣстника* въ 1828 году лежала на Погодинѣ и въ особенности на Шевыревѣ; а между тѣмъ, не смотря на дружбу, между ними происходили частыя столкновенія, которыя очень раздражали Шевырева. Въ *Дневникѣ* Погодина мы безпрестанно читаемъ лаконическія записи въ родѣ слѣдующихъ: „Бранилъ Шевырева за нѣкоторыя нелѣпыя выходки. Раздосадовалъ безтолковый Шевыревъ, который толчетъ себѣ воду да и только. Досадовалъ Шевыревъ

своими копейками. Крикъ съ Шевыревымъ. Выходки Шевырева производятъ непріятное впечатлѣніе во мнѣ тѣмъ болѣе, что ненадѣюсь заставить его слушаться. Разсердилъ на минуту Шевыревъ своими задорными и глупыми выходками. Огорченіе отъ Шевырева, предполагающаго доходы по *Московскому Вѣстнику*. Огорчилъ Шевыревъ своими подозрѣніями. Я не вѣрю и вѣрить не хочу, чтобы ничего не осталось отъ *Вѣстника*. Послѣ ввечеру прислалъ мнѣ стихи о ранѣ. Я послалъ къ нему записку, въ которой пожелалъ ему имѣть такую рану, а не другія. Шевыревъ опять раздосадовалъ счетами, по поводу глупыхъ вопросовъ Кубарева". Вмѣстѣ съ тѣмъ Погодинъ любуется „любезностью" Шевырева въ его „разговорахъ съ нянею и своимъ Андреемъ"; а Шевыревъ изъ своего Ивановскаго пишетъ Погодину: „Всѣ мои такъ тебя любятъ, какъ роднаго" [270]).

Въ сентябрѣ 1828 года, Шевыревъ вмѣстѣ съ С. Т. Аксаковымъ, отправился въ Петербургъ и оттуда писалъ Погодину (отъ 11 сентября): „Вѣдь это скучно и несносно: коверкай мои критики безъ меня, но не подписывай имени. То, что надо бы было исправить, ты не поправилъ, а что твоимъ предразсудкамъ противно, ты вымарываешь. Это, ей Богу, скучно, ты хоть бы то подумалъ: какъ могу я отвѣчать за чужое! Ты такъ думаешь, я иначе—оставь мнѣ волю или пиши самъ. Сколько опечатокъ! какимъ слогомъ написанъ разборъ *Жизни игрока*! Сколько *и прочихъ, и тому подобныхъ, и такъ далѣе*. Нѣтъ, безъ меня ты вовсе никуда негодишься. За то, что ты мнѣ присовѣтовалъ ѣхать въ Питеръ, я тебя благодарю душевно; но можетъ быть, ты найдешь во мнѣ большія перемѣны послѣ двухъ недѣль петербургской жизни. Для меня онѣ должны быть къ лучшему, слѣдовательно, и тебѣ понравятся, если ты меня любишь. Нѣтъ, другъ мой, если ты сколько-нибудь меня любишь, если сколько-нибудь цѣнишь Шевырева, какъ литератора, то пощади-жъ мое время. Скажешь мнѣ: „Не берись за это. Тебѣ не то назначено. Учись, приготовляйся, собирай". Это

голосъ души моей: его я слышалъ отъ Жуковскаго, отъ Пушкина, отъ Титова. Этотъ-то голосъ надѣюсь и отъ тебя услышать, если ты другъ мнѣ. Душа проситъ другихъ занятій — и все ей отвѣчаетъ: да. Какая прекрасная переспектива въ жизни открылась мнѣ здѣсь. Сколько впечатлѣній новыхъ, свѣжихъ. Я москвичъ, я литераторъ, но не журналистъ" [271]). Письмо это произвело однако на Погодина непріятное впечатлѣніе и онъ записалъ въ *Дневникѣ*: „Письмо отъ Шевырева. Взноситъ на меня небылицу о статьѣ. „Безъ меня пропадешь". Это досадно" [272]). Но великимъ утѣшеніемъ и самымъ блистательнымъ торжествомъ для Шевырева въ это время было одобреніе Гете и Пушкина. Онъ написалъ разборъ второй части *Фауста* Гете, тогда только что вышедшей. Самъ германскій патріархъ отдалъ справедливость Шевыреву, благодарилъ его и написалъ ему письмо. Послѣ въ своемъ изданіи: *Kunst und Alterthum*, Гете отозвался о Шевыревѣ вотъ какъ: „Шотландецъ стремится проникнуть въ произведеніе, французъ понять его, русскій себѣ присвоить. Такимъ образомъ, гг. Карлейль, Амперъ и Шевыревъ вполнѣ представили, не сговорившись, всѣ категоріи возможнаго участія въ произведеніи искусства или природы" [273]). Пушкинъ же писалъ Погодину: „Честь и слава милому нашему Шевыреву. Вы прекрасно сдѣлали, что напечатали письмо нашего германскаго патріарха. Оно, надѣюсь, дастъ Шевыреву болѣе вѣсу во мнѣніи общемъ. А того-то намъ и надобно. Пора уму и знаніямъ вытѣснить Булгарина и Федорова. Я здѣсь на досугѣ поддразниваю ихъ за несогласіе ихъ мнѣній съ мнѣніемъ Гете" [274]).

Но главнымъ утѣшителемъ редакторовъ *Московскаго Вѣстника* оставался по прежнему Пушкинъ. Въ это время, „существованіе поэта было порывисто и безпокойно". Утомленный столичною жизнію, онъ просилъ позволенія участвовать въ открывшейся тогда войнѣ противъ Турокъ, но, разумѣется, желаніе его не могло исполниться. Мысли его становятся тревожны и смутны въ это время, и часто возвращается онъ къ

самому себѣ съ грустью, упрекомъ и мрачнымъ настроеніемъ духа. Стихотворенія: *Воспоминаніе* написано 19 мая, *Даръ напрасный* 26 мая 1828 года, а за ними слѣдовало: *Снова тучи надо мною* [275]). Не смотря на это Пушкинъ не измѣнялъ *Московскому Вѣстнику* и первый нумеръ его въ 1828 году, какъ и въ 1827 году открылся вдохновеннымъ его словомъ:

Въ надеждѣ славы и добра
Гляжу впередъ я безъ боязни:
Начало славныхъ дѣлъ Петра
Мрачили мятежи и казни.

Между тѣмъ, въ концѣ января, посѣтилъ Москву баронъ Дельвигъ. Соболевскій въ честь его даетъ ужинъ; въ числѣ гостей былъ Погодинъ. „Ужиналъ у Соболевскаго“, читаемъ въ его *Дневникѣ*, „чтобы не отказаться, и для Дельвига. Свидѣлся съ Мицкевичемъ“. Здѣсь Погодинъ узналъ, что сестра Пушкина вышла замужъ тайкомъ. Вечеромъ этимъ Погодинъ остался, кажется, недоволенъ. „Подходилъ“, читаемъ въ его *Дневникѣ*, „по очереди ко всѣмъ и слушалъ многія нелѣпыя выходки. Жалѣю, что Полевому сказалъ много дѣльнаго, которымъ сей воспользуется“ [276]). Но и съ Пушкинымъ у Погодина въ это время вышло недоразумѣніе, чтобы не сказать болѣе. Въ томъ же первомъ нумерѣ *Московскаго Вѣстника* помѣщенъ отрывокъ, изъ *Евгенія Онѣгина*, подъ заглавіемъ *Москва* и, по обычаю Погодина, съ опечатками. Этимъ воспользовались враги *Московскаго Вѣстника* издатели *Сѣверной Пчелы* и перепечатали этотъ отрывокъ въ своей газетѣ, а въ примѣчаніи къ оному заявили: „Сей отрывокъ напечатанъ былъ въ одномъ журналѣ съ непростительными ошибками. По желанію почтеннаго автора, помѣщаемъ оный съ поправками въ *Сѣверной Пчелѣ*. Повтореніе стиховъ А. С. Пушкина, съ его позволенія, никогда не можетъ быть излишнимъ“ [277]). По этому поводу, В. П. Титовъ (отъ 11 февраля 1828 года) писалъ Погодину: „Пушкинъ, отведя глаза на сторону, сказывалъ, что позволилъ перепечатать *Москву*, взбѣсясь на опечатки *Московскаго Вѣстника*, а господа Пчелинцы вос-

пользовались и присовокупили примѣчаніе. Онъ доставитъ вамъ письмо о Борисѣ Годуновѣ; что онъ мнѣ читалъ, славно“. Это раздосадовало Погодина и онъ не могъ скрыть своего чувства, по крайней мѣрѣ, въ *Дневникѣ*, въ которомъ читаемъ: „Досада отъ Пушкина, которому я тотчасъ написалъ письмо учтивое и колкое“. Подъ такимъ впечатлѣніемъ Погодинъ читалъ IV и V главы *Онѣгина*, только что изданныя и этимъ можно объяснить слѣдующую странную запись, которая занесена въ его *Дневникъ*: „Перечитываю *Онѣгина*. Пушкинъ забалтывается, хотя и прекрасно, и теряетъ нить. При множествѣ прекрасныхъ описаній, 4 и 5 пѣснь очень несвязны; и голова у читателя въ дыму“. Но тѣмъ не менѣе Погодинъ все-таки поспѣшилъ отправить къ Пушкину слѣдующее объясненіе: „Третій нумеръ выйдетъ завтра, и только изъ великаго личнаго (безъ всякихъ отношеній) моего почтенія къ Пушкину, я не печатаю слѣдующаго объявленія, *чтобъ не употребить имени его всуе*. Процензуруйте прежде, прибавьте и убавьте, чтó вамъ угодно: „Стихотвореніе *Москва* самъ Пушкинъ продиктовалъ мнѣ въ бытность мою въ Петербургѣ, потомъ далъ мнѣ свою черную тетрадь для повѣрки, и наконецъ я показалъ ему свою копію. Каково-же было мое удивленіе, когда послѣ всего этого нашли въ немъ еще какія-то непростительныя ошибки. Я вооружился терпѣніемъ и сталъ сличать,—что же нашелъ? Вмѣсто *Финмуша* въ *Московскомъ Вѣстникѣ* напечатано *Флимушъ*. Между третьею и четвертою строфою поставлены знаки пропуска. Сани вмѣсто дрожки, магазины моды безъ запятой и наконецъ *Петровна* съ именемъ. Все это, утверждаю смѣло было напечатано въ *Московскомъ Вѣстникѣ*, какъ въ рукописи автора. И такія-то опечатки гг. издатели называютъ непростительными и не совѣстятся перепечатывать изъ за нихъ сотни стиховъ! Не угодно ли попросить теперь позволенія у почтеннаго автора перепечатать всѣ его сочиненія, потому что они всѣ напечатаны съ такими ошибками. *Можетъ быть онъ и согласится*“. Пушкинъ къ этому объясненію сдѣлалъ слѣдующее примѣчаніе: „Это слишкомъ серьезно. А

Финмушъ проклятый? а магазины моды?“ Вслѣдъ за симъ (отъ 19 февраля) онъ писалъ Погодину: „Вы конечно правы, и угадали, что я въ *примѣчаніи* Булгарина совсѣмъ не участвовалъ—ни дѣломъ, ни словомъ, ни согласіемъ, ни вѣдѣніемъ. Когда бы я видѣлъ его корректуру, то вѣрно-бъ ужъ не пропустилъ выходку, которая такъ васъ безпокоитъ. Печатайте ваше возраженіе, если вы думаете, что *Сѣверная Пчела* того стоитъ,—а я не вмѣшиваюсь, ибо мое правило не трогать чего знаете. Впрочемъ, здѣсь никто не замѣтилъ замѣчанія. О герой Шевыревъ! О витязь великосердый, подвизайся, подвизайся. А вы, любезный Михайло Петровичъ, утѣшьтесь, и, какъ говоритъ Тредьяковскій, плюньте на суку *Сѣверную Пчелу*. На дняхъ пришлю вамъ прозу. Да Христа ради, не обижайте моихъ сиротъ-стишонковъ опечатками и т. под. Шевыреву пишу особо. Грѣхъ ему не чувствовать Баратынскаго, но Богъ ему судья“ [278]).

Мы уже прочли странный отзывъ Погодина о IV и V главахъ *Евгенія Онѣгина*, вышедшихъ въ 1828 году отдѣльною книжкою. Этотъ отзывъ если не оправдывается, то, по крайней мѣрѣ, объясняется досаднымъ чувствомъ Погодина; но въ журналѣ, издаваемомъ знаменитымъ профессоромъ М. Г. Павловымъ, появилась критика, въ которой, между прочимъ, утверждалось, что въ *Евгеніи Онѣгинѣ*, яко бы, „нѣтъ характеровъ: нѣтъ и дѣйствія. Легкомысленная только любовь Татьяны оживляетъ нѣсколько оное. Отъ этого эти главы сбиваются просто на описанія, то особы Онѣгина, то утомительныхъ подробностей деревенской его жизни и пр. Отъ этого такая *говорливость* у него; такъ много замѣтныхъ повтореній, возвращеній къ одному и тому же предмету и кстати и не кстати; столько отступленій особенно тамъ гдѣ есть случай посмѣяться надъ чѣмъ нибудь, высказать свои сарказмы и потолковать о себѣ и проч. въ подобномъ родѣ“ [279]). „Пушкинъ“, писалъ Титовъ, „бѣсится на *Атенея*, утѣшается, браня своего критика матершиною за одно съ Булгаринымъ. А мнѣ смѣшно. Несмотря на глупость разбора Аксакова или

Дмитріева, много есть подѣломъ. Я бы душевно желалъ, чтобъ его побольше пощелкали за *Онѣгина.* Вы, я чаю, знаете, что онъ ѣдетъ за Государемъ на югъ". Не менѣе Пушкина, возмущенъ былъ этою критикою и князь Одоевскій. „Что за пакость", писалъ онъ, „во 2-й книжкѣ *Атенея*! Какъ не стыдно Павлову!" а князь П. А. Вяземскій писалъ И. И. Дмитріеву: „можно ли Пушкина школить, какъ ученика изъ гимназіи" [280]).

Въ мартѣ 1828 года Пушкинъ уже былъ въ Москвѣ и день годовщины смерти Дмитрія Владиміровича Веневитинова, провелъ въ семействѣ покойнаго гдѣ былъ и Погодинъ, который слушалъ разсказы о Суворовѣ [281]). Во время пребыванія Пушкина въ Москвѣ, Погодинъ получилъ письмо отъ его пріятеля Катенина (изъ сельца Исаева, отъ 28 марта), слѣдующаго содержанія: „Сдѣлайте милость, извините, что не имѣя чести быть съ вами знакомымъ, я докучаю вамъ покорнѣйшею просьбою: доставить по надписи здѣсь прилагаемое письмо къ А. С. Пушкину, который, какъ говорятъ, находится теперь въ Москвѣ. Въ немъ есть порокъ не меньше его дарованія: по нѣскольку мѣсяцевъ безъ вѣсти пропадать для знакомыхъ и пріятелей".

Въ іюлѣ, Пушкинъ пребывалъ, какъ кажется, въ Петербургѣ и оттуда писалъ Погодину: „Простите мнѣ долгое мое молчаніе любезный Михаилъ Петровичъ; право всякій день упрекалъ я себя въ неизвинительной лѣни, всякій день собирался я къ вамъ писать и все не собрался. По сему самому не присылалъ вамъ ничего и въ *Московскій Вѣстникъ.* Правда, что и посылать было нечего; дайте сроку. Осень у воротъ; я заберусь въ деревню и пришлю вамъ оброкъ сполна. Надобно, чтобъ нашъ журналъ издавался и на слѣдующій годъ. Онъ конечно, буде сказано между нами, первый, единственный журналъ на Святой Руси. Должно терпѣніемъ, добросовѣстностью, благородствомъ и особенно настойчивостью оправдать ожиданія истинныхъ друзей словесности и ободреніе великаго Гёте. Впередъ! И да здравствуетъ *Московскій Вѣст-*

никъ! Растолковали ли вы *Телеграфу* что онъ дуракъ? Ксенофонтъ Телеграфъ въ бытность свою въ С.-Петербургѣ со мною въ томъ было согласился, но сіе да будетъ между нами, *Телеграфъ* добрый и честный человѣкъ и съ нимъ я ссориться не хочу. Къ стати похвалите *Славянина*, онъ намъ нуженъ, какъ навозъ нуженъ пашнѣ, какъ свинья нужна кухнѣ, а Шишковъ Русской Академіи. На дняхъ читалъ я стихи Языкова, гдѣ говоритъ онъ о своихъ стихахъ

Чтожъ? въ бѣлокаменную съ Богомъ
Въ *Московскій Вѣстникъ*.—Трудно, братъ,
Разборчивъ, строгъ, аристократъ,
Такъ и пріязнь ему не въ ладъ
Со мной парижскимъ демагогомъ.
Ну, въ *Аѳиней*—что *Аѳиней*?
Журналъ казенно-философскій
Отступникъ Пушкина, злодѣй
Благонамѣренный Московскій".

О Петербургской его жизни П. А. Мухановъ, сообщаетъ Погодину слѣдующее: „Пушкинъ учится англійскому языку, а остальное время проводитъ на дачахъ". Въ обычное время т. е. осенью онъ уединился въ свое Михайловское о чемъ Титовъ извѣщаетъ Погодина: „Пушкинъ въ деревнѣ написалъ *Мазепу*; первый стихъ:

Богатъ и силенъ Кочубей [282]).

XXVIII.

Братство, именуемое *Московскимъ Вѣстникомъ*, разставалось въ это время съ Мицкевичемъ и Хомяковымъ. Одинъ стремился на Западъ, а другой на Востокъ.

Въ квартирѣ Соболевскаго *) данъ былъ прощальный ужинъ Мицкевичу и былъ поднесенъ ему золотой кубокъ на которомъ были вырѣзаны имена Баратынскаго, Кирѣевскихъ, А. А. Елагина, Рожалина, Николая Полеваго, Шевырева и

*) Между Большою Дмитровскою и Тверскою, въ домѣ нынѣ Лопыревскаго.

Соболевскаго [283]). Но Погодинъ не былъ на этомъ ужинѣ и не вырѣзалъ своего имени на золотомъ прощальномъ кубкѣ. Не задолго же передъ тѣмъ онъ записалъ въ *Дневникѣ*, подъ 2 февраля 1828 года: „Завтракали очень весело человѣкъ двадцать: Мицкевичъ, Вяземскій, Хомяковъ, Веневитиновъ, Раичь, Полевые, Томашевскій и пр.“. Во все время пребыванія Мицкевича въ Москвѣ Погодинъ былъ съ нимъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Мицкевичъ читалъ ему своего *Валенрода*, велъ съ нимъ задушевныя бесѣды. Такъ, встрѣтившись съ Погодинымъ у Веневитинова, Мицкевичъ выразилъ ему желаніе умереть. „Еслибы“, сказалъ онъ ему, „я нынѣ умеръ, то завтра былъ бы въ раю. Какъ жаль, что лучшіе годы жизни проводишь въ одиночествѣ, а тамъ и старость и все кончено“. Записавъ этотъ разговоръ, Погодинъ продолжаетъ: „Игралъ съ нимъ въ ладоши и мы такъ нахлопали себѣ руки, что всѣ раскраснѣлися“ [284]). Вѣроятно, чрезъ Мицкевича Погодинъ завелъ сношенія и съ Лелевелемъ, который въ это время оставилъ Виленскій Университетъ, переѣхалъ въ Варшаву и къ несчастью своему вступилъ на политическое поприще, принесшее ему много бѣдъ и заставившее его влачить на чужбинѣ горькую жизнь скитальца безъ денегъ, безъ любезныхъ ему книгъ; а между тѣмъ, по показанію Спасовича, Лелевель „родился можно сказать книжникомъ. Въ жизни практической онъ былъ самый ненаходчивый человѣкъ и чудакъ. Но на каѳедрѣ былъ въ своей стихіи. Ему нужны были для того, чтобы одушевиться, отрывокъ хроники, старый пергаментъ, или древняя монета. Совершенный аскетъ, одинокій, безсемейный, Лелевель работалъ съ трудолюбіемъ балландиста. Съ такою же любовью относился онъ къ Корсунскимъ вратамъ св. Софіи Новгородской, какъ и къ Гнѣзнинской святынѣ“ [285]). Въ *Дневникѣ* Погодина подъ 9 апрѣля 1828 года сохранилось извѣстіе, что онъ написалъ письмо къ Лелевелю и по его словамъ „удачное“. Къ сожалѣнію письмо это не дошло до насъ.

Между тѣмъ громъ Русскаго оружія уже раздался въ

областяхъ Турецкихъ; 14 апрѣля 1828 года былъ подписанъ Высочайшій манифестъ, въ которомъ читаемъ: „оскорбляются права и достоинства русскаго флага; удерживаются корабли, грузы ихъ попадаютъ въ добычу насильственнаго самовластія; проливъ Босфорскій запирается; Черноморская наша торговля стѣсняется; города и области южнаго края, лишась сего единственнаго истока ихъ произведеній, угрожаются безчисленными потерями". Въ заключеніи было сказано: „да небеснымъ благословеніемъ пріосѣнится оружіе наше, подъемлемое въ оборону Святыя Православныя Церкви и любезнаго Отечества нашего" [286]). Незадолго до объявленія войны Погодинъ записалъ въ *Дневникѣ:* „Турція есть послѣдняя задача европейской политики". Какъ только началась война Хомяковъ вступаетъ въ военную службу и начинаетъ собираться въ походъ. Въ это время Погодинъ все болѣе и болѣе съ нимъ сближается. Посѣтивъ его однажды отмѣтилъ въ своемъ *Дневникѣ:* Хомяковъ „простъ, безъ всякихъ претензій, младенчески принимаетъ во многомъ участіе; слѣдовательно, имѣетъ много піитическаго въ этомъ отношеніи". Добывши откуда-то алеатико, Погодинъ сдѣлалъ ужинъ на который пригласилъ Хомякова, Рожалина, Веневитинова, Кирѣевскаго. Во время ужина, по свидѣтельству хозяина, шелъ „презанимательный разговоръ объ *Онѣгинѣ*, о исторіи древней и потомъ о древнихъ религіяхъ, о которыхъ Хомяковъ имѣлъ обширныя свѣдѣнія". О себѣ же Погодинъ по этому поводу замѣчаетъ: „Я въ душѣ стыдился своего невѣжества". На другой день онъ посѣтилъ Хомякова, который далъ ему отрывокъ изъ *Ермака*; хотя Погодинъ напечаталъ его въ *Московскомъ Вѣстникѣ*; но въ *Дневникѣ* своемъ отмѣтилъ: „Прочелъ все дѣйствіе и рѣшительно скажу, что это произведеніе неудачное, которое должно остаться между нами залогомъ будущихъ изящныхъ. И никто не говорилъ этого ему. Я скажу" [287]). Въ концѣ мая 1828 года, Хомяковъ отправился на театръ военныхъ дѣйствій. Предъ отъѣздомъ друзья дали ему про-

щальный ужинъ. Памятникомъ этого прощанія остались три импровизаціи, въ которыхъ между прочимъ читаемъ:

Друзья, прощайте!
Лечу къ боямъ,
Къ другимъ краямъ
Во слѣдъ орламъ...
Быть можетъ насъ,
Въ послѣдній разъ,
Веселый часъ
Собралъ за чашей.

Ударилъ часъ, прощайте други!
Мнѣ предстоитъ далекій путь.
А вы!... Забудете-ль Поэта,
Въ роскошной южной сторонѣ?
Въ столицѣ шумной, въ вихрѣ свѣта,
Друзья! вздохнете-ль обо мнѣ? [288]).

Сохранились трогательныя письма отца Хомякова къ Погодину, которыя свидѣтельствуютъ не только о нѣжной родительской любви, но также и томъ, что отецъ Хомякова принималъ горячее участіе въ литературныхъ успѣхахъ своего сына: „судьба“, пишетъ онъ (отъ 20 августа 1828) увлекла Алексѣя въ военную службу, и онъ теперь въ гусарскомъ принца Оранскаго полку и находится въ авангардѣ. Отеческая моя къ нему нѣжность заставляетъ меня бояться за него неистовыхъ турецкихъ нападеній; часто мнѣ твердятся при семъ прилагаемые отрывочки изъ недоконченной имъ, оставленной поэмы *Вадима*, которые при семъ же прилагаю. Прискорбнымъ чувствомъ страшусь, чтобы сіе не было имъ предсказаніе на собственный счетъ; но онъ русскій и дворянинъ, то и не смѣю осуждать его за предпринятое поприще; а молю Всемогущаго, да простретъ надъ нимъ свою милующую Десницу, и да сохранитъ его для престарѣлаго его отца и для почтенныхъ друзей“ [289]). Въ отрывкѣ изъ поэмы *Вадимъ* читаемъ:

Стоялъ Усладъ, Днѣпровскихъ честь бреговъ:
Прельщенный бранными вѣнцами,
Забылъ онъ хаты тихій кровъ
И гуслей сладкій звукъ, подъ вѣщими перстами.
Почто онъ брань взлюбилъ? Средь мирной тишины,

При плескахъ струй Днѣпра родного,
Не лучше-ль было пѣть и Леля молодого
И славныя дѣла глубокой старины?
Теперь ты палъ, о витязь юный,
Тебя сразилъ героя мечь стальной,
Осиротѣли звонки струны,
Умолкъ на вѣки голосъ твой [290]).

По счастью предсказаніе это не оправдалось на Хомяковѣ, хотя онъ и участвовалъ въ сраженіяхъ, отличаясь „холодною, блестящею храбростью, но остался цѣлъ и невредимъ. Въ письмѣ (отъ 4 декабря 1828 г.) отецъ его писалъ Погодину: „Живѣйшую мою благодарность приношу вамъ и почтеннымъ вашимъ товарищамъ за участіе, которое вы приняли въ полученномъ мною извѣстіи о моемъ Алексѣѣ, до сего числа и я со страхомъ брался за *Инвалидъ;* но теперь я опять о немъ въ большомъ безпокойствѣ; послѣ того письма никакихъ дальнѣйшихъ о немъ свѣдѣній не имѣю. Но при всемъ томъ съ надеждой на всевышній Промыслъ, надобно вооружиться терпѣніемъ; а между тѣмъ, препровождаю къ вамъ еще двѣ пьески моего поэтическаго солдата, какъ его называетъ бывшій его полковникъ баронъ Остенъ-Сакенъ".

Съ И. В. Кирѣевскимъ у Погодина въ это время произошла какая-то размолвка, о которой мы узнаемъ изъ слѣдующихъ строкъ Титова: „Одно обстоятельство для меня прискорбно, очень прискорбно, если Соболевскій сказалъ правду, это ссора Кирѣевскаго съ Погодинымъ. Надобно помириться во что бы то ни стало: одно изъ утѣшеній моихъ въ Питерѣ знать, что московскіе наши не перестаютъ жить между собою ладно" [291]). Но въ *Дневникѣ* Погодинъ ничего объ этомъ не говоритъ, напротивъ того, тамъ, подъ 22 апрѣля 1828 года, мы читаемъ: „Кирѣевскій показывалъ мнѣ письмо Жуковскаго, въ которомъ онъ хвалитъ его. Радъ. Кирѣевскій разсказывалъ мнѣ планъ большого сочиненія своего о формѣ философіи для Россіи. Съ большимъ удовольствіемъ слушалъ его. Во мнѣ зажглось желаніе написать отличительныя черты Россійской Исторіи, которыя должны примѣняться къ его сочиненію. Несмотря однако на размолвку съ Погодинымъ,

И. В. Кирѣевскій помѣстилъ на страницахъ *Московскаго Вѣстника* 1828 г. свою превосходную статью: *Нѣчто о характерѣ поэзіи Пушкина.* Замѣчательно что въ 1880 году И. С. Аксаковъ на Пушкинскомъ праздникѣ заявилъ: В*чера былъ вопросъ—народенъ Пушкинъ или нѣтъ? Сегодня этотъ вопросъ рѣшилъ, что народенъ, Ѳ. М. Достоевскій.* Между тѣмъ, еще въ 1828 году въ упомянутой статьѣ И. В. Кирѣевскій писалъ: „Всѣ неисчислимыя красоты *Онѣгина:* Ленскій, Татьяна, Ольга, Петербургъ, деревня, сонъ, зима, письмо и пр.—суть неотъемлемая собственность нашего поэта. Здѣсь-то обнаружилъ онъ ясно природное направленіе своего генія, и эти слѣды самобытнаго созданія въ *Цыганахъ* и *Онѣгинѣ*, соединенные съ извѣстною сценою изъ *Бориса Годунова*, составляютъ, не истощая, третій періодъ развитія его поэзіи, который можно назвать *періодомъ* поэзіи *Русско-Пушкинской*. Отличительныя черты его суть что-то невыразимое, понятное лишь русскому сердцу, ибо какъ назвать то чувство, которымъ дышатъ мелодіи русскихъ пѣсенъ, къ которому чаще всего возвращается русскій народъ и которое можно назвать центромъ его сердечной жизни“ [292]).

Петербургскіе друзья Погодина все болѣе и болѣе охладѣвали къ *Московскому Вѣстнику.* Пребывавшій въ это время въ Петербургѣ Павелъ Александровичъ Мухановъ (отъ 11 августа 1828 г.) писалъ Погодину: „Вашихъ сотрудниковъ каждодневно увѣщеваю вамъ дѣятельно содѣйствовать въ журналѣ“ [293]); а посѣтившій Петербургъ, въ сентябрѣ 1828 г., Шевыревъ прямо заявилъ: „Здѣсь сотрудники „*Московскаго Вѣстника* рѣшительно не вѣрные. Это узналъ я по опыту“. Оно и понятно. Петербургскіе друзья Погодина были люди свѣтскіе и служащіе. Все ихъ время было поглощено исполненію служебныхъ и свѣтскихъ обязанностей; слѣдовательно, они пребывали въ постоянной суетѣ; *а служеніе музамъ не терпитъ суеты.* Болѣе дѣятельнымъ сотрудникомъ *Московскаго Вѣстника* продолжалъ быть В. П. Титовъ. Въ продолженіе 1828 года онъ напечаталъ слѣдующія статьи: *Ста-*

тистическія извѣстія о Сѣверо-Американскихъ Штатахъ. Въ предисловіи авторъ выражаетъ желаніе „представить полную картину благоденственнаго состоянія Соединенныхъ Штатовъ“ и тѣмъ вывести изъ заблужденія „закоснѣлыхъ защитниковъ мнѣнія, что благосостояніе Сѣверо Американскихъ Штатовъ существуетъ только въ умѣ нѣкоторыхъ путешественниковъ, что оно еще не составляетъ твердаго „законнообразованнаго государства и что едва-ли въ чемъ либо можемъ мы имъ завидовать“). Въ другой своей статьѣ объ Америкѣ: *Взглядъ на систему образованія новыхъ государствъ въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ,* В. П. Титовъ въ примѣчаніи заявляетъ, что она почерпнута изъ писемъ о Сѣверной Америкѣ, которыя приписываются сыну Луціана Бонапарта и представляютъ „живой разсказъ и ясную картину переселеній, которыми излишекъ обитателей восточныхъ областей Сѣверо-Американскаго Союза, такъ сказать, переливается въ новообразуемыя, восточныя владѣнія онаго [294]). Посылая эту статью въ *Московскій Вѣстникъ*, онъ просилъ редакторовъ (въ письмѣ 11 августа 1828): „Въ моей статьѣ объ Америкѣ вмѣсто плантаторовъ и плантацій насажайте всюду *мызниковъ* и *мызы*“. Въ томъ же письмѣ онъ выговариваетъ редакторамъ. „Вы“, пишетъ онъ, „нисколько не дорожите авторскимъ самолюбіемъ: надобно, когда будете печатать Іакинѳово описаніе Монголіи, непремѣнно прибавить ноту, что сія и прежнія двѣ статьи о Китаѣ доставлены почтеннѣйшимъ извѣстнымъ и проч. знатокамъ китайскаго языка, коему мы де очень признательны. Не то, онъ, разумѣется, будетъ охотнѣе снабжать Полевого, который едва не разшибъ ему носа кадиломъ“. Въ другомъ письмѣ (отъ 10 іюня 1828 г.). В. П. Титовъ спрашиваетъ: „Для чего не печатаются Китайская сказка Перцова и моя статья объ Индіи, вещи, какъ говоритъ Андросовъ, примѣчательныя“ [295]). Статья Титова объ Индіи была напечатана подъ заглавіемъ: *О нынѣшнемъ состояніи Британскихъ владѣній въ Восточной Индіи.* Въ томъ же

году онъ напечаталъ статью: *О романѣ, какъ представитель образа жизни новѣйшихъ Европейцевъ* [296]).

XXIX.

Кромѣ друзей Погодина, принимавшихъ болѣе или менѣе участіе въ *Московскомъ Вѣстникѣ*, этому изданію не были чужды и князь П. А. Ширинскій-Шихматовъ, и И. И. Давыдовъ, и старѣющійся В. Л. Пушкинъ. Среди утомительныхъ дѣловыхъ трудовъ по Департаменту Народнаго Просвѣщенія, князь Платонъ Александровичъ любилъ освѣжать свой умъ и сердце бесѣдою съ музами. „Пользуясь пріятнымъ знакомствомъ“, писалъ онъ Погодину (отъ 8 марта 1828 года), „и хорошимъ ко мнѣ расположеніемъ вашимъ, я не усумнился препроводить къ вамъ одно изъ стихотвореній моихъ, прося покорнѣйше помѣстить оное въ издаваемомъ вами журналѣ“ [297]). Вслѣдъ за *Фаустомъ* Пушкина, въ *Московскомъ Вѣстникѣ* 1828 было напечатано стихотвореніе *Тоска. Подражаніе младшему Расину*, принадлежащее перу князя Ширинскаго-Шихматова и начинающееся такъ:

Зарей пернаты пробужденны
Поютъ утѣхи и любовь;
А я, тоскою омраченный,
Ко стонамъ воздвигаюсь вновь.
Свѣтило дня, покинувъ волны,
Весь міръ веселья видя полный,
Во мнѣ зритъ горестей соборъ;
И день, что тварь всю просвѣщаетъ,
Весь блескъ природѣ возвращаетъ,
Сквозь слезы въ мой доходитъ взоръ.
О смерть! прерви мое страданье,
Сверши послѣдній свой ударъ!

Въ заключеніе безотрадный пѣвецъ, обращаясь къ музамъ, говоритъ:

И еслибъ, въ мзду за все мученье,
Хотя отъ музъ я былъ отмщенъ;

Когда бъ сей гласъ былъ ихъ внушенье,
Еще бъ мой рокъ былъ тѣмъ смягченъ:
Но, о вѣнецъ всѣхъ бѣдъ ужасный!
Едва ихъ узритъ ликъ согласный
Печальный издали мой видъ,
Какъ весь соборъ вопитъ ихъ гнѣвный:
Скорѣе прочь, пѣвецъ плачевный!
На что намъ новый Гераклитъ? [298])

Бывшій наставникъ Погодина И. И. Давыдовъ почтилъ изданіе своего ученика статьею о Кузенѣ. Въ письмѣ (отъ 21 октября 1828 г.), при которомъ препровождается статья, Давыдовъ пишетъ: „Уважая Кузена, не могу, какъ дѣлаютъ нѣкоторые, дивиться всему, что выходитъ изъ восторженной его головы“ [299]). Въ этой статьѣ онъ трактуетъ также и о *философическихъ отрывкахъ* (Fragmens Philosophiques) Кузена, вышедшихъ въ свѣтъ въ 1826 году [300]).

Весьма сочувственно, какъ мы уже сказали, относился къ *Московскому Вѣстнику* и Василій Львовичъ Пушкинъ, что́ побуждаетъ насъ сказать нѣсколько словъ объ этомъ извѣстномъ писателѣ и типическомъ представителѣ высшаго московскаго общества старыхъ временъ. Василій Львовичъ Пушкинъ родился 27 апрѣля 1770 г. въ Москвѣ гдѣ и прожилъ всю свою жизнь. Въ *Запискахъ* Вигеля находимъ его портретъ, писанный съ натуры. „Василій Львовичъ почитался въ нѣкоторыхъ московскихъ обществахъ, а еще болѣе почиталъ самъ себя образцомъ хорошаго тона, любезности и щегольства. Екатерининскій офицеръ гвардіи, которая по малочисленности своей и отсутствію дисциплины могла считаться болѣе Дворомъ, чѣмъ войскомъ, онъ совсѣмъ не имѣлъ мужественнаго вида... За важною его поступью и довольно гордымъ взглядомъ скрывались легкомысліе и добродушіе... Блестящее существованіе его въ свѣтѣ умножилось еще женитьбой на красавицѣ Капитолинѣ Михайловнѣ. Самъ онъ былъ весьма некрасивъ. Рыхлое, толстѣющее туловище на жидкихъ ногахъ, косое брюхо, кривой носъ, лицо треугольникомъ, ротъ и подбородокъ à la Charles-Quint, а болѣе всего рѣдѣющіе волосы его старообразили. Къ тому же без-

зубіе увлаживало разговоръ его, и друзья внимали ему хотя съ удовольствіемъ, но въ нѣкоторомъ отъ него отдаленіи. Вообще дурнота его не имѣла ничего отвратительнаго, а была только забавна. Какъ сверстникъ и сослуживецъ Дмитріева, Карамзина, шелъ онъ нѣсколько времени какъ будто ровнымъ съ ними шагомъ въ обществахъ и на Парнасѣ, и оба дозволяли ему называться ихъ другомъ. Но вскорѣ первый прибралъ его въ руки, обративъ въ безсмѣнные свои потѣшники. Карамзинъ тоже, глядя на него, не могъ иногда не улыбнуться, но съ видомъ тайнаго, необиднаго сожалѣнія... Дмитріевъ, вѣрно въ шутку, посовѣтовалъ ему приняться за русскіе стихи, а онъ вправду сдѣлался весьма не плохимъ поэтомъ... Главнымъ его недостаткомъ было удивительное его легковѣріе, проистекающее, впрочемъ, отъ весьма похвальныхъ качествъ — добросердечія и довѣрчивости къ людямъ; никакія безпрестанно повторяемыя мистификаціи не могли его отъ сей слабости излѣчить“.

Будучи въ это время удрученъ подагрою и лѣтами, В. Л. Пушкинъ въ стихотвореніи, помѣщенномъ въ первомъ нумерѣ *Московскаго Вѣстника* 1828 г., жалуется на свою судьбу:

Мнѣ суждено терпѣть и горевать
И въ пестромъ щеголять халатѣ.
Экспромпты я тогда писалъ,
Когда надѣялся, влюблялся,
Теперь отъ радостей отсталъ
И отъ надежды отказался,—
Итакъ молчу, любезные друзья,
Съ стихами милыми прощаюсь:
Я тѣмъ лишь только утѣшаюсь,
Что въ старости не скученъ я [301]).

Украшая *Московскій Вѣстникъ* своими произведеніями, Василій Львовичъ ссужалъ редактора онаго и книгами изъ своей библіотеки, о чемъ свидѣтельствуетъ слѣдующее письмо его (отъ 29 іюня 1828 г.) Погодину: „Исполняю вашу просьбу, и посылаю вамъ томъ сочиненій Дюсиза, въ которомъ находится *Отелло*, но это не переводъ, а подражаніе Шекспиру. Сдѣ-

лайте одолженіе, возвратите мнѣ мою книгу поскорѣе. Я вамъ признаюсь чистосердечно, что мнѣ пріятно услужить вамъ, но я не всѣмъ книги мои повѣряю; онѣ составляютъ единственное мое удовольствіе. Очень сожалѣю, что я совсѣмъ забытъ вами, что никогда васъ не вижу“ [302])..

На страницахъ *Московскаго Вѣстника* 1828 г. мы встрѣчаемъ также стихотвореніе извѣстнаго переводчика Горація Владиміра Сергѣевича Филимонова: *Александру Сергѣевичу Грибоѣдову* [303]). Стихотвореніе это попало въ *Московскій Вѣстникъ* помимо воли автора и довольно оригинальнымъ образомъ. В. П. Титовъ, нашедши ихъ въ бумагахъ Грибоѣдова, „въ шутку“ послалъ къ Погодину, который, вопреки совѣту Шевырева, не задумываясь, тиснулъ ихъ въ *Московскомъ Вѣстникѣ*. Когда Филимоновъ увидѣлъ свои стихи напечатанными, то писалъ къ издателямъ *Московскаго Вѣстника*: „Уважая благородную цѣль общеполезныхъ трудовъ почтенныхъ издателей *Московскаго Вѣстника*, я благодарю ихъ покорнѣйше за помѣщеніе имени моего въ листахъ сего журнала. Это не есть обыкновенный лепетъ учтивости, но выраженіе искреннее моего мнѣнія. При семъ случаѣ я прошу убѣдительнѣйше издателей принять на себя трудъ увѣдомить меня: отъ кого получили они рукопись? Г. издатель М. П. Погодинъ отвѣчалъ мнѣ: „что стихотвореніе мое онъ получилъ изъ Петербурга“. Я объявляю чрезъ сіе, что я упоминаемыхъ стиховъ не посылалъ; но благодарю пославшаго ихъ, ибо они ввели меня въ сношеніе съ издателемъ *Московскаго Вѣстника*, котораго, не зная лично, уважаю за явное желаніе его быть безпристрастнымъ. Безпристрастіе такой рѣдкій гость въ мірѣ, что съ нимъ нельзя встрѣтиться равнодушно“.

Участіемъ въ *Московскомъ Вѣстникѣ* почтеннаго Ѳ. Н. Глинки до такой степени дорожилъ Погодинъ, что даже самъ предлагалъ ему денежное вознагражденіе за его произведенія; но простодушный Глинка на это предложеніе изъ уединеннаго Петрозаводска (отъ 26 апрѣля 1828 г.) отвѣчалъ:

„Я большой неохотникъ до денегъ, а потому очень радъ, что могу безденежно по временамъ быть вкладчикомъ въ ваше прекрасное изданіе моими плохими стихами. Вотъ чтó я пишу совсѣмъ не въ тонѣ нынѣшняго времени, но вы желаете—исполню“ [304]).

Весьма трогательны и дѣлаютъ большую честь Погодину его отношенія къ своему старому наставнику несчастному Мерзлякову. Когда Алексѣй Ѳедоровичъ издалъ свой переводъ съ итальянскаго *Освобожденный Іерусалимъ* Тасса (часть I, М. 1828 г.), то Погодинъ прямо заявилъ: „Издатель *Московскаго Вѣстника*, имѣя счастіе называться ученикомъ Мерзлякова и получивъ отъ него первыя наставленія обо всемъ, что относится до русской словесности, не смѣетъ брать на себя трудной обязанности разбирать его переводъ *Освобожденнаго Іерусалима*, не считаетъ за приличное—помѣщать и чужія мнѣнія объ ономъ въ своемъ журналѣ. Съ благодарностію и пристрастіемъ стараго ученика, онъ смотритъ на новый подвигъ, совершонный его учителемъ, и сужденія объ ономъ предоставляетъ другимъ журналистамъ. Пусть чистая справедливость руководствуетъ ими при произнесеніи приговора почтенному, долголѣтнему труду“ [305]). Но это заявленіе крайне не понравилось Титову, и онъ дѣлаетъ выговоръ Шевыреву: „А ты Шевыревъ,—пишетъ онъ, отъ 17 марта 1828 г.,—ни на что не похожъ. Какъ можно было позволить Погодину тиснуть такую смиренную глупость о Мерзляковѣ. За чѣмъ же *мы* тебя возвысили въ санъ соредактора? Чтобы ты сидѣлъ сложа руки? А? Бей, да и дѣло съ концомъ. Послѣ этого онъ откажется разбирать Раича, потому что *имѣетъ счастіе называться* его пріятелемъ?. За это время сохранилось слѣдующее идиллическое письмо Мерзлякова (отъ 9 іюня 1828 г.) къ своему признательному ученику: „Прибѣгаю къ вамъ, какъ и прежде, со всеусерднѣйшею просьбою въ удовольствіе дѣтей моихъ, которыхъ вы также любите: сдѣлайте мнѣ одолженіе, исходатайствуйте мнѣ *позволительный видъ* у почтеннѣйшаго господина Брокера—

на ловлю удочкою (т. е. двумя или тремя удочками по количеству дѣтей) рыбки маленькой въ Ростопчинскомъ прудѣ. Всѣ ловятъ, и безъ позволенія, и Богъ знаетъ — кто. Мои не разорятъ:—только для занятія пріятнаго и безвреднаго — хлопочу я объ этомъ и надѣюсь, что вы съ своей стороны молвите доброе слово въ мою пользу. Господинъ Брокеръ всегда меня не лишалъ благосклонности; вѣрно и теперь не оставитъ безъ вниманія желаній моихъ ребятишекъ".

Какъ ни старался Погодинъ привлечь Востокова къ дѣятельному участію въ *Московскомъ Вѣстникѣ*, но всѣ усилія его оказались напрасными. „Никогда еще", писалъ онъ Погодину, (отъ 16 ноября 1828 года), „не былъ такъ заваленъ разными работами, какъ нынѣшнею осенью. Тороплюсь кончить къ новому году двѣ русскія грамматики. На сей трудъ посвящаю обыкновенно часовъ пять или шесть въ сутки, сидя надъ нимъ утромъ до 9-ти часовъ и послѣ обѣда съ 6-ти до 10-ти. Съ 9-ти до 12-ти утромъ бываю въ Румянцовскомъ Музеумѣ, гдѣ привожу въ порядокъ и свѣряю съ каталогомъ книги, перемѣщаемыя изъ верхняго этажа въ средній. Этимъ механическимъ дѣломъ занимаюсь уже третій мѣсяцъ, и оно продолжится еще мѣсяца три, потому что я не имѣю помощниковъ, и тружусь покамѣсть одинъ, безъ жалованья,— въ надеждѣ будущихъ благъ. Когда совершенно отдѣлаюсь съ устройствомъ Музеума, и съ составленіемъ заказанныхъ мнѣ грамматикъ, тогда докончу каталогъ рукописей Румянцовскихъ, плодъ четырехлѣтнихъ трудовъ; а потомъ уже, ежели Богъ дастъ, примусь опять за Словенскую грамматику мою. Сіи-то занятія не позволяли мнѣ ничего написать и для вашего *Вѣстника*, который, впрочемъ, не нуждается въ хорошихъ статьяхъ, и съ каждою книжкою становится занимательнѣе и разнообразнѣе". Въ этомъ же письмѣ Востоковъ упоминаетъ о кончинѣ Ермолаева: „О Ермолаевѣ не могу вамъ сообщить ничего въ дополненіе къ тѣмъ извѣстіямъ, кои помѣщены о немъ въ *Сѣверной Пчелѣ*. Въ оставшихся послѣ него бумагахъ нѣтъ ничего конченнаго, хотя и

много собрано матеріаловъ для разныхъ археологическихъ статей. Когда удосужусь, тогда займусь обработаніемъ сихъ бумагъ, доставшихся въ собственность Публичной Библіотекѣ“ [306]). Пользуясь этимъ случаемъ, помянемъ сего почтеннаго труженика на поприщѣ Палеографіи.

10 іюля 1828 скончался въ Петербургѣ Александръ Ивановичъ Ермолаевъ, занимая должность хранителя Рукописей Императорской Публичной Библіотеки. Съ дѣтскихъ лѣтъ Ермолаевъ нашелъ родственное попеченіе въ семействѣ Новоржевскаго помѣщика, сенатора Матвѣя Корниловича Бороздина. Стараніями сего добродѣтельнаго мужа былъ онъ отданъ въ 1785 году на воспитаніе въ Академію Художествъ. Здѣсь уже въ Ермолаевѣ начала развиваться та чистая и возвышенная страсть къ наукамъ, которая одушевляла его до самаго гроба. Эти качества его не ускользнули отъ вниманія другого добраго человѣка,—это Алексѣя Николаевича Оленина, который принялъ молодого Ермолаева подъ свое благодѣтельное покровительство и опредѣлилъ его на государственную службу, въ Императорскую Публичную Библіотеку. Домъ Оленина какъ и сердце его всегда были отверсты Ермолаеву. Исполнивъ долгъ гражданина на службѣ, онъ съ такою же ревностью подвизался на поприщѣ наукъ. Русскія древности были главнымъ предметомъ дѣятельности его въ семъ отношеніи. Все это привело его въ дружескія сношенія съ знаменитыми нашими учеными Карамзинымъ, митрополитомъ Евгеніемъ, Лербергомъ, Кругомъ, Френомъ и меценатомъ графомъ Румянцовымъ. Въ 1809 году Ермолаевъ вмѣстѣ съ сыномъ своего благодѣтеля Константиномъ Матвѣевичемъ Бороздинымъ совершилъ ученое путешествіе по Россіи. Путешественники наши посѣтили Ладогу, Бѣлозерскъ, Владиміръ, Кіевъ и Черниговъ. Четыре тома рисунковъ въ большой листъ, сохраняемые въ Императорской Публичной Библіотекѣ, суть плоды сего любопытнаго путешествія. По отзыву лицъ, знавшихъ Ермолаева, онъ одаренъ былъ умомъ точнымъ, проницательнымъ и мѣткимъ. Ермолаевъ „съ удивительнымъ

искусствомъ открывалъ въ мрачныхъ катакомбахъ нашихъ древностей искры того свѣта, коими исторія зажигаетъ, такъ сказать, свѣтильникъ свой, озаряющій дѣла минувшія и судьбу исчезнувшихъ поколѣній. Къ сожалѣнію, занятія по службѣ и какая-то излишняя скромность препятствовала Ермолаеву сообщать публикѣ глубокомысленныя свои изысканія. Тихи и мирны были чувствованія его. Тихая и спокойная кончина увѣнчала общеполезные дни его". Прахъ его покоится на Волковомъ кладбищѣ [307]). Кончина Ермолаева видимо огорчила Погодина, и это опять таки дѣлаетъ ему честь, тѣмъ болѣе, что онъ, не ограничиваясь Востоковымъ, обращался за свѣдѣніями о немъ и къ Кеппену, который и отвѣчалъ ему изъ Симферополя отъ 1 декабря 1828 слѣдующее: „О кончинѣ А. И. Ермолаева я ничего не знаю. Какъ не пожалѣть о семъ ученомъ, который ревностно подвизался въ затворѣ. Онъ родился въ Астрахани 22 іюня 1779 года. Въ альбомѣ моемъ вписанъ его рукою *отрывокъ изъ Делилева диѳирамба на безсмертіе*, переведенный имъ. Занимаетесь ли теперь атласомъ для Наслѣдника?".

Отъ времени до времени напоминалъ о своемъ существованіи Погодину или лучше сказать *Московскому Вѣстнику* ради своихъ произведеній и графъ Д. И. Хвостовъ. Мы уже знаемъ, что впервые Погодинъ познакомился съ графомъ Хвостовымъ въ Петербургѣ зимою 1825–1826 года. Вспоминая объ этомъ знакомствѣ, Хвостовъ писалъ Погодину отъ 27 августа 1828 года: „лестное мнѣ знакомство ваше, которымъ вы меня удостоили въ бытность вашу въ С.-Петербургѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, мнѣ обратилось болѣе въ огорченіе, нежели въ удовольствіе потому, что въ послѣднее посѣщеніе ваше Петрополя я лишенъ былъ удовольствія васъ видѣть и даже послѣ свиданія не имѣлъ случая вести съ вами лестной мнѣ переписки. Остается мнѣ только одно утѣшеніе на старость усердно читать прекрасный журналъ, въ коемъ вы имѣете отличное участіе, называемый *Московскій Вѣстникъ*, и радоваться по справедливости прекрасному слогу, бла-

городнымъ мыслямъ и сужденію основательному, которое отличаетъ вашъ журналъ отъ другихъ. Я съ своей стороны очень радъ, что имѣю случай, хотя временно возобновить съ вами переписку и просить васъ принять благосклонно прилагаемый у сего I томъ моего *Полнаго Собранія*. Семидесяти двухъ лѣтній старикъ, посылая къ вамъ свое сочиненіе, не смѣетъ и думать, чтобы вы разборомъ или объявленіемъ объ ономъ обременили издаваемый вами *Московскій Вѣстникъ*. Я посылаю вамъ свои сочиненія по самой безкорыстной цѣли. Мое желаніе только одно, чтобы вы приняли сію посылку не въ лицѣ журналиста, а пріятеля, оцѣнили бы сіе приношеніе какъ знакъ усердія, которое я питаю къ почтеннѣйшимъ собратіямъ моимъ, дѣлающимъ честь нашей словесности по благородству мыслей, чувствъ и отличному изложенію предметовъ".

На труды Погодина обратилъ лестное вниманіе знаменитый нашъ полководецъ Алкексѣй Петровичъ Ермоловъ, что не могло не радовать редактора *Московскаго Вѣстника*. „Сопровождая", писалъ Ермоловъ Погодину отъ 23 апрѣля 1828 года, „письмомъ, самымъ обязательнымъ, вамъ угодно было прислать мнѣ сочиненія ваши, переводы и журналъ, вами издаваемый. Благодарю васъ, милостивый государь, за вниманіе ко мнѣ; пріятно мнѣ воспользоваться случаемъ изъявить то уваженіе, которое давно имѣю я къ полезнымъ трудамъ вашимъ, обогащающимъ словесность, расширяющимъ свѣдѣнія объ Отечественной Исторіи [308]).

XXX.

Въ это время Погодинъ сблизился съ двумя замѣчательными лицами, — это съ Юріемъ Ивановичемъ Венелинымъ и Василіемъ Назаровичемъ Каразинымъ. Еще въ 1823 году Венелинъ прибылъ въ Кишиневъ, гдѣ радушно былъ принятъ генералъ-губернаторомъ И. Н. Инзовымъ. Въ Кишиневѣ жило

очень много Болгаръ; Венелинъ знакомился съ ними, собиралъ свѣдѣнія отъ нихъ о краѣ и народѣ. Лѣтомъ 1825 г. онъ отправился въ Москву. Съ пятью рублями вошелъ онъ въ заставу, но все-таки поступилъ въ университетъ на медицинскій факультетъ [309]). О своей жизни до пріѣзда въ Кишиневъ самъ Венелинъ свидѣтельствуетъ: „Проходя до 1822 года въ одномъ изъ лучшихъ иностранныхъ университетовъ курсъ наукъ по факультету, къ которому принадлежатъ исторія и искусство, или правила критики, я дѣлалъ для упражненія себя въ сей послѣдней замѣчанія на разные предметы своего ученія. Но съ 1825 года, перешедши въ Московскій Университетъ, я посвятилъ себя наукамъ болѣе благотворнымъ, чѣмъ исторія и метафизика. Прежніе историческіе труды мои оставлены безъ употребленія“ [310]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, живя на Кисловкѣ, въ каретномъ заведеніи Сетхофера, въ коморкѣ, отдѣленной лишь перегородкой отъ французскихъ комедіантовъ, среди шума и крика, урывками, молодой медицинскій студентъ писалъ замѣчанія на Византійскую исторію. Объ этихъ замѣчаніяхъ провѣдалъ Погодинъ. Хотя Венелинъ прибылъ въ Москву въ 1825 году, но сближеніе его съ Погодинымъ произошло не ранѣе 1828 года; по крайней мѣрѣ, въ *Дневникѣ* Погодина имя Венелина является въ первый разъ, подъ 1 апрѣля 1828 г. „У меня Венелинъ обѣдалъ. Толковалъ о Болгарахъ“. Въ томъ же году на страницахъ *Московскаго Вѣстника* мы встрѣчаемъ его *Замѣчанія* на сочиненіе Яковенки о Молдавіи и Валахіи. По поводу сихъ *Замѣчаній* Погодинъ сдѣлалъ слѣдующее заявленіе: „Начавъ издавать *Московскій Вѣстникъ*, мы имѣли въ виду такъ устроить отдѣленіе критики, чтобъ всякую примѣчательную книгу, въ Россіи выходящую, разбиралъ только тотъ, кто преимущественно и исключительно занимается частью наукъ, къ которой она относится, ибо судить одному обо всемъ — и невозможно, и смѣшно. До сихъ поръ, по недостатку средствъ, мы не успѣли еще, правда, исполнить своего намѣренія во всей его обширности; однако-жъ, по нѣкоторымъ частямъ

имѣемъ уже потребныхъ сотрудниковъ. Г. Венелинъ принадлежитъ къ числу ихъ. Природный карпато-россъ, коротко знающій Венгрію, Трансильванію, Галицію, Болгарію, онъ обѣщалъ намъ доставлять свѣдѣнія обо всемъ, относящемся до сихъ странъ" [311]). По свидѣтельству самого же Венелина, замѣчанія его о Болгаріи очень понравились Погодину и, по настоятельному его желанію, онъ рѣшился составить нѣчто цѣлое изъ своихъ трудовъ. „Дѣло, можетъ быть, тѣмъ бы и кончилось", пишетъ Венелинъ, еслибы Погодинъ не побудилъ меня къ окончанію начатаго, принявъ даже и трудъ изданія на себя, и издержки его на свой счетъ". Такимъ образомъ, русская литература обязана Погодину появленіемъ въ свѣтъ въ 1829 году 1-го тома сочиненія Венелина *Древніе и нынѣшніе Болгаре въ политическомъ, народномъ, историческомъ и религіозномъ ихъ отношеніи къ Россіянамъ*". Дѣйствительно, Венелинъ произвелъ на Погодина сильное впечатлѣніе, о чемъ лучше всего свидѣтельствуютъ записи въ его *Дневникѣ:* „Читалъ Венелина о Болгарахъ. Славный будетъ человѣкъ!" По окончаніи этого чтенія Погодинъ записалъ: „Онъ производитъ революцію въ Исторіи Среднихъ Вѣковъ. Войско его прекрасное, но очень дурно расположено". Вмѣстѣ съ тѣмъ въ Венелинѣ его поражала противоположность гигантскихъ замысловъ въ области науки и политики съ скромными житейскими требованіями: „Съ Венелинымъ говорилъ", пишетъ Погодинъ въ Дневникѣ, „о Славянахъ и кондиціяхъ ему. Каковъ! человѣкъ, который перевертываетъ вверхъ дномъ нѣсколько народовъ, восхищается пятирублевыми уроками! Ужъ надо бы поддержать его!" [312]). О политическомъ значеніи трудовъ Венелина вотъ что̀ пишетъ Т. И. Филипповъ: „Народное самопознаніе Болгаръ готово было совсѣмъ угаснуть. Болгаре уже переставали считать себя отдѣльнымъ отъ другихъ и самобытнымъ народомъ. Но вотъ, изъ родственной и единовѣрной имъ Россіи, изъ сочувственныхъ устъ ея ученаго труженика, до нихъ доносится радостная воскресная вѣсть, что и они составляютъ въ народахъ міра отдѣль-

ную единицу, что и они имѣли нѣкогда свое собственное царство и своихъ царей и даже дни,—хотя и весьма краткіе,—могущества и славы“ [313]).

Помянувъ Венелина, помянемъ и Каразина. Василій Назаровичъ родился 30 января 1773 года, въ селѣ Кручикѣ, Богодуховскаго уѣзда, Харьковской губерніи. Въ Воспоминаніяхъ профессора Роммеля мы находимъ любопытныя свѣдѣнія о Каразинѣ: „Онъ жилъ по сосѣдству съ городомъ Харьковымъ и былъ истинный основатель Харьковскаго университета. Занимая должность статсъ-секретаря при императорѣ Александрѣ I, навлекъ чѣмъ-то недовѣріе императора и, поселившись среди малороссійскаго, довольно независимаго, дворянства, онъ съумѣлъ пріобрѣсти всеобщее уваженіе. Онъ былъ знакомъ со многими языками и литературами Европы, слѣдилъ за всѣми новѣйшими открытіями въ физикѣ и химіи и посвящалъ свое время ученымъ занятіямъ и опытамъ. Исполненный филантропическихъ идей, Каразинъ думалъ даже поставить своихъ крестьянъ на степень гражданъ и ввелъ между ними что́-то въ родѣ присяжныхъ“ [314]). Въ *Дневникѣ* К. Ѳ. Калайдовича, подъ 22 февраля 1814 года, отмѣчено: „Обѣдалъ я у В. Н. Каразина. Въ пріятной бесѣдѣ съ нимъ и любезною супругою его Александрою Васильевною я всегда провожу очень хорошо время. Мы съ нимъ согласны въ словесности, а въ его предметы я рѣдко вступаюсь... Господинъ Каразинъ имѣетъ прекрасныя понятія о человѣчествѣ. Онъ всегда твердитъ: когда-то истребится это зло, чтобы помѣщики не мечтали, что имъ крестьяне даны для того, чтобы сбирать съ нихъ оброки, забывая священныя отношенія къ человѣчеству, что они суть только надзирателями надъ частію ввѣреннаго имъ Богомъ и государемъ народа и что доходъ ихъ суть не что иное, какъ плата за ихъ труды и попечительность“ [315]). В. Н. Каразинъ, по словамъ Погодина, есть лицо, „недостаточно еще оцѣненное въ Русской Исторіи“. С. Т. Аксаковъ называлъ его Посошковымъ новаго времени [316]). Каразинъ былъ женатъ на Бланкеннагель, внучкѣ

знаменитаго Ивана Ивановича Голикова [317]); вслѣдствіе сего онъ сдѣлался обладателемъ бумагъ Голикова, въ которыхъ нашлась статистика Петровскаго времени. Погодинъ познакомился съ Каразинымъ лѣтомъ 1828 года, когда онъ, проѣздомъ въ Петербургъ, былъ въ Москвѣ, и съ перваго же знакомства они сблизились, такъ что Каразинъ изъ Царскаго села (отъ 20 іюня 1828 года) писалъ Погодину: „Обязательная ваша привѣтливость ко мнѣ въ проѣздъ мой чрезъ Москву никогда не выйдетъ изъ моей памяти". Результатомъ этого сближенія было то, что Каразинъ имѣющуюся у него Статистику Петровскаго времени передалъ Погодину для изданія. Обрадованный этимъ Погодинъ сдѣлалъ слѣдующее объявленіе въ *Московскомъ Вѣстникѣ:* „Столѣтіе уже и три года миновали по кончинѣ преобразователя Россіи, Петра Великаго. Для кого изъ Россіянъ не любопытно будетъ сравнить тогдашнее состояніе отечества нашего, состояніе, въ каковомъ оставилъ его сей его отецъ, титло, данное ему современниками, съ нынѣшнимъ? Это были бы двѣ обширныя, великолѣпныя картины, противуположныя одна другой, которыхъ сличеніе не только займетъ надолго историка, статистика и философа, утѣшающихся постепенными успѣхами рода человѣческаго, но удовлетворитъ и желанію всякаго просвѣщеннаго человѣка нашихъ временъ. Къ счастію, картина Россіи, написанная за сто лѣтъ предъ симъ, именно въ 1727 году, съ величайшею точностію, достойною и нынѣ подражанія, а въ первоначальномъ опытѣ того вѣка едва имовѣрною, картина сія сохранилась въ архивѣ дѣдовъ нашихъ и представляется теперь очамъ публики: *Цвѣтущее состояніе Всероссійскаго государства, въ каковомъ началъ, привелъ и оставилъ неизреченными трудами Петръ Великій, отецъ отечества, императоръ и самодержецъ Всероссійскій и прочая, и прочая, и прочая.* Въ двухъ книгахъ, въ которыхъ описаны губерніи и провинціи, въ нихъ города и гарнизоны, артиллерія, канцеляріи, конторы, управители съ подчиненными, епархіи, монастыри, церкви, число душъ, расположенные полки и доходы, какъ

оные нынѣ состоять. Въ первой: губерніи С.-Петербургская, Московская, Смоленская, Кіевская, Воронежская, Рижская, Ревельская. Во второй: Нижегородская, Астраханская, Казанская, Архангелогородская, Сибирская. Собрано трудами бывшаго сената оберъ-секретаря Ивана Кирилова изъ подлиннѣйшихъ сенатскихъ архивовъ въ февралѣ 1727 года.

„Изданіе сей книги сопряжено съ большими издержками. Издатели, не приступая еще къ печатанію, рѣшились открыть на нее предварительно подписку. Они увѣрены, что всѣ государственные люди, для коихъ необходимо точное и подробное свѣдѣніе о Россіи, всѣ любители наукъ и патріоты примутъ участіе въ семъ изданіи. Почему они обращаются къ господамъ членамъ государственнаго совѣта, министрамъ, губернаторамъ, попечителямъ университетовъ, начальникамъ учебныхъ и присутственныхъ мѣстъ, журналистамъ и всѣмъ друзьямъ просвѣщенія, дабы они оказали необходимое пособіе къ совершенію сего труда во славу безсмертнаго преобразователя Россіи, императора Петра Великаго, возлюбленнаго отечества и въ поученіе современникамъ. Имена подписавшихся будутъ напечатаны въ концѣ второй части и объявляемы въ газетахъ и журналахъ. Пусть публика узнаетъ, кому она будетъ одолжена за изданіе сего древняго статистическаго сочиненія въ Европѣ!" Подъ этимъ объявленіемъ подписались: „Василій Каразинъ, статскій совѣтникъ, правитель дѣлъ Харьковскаго Филотехническаго общества, разныхъ Россійскихъ университетовъ и ученыхъ обществъ дѣйствительный и почетный членъ. Михаилъ Погодинъ, Императорскаго Московскаго Университета адъюнктъ-профессоръ исторіи, Императорской С.-Петербургской Академіи корреспондентъ, разныхъ Россійскихъ ученыхъ обществъ дѣйствительный членъ. Александръ Ширяевъ, Императорскаго Московскаго Университета коммисіонеръ". Тогдашній министръ народнаго просвѣщенія князь Ливенъ обѣщалъ Каразину, что эту Статистику будетъ рекомендовать университетамъ чрезъ попечителей [318]).

Славянскій вопросъ съ давняго времени сильно занималъ

умъ и сердце Каразина. Замѣтимъ при этомъ, что дѣдъ его былъ сербъ. Еще въ 1804 году онъ писалъ князю Адаму Чарторижскому, тогдашнему министру иностранныхъ дѣлъ: „Можетъ ли верховный повелитель свободныхъ Славянъ, единственный защитникъ Православной Церкви, смотрѣть равнодушно на всѣ скорби народовъ, близкихъ имъ и по крови, и по религіи? Великодушное его сердце захочетъ ли, отказавшись отъ всякой имъ помощи, погасить въ милліонахъ сердецъ надежду на него, какъ на Бога Избавителя, какъ на ожидаемаго ими столько вѣковъ мессію, которому они уже заранѣе поклоняются“. Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ Каразинъ представилъ князю Чарторижскому и свой проектъ о возвращеніи политическаго существованія Славянскимъ народамъ, находящимся подъ игомъ иноплеменниковъ. Погодинъ, печатая этотъ проектъ въ 1868 году, восклицалъ: „Читатели! Это писано въ 1804 году! Славяне! Помянемъ добромъ и благодарностію горячаго автора, котораго близорукіе и односторонніе современники называли мечтателемъ“ [319]). Во время пребыванія Каразина зимою 1818 года въ Москвѣ, Погодинъ бесѣдовалъ съ нимъ о Славянскомъ вопросѣ, и обрывокъ изъ этихъ бесѣдъ сохранился въ *Дневникѣ* его: „Къ Каразину обѣдать. Планъ его основать Сербское государство, подъ покровительствомъ Россіи, куда стеклись бы всѣ Австрійскіе Славяне“ [320]).

Такимъ образомъ, приверженность Погодина къ Славянамъ, впервые возбужденная Шлецеромъ [321]), возрастала благодаря знакомству и сближенію его съ Венелинымъ и Каразинымъ, окончательно же укрѣпилась изученіемъ ученыхъ трудовъ Добровскаго.

XXXI.

Много лѣтъ спустя послѣ описываемаго нами времени, а именно въ 1867 году Погодинъ въ своей лекціи о Славянахъ заявилъ, что мысль о сознаніи единства между Славянами

„зародилась, какъ бы вы думали, милостивые государи, гдѣ? Во глубинѣ грамматики церковнаго языка, употребляемаго въ нашемъ богослуженіи, языка святыхъ Кирилла и Меѳодія. Славный Добровскій, жизнію нѣмецъ, сдѣлался, самъ не сознавая того, отцомъ политическаго движенія, которое обняло теперь всѣ Славянскія племена, одно за другимъ“ [322]). Въ 1828 году, благодаря ходатайству князя П. А. Вяземскаго, дѣло о напечатаніи на казенный счетъ перевода Погодина и Шевырева этой завѣтной грамматики приняло вполнѣ благопріятный оборотъ. Еще въ концѣ 1827 года Погодинъ получилъ отъ князя П. А. Ширинскаго-Шихматова письмо, въ которомъ прочелъ: „Высочайше утвержденный комитетъ устройства учебныхъ заведеній, извѣстясь о переводимой вами Славянской грамматикѣ Добровскаго, въ засѣданіи своемъ отъ 16-го сего октября поручилъ мнѣ предварительно отобрать отъ васъ, милостивый государь мой, свѣдѣніе—приведенъ ли уже начатый вами переводъ къ окончанію, и не благоразсудите ли вы представить труды ваши на разсмотрѣніе означеннаго комитета“. Письмо это наполнило сердце Погодина радостью. „Читатели могутъ судить“, восклицаетъ онъ, „какую радость ощутили мы, получивъ это благовѣстіе. Мы видѣли уже грамматику нашу напечатанною“ [323]). Къ довершенію благополучія, Д. Н. Блудовъ, опять-таки благодаря князю П. А. Вяземскому, принялъ живѣйшее участіе въ устроеніи личной судьбы Погодина, о чемъ свидѣтельствуетъ слѣдующее письмо В. П. Титова (отъ 16 января 1828 г.): „Блудовъ недавно сообщилъ, что придумалъ для Погодина тысячъ пять жалованія по должностямъ: состоящаго при особѣ Круга; помощника Кругова при кабинетѣ Румянцова, который отданъ не въ Кадетскій корпусъ, а въ министерство просвѣщенія, и надзирающаго за редакціей политической части Академическихъ Вѣдомостей. Ладно ли?“ [324]). Въ то самое время, когда давнишній трудъ Погодина получалъ возможность выдти въ свѣтъ Божій, Н. А. Полевой выступилъ въ *Московскомъ Телеграфѣ* противъ самого Добровскаго: „Грамматики Зизанія, Смотриц-

каго, *Добровскаго*", писалъ онъ, „мы почитаемъ только неудачными и сбивчивыми покушеніями, которыя поясняютъ намъ законы Славянскаго языка слабо, невѣрно и при составленіи грамматикъ Славянскихъ нарѣчій служить руководствомъ не могутъ. Какъ прежніе сочинители грамматикъ, такъ и аббатъ Добровскій, составляя грамматику Славянскую изъ памятниковъ книжнаго Славянскаго языка, совсѣмъ не составили еще, да и не могли составить грамматики, которой правила были бы выведены изъ сего (Славянскаго) кореннаго, слѣдовательно, имѣвшаго свои особенные твердые законы языка" [325]). Понятно, что къ этимъ строкамъ не могъ остаться равнодушенъ Погодинъ, который по этому поводу написалъ *Замѣчаніе о Славянскомъ языкѣ*, предварительно замѣтивъ, что Добровскій пятьдесятъ лѣтъ исключительно, неусыпно трудился надъ Славянскою грамматикою. Добровскаго самъ Шлецеръ двадцать пять лѣтъ тому назадъ назвалъ первымъ знатокомъ по своей части, котораго всякое слово европейскіе ученые принимаютъ закономъ. Затѣмъ Погодинъ въ своемъ *Замѣчаніи* спрашиваетъ: „Какое заглавіе далъ своей книгѣ Добровскій? *Institutiones linguae Slavicae dialecti veteris, quae quum apud Russos, Serbos aliosque ritus Graeci, tum apud Dalmatas Glagolitas ritus Latini Slavos in libris sacris obtinet* По русски: *Правила языка Словенскаго по древнему его нарѣчію, на которомъ имѣются церковныя книги у Россіянъ, Сербовъ*, и проч. И такъ, предположилъ ли себѣ Добровскій разсуждать о какомъ-то древнемъ коренномъ Словенскомъ языкѣ? Нѣтъ. О какомъ же языкѣ Словенскомъ разсуждаетъ онъ? О церковномъ. Можно ли, говоря о его церковной грамматикѣ, обвинить его за то, что не представилъ намъ правилъ того Словенскаго языка? Очевидно—нѣтъ". Послѣ этихъ вопросовъ и отвѣтовъ Погодинъ приступаетъ къ разбору мнѣнія Полевого: „Авторъ статьи въ *Телеграфѣ* могъ говорить о церковномъ языкѣ въ отношеніи къ своему воображаемому коренному Словенскому языку; могъ доказывать, что по первому нельзя вовсе судить о второмъ, и проч.,—это его мысли, которыя всякій имѣетъ

полное право предлагать, точно какъ всякій, въ свою очередь, имѣетъ право принимать и отвергать по своимъ причинамъ; но съ какой стати порицать здѣсь Смотрицкаго, Зизанія, Добровскаго, разсуждавшихъ о другомъ предметѣ? Нашли ли они правила церковнаго языка Словенскаго, вотъ что надо рѣшить при произношеніи имъ приговора Вотъ мой первый тезисъ. Впрочемъ, о какомъ коренномъ языкѣ говоритъ авторъ статьи? Словене были нѣкогда однимъ цѣлымъ народомъ, нераздѣленнымъ на племена, говорили однимъ языкомъ, нераздѣленнымъ на нарѣчія. Но того времени исторія не запомнитъ, но отъ того времени не осталось никакихъ памятниковъ. Въ V-мъ столѣтіи являются Словене на великомъ пространствѣ, уже раздѣленные на племена, уже говорящіе разными нарѣчіями, но безъ письменнаго искусства. Въ IX-мъ столѣтіи являются священныя книги у нѣкоторыхъ племенъ ихъ; но сего памятника авторъ статьи не принимаетъ въ разсчетъ. Съ XIV-го уже только столѣтія, послѣ того, какъ всѣ нарѣчія Словенскія подверглись чуждому вліянію,—нашъ, Сербской, Болгарской — Греческому, Богемской—Нѣмецкому, Польской — Латинскому, послѣ того, какъ уже они образовались порознь, приняли разныя грамматическія формы,— размножаются, говоря вообще о всѣхъ, у нихъ письменные памятники. Какимъ же образомъ мы возсоздадимъ теперь этотъ умолкнувшій въ устахъ человѣческихъ языкъ, которымъ Словене говорили за тысячу лѣтъ почти до того времени, съ коего начинаются у нихъ памятники! Физически невозможно. Это мой второй тезисъ.

„Мы слышали“, говоритъ Полевой, „что извѣстный фило логъ нашъ, А. Х. Востоковъ, занимается трудомъ такого рода. Съ окончаніемъ его обширнаго труда, можемъ надѣяться, что у насъ будетъ грамматика языка Словенскаго“. На это Погодинъ возражаетъ: „Совсѣмъ напротивъ — А. Х. Востоковъ еще въ 1820 году вотъ что́ объявилъ: „Полагая въ основаніе древнѣйшій извѣстный мнѣ памятникъ языка и письма Словенскаго — *Остромирово Евангеліе*, я постараюсь

изложить грамматику древняго Словенскаго языка“ [326]). Слѣдовательно, онъ полагаетъ въ основаніе именно то, что̀ отвергается авторомъ статьи.

Но неужели церковный нашъ языкъ, въ самомъ дѣлѣ, не имѣетъ никакого отношенія къ тому древнему Словенскому языку, какъ то утверждаетъ авторъ статьи?

Имѣетъ, и очень близкое. Послушаемъ ученаго нашего Филолога: „По рукописямъ XIV-го даже столѣтія видно, что сей языкъ, на который переложены библейскія книги, былъ не только у Сербовъ, какъ полагаетъ Добровскій, но и у Русскихъ Словенъ, едвали не въ общенародномъ употребленіи! Замѣчавшіе большую разность между древнимъ Русскимъ языкомъ, коего остатки находятъ въ *Русской Правдѣ*, въ *Словѣ о полку Игоревѣ* и пр., и между Церковнословенскимъ, разумѣли, конечно, подъ симъ послѣднимъ языкъ печатныхъ церковныхъ книгъ. Они бы не сказали того о древнемъ Церковнословенскомъ. Разность діалектовъ, существовавшая, безъ сомнѣнія, въ самой глубокой уже древности у разныхъ поколѣній Словенскихъ, не касалась въ то время еще до склоненій, спряженій и другихъ грамматическихъ формъ, а состояла большею частью только въ различіи выговора и въ употребленіи нѣкоторыхъ особенныхъ словъ... Но чѣмъ глубже въ древность идутъ письменные памятники разныхъ Словенскихъ діалектовъ, тѣмъ сходнѣе они между собою. Крайнскій языкъ X-го столѣтія, сохранившійся въ нѣкоторыхъ отрывкахъ, найденныхъ въ Баваріи, вообще весьма близокъ къ Церковнословенскому языку. Собраніе богемскихъ древнихъ стихотвореній XII и XIII столѣтій, изданное въ 1819 году въ Прагѣ, подъ заглавіемъ *Rucopis Kralodvorsky*, имѣетъ многія разительныя сходства въ оборотахъ и въ строеніи языка даже съ Русскимъ того же времени, при всемъ томъ, что Чехи и Русскіе Словене принадлежатъ къ двумъ разнымъ поколѣніямъ, къ западному и восточному, издревле раздѣленнымъ нѣкоторыми отмѣнами діалекта. Посему почти заключать можно, что во время Кирилла и Меѳодія всѣ племена

Словенскія, какъ западныя, такъ и восточныя, могли разумѣть другъ друга также легко, какъ теперь, напримѣръ, архангелогородецъ или донской житель разумѣетъ москвича или сибиряка. Грамматическая разность діалектовъ Русскаго, Сербскаго, Хорватскаго, между Словенами восточнаго племени стала ощутительною уже спустя, можетъ быть, триста или четыреста лѣтъ послѣ преложенія церковныхъ книгъ, и потомъ, увеличиваясь съ теченіемъ вѣковъ и съ политическимъ раздѣленіемъ народовъ, дошла наконецъ до такой степени, въ какой мы видимъ ее нынѣ, когда каждый изъ сихъ діалектовъ сдѣлался особеннымъ языкомъ. То же происходило съ діалектами западнаго племени, съ Богемскимъ, Польскимъ, Лузатскимъ и проч., кои однакожъ, оставшись всегда въ ближайшемъ сосѣдствѣ одни съ другими, кажется, не столь много потеряли сходства между собою. „Quae cum ita sint—въ Церковномъ языкѣ сохранилось единственное чистѣйшее воспоминаніе о древнемъ Словенскомъ языкѣ. Вотъ третій тезисъ!“.

Наконецъ Полевой замѣчаетъ: „Церковныя книги переведены Греками, а они и послѣдователи ихъ не проникали въ сущность Славянскаго языка, старались передать всѣ формы, обороты и духъ Греческаго, для чего Славянскій языкъ терпѣлъ подъ ихъ перомъ всѣ, какія имъ надобны были, измѣненія“. Но Погодинъ и на это возражаетъ: „Кириллъ и Меѳодій, пишетъ онъ, живя между Словенами, знали не одни только слова, но языкъ въ формахъ, въ употребленіи, слѣдовательно, имъ не нужно было изобрѣтать совершенно новаго, неслыханнаго языка. Они изобрѣтали только такія формы, какихъ недоставало въ языкѣ Словенскомъ, для выраженія мыслей подлинника, и въ такихъ только случаяхъ прибѣгали къ Греческому синтаксису, давали новое значеніе старымъ формамъ и проч. Нѣмцу, живущему между Русскими и знающему Русскій языкъ, зачѣмъ прибѣгать безъ нужды къ оборотамъ Нѣмецкимъ, при переводѣ книгъ на Русскій языкъ? — Кто знакомъ покороче съ жизнію сихъ двухъ безсмертныхъ братьевъ, тотъ согласится, что, не зная основательно Словенскаго языка, они не приня-

лись бы за переводы, не стали бы коверкать никакихъ книгъ.

Вмѣсто утвержденій безъ доказательствъ пусть сравнятъ намъ главу изъ Остромирова Евангелія съ греческими подлинниками IX-го столѣтія, и тогда мы ясно увидимъ, что въ Кирилловскомъ переводѣ есть словенскаго и что греческаго. Удивительно, что до сихъ поръ никто этого не сдѣлалъ.

Наконецъ — допуская, что языкъ Кирилла и Меѳодія есть языкъ исковерканный, (вотъ уже какое допущеніе!) самый отважный рецензентъ не осмѣлится сказать, что слова, вокабулы, въ немъ выдуманы сими Греками. И этого, однако, уже довольно для того, чтобы видѣть самое близкое отношеніе Церковнаго языка и грамматики Добровскаго къ древнему Словенскому языку: корни, строеніе словъ, превращеніе буквъ, служебныя буквы, почти вся этимологія — самоважнѣйшая, основная часть грамматики, — одинаковы въ томъ и другомъ языкахъ.

Но скажемъ здѣсь мимоходомъ, можетъ-ли быть общая грамматика Словенскаго языка? Разумѣется, можетъ; только языка того времени, когда на всѣхъ его нарѣчіяхъ являются уже памятники, а не того древняго, незапамятнаго. Въ этой грамматикѣ скажутъ, напримѣръ, что такое-то свойство принадлежитъ вообще всѣмъ нарѣчіямъ Словенскимъ, а такое-то — нѣкоторымъ, прочія-же вмѣсто онаго имѣютъ другое свойство; такая-то форма принадлежитъ только тремъ нарѣчіямъ, а прочія замѣняютъ ее другою и проч.—Эта возможная грамматика Словенская составится изъ сличенія всѣхъ частныхъ грамматикъ между собою,—и о ней писано уже много".— На мысль Полевого, что Санскритскій языкъ есть „родоначальникъ Славянскаго", Погодинъ замѣчаетъ: „Санскритскаго языка въ Русскомъ Царствѣ, кажется, никто еще не знаетъ: какъ же можно намъ съ голоса говорить о сходствѣ сихъ языковъ? Предоставимъ это знатокамъ заграничнымъ". Полевой еще требуетъ „расположенія грамматики по философическимъ выводамъ грамматики всеобщей". „Смѣю спросить

его“, пишетъ Погодинъ, „какая грамматика европейскаго языка расположена по симъ философическимъ выводамъ? Еще— устроена-ли такъ теорія всеобщей грамматики, чтобы ее можно было во всемъ ея пространствѣ прикладывать къ языкамъ? Скажу болѣе: у Добровскаго въ аналитическомъ его трудѣ такіе есть матеріалы даже и для теоретической грамматики, не только для общей словенской грамматики, какіе, увѣренъ, не придутъ въ голову ни одному философу-воздухоплавателю, не только русскому, но даже и нѣмецкому“.

Въ заключеніи своего *Замѣчанія* Погодинъ предъявляетъ весьма справедливыя требованія: „Для чести литературы русской пишетъ онъ, „я искренно желалъ бы, чтобы о такихъ первостепенныхъ людяхъ, какъ Добровскій въ познаніяхъ о Словенскомъ языкѣ, какъ Шлецеръ въ исторической критикѣ, говорили у насъ съ благоговѣніемъ, — судили строго, но основательно, осторожно. Пусть щиплютъ наши писатели и бумагомаратели другъ друга, если безъ того уже они, какъ и европейская ихъ братія, обойтись не могутъ: это дѣло домашнее; — но простительное въ отношеніи къ ровнѣ становится уже преступленіемъ при другихъ условіяхъ“ [327]).

Но для сохраненія безпристрастія, мы хотя заднимъ числомъ прибавимъ и свое желаніе, что для чести литературы русской сугубо желательно, чтобы и о такихъ „первостепенныхъ людяхъ“ какъ Карамзинъ, „говорили у насъ съ благоговѣніемъ,—судили строго, но основательно, осторожно“. Предъявляя это справедливое требованіе къ Полевому касательно Шлецера и Добровскаго, самъ Погодинъ, какъ мы скоро увидимъ, не соблюлъ его касательно *драгоцѣнной для Россіянъ памяти Николая Михайловича Карамзина.*

XXXII.

Въ 1826 году Сергѣй Тимоѳеевичъ Аксаковъ съ своими чадами и домочадцами переселился изъ Оренбургскихъ степей

въ царствующій градъ Москву. Въ осеннюю звѣздную ночь (8 сентября 1826 г.) остановилась карета Аксаковыхъ передъ Москвою у Рогожской заставы. Въ то время Москва, повѣствуетъ С. Т. Аксаковъ, „еще полная гостей, съѣхавшихся на коронацію изъ цѣлой Россіи, Петербурга и Европы страшно гудѣла въ тишинѣ темной ночи, охватившей ея сороковерстный Камерколлежскій валъ. Десятки тысячъ экипажей, скачущихъ по мостовымъ, крикъ и говоръ еще неспящаго, четырехсотъ-тысячнаго населенія, производили такой полный хоръ звуковъ, который нельзя передать никакими словами. Никакой рѣзкой стукъ или крикъ не вырывался отдѣльно, все утопало въ общемъ шумѣ, гулѣ, грохотѣ, и все составляло непрерывно и стройно текущую рѣку звуковъ, которая съ такою силою охватила насъ, овладѣла нами, что мы долго немогли выговорить ни одного слова. Надъ всей Москвой стояла бѣловатая мгла, сквозь которую свѣтились милліоны огоньковъ. Блѣдное зарево отражалось въ темномъ куполѣ неба, и тускло сверкали на немъ звѣзды. И въ эту столичную тревогу, вѣчный шумъ, громъ, движеніе и блескъ—переносилъ я навсегда изъ спокойной тишины деревенскаго уединенія скромную судьбу мою и моего семейства. Въ эту минуту съ особенною живостью представилась мнѣ недостаточность вещественныхъ средствъ моихъ, непрочность надеждъ, и всѣ послѣдствія такого неосновательнаго поступка... Но подорожную прописали, часовому скомандовали *подвысь*—и карета въѣхала въ Москву“ [328]). Съ этого времени и до самой своей кончины С. Т. Аксаковъ съ своимъ многочисленнымъ семействомъ зажилъ въ Москвѣ хлѣбосольнымъ и гостепріимнымъ домомъ. Недавно изданная переписка И. С. Аксакова даетъ намъ возможность коротко познакомиться, какъ съ самимъ главою этого почтеннаго семейства, такъ и съ достойною спутницею его жизни. Сергѣй Тимоѳеевичъ Аксаковъ, по свидѣтельству его сына Ивана, „любилъ жизнь, любилъ наслажденіе, онъ былъ художникъ въ душѣ и ко всякому наслажденію относился художественно. Страстный актеръ, страстный

охотникъ, страстный игрокъ въ карты, онъ былъ артистомъ во всѣхъ своихъ увлеченіяхъ, —и въ полѣ съ собакой и ружемъ, и за карточнымъ столомъ. Онъ былъ подверженъ всѣмъ слабостямъ страстнаго человѣка, забывалъ бывало весь міръ въ припадкѣ своего увлеченія; уже женатый проводилъ онъ цѣлые дни за охотой, цѣлыя ночи за картами; но, зная за собой эти слабости, онъ былъ смиреннаго о себѣ мнѣнія, былъ чуждъ гордости къ ближнему, напротивъ отличался постоянною снисходительностью. Радушный и добрый отъ природы, онъ обладалъ умомъ чрезвычайно яснымъ и трезвымъ. Сергѣй Тимоѳеевичъ былъ чуждъ гражданскихъ интересовъ, относился къ нимъ индифферентно: природа и литература были главные его интересы. Даже 1812 годъ не оставилъ въ немъ особенныхъ воспоминаній. Будучи вполнѣ русскимъ, онъ никогда не былъ *патріотомъ.* Политикой онъ не занимался вовсе и никогда не предъявлялъ никакихъ притязаній на героизмъ; онъ даже любилъ разсказывать о себѣ, какъ о трусѣ. Итакъ, совершенное отсутствіе претензій, простота, радушіе вмѣстѣ съ пылкимъ и нѣжнымъ сердцемъ, трезвость и ясность ума при возможности страстныхъ порывовъ, честность, безкорыстіе, безпечность относительно матеріальныхъ выгодъ, тонкое художественное чувство, вѣрность суда, —вотъ отличительныя свойства Сергѣя Тимоѳеевича, которыя привлекали къ нему почти всѣхъ, кто его зналъ. Не будучи не только ученымъ, но и не обладая достаточною образованностью, чуждый науки, – онъ тѣмъ не менѣе былъ какимъ-то нравственнымъ авторитетомъ для своихъ пріятелей, изъ которыхъ многіе были знаменитые ученые. Онъ вполнѣ понималъ жизнь и всѣ движенія человѣческой души, всѣ человѣческія слабости“. Напритивъ того, Ольга Семеновна Аксакова, по свидѣтельству того же сына, была исполнена самыхъ героическихъ и патріотическихъ стремленій, которыя она и внушала своимъ сыновьямъ съ дѣтства. Она предочитала сыновей дочерямъ. Ея отецъ Семенъ Григорьевичъ Заплатинъ, небогатый помѣщикъ Курской губерніи, былъ человѣкъ замѣчательныхъ достоинствъ. Онъ служилъ въ

военной службѣ, участвовалъ во всѣхъ походахъ Суворова, былъ при осадѣ Очакова, имѣлъ георгіевскій крестъ. Вся жизнь его протекала въ походахъ и въ провинціи. Его жена и мать Ольги Семеновны была турчанка, Игель Сюма, взятая двѣнадцати лѣтъ при осадѣ Очакова. Она была изъ рода эмировъ, какъ извѣстно, производящихъ себя отъ Магомета и пользующихся правомъ носить зеленую чалму. Войны съ Турціей при Екатеринѣ были за обычай въ Россіи; плѣнные Турки и Турчанки размѣщались по обывателямъ. Игель Сюма попала въ семейство генерала Воинова. Ее скоро окрестили и выучили читать и писать порусски. При Екатеринѣ было даже издано учебное руководство для плѣнныхъ турокъ: съ одной стороны текстъ турецкій, съ другой русскій. Необыкновенная красавица, она привлекла къ себѣ сердце молодого Заплатина, который и женился на ней. Она жила недолго, умерла тридцати съ небольшимъ. Оттѣнокъ грусти лежалъ на всемъ ея существованіи. Войны съ Турціей возобновлялись, и видъ плѣнныхъ турокъ, которыхъ прогоняли чрезъ Обоянь, всегда волновалъ ее сильно. Она пріѣзжала не разъ въ Москву съ мужемъ и дѣтьми, ѣздила въ Собраніе, но все же никогда не могла освоиться съ европейскою жизнью. Въ семействѣ долго сохранялась ея турецкая шаль, ея чалма и также русская азбука съ турецкимъ текстомъ, изданная при Екатеринѣ. Она сопровождала своего мужа С. Г. Заплатина въ его походахъ—и тамъ на походѣ въ Польшу, въ 1792 году, родилась у нея дочь Ольга, впослѣдствіи жена Сергѣя Тимоѳеевича Аксакова. Овдовѣвъ и поселившись въ деревнѣ Обоянскаго уѣзда, С. Г. Заплатинъ взялъ свою дочь Ольгу изъ пансіона,—и она стала его товарищемъ, секретаремъ и другомъ. Въ обществѣ стараго воина-отца она почерпнула тотъ духъ доблести, которымъ такъ рѣзко отличалась отъ другихъ женщинъ. Она постоянно читала отцу своему историческія сочиненія въ Русскомъ переводѣ,—напримѣръ Исторію Роллена въ переводѣ Тредьяковскаго, описаніе военныхъ походовъ, реляціи сраженій, газеты. Старикъ

внимательно слѣдилъ за политикой“. По этому поводу И. С. Аксаковъ прекрасно замѣчаетъ: „Благодареніе и Тредьяковскому, и Сумарокову, и всѣмъ дѣятелямъ на пользу русскаго просвѣщенія! Любопытно видѣть всходы сѣмянъ, разбросанныхъ ими. Въ деревенской глуши, въ отдаленной провинціи, въ сторонѣ отъ большой дороги, безъ всѣхъ тѣхъ средствъ, которыя даетъ богатство и общественное положеніе, зрѣетъ оно, это сѣмя, и раститъ плодъ“.

Домъ С. Т. Аксакова былъ открытъ для всѣхъ друзей и знакомыхъ. Театръ, участіе въ изданіи *Московскаго Вѣстника*, служба, карты и клубъ охватили въ Москвѣ Сергѣя Тимоѳеевича. Вся семья принимала участіе въ его интересахъ. Дѣти знали, напримѣръ, что такъ-то была принята публикою такая-то пьеса, такой-то остроумный куплетъ сочиненъ былъ Писаревымъ, и т. д. Семейство Аксаковыхъ, по свидѣтельству лицъ ихъ знавшихъ, отличалось крѣпостью быта и единствомъ духа. „Только изъ такихъ семей русскихъ“, писалъ Шевыревъ, „могутъ выходить люди съ честными, добросовѣстными убѣжденіями и съ чувствомъ правды въ сердцѣ, безъ котораго ни наука права, ни страхъ не создадутъ правосудія“ [329]).

Мы уже знаемъ, что Погодинъ познакомился съ Аксаковымъ въ 1827 году въ цензурномъ комитетѣ, куда онъ явился съ рукописью Арцыбашева. Вотъ что С. Т. Аксаковъ пишетъ по этому поводу: „съ издателемъ *Московскаго Вѣстника* М. П. Погодинымъ и сотрудникомъ его С. П. Шевыревымъ я познакомился и сблизился очень скоро. Я даже предложилъ Погодину писать для него статьи о театрѣ, съ разборомъ игры московскихъ актеровъ и актрисъ. Съ того времени домъ Аксаковыхъ сдѣлался роднымъ для Погодина, составляя особый приходъ, прихожанами котораго были: Корниліонъ-Пинскій, Писаревъ, князь Шаховской, Павловъ, Перевощиковъ, Кокошкинъ, Загоскинъ, М. А. Дмитріевъ, Верстовскій и др. Страстно любя театръ, С. Т. Аксаковъ особенно сближался съ людьми, служащими при театрѣ, пишущими для театра и театралами по охотѣ. Но кромѣ ли-

тературныхъ и театральныхъ интересовъ въ этомъ приходѣ не послѣднюю роль играли карты, о чемъ свидѣтельствуетъ и самъ С. Т. Аксаковъ. „Князь Шаховской“, пишетъ онъ, „любилъ въ короткомъ пріятельскомъ обществѣ играть въ карты; мы съ Писаревымъ также. У насъ образовалась карточная пріятельская игра. Къ намъ присталъ Загоскинъ, Кокошкинъ и другіе. Обыкновенно мы играли въ мушку, главнымъ интересомъ игры была горячность Шаховского и Загоскина“ [330]). Въ *Дневникѣ* Погодина имѣются интересныя, хотя по обычаю лаконическія, свѣдѣнія о домѣ Аксакова. „Обѣдалъ у Аксакова. Слушалъ съ удовольствіемъ актера Щепкина. Пресмѣшно представлялъ Щепкинъ Кокошкина и Шаховского. Аксаковъ огонь. Обѣдъ у Аксакова. Дмитріева (М. А.), которымъ весь этотъ приходъ восхищался, ругаютъ теперь всѣ, потому что перессорились. Дряни. Обѣдалъ у Аксакова и съ большимъ удовольствіемъ говорилъ съ Щепкинымъ о театрѣ. Прекрасный семьянинъ Аксаковъ. Милы очень его дѣти, особенно Гриша и Оля. Познакомился съ княземъ Шаховскимъ, очень благосклоннымъ. Слушалъ замѣчанія его о театрахъ и актерахъ. Толковалъ съ Загоскинымъ объ Озеровѣ, противъ котораго Шаховской вовсе не виноватъ. Поздно домой. Какъ тепло и благорастворенно (7 апрѣля 1828 г.). Къ Аксакову. Къ Шаховскому. Къ Михаилу Дмитріеву. Обѣдать къ Аксаковымъ. Смѣшно законодательство Корниліона-Пинскаго. Говорили о Политической газетѣ, которую предполагаетъ канцелярія генералъ-губернатора. Я могъ бы взять мѣсто редактора“ [331]).

Между тѣмъ ничѣмъ не повинному въ этой предполагаемой газетѣ, которой Погодинъ желалъ быть редакторомъ, князю П. А. Вяземскому московскій генералъ-губернаторъ князь Д. В. Голицынъ прислалъ письмо графа Петра Александровича Толстого, въ коемъ князь Вяземскій съ удивленіемъ прочелъ: „Милостивый государь князь Дмитрій Владиміровичъ, Государь Императоръ, получивъ свѣдѣніе, что князь П. А. Вяземскій намѣренъ издавать подъ чужимъ именемъ газету, Высочайше повелѣть изволилъ, написать вашему сіятельству,

чтобы вы, милостивый государь, воспретили ему, князю Вяземскому, издавать сію газету, потому что Его Императорскому Величеству извѣстно бывшее его поведеніе въ С.-Петербургѣ и развратная жизнь его, недостойная образованнаго человѣка". По поводу этого сообщенія князь П. А. Вяземскій писалъ князю Д. В. Голицыну: „Узнавъ изъ сообщеннаго мнѣ вашимъ сіятельствомъ отношенія къ вамъ графа Толстого о Высочайшемъ запрещеніи мнѣ издавать *Утреннюю газету*, которую я будто готовился издавать подъ чужимъ именемъ, имѣю честь объявить, что Государь Императоръ обманутъ былъ ошибочнымъ донесеніемъ, ибо я не намѣревался издавать ни подъ своимъ, ни подъ чужимъ именемъ ни упомянутой газеты, о которой слышу въ первый разъ, ни другого періодическаго листа". Оказалось что эта газета, которой редакторомъ мечталъ быть Погодинъ, было предположеніе самого князя Д. В. Голицына и что долженъ былъ издавать ее одинъ изъ его чиновниковъ. Князь П. А. Вяземскій не имѣлъ случая положительно развѣдать, что могло подать поводъ къ этому оскорбленію, ему нанесенному. По всѣмъ вѣроятіямъ, это была Булгаринская штука.

Что же касается до обвиненія князя Вяземскаго въ развратной жизни въ Петербургѣ, то, по его собственному свидѣтельству, „Пушкинъ увѣрялъ, что обвиненіе это не иначе можно вывести, какъ изъ вечеринки, которую давалъ В. С. Филимоновъ и на которой были Пушкинъ, Жуковскій, князь Вяземскій и другіе. Филимоновъ жилъ тогда въ какомъ-то захолустьѣ, въ деревянной лачугѣ, точно похожей на гнусный домъ. Вечеринка продолжалась до утра. Полиціи, по предположенію князя Вяземскаго, было донесено, вѣроятно, на основаніи подозрительности вида дома Филимонова" [332])...."

Сдѣлавъ это невольное отступленіе, вернемся къ предмету нашего повѣствованія. По поводу преобразованія цензурныхъ учрежденій С. Т. Аксакову грозило лишеніе мѣста цензора въ Московскомъ цензурномъ комитетѣ. Это обстоятельство побудило его ѣхать въ Петербургъ и тамъ хлопотать объ устройствѣ

своего служебнаго положенія. Въ этой поѣздкѣ ему сопутствовалъ С. П. Шевыревъ. Въ служебной судьбѣ Аксакова принялъ живое участіе давній доброжелатель его достопочтенный адмиралъ А. С. Шишковъ, который обратился къ министру народнаго просвѣщенія, князю К. А. Ливену, съ слѣдующимъ письмомъ (отъ 5 сентября 1828 года): „Опредѣленный мною въ Москву цензоромъ, г. Аксаковъ, исправлявшій потомъ, по увольненіи князя Мещерскаго, должность его, извѣстенъ мнѣ давно, какъ со стороны познаній, такъ и по хорошей нравственности. Если по новому разобразованію цензуры лишится онъ своего мѣста, то, во-первыхъ, оказано будетъ ему незаслуженное изгнаніе, и во-вторыхъ, не легко будетъ на мѣсто его сыскать столь же достойнаго человѣка. Я ходатайствую о немъ не по какой либо особенной моей къ нему привязанности, но единственно для пользы цензуры, а еще болѣе для того, что питая совершенное чистосердечное къ особѣ вашей уваженіе, почитаю за долгъ довести о томъ до вашего свѣдѣнія, зная, что и вы, милостивый государь, не меньше меня любите наблюдать общую пользу и справедливость“; но это ходатайство, кажется, не увѣнчалось успѣхомъ, ибо отъ 23 сентября 1828 года Шевыревъ писалъ Погодину: „Дѣло С. Т. Аксакова идетъ не совсѣмъ къ общему желанію насъ и всѣхъ благомыслящихъ людей. Но надежда не совсѣмъ еще потеряна“. Самъ же С. Т. Аксаковъ писалъ тому же Погодину: „Я очень жалѣю, что отсовѣтовалъ книгопродавцамъ и типографщикамъ просить обо мнѣ министра. Не можно-ли дать имъ знать, что если они немедленно это сдѣлаютъ, то я могу остаться цензоромъ. Еще бы лучше такую просьбу отъ нѣкоторыхъ литераторовъ и журналистовъ. Шевыревъ здоровъ. Вчера уѣхалъ въ Кронштадтъ“ [333]). Вслѣдъ за полученіемъ этого письма, Погодинъ принялъ самыя энергичныя мѣры къ исполненію этого жаланія Аксакова и сталъ собирать голоса въ его пользу; но этотъ способъ дѣйствія крайне не понравился товарищу Аксакова по цензурѣ, Снѣгиреву, что явствуетъ изъ записи Погодина (подъ 21 сентября 1828 года): „Вечеръ у Перевощикова. Какой негодяй Снѣги-

ревъ! *благородный человѣкъ*,—говоритъ онъ,—*ужъ не станетъ собирать подписокъ въ монархическомъ правленіи*, т.-е. онъ мѣтитъ на бумагу объ Аксаковѣ". Изъ оффиціальныхъ же свѣдѣній намъ извѣстно, что 12 января 1829 года, „*бывшій* цензоръ Московскаго цензурнаго комитета титулярный совѣтникъ Аксаковъ причисленъ къ департаменту народнаго просвѣщенія". Но тѣмъ не менѣе Погодинъ продолжалъ посѣщать домъ Аксакова и ихъ друзей, о чемъ читаемъ въ *Дневникѣ*: „Обѣдалъ у Аксаковыхъ. Въ восхищеніи Ольга Семеновна, что пріѣдетъ скоро мужъ. Дѣти также. О Сашенька! *). Вечеръ у Шаховского. Выигралъ-было 30 рублей, а потомъ спустилъ своихъ 20 и къ завтрашнему дню осталось всего-навсего во всемъ домѣ пять рублей. Это случилось со мною первый разъ отъ роду. Обѣдалъ у Аксаковыхъ. Послѣ въ мушку. Болтали о Туркахъ. Павлову очень хочется, чтобы мы соединились съ ними. Къ Шаховскому. Опять въ мушку. Все хочется отыграться и опять проигрываешь. Какое гадкое впечатлѣніе произвелъ на меня этотъ вечеръ. Павловъ въ другой партіи проигралъ три тысячи. Блѣднехонекъ. Картъ перегнутыхъ я увидѣлъ тамъ тысячи. Сидѣлъ какъ на иглахъ, и выхвативъ Шевырева отъ котлетъ, стремглавъ домой. Гадко, гадко. Читалъ Валерія, чтобъ поправить расположеніе духа". Пробужденіе Погодина на другой день было самое мрачное. „На постелѣ", читаемъ далѣе въ его *Дневникѣ*, „разбудилъ меня одинъ посѣтитель и проморилъ около часа. Извергъ! Пѣшкомъ къ Аксакову, чтобы прогуляться, и къ Каразину по приглашенію для совѣщанія о пансіонахъ. Потомъ къ Левашевымъ и домой. Лѣниво за лекцію. Хорошая мысль о Нѣмцахъ и прекрасная мечта о моей божественной **). Обѣдалъ у Аксаковыхъ и опять проигралъ въ мушку 25 рублей. А зачѣмъ, слабый, все садишься играть? Хочется отыграться! У Аксакова, и опять проигралъ 50 рублей. Усталый и дрянный домой. Обѣдалъ у Аксакова и въ мушку. Рѣшительно больше

*) Княжна Александра Ивановна Трубецкая.

**) Княжнѣ А. И. Трубецкой.

не играю. Къ Шаховскому на минуту. Тамъ все играютъ. Къ Аксакову, тамъ проигралъ 50 рублей. Вечеръ у Аксаковыхъ. Съ Загоскинымъ и Перевощиковымъ. Навеселѣ Перевощиковъ сказалъ намъ „что астрономнѣй его нѣтъ въ Европѣ". Пили за его здоровье и русскихъ университетовъ. Къ Аксакову. Тамъ обѣдалъ съ Верстовскимъ и Шевыревымъ. Прекрасны русскія его штуки. Высокое любочестіе, нѣтъ, силу сознаю я въ себѣ. Обѣдалъ у Аксакова. Игралъ въ вистъ и потомъ въ мушку, и не смотря на увѣренность, проигралъ слишкомъ 50 рублей. Предосадно. Не буду играть. Обѣдъ и вечеръ у Аксакова. Игралъ въ карты и проигралъ еще 45 рублей. Опять рѣшился не играть и не отыгрываться. Аксакова удерживала. Она гадала мнѣ и выгадала письмо отъ бѣлокурой дѣвушки, дорогу, досаду".

Въ это время С. Т. Аксаковъ потерялъ одного изъ лучшихъ своихъ друзей. 15 марта 1828 года скончался Александръ Ивановичъ Писаревъ. Замѣчательно, что онъ умеръ ровно черезъ годъ въ одинъ день и часъ съ Д. В. Веневитиновымъ. За мѣсяцъ до кончины умирающаго посѣтили Погодинъ и Шевыревъ, и первый отмѣтилъ въ своемъ *Дневникѣ:* „Ввечеру ѣздилъ съ Шевыревымъ къ умирающему Писареву и съ состраданіемъ слушалъ прекрасный планъ его *Колумба.* Ну, если онъ не приведетъ его въ исполненіе и не оставитъ по себѣ этого слѣда? Шевыревъ долженъ выслушать еще разъ и быть, чего не дай Богъ, его душеприкасчикомъ. Шевыревъ заговорилъ теперь о Писаревѣ другимъ языкомъ, такимъ, какъ я прежде, и мнѣ пріятно было видѣть новое доказательство вѣрности моихъ сужденій о людяхъ" [334]). Память своего друга С. Т. Аксаковъ почтилъ задушевнымъ словомъ: „Писаревъ", писалъ онъ, „увлекъ во гробъ съ собой великія, блистательныя надежды друзей своихъ и всѣхъ коротко его знавшихъ. Онъ родился въ 1801 году, 14 іюля, въ селѣ Паникахъ, Данковскаго уѣзда, Рязанской губерніи. Съ самаго дѣтства отличался умомъ и памятью необыкновенными. Въ 1817 году онъ былъ отданъ въ Университетскій Благородный Пансіонъ,

тамъ пробылъ четыре года, ознаменованные отличными успѣхами въ наукахъ, и тамъ открылась въ немъ рѣшительная склонность къ словесности; поприще свое началъ онъ, какъ и всегда почти бываетъ, лирическими стихотвореніями, въ которыхъ и тогда ярко блистало истинное дарованіе. Въ 1821 году онъ былъ выпущенъ изъ Пансіона, золотая доска и 10-й классъ свидѣтельствуютъ объ его успѣхахъ. Любовь къ театру заставила его служить при немъ; испытавъ свои способности въ разныхъ родахъ словесности, онъ совершенно посвятилъ себя драматической литературѣ: его переводныя комедіи и водевили суть только опыты упражненія въ слогѣ; но кто не знаетъ остроумныхъ, колкихъ, иногда глубокомысленныхъ куплетовъ его?.. Къ несчастью, онъ не успѣлъ написать начатой имъ большой исторической комедіи — *Колумбъ*. Планъ расположенъ превосходно, обдуманъ во всѣхъ подробностяхъ; онъ извѣстенъ многимъ литераторамъ, одно дѣйствіе уже написано. Эта комедія, при хорошемъ исполненіи, въ чемъ нельзя было сомнѣваться, увѣнчала бы его долговѣчными лаврами. Люди, не коротко знавшіе покойнаго, не могутъ вполнѣ раздѣлять скорби друзей его; онъ былъ холоденъ въ обращеніи; но пламенныя чувства кипѣли подъ сею холодною наружностью; въ дарованіяхъ же его никто не сомнѣвался; онъ сдѣлалъ мало, но могъ сдѣлать много. Высокая комедія была бы достойнымъ его поприщемъ и онъ вооружилъ бы Талію (скажемъ его словами) кинжаломъ Мельпомены!.. Глубокій, проницательный умъ, чуждый оковъ пристрастія и предразсудковъ литературныхъ, строгій, вѣрный вкусъ, сила мыслей новыхъ, свѣжихъ, смѣлость, рѣзкость въ ихъ выраженіи, ѣдкая, убійственная острота, любовь къ справедливости, ненависть къ пороку — все заставляло ожидать отъ него комедій Аристофановскихъ... Да не сочтутъ слова сіи пристрастными словами дружбы: я говорю о потерѣ общей; скорблю о томъ, о чемъ скорбятъ всѣ истинные любители изящнаго и дарованій. О своей потерѣ дружба не сказала еще ни слова...

Писаревъ погребенъ 20-го марта въ Покровскомъ монастырѣ" [335]).

Упомянувъ о сближеніи Погодина съ Венелинымъ, Каразинымъ и Аксаковымъ, мы не считаемъ себя въ правѣ умолчать о первомъ явленіи на поприщѣ гражданской жизни Андрея Александровича Краевскаго, извѣстнаго впослѣдствіи издателя *Отечественныхъ Записокъ*, ставшихъ во главѣ того направленія русской литературы, которое извѣстно подъ именемъ *западничества*, съ которымъ Погодинъ велъ непрерывную борьбу, хотя самъ и не принадлежалъ вполнѣ къ такъ называемому и *славянофильскому* направленію. *Я стою между Востокомъ и Западомъ съ большимъ склоненіемъ къ Востоку*, такъ опредѣлилъ самъ Погодинъ свое мѣсто между двумя враждующими станами.

Въ 1828 году Краевскій, будучи двадцати лѣтъ, окончилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ по отдѣленію нравственно-политическихъ наукъ и удостоенъ степени кандидата. Въ сентябрѣ 1828 года Погодинъ отмѣтилъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Посѣтилъ Краевскій". Михаилъ Петровичъ принялъ участіе въ устроеніи первоначальной судьбы своего ученика. Вскорѣ послѣ этого посѣщенія мы читаемъ въ его *Дневникѣ*: „Рекомендовалъ Краевскаго и Острякова къ мѣстамъ" [336]). Рекомендація эта имѣла успѣхъ, ибо 7 ноября того же 1828 года Краевскій получилъ уже мѣсто въ канцеляріи московскаго генералъ-губернатора князя Д. В. Голицына, въ коей и состоялъ на службѣ до декабря 1830 года [337]).

XXXIII.

Къ чести Погодина слѣдуетъ замѣтить, что чувство признательности не было для него чуждо. Онъ никогда не оставался равнодушенъ къ судьбѣ лицъ, которыя хоть когда нибудь и что нибудь сдѣлали для него доброе. Въ дни своей юности обласканный и поощренный Калайдовичемъ къ заня-

тіямъ русскою исторіею, Погодинъ не забылъ его тогда, когда сего достойнаго труженника постигло бѣдствіе. Не задолго до 1828 года Калайдовичъ получилъ мѣсто смотрителя Еврейскаго Глѣбовскаго подворья съ казенною квартирою и здѣсь, по свидѣтельству его біографа, П. А. Безсонова, въ распоряженіяхъ своихъ показалъ признаки помѣшательства, такъ, напримѣръ, надѣвши всѣ свои кресты, заставлялъ провинившихся въ чемъ либо евреевъ прикладываться къ нимъ. Въ бумагахъ Калайдовича сохранилось свидѣтельство московской медицинской конторы отъ 14 февраля 1828 года, изъ котораго видно, что Калайдовичъ подалъ жалобу на то, что „въ бытность его коммиссіонеромъ казеннаго Глѣбовскаго подворья, за искорененіе тамъ злоупотребленій, члены оной, удаливъ его отъ должности, разнесли слухъ по Москвѣ, что будто онъ лишился ума“ [338]). Но еще ранѣе вѣсть объ этомъ печальномъ событіи достигла Погодина, и онъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ:* „Бѣдный Калайдовичъ сходитъ съ ума“. Вскорѣ онъ посѣтилъ страдальца. „У сумасшедшаго Калайдовича“, читаемъ въ *Дневникѣ* Погодина, „формы сужденій, какъ у всѣхъ. Былъ въ непріятномъ положеніи, когда онъ при мнѣ началъ щелкать начальство больницы, долженъ былъ оставаться, потому что при немъ никого не было“.

Еще въ 1827 году Калайдовичемъ было предпринято изданіе журнала *Русскій Зритель*, превосходное по плану и обѣщавшее много по собраннымъ матеріаламъ, но болѣзнь помѣшала Калайдовичу исполнить самому это предпріятіе. Желая и этимъ путемъ помочь семейству несчастнаго Калайдовича, Погодинъ вызвался въ пользу его издавать *Русскій Зритель*. Издатель *Московскаго Телеграфа*, въ виду добраго дѣла, забывъ на время свою вражду къ издателю *Московскаго Вѣстника*, принялъ живѣйшее участіе въ этомъ предпріятіи Погодина, о чемъ свидѣтельствуетъ слѣдующее письмо его: *a monsieur, monsieur Pogodine* *). „Степанъ Петровичъ, вѣроятно, сказывалъ уже вамъ, любезнѣйшій Михаилъ Петро-

*) Такъ означено на адресѣ.

вичъ, что я взялъ у него на себя, въ небытность вашу, обязанность составить двѣ книжки *Русскаго Зрителя,* желая участвовать въ добромъ дѣлѣ вашемъ" [339]). Между тѣмъ братъ несчастнаго, Иванъ Өедоровичъ Калайдовичъ, представилъ въ московскій цензурный комитетъ отъ 9 апрѣля 1828 года довольно прижимистую бумагу слѣдующаго содержанія: „Магистръ Московскаго университета, г. Погодинъ, ручавшійся за цѣлость журнала *Русскій Зритель,* предпринятаго братомъ моимъ, Константиномъ Өедоровичемъ Калайдовичемъ, доставилъ мнѣ обязательства—издать журналъ сей, обще съ другими здѣшними литераторами, и подписку книгопродавца г. Ширяева, который беретъ на себя издержки по оному. Прилагая всѣ одиннадцать подписокъ въ подлинникѣ, присовокупляю къ нимъ свою и прошу цензурный комитетъ, отобравъ отъ поименованныхъ ниже лицъ слѣдующіе подробные отзывы, необходимые для предотвращенія могущихъ встрѣтиться впослѣдствіи недоразумѣній, позволить намъ приступить къ изданію. 1) Подтверждаютъ ли гг. Погодинъ, Шевыревъ, Раичъ, Аксаковъ, Дмитріевъ, Максимовичъ, Ознобишинъ, Томашевскій, Оболенскій, Кирѣевскій обязательства свои—издавать поочередно журналъ *Русскій Зритель,* предпринятый К. Ө. Калайдовичемъ, принимая на себя какъ заготовленіе статей, составляющихъ цѣлый нумеръ, такъ и надзоръ за печатаніемъ? 2) Предоставляютъ ли онѣ всѣ выгоды отъ изданія семейству К. Ө. Калайдовича и книгопродавцу Ширяеву, не требуя никакого вознагражденія за труды свои? 3) Какіе мѣсяцы избираютъ гг. Дмитріевъ, Максимовичъ, Ознобишинъ, Томашевскій, Оболенскій, Кирѣевскій, обязавшіеся издать по одному нумеру сего журнала, ибо г. Погодинъ, принявшій на себя шесть нумеровъ, уже избралъ январь, февраль и мартъ, г. Шевыревъ подписался издать четыре за апрѣль и май, г. Раичъ—два за іюнь, г. Аксаковъ—два-же за августъ, и я—четыре за ноябрь и декабрь? 4) Вполнѣ ли беретъ на себя г. Ширяевъ всѣ счеты по журналу съ тѣмъ, чтобы: 1) выручать свои деньги изъ эк-

земпляровъ, проданныхъ только имъ и газетною экспедиціею московскаго почтамта; 2) не относиться ни съ какими претензіями къ К. Ѳ. Калайдовичу, къ его семейству или къ намъ, издателямъ, въ случаѣ даже убытковъ по журналу, и 3) предоставить въ пользу семейства означеннаго Калайдовича все, что можетъ остаться за расходами его по журналу, равно какъ и сто экземпляровъ, которые будемъ продавать мы, издатели. Ежели цензурный комитетъ одобритъ сіи условія и увѣрится въ дѣйствительномъ согласіи на оныя вышеписанныхъ особъ, то прошу покорнѣйше означенный комитетъ дозволить публиковать въ Вѣдомостяхъ извѣщеніе объ изданіи *Русскаго Зрителя*, которое извѣщеніе находится теперь въ подлинникѣ у г. Ширяева, за подписью гг. Погодина, Шевырева и моею".

По выходѣ въ свѣтъ первыхъ двухъ книжекъ *Русскаго Зрителя на 1828 годъ, въ Московскомъ Телеграфѣ* появилась весьма сочувственная статья объ этомъ изданіи: „Къ прискорбію всѣхъ", читаемъ въ этой статьѣ, „любителей отечественной литературы, издатель *Зрителя*, столь извѣстный трудами своими по части отечественной исторіи и археологіи, К. Ѳ. Калайдовичъ, еще до исполненія новаго предпріятія своего издавать журналъ, впалъ въ тяжкую и продолжительную болѣзнь. Такое печальное событіе лишало публику хорошаго (какъ основательно можно было предполагать) журнала; подписка, довольно многочисленная, могущая служить вспомоществованіемъ семейству издателя, разрушалась, и приготовленные матеріалы оставались безъ употребленія. Но это дало случай московскимъ литераторамъ сдѣлать доброе дѣло и показать, что они всегда готовы пособить въ несчастіи доброму собрату. Нѣсколько литераторовъ согласились принять на себя изданіе *Зрителя*, сообразно плану г. Калайдовича, и двѣ первыя книжки уже выданы М. П. Погодинымъ. Вотъ имена другихъ особъ, принявшихъ участіе въ изданіи: С. П. Шевыревъ, М. А. Максимовичъ, И. Ѳ. Калайдовичъ, В. И. Оболенскій, М. А. Дмитріевъ, С. Е. Раичъ, А. Ф. Томашев-

скій, И. В. Кирѣевскій. Такимъ образомъ, публика можетъ быть надежна, что, несмотря на непредвидѣнное препятствіе, *Русскій Зритель* будетъ выданъ вполнѣ, и гг. подписавшіеся получатъ всѣ книжки его исправно. Мы надѣемся болѣе, надѣемся, что публика будетъ соотвѣтствовать благоразумному соревнованію литераторовъ, принявшихъ отвѣтственность за г. Калайдовича, и подкрѣпитъ дальнѣйшею подпискою благотворительное ихъ предпріятіе. Многія почтенныя особы взяли на себя трудъ раздавать билеты и чрезъ то доставить пособіе семейству почтеннаго, трудолюбиваго литератора, который, кромѣ своихъ трудовъ и жалованья по службѣ, не имѣлъ никакихъ другихъ средствъ существованія. Не должно думать, что изданіе *Русскаго Зрителя* будетъ произведено кое какъ, чтобы наполнить только обѣщанное число книжекъ. Напротивъ, двѣ вышедшія книжки показываютъ, что г. Погодинъ приложилъ особенное тщаніе при изданіи ихъ, дополнивъ хорошими статьями бывшими уже въ подготовкѣ у самого г. Калайдовича. Вѣроятно, всѣ другіе участники въ изданіи *Зрителя* также постараются оправдать надежду на нихъ. Изданныя нынѣ 1 и 2 книжки раздѣлены на два отдѣленія: первыя изъ нихъ Историческое. Здѣсь встрѣчаемъ любопытныя статьи: вопросъ о мѣстѣ рожденія Петра Великаго; путешествіе Іосафата Барбаро въ Тану (нынѣшній Азовъ) въ 1436 году, съ описаніемъ путешествія Барбаро въ Москву и по Россіи; письмо Н. М. Карамзина и отвѣтъ на него К. Ѳ. Калайдовича, въ которомъ описываются видимые до-нынѣ слѣды лагеря второго самозванца, близъ села Тушина, отъ чего онъ и прозванъ былъ Тушинскимъ воромъ; описаніе надгробнаго камня какой-то Марѳы, вырытаго въ 1781 году, Тверской губерніи въ селѣ Млевѣ; можно думать, что это надгробный памятникъ Марѳы Посадницы. Между такими хорошими статьями замѣшалась только одна, не стоющая вниманія; это: *Взглядъ на коренные языки* (Ив. Калайдовича). Довольно сказать, что сочинитель показываетъ совершенное незнаніе предмета, о которомъ взялся судить, а для до-

казательства довольно указать на одно только: онъ думаетъ, что слово: Санскритъ, состоитъ изъ словъ: Самъ и Критъ, а это значитъ — самъ себя создавшій, самъ себя образовавшій!— За эту статью награждаетъ съ избыткомъ другая, драгоцѣнная статья: *Нѣкоторыя черты жизни и дѣяній генералъ-маіора Давыдова.* Въ примѣчаніи сказываютъ намъ, что статья написана другомъ—сослуживцемъ нашего партизана—поэта. „Дальновидные и проницательные, можетъ быть, угадаютъ имя автора". По скромности, съ какою говорится о богатырскихъ подвигахъ Давыдова, по слову, живому, пламенному, кто-жъ будетъ не дальновиденъ въ угадкѣ? Вотъ сочиненіе, о которомъ можно сказать, что еслибы захотѣли указывать на все, что въ немъ хорошо, то должно бы было его все сплошь выписать. Это жизнь Давыдова, на девяти страницахъ описанная. Авторъ разсказываетъ, какъ росъ Давыдовъ, какъ, прочитавъ *Аониды*, сталъ писать стихи, какъ отправили его въ Петербургъ, „привязали къ огромному палашу, опустили въ глубокіе ботфорты и покрыли святилище поэтическаго его генія мукою и трехъугольною шляпою", какъ Давыдовъ началъ читать дѣльнымъ образомъ, писалъ стихи и учился, какъ потомъ вышелъ въ гусарскій полкъ, и какъ онъ, двадцатилѣтній гусарскій ротмистръ, закрутилъ „усы, покачнулъ киверъ на ухо, затянулся, натянулся и пустился плясать мазурку съ полькамн. Въ это бѣшеное время Давыдовъ писалъ стихи своей красавицѣ, которая ихъ не понимала; и сочинилъ извѣстный призывъ на пуншъ Бурцову, который читать его не могъ, оттого, что самъ писалъ мыслете". Оставляемъ читателямъ удовольствіе прочитать вполнѣ біографію Давыдова въ *Зритель*. Литературное отдѣленіе заключаетъ въ себѣ стихи на новый годъ князя П. А. Вяземскаго и Цареградскую обѣдню, стихотвореніе А. Н. Муравьева, исполненное поэтическихъ красотъ. Далѣе, первое дѣйствіе трагедіи Гётевой: *Гецъ фонъ Берлихингенъ*, переводъ М. П. Погодина. Въ заключеніе помѣщены: повѣсть (г-на Де-Шаплета) и три литературныя извѣстія; два изъ нихъ: о числѣ учащихся въ европейскихъ

государствахъ и о французскомъ книгопечатанiи за прошедшiя десять лѣтъ, хотя и не совсѣмъ новы, но любопытны. Третье: *Новый журналъ во Францiи* попалось въ *Зритель* Богъ знаетъ, какъ и откуда: новый журналъ этотъ есть нелѣпый *Journal général de la Littérature étrangère*, о которомъ писано было въ *Телеграфѣ* прошлаго года. При книжкахъ *Зрителя*, кромѣ заглавнаго гравированнаго листка, приложены: портретъ покойнаго графа Н. П. Румянцова, снимокъ съ письма Карамзина; рисунокъ памятника Маѳы; планъ слѣдовъ тушинскаго лагеря; портретъ Бухвостова, перваго русскаго солдата, портретъ Тимоѳея Михайлова, солдата Владимiрскаго полка, который не сошелъ съ часовъ до тѣхъ поръ, пока не смѣнили его, несмотря на то, что чугунная доска раздробила ему ногу. Каковъ духъ этого русскаго воина [340])! Въ концѣ-концовъ, Погодинъ съ грустью писалъ П. М. Строеву: „Калайдовича съумасшествiе прошло, но осталась такая слабость, такая ипохондрiя, что нельзя смотрѣть на него безъ горести. Вотъ чѣмъ награждаются труды неусыпные“ [341]).

Благоговѣя предъ Шлецеромъ за его *Нестора*, Погодинъ оказывалъ и сыну его Христiану Августовичу, профессору Московскаго Униреритета, великое расположенiе и всегда старался быть ему полезнымъ. Предъ отъѣздомъ своимъ за границу Шлецеръ-fils возложилъ на Погодина множество домашнихъ порученiй, которыя онъ, изъ признательности къ знаменитому Августу Шлецеру, считалъ долгомъ исполнять. Одно изъ этихъ порученiй поставило Погодина въ неловкое положенiе предъ его строгою матерью. „Вотъ еще штуки“, записываетъ онъ въ своемъ *Дневникѣ*, „Шлецерова дѣвка пришла за отпускною. Маменька увидѣла и рядъ подозрѣнiй. Мнѣ стало досадно и я экспромптомъ прокричалъ нѣсколько словъ“ [342]).

Отличительною чертою характера Погодина, какъ мы могли уже замѣтить, была общительность и постоянство. Съ кѣмъ хоть разъ въ жизни имѣлъ онъ какiя либо сношенiя, съ тѣмъ продолжалъ ихъ всегда, было ли то лицо извѣстное или не-

извѣстное. Еще въ 1821 году онъ писалъ къ одному изъ своихъ товарищей въ Тифлисъ: „Неужели ты думаешь, что я перемѣнился? Нѣтъ, нѣтъ, любезный, скорѣе ты зашвырнешь свои Кавказскія горы въ Средиземное море, нежели я перемѣнюсь въ своихъ правилахъ. Съ кѣмъ я былъ знакомъ когда нибудь, съ тѣмъ буду знакомъ всегда“ [343]). Благодаря этимъ качествамъ Погодинъ завязывалъ сношенія съ людьми, живущими въ разныхъ уголкахъ нашего необозримаго отечества и отъ нихъ отъ времени до времени получалъ любопытныя письма. Къ такимъ лицамъ, ихъ же имя легіонъ, принадлежалъ, совершенно намъ неизвѣстный Григорій Ивановичъ Соколовъ. Письмо его къ Погодину отъ 4 февраля 1828 года изъ села Черняковки (близъ заштатнаго нынѣ города Херсонской губерніи) пусть останется памятникомъ о немъ. „Не утерплю“, пишетъ онъ, „чтобъ не сказать нѣсколько словъ о трехдневномъ пребываніи моемъ въ Харьковѣ. Мы были тамъ во время ярмарки. Не успѣли мы пріѣхать въ Харьковъ, какъ подали намъ афишу, что въ тотъ же день имѣетъ быть представленіе *Провинціалъ въ столицѣ*. Воспоминаніе о несравненномъ М. С. Щепкинѣ заставило меня непремѣнно быть въ театрѣ. Бьетъ 7 часовъ, и я у входа театра. Какими-то душными, узкими корридорами добрались наконецъ до креселъ, и вотъ я въ мазанкѣ малороссійской. Первое что поражаетъ зрѣніе мое — это зрители, сидящіе всѣ въ шапкахъ. Тѣмъ лучше, подумалъ я, не простужусь; но удовольствіе мое исчезло, когда при полетѣ грязнаго, изорваннаго занавѣса всѣ зрители, какъ будто по командѣ, шапки долой? Куда люди, туда и я. Ролей никто не зналъ; суфлеръ кричалъ за всѣхъ одинъ, актеры всѣ пьяные; баронесса, дама петербургская, говоритъ чистѣйшимъ хохлацкимъ нарѣчіемъ. Одно только мирило меня отчасти съ симъ вертепомъ злодѣевъ драматическаго искусства; помѣщики, горделиво засѣдавшіе въ конуркахъ, преважно называвшихся ложами, при всякой новой остротѣ высовывались по поясъ изъ своихъ логовищъ и надсѣдались со смѣху. Пріятно было видѣть ихъ природную веселость, необузданную

законами приличія. По старинной привязанности не утерпѣлъ я, чтобы не заглянуть въ Университетъ. Я провелъ съ пользою и истиннымъ удовольствіемъ два часа на лекціяхъ Естетики (г. Борзенкова) и Россійской Статистики (г. Артемовскаго-Гулака). Послѣдній читалъ о народной образованности и весьма кстати, говоря объ университетахъ, отдалъ полную справедливость нашему родному Московскому университету. Чтобы вы не думали, что мы заѣхали въ страны варварства и не просвѣщенія, сообщу вамъ, что у насъ въ сосѣдствѣ живетъ прекрасная старушка, малороссійская дворянка въ полномъ смыслѣ. У нея, какъ водится, полдюжины воспитанницъ, которыя помѣшаны на новѣйшихъ сочиненіяхъ, особливо па произведеніяхъ Пушкина. Старушка, вслушиваясь въ ихъ безпрестанные разговоры о текущей словесности, получила также охоту къ литературѣ и заставила громко читать себѣ все, что ни выходило новенькаго. Дѣло дошло до письма Татьяны, тогда оскорбленная честность ея громко возопила, и она съ сердечнымъ негодованіемъ сказала: *ека проклята дивка! нехай сиби писала, да въ свѣтъ бы не выдавала* и еще очень сердилась: зачѣмъ Татьяну въ *свитъ* везли".

Давно Погодинъ мечталъ попасть въ Императорскую Академію Наукъ и тамъ подъ руководствомъ Круга заниматься Норманами. Въ описываемое нами время мечта эта была близка къ осуществленію. Погодинъ, отправляясь въ Петербургъ въ концѣ 1827 года, по всѣмъ вѣроятіямъ имѣлъ цѣлію пристроить себя при Академіи Наукъ. И дѣйствительно это предположеніе наше подтверждается письмомъ В. П. Титова, который, вѣроятно, чрезъ своего дядю Д. В. Дашкова, содѣйствовалъ исполненію желанія своего пріятеля. „Блудовъ", писалъ Титовъ отъ 11 февраля 1828 года „говорилъ мнѣ о тебѣ; непріятно то, что докладъ Государю откладываютъ до того времени, когда утвердится новый штатъ адъюнктовъ Академіи, какъ будетъ свободно съѣзжу къ Кругу". Жуковскій сообщилъ Шевыреву, что Кругъ „воетъ о Погодинѣ: Давайте мнѣ его!" Шевыревъ, сообщая объ этомъ

Михаилу Петровичу, прибавляетъ: „слѣдовательно есть надежда и вѣрная, что ты по пріѣздѣ Государя переѣдешь въ Питеръ. Такъ у меня одного на плечахъ останется *Московскій Вѣстникъ*“. Въ другомъ письмѣ (отъ 15 сентября 1828 г.) Шевыревъ уже рѣшительно пишетъ: „Поздравляю тебя, душа моя. Твое желаніе исполнилось: ты адъюнктъ при Кругѣ. Блудовъ просилъ Одоевскаго сказать тебѣ слѣдующее: „скажите Погодину, что его желаніе исполняется и что онъ будетъ адъюнктъ Круга и что министръ за него всею душою старается. Одоевскій не зналъ твоихъ желаній и намѣреній. Теперь ты видишь, что мое пророчество сбылось. Знаю, что ты мнѣ во все горло скажешь теперь: переѣзжай въ Петербургъ. Нѣтъ, братъ, шутишь: а насморкъ, а головная боль? а кашель? а чортъ знаетъ что? Нѣтъ, московскимъ калачомъ въ Петербургъ не заманишь. Пишу къ тебѣ отъ Одоевскаго и спѣшу къ Пушкину“ [344]). Вслѣдъ за симъ Погодинъ получаетъ письмо отъ самаго Шишкова, который увѣдомляетъ его, „что онъ адъюнктъ у Круга“. Прочитавши это письмо, Погодинъ занесъ въ свой *Дневникъ*: „Предчувствовалъ. Мысли приняли другое направленіе и задумалъ о жизни въ Петербургѣ“. Онъ былъ чрезвычайно радъ этому мѣсту; его сильно влекло въ Петербургъ, и онъ чистосердечно записываетъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Я совершенно отсталъ отъ собственныхъ своихъ занятій. Поскорѣе бы въ Петербургъ. Лѣнь обуяла меня, авось примусь у Круга“. По обычаю своему онъ уже мечтаетъ: завести въ Академіи „общество для Русской Исторіи: Шегренъ о Финахъ, Венелинъ о западныхъ Славянахъ, Кругъ о Норманахъ, Френъ о Монголахъ“ [345]).

Но судьбѣ неугодно было, чтобы Погодинъ оставлялъ Москву и орудіемъ своимъ для удержанія его въ первопрестольномъ градѣ, какъ мы сейчасъ увидимъ, она избрала Николая Арцыбашева, и какъ бы въ насмѣшку Погодинъ получаетъ отъ него изъ Цивильска (отъ 18 августа 1828 г.) письмо слѣдующаго содержанія: „Имѣю честь усерднѣйше

поздравить васъ съ полученіемъ адъюнктской степени, о чемъ извѣстилъ меня сперва Е. С. Журавлевъ, а потомъ газеты".

XXXIV.

„Слава", сказалъ Карамзинъ, „подобно розѣ любви имѣетъ свое терніе, свои обманы и муки. Многіе-ли бывали ею счастливы? Первый звукъ ея возбуждаетъ гидру зависти и злословія, которыя будутъ шипѣть за вами до гробовой доски и на самую могилу вашу излiютъ ядъ свой". Правда словъ этихъ прежде всего оправдалась на самомъ Карамзинѣ. Передовымъ застрѣльщикомъ противъ него на аренѣ *Московскаго Вѣстника* выступилъ самъ Погодинъ, напечатавъ въ немъ свою юношескую статью, писанную еще въ 1823 году подъ заглавіемъ: *Нѣчто противъ мнѣнія Н. М. Карамзина о началѣ Россійскаго Государства* [346]). Эта статья чрезвычайно понравилась Арцыбашеву, который по этому поводу писалъ Погодину (отъ 26 февраля 1828 г.): „Изъ статьи вашей видѣлъ я, что вы сбираетесь перемывать бѣлье нашего покойнаго *псевдоисторіографа*. Мнѣ удалось уже перемыть оное въ *Казанскомъ Вѣстникѣ* (1822 г., №№ V, IX, XI и 1823 г., №№ I и II). Это *милому* не показалось: онъ имѣлъ даже духъ жаловаться на меня губернатору Петру Андреевичу Нилову въ Петербургѣ". Въ томъ же письмѣ Арцыбашевъ сообщаетъ о ходѣ своихъ работъ по *Своду Лѣтописей*. „Переведенный", пишетъ онъ, „чужеземными источниками и разнаго рода объясненіями дополненный *Сводъ Лѣтописей*, надъ которыми тружусь съ 1802 года, доведенъ уже мною до 1581 г. Скоро надѣюсь я окончить мою трудную работу до преставленія царя Іоанна Васильевича, издать оную подъ названіемъ *Повѣствованія о Россіи* и порѣшить историческую жизнь свою, въ которой состарился". Погодинъ былъ весьма польщенъ отзывомъ Арцыбашева о его ученической статейкѣ и вообразилъ, что онъ въ самомъ дѣлѣ въ состояніи сдѣлаться *прач-*

кою Карамзина и въ знакъ благодарности предлагаетъ Арцыбашеву свое содѣйствіе къ изданію его *Свода Лѣтописей.* Въ свою очередь польщенный Арцыбашевъ пишетъ благодарственное письмо (отъ 14 апрѣля 1828 г.) Погодину: „Благосклонное ваше предложеніе содѣйствовать къ тому, чтобы работа моя узрѣла свѣтъ, наполнила меня сладостнымъ умиленіемъ. Да благословитъ васъ Богъ на предполагаемомъ поприщѣ адъюнкта Академіи; будьте украшеніемъ россійской словесности, въ которой вы уже сдѣлали столько блистательныхъ опытовъ. Увидимъ, какъ поступятъ съ моею Исторіею, когда она совершенно кончится и перепишется; только я боюсь кому-либо поручить ея пѣстунство оффиціально; настращало же меня Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ, куда отправлена была мною (еще въ 1823 году, сентября 1 числа) рукопись подъ заглавіемъ *Дѣеиспытательныя упражненія*; но тогдашній секретарь Калайдовичъ низринулъ ее подъ спудъ. Тамъ, въ зеленой оберткѣ, покрывается она священною пылью архива и тоскуетъ (мечтаю) по своемъ первобытномъ жилищѣ“. Разсчитывая вступить въ Академію, Погодинъ указалъ на это ученое учрежденіе, которое могло бы напечатать сей многолѣтній трудъ Цивильскаго затворника; но онъ на это не соглашался и представлялъ слѣдующіе резоны: „Вы пишете о посредникѣ; ахъ почтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ! Моей душѣ противны меценаты. Пошли, напримѣръ, описаніе, а тамъ потребуютъ настоящей рукописи; отправь ее, да сиди у моря, ожидая погоды. Д. И. Языковъ, конечно, мнѣ старинный другъ; но и ему поручить должность няньки не хочется: онъ слишкомъ обремененъ своими собственными дѣлами. Касательно же до Круга, то гг. ученые Нѣмцы не очень меня жалуютъ: вѣдь я не вѣрю, чтобы Варяги пришли изъ-за Азовскаго моря (см. Еверса); не утверждаю, чтобы слово *Ивановымъ* значило *Киноварнымъ* (Кругъ въ *Истор. Гос. Рос.*, 2 изд. 1, пр. 327) и поэтому лихъ, да не добръ. Произведеніе мое кажется вамъ огромнымъ; а мнѣ отнюдь нѣтъ. Издержка на

изданіе стоить будетъ по столичнымъ цѣнамъ 7 тысячъ, по казанскимъ 5 тысячъ; слѣдственно 300 экземпляровъ могутъ окупить печатаніе. Неужели не сыщется во всей Россіи охотниковъ подписаться на это количество, когда на девять томовъ *Исторіи Государства Россійскаго* даже 2-го изданія подписалось 453 человѣка? Замѣтьте, что моя Исторія слишкомъ въ четыре менѣе и дешевле; а фактовъ въ ней болѣе".

Поощренный Арцыбашевымъ званіемъ прачки Карамзина, Погодинъ возъимѣлъ желаніе открыть прачешную въ своемъ *Московскомъ Вѣстникѣ* и убѣдительно проситъ Арцыбашева печатать тамъ его *Замѣчанія* на *Исторію Государства Россійскаго.* Познакомившись съ перепискою Арцыбашева, мы уже можемъ составить себѣ понятіе объ этихъ *Замѣчаніяхъ.* Что же касается до ихъ автора, то это желаніе Погодина онъ исполнилъ съ видимымъ удовольствіемъ. „Вотъ вамъ", пишетъ онъ Погодину, „мои *Замѣчанія на Карамзина.* Позвольте мнѣ надѣяться, что они будутъ изданы какъ возможно исправнѣе. Опечатки тутъ совсѣмъ не у мѣста и дадутъ поводъ *милымъ* вооружиться противу человѣка, который имъ уже солонъ". Въ томъ же письмѣ Арцыбашевъ рекомендуетъ Погодину свою дочь въ сотрудницы *Московскаго Вѣстника.* „Изъ семерыхъ моихъ дѣтей старшая дочь тринадцати лѣтъ знаетъ довольно хорошо языки: латинскій, нѣмецкій, французскій, итальянскій и англійскій, а особенно свой отечественный, и она перевела *Рѣчь Катона въ сенатѣ по дѣлу Катилины съ латинскаго.* Разсматривая этотъ переводъ, нашелъ я, что онъ весьма хорошъ; а потому и вздумалось мнѣ услужить имъ *Московскому Вѣстнику* [347]). Послѣднимъ предложеніемъ Погодинъ, кажется, нашелъ рискованнымъ воспользоваться; но *Замѣчанія* ея отца на *Исторію Государства Россійскаго* не замедлили явиться на страницахъ *Московскаго Вѣстника* [348]).

Предъ появленіемъ *Замѣчаній* въ печати Погодину пришлось выдержать споръ съ С. Т. Аксаковымъ [349]). И кромѣ того

онъ, какъ редакторъ, съ своей стороны счелъ полезнымъ напечатать къ этимъ *Замѣчаніямъ* слѣдующее предисловіе: „*Исторія Государства Россійскаго* заключаетъ въ себѣ еще множество предметовъ, которые требуютъ подробнѣйшаго разсмотрѣнія, объясненія, изслѣдованія. По времени, въ которое она писана, когда матеріалы не были приготовлены критически,—не возможно и требовать, чтобъ было иначе. Смотря на *Исторію* Карамзина въ отношеніи къ исторической критикѣ, ее можно въ нѣкоторомъ смыслѣ назвать указательницею задачъ, которыхъ разрѣшеніе необходимо для будущей Исторіи. Друзья истины и науки должны желать, чтобъ задачи сіи разрѣшались болѣе и чтобъ мы такимъ образомъ скорѣе узнали великое свое отечество. Съ сею цѣлію просилъ я у Н. С. Арцыбашева замѣчаній на сочиненіе Исторіографа. Кто имѣетъ право дѣлать такія замѣчанія болѣе человѣка, который двадцать-пять лѣтъ отшельникомъ занимается Россійскою Исторіею и такъ коротко знакомъ съ нашими лѣтописями? Мы слышали также, что г. Качновскій занимается приведеніемъ въ порядокъ своихъ замѣчаній на *Исторію* Карамзина: безусловные почитатели Карамзина вознегодуютъ на меня за помѣщеніе *Замѣчаній*. Вотъ мой отвѣтъ: никому на свѣтѣ не уступлю я въ почтеніи къ незабвенному нашему писателю, въ признательности къ великимъ, полезнымъ трудамъ его; но самымъ лучшимъ доказательствомъ такихъ чувствованій, какъ журналистъ, почитаю распространеніе сужденій объ его *Исторіи*, основанныхъ на основательномъ изученіи". Но самъ же Погодинъ сознается, что въ предлагаемыхъ *Замѣчаніяхъ* „есть нѣсколько выходокъ, лично относящихся къ Карамзину, писанныхъ какъ будто бы не съ хладнокровіемъ,—онѣ мнѣ не нравятся: я почитаю долгомъ сказать это откровенно какъ и все выше предложенное" [350]). Погодинъ не ошибся. Помѣщеніе *Замѣчаній* „трудолюбиваго регистратора Русской Исторіи", какъ самъ онъ называлъ Арцыбашева, написанныхъ грубымъ тономъ и съ явнымъ стремле-

ніемъ подорвать довѣріе къ Карамзину, вызвало справедливое негодованіе и къ критику, и къ издателю его.

Въ томъ-то и бѣда наша, что мы, задорно похваляясь будущимъ Россіи, въ то же время или подвергаемъ *заговору молчанія*, или прямо топчемъ въ грязь то, чѣмъ дѣйствительно могъ бы и долженъ питаться нашъ патріотизмъ. Это печальное явленіе, наблюдаемое нами въ 1828 году, къ несчастію повторялось и повторяется у насъ безпрестанно. На явленіе это съ горечью указываетъ и нашъ почтенный историкъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ: „Мы болѣе склонны къ осужденію“, пишетъ онъ, „нашихъ дѣятелей, чѣмъ къ безпристрастному, но любовному отношенію къ нимъ“ [351]).

Къ грубымъ, недоброжелательнымъ *Замѣчаніямъ* Арцыбашева очень естественно не могъ остаться равнодушенъ князь П. А. Вяземскій. Негодованіе свое онъ излилъ въ громоносной сатирѣ, подъ заглавіемъ *Быль*:

Былъ древній храмъ готическаго зданья,
Обитель совъ, унынья и молчанья.
Узрѣлъ его художникъ молодой,
Постигъ умомъ обилье средствъ въ немъ скрытыхъ,
Сломалъ рядъ стѣнъ, ужь временемъ подрытыхъ,
И, чародѣй, испытанной рукой
На грудѣ ихъ, изъ ихъ развалинъ, новый
Чертогъ воздвигъ. Величье, красота,
Искуство, вкусъ, красивость, чистота
Дивятъ глаза, и зодчій... но суровый
Законъ Судьбы свершился и надъ нимъ.
Такъ рѣшено: на всѣхъ не угодишь!
И зодчій нашъ, причастный вѣчной славы,
Не избѣжалъ хулителей трудовъ.
Враги нашлись; но гдѣ-жъ? въ семействѣ совъ.
Изъ теплыхъ гнѣздъ изгнанники въ дубравы
Онѣ съ стыдомъ пустились, и въ дуплахъ
Въ досадѣ злой, въ остервененьи дикомъ,
Совинный ихъ, ночной ареопагъ
Трудъ зодчаго позорилъ дерзкимъ крикомъ.
Языкъ отцевъ тотъ устарѣлый храмъ;
Карамзина сравнимъ съ отважнымъ зодчимъ;
Съ семьей же совъ, друзья! и съ прочимъ, прочимъ,
Кого и что сравнить, оставлю вамъ.

Сатиру эту князь Вяземскій снабдилъ и слѣдующимъ примѣчаніемъ: „Сія *Быль* написана лѣтъ за десять и лежала забытая въ моихъ бумагахъ: 19 и 20 № *Московскаго Вѣстника* привелъ мнѣ ее на память и даетъ ей нынѣ цѣну новости и умѣстной случайности. Критика, подобная критикѣ г. Арцыбашева; *Московскій Вѣстникъ*, который съ колѣнопреклоненіемъ принимаетъ ее и молитъ, какъ даянія достойнаго себя; торжественное извѣстіе, сообщаемое *Московскимъ Вѣстникомъ*, что наконецъ и г. Каченовскій собрался съ силами и готовится идти по слѣдамъ г. Арцыбашева; г. Арцыбашевъ, критикующій слогъ и языкъ Карамзина; *Московскій Вѣстникъ*, признающійся, что критика г. Арцыбашева написана съ „выходками, лично относящимися къ Карамзину и писанными не съ хладнокровіемъ“, но несмотря на то, или можетъ быть, именно смотря на то, открывающій ей радушныя объятья союзъ, смѣшеніе и заговоръ сихъ именъ въ виду имени, заслугъ и славы Карамзина,—все это явленіе болѣе смѣшное, нежели прискорбное для нашей литературной и народной чести. Тутъ нѣтъ повода къ разсужденіямъ, къ изслѣдованіямъ, къ отвѣтамъ систематическимъ: тутъ одинъ поводъ къ осмѣянію“ [352]). Прочитавъ сатиру князя Вяземскаго, Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Къ Аксакову. Прочелъ выходку князя Вяземскаго, не уязвился“; но вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчаетъ: „за Арцыбашева готовится гроза“. Къ утѣшенію нашему, *Замѣчанія* Арцыбашева возмутили не одного князя Вяземскаго, но и все общество. По этому поводу Погодина звали обѣдать „въ пять мѣстъ“ и онъ сожалѣлъ, что не могъ попасть къ княгинѣ З. А. Волконской; но попалъ къ Черткову и тамъ, по его же свидѣтельству, „громко и горячо спорилъ съ Новосельцовымъ о правѣ разбирать Карамзина. Набоковъ, Дмитрій Машуровъ etc.“ Все это почтенное общество было возмущено *Замѣчаніями* Арцыбашева на *Исторію* Карамзина, къ которому самъ же Погодинъ являлся на поклонъ и за *благословеніемъ*. Погодинъ вымещаетъ свою злобу такою отмѣткою въ *Дневникѣ*: „Глупость, невѣжество

въ высочайшей степени“ [353]). Почтенные люди предаются поруганію за то, что они предпочитаютъ Карамзина Арцыбашеву! Хотя Погодинъ и старается увѣрить въ своемъ *Дневникѣ*, что онъ „не уязвился“, но, напротивъ того, онъ былъ очень уязвленъ. Впослѣдствіи, будучи уже въ старости, онъ писалъ: „Сознаюсь теперь, что внутреннее достоинство *Замѣчаній* Арцыбашева не искупало ихъ неприличнаго тона, но мнѣ, молодому человѣку, представлялось тогда иначе. Я напечаталъ въ *Московскомъ Вѣстникѣ* объясненіе въ видѣ отвѣта на слѣдующее письмо, мною самимъ написанное“. Письмо это, подписанное буквою Z, гласило слѣдующее. „Къ крайнему моему сожалѣнію, прочелъ я въ послѣдней книжкѣ *Московскаго Вѣстника Замѣчанія* Арцыбашева *на Исторію Государства Россійскаго*, сочиненную Н. М. Карамзинымъ. Я не понимаю, какимъ образомъ вы осмѣлились дать мѣсто въ вашемъ журналѣ брани на твореніе, которое мы привыкли почитать совершеннѣйшимъ, брани, за которую вамъ отвѣчать будетъ, можетъ быть, очень трудно“. Прицѣпившись къ этимъ своимъ строкамъ, Погодинъ начинаетъ неудачно оправдываться и прикрывать себя высшими яко бы требованіями науки. „Очень радъ“, пишетъ онъ въ своемъ отвѣтѣ, на имъ же сочиненное письмо, „что вы скрыли свое имя и тѣмъ дали мнѣ право отвѣчать вамъ безъ всякихъ околичностей. Двадцатипятилѣтнія занятія Россійскою Исторіею и такой трудъ, какъ *Сводъ* всѣхъ Русскихъ лѣтописей, изъ коего отрывки извѣстны уже публикѣ, даютъ полное право г-ну Арцыбышеву судить объ Исторіи, сочиненной Н. М. Карамзинымъ. Просвѣщенные соотечественники должны даже требовать отъ него мнѣнія о семъ важномъ твореніи, тѣмъ болѣе, что у насъ голосовъ такихъ собрать можно немного. Впрочемъ, о *Замѣчаніяхъ* г. Арцыбышева, справедливыхъ и несправедливыхъ, воленъ думать и писать всякій, какъ ему угодно; я первый сказалъ, что тонъ его мнѣ не нравится и готовъ помѣщать опроверженія на его статью, полезныя въ какомъ либо отношеніи. Если бы какой-нибудь молодой сту-

дентъ (не только г. Арцыбашевъ) прислалъ мнѣ статью, въ которой была бы справедлива одна треть, четверть, десятая доля замѣчаній на *Исторію Государства Россійскаго*, и тогда я помѣстилъ бы ее въ своемъ журналѣ, чтобы принесть пользу наукѣ сею десятою долею справедливыхъ замѣчаній. Увѣренъ даже, что заслужилъ бы симъ одобреніе Карамзина, еслибы онъ, къ счастью нашему, былъ живъ. Такое правило отнюдь не мѣшаетъ мнѣ быть ревностнымъ почитателемъ Карамзина. Съ десятилѣтняго моего возраста я началъ учиться у него и добру и языку и Исторіи; время, употребленное мною въ школѣ на чтеніе его сочиненій, почитаю счастливѣйшимъ въ моей жизни и никому на свѣтѣ, повторю сказанное мною прежде, не уступлю въ почтеніи къ незабвенному нашему писателю, въ признательности къ великимъ полезнымъ трудамъ его. *Исторія* его двѣнадцать лѣтъ не сходитъ съ моего письменнаго стола; но до сихъ поръ я не осмѣлился произнести полнаго своего сужденія объ ней, давая время зрѣть моимъ мыслямъ, стараясь обогащаться опытомъ. Теперь, задѣтый за живое, то есть подозрѣвамый въ чувствахъ моихъ къ памяти знаменитаго, мною горячо любимаго, писателя, я почитаю себя обязаннымъ сказать здѣсь нѣсколько словъ объ его *Исторіи*. Исторія Россіи есть исторія полміра. Чтобы приготовить матеріалы будущему ея художнику, соорудителю, по такому плану, какой предначерталъ себѣ Карамзинъ, должны теперь приняться за приготовительную работу сотни такихъ людей, какъ митрополитъ Евгеній, Арцыбышевъ, Востоковъ, Калайдовичъ, Строевъ, Каченовскій, Языковъ, Кеппенъ, Эверсъ, Френъ, Кругъ. Думать, что въ *Исторіи* Карамзина все то уже сдѣлано, что сіи люди при благопріятныхъ обстоятельствахъ могли бы сдѣлать, есть *темное невѣжество*. Карамзинъ физически не могъ этого сдѣлать. Требовать даже отъ него этого нельзя, точно такъ какъ нельзя было требовать отъ Фидіаса, чтобы онъ ломалъ себѣ мраморъ на островѣ Паросѣ, перевозилъ его въ Аѳины и проч. Мысль Карамзина писать Исторію въ 1803 г. есть одна изъ отважнѣйшихъ мы-

слей въ европейскомъ литературномъ мірѣ, хотя мы и должны благодарить его ангела хранителя за это внушеніе, ибо имѣемъ теперь великолѣпный памятникъ языка въ нашей словесности. Карамзинъ великъ, какъ художникъ-живописецъ, хотя его картины часто похожи на картины того славнаго итальянца, который героевъ всѣхъ временъ одѣвалъ въ платье своего времени; хотя въ его Олегахъ и Святославахъ мы видимъ часто Ахиллесовъ и Агамемноновъ Расиновскихъ. Какъ критикъ, Карамзинъ только что могъ воспользоваться тѣмъ, что до него было сдѣлано, особенно въ Древней Исторіи, и ничего почти не прибавилъ своего. Какъ философъ, онъ имѣетъ меньшее достоинство и ни на одинъ философскій вопросъ не отвѣтятъ мнѣ изъ его Исторіи. Не угодно ли, напримѣръ, вамъ, милостивый государь, поговорить со мною о слѣдующемъ: чѣмъ отличается Россійская Исторія отъ прочихъ европейскихъ и азіатскихъ Исторій? Апоѳегмы Карамзина въ Исторіи суть большею частью общія мѣста. Взглядъ его вообще на Исторію, какъ науку—взглядъ невѣрный и это ясно видно изъ предисловія. Относительныя, также великія, заслуги Карамзина состоятъ въ томъ, что онъ заохотилъ русскую публику къ чтенію Исторіи, открылъ новые источники, подалъ нить будущимъ изслѣдователямъ, обогатилъ языкъ. Трудъ, совершенный имъ въ двѣнадцать лѣтъ, есть трудъ исполинскій.

Повторяю, никакъ не рѣшился бы я сказать впередъ сихъ словъ изъ будущаго предполагаемаго мною сочиненія о Карамзинѣ, если-бы не былъ вынужденъ обстоятельствами. Грѣхъ на васъ.

Я предчувствовалъ, что помѣщеніемъ *Замѣчаній* г. Арцыбышева я возбужу противъ себя негодованіе безусловныхъ почитателей Карамзина; что кто-нибудь, по правиламъ журнальной тактики, воспользуется симъ негодованіемъ и слѣпитъ статейку на *Замѣчанія* и противъ меня; но помѣстилъ ихъ, мимо всѣхъ отношеній, желая, какъ журналистъ, принесть пользу наукѣ, и бывъ увѣренъ, что истина, рано или поздно, возьметъ верхъ. Подумайте вы и всѣ вамъ подобные, что но-

вое поколѣніе учится лучше прежняго; что въ одномъ Московскомъ университетѣ воспитывается около девятисотъ человѣкъ; что скоро наступитъ время, когда на всякую отрасль знаній будетъ у насъ не по два, не по три воздѣлывателя, какъ теперь, а по десяткамъ; что журнальные невѣжи и крикуны, которымъ удалось *во время междуцарствія литературнаго* какъ-нибудь продраться до такого мѣста, откуда голосъ ихъ разносится далеко, принуждены будутъ умолкнуть предъ умнымъ общимъ мнѣніемъ. Dixi et salvavi animam" [354]).

По поводу этого отвѣта Погодина въ *Московскомъ Телеграфѣ* появилась ѣдкая статья, въ которой читаемъ: „Не забавно ли, напримѣръ, что Арцыбашевъ, пишущій слогомъ Сумарокова и Елагина, разсказываетъ намъ, что слогъ Карамзина „болѣе провозглашательный, нежели историческій, но мѣстами довольно ясенъ, плавенъ, неподобозвученъ, и могъ бы назваться отличнымъ, еслибы не встрѣчалось въ немъ чужеземныхъ выраженій, какъ-то: сія великая часть Европы и Азіи, или—такъ жили Славяне, словъ напыщенныхъ, язвительныхъ, иностранныхъ, какъ-то: хронологія, тронъ, біографія, и проч., и проч.". Богъ знаетъ отъ чего съ нѣкотораго времени залегла на сердцѣ у издателя *Московскаго Вѣстника Исторія Государства Россійскаго.* Мало того что онъ гордится помѣщеніемъ критики г. Арцыбашева, но самъ о себѣ объявляетъ онъ, что *Исторія Государства Россійскаго* двѣнадцать лѣтъ не сходитъ съ его письменнаго стола и, задѣтый за живое, поясняетъ, что трудъ Карамзина есть только памятникъ языка, что Карамзинъ одѣвалъ Олеговъ и Святославовъ въ платья Ахилловъ и Агамемноновъ Расиновскихъ, что взглядъ Карамзина и Исторію, какъ науку, былъ невѣренъ, апофегмы его суть общія мѣста и что ни на одинъ философскій вопросъ не отвѣтятъ изъ его Исторіи. Въ заключеніе издатель *Московскаго Вѣстника* торжественно восклицаетъ: „Предлагаю сказанное мною за тезисы: кому угодно поспорить со мною?" Видно, г-нъ издатель *Московскаго Вѣстника* все еще не отвыкъ отъ школы, и думаетъ, что онъ на студенческихъ

диспутахъ. Съ нимъ сущая умора: то онъ влѣзетъ на подмостки Ивана Великаго, чтобы смотрѣть на Исторію рода человѣческаго, то ведетъ исторію діагональю, то разыгрываетъ изъ нее фугу, то готовитъ рацею, то говоритъ о Публичной петербургской Библіотекѣ, что для Москвичей этотъ виноградъ киселъ, то узнавши, что почта ходитъ изъ Москвы въ Петербургъ шесть разъ въ недѣлю, въ восторгѣ отъ просвѣщенія русскаго! Впрочемъ, за издателемъ *Московскаго Вѣстника* не угоняетесь. Бываютъ и у него вѣсти не въ попадъ, но что за важность! Онъ возвѣстилъ, что М. Т. Каченовскій хочетъ приняться за критическій разборъ *Исторіи Гсударства Россійскаго*, но М. Т. Каченовскій, всегда дружески ласкавшій *Московскій Вѣстникъ*, объявилъ однакожъ, что „такого разбора въ грѣхъ не ставитъ, но разбирать *Исторіи Государства Россійскаго не станетъ*“ [355]).

Долго обдумывалъ Погодинъ свое письмо къ князю Вяземскому по поводу *Были*, и наконецъ 30 ноября 1828 года, какъ записано у него въ *Дневникѣ*, „придумалъ: вчерашнее (т.-е. проектъ письма) было очень очень мягко“ [356]). Такимъ образомъ, послѣ продолжительнаго размышленія, Погодинъ разражается слѣдующимъ письмомъ къ князю Вяземскому: „Время на пасквили уже прошло. Острымъ словцемъ труда сшибить нельзя. Нынѣ хорошо только тому, кто умѣетъ написать отвѣтъ систематическій. Я могъ бы служить вамъ баснею, комедіею, водевилемъ, повѣстью, эпиграмами, разсужденіемъ, украшеннымъ стихами Крылова; но 1) Почитаю это постыднымъ для литературы. 2) Не хочу доставить публикѣ въ чужомъ пиру похмѣлье. 3) Обязанъ вамъ благодарностію за радушное литературное пособіе при изданіи *Ураніи* и др. 4) Уважаю васъ, какъ остроумнаго мыслящаго писателя, кромѣ тѣхъ только случаевъ, когда вы садитесь не въ свои сани. По симъ причинамъ я удерживаю даже и прозаическую сказку (разумѣется не къ вашему лицу) о храмѣ и о другихъ птицахъ, которыя прилетали дивиться на него и пѣли ему не своимъ голосомъ хвалебныя пѣсни о другомъ зодчемъ, который

страдалъ сердцемъ отъ такихъ похвалъ и ждалъ напрасно себѣ отчетливаго сужденія и проч., проч.". Отвѣтъ этотъ Погодинъ прочелъ князю П. А. Вяземскому на балѣ у Веневитиновыхъ. „Признаюсь вамъ, что я нѣсколько затруднялся отвѣчать на письмо", писалъ князь Вяземскій Погодину, „которое имѣлъ честь получить отъ васъ, потому что не ясно понмаю цѣли онаго. Но послѣ размышленія и судя по собственнымъ чувствамъ, вижу въ немъ или по крайней мѣрѣ думаю видѣть слѣдствіе уваженія искренности, которая побуждаетъ васъ частно и откровенно объясниться со мною въ предстоящей гласной размолвкѣ нашей. Въ этомъ предположеніи принялся я за перо и съ удовольствіемъ обнажу еще болѣе мысли мои передъ вами. Не знаю, почему нѣкоторыя выраженія въ примѣчаніи къ напечатанной мною *Были*, кажутся вамъ язвительными *уже не литературно*. Дѣло идетъ о литературномъ событіи, всѣ слова мои относятся къ литературному явленію, которому *Московскій Вѣстникъ* служилъ сценою. Я держался въ слѣдъ за вами единства мѣста и единства интереса и не пускался ни въ даль, ни въ сторону. Впрочемъ, если замѣчанія мои и показались вамъ не чисто-литературными, то вина тому сама сущность дѣла: неблагопристойная критика на Карамзина и на трудъ его, единственный зрѣлый плодъ русскаго ума и русской образованности, уже не просто литературная неблагопристойность; но вмѣстѣ съ тѣмъ неблагопристойность нравственная и національная. Указывая на нее, нельзя, и не должно, сохранить безстрастіе критики, разбирающей исключительно въ смыслѣ искусства разборъ какого-нибудь стихотворенія или сказки. Такъ, милостивый государь, почитаю критику г. Арцыбашева наглою неблагопристойностью и помѣщеніе ея въ журналѣ вашемъ съ вашей стороны предосудительнымъ неприличіемъ. Никакими софизмами не оправдаетесь вы отъ нареканій, которыя пали на васъ. Есть для чести, для пользы народной условіе, коихъ соблюденіе гораздо важнѣе соблюденія нѣкоторыхъ отдѣльныхъ историческихъ истинъ, буде *За-*

мѣчанія г. Арцыбашева и способствовали бы къ сей цѣли и нелѣпость многихъ изъ оныхъ не кидалась въ глаза и тѣмъ, которые не посвятили себя въ таинства историческихъ изысканій. Одно изъ древнѣйшихъ условій народной чести есть уваженіе къ согражданамъ, оказавшимъ безсмертныя заслуги Отечеству. А тамъ, гдѣ есть по собственному вашему сознанію, *выходки, лично относящіяся къ Карамзину*, гдѣ нѣтъ *хладнокровія*, гдѣ *тонъ* неприличный, тамъ нѣтъ и уваженія. Повторяю: всѣ софизмы, приводимые вами, не оправдаютъ васъ въ этомъ отношеніи. Хозяинъ журнала, какъ хозяинъ дома, не можетъ быть правъ, если онъ дозволяетъ у себя крикунамъ ничтожнымъ поносить человѣка, достойнаго уваженія. Тѣмъ болѣе онъ виноватъ, если самъ приглашаетъ къ себѣ, даетъ тому полную свободу бранить и этою бранью угощаетъ свою публику. Вотъ вамъ поступокъ и роль г. Арцыбашева. Какая могла быть самая безкорыстная цѣль ваша, помѣщая помянутую критику? Показать недостатки Исторіи, писанной Карамзинымъ, разувѣрить въ ея достоинствѣ читателей ея уважающихъ и слѣдовательно однимъ словомъ умалить вліяніе ея на сферу просвѣщенія нашего, родить въ нѣкоторыхъ невѣждахъ и лѣнтяяхъ мысль: зачѣмъ стану читать двѣнадцать томовъ, которые уличены въ безпрерывныхъ отступленіяхъ отъ истины и пр.? Богъ съ ними! — Такова ли должна быть здравая цѣль благонамѣреннаго ревнителя просвѣщенія отечественнаго? Въ томъ ли мы положеніи, что должны спѣшить отвращать согражданъ нашихъ отъ суевѣрнаго чтенія и уваженія? Неужели вамъ кажется, что Россія уже зачиталась Карамзина, что пора благодарности должна миноваться и настать пора строгаго суда? Неужели не знаете вы, что Россія слишкомъ мало читаетъ, что отнявъ у нея Исторію, писанную Карамзинымъ, вы осуждаете ее ничего не читать, потому что за исключеніемъ Исторіи, нѣтъ у насъ рѣшительно ни одной книги; или хотите осудить Россію на *Приступъ къ повѣсти о Русскихъ*? Ради Бога, пощадите Россію! Она погибнетъ на этомъ *Приступѣ*. Не эти ли вышеприведенныя

соображенія должны перевѣсить въ умѣ, истинно просвѣщенномъ и образованномъ, частную, мѣстную пользу отъ исправленія нѣкоторыхъ частныхъ, мѣстныхъ ошибокъ? Да и кто противится исправленію ошибокъ, только соблюдайте уваженіе къ тому, который могъ ошибиться какъ человѣкъ, но притомъ былъ человѣкъ великій. Не поручайте неучамъ, хотя бы и ученымъ, а еще менѣе полуученымъ, учить того, который одною строкою болѣе благодѣтельствовалъ Россіи, чѣмъ тѣ со всѣми своими *Приступами* и *Сводами* которые обрушатся на ихъ голову и задавятъ ихъ память. Нѣтъ истиннаго просвѣщенія безъ образованности, а критика г. Арцыбашева, хотя и была бы по другимъ отношеніямъ услуга просвѣщенію, но писанная перомъ его и напечатанная въ журналѣ вашемъ, она поступокъ противъ истинной образованности. Въ независимости мнѣній можетъ быть и возвышенность ума, но часто можетъ быть и дикость необразованности. Вы говорите въ письмѣ своемъ ко мнѣ, что не могли ожидать умозаключеній подобныхъ моимъ послѣ вашей *отровенной исповѣди*. Во-первыхъ скажу вамъ, что стихи мои были отданы въ *Телеграфъ* до появленія 21 и 22 книжки *Московскаго Вѣстника*; но признаюсь вамъ также откровенно, что ни въ какомъ случаѣ сія такъ называемая исповѣдь, въ ко торой не худо бы вамъ покаяться, не могла бы перемѣнить мой образъ мыслей. Сказавъ вамъ искренно мое сужденіе о критикѣ г. Арцыбашева и о помѣщеніи оной въ вашемъ журналѣ, позволю себѣ сказать мое мнѣніе и о вашей статьѣ. Въ ней нѣтъ конечно неблагопристойности, подобно той, но есть явное неприличіе. Начнемъ съ повода, который весьма неудачно прибранъ. Письмо г. Z есть или неловкій журнальный вымыселъ, или письмо дурака, на которое не слѣдовало бы отвѣчать и которое тѣмъ болѣе не слѣдовало бы печатать. Ваше сужденіе о Карамзинѣ такое, что едва ли Карамзинъ позволилъ бы себѣ объявить оное о васъ: въ вашихъ словахъ отзываются ободрительная доброжелательность, покровительство, всегда неумѣстныя, когда ихъ выказываютъ,

но тѣмъ болѣе неприличныя, когда дѣло идетъ о Карамзинѣ. Извлекая сущность изъ всего сказаннаго въ вашемъ отвѣтѣ, выводится къ чести Карамзина, что *Исторія* его *двѣнадцать лѣтъ не сходитъ съ вашего письменнаго стола*, а къ осужденію его—онъ не живописецъ потому, что Олеги его и Святославы взяты изъ Расиновыхъ трагедій, что онъ не критикъ, не философъ, и проч. Что же, повторю, остается при Исторіи, кромѣ чести быть настольною книгою вашею? Соглашаюсь съ вами, что новое поколѣніе учится лучше прежняго, что въ Московскомъ университетѣ болѣе студентовъ противъ прежняго, но признаюсь также: если преподаваемое нынѣ ученіе ведетъ къ образу мыслей, изложенныхъ вами, если оно ведетъ къ тому, чтобы при весьма слабыхъ правахъ въ литературѣ говорить подобнымъ дидакторскихъ тономъ о представителѣ нашего просвѣщенія и образованности, то нельзя не пожалѣть о худомъ направленіи ученія и не сознаться, что разсудительность, смиреніе и уваженіе къ заслугамъ видно не приведены подъ итогъ преподаваемыхъ наукъ. Вашу статью назвалъ одинъ изъ безпристрастныхъ читателей оной: злоупотребленіемъ склоненія личнаго мѣстоименія я,—и это очень мѣтко. Отдавая полную справедливость вашимъ дарованіямъ, нельзя не замѣтить, что приводимые на очную ставку съ Карамзинымъ вашъ письменный столъ, ваше полное сужденіе объ *Исторіи* Карамзина, ваша обязанность сказать о ней нѣсколько словъ, все это очень неумѣстно и очень забавно, хотя и не весело забавно. Не стану входить въ подробное опроверженіе мнѣній вашихъ ни здѣсь, ни въ печати. Неосновательность, опрометчивость, высокомѣрная невоздержность оныхъ кидаются въ глаза. Вы предваряете меня, что будете отвѣчать на мои выходки: предваряю васъ, что не буду отвѣчать на вашъ отвѣтъ. Для печати я все сказалъ, что почиталъ себя въ правѣ и въ обязанности сказать; въ настоящемъ, частномъ, объясненіи моемъ дополнилъ я для васъ, сказанное мною прежде для печати. Я не могъ удержать себя отъ желанія подать по возможности свой голосъ въ тяжбѣ,

которую почитаю дѣломъ національнымъ. Публика, сей верховный присяжный судъ, рѣшитъ, кто изъ насъ правъ: вы-ли и г. Арцыбашевъ, или я. Что же касается до того, что вы обо мнѣ скажете, тутъ въ глазахъ моихъ національной и литературной важности не будетъ и, слѣдовательно, ничто за живое меня не задѣнетъ: мнѣніемъ же *Московскаго Вѣстника* въ литтераурномъ отношеніи позволено не дорожить, когда видимъ, что въ немъ даже и по части слога судія Арцыбашевъ, а подсудимый Карамзинъ, когда въ немъ эпоха Карамзина названа *междуцарствіемъ литературнымъ*, а эпоха г. Арцыбашева и ему подобныхъ признается *воцареніемъ законной власти.* Этотъ примѣръ въ силахъ притупить и самое раздражитительное самолюбіе авторское. Въ отношеніяхъ частныхъ и личныхъ мнѣ самому очень жаль, что я почиталъ себя обязаннымъ рѣзко прптиворѣчить вамъ, но вы признаетесь, что въ эпиграммѣ и въ промѣчаніи къ эпиграммѣ нѣтъ мѣста потворству и ласковымъ увѣреніямъ. Впрочемъ, повторяю; я исполнилъ то, что почиталъ себя въ правѣ и обязанности исполнить. Вы, вѣроятно, слѣдовали тому же правилу: и такъ, мы оба правы, каждый передъ собою. Не намъ судить, кто изъ насъ правѣе передъ другимъ“.

На предложеніе Погодина напечатать это письмо, князь Вяземскій отвѣчалъ: „Вы хотѣли дать мнѣ знать, будете-ли отвѣчать въ *Московскомъ Вѣстникѣ* на мое замѣчаніе, напечатанное въ *Телеграфѣ*. Ожидаю въ этомъ случаѣ вашего мнѣнія, чтобы знать, напечатаю-ли и я свое письмо. Что касается до напечатанія письма моего въ вашемъ журналѣ, почитаю это дѣломъ совершенно неприличнымъ и потому рѣшительно не соглашаюсь на ваше предложеніе. Повторяю вамъ то, что сказалъ уже вамъ на словахъ: если хотите прекратить печатныя ваши пренія, то охотно прекращаю. Я свой голосъ подалъ, мнѣніе мое въ этомъ дѣлѣ извѣстно и оно понятно, слѣдовательно мнѣ дальнѣйшія объясненія не нужны“ [357]). Но Погодинъ этимъ не удовольствовался и счелъ за нужное напечатать въ *Московскомъ Вѣстникѣ:* „Нѣсколько объяснительныхъ

словъ отъ издателя": „Помѣщеніе *Замѣчаній* г. Арцыбашева на *Исторію Государства Россійскаго* составляло въ Москвѣ общій предметъ разговора даже и не между литераторами. Журналистъ, хотя бы онъ и не принималъ личнаго участія въ такомъ дѣлѣ, занимающемъ публику, долженъ сказать о немъ свое мнѣніе, и я предлагаю читателямъ еще нѣсколько словъ въ дополненіе къ сказанному. Въ объявленіи о *Московскомъ Вѣстникѣ* на 1828 годъ обѣщаны были публикѣ *Замѣчанія на Исторію Государства Россійскаго*. Я предполагалъ тогда помѣщать свои, но послѣ, получивъ надежду заниматься Россійской Исторіей въ Академіи Наукъ при г. Кругѣ, знаменитомъ обширною своею ученостью по сей части, я рѣшился удержать ихъ, чтобы послѣ представить въ видѣ совершеннѣйшемъ. Между тѣмъ, мнѣ должно было исполнить свое обѣщаніе передъ публикою, и я обратился съ просьбою къ г. Арцыбашеву, котораго многолѣтніе труды и свѣдѣнія извѣстны всякому просвѣщенному любителю Русской Исторіи изъ разныхъ статей, напечатанныхъ имъ въ журналахъ. Отъ него я имѣю честь получить напечатанныя мною статьи въ №№ 19,— 24, какъ начало, за которымъ послѣдуетъ продолженіе, нигдѣ еще не напечатанное. Тонъ рецензента мнѣ не нравился, но я объяснилъ себѣ это явленіе не такъ, какъ большинство въ нашей публикѣ. Изслѣдователь, смотрящій на исторію преимущественно съ критической точки, почти не можетъ уже обращать равнаго вниманія на другія ея свойства, и потому естественно долженъ говорить о ней иначе, нежели, напримѣръ, свѣтскій человѣкъ, который ищетъ въ ней только занимательнаго чтенія, которому все равно, здѣсь-ли должна стоять запятая въ лѣтописи, или тамъ, въ пятидесятомъ-ли году случилось происшествіе или въ пятисотомъ, Іоаннъ-ли былъ главнымъ актеромъ, или Іоаннникій. Бездѣлица раздражаетъ такого изслѣдователя, и такое раздраженіе напечатлѣвается даже и противъ воли — въ его замѣчаніи. Мало-ли сколько постороннихъ обстоятельствъ могутъ имѣть вліяніе на образъ писанія. Въ европейской литературѣ множество тому найдете вы

примѣровъ: съ какимъ ожесточеніемъ сражались Гейне съ Вольфомъ, Крейцеръ съ Фоссомъ, Шлегель съ Гереномъ, Шлецеръ съ Гердеромъ, Буле съ Эверсомъ. Недавно еще вотъ какъ Демуленъ писалъ къ знаменитому Кювье: „Я не принадлежу ни къ одному ученому или литературному обществу, а вы членъ всѣхъ академій въ мірѣ; я не значу ничего въ правительствѣ, а вы въ немъ могущественны; мое семейство платитъ подати государству, а вы получаете отъ него многочисленныя и большія жалованья; я самъ тружусь надъ своими сочиненіями, а вы, слышно, приписываете къ своимъ только предисловія и свое имя; мнѣ едва тридцать лѣтъ, а вамъ вдвое больше того; какъ же случилось, что мы съ вами встрѣтились и столкнулись? Почему я долженъ говорить съ вами, и что можетъ быть общаго между нами". Разумѣется, такихъ сраженій одобрить нельзя, а науки выигрываютъ; я хотѣлъ упомянуть здѣсь объ этомъ только для того, чтобы показать читателямъ, сколь обыкновенны такія явленія и въ Европѣ. По сему соображенію я думалъ, что публика, противное ей въ *Замѣчаніяхъ* г. Арцыбышева, спокойно подведетъ хотя подъ категорію, что нѣтъ ничего на свѣтѣ совершеннаго; а справедливое приметъ съ благодарностью; наконецъ, что сіи *Замѣчанія* подадутъ поводъ къ разсужденіямъ pro и contra отъ которыхъ наука необходимо должна выиграть, которыми хотя сколько нибудь опредѣлится достоинство Исторіи Карамзина, въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ неопредѣленное, къ стыду современной русской литературы, несмотря на громкіе, но порожніе клики безусловныхъ почитателей. Я думалъ такъ, но надѣлѣ вышло иначе: большинство голосовъ между читателями осудило меня за помѣщеніе. Съ одной стороны, для меня это было пріятно, ибо я увидѣлъ, что есть еще у насъ и литературныя, ученыя дѣла, въ которыхъ можетъ принимать живое, собирательное участіе холодная публика; съ другой, напротивъ, и я, въ отвѣтѣ моемъ на письмо представителя нѣкоторыхъ г-на Z, старался показать, съ какихъ точекъ самъ смотрю на *Исторію Государства Россій-*

скаго и слѣдовательно, почему считаю за полезное помѣщать *Замѣчанія* Арцыбвшева и другихъ. Для меня, какъ для журналиста, казалось постыднымъ стоять за угломъ при разсужденіяхъ о такомъ дѣлѣ, и я хотѣлъ принимать на себя удары, направленные на Арцыбашева, кромѣ одного отношенія, о которомъ объяснялся предварительно. Я очень чувствовалъ, что становлюсь въ весьма невыгодное положеніе предъ недобросовѣстными оппонентами, произнося нѣсколько отрывочныхъ мыслей, какъ бы мимоходомъ, о важномъ твореніи; но надѣялся, что они, хотя вслѣдствіе моей оговорки не перетолкуютъ ихъ въ дурную сторону. Кажется, было очевидно, что не осмѣливавшись доселѣ произнести полнаго сужденія“, я тѣмъ болѣе не произнесъ бы однихъ результатовъ, „если бы не вынужденъ былъ обстоятельствами. Однакоже этого не поняли или не хотѣли понять. Теперь поговоримъ о возраженіяхъ, мною слышанныхъ въ публикѣ. „Карамзинъ, по его мнѣнію, не критикъ“,—говорятъ мои порицатели, „не философъ, художникъ съ исключеніемъ,— что же остается при нашемъ великомъ писателѣ“. Милостивые государи! за недостаткомъ мѣста я отвѣчаю вамъ примѣрами. Ливій не только не критикъ, но даже сказочникъ, часто не только не философъ, но даже безъ мысли о философіи исторіи, безъ мысли о всякомъ другомъ народѣ, кромѣ своего, и между тѣмъ, какъ художнику, ему покланяется весь образованный міръ. Слѣдовательно, кромѣ критицизма, кромѣ философіи, историкъ можетъ имѣть многія великія достоинства. Великимъ художникомъ безъ оговорки не назвала еще европейская критика ни одного историка. Всѣ они имѣютъ свои достоинства и свои недостатки. Одинъ изображаетъ превосходно характеры лицъ, у другого виденъ духъ народа, у третьяго происшествія, четвертый отличается расположеніемъ свѣта и тѣни и проч. и проч. Великій художникъ-историкъ во всѣхъ отношеніяхъ явится между людьми, можетъ быть, только наканунѣ свѣтопреставленія. Нужно-ли пояснять мнѣ еще нѣкоторыя мѣста въ своемъ отвѣтѣ? Апоѳегмы въ *Исторіи Государства*

Россійскаго назвалъ я общими мѣстами, но Тацитовскія мысли нынѣ называютъ лишними въ Исторіи, какъ художественномъ произведеніи, въ которомъ должны говорить только событія. Прибавимъ, что ни одинъ историкъ не избѣжалъ отъ сего упрека. Еще ставятъ въ вину рецензенту молодость. Помилуйте, господа, когда вы оставите въ покоѣ метрическія книги при вашихъ критикахъ и антикритикахъ. Вспомните, по крайней мѣрѣ, хотя то, что по правиламъ педагогики, въ дѣтяхъ стараются нынѣ развивать свой собственный образъ сужденія, дѣтей отучаютъ отъ попугайства. Не излагаютъ-ли ученики публично на экзаменахъ свои мысли не только объ одномъ какомъ-нибудь великомъ писателѣ, но о цѣлыхъ литературахъ, вѣкахъ, народахъ, если только, разумѣется, они занимались сими предметами? Поправьте, осудите мнѣніе рецензента, но основательными доказательствами, а не черезполосными противорѣчіями, не общими мѣстами, и онъ съ благодарностью выслушаетъ приговоръ себѣ, хотя бы и въ самыхъ язвительныхъ выраженіяхъ, и отъ старика, и отъ мужа, и отъ юноши, и отъ младенца. Письмо мое назвалъ нѣкто *) „злоупотребленіемъ склоненія мѣстоименія я“. Признаюсь, я не хочу причисляться къ категоріи не я, но впрочемъ, готовъ говорить о себѣ даже въ такихъ выраженіяхъ, въ какихъ подписывались наши челобитчики во время оно, если бы не почиталъ всѣ сіи формы слишкомъ маловажными, не заслуживающими большого вниманія; лучше бы оставить въ покоѣ первыя, вторыя и третьи лица, и разсуждать о дѣлѣ. „Помѣщеніемъ *Замѣчаній* — говорятъ иные вообще — ослабляется вліяніе Исторіи Карамзина на Россію, уменьшается желаніе читать ее въ лѣнивцахъ, которые ищутъ только предлога къ бездѣйственности“ и проч. **) Богъ съ ними, съ сими лѣнивцами! Смѣло сказать можно съ поэтомъ: „не оживитъ ихъ лиры гласъ“. Неужели наука, неужели Карамзинъ, потеряютъ что-нибудь, если какой-нибудь невѣжа перестанетъ читать его отъ того,

*) См. выше, въ письмѣ князя П. А. Вяземскаго.

**) Князь П. А. Вяземскій. См. выше.

что въ журналѣ появятся замѣчанія на *Исторію Государства Россійскаго.* И неужели для такого отчаяннаго невѣжи должно терять изъ виду и новое поколѣніе, и другихъ благонадежныхъ читателей, которые хотятъ чтить достоинство достойнымъ образомъ, умно, а не съ голосу! О Карамзинъ! какъ мало уважаютъ, какъ мало понимаютъ тебя эти люди, принимающіе на себя титло твоихъ защитниковъ, въ которыхъ ты, богатый своими заслугами отечеству, не имѣешь никакой нужды. Наконецъ, другіе, помѣщеніе *Замѣчаній,* въ отношеніи ко мнѣ, приписываютъ какой-то особливой цѣли, почитаютъ сіе слѣдствіемъ заговора. Нѣтъ, милостивые государи, мною руководствовала одна любовь къ истинѣ, которую могу доказать, какъ говорится у насъ теперь, по-варварски, фактами: такъ, переходя теперь подъ близкое непосредственное начальство г. Круга, я никакъ не усомнился напечатать и оскорбительное замѣчаніе г. Арцыбашева на одну его догадку; такъ, въ разсужденіи своемъ *О Происхожденіи Руси* для полученія степени магистра словесныхъ наукъ въ Московскомъ университетѣ, я именно опровергалъ мнѣніе, принятое тѣмъ профессоромъ, который мнѣ задавалъ разсужденіе; такъ, недавно самому г. Эверсу посвятилъ я разборъ вовсе неблагопріятный сочиненію, въ защиту его мнѣнія написанному. Я увѣренъ, что могу ошибаться, и говорить несправедливое, по недостатку-ли то свѣдѣній или по другой подобной причинѣ, могу со временемъ перемѣнить мнѣніе, но никогда не напечатаю ничего противъ внутренняго убѣжденія. Какой-то министръ бился объ такладъ съ однимъ французскимъ королемъ, что въ двухъ строкахъ любого праведника найдетъ предлогъ, за что бы можно было повѣсить его. Съ подобною рѣшительностью, чего, разумѣется, не найдутъ въ моемъ отвѣтѣ, и прежнемъ и нынѣшнемъ, но Honni soit qui mal y pense“ [358]).

Неправую сторону Погодина, къ сожалѣнію, сталъ поддерживать П. М. Строевъ, который въ это время уже собирался въ свое знаменитое археографическое путешествіе

по Россіи, результатомъ чего, какъ извѣстно, было учрежденіе Археографической Коммиссіи, принесшей неоцѣненную пользу наукѣ и прославившей царствованіе Императора Николая I-го. Задѣтый неизвѣстно почему сатирой князя Вяземскаго, П. М. Строевъ написалъ Погодину письмо для помѣщенія въ *Московскомъ Вѣстникѣ.* Письмо это даже самому Михаилу Петровичу показалось очень рѣзкимъ; онъ предварительно читалъ его съ исключеніями княгинѣ З. А. Волконской и „просилъ Строева смягчить нѣкоторыя мѣста въ его письмѣ“; но тотъ на это не соглашался и обвинялъ Погодина „въ трусости“ [359]). Какъ бы то ни было, Погодинъ уступилъ и письмо напечаталъ въ *Московскомъ Вѣстникѣ.* „Если ученый изслѣдователь“, читаемъ, между прочимъ, въ письмѣ Строева, „двадцать пять лѣтъ посвятившій на тяжелый трудъ критическаго свода лѣтописей, каковъ г. Арцыбашевъ,—*сова;* если трудолюбивый профессоръ, въ двадцать лѣтъ своей службы развернувшій не одинъ археологическій талантъ, каковъ г. Каченовскій,—также *сова;* и журналистъ, руководимый любовью къ истинѣ и непричастный удѣламъ партій, какимъ почитаю васъ, не болѣе *совы*—и все отъ нѣсколькихъ замѣчаній, помѣщенныхъ въ *Московскомъ Вѣстникѣ* на *Исторію Государства Россійскаго,*—такъ какому разряду птицъ причислить меня, который съ юношескихъ лѣтъ, критиковалъ ее предъ самимъ творцемъ въ его кабинетѣ?

Не устрашайтесь, г. журналистъ, терній на пути вашемъ къ истинѣ! Продолжайте любить ее, какъ любилъ великій мужъ *), котораго тѣнь, безъ сомнѣнія, помагаетъ мнѣ въ знакъ одобренія. Помѣстите въ своемъ изданіи всѣ замѣчанія г. Арцыбашева; убѣдите г. Каченовскаго напечатать свои и не отриньте моихъ, когда изъ Мезени, Соловковъ, Чердыни или Кунгура я удосужусь ихъ къ вамъ доставить“ [360]). Самодовольный Арцыбашевъ спокойнымъ окомъ взиралъ на сію поднявшуюся ради его *Замѣчаній* бурю, о чемъ свидѣтельствуетъ слѣдующее его письмо къ Погодину: „Вы пишете, что

*) Карамзинъ.

на насъ воздвиглось *литературное гоненіе.* Я уже читалъ это отчасти и насмѣялся до-сыта... Пасквили, эпиграммы, антикритики безъ доказательствъ суть настоящій вздоръ:

Достойной похвалы невѣжды не умалятъ,
А то не похвала, когда невѣжды хвалятъ.

Мнѣ сказывали, что какой-то князь Вяземскій въ *Московскомъ Телеграфѣ* цѣнитъ и меня; но я уже далъ знать, что кромѣ ученаго опроверженія ни на какое отвѣчать не стану, ибо не имѣю времени заниматься пустяками. Презрите и вы пустослововъ *прихожанъ;* скажите имъ:

Кумиръ, поставленный въ позоръ,
Несмысленную чернь прельщаетъ;
Но коль художниковъ въ немъ взоръ
Прямыхъ красотъ не обрѣтаетъ,
Се образъ ложныя молвы,
Се глыба грязи позлащенной.

Ученыя доказательства не могутъ быть опровергнуты иначе, какъ таковыми важнѣйшими; битвы журнальныя возбуждаютъ только смѣхъ читателей. Здѣсь ужасть какъ издѣваются надъ преніями *Сѣверной Пчелы* и *Славянина*; иные говорятъ: красна брань дракою, а другіе уподобляютъ ихъ стариннымъ дворянскимъ шутамъ, которые таскаются за волосы и тѣмъ веселятъ господъ своихъ, разумѣется, не очень умныхъ. Надо васъ предупредить, что А. А. Писаревъ *) мой старинный пріятель; въ 1805 году, когда мы жили въ Петербургѣ съ Д. И. Языковымъ, то видѣлся я съ Александромъ Александровичемъ, тогдашнимъ штабсъ-капитаномъ Семеновскаго полка ежедневно. Стану въ *Замѣчаніяхъ на Исторію Карамзина* дѣйствовать мягче, но не слабѣе“ [361]). Хорошо Арцыбашеву было самодовольствовать въ Цивильскѣ и изливать свою злобу на Карамзина, но Погодину, какъ увидимъ, пришлось горько поплатиться и притомъ совершенно справедливо, за Арцыбашева.

Въ то самое время, когда Погодинъ ломалъ копья за

*) Попечитель Московскаго учебнаго округа.

сего почтеннаго „регистратора“ Русской Исторіи, на Николинъ день 1828 г. пріѣхалъ въ Москву Пушкинъ. „Вотъ“, думаетъ Погодинъ, „нашумятъ ему въ уши Вяземскій и пр.“ Но не въ характерѣ князя П. А. Вяземскаго было шумѣть кому-либо „въ уши“. Да неужели, въ самомъ дѣлѣ, Погодинъ могъ предполагать, чтобы Пушкинъ могъ предпочесть Арцыбашева Карамзину. Тѣмъ не менѣе, Погодинъ начинаетъ осаждать дверь Пушкина, о чемъ читаемъ въ его *Дневникѣ* „Къ Пушкину. Гораздо хладнокровнѣе Вяземскаго и смотритъ на дѣло яснѣе, хотя и охуждаетъ помѣщеніе. Говорилъ о Карамзинѣ: „Лѣтописатель XIX столѣтія. Я вижу въ немъ тоже простодушіе, искренность, честность—онъ вѣдь не нехристь, и здравый умъ, по крайней мѣрѣ, я знаю это о двухъ послѣднихъ томахъ“. При этомъ Пушкинъ дѣлаетъ весьма любопытное замѣчаніе о значеніи чиновъ въ Россіи. „Можемъ ли мы—говорилъ онъ Погодину — познакомиться съ нынѣшнею Россіею, напримѣръ, не растолковавши, что такое дѣйствительный тайный совѣтникъ и коллежскій регистраторъ“. Забывши на время Арцыбашева, Погодинъ читаетъ у Пушкина свою повѣсть *Немочь*. „Хвалитъ очень—съ радостью замѣчаетъ Погодинъ—много драмматическаго. Пушкинъ прочелъ мнѣ стихи о *Пользѣ*. Превосходные. Потомъ *Мазепу*, который не произвелъ большого дѣйствія, хотя много хорошаго. Негоціаціи съ Вяземскимъ и Пушкинымъ. Къ Пушкину. Написалъ *Чернь*. Отдалъ *Мазепу* переписать для Государя. Слушалъ его восклицанія за буйными разсказами Голохвостова. Что за чудакъ! Къ Пушкину. Богъ всѣмъ далъ орѣхи, а ему ядра. Слушалъ его сужденія о Батюшковѣ“ [362]). Въ это же время Пушкинъ заинтересовываетъ Погодина Чаадаевымъ, который послѣ своей отставки, въ февралѣ 1821 года, поѣхалъ въ чужіе края, гдѣ предавался изученію произведеній искусства древняго міра и среднихъ вѣковъ. Во время коронаціи императора Николая I-го Чаадаевъ вернулся въ Россію и навсегда поселился въ Москвѣ, ставъ „однимъ изъ замѣчательныхъ людей“ первопрестольной

столицы [363]). По поводу одного изъ своихъ посѣщеній Пушкина, Погодинъ заноситъ въ свой *Дневникъ:* „Мысль завести переписку съ Чаадаевымъ, о знакомствѣ котораго съ Шеллингомъ разсказывалъ Пушкинъ“ [364]).

Сдѣлавъ это невольное отступленіе, вернемся къ Арцыбашеву, котораго судьба, какъ мы уже замѣтили, избрала своимъ орудіемъ того, чтобы Погодинъ, „рожденіемъ, воспитаніемъ, жительствомъ, службою, направленіемъ мыслей, убѣжденіями, чувствомъ, самымъ своеобразнымъ характеромъ дѣятельности“, принадлежалъ до конца жизни своей Москвѣ. „Погодинъ — писалъ И. В. Кирѣевскій Соболевскому — теперь весьма несчастливъ. Чортъ дернулъ его напечатать критику Арцыбашева на Карамзина въ своемъ журналѣ, и это сдѣлало ему заклятыхъ враговъ изъ всѣхъ друзей Карамзина. Дмитріевъ, Блудовъ и пр., и пр. подали примѣръ, а вся остальная братія за ними. Въ мѣстѣ ему отказано, знакомства съ нимъ разорваны, его бранятъ, дѣлаютъ ему всякаго рода непріятности, а онъ ни тѣломъ, ни душой не виноватъ, потому что самъ несогласенъ съ Арцыбашевымъ; а зачѣмъ напечаталъ? Самъ чортъ не разберетъ“ [365]). Самъ же Погодинъ объяснялъ впослѣдствіи этотъ печальный эпизодъ своей жизни такимъ образомъ: „Держась правила о свободѣ мнѣній въ журналѣ, я продолжалъ помѣщать въ *Московскомъ Вѣстникѣ* Замѣчанія Арцыбашева на *Исторію* Карамзина. Друзья покойнаго Карамзина, ревнители его славы и нѣкоторые безусловные почитатели, считали не только сочиненіе, но и помѣщеніе ихъ литературнымъ преступленіемъ, — особенно въ то время, когда не остылъ еще его прахъ. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ они были правы; всего больнѣе для меня было то, что въ числѣ ихъ были большею частью люди, которыхъ я искренно уважалъ и которымъ былъ обязанъ. И. И. Дмитріевъ, ласкавшій меня прежде много, началъ отзываться обо мнѣ такъ, что я почелъ за лучшее даже и не показываться ему на глаза; В. А. Жуковскій сталъ холоднѣе; князь П. А. Вяземскій, принимавшій живое участіе въ первомъ моемъ лите-

ратурномъ изданіи *Ураніи* (1826 г.), доставившій мнѣ знакомство и стихотворенія Пушкина, помогшій посредствомъ графа Д. Н. Блудова издать славянскую грамматику Добровскаго,—написалъ стихотвореніе съ особымъ замѣчаніемъ, которое я долженъ былъ принять отчасти на свой счетъ и начать переписку. Наконецъ, избранный тогда же единогласно по представленію Круга за разсужденіе *О происхожденіи Руси* въ адъюнкты Академіи Наукъ, я былъ, вслѣдствіе этого происшествія, не допущенъ до этого сословія, и лишился возможности заняться норманскими древностями подъ руководствомъ знаменитаго академика. Одинъ Пушкинъ сохранилъ ко мнѣ прежнее расположеніе и ободрялъ меня, говоря: все перемелется мука будетъ" [366]). Впослѣдствіи самъ Погодинъ сознавался, что князь П. А. Вяземскій „былъ совершенно правъ, осуждая мои софизмы, которые представлялись мнѣ непреложными истинами,—софизмы о необходимости напечатать *Замѣчанія* Ацыбашева".

Въ это самое время, изъ отдаленной Еривани, университетскій товарищъ Погодина Гусевъ, ничего не зная о происходящемъ въ Москвѣ, писалъ ему (отъ 10 декабря 1828 г.): „Радуюсь будущей вашей славѣ и желаю отъ всей души, чтобъ вы были достойнымъ послѣдователемъ знаменитаго нашего исторіографа, продолжая безсмертное твореніе его". Въ другомъ письмѣ того же Гусева (отъ 17 декабря), читаемъ: „Желаю вамъ отъ души писать и продолжать, если возможно, *Исторію* Карамзина, а не заниматься только сухими древностями историческими и разысканіями о Словянскихъ народахъ, до потопа яко-бы жившихъ. Что Каченовскій? Спитъ на журнальныхъ, давно уже завялыхъ лаврахъ своихъ и, кажется, рѣшительно не пойдетъ далѣе. Увѣдомьте гдѣ и что дѣлаетъ И. И. Давыдовъ? Жалко, если человѣку съ такими талантами и познаніями преградили путь къ занятію науками. Что молчитъ вашъ Вяземскій? Не будетъ ли онъ сотрудникомъ въ *Галатеѣ?* Или не приготовляетъ ли чего-либо важнаго для нашей литературы?"

Посмотримъ теперь, какъ отнеслись къ критикѣ Арцыбашева петербургскіе друзья Погодина.

„Ты спрашиваешь“, писалъ къ нему В. П. Титовъ (отъ 8 января 1829 года), „о дѣйствіи твоихъ выходокъ на Карамзина въ Петербургѣ. Отвѣчаю: одни ихъ называютъ ложными и дерзкими другіе справедливыми, но опрометчивыми, всѣ—полными безвкусія. Прощай, кланяйся лично Пушкину, письменно рыцарю фортуны Шевыреву; И. И. Дмитріеву скажи мое почтеніе“.

Къ числу друзей Погодина, переселившихся въ Петербургъ, слѣдуетъ присоединить и Николая Ивановича Любимова († 1875). Въ 1828 году онъ оставилъ Москву и началъ свою службу въ Азіатскомъ Департаментѣ, въ которомъ и оставался во все время управленія Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ графа Несельроде. Но служба не дѣлала его равнодушнымъ къ литературнымъ интересамъ, о чемъ свидѣтельствуетъ его переписка съ Погодинымъ. „За Арцыбашева“, писалъ онъ своему другу (отъ 8 января 1829) „васъ ругаютъ даже и знакомые ваши. Впрочемъ, нѣтъ худа безъ добра: можетъ быть все это ускоритъ появленіе лучшаго; можетъ быть вы... Дай-то Богъ! Тогда поблагодарили бы Арцыбышева. Послѣднія ваши возраженія чудны именно потому, что отъ души писаны и преисполнены благороднаго негодованія. Они начинаютъ производить хорошее дѣйствіе. Письмо Строева остро. Право помѣщенія замѣчаній Арцыбышева по различнымъ отношеніямъ есть счастливая эпоха въ исторіи нашего отечества“.

Не такъ отнесся къ выходкамъ противъ Карамзина одинъ изъ лучшихъ друзей Погодина, умный, добрый князь В. Ѳ. Одоевскій. Единомышленно съ княземъ П. А. Вяземскимъ, онъ сильно, но благодушно, возсталъ противъ Погодина и письмо его производитъ отрадное впечатлѣніе какъ энергическій отпоръ противъ посягателей на нашу народную славу. „Вы любите истину“, писалъ онъ Погодину (отъ 12 января 1829 года) и потому не разсердитесь, если я скажу

вамъ, что послѣднія книжки *Московскаго Вѣстника* произвели пренепріятное впечатлѣніе на людей всѣхъ партій. Похвалы Арцыбышеву и брань на Карамзина всѣмъ показалась явленіемъ, по крайней мѣрѣ, страннымъ. Я самъ, какъ вы знаете, совсѣмъ не карамзинистъ, но и меня возмутило сочиненіе, въ которомъ великаго писателя тормошатъ какъ школьника. Я не говорю о томъ справедливы или несправедливы мнѣнія г. Арцыбышева; дѣло въ томъ, что такимъ тономъ не говорятъ о единственномъ нашемъ историкѣ. Ваши объясненія ничего не помогаютъ; никто не сомнѣвается въ вашей благонамѣренной цѣли, но вы бы также ее достигли еслибъ выбрали изъ критики Арцыбышева лучшее, откинувши все неприличное. Вы знаете, что я далекъ отъ тѣхъ безусловныхъ почитателей, которые нехотятъ вѣрить ошибкамъ великаго писателя, но мною руководствуетъ одно чувство, которое увѣряетъ меня, что писатель, хотя мало возвысившійся надъ посредственностію, есть предметъ уваженія. Это чувство заставило меня негодовать на критику Арцыбышева. И какое время вы для нея выбрали? Когда правительство всѣми силами старается помогать нашимъ успѣхамъ въ литературѣ и въ наукахъ вообще! Такъ-то мы отвѣчаемъ его благороднымъ усиліямъ? Смѣхъ и негодованіе—вотъ впечатлѣніе, которое производятъ наши писатели на публику и безъ того нерасположенную къ просвѣщенію. Такъ, любезнѣйшій Михаилъ Петровичъ, издавая журналъ, т.-е. единственныя книги читаемыя въ Россіи, мало обращать вниманіе на разрѣшеніе частныхъ ученыхъ вопросовъ; рѣшительно могу сказать, познакомившись болѣе со свѣтомъ, что эти вопросы никого не интересуютъ, кромѣ десятка можетъ быть во всей Россіи и печатать о нихъ что нибудь, истинная роскошь, или лучше мотовство, а особливо въ журналѣ; загляните въ любой экземпляръ и вы увидите, что извѣстія о Чуди и Черемисахъ и другихъ подобныхъ вопросахъ—даже не разрѣзаны. Оно и естественно. Спросите у Соболевскаго, можно ли человѣка съ тощимъ желудкомъ потчивать какимъ нибудь воздушнымъ

пирожнымъ. Всякій журналъ въ Россіи, по моему мнѣнію, долженъ имѣть одну цѣль—возбудить охоту къ чтенію. Знакомство съ дѣломъ, доставленное мнѣ службою, увѣрило меня, что наше просвѣщеніе находится на степени нашихъ прадѣдовъ, которымъ насильно надобно было брить бороды, что всякое дѣйствіе на просвѣщеніе въ Россіи можетъ только и единственно сходить сверху отъ правительства, что одно его покровительство согрѣваетъ кое гдѣ явившуюся любовь къ просвѣщенію. Отнимите это солнце и завянутъ парниковые цвѣты нашей словесности. Нигдѣ на всемъ пространствѣ имперіи нѣтъ самопроизвольнаго стремленія къ просвѣщенію. Что сдѣлаетъ правительство, — то и есть. Но правительство можетъ основать школы, выписать учителей, покровительствовать ученымъ, — но возбудить охоту къ ученію, пріобрѣсть литературѣ привязанность и уваженіе публики — дѣло писателей. Что же дѣлаютъ наши писатели? Сообразите эти общія мысли съ помѣщеніемъ въ журналѣ критики Арцыбышева на Карамзина. Оставя и талантъ его и всѣ другія отношенія, должно замѣтить, что Карамзинъ былъ счастливецъ, умѣвшій заинтересовать нашу публику, сдѣлаться писателемъ народнымъ. Правительство цѣнило его, награждало его какъ рѣдко награждаетъ людей на другомъ поприщѣ. Не живя въ свѣтѣ трудно вообразить себѣ какое благотворное вліяніе производятъ награды на мнѣніе публики. Послѣдняя необыкновенная награда нынѣшняго Государя Карамзину была нетолько данью уваженія, но вмѣстѣ и высокимъ политическимъ дѣломъ. Вообразите минуту въ которую она явилась, радость ненавистниковъ просвѣщенія, что нашли скамейку на которую имъ ловко было опираться, унылніе людей истинно просвѣщенныхъ – и вы согласитесь со мною. Эта награда зажала уста гасильникамъ, они не произносятъ болѣе имени литератора съ насмѣшкою, просвѣщеніе перестало быть словомъ одно-значительнымъ съ преступленіемъ. Отецъ не вскрикиваетъ болѣе отъ ужаса, когда сынъ его говоритъ ему, что хочетъ заниматься литературою. Косвенное дѣйствіе

сей награды было то, что русская литература вошла въ моду въ лучшихъ обществахъ за коимъ обыкновенно тянутся прочія. Это косвенное вліяніе дѣйствій правительства весьма важно. Замѣчу здѣсь мимоходомъ вамъ какъ журналисту, что съ этой точки зрѣнія не худо бы посмотрѣть на дѣйствіе произведенное покойною Императрицею. Дѣло журналиста воспитать дѣйствіе произведенное Карамзинымъ на читателей. Этой ли цѣли достигаетъ критика Арцыбышева? Нѣтъ, а только доказать, что Карамзинъ не имѣлъ ни способностей, ни познаній, что однимъ словомъ уваженіе, которымъ онъ пользовался было не иное что, какъ заблужденіе. Еслибы критика, вмѣсто всеобщаго смѣха и негодованія, произвела дѣйствіе ею предполагаемое, сдѣлала бы она нашу публику бережливѣе на вниманіе и безъ того съ расчетомъ выдаваемое? Скажу болѣе: не расхолодила-ли бы она и въ самомъ правительствѣ благородную страсть къ ободренію литераторовъ? Да и теперь не косвенное-ли то порицаніе наградъ данныхъ Карамзину? И гдѣ же печатается эта критика? Въ журналѣ, въ которомъ участвуютъ люди новаго поколѣнія! Сообразите все это и взвѣсьте, что важнѣе, всѣ эти отношенія, или поправка нѣсколькихъ буквъ въ лѣтописяхъ, мелочная и для самой науки. Напечатайте критику Арцыбышева отдѣльно — надъ нею бы посмѣялись и только. Но когда она въ журналѣ — за нее отвѣчаютъ нѣкоторымъ образомъ всѣ участники въономъ; ибо хотя уши всѣмъ прокричите о безпристрастіи, журналъ, по существу своему, все есть выраженіе какого либо особеннаго мнѣнія. А какъ я мнѣнія Арцыбышева раздѣлять не хочу, то вы не разсердитесь на меня, если я объявлю вамъ, что доколѣ будутъ печататься въ *Московскомъ Вѣстникѣ* статьи подобныя критикамъ г. Арцыбышева и пр., я не могу участвовать въ *Московскомъ Вѣстникѣ*. Все это не помѣшаетъ намъ остаться хорошими пріятелями“.

Вся эта передряга произвела удручающее впечатлѣніе на Погодина и онъ съ грустью записываетъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Нѣтъ, оставлю неблагодарное журнальное поприще; что дѣлать мнѣ

съ низкими бойцами! Я вышелъ бы чистъ изъ этой грази, еслибы не молодые мои сотрудники, но впрочемъ я не раскаяваюсь". Къ довершенію всего, пріѣхавшій въ Москву Сербиновичъ сообщилъ Погодину, что И. И. Дмитріевъ писалъ письмо „заклятія" о немъ Блудову, который „и надулъ", предполагаетъ Погодинъ, „министру чортъ знаетъ что. Блудовъ такъ и несетъ противъ меня". Но семейство Карамзина отнеслось довольно благодушно ко всей этой исторіи, по крайней мѣрѣ, вотъ что писалъ объ этомъ тотъ же Сербиновичъ Погодину: „Е. А. Карамзина не питаетъ противъ васъ никакого неудовольствія, и весьма огорчается, если ваше мнѣніе объ *Исторіи Государства Россійскаго* навлекло на васъ непріятности даже и по службѣ; впрочемъ, согласно съ большею частію читавшихъ *Московскій Вѣстникъ*, она не можетъ разувѣриться въ томъ, что многое, въономъ помѣщенное, отзывается неуваженіемъ къ Николаю Михайловичу. Всякъ, умѣющій цѣнитъ чувства родства, согласится, какъ больно было слышать о томъ семейству его обожавшему. Но вы знали его добрую, благородную душу: она оставила въ наслѣдство и женѣ и дѣтямъ его правило: не помнить огорченій. Не сомнѣваясь въ томъ, вы можете и сами обратиться къ Екатеринѣ Андреевнѣ письменно и прислать ея дѣтямъ изданныя вами книги, и должно стараться, чтобы въ письмѣ опять не огорчить ее какою нибудь мыслію: уваженіе къ памяти ея супруга, скромность, говоря о себѣ, празнаніе своей неосторожности, наконецъ увѣреніе, что вы дорожите мнѣніемъ о себѣ семейства его, не заботясь о прочемъ—вотъ что, какъ я думаю, ручается за успѣхъ письма [367])".

XXXV.

Вмѣсто эпилога, къ описанной нами полемикѣ Арцыбашева и союзника его Погодина, предметомъ, которой была *Исторія Государства Россійскаго* Карамзина, мы сдѣлаемъ

нѣкоторое отступленіе, въ которомъ представимъ, что гг. критики, прикрываясь *высшими интересами науки* и весьма нецеремонно относясь къ особѣ и творенію Карамзина, презрительно называя людей возмущавшихся ихъ грубостью, *слѣпыми поклонниками, прихожанами, свѣтскими невѣжами* *), что эти критики, были весьма щёкотливы къ своей собственной особѣ. Доказательствомъ сего можетъ служить *Дѣло, производившееся въ Московскомъ Цензурномъ Комитетѣ, по жалобѣ статскаго совѣтника, ординарнаго профессора и кавалера М. Т. Каченовскаго на цензора маіора и кавалера Сергѣя Глинку*. До начатія этого процесса Каченовскій заявилъ въ своемъ *Вѣстникѣ Европы*: „Здѣсь приличнымъ считаю объявить, что препираться съ Бенигною, я не имѣю охоты, отказавшись навсегда отъ безплодной полемики; а теперь не имѣю на то права, *предпринявъ другія мѣры* къ охраненію своей личности отъ игриваго произвола сего Бенигны и всѣхъ прочихъ. Я даже не читалъ бы статьи *Телеграфической*, еслибъ не былъ увлеченъ слѣдствіями неблагонамѣренности, прикосновенными къ чести службы и къ достоинству мѣста, при которомъ имѣю счастіе продолжать оную“. Прочитавъ эти строки, Пушкинъ замѣтилъ: „многочисленные почитатели *Вѣстника Европы* затрепетали. Не смѣли вообразить, на что могло рѣшиться рыцарское негодованіе Михаила Трофимовича. Къ счастью, скоро все объяснилось“.

Въ 1828 году М. Т. Каченовскій въ жалобѣ своей Московскому Цензурному Комитету изложилъ слѣдующее: „Въ *Московскомъ Телеграфѣ* на 1828 годъ, издаваемомъ купцомъ Николаемъ Полевымъ, и печатаемомъ подъ цензурою господина маіора и кавалера Сергѣя Глинки, находятся выраженія укоризненныя относительно къ моему лицу и не менѣе того предосудительныя для мѣста, при которомъ имѣю счастіе служить съ честью, съ дипломами на ученыя степени и въ званіи ординарнаго профессора; выраженія сіи, крайне

*) Замѣтимъ, что къ симъ послѣднимъ принадлежали И. И. Дмитріевъ, Жуковскій, князь П. А. Вяземскій, Пушкинъ, и др.

оскорбительныя для меня, совершенно противны 3-му и 4-му пункту, также пунктамъ 13 и 14 Высочайше утвержденнаго устава о цензурѣ, коими охраняется личная честь каждаго отъ оскорбленій. Поступокъ господина маіора Глинки, тѣмъ болѣе обиденъ для меня, что купецъ Полевой дозволилъ себѣ и сотрудникамъ своимъ въ прежнихъ книжкахъ *Телеграфа* весьма часто, безъ всякаго повода литературнаго, упоминать о имени моемъ съ неуваженіемъ и порицаютъ мои труды, безъ всякихъ доказательствъ о степени ихъ достоинства и что слѣдовательно г. цензоръ дѣйствовалъ по пристрастію; ибо не могъ не знать объ умыслѣ купца Полеваго, воспрещаемомъ силою закона. Будучи столь жестоко обиженъ передъ публикою, я покорнѣйше прошу цензурный комитетъ принять мѣры къ законному меня удовлетверенію". Съ своей стороны и Совѣтъ Московскаго Университета заявлялъ попечителю округа, что онъ „не можетъ оставить безъ вниманія оскорбленіе нанесенное личности издателя *Вѣстника Европы*— одного изъ достойнѣйшихъ своихъ *чиновниковъ,* по утвержденію высшаго начальства съ честью, въ теченіе многихъ лѣтъ преподававшаго при Московскомъ Университетѣ: Риторику, Археологію, Теорію Изящныхъ Искусствъ и нынѣ занимающаго каѳедру Россійской Исторіи и Статистики. И о семъ то извѣстномъ профессорѣ въ помянутой статьѣ *Московскаго Телеграфа,* Совѣтъ долженъ былъ прочесть: „еслибы онъ, старецъ по лѣтамъ, признался въ незнаніи своемъ въ законахъ словесности и принялся за дѣло скромно, поучился, бросилъ свои смѣшные предразсудки, заговорилъ голосомъ безпристрастія, мы всѣ охотно уважили бы его сознаніе въ слабости, желаніе учиться и познавать истину, всѣ охотно стали бы слушать его. Но что сдѣлалъ до сихъ поръ издатель *Вѣстника Европы*? Гдѣ его права, и на какой воздѣланной его трудами землѣ, онъ водрузилъ свои знамена? И потомъ, оспаривая у другихъ право литературнаго суда, онъ даетъ поводъ у него потребовать доказательствъ на его права: гдѣ они?" Университетъ на сей вопросъ о правахъ заслуженнаго *чинов-*

ника, побуждается отвѣтствовать: права его на судъ литературный суть: избраніе высшаго начальства Народнаго Просвѣщенія въ публичные преподаватели словесности и законовъ ея въ Университетѣ Московскомъ, званіе члена ученаго сословія Императорской Россійской Академіи, Всемилостивѣйшія награжденія Государя Императора, которыхъ былъ удостоиваемъ издатель *Вѣстника Европы*, единственно по ученой службѣ своей при Университетѣ, по предмету Словесности и Исторіи Россійской. Представляя ученой публикѣ судить объ ученыхъ трудахъ и заслугахъ профессора Каченовскаго по симъ наукамъ сверхъ службы его, Совѣтъ Университета долгомъ поставляетъ защитить оскорбленную честь *чиновника* своего и даже предохранить, отъ явнаго униженія частныхъ лицъ, самый составъ Университета. Исправность въ службѣ, увѣренность въ пользѣ ея приносимой обществу, питаемая поощреніями высшаго начальства, составляютъ честь чиновника, драгоцѣнное сокровище ученаго, какъ не мздоимство, мужество составляютъ честь поставленнаго правительствомъ судіи и воина. Сію честь охраняетъ 4-я статья, § 3 устава о цензурѣ, Высочайше утвержденнаго 22-го прошлаго апрѣля. Поелику вышеозначенною статьею, № 20 *Московскаго Телеграфа*, унижена честь, служащаго профессора при университетѣ Каченовскаго и тѣмъ оскорблено даже начальство Московскаго Университета, то Совѣтъ, доводя о семъ до свѣдѣнія вашего превосходительства, долгомъ поставляетъ просить, какъ предсѣдателя Московскаго Цензурнаго Комитета, принять начальническія мѣры для учиненія законнаго взысканія и для отвращенія на будущее время, подобнаго оскорбленія личности *чиновниковъ* Университета“.

Когда жалоба Каченовскаго была доведена до свѣдѣнія Глинки, то онъ заявилъ въ Московскій цензурный комитетъ, что „на основаніи 9-го пункта *Дворянской Грамоты* и въ силу 45-го пункта устава благочинія долгомъ поставляю просить Московскій Цензурный Комитетъ о востребованіи отъ г. статскаго совѣтника и кавалера Каченовскаго слѣдующихъ явствен-

ныхъ показаній: во-первыхъ, въ какомъ смыслѣ говоритъ проситель *о пристрастіи моемъ.* Во-вторыхъ, какимъ образомъ, по словамъ того же просителя, *не могъ я не знать объ умыслѣ купца Полеваго?"* На сей послѣдній запросъ Каченовскій отвѣчалъ довольно туманно: „Г. цензоръ Глинка, вѣдая возлагаемыя на него цензурнымъ уставомъ обязанности и, однакожъ, одобряя къ напечатанію многократно повторенныя оскорбительныя для чести моей выраженія, равно, какъ нескромное и предосудительное обнародованіе того, чтó относится до ученой службы моей и до нравственности, естественно дѣйствовалъ не по мгновенной оплошности, не по ошибкѣ или недосмотру, а пó пристрастію. Къ сему присоединяю и еще доказательства, что господинъ цензоръ и кавалеръ Глинка не могъ не знать объ умыслѣ купца Полеваго, клонящемся къ оскорбленію чести моей непристойными выраженіями и предосудительнымъ обнародованіемъ того, чтó относится до моей нравственности, и самою даже клеветою, когда и прежде уже неоднократно одобрялъ къ напечатанію, то, чтó купецъ Полевой дозволялъ себѣ и сотрудникамъ своимъ, безъ всякаго повода литературнаго, писать обо мнѣ, упоминать объ имени моемъ съ неуваженіемъ, порицать мои труды безъ всякихъ доказательствъ о степени ихъ достоинства. Напримѣръ: 1) „Въ Современномъ Наблюдателѣ въ первый разъ услышали откровенное признаніе, что *Вѣстникъ Европы* нынѣшняго издателя *сухъ* и *тяжелъ*". (*Моск. Телегр.* 1828 г., № 5, стр. 104 и 105); 2) „въ *Вѣстникѣ Европы*... на каждой страницѣ встрѣтите полдюжины барбаризмовъ" (*Моск. Тел.* 1828 г., № 12, стр. 50); 3) программа въ этомъ мѣстѣ списана съ обвертки *Вѣстника Европы*, тамъ каждый годъ г. издатель обѣщаетъ: оды, гимны, отрывки изъ трагедій и комедій, элегіи, посланія, сатиры и проч. (зри обвертку *Вѣстника Европы*, какого угодно изъ послѣднихъ лѣтъ)"... „Издатель *Вѣстника Европы* не поэтъ и, по недороду поэзіи, не исполняетъ никогда своего обязательства на поставку одъ, гимновъ, елегій" (*Моск. Тел.* 1828, № 15, стр. 462).

Взводимое на меня здѣсь передъ публикою обвиненіе, во всегдашнемъ неисполненіи моего обязательства, есть одна изъ клеветъ, запрещаемыхъ закономъ. Доказываю, прилагаемыми у сего четырьмя обертками, что въ истекшіе два года я не обѣщалъ ни гимновъ, ни елегій, а въ прежніе годы не могъ обѣщать открывковъ изъ трагедій и комедій, потому, что помѣщеніе ихъ было запрещено передъ симъ лѣтъ за шесть или болѣе, о чемъ вѣдаютъ господа профессора, присутствующіе въ комитетѣ; 4) *Московскаго Телеграфа*, на 1828 годъ, въ № 19, на стр. 271 въ примѣчаніи упомянуто мое имя вмѣстѣ съ другими, а на слѣдующей 272 сказано: „союзъ, смѣшеніе и заговоръ сихъ именъ, въ виду имени заслугъ и славы Карамзина, все это явленіе болѣе смѣшное, нежели прискорбное для нашей литературной и народной чести“ *). Все прописанное мною противно не только уставу о цензурѣ, но и прочимъ узаконеніямъ, охраняющимъ честь каждаго; оно запрещается и противно именно: устава благочинія или полицейскаго § 123, касательно слуховъ, вредъ наносящихъ, лжеклеветы или поношенія, или злословія и проч. § 270, коимъ повелѣвается, учинившаго лживой поступокъ, имать подъ стражу и отослать къ суду; параграфа 271, пункту 11, гдѣ повелѣвается, учинившаго письма ругательныя, отослать къ суду; § 272-му, пункту 9-му, гдѣ повелѣвается, учинившаго разсѣваніе лжи и клеветы, имать подъ стражу и отослать къ суду. За симъ, какъ жестоко обиженный передъ публикою, я, на основаніи параграфа 70, устава о цензурѣ, и вышеприведенныхъ параграфовъ устава благочинія или полицейскаго, повторительно прошу цензурный комитетъ принять мѣры къ оборонѣ меня отъ обидъ и къ законному удовлетворенію“.

Глинка не давалъ себя въ обиду, и на этотъ отвѣтъ Каченовскаго представилъ въ Московскій Цензурный Комитетъ весьма сильное возраженіе: „Поелику“, писалъ онъ, „господину статскому совѣтнику и кавалеру Каченовскому благо-

*) Слова князя П. А. Вяземскаго. См. выше.

угодно было два раза безъ суда предать меня суду: во-первыхъ въ прошеніи своемъ, во-вторыхъ въ объясненіи, то, на основаніи всѣхъ государственныхъ узаконеній, охраняющихъ гражданское бытіе каждаго лица, прошу покорно Комитетъ вытребовать отъ г. статскаго совѣтника и кавалера Каченовскаго объясненіе: почему, въ нарушеніи §§ 12, 15 и 47 устава о цензурѣ, безъ предварительнаго и обстоятельнаго изслѣдованія начальства цензурнаго, превращаетъ онъ въ уголовное преступленіе полемическія и литературныя распри? Ибо, въ сообразность 4 пункта, параграфа 3 *Устава*, во всѣхъ приведенныхъ имъ выраженіяхъ, не только нѣтъ никакой клеветы на образъ его жизни, но даже ни слова не упомянуто о семейственномъ и нравственномъ его существованіи. А потому при семъ, не только въ силу § 66 устава о цензурѣ, но и какъ россіянинъ, любящій отечество, честь имѣю предложить разборъ того объявленія господина издателя *Вѣстника Европы*, по поводу котораго одобрилъ я къ напечатанію статью въ *Телеграфѣ*. Сообразно основательнымъ правиламъ словесности, надлежитъ предлагать о каждомъ предметѣ съ приличіемъ, свойственнымъ оному. Увѣдомленіе о изданіи журнала есть объявленіе, непринадлежащее въ особенности ни къ какому разряду словесности. Оно требуетъ одного простого, яснаго и опредѣлительнаго изложенія предмета. Разсмотримъ, такъ ли поступилъ г. издатель *Вѣстника Европы*. Послѣ нѣсколькихъ словъ, относящихся къ прежнему изданію *Вѣстника*, онъ продолжаетъ: „Не могу обѣщать всего, но имѣю справедливыя причины обнадежить почтенныхъ споспѣшествователей отечественнаго просвѣщенія, что *Вѣстникъ*, между прочимъ, представитъ имъ статьи новыя по содержанію. Область бытописаній неизмѣрима: нѣкоторыя мѣста въ ней донынѣ еще не были посѣщены изыскателями, ищущими открытій, на иныхъ проложены тропинки, теряющіяся въ тундрахъ безплодныхъ. Г. Издатель *Вѣстника Европы* напечаталъ объявленіе свое въ Москвѣ, слѣдственно подъ общимъ наименованіемъ бытописанія можно подразумѣвать и россійскую

исторію. Но Россія и Европа давно уже обратили вниманіе свое на трудъ знаменитаго нашего исторіографа Николая Михайловича Карамзина. Ужели и сей бытописатель оставилъ въ твореніи своемъ однѣ тропинки, теряющіяся въ тундрахъ безплодныхъ? Ужели въ тѣ-же тундры должно сослать всѣ изысканія о Россіи Миллера, Шлецера, Круга и другихъ мужей, извѣстныхъ умомъ и трудолюбіемъ? Ополчась, на труды бытописателей, г. издатель *Вѣстника Европы,* еще съ сильнѣйшимъ ожесточеніемъ нападаетъ на авторовъ, украшающихъ россійскую словесность на различныхъ ея поприщахъ. Съ другой стороны, восклицаетъ сочинитель объявленія, видимъ безпомощное состояніе литературы, чудныя распри не за правое дѣло, а за невѣрныя выгоды первенства, усилія партій водрузить знамена свои на землѣ, которая не была воздѣлываема ихъ трудами. Законы словесности молчатъ при звукахъ журнальной полемики. Надобно, чтобы голосъ ихъ доходилъ до слуха любознательнаго, который не услаждается звуками кимвала бряцающаго и мѣди звѣнящей". Такимъ образомъ, загнавъ сперва труды всѣхъ историковъ въ тундры безплодныя, новою грозною вылазкою, г. издатель *Вѣстника Европы* домогается уничтожить всѣ произведенія новыхъ нашихъ писателей, которые, по мнѣнію его, водрузили знамена на чужой землѣ. Прибавимъ также съ чувствомъ благороднаго негодованія, что г. Издатель *Вѣстника Европы,* несправедливо утверждаетъ, будто бы литература наша въ безпомощномъ состояніи. Мы видѣли и видимъ, что и нынѣшнее правительство награждаетъ все то, что́ достойно награды. Карамзинъ, Гнѣдичъ, Булгаринъ, Гречъ и проч. другіе служатъ тому неопровержимымъ доказательствомъ. Европа смотритъ на Россію зоркимъ окомъ и наблюдаетъ всѣ шаги нашего образованія и просвѣщенія. Переведите, если только можно перевесть на какой нибудь языкъ, выписанныя мною выраженія г. издателя *Вѣстника Европы,* переведите ихъ на нарѣчія иностранныя и что̀ скажутъ тогда европейскіе любители словесности, привыкшіе къ соображенію мыслей съ ясностію и точностію

словъ; что́ скажутъ они о семъ туманномъ сбродѣ рѣчей? Да и я долженъ прибавить, что еслибы у насъ всѣ стали такъ писать, то россійская словесность быстрыми бы шагами отступила къ тринадцатому столѣтію. Наконецъ, долгомъ почитаю замѣтить, что г. статскій совѣтникъ и кавалеръ Каченовскій, уполномочивъ себя защищать то мѣсто, гдѣ служитъ, самъ на него доноситъ. Всѣмъ извѣстно, что г. Издатель *Вѣстника Европы*, въ изданіи своемъ, нѣсколько лѣтъ подкрѣпляемъ былъ Московскимъ Университетомъ. Какъ же онъ о томъ объясняется? Приведемъ его слова: „Распорядитель—говоритъ онъ въ объявленіи своемъ, — менѣе ограниченный обстоятельствами, далѣе видитъ, свободнѣе соображаетъ, рѣшительнѣе дѣйствуетъ". Ужели университетъ ограничивалъ его обстоятельствами? Ужели университетъ мѣшалъ ему далѣе видѣть? Ужели университетъ не давалъ ему свободы соображать и рѣшительнѣе дѣйствовать?".

Большинство членовъ Цензурнаго Московскаго Комитета рѣшило эту тяжбу въ пользу Каченовскаго; но въ это время въ Московской Цензурѣ служилъ Владиміръ Васильевичъ Измайловъ, писатель первой Карамзинской эпохи, котораго любилъ и уважалъ И. И. Дмитріевъ и съ которымъ любилъ мѣняться не одними словами, но и мыслями, а потому понятно, что онъ одинъ возсталъ противъ нелѣпаго рѣшенія большинства членовъ Московскаго Цензурнаго Комитета и представилъ свое особое мнѣніе, въ которомъ заявилъ: „Правительство, основывая свои дѣйствія на законахъ общественнаго блага, имѣло въ виду чрезъ законъ цензуры удержать книгопечатаніе въ границахъ осторожности, но, соглашаясь съ требованіями просвѣщенія и вѣка, не позволило цензурѣ порабощать свободу мыслей, какъ видно изъ устава, по которому книги подвергаются запрещенію только въ немногихъ случаяхъ важныхъ, но рѣдкихъ, гдѣ въ смыслѣ государственныхъ правилъ есть злоупотребленіе права излагать свои мысли. Далѣе, желая всячески ускорять, а не замедлять ходъ разума и успѣха гражданственности, желая даже совѣтоваться

съ общественнымъ мнѣніемъ и мыслящими писателями, правительство вызываетъ ихъ, говоритъ именно объ улучшеніяхъ по части народнаго просвѣщенія, о сочиненіяхъ и статьяхъ, отъ казенныхъ мѣстъ издаваемыхъ, слѣдственно съ неоспоримымъ правомъ объ ученыхъ достоинствахъ каждаго писателя, какому бы ученому обществу онъ ни принадлежалъ и какое бы мѣсто ни занималъ въ порядкѣ гражданскомъ. Теперь спрашиваю: на что можетъ сослаться или опереться цензоръ въ уставѣ намъ данномъ, чтобы перемѣнить или запретить критику одного журналиста на другого, критику хотя бы и рѣзкую, но чисто литературную. Говорятъ, на 4 пунктѣ, § 3, гдѣ запрещается оскорблять честь какого либо лица. Но честь личная не одно съ достоинствомъ литературнымъ, и нанесенное кому либо неудовольствіе, какъ автору или издателю, не имѣетъ ничего общаго съ оскорбленіемъ человѣка, какъ гражданина или какъ чиновника, а если изъ критики можно вывести безвыгодное заключеніе о талантахъ или учености осуждаемаго писателя, это не касается до цензора; не его дѣло смотрѣть на слѣдствія критики и на ученую степень разбираемаго сочинителя. Иначе нельзя будетъ пропустить ни одной критической статьи противъ литераторовъ, занимающихъ государственныя мѣста. Въ самомъ дѣлѣ, тотъ прозаикъ, но судья; этотъ поэтъ, но сенаторъ; другой журналистъ, но академикъ; не смѣйте же касаться ни того, ни другого. Вотъ что воспослѣдовало бы вопреки уставу о цензурѣ изъ новой требуемой строгости. Наконецъ можетъ ли какое либо ученое мѣсто требовать, чтобы его члены были недоступны строгому суду литературному подъ защитою своихъ именъ и своихъ титловъ? И можетъ ли частное осужденіе одного изъ нихъ въ литературномъ отношеніи падать на цѣлое общество, гдѣ онъ занимаетъ мѣсто? По крайней мѣрѣ не такъ думали до нынѣшняго времени, когда никто не протестовалъ ни противъ строгой критики Макарова на вицъ-адмирала Шишкова, ни противъ другихъ обидныхъ критикъ, писанныхъ на исторіографа Карамзина, ни противъ недавней

18

сильной рецензіи на статсъ-секретаря Муравьева, хотя всѣ упомянутые писатели стоятъ въ спискѣ почетныхъ членовъ Россійской Академіи и Московскаго Университета. Когда же подобныя рецензіи на академиковъ и государственныхъ людей были донынѣ терпимы, то еще болѣе разрѣшены онѣ правилами новаго устава, и цензоръ обязанъ съ нимъ согласоваться, не позволяя себѣ ни своевольнаго отступленія, ни самовластнаго дѣйствія. Но подавъ свой голосъ въ защищеніе того, что мнѣ кажется справедливостію, я присоединяюсь къ общему мнѣнію и желанію всего Комитета, чтобы особеннымъ наказомъ дано было цензору право прекратить бранную полемику, выходящую нынѣ изъ границъ вѣжливости и умѣренности. До того времени мы не можемъ дѣйствовать сами собою по своему произволу".

Когда же дѣло сіе было перенесено въ Главное Управленіе Цензуры, то безпристрастный Министръ Народнаго Просвѣщенія князь Ливенъ согласился съ мнѣніемъ Измайлова и призналъ, что выраженія, на которыя принесъ жалобу Каченовскій, „относясь единственно къ литературнымъ изданіямъ его, не содержатъ въ себѣ ничего оскорбительнаго для его личной чести. По сему, соглашаясь въ полной мѣрѣ съ мнѣніемъ господина цензора Измайлова, Управленіе нашло, что господинъ цензоръ Глинка не могъ воспретить напечатаніе въ *Московскомъ Телеграфѣ* вышеупомянутой статьи, какъ не заключающей въ себѣ ничего противнаго общимъ правиламъ устава о цензурѣ. При семъ Главное Управленіе Цензуры замѣтило, что въ споръ совершенно литературный не слѣдовало бы вмѣшивать достоинство службы государственной и высшаго учебнаго сословія".

Недовольствуясь этимъ справедливымъ рѣшеніемъ министра и даже пользуясь симъ случаемъ, С. Н. Глинка обратился съ слѣдующею оригинальною просьбою къ попечителю Московскаго Учебнаго Округа А. А. Писареву: „Не имѣя ничего, кромѣ жалованья, для пропитанія моего семейства, необходимо долженъ я вырабатывать каждый день по крайней

мѣрѣ по пятнадцати рублей. Время и трудъ составляютъ все мое имущество: души благородныя знаютъ цѣну сей собственности. Обстоятельства, возникшія по поводу прошенія г. статскаго совѣтника и кавалера Каченовскаго, въ продолженіе свыше двухъ мѣсяцевъ, отвлекли меня отъ ежедневныхъ занятій. Я потерпѣлъ убытку болѣе четырехъ-сотъ рублей, а потому не благородно-ли будетъ предписать мнѣ выдать въ возмездіе за понесенный мною ущербъ?“ Къ сей просьбѣ Глинка присовокупилъ и слѣдующую: „Не соблаговолитъ-ли благодѣтельное начальство предоставить мнѣ квартиру и отопленіе“. Въ заключеніе онъ дѣлаетъ слѣдующее слезное воззваніе къ начальству: „Если небесное Провидѣніе увѣнчаетъ успѣхомъ прошеніе мое, тогда послѣ многолѣтнихъ скорбныхъ дней блеснетъ для моего семейства заря новаго бытія. Горестныя слезы жены и дѣтей моихъ, осушенныя благодѣтельною рукою человѣколюбиваго начальства, обратятся въ слезы сердечной благодарности“.

Вслѣдствіе этой просьбы А. А. Писаревъ писалъ къ Министру Народнаго Просвѣщенія князю Ливену (отъ 2 апрѣля 1829 г.): „Г. Глинка проситъ меня о вознагражденіи его за причиненный ему убытокъ поданною просьбою на него профессоромъ Каченовскимъ. Находя съ своей стороны возможнымъ вознаградить его, осмѣливаюсь сіе представить на благоусмотрѣніе и разрѣшеніе вашей свѣтлости, тѣмъ болѣе, что г. Глинка предпринималъ таковою же просьбою обезпокоить вашу свѣтлость въ случаѣ моего непринятія нынѣшней его просьбы“. Но хладнокровный князь Ливенъ остался равнодушенъ и къ „слезамъ, горести и къ слезамъ благодарности“ и призналъ, что г. Глинка не можетъ требовать особаго вознагражденія „за отвлеченіе отъ его литературныхъ занятій, причиненное ему просьбою на него по званію цензора“.

Вскорѣ послѣ того между профессорами Московскаго университета Снегиревымъ и Кубаревымъ возникла полемика, и когда послѣдняго упрекали, между прочимъ, за то, что онъ имѣлъ какой-то недобрый умыселъ противъ Снегирева, *обле-*

ченнаго почетнымъ саномъ профессора, Кубаревъ вспомнилъ тогда о нападеніяхъ, которыя дѣлались на Карамзина, и писалъ въ своей рекритикѣ: „Скажите мнѣ, какой санъ почетнѣе: санъ-ли профессора, или санъ государственнаго исторіографа? Однако на *Исторію Государства Россійскаго* при первомъ ея появленіи и послѣ возникли критики—и сочинитель оной, сей знаменитый мужъ, сіе украшеніе своего вѣка, сія вѣчная слава нашей литературы, сей отецъ нашей Исторіи—ибо въ его только сочиненіи она зрѣлась достойною чтенія всѣхъ просвѣщенныхъ людей—сей авторъ, коего заслуги награждены вѣчнаго прославленія достойнымъ вниманіемъ и щедротами Александра, Николая заставилъ-ли замолчать хотя одного критика, опираясь на важность своего сана?“ [368]).

XXXVI.

Журнальная дѣятельность, съ ея шумомъ и гамомъ, съ ея критиками и антикритиками захватывая Погодина въ свой водоворотъ, не могла овладѣть имъ всецѣло, а потому онъ былъ неисправный журналистъ. Сердце постоянно влекло Погодина изъ редакціи *Московскаго Вѣстника* на Покровку, въ домъ Трубецкихъ. Книжку, заключающую въ себѣ собраніе его повѣстей, онъ посвящаетъ: *Старому другу въ воспоминаніе о 1825, 1826, 1827 и 1828 годахъ*. Этотъ *старый другъ* былъ никто другой, какъ юная княжна Александра Ивановна Трубецкая. Какъ свѣтильникъ предъ своимъ угасаніемъ вспыхиваетъ ярче, такъ и нѣжная страсть его предъ разлукою съ обожаемою имъ особою разгоралась сильнѣе и наполняла его сердце въ теченіе всего 1828 года; но ему не везло и тутъ. Весьма естественно, что княжна Трубецкая не могла отвѣчать ему полною взаимностью, а это раздирало сердце ея поклонника. Не считая въ правѣ умалчивать о проявленіяхъ сердечной жизни Погодина, мы, поль-

зуясь его *Дневникомъ*, представимъ, какъ умѣемъ, этотъ деликатный эпизодъ его жизни.

Мы уже знаемъ, что въ концѣ 1827 года Погодинъ ѣздилъ въ Петербургъ. Оттуда онъ торопится, чтобы поспѣть на вечеръ къ княжнѣ Трубецкой. „Не съ такимъ удовольствіемъ думалъ, — сознается онъ, — о свиданіи съ маменькой, какъ съ княжной". 16 января 1828 года Погодинъ возвращается въ Москву и въ *Дневникѣ* его находимъ слѣдующія записи: „Къ *А.* Ахъ какъ я рада! Ахъ какъ я радъ. Увидѣлъ князя Николая Трубецкаго. Вырвалось нѣсколько минутъ, въ которыя могъ говорить съ *А.* „Еслибы вы знали меня покороче, вы любили бы меня больше". Стало быть я знаю васъ коротко, потому что любить больше нельзя. Священный огонь въ ней! Ахъ, если его погасятъ въ душныхъ гостиныхъ. Пріѣхалъ какой-то Мефистофель, и разговоръ прервался". Въ это время Трубецкіе стала думать о переѣздѣ въ Петербургъ, и это очень смущало Погодина. „Петербурга я боюсь" пишетъ онъ, „какъ огня, за нее. Стѣна между нами поднимется еще выше. Суетные. Ее увлекутъ въ другой кругъ --Гагариныхъ, которые рѣжутся за ленту и почитаютъ себя на верху счастья, если удастся имъ поговорить лишнюю минуту съ Царемъ или съ Царицею. И потускнѣетъ мое чистое зеркало, и со мною раззнакомятся. Судьба! Зачѣмъ ты играешь такъ людьми". Тревожныя чувства, питаемыя къ княжнѣ Трубецкой, Погодинъ изливаетъ въ Дневникѣ своемъ: Подъ *14 Февраля* записано: „Вечеръ у Трубецкихъ у всенощной. Какъ хочется излиться иногда и удерживаюсь. Дождусь-ли я, что Изида сниметъ съ себя покрывало. Я вижу и чрезъ него, но мнѣ хочется, чтобъ она сама мнѣ показалася. Райская минута". Подъ *18 Февраля*: „Отправлюсь къ обѣднѣ. Посмотрю на нее, какъ будетъ она пріобщаться. Дѣва есть нѣчто святое, чистое на землѣ. Какъ много въ ней поэзіи. День очистительный—день великій. Послѣ обѣдни шатался въ ихъ сараяхъ, тѣнью между тѣнями". Подъ *31 Марта.* „Нѣтъ, она любитъ меня, какъ учителя, и

лолько. Тебѣ далеко до нея, какъ до звѣзды небесной". Подъ *1 Апрѣля*: „Къ Трубецкимъ. Отвезъ письма ко мнѣ. Что же исповѣдь? Да я колеблюсь. Не стыдно ли вамъ? Я сплю и вижу, какъ бы излить свою душу предъ вами, а вы! Подумайте, что это можетъ быть послѣднее время я съ вами такъ... Полноте, мое счастіе только что начинается... А мое, можетъ быть, кончается. Если ваше кончается, такъ мое также. Стѣна между нами поднимается. Нѣтъ, не стѣна, а barrière, которую мы будемъ двигать, и наконецъ сдвинемъ. Бѣдный Нарциссъ! тѣнь ему кажется тѣломъ! Она налила мнѣ чаю". Подъ *9 Апрѣля*: „Долго думалъ объ *А*. Какъ стану прощаться съ нею передъ ея замужествомъ и на корабль".

Въ Апрѣлѣ Трубецкіе поѣхали въ Знаменское и пригласили съ собою Погодина. „Стремглавъ туда", отмѣчаетъ онъ въ своемъ *Дневникѣ* подъ 22 Апрѣля, „и съ портретомъ, на коемъ подписалъ *другу*". Этотъ свой портретъ Погодинъ желалъ вручить княжнѣ Трубецкой, но не рѣшался. Наконецъ рѣшился завести съ нею объ этомъ рѣчь „оборотами издалека; я хочу подарить завтра NN портретъ съ надписью *другу*, не знаю, возьметъ-ли и пр.". И съ этою цѣлью онъ пошелъ въ садъ, надѣясь встрѣтить ее, и встрѣтилъ. При этомъ ему вспомнилось о какомъ-то свиданіи у пруда"... Погодинъ отправился туда и сѣлъ на то мѣсто, взявъ, какъ тогда, книгу... Она подошла. „Вы точно такъ сидѣли. Дайте и я сяду. Возьмите и книгу. Я подалъ ей, позабывъ давно свое сердце, *Онѣгина*. Она развертываетъ и видитъ портретъ. Какъ она была рада! Благодарствуйте, благодарствуйте, какое сдѣлали вы мнѣ удовольствіе. Но прочли ли вы надпись? *Другу*. Позволите ли такъ? Какъ же нашъ добрый, любезный другъ! Удовольствіе и радость были написаны живо на лицѣ ея. Она благодарила меня искренно". Затѣмъ Погодинъ отправился „въ противоположную сторону и остановился на мѣстѣ, съ котораго видна была вся аллея. Стоялъ долго, какъ Валленродъ. Она часто оборачивалась. Сердце у меня билось. Пили чай. Я вспоминалъ ей, какъ понравилась она мнѣ съ перваго раза". Послѣ этого свиданія

Погодинъ вернулся въ Москву „съ живымъ чувствомъ“ и онъ долго вспоминалъ о своихъ разговорахъ съ княжной Трубецкой; „толковалъ ея слова, мечталъ о будущемъ. Неужели она любитъ меня больше, чѣмъ учителя? Молился: если ни за кѣмъ не будетъ она такъ счастлива, какъ за мною, Господи! дай мнѣ ее“.

На этихъ словахъ *Дневникъ* прерывается на нѣсколько мѣсяцевъ и, по объясненію Погодина, вслѣдствіе разныхъ дѣлъ, которыя „можно назвать бездѣльными“. Возобновленіе же *Дневника* начинается съ 1 сентября и подъ этимъ числомъ читаемъ: „Мечталъ съ удовольствіемъ: письмо по утру ко мнѣ. Стѣна обвалилась. Другъ мой, ангелъ! Блаженный мѣсяцъ. Открывается матери. Берутъ на годъ въ Петербургъ на искусъ. Вѣрна, возвращеніе и свадьба въ Знаменскомъ. Устрояю дѣла въ годъ. Два года вмѣстѣ путешествуемъ, возвращаемся. Домъ Безбородки. Общество, просвѣщеніе!... Или: годъ съ нею здѣсь безъ стѣны. Или: холодный пріемъ. Я съ вами ужъ простился. Ахъ, какъ бы счастлива была бы она со мною“! Но вскорѣ на Погодина находитъ раздумье и подъ *7 Сентября* онъ записываетъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Ну что если это въ самомъ дѣлѣ сбудется! — А если нѣтъ? Вѣдь стыдно философу строить такіе воздушные замки“. Посѣтивъ Аксаковыхъ онъ съ удовольствіемъ смотрѣлъ на Ольгу Семеновну „въ кругу семейства милаго“ и думалъ, „что еслибы мнѣ зажить такъ съ Сашенькою!“

Въ октябрѣ 1828 года Погодинъ опять посѣтилъ Знаменское и прожилъ тамъ нѣсколько дней. Въ *Дневникѣ* своемъ онъ отмѣчаетъ: Подъ *12 октября* „Послѣ лекціи, устроивъ кое-какъ дѣла *Московскаго Вѣстника,* съ сладкими чувствами въ Знаменское. Тамъ узналъ, что Варна взята. Теперь хоть немного утѣшится народъ. Послѣ обѣда гулялъ съ нею, княземъ Юріемъ Трубецкимъ и Мансуровымъ. Все молчалъ. Она съ Мансуровымъ. Только подъ конецъ нѣсколько словъ“. Подъ *13 октября.* „Читалъ ввечеру съ большимъ удовольствіемъ Кине и Риттера ей, объяснялъ, возбуждалъ чувства прекрас-

ныя въ прекрасной“. Подъ *14 октября*. „Былъ у обѣдни. Прочелъ *Онѣгина* лѣнивому и пустому Мансурову“. Вдругъ получилъ записочку: „Что вы не говорите со мною ничего дѣльнаго. Объ чемъ говорили вчера? Мнѣ надо впечатлѣній сильныхъ. Еще есть время“. Мнѣ показалось, что здѣсь есть и другой смыслъ. Я отвѣчалъ двусмысленной записочкой, которая доставила мнѣ большое удовольствіе. „Я готовъ, но дольше не могу, отъ васъ зависитъ“. Потомъ прислала она назадъ за своею первою запискою. Видѣлъ ее въ окошко. Нѣтъ, она писала ко мнѣ просто, какъ къ учителю“.

Выѣздъ изъ Знаменскаго былъ назначенъ на 16 октября 1828 года, и подъ этимъ число въ *Дневникѣ* Погодина читаемъ: „Ѣхать. Присылаетъ спросить, увидимся ли. Приду проститься. Ходилъ къ ней. „Я приду къ м. Симону“. Пришла и на народѣ наговорила вздору. Прощайте. Потомъ прислала спрашивать меня объ Исторіи. Отвѣчалъ. Въ садъ. Встрѣтилъ ее въ березовой аллеѣ. Поговорили. Она какимъ-то сухо-обиженнымъ тономъ, и разошлись. Видѣлъ ее чрезъ вѣтви, и сѣлъ на знакомое мѣсто у пруда. Она, между тѣмъ, обходила съ другой стороны прудъ и въ калитку, я на-встрѣчу къ ней, и сошлись у бесѣдки. Опять объ Исторіи. Потомъ какъ-то обернулся разговоръ на вчерашній вечеръ. „Вы были что-то не въ духѣ и дѣлали мнѣ даже грубости“. Извините, безъ намѣренія... Опять встрѣтились у калитки и разошлись. Успѣлъ обѣжать и встрѣтиться еще три раза въ большой аллеѣ, на углу березовой, и у маленькаго садика... Прощайте... Поѣхалъ съ м. Симономъ“.

По возвращеніи въ Москву Погодинъ намѣревался объясниться съ княжною Трубецкой и поэтому заноситъ въ свой *Дневникъ* подъ 19 октября слѣдующее: „Не сказать ли мнѣ: Княжна! Я люблю васъ слишкомъ много, боюсь сойти съ ума, и потому прощайте! Вотъ я и узнаю образъ ея мыслей о себѣ. Писалъ къ ней письмо, и надо признаться, что мои обороты очень затѣйливы и остроумны“. Подъ *21 октября*. „Не смѣшнымъ ли я покажусь княжнѣ, если она узнаетъ,

что я люблю ее. Впрочемъ, я не люблю ее такъ страстно, какъ въ романахъ, Ну, если бы въ самомъ дѣлѣ случилось! Какъ больно мнѣ, когда я представляю ее въ объятіяхъ другаго". Подъ *27 октября.* „Длинный разговоръ у фортепіано. Я не буду ѣздить къ вамъ. Разумѣется, вамъ скучно, видя одно и то же. (Нѣтъ ли тутъ кокетства, вызова). Знаете ли вы, что я готовъ пожертвовать жизнью для васъ? Она отворотилась и долго, какъ будто бы желая скрыть свое замѣшательство. Я самъ не смѣлъ смотрѣть на нее". Затѣмъ Погодинъ пишетъ: „Съ какимъ удовольствіемъ увѣдомлю Аксакова и пр. изъ Петербурга о моей свадьбѣ. Мечтатель!" Подъ *31 октября*: „Думалъ о ней. *Ахъ, няня, няня, открой окно, да сядь ко мнѣ, вѣдь я влюбленъ*". Подъ *12 ноября.* „Думалъ о ней. Чувствуетъ ли она ко мнѣ какую нибудь склонность? Никогда, однакожъ, она не говорила со мною о своей свадьбѣ". Подъ *13 ноября*: „Другъ мой! Кто понимаетъ такъ тебя, какъ я?" Подъ *18 ноября*: „Досадно было смотрѣть на нее по уши, погрязнувшую въ ихъ дряни и не думающую какъ выкарабкаться изъ нея". Подъ *24 ноября*: „Получилъ записочку отъ *А* и былъ въ восхищеніи. Перечитывалъ ее и наслаждался. Здѣсь что-то больше обыкновенныхъ дружескихъ отношеній. Другъ мой! Будь моею. Обѣдалъ у нихъ (т.-е. Трубецкихъ)". Подъ *30 ноября*: „Думалъ о ней. Безъ нея міръ—тьма, а съ нею какой свѣтъ. Біографія *Адели* будетъ состоять изъ отрывковъ журнала" *). Подъ *2 декабря*: „Скажите, княжна, увѣрены ли вы, что я люблю васъ? Увѣрена, и это самое лучшее доказательство моей любви къ вамъ. Нѣсколько пріятныхъ взглядовъ". Подъ *7 декабря*: „Ахъ какъ люблю, понимаю ее! Досадна ея натуральная неоткровенность. Какъ радъ бы я былъ помѣняться съ нею душами".

Но наступало время отъѣзда Трубецкихъ въ Петербургъ, и Погодинъ съ грустью отмѣчаетъ въ своемъ *Дневникѣ:* подъ *11—14 декабря*: „Часто у Трубецкихъ, которые собираются

*) *Повѣсти* Михаила Погодина. Москва. 1832 г. III, 122—228.

въ Петербургъ. Кажется, что моя мечта разлетится. Только я люблю ее. Ея одной мнѣ было жаль. Тогда только мнѣ сладко, когда она понимаетъ мою мысль. Не крѣпко она желаетъ". Подъ *19 декабря*: „Вечеръ у Трубецкихъ. „Нѣтъ, я не буду говорить въ вами,—притомъ у насъ все такіе іероглифы". Шутилъ съ нею и Тютчевою надъ Петербургомъ. Не почемъ было ѣхать отъ Трубецкихъ въ 12. Въ твоемъ окошкѣ свѣтится огонь, другъ мой! Ты не думаешь такъ обо мнѣ".

Наконецъ, наступилъ день отъѣзда 20 декабря 1828 г. Погодинъ отправился ихъ провожать и съ отчаяніемъ записываетъ въ своемъ *Дневникѣ:* „Нѣтъ, она меня не любитъ. Пріѣзжайте къ намъ поскорѣе въ Петербургъ. Проводилъ до заставы. Какъ пустъ и глупъ большой свѣтъ, а она въ немъ! Странно, что во время коронаціи она вовсе вѣдь не показывала расположенія къ нему, а отъ Петербурга безъ памяти". Подъ *30 декабря*: „Молился: просвѣти мой разумъ, Господи, помози моему невѣрію, и дай мнѣ ее, если никто не можетъ сдѣлать ее счастливою".

Любовь, которую питалъ Погодинъ къ княжнѣ Трубецкой, порождала въ немъ чувство ревности, а сомнѣнія въ взаимности раздирали его сердце. Все это весьма явственно отражается въ безпорядочныхъ записяхъ его *Дневника*. Соперники его, конечно, находились въ большомъ свѣтѣ, къ которому всецѣло принадлежала княжна Трубецкая. Такимъ опаснымъ соперникомъ, если можно такъ выразиться, для Погодина явился блестящій свѣтскій человѣкъ, другъ Чаадаева, графъ Николай Александровичъ Протасовъ *) (род. 27 декабря 1798 г.) [369]). Еще въ бытность княжны Трубецкой въ Москвѣ, Погодинъ, по поводу своихъ объясненій съ нею, отмѣтилъ въ своемъ *Дневникѣ:* „Княжна сказала: какъ вы легко судите о людяхъ и въ хорошую, и въ дурную сторону. Ужъ не о Протасовѣ ли вспомнила она; вѣрно, *пустой человѣкъ*. Вотъ и другой у нея женихъ. Какъ она вспыхнула, какъ я намедни сказалъ, что онъ поѣхалъ въ Петербургъ. Какъ легко обольщ-

*) Впослѣдствіи оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Сѵнода.

стить ее и чего не сдѣлаютъ подкупленные друзья. Она представляется мнѣ съ Протасовымъ. Онъ цѣлуетъ ее. Какъ! Неужели ты будешь за нимъ. Какъ мнѣ тяжело будетъ".

Отсюда намъ становятся понятны филиппики Погодина, которыя онъ мечетъ на большой свѣтъ изъ своего *Дневника*. Сидитъ онъ въ театрѣ и смотритъ *Игрока*. „Подлѣ меня,— пишетъ онъ,—въ креслахъ было множество магнатовъ. Какъ скотски они разсуждаютъ! И между ними быть должна моя *А!*" То собирается написать онъ, „что нибудь съ цѣлью выставить самымъ рѣзкимъ образомъ весь нашъ большой свѣтъ, всю ничтожность, все невѣжество его, въ которомъ погруженный онъ забылъ, въ чемъ состоитъ высшее назначеніе человѣка. Раскрыть предъ его глазами бездну, въ которой онъ томится, и тѣ предразсудки, которые мѣшаютъ ему выйти на чистый воздухъ". То онъ пишетъ кому-то письмо „о гадости большаго свѣта и о наслажденіяхъ въ домашнемъ кругу" [370]). По поводу этихъ огульныхъ обвиненій нашего большого свѣта у Погодина, по крайней мѣрѣ, въ данномъ случаѣ объяснимыхъ, приведемъ замѣчаніе князя П. А. Вяземскаго, которое раздѣлялъ и Пушкинъ. „Ничего нѣтъ забавнѣе,—пишетъ князь Вяземскій,—доктринерскаго высокомѣрія нѣкоторыхъ писателей нашихъ, когда они съ жалостью и презрѣніемъ отзываются о легкомысліи, пустотѣ и недостаткѣ нравственныхъ началъ нашего высшаго или аристократическаго общества... Аристократическіе салоны не помѣшали Карамзину написать двѣнадцать томовъ *Исторіи;* Пушкину написать въ короткое время нѣсколько превосходныхъ произведеній. Напротивъ, можетъ быть — о ужасъ!— эти салоны способствовали развитію, разнообразію, окрѣпленію ихъ дарованія. Исключительный духъ товарищества, что-то въ родѣ замкнутаго заведенія съуживаетъ понятія: тутъ не себя переносишь въ среду жизни, а жизнь переносишь въ свой заколдованный кругъ. Я былъ въ сношеніяхъ со многими, едва-ли не со всѣми современными литераторами нашими. Изъ впечатлѣній и слѣдовъ, оставшихся на

мнѣ отъ разговоровъ съ ними, глубже и плодоноснѣе врѣзалось слышанное мною отъ Карамзина, Дмитріева, Пушкина, Баратынскаго" [371]). Въ подтвержденіе сказаннаго княземъ Вяземскимъ можетъ служить то, что самъ Погодинъ весьма усердно посѣщалъ салоны осуждаемаго имъ большаго свѣта и былъ благодушно тамъ принимаемъ. Мы часто видимъ его у Трубецкихъ, гдѣ онъ встрѣчался съ И. И. Дмитріевымъ; старался тамъ ознакомить свою богиню съ великимъ Суворовымъ; разсказывалъ свои петербургскія похожденія; толковалъ о крестьянахъ и при этомъ у него, по собственному сознанію, „сверкали нѣкоторыя государственныя мысли". Нерѣдко видимъ его въ блестящемъ салонѣ княгини З. А. Волконской, которая по его же отзыву была „очень мила, проста, умна". Посѣщалъ онъ также и Веневитиновыхъ и на одномъ изъ вечеровъ нашъ Сенека „сидѣлъ подлѣ дѣвушекъ, болтавшихъ вздоръ и женщинъ, несшихъ путаницу". При этомъ ему хотѣлось „вскочить со стула и загремѣть имъ: безсмысленныя"! Но это осталось однимъ только желаніемъ. Вслѣдъ за этимъ описаніемъ въ *Дневникѣ* его мы находимъ слѣдующую строчку: „Пріѣхала моя", т. е. княжна Трубецкая. Между тѣмъ вотъ что пишетъ Погодинъ о людяхъ другого круга и ему близкихъ по плоти: „Въ моемъ семействѣ прекрасные люди, но не по мнѣ. Другой образъ мыслей, другое все. Они странны для меня, какъ я для нихъ, и мнѣ тяжело слышать ихъ повѣствованія".

XXXVII.

Суетливая жизнь, которую велъ Погодинъ, не давала ему возможности посвятить себя всецѣло суровому служенію университетской каѳедрѣ, а потому дѣятельность его на этомъ поприщѣ за это время проявляется весьма слабо.

Однажды, приготовляясь къ лекціи, онъ читалъ Гердера; вниманіе его остановилось на слѣдующихъ словахъ этого пи-

сателя, которыя могли служить для него призывомъ, а вмѣстѣ и укоромъ: „Съ древнѣйшихъ временъ“, пишетъ Гердеръ, „Аравійская степь была матерью высокихъ мечтаній и сіи мечтанія родились въ головѣ уединенныхъ, созерцательныхъ людей. Въ уединеніи пріялъ Магометъ свой коранъ; его дѣятельная фантазія восхищала его на небо и показывала тамъ ангеловъ, праведниковъ“. Погодинъ именно не умѣлъ уединяться, когда уединеніе бываетъ столь необходимо, какъ напримѣръ во время приготовленія къ лекціямъ. Посѣтители постоянно его осаждали, и на это онъ жалуется въ своемъ *Дневникѣ*. „Писалъ лекцію“, отмѣчаетъ онъ, „хоть никого не принимаю, но все таки продерутся человѣка два, три. Пріѣхалъ Алеша Веневитиновъ. Меня морозъ по кожѣ продираетъ. Завтра читать, а трети не написано, и не складывается. Между тѣмъ 11-ть часовъ. Что за дьявольщина! Провалялся часъ въ постели. Въ 12-ть принялся писать, разгулявшись. Написалъ къ пяти. Прочелъ. Какіе пропуски, недомолвки. Скучно. Соснулъ часа два“ [101]). На другой день Погодинъ перечелъ свою лекцію и нашелъ, что „плохо“. Отправляется въ Университетъ, „спѣша, ну если Двигубскій *) дожидается уже въ залѣ. Новая неудача... Нѣтъ, засталъ. Перечелъ еще разъ тамъ. Довольнѣе. Прочелъ двумъ стамъ слушателямъ пересохшимъ горломъ. Довольны“. Въ бумагахъ Погодина сохранилась эта лекція, которую онъ прочелъ 21 сентября 1828 года предъ открытіемъ курса Новой Исторіи въ отдѣленіи нравственно-политическихъ наукъ, въ которой представивъ краткое обозрѣніе новой политической исторіи, ея содержаніе, сказавъ нѣсколько словъ о состояніи, въ какомъ находилась въ то время эта наука и какія усовершенствованія предлежатъ ей въ будущемъ, Погодинъ заключилъ свою лекцію такими словами: „Если размышляя объ исторіи просвѣщенія и сравнивая успѣхи наукъ точныхъ съ слабыми опытами нѣкоторыхъ наукъ умозрительныхъ, мы убѣждаемся, что непремѣнно должно и для нихъ насту-

*) Ректоръ Университета.

пить время благопріятное, то почему же не предположить, что симъ временамъ Европа будетъ должна нашему отечеству, которое не успѣло еще принести другихъ важныхъ жертвъ на алтарь всеобщаго человѣческаго просвѣщенія? Къ трудамъ, трудамъ неусыпнымъ и постояннымъ призываю я васъ, милостивые государи, и успѣхъ вашъ, смѣю увѣрить, будетъ несомнителенъ. Что касается до меня, по мѣрѣ силъ моихъ, я буду стараться оправдать лестную довѣренность начальства и заслужить ваше вниманіе". Оцѣнку своихъ лекцій Погодинъ, какъ мы уже замѣтили, дѣлалъ обыкновенно самъ въ своемъ *Дневникѣ*. Объ одной изъ нихъ онъ отзывается: „вышла порядочнѣе, нежели я думалъ"; а своею лекціею о Нидерландахъ онъ остался очень доволенъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ предлагаетъ студентамъ устроить историческую бесѣду. „Радехоньки" [372]).

Въ это время въ Исторіи Министерства Народнаго Просвѣщенія совершилось важное событіе: 23 апрѣля 1828 года, министръ А. С. Шишковъ, по разстроенному здоровью, получилъ всемилостивѣйшее увольненіе и преемникомъ ему назначенъ князь Карлъ Андреевичъ Ливенъ [373]). Въ декабрѣ новый министръ пріѣхалъ въ Москву, и Погодинъ получаетъ слѣдующую записку отъ ректора Двигубскаго (17 декабря): „Сегодня въ 8 часовъ утра Министръ Народнаго Просвѣщенія будетъ въ Университетѣ на лекціяхъ. Почему покорнѣйше прошу васъ въ 8 часовъ непремѣнно быть въ классѣ и притомъ въ мундирѣ. Если вы начали репетицію, то можно ее оставить, а нужно будетъ прочесть лекцію" [374]). Въ продолженіе недѣли, князь Ливенъ слушалъ лекціи у всѣхъ профессоровъ [375]). Попечитель Писаревъ увѣдомилъ Двигубскаго, что 21 декабря министръ „непремѣнно" будетъ на лекціяхъ Погодина, Ульрихса, Мудрова и Мухина [376]).

О своей лекціи, которую Погодину пришлось читать при Министрѣ, онъ отмѣтилъ въ своемъ *Дневникѣ:* „Министръ долго не ѣхалъ. Боялся, чтобы не истомиться. Является. На минуту спалъ съ голосу, а потомъ началъ, какъ будто бы

безъ него. О тридцатилѣтней войнѣ. Онъ, гернгутеръ долженъ это знать хорошо" [377]). По поводу этихъ посѣщеній Министра Погодинъ въ своемъ *Московскомъ Вѣстникѣ* заявилъ. „Члены Университета, вѣроятно, почитаютъ сіе посѣщеніе счастливѣйшимъ для себя событіемъ, имѣвъ случай показаться предъ высокимъ своимъ начальникомъ въ настоящемъ видѣ". Къ сожалѣнію лекція Погодина о тридцатилѣтней войнѣ не произвела на Министра хорошаго впечатлѣнія. Вскорѣ до Погодина дошелъ даже слухъ, что князю Ливену несовсѣмъ понравилась его лекція. „Слухи эти, по свидѣтельству В. П. Титова, были „къ сожалѣнію справедливы". Погодинъ же по этому поводу восклицаетъ: „Вѣдь это удивительно. Во всемъ Университетѣ не больше пяти читаютъ лучше меня, а я попалъ на дурное замѣчаніе. Положимъ онъ не судья; да и знатокъ не можетъ судить по десяти минутамъ, однако все непріятно. Не смѣшалъ ли онъ меня съ кѣмъ" [378]).

Изъ Университетской братіи Погодинъ особенно въ это время сблизился съ почтеннымъ астрономомъ нашимъ Дмитріемъ Матвѣевичемъ Перевощиковымъ, который со славой занималъ каѳедру Астрономіи въ Московскомъ Университетѣ. Кромѣ того Перевощиковъ былъ страшный театралъ и почитался знатокомъ драматическаго искусства. Это послѣднее качество и сблизило его съ С. Т. Аксаковымъ. „Встрѣтился съ Перевощиковымъ,—писалъ Погодинъ,—который очень, кажется любитъ меня". Въ день именинъ Перевощикова онъ провелъ у него вечеръ. „Какая простота у Перевощикова,—замѣчаетъ Погодинъ въ своемъ *Дневникѣ*,—слушалъ забавные разсказы Двигубскаго, который навеселѣ пріятенъ въ обществѣ. Добрый человѣкъ, хоть не на своемъ мѣстѣ". Толковали объ Университетѣ. Перевощиковъ разсказывалъ, что одинъ солдатъ въ Университетѣ гадалъ для охотниковъ и для этой цѣли таскалъ на святкахъ глобусы, которые вертѣлъ предъ своими паціентами. Послѣ онъ изломалъ ихъ, и вину свалилъ на чорта" [379]). Этотъ забавный разсказъ Перевощикова Погодинъ включилъ въ свою повѣсть *Черная Немочь*, въ которой москов-

ская купчиха, мать несчастнаго героя повѣсти, говоритъ священнику: „Ходила еще я намедни въ навирситетъ: тамъ одинъ солдатъ всякую судьбу разсказываетъ, вертя какіе-то два большіе шара, всѣ исписанные мелко-на-мелко, и раскрашенные, въ мѣдныхъ обручахъ,—одинъ шаръ—небо, а другой—земля. Такъ вертѣлъ онъ ихъ для меня, что ажно въ глазахъ зарябило, а послѣ сталъ все открывать, да что-то мудрено,—я, признаться, ничего не поняла. Напрасно, Матрена Петровна, вы прибѣгаете къ такимъ мѣрамъ“, сказалъ священникъ“ [380]). На другомъ вечерѣ у Перевощикова толковали о драматическомъ искусствѣ. „*Нѣтъ, не такъ*, говоритъ юный Шевыревъ, *а вотъ какъ*. Я,—пишетъ Погодинъ,—молчалъ, давая волю говорить словоохотливому.,. Квашня... О еслибы написать мнѣ *Маѳу посадницу*! Съ какимъ торжествомъ взглянулъ бы я тогда на этихъ величавыхъ героевъ, разумѣется на тѣхъ, кто у Перевощикова, которые смотрятъ теперь на меня съ презрѣніемъ, какъ я въ уголку, въ молчаніи слушаю ихъ рѣшительныя выходки и долженъ бываю уступить имъ“.

Съ другимъ знаменитымъ профессоромъ Московскаго Университета и вмѣстѣ инспекторомъ Университетскаго Пансіона Михаиломъ Григорьевичемъ Павловымъ Погодинъ въ это время былъ въ холодныхъ отношеніяхъ. Какъ издатель *Аѳинея*, Павловъ нерѣдко задѣвалъ Погодина. Это, конечно, не могло пробудить добраго чувства въ душѣ, хотя и признательнаго ученика, каковымъ былъ Погодинъ въ отношеніи къ Павлову. Однажды Павловъ пригласилъ Погодина, посѣтившаго его лекцію, заѣхать къ нему на домъ, и между ними произошло слѣдующее объясненіе, которое мы воспроизводимъ по *Дневнику* Погодина: „На вопросъ его: почему не доставлялъ ему *Московскаго Вѣстника*, отвѣчалъ просто: я былъ оскорбленъ вами. По пріѣздѣ моемъ изъ Петербурга, вы не дали мнѣ знать, что препоручаете мое дѣло въ Университетскомъ Пансіонѣ другому, и не поблагодарили меня за сдѣланное. Зачѣмъ же мнѣ, подумалъ я, идти къ нему на поклонъ съ билетомъ на *Московскій Вѣстникъ*“ [381]).

Несмотря на это Погодинъ не охладѣвалъ къ Университетскому Благородному Пансіону, и посѣтивъ его, онъ печатно заявилъ: „Если можно публично замѣчать дурное въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ съ тою цѣлію, чтобы оно исправлялось, то тѣмъ болѣе должно распространять славу о хорошемъ: люди, которымъ общество одолжено за это хорошее, увидятъ, что ихъ труды цѣнятся соотечественниками, товарищи ихъ по роду занятій найдутъ образцы для подражанія, родители получатъ новое пріятное удостовѣреніе, что дѣти, надежда ихъ жизни, и въ публичномъ училищѣ находятся все еще подъ родительскимъ надзоромъ. Недавно мнѣ случилось въ третьемъ часу ночи осмотрѣть Университеткій благородный пансіонъ. Какъ гражданинъ, который любитъ свое отечество и радуется всякому хорошему явленію въономъ, я съ величайшимъ удовольствіемъ увидѣлъ отличнѣйшій порядокъ въ этомъ учебномъ заведеніи, и долгомъ поставляю довести о немъ до свѣдѣнія соотечественниковъ. Воспитанники спятъ въ огромной галлереѣ, освѣщенной лампами. По мѣстамъ, въ извѣстномъ разстояніи одинъ отъ другого, стоятъ дядьки и сторожа. Всѣ двери заперты (въ классы на улицу), кромѣ двери въ коридоръ, также освѣщенной лампами. Надзиратель ходитъ безпрестанно по всему заведенію и осматриваетъ. Нѣтъ ни одного мѣста, гдѣ бы ни было дежурнаго, и всѣ они, начиная отъ послѣдняго дядьки до чиновника, такъ привыкли видно къ исполненію своихъ обязанностей, что ни въ одномъ не замѣтилъ я даже признака малѣйшей усталости. Воспитанникъ не можетъ шевельнуться безъ того, чтобы нѣсколько глазъ тотчасъ не примѣтили его движенія. Тѣ, которые знакомы съ нашими учебными заведеніями, которые знаютъ, какимъ злоупотребленіемъ покровительствуетъ одна темнота (не говоря о прочемъ), тѣ почувствуютъ всю важность, всю пользу такого распоряженія. Хорошо бы было, еслибы такой порядокъ введенъ былъ во всѣ подобныя училища! Желающіе удостовѣриться въ истинѣ словъ моихъ могутъ сами осмотрѣть заведеніе, когда имъ угодно“. Не безъ колкости, и намъ понятной, Погодинъ заключаетъ

свою статью: „Объ учебной части въ Пансіонѣ я не могу сказать здѣсь ни слова, потому что мнѣ не удалось еще нынѣ хорошо познакомиться съ нею“ [382]).

Въ это время въ царствѣ благотворительности совершилось прискорбное событіе. 24 Октября, 1828 г. въ С.-Петербургѣ въ Бозѣ почила вдовствующая императрица Марія Ѳеодоровна. „Эта необыкновенная женщина“, по справедливому замѣчанію издателя *Русскаго Архива*, „три царствованія сряду была *истиннымъ министромъ* благотворительности, какъ выразился о ней П. А. Плетневъ. Двадцать лѣтъ она была свидѣтельницею свѣтлыхъ и темныхъ сторонъ екатерининскаго царствованія. Наглядный, завлекательный примѣръ Екатерины, столь дѣятельной въ смыслѣ государственномъ, не могъ не вызывать на благодѣтельное подражаніе въ отведенномъ ей судьбою царствѣ милосердія, а зрѣлище разслабленныхъ нравовъ порождало противодѣйствіе въ чистой душѣ и наводило на мысли о болѣе строгомъ общественномъ воспитаніи. Величавый и въ тоже время утѣшительный для человѣчества образъ царицы, матери императоровъ, посреди окружающаго ее царственнаго великолѣпія, являетъ собою Марія Ѳеодоровна“ [383]).

Вѣсть о кончинѣ императрицы достигла Москвы въ воскресенье 28 октября. По свидѣтельству Погодина, „невозможно описать впечатлѣнія, произведеннаго въ городѣ симъ горестнымъ извѣстіемъ. Знатные и простолюдины, богатые и бѣдные оплакивали искренно государыню, о которой въ продолженіе пятидесяти-лѣтней ея жизни въ Россіи знали только по однимъ благодѣяніямъ. На панихидѣ, отправлявшейся на другой день во всѣхъ церквахъ московскихъ, многіе священники не могли удерживать слезъ при служеніи; на всѣхъ лицахъ видно было уныніе; народъ просто, но торжественно изъявлялъ свою горесть; вездѣ слышны были восклицанія: „Дай Богъ тебѣ царство небесное, она праведница — прямо въ рай пойдетъ, покинула насъ матушка, и проч.“ Въ церквахъ, по заведеніямъ подъ особеннымъ покровительствомъ покойной императрицы, сцены, говорятъ, были еще умилительнѣе: тамъ

сироты, вдовицы, старцы, дряхлые и больные, которымъ она дала спокойное пристанище послѣ всѣхъ бѣдствій, перенесенныхъ ими въ треволненной жизни, чиновники, служившіе ей орудіемъ при исполненіи ея благихъ предначертаній, молились отъ чистаго сердца объ успокоеніи души своей благодѣтельницы и громкими стенаніями приносили ей дань своей признательности. Что можно сказать болѣе въ похвалу преставившейся".

Покойная императрица Марія Θеодоровна съ любовью слѣдила и за ходомъ русской литературы и любила проводить время въ обществѣ русскихъ писятелей, а потому кончина ея оплакана однимъ изъ лучшихъ представителей нашей литературы, Жуковскимъ.

...Благодаримъ Тебя
За прелесть кроткой простоты
Среди блистанья царской славы!
За благодать, съ какою ты
Спѣшила въ душный мракъ больницы,
Въ пріютъ страдающей вдовицы
И къ колыбели сироты!...

XXXVIII.

Бросимъ теперь взглядъ на труды Погодина въ теченіе 1828 года. Въ этомъ году онъ издалъ свой переводъ трагедіи Гете: *Гецъ фонъ Берлихингенъ, желѣзная рука.* Эта трагедія была написана Гете, когда ему было только двадцать два года. „Слѣдствіемъ изученія Шекспира", говоритъ Шевыревъ, „было то, что Гете совершенно свергнулъ оковы школы французской. Тогда уже заронились въ немъ два зерна великихъ произведеній: *Геца* и *Фауста.* Онъ въ тишинѣ таилъ замыслы своего скромнаго генія даже отъ близкаго ему Гердера. Гете одушевленъ былъ мыслью: представить въ лицѣ *Геца фонъ Берлихингенъ* честнаго, праводушнаго мужа, который въ дикія времена совершеннаго безначалія и не-

устройства, одушевленный чувствомъ любви къ ближнему, благонамѣреннымъ самоуправствомъ хочетъ замѣнить недостатокъ спасительныхъ законовъ и, между тѣмъ, самъ подчиняется священному гласу верховной власти своего монарха, и скорѣе готовъ умереть, нежели измѣнить присягѣ. Для исполненія сего плана Гете прилежно изучалъ Исторію XV и XVI столѣтій; особенно важнымъ источникомъ служила для него жизнь *Геца,* имъ самимъ написанная“ [384]). Теперь намъ становится понятнымъ, почему Погодинъ, монархистъ отъ рожденія, избралъ для своего перевода это произведеніе Гете. Замѣчательно, что когда вышелъ въ свѣтъ переводъ *Геца,* Погодинъ въ своемъ *Дневникѣ* отмѣчаетъ: „Не лежитъ у меня сердце къ Гете“ [385]).

Одновременно съ переводомъ творенія Гете, онъ издаетъ свой переводъ труда знаменитаго Риттера: *Карта Европы въ физико-географическомъ отношеніи.* Въ сопротивномъ *Московскомъ Телеграфѣ* появился объ этомъ переводѣ весьма сочувственный отзывъ: „Книга“, сказано тамъ, „достойная особеннаго вниманія всѣхъ занимающихся изученіемъ и особенно преподаваніемъ географіи. М. П. Погодинъ при другихъ занятіяхъ своихъ посвятилъ трудъ и время на переводъ свой; переводъ негладокъ, тяжелъ, но вѣренъ, изданъ довольно хорошо, и русскія карты нисколько не уступаютъ нѣмецкимъ: ихъ дѣлалъ извѣстный граверъ А. А. Флоровъ“ [386]). Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ знакомитъ читателей *Московскаго Вѣстника* съ отрывкомъ изъ сочиненія Цшокке: *Исторія Швейцаріи для Швейцарскаго народа.* Статистика не переставала интересовать Погодина, и онъ слѣдилъ за литературою этого предмета. Въ прошломъ году онъ познакомилъ читателей *Московскаго Вѣстника* съ Дюпеномъ, а теперь знакомитъ съ сочиненіемъ итальянскаго статистика Мельхіора Джіойи: *Философія Статистики* (Миланъ, 1826). Въ этомъ сочиненіи авторъ дѣлаетъ сближенія и сравненія между разными экономическими явленіями одного рода, случившимися у разныхъ народовъ въ разныя эпохи,— такъ что ее можно назвать сравнительною статистикою. По

поводу этого сочиненія Погодинъ замѣчаетъ, что статистика у насъ находится еще въ младенчествѣ. До сихъ поръ мы довольствуемся только кучею цифръ, не разбираемъ ихъ такъ, чтобъ можно было легко обнять, не выводимъ никакихъ результатовъ и не пользуемся приложеніями новыхъ ученыхъ, разлившихъ много свѣту въ темное царство этой молодой науки".

По поводу изданнаго въ 1827 году Ѳеодоромъ Аделунгомъ Путешествія барона Мейерберга по Россіи Погодинъ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе о XVII-мъ вѣкѣ нашей исторіи: „мы не хотимъ говорить подробно о XVII-мъ столѣтіи, какъ будто-бы сіи времена принадлежали къ государственнымъ тайнамъ, — по сей-то причинѣ мы имѣемъ очень мало печатнаго, въ сравненіи съ рукописнымъ, объ этой важной эпохѣ россійской исторіи. Но вспомнимъ, что съ того времени прошло уже двѣсти лѣтъ, что мы имѣемъ уже не тотъ образъ мыслей, что всѣ обстоятельства наши перемѣнились, выгодное для Россіи того времени содѣлалось уже теперь невыгоднымъ и, наоборотъ, Исторія провозглашаетъ права свои, и Михаилы, Алексѣи, Ѳеодоры требуются передъ безпристрастный судъ ея, вслѣдъ за Іоаннами, надъ которымъ Карамзинъ первый столь благородно произнесъ приговоръ свой, можетъ быть не совсѣмъ справедливый, но искренній, не лицепріятный".

Мы уже знаемъ, что Погодинъ былъ пламеннымъ почитателемъ Суворова. Въ 1827 году въ Петербургѣ вышла книжка Фукса, подъ заглавіемъ *Анекдоты князя Италійскаго, графа Суворова-Рымникскаго.* Отдавая отчетъ объ этой книжкѣ, Погодинъ, между прочимъ, замѣтилъ: „Суворова, вмѣстѣ съ Петромъ Первымъ и Ломоносовымъ, едва ли нельзя назвать представителями русскаго народа: сіи три мужа, каждый въ своемъ кругу, показали своими дѣйствіями мѣру его способностей,—въ нихъ, какъ въ суммахъ, выразились его слагаемыя, — это русскіе, возведенные въ свою высшую степень. Суворовъ жилъ въ самое примѣчательное время. Екатерина,

Дворъ ея, Румянцовъ, Безбородко, замыслы Потемкина, войны турецкія и польскія, раздѣленіе Польши, внутреннія учрежденія, начало французской революціи, первыя побѣды Наполеона! Не любопытно ли знать мнѣніе такого человѣка, о всѣхъ сихъ людяхъ, о всѣхъ сихъ происшествіяхъ, о Россіи его времени, прошедшей и будущей! Не любопытно ли знать его самого, сокровенные изгибы его сердца, его умъ въ разныхъ обстоятельствахъ жизни, взглядъ на вещи — съ какой точки смотрѣлъ онъ на себя въ отношеніи къ государю, отечеству, другимъ людямъ. Правда, многое въ этомъ родѣ мы должны предоставить нашимъ потомкамъ, если дойдутъ до нихъ слухи отъ молчаливыхъ современниковъ, потому что время Суворова слишкомъ близко отъ насъ, но много еще есть и такого, что̀ и мы знать можемъ. Часто одно нечаянное слово, движеніе, одинъ нечаянный поступокъ обнаруживаетъ человѣка совершенно, и сіи черты всего желательнѣе находить въ такъ-называемыхъ *Анекдотахъ*.

Въ 1828 году Россія воевала съ Турціею. Погодинъ, увлеченный своею полемикою по поводу Арцыбашева, а также несчастною своею страстью къ княжнѣ А. И. Трубецкой, былъ глухъ и нѣмъ къ этой войнѣ. Зайдя однажды къ Черткову, онъ даже не безъ ироніи записалъ въ своемъ Дневникѣ (подъ 2 декабря 1828 г.): „Два старичка за обѣдомъ рѣжутъ рябчика и говорятъ о Стамбулѣ. *Что за дѣло до Стамбула!*“ Въ это время Игнатій Яковенко весьма кстати издалъ свою книгу о Молдавіи и Валахіи. Эти страны въ то время представляли большой интересъ, и Погодинъ, несмотря на свои увлеченія, обратилъ вниманіе на сію книгу. Знакомя читателей *Московскаго Вѣстника* съ содержаніемъ этой книги и отдавая справедливость за удовлетворительность ея въ статистическомъ отношеніи и принося благодарность автору за объясненіе всѣхъ терминовъ, до управленія относящихся, Погодинъ порицаетъ автора за то, что его „историческое воспоминаніе, кромѣ списка господарей, маловажно и необработано; да и форма его обвѣтшала. Авторъ воспоминаетъ Исто-

рію, пока чинили его коляску“. Любопытно и то, что Погодинъ упрекаетъ автора въ томъ, въ чемъ онъ самъ былъ не безъ грѣха: „не любопытны также нѣкоторыя путевыя мѣлочи“ [387]).

Среди своей кипучей дѣятельности Погодинъ любилъ уходить въ себя и предаваться, такъ сказать, уединеннымъ размышленіямъ. Зарождающіяся такимъ образомъ мысли онъ имѣлъ обыкновеніе записывать, благодаря чему онѣ и сохранились въ его *Дневникѣ*. „Всѣ европейскіе поэты“, пишетъ онъ, „изображаютъ теперь человѣка недовольнаго жизнью, обществомъ, знаніями. Знакъ хорошій! Чѣмъ больше будетъ недовольныхъ, тѣмъ скорѣе перемѣна къ лучшему“ [388]). Слѣдуя стопамъ ихъ, Погодинъ пишетъ повѣсть подъ заглавіемъ *Черная Немочь*, въ которой герой, купеческій сынъ, одержимъ *черною немочью*, то-есть стремленіемъ къ наукамъ и, найдя отпоръ этому стремленію со стороны своихъ родителей, богатыхъ купцовъ, онъ кинулся въ Москву рѣку и утопился. Замѣчательно, что Бѣлинскій, сдѣлавшійся впослѣдствіи непримиримымъ врагомъ Погодина, объ этой его повѣсти сдѣлалъ самый похвальный отзывъ: „Въ *Черной Немочи*“, пишетъ Бѣлинскій, „бытъ нашего средняго сословія, съ его полудикомъ, получеловѣческимъ образованіемъ, со всѣми его оттѣнками и родимыми пятнами, изображенъ кистью мастерскою. Этотъ купецъ, который такъ крѣпко держитъ въ ежевыхъ рукавицахъ и жену, и сына, который, при милліонахъ, живетъ какъ мужикъ, который чванится своимъ богатствомъ, какъ глупый баринъ своимъ дворянствомъ, который, по прочтеніи реестра приданаго, говоритъ, что „божьяго-то благословенія маловато“, который, наконецъ, убиваетъ роднаго сына изъ родительской любви, и боится, какъ дьявольскаго навожденія, всякой человѣческой мысли, всякаго человѣческаго чувства, чтобъ не погрѣшить противъ „чистѣйшей нравственности“, которой держались столько столѣтій его отцы и праотцы; эта купчиха глупая и толстая, которая такъ боится кулака и плети своего дражайшаго сожителя, что не смѣетъ безъ его спросу выйти

со двора, не смѣетъ сказать предъ нимъ лишняго слова и даже затаиваетъ въ его присутствіи свою материнскую любовь къ сыну; эта попадья, то бранящая батрака и распоряжающаяся на погребѣ, то, мучимая женскимъ любопытствомъ, подслушивающая сквозь замочную щель разговоръ своего мужа (священника) съ купчихою, то продирающая пальцемъ дырочку на кулькѣ, принесенномъ ей купчихою, чтобы узнать, что въ немъ обрѣтается; эта сваха Савишна, эта всемірная кумушка, сплетчица и сводчица, безъ которой русскій человѣкъ, бывало, не умѣлъ ни родиться, ни жениться, ни умереть, которая торгуетъ счастьемъ и судьбою людей точно такъ же, какъ лентами, запонками и шерстяными чулками, которая такъ мило увеселяетъ площадными экивоками честное компанство бородатыхъ милліонщиковъ; эта невѣста, „дѣвочка низенькая, но толстая-претолстая, съ одутловатыми щеками, набѣленная, нарумяненная, разсеребренная, раззолоченная и всякими драгоцѣнными каменьями изукрашенная“; наконецъ, это сватовство, эти споры о приданомъ, вся эта жизнь подлая, гадкая, грязная, дикая, нечеловѣческая изображена въ ужасающей вѣрности; прибавьте сюда этого юношу, аристократа по природѣ, плебея по судьбѣ, агнца между волками — и вотъ вамъ полная картина одной изъ главныхъ сторонъ русской жизни. Самый языкъ этой повѣсти отличается отсутствіемъ тривіальности, обезображивающей прочія повѣсти этого писателя. И такъ *Черная Немочь* есть повѣсть совершенно народная и поэтически-нравоописательная — но здѣсь и конецъ ея достоинству. Главная цѣль автора была представить геніальнаго, отмѣченнаго перстомъ Провидѣнія, юношу въ борьбѣ съ подлою, животною жизнію, на которую осудила его судьба: эта цѣль не вполнѣ имъ достигнута. Замѣтно, что автора волновало какое-то чувство, что у него была какая-то любимая, задушевная мысль, но и, вмѣстѣ съ тѣмъ, что у него недостало силы таланта воспроизвести ее; съ этой стороны, читатель остается неудовлетвореннымъ. Причина очевидна; талантъ г. Погодина есть талантъ нравоописателя низшихъ

слоевъ нашей дѣйствительности, и потому онъ занимателенъ, когда вѣренъ своему направленію, и тотчасъ падаетъ, когда берется не за свое дѣло" [389]). Этою повѣстію Погодина остался чрезвычайно доволенъ петербургскій пріятель его Любимовъ, который писалъ ему: „Если сравнить прозябаніе наше съ вашею жизнію, сколько невольныхъ упрековъ дѣлаешь себѣ. Ахъ служба, служба, сколько у нея душегубствъ на сердцѣ лежитъ! Какъ хороша ваша *Немочь*! Обнимаю, цѣлую васъ за нее. Признаюсь, что я отъ нея былъ въ восторгѣ. Еслибы прочелъ я ее въ Москвѣ, то, конечно, нашелъ бы столь же прелестною, но въ Питерѣ она какъ-то еще ближе моему сердцу. Здѣсь всѣ—и профаны, и люди мыслящіе превозносятъ ее, потому что всѣ находятъ въ ней пищу. Я два раза читалъ ее: одинъ разъ у себя, а въ другой — у Одоевскаго; тутъ были Титовъ и Шевыревъ, который торжественно прочелъ ее".

Мелькали Погодину также и мысли о „чудномъ устроеніи нашего общества" и „сердце его билось, когда онъ читалъ „о засѣданіи въ палатѣ депутатовъ" въ Парижѣ; а обращаясь къ отечеству, онъ замѣчаетъ: „Думалъ о нашихъ правителяхъ. Всѣ невѣжи. Махина держится тяжестію. Должно быть нѣчто, что можетъ сдѣлать переворотъ въ государствахъ. Какая-нибудь мысль, которая перевернетъ систему денежную". Размышленія нашего мыслителя прерываютъ—множество посѣтителей. Но пользуясь всякими минутами досуга и уединенія, онъ предается или созерцанію красотъ природы, или размышленіямъ о судьбахъ человѣчества. „Голубое, яркое небо", читаемъ въ его *Дневникѣ*, „звѣзды, мѣсяцъ катится вверхъ, все тихо. Какъ пріятно, отводя взоры отъ засоренной земли, смотрѣть на это ровное, прекрасное, безпредѣльное пространство"; а размышляя о людяхъ, онъ замѣчаетъ: „какъ велики стали мои требованія при раздачѣ титловъ людямъ. Кого почиталъ я великимъ, того не назову теперь и среднимъ. Иначе уже смотрю я на Ростопчина, Филарета, Карамзина,—и чувствую, что вижу дальше ихъ". Въ то же время

обращаясь къ себѣ и сознавая свои силы и способности, Погодинъ съ грустью сознается: „Ничего я не дѣлаю. Дай Богъ, чтобы это было предъ большимъ дѣломъ. Время мое проходитъ даромъ, хотя я и надѣюсь на свою упругость. Ну если остынетъ жаръ во мнѣ, и я умру, не совершивъ ничего великаго, истрачусь на вздоръ“ [390]).

Въ это время ему вздумалось сдѣлать преобразованіе въ *Московскомъ Вѣстникѣ* Еще прежде въ *Сѣверной Пчелѣ* было объявлено, что Погодинъ перестаетъ издавать *Московскій Вѣстникъ*, „избирая для себя занятія полезнѣйшія“ и предоставляетъ изданіе Шевыреву; но Погодинъ спрашиваетъ: „Изъ какихъ актовъ, какимъ образомъ гг. издатели присвоиваютъ себѣ право, мнѣ одному принадлежащее, дѣлать подобныя объявленія и вмѣшиваться въ чужія дѣла,—почему знаютъ они, что я почитаю полезнымъ, и что полезнѣйшимъ“. Въ объявленіи объ изданіи *Московскаго Вѣстника* въ 1829 году было заявлено, что журналъ будетъ выходить частями, изъ коихъ каждая посвятится исключительно одному какому-либо отдѣленію: въ первой части будутъ помѣщены стихотворныя произведенія изящной словесности, во второй — прозаическія, въ составъ третьей войдетъ Исторія въ философскомъ, критическомъ и художественномъ отношеніяхъ; здѣсь помѣстятся, между прочимъ, *Замѣчанія* на *Исторію Государства Россійскаго*, въ четвертой—статьи изъ теоріи Изящныхъ Искусствъ и прочихъ наукъ; пятая будетъ состоять изъ смѣси; шестая посвятится критикѣ“ [391]). Этимъ нововведеніемъ остался очень недоволенъ В. П. Титовъ и писалъ Погодину (отъ 15 ноября 1828 года): „Не скорость будетъ моимъ девизомъ, о Михаиле Петрове сыне, но благоразуміе, которое ты нѣкогда во мнѣ выхвалялъ, а теперь, можетъ быть, и опорочишь. Ты возстановилъ журналъ, ты счелъ вреднымъ прервать его, ты думаешь чрезъ него поддержать какія-то связи съ какими-то литераторами, но моего совѣта на то не было; мой голосъ былъ данъ противъ этого, Кошелеву письменно, Шевыреву словесно, обоимъ ясно, пространно, и для меня, по крайней мѣрѣ, убѣдительно,

и такъ я не сотрудникъ въ возстановленномъ журналѣ: другими словами, могу когда мнѣ вздумается посылать статьи въ твой *Вѣстникъ*, которыя ты можешь печатать или нѣтъ, но могу надѣлять ими и другіе журналы; симъ правомъ непремѣнно воспользуюсь на дѣлѣ, теперь же не имѣю времени ни выправлять старыхъ статей, ни писать новыхъ. Кромѣ той причины, что бывшій *Вѣстникъ* нашъ и будущій твой, рѣшаетъ меня и то, что планъ твоего журнала, какъ и всѣ любимые тобою экспромты, слишкомъ неудаченъ" [392]). По поводу этого преобразованія въ *Московскомъ Телеграфѣ* появилась также весьма ѣдкая замѣтка: „На слѣдующій годъ", читаемъ тамъ, „*Московскій Вѣстникъ* представитъ *неслыханное диво*. Есть комедія подъ этимъ названіемъ, но въ ней неслыханнымъ дивомъ показанъ *честный секретарь*; въ *Московскомъ Вѣстникѣ* будетъ дивомъ измѣненіе его — въ *шесть альманаховъ*" [393]). Самого же Погодина огорчало и досадовало то, что у книгопродавца Ширяева оказалось очень мало подписчиковъ на этотъ преобразованный, да и на прежде бывшій, *Московскій Вѣстникъ*. „Что за несчастіе", пишетъ онъ, „за дрянь платятъ деньги, а за хорошее нѣтъ. Дельвигъ за *Цвѣты* получилъ восемь тысячъ, а я за *шесть цвѣтовъ* ничего. Досадно!"

Наканунѣ своихъ именинъ Погодинъ обѣдалъ у Трубецкихъ; княжна Александра Ивановна объявила ему: „Я васъ люблю. Я не велѣла шить себѣ чернаго передника, потому что вы завтра именинникъ". Въ самый день Михаила Архангела Погодинъ „всталъ тихій и спокойный" и въ своемъ *Дневникѣ* записываетъ: „какъ мнѣ хорошо въ моей комнатѣ, когда двери заперты. Къ обѣднѣ съ расположеніемъ молиться и не молился. Не присылаетъ *) поздравлять меня. Безтолковая! Собирался выговаривать ей. Присылаетъ чашку съ желаніемъ хорошаго, прекраснаго. На силу-то". Въ этомъ году Погодинъ праздновалъ не день своихъ именинъ, а день рожденія, 11 ноября. Обѣдню слушалъ

*) Княжна А. И. Трубецкая.

онъ у Трубецкихъ. „Горнія мысли“, отмѣчаетъ въ своемъ *Дневникѣ*. Вечеромъ къ нему собрались: Шаховской, Аксаковъ, Верстовскій, Двигубскій, Павловы (Михаилъ Григорьевичъ и Николай Филлиповичъ), Щепкинъ, Ровинскій, Загоскинъ, Кокошкинъ, Загряжскій, Томашевскій, Мельгуновъ, Каченовскій, Перевощиковъ, Венелинъ, Шевыревъ. По свидѣтельству новорожденнаго было „весело и складно, пѣли мнѣ куплеты. Шаховской посадилъ меня на столъ и пр. До 3-хъ часовъ“. Въ этотъ же день И. М. Снегиревъ вступилъ въ законный бракъ. По поводу этого событія въ жизни Снегирева Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ:* „Свадьба Снегирева и движеніе во всей Мѣщанской части“ *).

Въ послѣдній (31 декабря) день 1828 года Погодинъ сидѣлъ надъ своею повѣстью *Черная Немочь* и въ „12 часовъ“, читаемъ въ его *Дневникѣ*, „выпилъ рюмку вина за нее **) и за себя. Прощай 1828 годъ!“ [394]).

XXXIX.

Начало 1829 года было ознаменовано трагическою кончиною Грибоѣдова въ Тегеранѣ. Это событіе произвело потрясающее впечатлѣніе въ нашемъ отечествѣ. „Вы слышали о Грибоѣдовѣ?“, писалъ Погодину Любимовъ, „теперь посылаютъ туда на время для переговоровъ генералъ-маіора князя Долгорукова, а съ нимъ меня. Всѣ знакомые мои и особливо Титовъ мнѣ отсовѣтываютъ“. „Я былъ сильно пораженъ“, писалъ князь П. А. Вяземскій И. И. Дмитріеву, „ужаснымъ жребіемъ несчастнаго Грибоѣдова. Давно-ли видѣлъ я его въ Петербургѣ блестящимъ счастливцемъ, на возвышеніи государственныхъ удачъ: давно-ли завидывалъ ему, что онъ ѣдетъ посланникомъ въ Персію, въ край, который для моего воо-

*) И. М. Снегиревъ жилъ въ своемъ домѣ, близъ Архіерейскаго Троицкаго подворья, на Троицкой улицѣ, Мѣщанской части.

**) Княжна А. И. Трубецкая.

браженія имѣлъ всегда приманку чудесности восточныхъ сказокъ, обѣщалъ ему навѣстить его въ Тегеранѣ. Какъ судьба играетъ нами и какъ люто иногда! Я такъ себѣ живо представляю пылкаго Грибоѣдова, защищающагося отъ изступленныхъ убійцъ. И тутъ есть что-то похожее на сказочный бредъ, но бредъ ужасный и тяготительный“ [395]). Извѣстно, что Грибоѣдовъ былъ большой знатокъ нашей старины. Лѣтопись Нестора была его настольною книгою. „Въ Кіевѣ я пожилъ съ умершими“, писалъ онъ князю В. Ѳ. Одоевскому, „Владиміръ и Изяславъ совершенно овладѣли моимъ воображеніемъ; за ними едва вскользъ замѣтилъ я настоящее поколѣніе... Природа великолѣпная... Прибавь къ этому святость развалинъ, мракъ пещеръ. Какъ трепетно вступаешь въ темноту Лавры или Софійскаго собора“ [396]). „Кто хочетъ посѣщать прахъ и камни славныхъ усопшихъ“, писалъ онъ изъ Ѳеодосіи, „тотъ не долженъ брать живыхъ съ собою. Это мною нѣсколько разъ испытано. Поспѣшная и громкая походка, равнодушныя лица, и пуще всего глупые, ежедневные толки спутниковъ часто не давали мнѣ забываться, и сближеніе моей жизни, послѣдняго пришельца, съ судьбою давно отшедшихъ для меня было потеряно... Нынче обѣгалъ весь городъ. Чудная смѣсь вѣковыхъ стѣнъ прежней Кафы и нашихъ однодневныхъ мазанокъ! Отчего однако воскресло имя Ѳеодосіи, едва извѣстное въ описаніи древнихъ географовъ и поглотило наименованіе Кафы, которая громка въ столькихъ лѣтописяхъ европейскихъ и восточныхъ? На этомъ пепелищѣ господствовали нѣкогда готическіе нравы Генуэзцевъ; ихъ смѣнили пастырскіе обычаи Мунгаловъ съ примѣсью турецкаго великолѣпія; за ними явились мы, всеобщіе наслѣдники, и съ нами—духъ разрушенія: ни одного зданія не уцѣлѣло, ни одного участка древняго города невзрытаго, неперекопаннаго! Что-жъ? Сами указываемъ будущимъ народамъ, которые послѣ насъ придутъ, когда исчезнетъ русское племя, какъ имъ поступать съ бренными останками нашего бытія“ [397]). По дорогѣ изъ Тифлиса въ Карсъ Пушкинъ

встрѣтилъ двухъ воловъ, впряженныхъ въ арбу. Нѣсколько Грузинъ сопровождало ее. „Откуда вы?“ спросилъ онъ ихъ. Изъ Тегерана. „Что вы везете?“ „Грибоѣда“. — Это было тѣло убитаго Грибоѣдова, которое препровождали въ Тифлисъ!“ [398]).

Въ это-же время Погодинъ на долго раставался съ своимъ другомъ и сотрудникомъ Степаномъ Петровичемъ Шевыревымъ. Въ началѣ 1829 года княгиня З. А. Волконская уѣхала въ Италію, съ тѣхъ поръ, кажется, не возвращалась домой. Она поселилась въ Римѣ. Баратынскій пропѣлъ ей пѣснь прощальную:

Изъ царства виста и зимы,
Гдѣ подъ управой ихъ двоякой,
И атмосферу, и умы
Сжимаетъ холодъ одинакій,
Гдѣ жизнь какой-то тяжкій сонъ,
Она спѣшитъ на югъ прекрасный,
Подъ Авзонійскій небосклонъ...
Гдѣ въ древнихъ камняхъ боги живы,
Гдѣ въ новой, чистой красотѣ
Рафаель дышетъ на холстѣ...
Тамъ лучше ей...
Зачѣмъ же тяжкая тоска
Сжимаетъ сердце поневолѣ?..
Но скорбный духъ не уврачеванъ,
Душѣ стѣсненной тяжело,
И не утѣшно мы рыдаемъ.
Такъ, сердца нашего кумиръ,
Ее печально провожаемъ
Мы въ лучшій край и лучшій міръ. [399])

Княгиня Волконская предложила Шевыреву ѣхать съ нею въ Италію и принять на себя обязанность наставника ея сына князя Александра Никитича. Друзья Шевырева обрадовались этому счастливому случаю и убѣдили его оставить архивную службу и принять предложеніе Княгини. Жизнь въ Италіи, въ такомъ домѣ, который былъ средоточіемъ всего лучшаго и блистательнаго по части наукъ и искусствъ, казалась имъ счастіемъ для Шевырева. И они не ошиблись. Три слишкомъ года, проведенныя въ Италіи, образовали изъ Шевырева истиннаго ученаго [400]). Путь Шевырева на чужбину лежалъ чрезъ

Петербургъ, гдѣ тамошніе друзья съ нетерпѣніемъ ожидали его. Когда онъ находился еще въ Москвѣ, ему писалъ Титовъ; „Отъ души тебя цѣлую, милый мой Шевыревъ, если ты въ Бѣлокаменной. Пиши, когда будешь; всѣ ждемъ и ждутъ тебя. Благодари меня за слѣдующее: твою пріятельницу m-lle N. etc. я увѣрялъ, что ты не могъ забыть Питера и желаешь ѣхать въ чужіе края, чтобъ имѣть случай хоть мимоѣздомъ видѣть ее еще разъ“ [401]). Съ своей стороны Погодинъ напутствовалъ своего друга задушевнымъ словомъ: „Какъ мнѣ жаль, какъ мнѣ жаль тебя; но съ Богомъ! Да хранитъ тебя Небо, и да возвратишься ты къ намъ еще сильнѣе, свѣжѣе, веселѣе. Иди твердо по своей дорогѣ, не теряй никогда изъ виду своего назначенія, работай и не шали много: вотъ тебѣ мое дружеское наставленіе“ [402]). О петербургскомъ пребываніи Шевырева мы узнаемъ изъ письма Любимова къ Погодину: „Какъ я радъ былъ видѣть этого чистаго, пламеннаго Шевырева. Послѣдній вечеръ провели мы въ четверомъ у Одоевскаго, попили шампанскаго, подумали, поговорили, пошумѣли и погрустили. На другой день онъ уѣхалъ, и я послѣдній сорвалъ съ него прощальный поцѣлуй. Онъ успѣлъ написать здѣсь нѣсколько благозвучныхъ стиховъ, которые подъ заглавіемъ *Партизанка классицизма* будутъ напечатаны на Святой недѣлѣ въ *Подснѣжникѣ*. Стихи сіи написаны имъ молодой графинѣ Леваль“. Съ своей стороны Снегиревъ чрезъ Погодина дѣлалъ порученіе Шевыреву „объ осмотрѣ и описаніи ученомъ нашихъ русскихъ памятниковъ въ Римѣ *) и по поводу этого онъ спрашиваетъ: „Откуда пословица: былъ въ Римѣ, а Папы не видалъ?“ [403]). Княгиня Волконская, хотя и переселилась въ Римъ, но не порвала своей духовной связи съ Россіею. „Ожидаю отъ васъ“, писала она Погодину „много отвѣтовъ и чисто о Москвѣ, о ея жителяхъ, вспоминаю сердечно“.

*) Эту мысль Снегирева осуществилъ въ 1875 году В. П. Мордвиновъ въ своей извѣстной книгѣ: *Путеводитель Православныхъ поклонниковъ по городу Риму и его окрестностямъ.*

Вскорѣ послѣ отъѣзда Шевырева, который всегда былъ самымъ дѣятельнымъ и незамѣнимымъ сотрудникомъ *Московскаго Вѣстника* книгопродавецъ А. С. Ширяевъ, съ которымъ Погодинъ имѣлъ постоянныя книжныя сношенія, вѣроятно, для утѣшенія осиротѣвшаго редактора *Московскаго Вѣстника* задалъ ему „прекрасный обѣдъ“ въ купеческомъ клубѣ. Послѣ обѣда Погодинъ сѣлъ играть въ бостонъ съ Селивановскимъ, И. И. Давыдовымъ и Перевощиковымъ и „выигралъ у неплатящаго никогда Перевощикова“. Игру, начатую въ клубѣ, Погодинъ продолжалъ у Аксаковыхъ, выигралъ 70 рублей и поздно вернулся домой „на саняхъ, подъ колокольный звонъ“.

Въ это же время навсегда покинулъ Россію и Мицкевичъ, съ которымъ Погодинъ былъ, какъ мы видѣли, въ дружескихъ отношеніяхъ. Предъ отъѣздомъ своимъ въ чужіе края Мицкевичъ пріѣзжалъ въ Москву, столь его обласкавшую, прощаться. Подъ 21 марта 1829 года въ *Дневникѣ* Погодина читаемъ: „Къ Мицкевичу. Свиданіе съ удовольствіемъ. О нашемъ просвѣщеніи. Россія непремѣнно должна покровительствовать всѣ славянскія партіи и этою мѣрою она привлечетъ себѣ болѣе, чѣмъ войсками“. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого свиданія состоялся завтракъ у Погодина. Свѣдѣнія объ этомъ достопамятномъ утрѣ, хотя и скудныя, но достовѣрныя, находятся въ *Дневникѣ* Погодина: „Завтракъ у меня. Представители русской образованности и просвѣщенія: Пушкинъ, Мицкевичъ, Хомяковъ, Щепкинъ, Венелинъ, Аксаковъ, Верстовскій, Веневитиновъ. Разговоръ безъ всякой послѣдовательности. Не было ничего для меня новаго... Верстовскому и Аксакову не понравилось. Нечего было сказать о разговорѣ Пушкина и Мицкевица, кромѣ: *предразсудокъ холоденъ, а вѣра горяча.* Говорили о Дмитріи Веневитиновѣ, о страсти его къ княгинѣ Волконской. Она искала въ немъ свѣжаго юношу... Онъ боялся прикоснуться къ божественному идеалу. Она мелка“ [404]). Съ тою же досадною краткостью Погодинъ писалъ о своемъ утрѣ и Шевыреву: „Много было сальнаго, которое не понравилось“. Въ это же время Мицкевичъ издалъ

свои стихотворенія. Погодинъ настолько уже владѣлъ польскимъ языкомъ, что могъ читать ихъ въ подлинникѣ. Ему особенно понравилось стихотвореніе подъ заглавіемъ *Фарсисъ* [405]).

Замѣтимъ здѣсь кстати, что въ то время, когда *Вѣстникъ Европы* Каченовскаго на своихъ страницахъ топталъ въ грязь нашу народную славу Пушкина, въ тоже время и тотъ же *Вѣстникъ Европы* почтительно расшаркивался предъ польскимъ писателемъ. „Г. Мицкевичъ, читаемъ тамъ, находится теперь въ Москвѣ. Имѣемъ достовѣрное свѣдѣніе, что сей достойный любимецъ польской публики будущею весною отправится заграницу освѣжить прекрасный талантъ свой поэтическимъ воздухомъ Авзоніи“ [406]).

XL.

Въ то время, когда изъ круга друзей, стоявшихъ подъ знаменемъ *Московскаго Вѣстника*, выбылъ Шевыревъ, изъ Дерпта переѣхалъ на житье въ Москву Николай Михаиловичъ Языковъ и отчасти замѣнилъ собою Шевырева.

Въ теченіе шести лѣтъ Языковъ слушалъ лекціи въ Дерптскомъ университетѣ, но никакъ не могъ выдержать экзаменъ и пріѣхалъ въ Москву студентомъ *бездипломнымъ*. Взамѣнъ сего въ немъ таилось замѣчательное поэтическое дарованіе. Съ самаго переѣзда его въ Дерптъ въ 1823 году начали появляться въ печати его стихотворенія, обратившія на себя вниманіе Жуковскаго, князя Вяземскаго и въ особенности Пушкина, съ которымъ Языковъ сблизился въ 1826 году во время пребыванія Пушкина въ Михайловскомъ. Въ этомъ году Языковъ цѣлое лѣто гостилъ въ Тригорскомъ и почти ежедневно видѣлся съ нашимъ великимъ поэтомъ. Время, проведенное съ нимъ, воспѣто Языковымъ въ прелестномъ его стихотвореніи *Тригорское*, которое украсило начальныя страницы *Московскаго Вѣстника* и послужило поводомъ заочнаго знакомства Языкова съ Погодинымъ. Лѣто 1826 года на всю

жизнь запечатлѣлось въ сердцѣ Языкова. „Я вопрошалъ“, писалъ онъ къ одному своему пріятелю, „совѣсть мою и внималъ отвѣтамъ ея и не нахожу во всей моей жизни ничего подобнаго красотою нравственнаго и физическаго, ничего пріятнѣйшаго и достойнѣйшаго сіять золотыми буквами на доскѣ памяти моего сердца—нежели лѣто 1826 года“ [407]).

Въ маѣ 1829 года Языковъ пріѣхалъ въ Москву. И. В. Кирѣевскій привезъ его къ Погодину, который отмѣтилъ въ своемъ *Дневникѣ*, по поводу этого знакомства: „очень простъ и не виденъ“ [408]); но вскорѣ они хорошо познакомились и сдружились. На лѣто Языковъ уѣхалъ въ свою симбирскую деревню и Погодинъ писалъ Шевыреву „Языковъ пробылъ здѣсь больше мѣсяца, и мы познакомились очень хорошо. Добрый малый и безъ всякихъ претензій. Повезъ много плановъ, между прочимъ, трагедію *Саулъ*“. Зимою Языковъ вернулся въ Москву и сталъ помогать Погодину въ изданіи *Московскаго Вѣстника* [409]).

Ко времени переѣзда Языкова изъ Дерпта въ Москву относится примиреніе Погодина съ Иваномъ Васильевичемъ Кирѣевскимъ. Мы уже знаемъ, что Погодинъ имѣлъ несчастіе поссориться съ этимъ благороднѣйшимъ изъ смертныхъ, о чемъ такъ скорбѣлъ В. П. Титовъ. Мы не могли доискаться причинъ ихъ ссоры, знаемъ только, что 15 марта 1829 года день, священный для друзей покойнаго Дмитрія Веневитинова, былъ днемъ ихъ примиренія. По установившемуся обычаю друзья Веневитинова въ этотъ день отправились въ Симоновъ монастырь, мѣсто вѣчнаго упокоенія ихъ юнаго друга; но предоставимъ самому Погодину разсказать намъ объ этомъ днѣ. „Въ Симоновъ монастырь, на могилу Дмитрія, молился объ его упокоеніи, звалъ духъ его къ себѣ и Сашенькѣ *). Былъ у обѣдни и слушалъ съ удовольствіемъ согласное пѣніе монаховъ. За минуту предугадалъ, что пріѣдетъ Кирѣевскій, но мы не сошлись на могилѣ. Обѣдали вмѣстѣ у Алексѣя. Читали письма Дмитрія, говорили о немъ. Въ сумерки я

*) Т. е. княжнѣ А. И. Трубецкой.

рѣшился съ трепещущимъ сердцемъ обратиться къ Кирѣевскому и началъ: „Послушай, Кирѣевскій: нынѣшній день для меня священъ; для меня пріятно ознаменовать его всегда чѣмъ нибудь достойнымъ памяти нашего Дмитрія, нынѣ я хочу пожертвовать моимъ самолюбіемъ... Онъ не далъ договорить мнѣ. Я хотѣлъ прибавить: и спрашиваю тебя—повторяешь ли ты во всей силѣ письмо твое, написанное ко мнѣ? Если повторяешь, мы разстаемся опять, и этотъ разговоръ предается забвенію; если отрекаешься, вотъ моя рука. Кирѣевскій бросился обнимать меня, говоря: прости меня, я виноватъ передъ тобою. Господа, я прошу у него прощенія, прощаешь ли ты. Я самъ хотѣлъ начать, ты предупредилъ меня". Мы расцѣловались, вышли потомъ въ другую комнату. „Я думалъ прежде, что ты неспособенъ дѣлать неосторожности, и потому помѣщеніе письма Строева съ личностями во время твоей ссоры съ Полевыми за интересъ почелъ дѣломъ неблагороднымъ. Теперь въ помѣщеніи замѣчаній Арцыбашева и своихъ увидѣлъ, что ты въ самомъ дѣлѣ только что неостороженъ и потому и т. д. Я толковалъ, что все это вздоръ. И въ самомъ дѣлѣ. Я сталъ такъ высоко, что уже не различаю, напримѣръ, мелкихъ подлостей Полевыхъ, Булгариныхъ и т. д." [410]). Черезъ четыре дня Погодинъ получаетъ слѣдующее письмо отъ И. В. Кирѣевскаго: „Вы не сомнѣваетесь, я увѣренъ, въ томъ, что если я еще не былъ у васъ, то единственно потому, что обстоятельства не позволили мнѣ до сихъ поръ отлучиться изъ дому. Теперь пишу къ вамъ, чтобы объяснить вамъ мои послѣднія дѣйствія, ибо чувствую, что безъ того они могли бы быть непонятны. Въ послѣднее наше свиданіе я уже сообщилъ вамъ причины, заставившія меня ошибаться въ васъ. Я видѣлъ нѣкоторые изъ вашихъ поступковъ, которые могли быть оправданы только одною необдуманностью съ вашей стороны, къ которой я не считалъ васъ способнымъ и при короткости нашихъ отношеній обязанность честнаго человѣка дѣлала для меня откровенность необходимостью. Но послѣдствіе времени показало мнѣ, что вы способны къ не-

осторожности больше, чѣмъ многіе; что вы умѣете не разсчитывать своихъ поступковъ, когда дѣло идетъ о вашихъ выгодахъ, и я увидѣлъ, что та-же причина, которая заставляла васъ дѣлать самому себѣ столько вреда, могла быть и источникомъ поступковъ, показавшихъ мнѣ васъ въ другомъ видѣ. Въ этомъ случаѣ возможность вашей правоты уже была для меня почти достаточнымъ оправданіемъ, ибо я не хотѣлъ видѣть васъ виноватымъ. Когда же въ послѣднее наше свиданіе вы первые хотѣли подать мнѣ руку на примиреніе, то я узналъ, что вы умѣете быть не просто неосторожнымъ, но неосторожнымъ отъ душевнаго благородства. Я видѣлъ, что, ошибившись во мнѣ, вы рисковали получить самое жестокое оскорбленіе вашему самолюбію, имѣя въ виду единственно совершеніе того, что̀ вы считали должною жертвою памяти вашего друга, и я горжусь, что понялъ красоту вашего поступка, что не обманулъ вашей лестной довѣренности, что умѣлъ не допустить васъ до благороднаго самоотверженія, и съ радостію признаюсь, что я былъ виноватъ передъ вами. Будемте надѣяться, что судьба не разведетъ тѣхъ, кому должно сойтись“ [411]).

Погодинъ былъ очень радъ этому примиренію, ибо могъ теперь продолжать общеніе съ благороднымъ домомъ Кирѣевскихъ и Елагиныхъ. Вскорѣ послѣ примиренія ему пришлось вмѣстѣ съ ними оплакивать кончину добродѣтельной Александры Андреевны Воейковой, скончавшейся въ Ниццѣ и несшей крестъ супружеской жизни съ извѣстнымъ авторомъ *Сумашедшаго Дома*, Александромъ Ѳедоровичемъ Воейковымъ. По свидѣтельству современниковъ, „всякъ, кто зналъ ее, кто только приближался къ ней, становился ея чтителемъ и другомъ. Благородная братская къ ней привязанность Жуковскаго, преданная безсмертію въ посвященіи *Свѣтланы*, извѣстна всѣмъ“. Кончина Воейковой произвела сильное впечатлѣніе на Погодина. „Съ живымъ участіемъ слушалъ о смерти Свѣтланы“, пишетъ онъ, „я любилъ ее, не зная. Жаль, что я не видалъ ее“. А. П. Ела-

гина прочла ему письмо Жуковскаго, который называлъ смерть *послѣднимъ счастіемъ на землѣ*, но Погодинъ съ этимъ не соглашается и замѣчаетъ: „Нѣтъ, это еще не высшая степень. Надо изъ жизни сдѣлать счастіе“. На другой день онъ разсказывалъ „сердобольной и чадолюбивой“ О. С. Аксаковой о смерти Воейковой и ему „представилась мысль сдѣлать апоѳеозу терпѣнія, показать счастіе въ несчастіи“, во 2-й части его повѣсти *Невѣста на Ярмаркѣ*. Думалъ онъ объ этомъ „дорогою и дома“, написалъ планъ, которымъ самъ остался доволенъ и нашелъ „прекраснымъ“ [412]).

Въ іюлѣ 1829 года Петръ Васильевичъ Кирѣевскій отправился за-границу для слушанія лекцій въ германскихъ университетахъ. Братъ его Иванъ Васильевичъ остался въ Москвѣ. Однажды Погодинъ, навѣстивъ его, засталъ задумчивымъ и подъ 23 августа 1829 г. отмѣтилъ въ своемъ *Дневникѣ:* „вѣроятно, влюбленъ“. И дѣйствительно, онъ не ошибся. Въ это время, по свидѣтельству М. А. Максимовича, И. В. Кирѣевскаго „приковывали къ Москвѣ сердечныя заботы. Онъ полюбилъ ту, которой впослѣдствіи суждено было сдѣлаться подругой его жизни *), и въ августѣ 1829 года просилъ ея руки; но предложеніе его по нѣкоторымъ недоразумѣніямъ не было принято. Со стороны Кирѣевскаго это не была минутная страсть, скоропреходящее увлеченіе молодости: онъ полюбилъ всею душою, на всю жизнь, и отказъ глубоко потрясъ всю его нравственную и физическую природу. Его и безъ того слабое здоровье видимо разстроилось, за него стали бояться чахотки, и путешествіе было предписано медиками, какъ лучшее средство для разсѣянія и поправленія разстроеннаго здоровья“ [413]). Между тѣмъ, друзья Кирѣевскаго, уже отправившіеся на Западъ, очень безпокоились за него, и Соболевскій изъ Флоренціи писалъ (отъ 1 октября 1829 г.) Погодину: „Прошу васъ покорно извѣстить меня о слѣдующемъ: Иванъ Васильевичъ

---

*) Натальѣ Петровнѣ Арбеневой; ея братъ, Николай Петровичъ Арбеневъ, былъ женатъ на родной моей теткѣ, Надеждѣ Александровнѣ Барсуковой.

Кирѣевскій извѣщаетъ меня о скоромъ отъѣздѣ въ чужіе края. Молчаніе его доселѣ о таковомъ намѣреніи, несвойственная ему рѣшительность исполненія и недавній отъѣздъ Петра, съ которымъ бы ему вмѣстѣ пріѣхать и пріятнѣе, и выгоднѣе, родили во мнѣ тяжкую мысль: не боленъ ли, и не очень ли боленъ Иванъ Васильевичъ; ибо здоровье его всегда шатко, а жизнь проводить на диванѣ съ трубкою и съ кофе его не поправитъ. Ближе васъ никого къ ихъ дому я въ кругу знакомыхъ не знаю, вопроса же я прямо ни Ивану, ни Авдотьѣ Петровнѣ предложить не могу. И такъ, прошу васъ покорно извинить, если я утруждаю васъ этой запиской, и еще болѣе отвѣтомъ, въ которомъ не сомнѣваюсь. Шевыревъ, съ которымъ я жилъ всего около двухъ мѣсяцевъ, *совершенно* счастливъ въ своихъ отношеніяхъ, работаетъ много. Мицкевичъ изъ Милана отъ 2-го октября пишетъ, что онъ ѣдетъ во Флоренцію".

XLI.

Въ концѣ 1828 года, почтенныхъ Хомяковыхъ постигло тяжкое несчастіе. Они лишились старшаго своего сына, Ѳедора Степановича, который скончался въ Тифлисѣ, гдѣ служилъ при Паскевичѣ чиновникомъ по дипломатической части. О Ѳедорѣ Степановичѣ Хомяковѣ сохранилось воспоминаніе, какъ о чрезвычайно даровитомъ молодомъ человѣкѣ [414]). Живѣйшее участіе въ постигшей Хомяковыхъ скорби принялъ и В. П. Титовъ, который писалъ Погодину: „Я воображаю себѣ грусть Веневитинова и Павла Муханова по нашемъ бѣдномъ добромъ Хомяковѣ; молви имъ о моемъ сердечномъ соучастіи, все-таки будетъ легче. Всѣмъ намъ его потеря была тѣмъ болѣе чувствительна, что къ нему привязывалось столько воспоминаній. Гибнетъ и рѣдѣетъ наше цвѣтущее Московское племя. Подумаешь: пройдетъ нѣсколько лѣтъ, кто ляжетъ въ могилу, кто увязнетъ въ болотѣ, удастся однимъ-двумъ дойти путемъ-дорогою до чего нибудь общеполезнаго; по немъ и

будутъ цѣнить потерю утраченныхъ. Грустно, братъ, и грустно, и скучно: что̀ дѣлать“ [415]). Несчастному отцу осталось только одно утѣшеніе—смотрѣть на портретъ своего возлюбленнаго и безвременно погибшаго сына. „Насилу отыскалъ живописца Соколова“, писалъ Степанъ Александровичъ Хомяковъ А. В. Веневитинову, „котораго мнѣ рекомендовали, и жду его съ эскизомъ, чтобы лучше сообразить сходство ангельской физіономіи моего сердечнаго друга, столь немилосердно у меня Провидѣніемъ похищеннаго. Портретъ незабвенно оплакиваемаго мною Ѳедора Соколовъ написалъ; но я не совсѣмъ онымъ доволенъ, много недостатковъ въ сходствѣ и никакъ не выразилъ мины его ангельской, а я не умѣлъ словами объяснить оной“ [416]).

Въ началѣ 1829 года мы видимъ А. С. Хомякова въ Москвѣ, куда онъ прибылъ изъ арміи. Подъ 26 марта 1829 года Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ:* „Вечеромъ къ Венелину, чтобъ увидѣться съ Хомяковымъ, который разсказывалъ о походѣ. Крѣпко держитъ мою сторону по дѣлу Карамзина“. Во все время пребыванія Хомякова въ Москвѣ Погодинъ не рѣдко навѣщалъ молодого воина и „слушалъ его военные разсказы“ [417]). „Бѣдный Хомяковъ“, писалъ онъ Шевыреву (отъ 28 апрѣля) „былъ недавно въ Москвѣ и прожилъ съ мѣсяцъ. Грустенъ, но добръ, милъ и уменъ по прежнему“. Лѣтомъ 1829 года Хомяковъ возвратился въ армію и Погодинъ безпокоился, что отъ него давно нѣтъ извѣстія. „Неужели“, писалъ онъ Шевыреву (отъ 15 іюля) „и братъ его не выкупилъ? Страшно думать!“ [418]). Почтенный отецъ его Степанъ Александровичъ принималъ живѣйшее участіе въ литературныхъ успѣхахъ своего сына; свидѣтельствомъ сего могутъ служить письма его къ другу своего сына А. В. Веневитинову. „Зная“, писалъ онъ, отъ 30 августа 1829 г., „какъ вы любите моего Алексѣя и принимаете въ немъ участіе, скажу вамъ, во-первыхъ, что онъ здоровъ былъ и, стоя подъ Шумлою безъ всякаго дѣла, огорчался, что не участвуетъ въ славныхъ подвигахъ забалканскихъ. Но вотъ

что̀ я еще прибавлю, до него касающееся. Вамъ извѣстный его *Ермакъ*, наконецъ, былъ данъ *), и безъ всякаго домогательства. Дирекція представила его публикѣ. Разумѣется, что я не пропустилъ быть въ театрѣ. Малый театръ, гдѣ его давали, былъ полонъ до невѣроятности, и успѣхъ былъ блистательный. Неимовѣрно, какое вліяніе онъ произвелъ при превосходной игрѣ Каратыгина. Рукоплесканія были оглушительны, и при окончаніи вызывали автора, и Каратыгинъ, вѣроятно, отъ нѣкоторой зависти, просто сказалъ, что его нѣтъ въ театрѣ, а не прибавилъ, что онъ подъ Шумлою, хотя и было ему сіе извѣстно. Послѣ вызова автора, вызывали и Каратыгина, а все сіе сдѣлалось само по себѣ безъ всякаго интриганства со стороны близкихъ къ автору.

Вѣроятно, дирекція не надѣялась таковаго успѣха, потому что очень небрежно монтировала сію пьесу, даже не приспособила ни декорацій, ни костюмовъ. Музыка сочинена очень посредственно какимъ-то Жучковымъ. Пѣсня Софіи еще изрядна, но пѣснь казака совсѣмъ неприлична, и Віельгорскій, обѣщавшій самъ сочинить музыку, не сдержалъ своего слова, а Алексѣй меня не послушался, когда ему я совѣтовалъ при вашемъ посредствѣ попросить Верстовскаго или другого извѣстнаго музыканта въ Москвѣ сочинить сію музыку. Но за всѣмъ тѣмъ и несмотря на выпуски, цензурою произведенные, *Ермакъ* былъ принятъ съ восторгомъ, и всѣ восхищались высокостью мыслей и разговоровъ и, чего я не ожидалъ, ходъ былъ очень интересенъ. Каратыгинъ игралъ превосходно, и вся пьеса, кажется, должна бы быть его тіумфомъ. Брянскій игралъ мещеряка очень хорошо, но прочіе иные — изрядно, а многіе — посредственно; особливо Каменогорскій отца Тимофея, худо понялъ свою роль слабаго старика. Ольгу играла какая-то воспитанница Семенова, очень плохо и дурно читала стихи. Теперь бы желательно, чтобы московская дирекція выпросила себѣ сію пьесу и тамъ можно бы похлопотать о лучшемъ устройствѣ представленія и даже не можно ли будетъ

*) Въ Петербургѣ.

реабилитировать выпуски цензуры, потому что главнѣйшіе напечатаны въ 1-й части *Московскаго Вѣстника* сего года, а также и о музыкѣ. Я думаю, Мочаловъ не потерялъ бы, избравъ сію трагедію бенефисомъ для себя. Если вы имѣете знакомство по дирекціи, то узнайте объ ономъ, а я могъ бы къ вамъ доставить и экземпляръ оной, и прошу объ ономъ меня увѣдомить въ Гжатскъ. Я также помышляю и о напечатаніи оной и думаю не быть въ убыткѣ, а выгоды предоставить автору—нашему поэту—солдату, который вездѣ умѣетъ себя отличить. Вы вѣрно меня извините, что я заговорился о моемъ другѣ Алексѣѣ" [419]).

Съ своей стороны, Погодинъ писалъ Шевыреву (отъ 11 сентября 1829 г.): „*Ермакъ* былъ игранъ на петербургскомъ театрѣ и имѣлъ блистательный успѣхъ. Авторъ подъ Шумлою" [420]). Добрый С. А. Хомяковъ былъ очень огорченъ и возмущенъ появившеюся въ *Московскомъ Телеграфѣ* критикою на *Ермака*, и свое негодованіе излилъ въ письмѣ къ А. В. Веневитинову (отъ 6 октября 1829 г.). „Посудите, милостивый государь", писалъ онъ, „какъ велико мое было удивленіе прочитать въ *Телеграфѣ*, за подписью какого-то *Я... С...въ*, нахальную критику *Ермака*. Вѣроятно, вы уже и видѣли и также мнѣніе *Сѣверной Пчелы* о сей пьесѣ, а сей новый критикъ, несмотря на блистательный успѣхъ сей трагедіи при трехъ представленіяхъ, рѣшился ее назвать плохою и стихи похвалить потому, что они лучше стиховъ Грузинцова. Странная самоувѣренность изложить сужденіе вопреки всеобщаго одобренія публики и издателей *Сѣверной Пчелы*. Конечно, и сіи сдѣлали нѣкоторыя замѣчанія, но оныя ближе къ справедливости, а притомъ присоединенная необыкновенная хвала заграждала неудовольствіе на не совсѣмъ справедливое изложеніе сей пьесы. Новый же критикъ находитъ, что она на ходуляхъ, вѣроятно, потому, что сія трагедія-гигантъ ему, пигмею-критику казалась такъ высока, что онъ ей рѣшился приписать ходули. Наполнена сентенцій,— а ихъ совсѣмъ нѣтъ; неужели онъ счелъ за сентенціи мѣста,

подобныя тому, гдѣ Ермакъ сравниваетъ людей малодушныхъ съ водой, гніющею въ болотахъ смрадныхъ. Касательно риторскихъ мѣстъ можно бы было согласиться съ нимъ, потому что дѣйствительно возвышенный и краснорѣчивый слогъ, наполненный нѣсколько учащенными метафорами, могъ подать поводъ къ таковому сужденію. Каратыгинъ не зналъ, что изъ себя дѣлать; но это не потому, чтобы пьеса была такова, а онъ, всегда стремясь къ эффекту и чтобы дѣлать изъ себя картину, дѣйствительно, иногда въ разговорахъ затруднялся оставаться безъ движенія. Впрочемъ, замѣчанія новаго критика на костюмы совершенно справедливы, и также и декораціи, петербургскою дирекціею поскупившеюся лучше монтировать сію трагедію, были не хороши; желательно, чтобы московская получше приспособила все оное, тѣмъ болѣе, что очень мало оныя требуютъ издержекъ". Но, сообщая объ этомъ, С. А. Хомяковъ выражаетъ безпокойство, что объ авторѣ *Ермака* нѣтъ никакихъ извѣстій. „Миръ", пишетъ онъ, „долженъ бы меня успокоить, но страшатъ меня болѣзни, въ окрестностяхъ тѣхъ мѣстъ свирѣпствующія; а между тѣмъ, видѣлъ изъ приказовъ, что генералъ его, князь Мадатовъ, умеръ... и я боюсь, не чумою ли онъ сраженъ, и тогда страшусь за участь его адъютанта... Неизвѣстность мучительна; я писалъ и къ Муханову, и къ Шатилову; конечно, мой страхъ, можетъ быть, и напрасенъ, но стращенная ворона и куста боится, и я скрѣпляю духъ свой и прибѣгаю только подъ десницу милующую Всевышняго. Славная война, славный миръ, но сколько подобныхъ мнѣ, у которыхъ сердце изныло отъ горя и отъ ожиданій ужасныхъ, и что можетъ вознаградить ихъ за ими потерпѣнное! Теперь, ежели Алексѣй мой живъ, онъ свободенъ и можетъ съ честью сойти съ поприща военнаго, имъ столь неумѣстно избраннаго, и какъ тогда, увидѣвъ его, мы всѣ будемъ обрадованы, мы всѣ, говорю я съ чувствомъ признательности, включая и васъ въ число принимающихъ въ немъ участіе. Сладостная мысль, но скоро ли она получитъ событіе и какъ въ неизвѣстности тяжко его

дожидаться. Истинно голова моя вся горитъ и грудь стѣснена и не могу болѣе ничего продолжать въ семъ письмѣ и такъ кончу его“ [421]).

Ермака читали также и въ домѣ Аксаковыхъ. На этомъ чтеніи присутствовалъ Погодинъ и занесъ въ свой *Дневникъ* слѣдующее: „Есть піитическія мѣста, но цѣлое—нелѣпица. Эффектъ большой“ [422]).

XLII.

Съ каждымъ годомъ Погодинъ все болѣе и болѣе сближался съ почтеннымъ семействомъ Аксаковыхъ. Здѣсь онъ встрѣчалъ полнѣйшее участіе и сочувствіе въ своихъ дѣлахъ какъ литературныхъ, такъ и сердечныхъ. Здѣсь Погодинъ любовался семейнымъ счастіемъ. „Я бываю только“, писалъ онъ Шевыреву (отъ 19 февраля 1829 года) „у добрыхъ Аксаковыхъ. Больше и больше люблю это почтенное семейство. Что за прекрасная женщина Ольга Семеновна! Какъ она горевала по тебѣ!“ [423]). Погодинъ даже думалъ перевести снова *Ніобу* и посвятить ее Аксаковой. У Аксаковыхъ онъ слушалъ Щепкина толковалъ о „штукахъ Полевого“ о препятствіяхъ къ просвѣщенію, о иностранцахъ, о воспитаніи, игралъ въ мушку. По поводу одного разговора, происходившаго въ этомъ домѣ, Погодинъ замѣтилъ: „Петръ прорубилъ окошко, а Аксаковъ его заколотитъ“. Въ это время начали уже доходить до Москвы грозные слухи о чумѣ. У Аксаковыхъ шелъ объ этомъ разговоръ, который вызвалъ у Погодина слѣдующее рѣзкое замѣчаніе: „Вотъ что значитъ недостатокъ лѣкарей. А строятъ чортъ знаетъ что́ въ Петербургѣ“. Встрѣчаясь у Аксаковыхъ съ извѣстнымъ юристомъ Корниліономъ-Панскимъ, Погодинъ любилъ слушать его разсказы о судебныхъ дѣлахъ и даже однажды посѣтилъ съ нимъ *яму*. „Преступники“, писалъ онъ, въ своемъ *Дневникѣ*, „палачи, стража, тринадцати-лѣтняя дѣвочка, свя-

щенникъ, церковь, нары, дѣти, болѣзнь, бѣдность, порокъ, добродѣтель, отчаяніе. Мало унынія, какъ тихъ смертоубійца безъ ножа Никто не наблюдалъ, какъ дѣйствуютъ страсти въ болѣзни. Множество приходило съ подаяніемъ, но у насъ не любятъ теперь подавать. Хотятъ по рукамъ, а велятъ въ кружку. Леаръ, молоденькій мальчикъ, котораго я помню въ гимназіи, здѣсь за кражу. Надобно-бы поговорить со всѣми прилично къ празднику". Однажды Погодинъ, посѣтивъ Аксаковыхъ, былъ пораженъ вѣстью о кончинѣ Мерзлякова, которая, какъ потомъ оказалось, была невѣрною. Но онъ, подъ первымъ впечатлѣніемъ тревожнаго слуха, записалъ въ своемъ *Дневникѣ* слѣдующееі „Говорятъ, что умеръ Мерзляковъ. Боже мой! Къ нему и дорогою были тяжелы минуты: таланты, труды, энтузіазмъ, и умеръ забытый, обруганный. Какъ жаль, что въ *Вѣстникѣ* не было статьи о его заслугахъ. Пусть-бы онъ увидѣлъ, что есть благодарные. Думалъ о его лекціяхъ. Нѣтъ, онъ живъ и ему лучше. Опять къ Аксаковымъ" [424]).

Въ домѣ Аксаковыхъ у Погодина явилась мысль совершить вмѣстѣ съ Щепкинымъ путешествіе по Малороссіи. Узнавъ объ этомъ намѣреніи, Титовъ писалъ ему (отъ 13 іюня 1829 г.): „Если ты ѣдешь въ Малороссію, это не худо; поѣзжай, заглохни на время, пописывай, почитывай, не вѣтренничай, а *Вѣстникомъ* истопи печку. Твоя надежда должна быть—собраніе матеріаловъ, приготовленіе. Здѣсь вовсе нѣтъ тебѣ надежды, какъ я вижу; развѣ яблоко упадетъ сонному на носъ, съ планетной системой вмѣсто зеренъ, какъ Ньютону, но на это не всегда можно разсчитать. Лучше трудиться про себя и выступить чрезъ два года на ученое поприще съ вѣрой и надеждой на успѣхъ".

Въ началѣ іюля 1829 года наши путешественники выѣхали изъ Москвы. С. Т. Аксаковъ напутствовалъ Погодина шуточнымъ письмомъ (отъ 6 іюля 1829 года): „Похвально", писалъ онъ, „что молодой человѣкъ, уѣзжая изъ Москвы, заботится о миленькой актрисѣ... Будьте увѣрены, что А. Н.

Верстовскій ничего и никогда не узнаетъ!... Слышу восклицаніе ваше: какія глупости! какой вздоръ лѣзетъ ему въ голову!.. Что дѣлать, ваше цѣломудріе возбуждаетъ желаніе пошутить. Время у насъ — чудо и ночи — прелесть. Мы часто вспоминаемъ, какъ вы, подъ вліяніемъ волшебныхъ лучей мѣсяца, катитесь въ бричкѣ съ вашимъ любезнымъ товарищемъ. Полюбуйтесь на Донскихъ казачекъ въ Ромнахъ" [425]). Въ день Святаго Просвѣтителя Россіи, Погодинъ былъ въ Ромнахъ и оттуда писалъ Шевыреву въ Римъ: „Я пріѣхалъ сюда на ярмарку съ Щепкинымъ и прочими. Живу здѣсь двѣ недѣли. Хотѣлось освѣжиться хоть немного и познакомиться съ Малороссіею. Сижу здѣсь надъ исторіею этой любопытной страны" [426]). Свѣдѣнія о дальнѣйшемъ путешествіи Погодина мы находимъ въ *Дневникѣ* его, который, по обычаю, крайне лакониченъ. Изъ Ромень путешественники наши отправились въ Диканьку. Дорога, судя по записи Погодина, была не веселая. „Скука". пишетъ онъ, „Изъ Гадяча. Пѣшкомъ по песку. Лошади насилу тащатъ. Зеньковъ. Крикъ съ жидомъ. У городничаго, который, спасибо, услужилъ". Въ Диканьку они пріѣхали поздно, и Погодинъ вполнѣ наслаждался тихою Украинскою ночью. Прошелъ по всей аллеѣ, полторы версты до дому. Произносилъ *ея* *) имя и Маріи. Какую жизнь даетъ поэзія мѣсту. Мѣсяцъ показался сквозь деревья. Долго смотрѣлъ на небо. Кое-гдѣ сине. Кругомъ тучи, дугою, индѣ сверкаютъ звѣзды, свѣтъ, съ другой—тучи опираются о землю". Подъѣзжая къ Полтавѣ, Погодинъ „чувствовалъ Петра. Здѣсь сраженіе и основаніе Русскаго Государства. Красивые, подбористые тополи съ поднятыми вверхъ вѣтвями, бросающіе тѣнь". Въ Полтавѣ онъ посѣтилъ Котляревскаго, извѣстнаго переводчика на малороссійскій языкъ *Энеиды*, и бесѣдовалъ съ нимъ о малороссійской исторіи и народѣ. „Старикъ подъ шестьдесятъ лѣтъ, но веселый. Видъ отъ него прекрасный". Для свиданія съ Каразинымъ Погодинъ рѣшилъ ѣхать на Харьковъ. Въ Валкахъ наши путешественники прекрасно пообѣ-

*) Княжны А. И. Трубецкой.

дали. Проѣхали Люботинъ и наконецъ достигли Харькова. „Съ теплымъ чувствомъ Погодинъ проѣзжалъ мимо университета. Сдѣлалъ визитъ Артемовскому, но не засталъ его дома“. Затѣмъ рѣшился ѣхать къ Каразину, жившему близъ Харькова въ своемъ имѣніи, селѣ Кручекахъ. „Хлопоты за подорожною“, отмѣчаетъ Погодинъ въ своемъ *Дневникѣ*, „учтивый приказный и невѣжа полиціймейстеръ. На телѣжкѣ. Прекрасное небо. Мѣсяцъ“. Рано утромъ пріѣхали они къ Каразинымъ, которые были имъ рады „безъ памяти“. Но телѣжка дала Погодину и его спутнику себя почувствовать. „Растрясло насъ жестоко“, замѣчаетъ онъ, „и мы свалились, какъ ни перемогались“. Отдохнувши, Погодинъ сталъ знакомиться съ окружающимъ и глаза его „разбѣжались на драгоцѣнную библіотеку, которой должно посвятить недѣлю, а я спѣшу“. Затѣмъ гулялъ по саду, по рощѣ, устроенной деревнѣ. „Просвѣщенный человѣкъ“, замѣчаетъ Погодинъ о хозяинѣ, „знаетъ всякую травку, вездѣ памятники, вездѣ доказательства просвѣщенія“. Каразинъ читалъ гостямъ разныя свои письма къ министрамъ, въ которыхъ, по мнѣнію Погодина „много излишняго и вреднаго для него“.

Въ эту же ночь на той же телѣжкѣ наши путешественники выѣхали въ Харьковъ и прибыли туда раннимъ утромъ [427]). Здѣсь Погодинъ получилъ письмо отъ Каразина слѣдующаго содержанія: „Бога вы не боитесь; какъ можно такимъ образомъ посѣщать друзей въ Украйнѣ! Пуще всего для меня больно то, что я не догадался попотчивать васъ покоемъ, въ которомъ вы, проѣхавъ всю ночь на почтовой телѣжкѣ, имѣли прекрайнюю нужду. Я воображалъ, что вы имѣли покойнѣе экипажъ, слѣдовательно, по обыкновенію, спали и выспались, на пескахъ особливо, отъ Харькова до Ольшаны, и отъ Богодухова до насъ. Уложивъ васъ во второмъ уже часу, тутъ я узналъ, увидѣвъ вашу повозку, что не тѣмъ было начинать, чтобы водить васъ по своему парку и читать“ [428]).

Въ Харьковѣ Погодинъ былъ весьма почетно принятъ профессорами Даниловичемъ, Гулакомъ—Артемовскимъ, Чер-

няевымъ, Крипицкимъ. Изъ бесѣды съ профессоромъ Русской Исторіи Артемовскимъ Погодинъ убѣдился, что Артемовскій читалъ всѣ его сочиненія и они ему понравились [429]). Чувства свои къ Погодину Артемовскій выразилъ въ слѣдующемъ письмѣ: „чѣмъ достойно отблагодарить васъ достопочтеннѣйшій, благороднѣйшій и поучительнѣйшій Михаилъ Петровичъ. Да подкрѣпляетъ васъ сила Вышняго въ почтенныхъ подвигахъ, подъемлемыхъ вами на пользу науки, учености, и чувства свойственной вами кротости, скромности и умѣренности да заградятъ уста бѣснующейся въ безсильныхъ вопляхъ зависти“ [430]). О своемъ пребываніи въ Харьковѣ Погодинъ въ своемъ *Дневникѣ* записалъ слѣдующее: „Съ Криницкимъ и Даниловичемъ по музеямъ, по комнатамъ студентовъ. Лютеранская церковь въ университетской залѣ. Вотъ терпимость. Мысль собрать костюмы всей Россіи. Прекраснѣйшая церковь. Книга съ малороссійскими костюмами. Меня носили почти на рукахъ. Утащили на завтракъ и шампанское: объ университетскомъ согласіи и Турціи. Оставляли усильно, чтобы осмотрѣть институтъ, котораго директоръ меня очень любитъ. Водили меня по Ботаническому саду, гдѣ встрѣтилъ Черняева живущаго въ царствѣ прозябаемыхъ. Какъ усладительно просвѣщеніе! Какъ вездѣ живитъ оно... Къ Квиткѣ“ [431]). На желаніе Погодина собрать костюмы всей Россіи не замедлилъ откликнуться почтенный Даниловичъ. „Спѣшу отправить“, писалъ онъ Погомину, уже возвратившемуся въ Москву „желаемые вами костюмы малороссіянъ. Весьма непростительно было бы, когда бы ученые вздумали требовать за сдѣланныя взаимно литературныя сообщенія или пособія, когда они другъ другу способствовать должны. Костюмы сіи числомъ 21 заставилъ я описать приспѣшника моего при библіотекѣ кандидата Боровиковскаго, который приготовляется поспѣшествовать просвѣщенію“ [432]).

Вскорѣ долженъ былъ покинуть Погодинъ гостепріимный для него Харьковъ, и 3 августа 1829 года мы его уже видимъ въ Бѣлгородѣ, гдѣ онъ пробылъ нѣсколько часовъ и

записалъ въ своемъ *Дневникѣ:* „Знакомство съ почтмейстеромъ. Купецъ отказалъ милліонъ Государю: недоставайся роднѣ. У обѣдни. Мощи не позволяютъ открыть... Мечталъ объ исторіографствѣ. Не было ни одного человѣка, который построилъ бы училище или больницу". Въ тотъ же день Погодинъ проѣхалъ Обоянь и замѣтилъ: „со всѣми удобностями станція. Трактиръ. Ахъ какая гадость и чего смотрятъ городничіе". На другой день онъ прибылъ въ Курскъ, гдѣ нашелъ своего пріятеля Антона Томашевскаго. Посѣтилъ своихъ знакомыхъ „Къ Зуйкину, Алексѣеву", онъ пишетъ; его каморка, жена, дѣти, чай. Обсерваторія. Къ Вязмитинову. Безъ памяти любитъ Курскъ, хотя его и засадили въ тюрьму, и хочетъ видѣть его исторію, хоть передъ смертію. Обѣщался съ помощью студентовъ. Вязмитиновъ жертвуетъ всѣмъ для Курска. Гора съ каменемъ подлѣ Курска. Туда со свѣчами не охотно, ибо сыро и можетъ обвалиться. Въ ночь выѣхалъ изъ Курска. Въ день Преображенія ночью пріѣхали въ Мценскъ, гдѣ ужинали. Здѣсь застигла ихъ ужаснѣйшая гроза. „Сперва", замѣчаетъ Погодинъ, „было не по мнѣ, а послѣ присмотрѣлся". На другой день рано утромъ пріѣхали въ Тулу. Здѣсь Погодинъ замѣтилъ, что „извозчики вольные, однако есть почтенные". Изъ Лопасни, жалуется Погодинъ, „насъ повезли Богъ знаетъ какъ. Ругался". Въ Подольскѣ онъ встрѣтился съ братомъ Протасова и толковалъ съ нимъ о Хозроѣ Мирзѣ. Къ Знаменскому подъѣзжалъ „съ стѣсненнымъ сердцемъ" и отмѣтилъ въ своемъ *Дневникѣ:* „Она (т.-е. княжна А. И. Трубецкая) тамъ. Я встрѣчу ее. Спросилъ крестьянина. Они не пріѣзжали еще. Вотъ тебѣ разъ". 8 августа 1829 года Погодинъ вернулся въ Москву и тотчасъ же отправился къ Аксаковымъ, гдѣ „дѣти облѣпили его" [433]). „Въ путешествіи моемъ", писалъ онъ Шевыреву, „было нѣсколько пріятныхъ минутъ, я встрѣтился съ нѣкоторыми изъ нашихъ читателей и увидѣлъ, что труды наши не потеряны: насъ любятъ за наши намѣренія и чувствованія. Познакомился съ жидами, хохлами и ихъ исторіею" [434]).

Несчастная страсть Погодина къ княжнѣ Александрѣ Ивановнѣ Трубецкой, несмотря на переѣздъ ея въ Петербургъ, не только не ослабѣвала, но все болѣе и болѣе усиливалась и причиняла ему неизъяснимыя страданія. „Какъ во время познакомился я“, замѣчаетъ онъ въ своемъ *Дневникѣ* „съ Аксаковыми. Мнѣ нужна теперь *confidente*, которая бы договаривала за меня то, чего я не смѣю выговорить, ободряла бы меня“. И вотъ такою *confidente* была для Погодина „милая“ Ольга Семеновна Аксакова. Въ благодарность за это онъ посвятилъ ей свою повѣсть *Адель*, въ которой, какъ мы уже знаемъ, изложена біографія княжны А. И. Трубецкой. Въ это время Погодинъ затѣялъ переписку съ княжною. Къ сожалѣнію, этой переписки нѣтъ въ нашихъ рукахъ и мы можемъ судить о ней только по обрывочнымъ записямъ *Дневника* Погодина. Мы уже знаемъ, что Погодинъ предлагалъ руку свою княжнѣ; а потому не безъ радости записалъ въ своемъ *Дневникѣ*, что воображаемый имъ его соперникъ графъ Николай Александровичъ Протасовъ женится на княжнѣ Наталіи Дмитріевнѣ Голициной. Написавъ письмо княжнѣ Трубецкой, Погодинъ опасался „ну какъ все забыто и перемѣнилось“. Въ ожиданіи отвѣта, онъ думалъ о своихъ изданіяхъ, о предполагаемыхъ сочиненіяхъ, но, замѣчаетъ онъ въ своемъ *Дневникѣ*, „вся судьба моя зависитъ отъ письма“. Наконецъ 19 марта 1829 года Погодинъ получилъ съ трепетомъ ожидаемое имъ письмо и остался имъ недоволенъ, по крайней мѣрѣ въ *Дневникѣ* своемъ отмѣтилъ: „Приложился къ письму. Не совсѣмъ червонное. Она чувствуетъ, что ея кругъ глупъ, но зачѣмъ она кружится въ немъ съ такимъ удовольствіемъ? Это мнѣ больно, и между тѣмъ пишетъ, что она не угорѣла“. Но, какъ бы то ни было, письмо княжны погрузило Погодина въ размышленіе. „Иногда кажется“, писалъ онъ въ своемъ *Дневникѣ*, „что она любитъ меня, иногда только расположена дружески. Иногда и я люблю ее, иногда только что расположенъ дружески“. Наканунѣ Благовѣщенія онъ пишетъ ей отвѣтъ и въ ожиданіи письма отъ нея, зано-

ситъ въ свой *Дневникъ*: „мечталъ о счастіи, другъ мой!“ Но княжна поступала жестоко съ своимъ поклонникомъ и долго его мучила своимъ молчаніемъ; а онъ все думалъ о ней, восклицая: „Но если все это мечта!“ Въ такомъ настроеніи застала Погодина спасительная и свѣтозарная ночь 14 апрѣля 1829 года. „Звонятъ“, отмѣчалъ онъ въ своемъ *Дневникѣ*, „я перекрестился и за нее. Однако напишу я письмо къ ней еще. Что она не пишетъ безсовѣстная. Подарю ей сочиненія Димитрія Веневитинова въ именины, съ собственноручнымъ завѣщаніемъ, нѣтъ — жертвоприношеніемъ. Ну если она на мое объясненіе изумится! Какъ будетъ мнѣ стыдно. Чего же стыдиться! Я уѣду путешествовать. Понабралось у меня денегъ съ разныхъ сторонъ тысячъ до одиннадцати. Будетъ пятнадцать, я поѣду путешествовать въ маѣ, а она? Мечталъ, мечталъ. Часто думалъ объ ней. Можетъ быть она не пишетъ ко мнѣ, потому что боится выговорить, написать; потому что боится матери и пр. или потому что хочетъ отвязаться отъ меня. Какъ не стыдно наслаждаться Петербургомъ, сквернымъ и глупымъ большимъ свѣтомъ! Въ какой атмосферѣ она! Вездѣ дураки, эгоисты, невѣжи!“ Погодинъ съѣздилъ въ опустѣлое Знаменское „за воспоминаніями“. Своею поѣздкою онъ остался доволенъ и въ *Дневникѣ* своемъ отмѣтилъ: „Прекрасно. Зелень и лазурь, и вѣтерокъ и солнце. Я твой, природа“. По возвращеніи въ Москву, онъ навѣстилъ въ Голицинской больницѣ одного умирающаго студента. „Какъ было“, замѣчаетъ онъ далѣе „пріятно мое посѣщеніе“. Черезъ день студентъ умеръ и Погодинъ былъ на его погребеніи. „Бѣдный студентъ, приходится тащится на его могилу и платить дань дружбѣ. Мнѣ было пріятно ѣхать и она (т.-е. княжна Трубецкая разумѣется, мысленно) присутствовала въ этомъ удовольствіи. Я ничего не чувствую безъ нея. Она растворяется во всякой высокой мысли, чувствѣ“. Придя къ Аксаковымъ, Погодинъ гадалъ о ней съ Ольгой Семеновной, которая увѣрена, что онъ „влюбленъ“. „Нѣтъ“, замѣчаетъ онъ, „надо устроить лучше свою жизнь, пользоваться временемъ, жить больше въ

своей сферѣ“ и у него являлись стремленія къ уединенію [435]). Добрая Н. П. Новосильцова, зная всю сердечную исторію Погодина, утѣшала его своимъ словомъ. „Общество пріятелей“, писала она ему, „не есть свѣтъ и потому мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы, удаляясь отъ людей, не оставляли однако друзей“ [436]).

17 августа 1829 года, Погодинъ узнаетъ, что пріѣхали Трубецкіе. „Это“, сознается онъ, „не произвело на меня никакого впечатлѣнія. Вѣроятно она (т.-е. княжна Трубецкая) предалась Петербургу“ и дѣйствительно, изъ личныхъ объясненій съ княжною Погодинъ замѣтилъ, что она къ нему охладѣла. „То знаю я только навѣрное“, записываетъ онъ въ свой *Дневникъ*, „что ея потеря — есть для меня высочайшее несчастіе“. Несмотря на это, они разговаривали о Петербургѣ, и княжна не скрывала о тѣхъ пріятныхъ впечатлѣніяхъ, которыя она вынесла оттуда. Но потомъ, какъ бы сжалившись, прибавила: „это на время. Не думайте, чтобы я угорѣла, перемѣнилась“. Но Погодину „жаль было думать, что она въ такомъ ядовитомъ климатѣ и привыкаетъ“. Изъ каждаго своего посѣщенія Трубецкихъ Погодинъ выносилъ какое-то тревожное чувство, какую то смѣсь надежды съ отчаяніемъ, и это вполнѣ отражается въ его *Дневникѣ:* „Нѣтъ отвлекли ее отъ меня, и тоже да не такъ. Холоднѣе. Мнѣ тяжело о ней думать, хоть на дѣлѣ и ничего. Прощай, мой другъ! Были однакожь минуты пріятныя“ [437]).

Въ это время пріѣхали изъ Берлина Мансуровы, и Погодинъ, увѣдомляя объ этомъ Шевырева, писалъ ему: „Они тебя очень полюбили“ [438]). Зайдя какъ-то къ Веневитинову, Погодинъ засталъ у него Геништу, который сталъ звать его въ Знаменское. „Хоть я не хотѣлъ“, читаемъ въ его *Дневникѣ*, „ѣду, но надо побывать у Аксаковыхъ“. Въ октябрѣ 1829 года онъ два раза посѣтилъ Знаменское. Тамъ гулялъ съ княжною Трубецкою и читалъ ей Шлегеля, экзаменовалъ ее въ Исторіи, вообще остается доволенъ ея занятіями. Не обошлось и безъ объясненій. „Во мнѣ“, сказала княжна Пого-

дину, „стало меньше фанатизма къ вамъ. Прежде я думала вами“, и при этомъ она съ ядовитостью замѣтила: „Мнѣ жаль видѣть васъ *здѣсь, въ такомъ низкомъ мірѣ*. Вотъ я какова“ [439]). Верстовскій, узнавъ объ этой поѣздкѣ, писалъ Погодину: „Все знаю! Вы опять были въ Знаменскомъ! Не смотря ни на морозъ, ни на занятія, вы ѣздите пригрѣвать себя“ [440]). Однажды, обѣдая вмѣстѣ съ Трубецкими у Черткова, Погодинъ захватилъ съ собою стихотворенія Д. В. Веневитинова, въ которыхъ подчеркнулъ слова: *Не отдавай души своей на жертву* и т д. и подарилъ ихъ княжнѣ Трубецкой, а та хотѣла подчеркнуть для него нѣсколько стиховъ изъ *Поэта*, но сіе нисколько не помѣшало ему сознавать, что она къ нему „охладѣла“ и вмѣстѣ съ тѣмъ, утомясь безплодными объясненіями, онъ обращается къ себѣ какъ бы съ справедливымъ упрекомъ: „Да когда же я, слабый, устрою свои занятія хорошенько. Сколько дѣла—и ничего не дѣлаю пристально. Ну, если я не успѣю сдѣлать важнаго“. Вдобавокъ у Погодина явился новый соперникъ, опять воображаемый, въ лицѣ графа Егора Евграфовича Комаморовскаго и ему было досадно, когда у Трубецкихъ говорили „о гостинныхъ успѣхахъ“ графа [441]). „Я отуманенъ“, писалъ онъ Шевыреву, „былъ недѣли двѣ до именинъ. Такъ овладѣлъ мною одинъ предметъ, что я ночей не сплю, не ѣмъ порядочно, брежу“ [442]). И чтобы дать исходъ своимъ страданіямъ, онъ рѣшился написать слѣдующее письмо къ княжнѣ, проектъ котораго сохранился въ его *Дневникѣ*: „Я люблю васъ. Вотъ что могу обѣщать вамъ. Въ свѣтѣ не будутъ порицать васъ, ибо моя слава... Мы будемъ счастливы. Если нѣтъ. Не называйте это странностью, сумасшествіемъ, какъ готовы наши магнаты, или даже близкіе вамъ — просто несчастіемъ, что васъ полюбилъ человѣкъ, котораго не можете вы любить супружескою любовію. Я пишу вамъ не въ восторгѣ любовномъ, но слушая голосъ разсудка. Скажите мнѣ да, или нѣтъ, или подумаю. Въ первомъ случаѣ любовь, во второмъ терпѣніе, въ третьемъ надежда. Я приготовленъ. Вы

меня не увидите, поѣду, чтобы полюбить васъ меньше, или больше, и проч." Но письмо это, кажется, не произвело на княжну впечатлѣнія, ибо черезъ два дня посѣтивъ Трубецкихъ, онъ примѣтилъ въ княжнѣ сдержанность и при этомъ размышляетъ: „Что эта холодность, искусственная или нѣтъ. Ну, если естественная!" [443]). Въ то же время онъ писалъ Шевыреву: „Занята душа. Безъ памяти въ одномъ дѣлѣ" [444]). Холодность же со стороны той, къ которой пламенѣло сердце Погодина, его убивала и онъ съ отчаяніемъ записывалъ въ своемъ *Дневникѣ*: Подъ 28 *ноября*. „Обѣдать къ Трубецкимъ. Убійственная холодность. На верхъ къ Соф. Ив. Всеволожской. Тамъ она и ни слова почти. Потомъ передъ обѣдомъ прошла нѣсколько разъ мимо и наконецъ съ вопросомъ о *Марѳѣ*. Богъ съ вами". Подъ 1 *декабря*. „Къ Трубецкимъ. Удивительно холодна. Хотѣлъ спросить у нея, что это значитъ, но не удалось. Ужъ не наговорилили чего на меня?" Наконецъ княжна сказала ему, что онъ напрасно думаетъ, будто она охладѣла, и Погодинъ съ отчаяніемъ восклицаетъ: „Ну, если я влюбляюсь" [445]). Въ то время, когда бѣдное сердце Погодина изнывало, онъ получилъ отъ своего доброжелателя Каразина письмо съ слѣдующимъ предложеніемъ: „я васъ такъ люблю, что готовъ вамъ бы служить богатою невѣстою изъ здѣшняго края, еслибъ, разумѣется, вы задумали зажить домкомъ" [446]). Но Погодинъ не воспользовался этимъ дружескимъ предложеніемъ.

XLIII.

Въ это время Москва кипѣла литературною дѣятельностью, которая поддерживалась соперничествомъ съ петербургскою литературою. „Во многихъ книгахъ и журналахъ петербургскихъ", писалъ Погодинъ, „примѣтно какое-то безотчетное желаніе унизить все то, что печатается въ Москвѣ; нѣкоторые писатели Петербургскіе, въ жару своей привязанности, можетъ быть, къ личнымъ мѣстоименіямъ, забываются даже

до того, что намекаютъ, будто Москва стоитъ вообще на низшей степени просвѣщенія, чѣмъ Петербургъ. Но скажите мнѣ, милостивые государи, гдѣ родились, воспитались, совершили даже литературное свое поприще первоклассные наши писатели, ученые, просвѣщенные сановники, какъ не въ Москвѣ? Платонъ, Михаилъ, Филаретъ, Карамзинъ, Дмитріевъ, Жуковскій, Крыловъ, фонъ-Визинъ, Херасковъ, Грибоѣдовъ, Дашковъ, Блудовъ, Севѣринъ, Батюшковъ, Мерзляковъ, Гнѣдичъ, князь Вяземскій, Озеровъ, К. Калайдовичъ, Строевъ, Мухинъ, Мудровъ, Перевощиковъ, Каченовскій, Двигубскій, Цвѣтаевъ, Бантышъ-Каменскій, Муравьевъ, Д. Веневитиновъ, А. Писаревъ. Пушкинъ также принадлежитъ Москвѣ, въ коей онъ родился и провелъ свое дѣтство. Ломоносовъ въ Москвѣ получилъ свое первое образованіе. Многихъ ли поставитъ Петербургъ въ сравненіе съ сими достойными москвитянами? Откуда пошли въ оборотъ новыя мысли о теоріи изящныхъ искусствъ, объ исторіи, вообще о философіи, мелькающія теперь въ петербургскихъ изданіяхъ? Гдѣ возродилась русская историческая критика? Гдѣ показались русскіе плоды занятій математическими, естественными науками? Кто началъ собирать наши драгоцѣнные историческіе документы, коими утверждается исторія? Москвитянинъ съ удовольствіемъ назоветъ графа Ѳ. А. Толстаго, Бекетовыхъ, А. Ѳ. Малиновскаго. Даже графъ Н. П. Румянцевъ въ Москвѣ получилъ охоту къ историческимъ занятіямъ. Какихъ Петербургскихъ меценатовъ поставятъ рядомъ съ нашими безсмертными Новиковымъ, Муравьевымъ, Демидовымъ? И такъ, Москва есть средоточіе русскаго просвѣщенія. Но зачѣмъ считаться братьямъ между собою? Пусть только трудятся они всѣми своими силами, пусть приносятъ усердныя жертвы на алтарь отечества и ожидаютъ равныхъ благодѣяній отъ его чадолюбивыхъ отцовъ". Прочитавъ эти строки въ *Московскомъ Вѣстникѣ*, Снегиревъ писалъ Погодину: „Какъ москвичъ, съ благодарностью къ вамъ прочелъ статью вашу въ защиту москвичей. Напрасно только, опять скажу искренно, пропустили князя Кантемира, который, въ

присутствіи Петра I, на десятомъ году возраста своего, въ гвардейскомъ мундирѣ проповѣдывалъ съ каѳедры церковной; забыли Амвросія, бича губернаторовъ и судій, князя И. Долгорукова, Августина, Подшивалова, Кострова, Забѣлина и Давидова. Касательно наукъ сами петербургскіе отщепенцы признались, что въ Московскомъ Университетѣ образовалась Россійская юриспруденція (*С. О.* 1829, № 49). Имена Дилтея, Десницкаго, Горюшкина незабвенны въ исторіи юриспруденціи. Они починальники".

Характеръ журналистики былъ тогда преимущественно полемическій. Погодинъ, какъ редакторъ *Московскаго Вѣстника*, принималъ живѣйшее участіе въ интересахъ журнальнаго міра, хотя, съ отъѣздомъ Шевырева, его журналъ сильно заколебался. Преобразованіе, въ немъ сдѣланное Погодинымъ и осмѣянное, какъ мы уже знаемъ, *Московскимъ Телеграфомъ*, не послужили въ пользу *Московскаго Вѣстника*. Каразинъ, желая поднять упавшій духъ Погодина, писалъ ему: „Посылаю вамъ одно петербургское письмо для того, чтобы вы видѣли сужденіе о вашемъ *Вѣстникѣ*. Бахтинъ принадлежитъ безспорно къ числу истинно умныхъ людей, которыхъ голосъ можно почитать голосомъ просвѣщенной публики, по крайней мѣрѣ, Петербургской" [447]). Самъ же Погодинъ намѣревался передать *Московскій Вѣстникъ* въ другія руки. „Всѣми силами", писалъ онъ Шевыреву, „буду стараться, чтобы *Московскій Вѣстникъ* продолжался, хотя я уже рѣшительно не буду издателемъ. Думаю передать Баратынскому, Кирѣевскому и Языкову, а мы, остальные, будемъ сотрудниками. Стыдно, грѣшно оставить дѣло, начатое въ одну изъ лучшихъ минутъ жизни". Въ другомъ же письмѣ онъ писалъ ему: „*Вѣстникъ* передаю М. А. Дмитріеву и Аксакову. Самъ беру на себя историческую часть". Въ концѣ-концовъ Погодинъ не рѣшился разстаться съ своимъ дѣтищемъ. „Журналъ издаю я опять. Да здравствуетъ *Московскій Вѣстникъ*! Четыре корреспондента въ чужихъ краяхъ: вѣдь это сокровище. Иванъ Кирѣевскій ѣдетъ въ Парижъ, Рожалинъ въ Дрезденъ, Петръ

Кирѣевскій въ Мюнхенъ. По крайней мѣрѣ будетъ мѣсто, гдѣ честному человѣку не стыдно сказать свое мнѣніе".

Въ это время на аренѣ московскаго журнальнаго міра появилась *Галатея*. Издателемъ ея былъ С. Е. Раичъ, только-что вступившій въ законный бракъ. Вслѣдствіе этого Погодинъ писалъ Шевыреву: „Раичъ женился". „Вотъ теперь я буду вашею *Галатеею*", сказала ему невѣста. „Да, а послѣ *Бабочкою*", отвѣчалъ онъ. Первый № *Галатеи* начинается такимъ діалогомъ: „Какая первая пьеса будетъ въ 1 № *Галатеи?*" спросилъ у меня пріятель послѣ продолжительнаго разговора о журналахъ.

— Признаться — я этого еще и самъ не знаю, отвѣчалъ я.

„Что̀ вы хотите этимъ сказать?

— То, что я еще не рѣшился, какою статьею начать журналъ мой.

„Всего бы лучше начать вамъ обозрѣніемъ русской литературы за прошедшій годъ.

— Объ этомъ и безъ меня вѣрно будутъ писать.

„Такъ скажите что нибудь о журналахъ вообще, о пользѣ журналовъ, и пр.

— И объ этомъ уже много разъ говорено.

„Такъ что́-жъ вы напишете?

— Время еще не ушло: подумаю, напишу и прочту вамъ.

„Скоро ли?

— Не замедлю; завтра же, если угодно.

„Хорошо! завтра вечеромъ пріѣзжаю слушать вашу статью.

— Жду. — Тутъ мы распрощались.

Пріятель сдержалъ слово: онъ пріѣхалъ на другой день, и первый вопросъ его былъ: „Написалили вы обѣщанную статью"?

— Не написалъ и не напишу.

„Такъ-то вы держите слово?

— Что дѣлать — я *журналистъ*.

„Это видно. Да хотя бы вы написали о направленіи, какое предполагаете дать вашей *Галатеѣ*.

— *Галатея* — бабочка; какъ дать ей направленіе? Она прихотливо летаетъ съ цвѣтка на цвѣтокъ.

„Чтó же публика подумаетъ о вашемъ журналѣ...?

— Чтó ей угодно... Чего вы отъ меня требуете? Написать о направленіи, о цѣли, о видахъ журнала, повѣрьте легко, — но этимъ публики не обманешь. Къ тому же я и обманывать ее не хочу. Обѣщать можно много, но какъ выполнится обѣщаніе? Не лучше ли выступить на журнальное поприще со всею скромностію и дѣйствовать въ духѣ человѣка благонамѣреннаго, желающаго принести соотечественникамъ столько пользы, сколько позволяютъ наши силы".

Не смотря на такое идилическое начало, *Галатея* прославилась самою неприличною полемикою съ *Московскимъ Телеграфомъ*, такъ что князь П. А. Вяземскій не вѣрилъ, чтобы Раичъ былъ хозяиномъ журнала. „Я ожидалъ бы отъ него", писалъ онъ И. И. Дмитріеву, „болѣе благопристойности и по характеру его. Критика его болѣе отзывается героемъ поэмы В. Л. Пушкина, чѣмъ воспитанникомъ Виргилія и Тасса. Ради Бога, вымойте ему голову порядкомъ". Въ другомъ своемъ письмѣ къ тому же лицу князь Вяземскій писалъ: „Можетъ ли чтó быть неприличнѣе печатной переписки издателей *Телеграфа* и *Галатеи*. Покойный Львовъ разсказывалъ, что, зашедши однажды въ лубочную комедію на масляницѣ, занялъ онъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ожиданіи представленія. Подходитъ къ нему полицейскій офицеръ и говоритъ: „Не извольте, ваше превосходительство, садиться такъ близко: случится бѣда". А почему такъ? „Да, когда паясъ очень расшутится, такъ начнетъ онъ плевать въ народъ". Читая *Галатею* Раича, мнѣ все сдается, что онъ спился. Трезвому невозможно такимъ образомъ и такъ скоро опошлиться". Погодинъ объ этой полемикѣ лаконически замѣтилъ въ письмѣ къ Шевыреву: „*Телеграфъ* съ *Галатеею* грызутся такъ, что клочья вверхъ летятъ" [448]).

Въ это же время въ ненавистномъ для Погодина *Московскомъ Телеграфѣ* произошло важное событіе. Съ нимъ порвалъ свои отношенія князь П. А. Вяземскій, которому *Телеграфъ* былъ обязанъ своимъ возникновеніемъ. Объ этомъ разрывѣ вотъ чтò повѣствуетъ самъ князь Вяземскій: „Я добровольно вышелъ изъ редакціи *Телеграфа*, когда пошелъ онъ по дорогѣ, по которой не хотѣлъ я идти. Сначала медовые мѣсяцы сожитія моего съ Полевымъ шли благополучно, работа кипѣла. Не было недостатка въ досадѣ, зависти и брани прочихъ журналовъ. Я стоялъ на боевой стѣнѣ, стрѣлялъ изъ всѣхъ орудій, партизанилъ, наѣздничалъ. Я постоянно всячески щелкалъ Булгарина *Сѣверную Пчелу*. По *Телеграфу* нажилъ я себѣ нѣсколько доносовъ правительству и, вѣроятно, именно отъ редакціи *Сѣверной Пчелы*. Эти доносы навлекли на меня много непріятностей и имѣли значительное вліяніе на мою участь и на мои отношенія къ правительству. Но послѣ издатель *Телеграфа* началъ дѣлать попытки по своему усмотрѣнію: печаталъ статьи, изъявлялъ мнѣнія, которыя выходили совершенно въ разрѣзъ съ моими... Мнѣ это не нравилось, и я отказался отъ сотрудничества. Впрочемъ, можетъ быть, и Полевой радъ былъ моему отказу. Журналъ довольно окрѣпъ, участія моего было уже не нужно... Что же, Полевой былъ правъ, и я нисколько не виню его. Былъ правъ и я, литературная совѣсть моя неуступчива. Не умѣетъ она мирволить и входить въ примирительныя сдѣлки. Жуковскій, а особенно Пушкинъ оказывали въ этомъ отношеніи болѣе снисходительности и терпимости. Я былъ и остался строгимъ пуританиномъ [449]). По свидѣтельству современниковъ, участіе князя П. А. Вяземскаго въ *Московскомъ Телеграфѣ* было главною причиною успѣха этого журнала, ибо „живыя, остроумныя статьи его имѣли успѣхъ повсемѣстный". Несмотря на это, князь П. А. Вяземскій, по своему удивительному благодушію, писалъ И. И. Дмитріеву: „А чтó дѣлаетъ мой крестникъ, *Телеграфъ*, отъ котораго я отрекся? Кажется, его что-то крѣпко жмутъ, но у Полевого *тройнымъ булатомъ* грудь

вооружена: оттерпится“ [450]). Между тѣмъ Полевой, разставшись съ княземъ Вяземскимъ, заключилъ союзъ съ Булгаринымъ [451]). Это побуждаетъ насъ сказать нѣсколько словъ о томъ направленіи въ нашей журналистикѣ, представителемъ котораго былъ Булгаринъ.

Въ новомъ періодѣ нашей Исторіи, кромѣ элемента нѣмецкаго, рисуется элементъ польскій. „Его исторію“, по счастливому выраженію Леонида Майкова, „можно было бы вывести издалека: еще одна Печерская легенда олицетворяетъ демона соблазнителя въ образѣ ляха“ [452]). Князь В. Ѳ. Одоевскій указалъ, что представителями польскаго направленія въ русской литературѣ были Булгаринъ и Сенковскій, посвятивъ себя той отрасли литературной дѣятельности, которая тѣснѣе всего связана съ общественными интересами, и искусно пріобрѣтя довѣріе правительства, изданія въ родѣ *Сѣверной Пчелы* считались тогда благонамѣренными. Такой взглядъ тогдашней цензуры давалъ имъ возможность чернить все русское и въ особенности писателей, не принадлежавшихъ польской партіи. Многіе были вполнѣ убѣждены что все погибнетъ, если будетъ дозволена политическая газета кому либо, кромѣ Булгарина. Одинъ глубокомысленный господинъ, свидѣтельствуетъ князь Одоевскій, „и не безъ вѣса, громко говорилъ, что лучше монополія въ рукахъ людей, съ которыми нечего церемониться, чѣмъ распространеніе журналовъ; а между тѣмъ, въ этихъ-то привилегированныхъ журналахъ и проводилось враждебное Россіи польское направленіе, котораго результаты оказались лишь впослѣдствіи“ [453]).

Въ 1829 году вышелъ XII-й томъ *Исторіи Государства Россійскаго*, изданный подъ редакціей Д. Н. Блудова и К. С. Сербиновича. Полевой, воспользовавшись выходомъ этого тома, напечаталъ въ *Московскомъ Телеграфѣ* критику на цѣлое твореніе Карамзина. Любопытно, что онъ начинаетъ свою статью противъ Карамзина такими словами: „Негодованіе, съ коимъ публика, и — осмѣливаемся прибавить — сочинитель сей статьи встрѣтили критику Арцыбашева на *Исторію Государ-*

ства Россійскаго, происходило отъ неприличнаго тона, отъ мелочничества, несправедливости, показанныхъ г. Арцыбашевымъ въ своихъ статьяхъ. Мы должны истреблять несчастную полемику, безславящую хорошаго литератора; но критика справедливая, скромная, судящая о книгѣ, а не объ авторѣ, далека отъ того, что́ многіе у насъ почитаютъ критикою, какъ небо отъ земли". Причисляя свои критики къ разряду послѣднихъ, Полевой представляетъ слѣдующій идеалъ исторіи: „Частныя исторіи народовъ и государствъ", пишетъ онъ, должны стремиться къ основѣ всеобщей исторіи, какъ радіусы къ центру: онѣ показываютъ философу, какое мѣсто въ мірѣ вѣчнаго бытія занималъ тотъ и другой народъ. Человѣчество живетъ въ народахъ. Такова истинная идея исторіи, по крайней мѣрѣ, мы удовлетворяемся нынѣ только сею идеею исторіи и почитаемъ ее за истинную. Она созрѣла въ вѣкахъ и изъ новѣйшей философіи развилась въ исторію". Представляя предъ этимъ идеаломъ *Исторію Государства Россійскаго*, Полевой находитъ, что твореніе Карамзина въ отношеніи къ исторіи, какой требуетъ нашъ вѣкъ—„неудовлетворительно". Тоже онъ находитъ и относительно другихъ сочиненій Карамзина „къ современнымъ требованіямъ нашей литературы". Карамзинъ, по его мнѣнію, „уже не можетъ быть образцомъ ни поэта, ни романиста, ни даже прозаика русскаго. Періодъ его кончился. Его русскія повѣсти — не русскія; его проза далеко отстала отъ прозы другихъ новѣйшихъ образцовъ нашихъ; его стихи для насъ проза; его теорія словесности, его философія для насъ недостаточны".

Читая эти строки, трудно повѣрить, что они писаны въ 1829, а не въ 1888 году! Затѣмъ Полевой находитъ, что Карамзинъ, „какъ философъ-историкъ, не выдержитъ строгой критики. Онъ и не прагматикъ. Карамзинъ нигдѣ не представляетъ вамъ духа народнаго. Французская трагедія, въ сравненіи съ трагедіею Грековъ, есть то же, что Исторія Карамзина въ сравненіи съ Исторіею Геродота и Тита Ливія... Карамзинъ не выдерживаетъ сравненія и съ великими истори-

ками прошедшаго вѣка: Робертсономъ, Юмомъ, Гиббономъ, ибо, имѣя всѣ ихъ недостатки, онъ не выкупаетъ ихъ тѣмъ обширнымъ взглядомъ, тою глубокою изыскательностью причинъ и слѣдствій, какія видимъ въ безсмертныхъ твореніяхъ трехъ английскихъ историковъ прошедшаго вѣка. Карамзинъ также далекъ отъ нихъ по всему, какъ далека въ умственной зрѣлости и дѣятельности просвѣщенія Россія отъ Англіи. Не ищите въ Карамзинѣ *высшаго взгляда* на событія!" И даже въ заглавіи книги: *Исторія Государства Россійскаго*, по мнѣнію Полевого, „заключается ошибка", и т. д.

Въ томъ же году Булгаринъ издалъ своего *Ивана Выжигина*, и Полевой, разгромивши Карамзина, радостно привѣтствовалъ явленіе въ свѣтъ этого творенія Булгарина. „Вотъ истинный подарокъ русской публикѣ", восклицаетъ онъ. „Умъ, наблюдательность, пріятный разсказъ составляютъ достоинства онаго; самая чистая нравственность дышетъ на каждой страницѣ. Не забудемъ и того, что авторъ шелъ по пути, совершенно новому, ибо до сихъ поръ, кромѣ попытокъ, болѣе или менѣе неудачныхъ, у насъ не было романовъ. Многіе Русскіе портреты и характеры, выставленные въ *Выжигинѣ*, знакомы всѣмъ: это они, они наши милые соотечественники! Поздравляемъ г. Булгарина съ генеральною побѣдою. Но не подумайте, чтобы мы находили *Выжигина* совершеннымъ произведеніемъ! Нѣтъ, и мы замѣтили нѣкоторыя пятна въ этомъ блестящемъ литературномъ явленіи. Въ примѣръ мы укажемъ на описанія, коими авторъ касается Москвы. Видно, что общество московское ему извѣстно только по наслышкѣ. Гдѣ у насъ юноши философы? Что за отдѣлъ людей *архивные юноши*? Это кажется замѣтнымъ только издали; вблизи это очень мелко. Есть отдѣлы Московскаго общества, гораздо болѣе достойные сатирическаго бича. Прибавимъ, что, прочитавъ *Выжигина*, мы не удивляемся огромному успѣху сего новаго сочиненія г. Булгарина. Въ кабинетахъ, въ гостиныхъ, на биржѣ, въ городахъ, въ деревняхъ, въ цѣлой Россіи сочиненія г. Булгарина, и особенно *Иванъ*

Выжигинъ составляютъ предметъ разговоровъ. Просвѣщенные и невѣжды, умные и неразумные, дамы, старики, офицеры, купцы, чиновники, даже дѣвушки и дѣти толкуютъ о Булгаринѣ, о его успѣхахъ литературныхъ. Разговоры о *Иванѣ Выжигинѣ* составляютъ приправу холодныхъ визитовъ, скучныхъ посѣщеній, столкновеній дѣловыхъ людей и сборищъ за сытными обѣдами. Все это показываетъ, во-первыхъ, что сочиненія г. Булгарина читаются во всей *Русской* Россіи, во-вторыхъ, что они обращаютъ на себя общее вниманіе, и наконецъ, въ-третьихъ, что намъ пора вымолвить нѣсколько словъ отъ себя о семъ достопримѣчательномъ явленіи" [454]), и пр.

Весьма странно, если не сказать болѣе, отнесся Погодинъ къ критикѣ Полевого на Карамзина. Прочитавъ ее, онъ отправился къ Аксаковымъ, чтобы увидѣться съ Михаиломъ Дмитріевымъ и узнать, какое впечатлѣніе произвела эта критика на его дядю И. И. Дмитріева, и при этомъ замѣчаетъ въ своемъ *Дневникѣ:* „Досадно! Я первый сказалъ общее мнѣніе о Карамзинѣ. Полевой только что распространилъ главныя мои положенія, а его превозносятъ. Между тѣмъ, какъ меня ругали" [455]). Къ Шевыреву Погодинъ писалъ: „Полевой разругалъ Карамзина въ *Телеграфѣ*, выбравъ потихоньку мысли, разрозненныя въ *Московскомъ Вѣстникѣ*, и прибавивъ къ нимъ своей нелѣпицы невѣроятной. И все ему съ рукъ сходитъ. Нѣкоторые изъ ругавшихъ меня за Карамзина о немъ говорятъ: „Вотъ подвигъ смѣлый и благородный! первый сказалъ онъ о Карамзинѣ". Даже мнѣ, хладнокровному въ этомъ отношеніи, было досадно. Дмитріевъ возсталъ на него съ своимъ приходомъ, Вяземскимъ, и пр. Вообрази, что сказалъ онъ о Карамзинѣ: его проза не можетъ уже служить намъ образцомъ; мы имѣемъ другихъ лучшихъ. Спрашивается: кого-же? Вѣрно Ксенофонта" [456]); но даже и Ксенофонтъ Полевой не совсѣмъ остался доволенъ критикою своего обожаемаго брата на Исторію Карамзина. По крайней мѣрѣ, вотъ что мы читаемъ въ его *Запискахъ:* „У Карамзина были поклонники безусловные, и къ числу ихъ принадлежали,—

увы!—князь Вяземскій и Пушкинъ. Князь Вяземскій, воспитанникъ и потомъ другъ Исторіографа, питалъ къ нему родственную любовь и не хотѣлъ видѣть недостатковъ въ его сочиненіяхъ... Я назвалъ неосторожностью со стороны моего брата напечатаніе критики *Исторіи Государства Россійскаго* особливо въ то время, когда онъ самъ готовился издавать сочиненіе о томъ же предметѣ" [457]). И дѣйствительно, вслѣдъ за своею критикою Карамзина, Полевой сдѣлалъ объявленіе о выходѣ въ свѣтъ своей *Исторіи Русскаго Народа.* „Донынѣ", читаемъ въ этомъ объявленіи, „не было у насъ исторіи великаго отечества нашего, которая, представляя вполнѣ событія, совершившіяся въ Русской землѣ, являла бы взорамъ просвѣщеннаго наблюдателя картину судебъ Россіи, въ теченіе девяти съ половиною вѣковъ, отъ начала Русскаго народа до нашего времени. Мы ожидали такой картины отъ незабвеннаго Карамзина, мы радовались его безсмертному творенію; но преждевременная кончина не допустила исторіографа кончить трудъ великій. Мнѣ казалось, однакожъ, что при настоящемъ состояніи матеріаловъ и приготовительныхъ трудовъ для Русской Исторіи, при совершенствѣ нынѣшнихъ понятій объ исторіи вообще, трудъ и желаніе сдѣлать возможное по силамъ могутъ отчасти замѣнить великіе таланты, и я осмѣлился писать Исторію Отечества послѣ Карамзина. Нѣсколько лѣтъ постояннаго труда привели къ окончанію предпріятіе мое. Предлагаю его благосклонному вниманію моихъ соотечественниковъ и почитаю излишнимъ входить въ дальнѣйшія подробности: книга предъ судомъ ихъ. Если я и не выполню трудомъ моимъ требованій современнаго просвѣщенія, требованій справедливыхъ, то, по крайней мѣрѣ, читатели увидятъ въ сочиненной мною Исторіи Русскаго народа опытъ полной Исторіи Отечества. Огромность, разнообразіе, величіе предмета такъ разительны, что и слабое покушеніе изобразить оный, конечно, заслужитъ вниманія моихъ соотечественниковъ.

Самое названіе сочиненія показываетъ, что было принято мною въ основаніе онаго: я хотѣлъ изобразить жизнь Рус-

скаго народа, его политическое и гражданское состоянiе, его нравы, обычаи, такъ сказать, физiогномiю народа въ каждомъ перiодѣ, съ того, въ который дикiй варягъ приплылъ на челнокѣ своемъ къ берегамъ Финскаго залива, до того, въ который Александръ явился побѣдителемъ въ Парижѣ и знамена Николая возвѣялись у вратъ Константинополя. Владыки Россiи, воины, духовные сановники, великiе представители каждаго вѣка, подробное изложенiе всѣхъ событiй, законы, религiя, литература, дивное, поучительное зрѣлище, какъ составилось государство Русское, зрѣлище, созерцаемое безпристрастно, изложенное во всѣхъ его многочисленныхъ подробностяхъ — вотъ предметъ, изображенный мною. Я не щадилъ издержекъ на собранiе матерiаловъ, отечественныхъ и иностранныхъ, не щадилъ и работы, выводя изъ нихъ систематическое изложенiе". *Исторiю Русскаго Народа* Полевой думалъ заключить Адрiанопольскимъ трактатомъ 1829 года. Погодинъ былъ очень заинтересованъ этимъ новымъ предпрiятiемъ Полевого и у Максимовича „выспрашивалъ о Полевомъ и его Исторiи". А Шевыреву писалъ: „Полевой издаетъ *Исторiю Русскаго народа* въ двѣнадцати томахъ по Адрiанопольскiй миръ, котораго нѣтъ еще въ газетахъ; объявленiе начинается: *доселѣ не было у насъ исторiи* и пр. О, шарлатанъ! и двѣ грубыя ошибки въ объявленiи". Сначала Погодинъ сознавался, что Полевой говоритъ смѣло и при этомъ замѣчаетъ: „Мои мысли у него о первомъ перiодѣ. Что дѣлать съ разбойникомъ! Я издалъ бы прежде - помѣшали мнѣ". Но когда Погодинъ получилъ 1-й томъ Исторiи Русскаго Народа и просмотрѣлъ его, то съ негодованiемъ отмѣтилъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Невѣжество! Наглость! Безстыдство! И отъ этого у меня были цѣлый день волненiе и уныние при мысляхъ о публикѣ и просвѣщенiи". Предупреждая критика, Полевой самъ заявилъ въ своемъ *Московскомъ Телеграфѣ*: „Случай отмстить издателю *Телеграфа* за правду, которую онъ говаривалъ многимъ, прекрасный" [458]). Но за то признательный къ нему

Булгаринъ не остался у него въ долгу и по поводу сдѣланнаго имъ объявленія объ *Исторіи Русскаго народа* написалъ въ *Сѣверной Пчелѣ*: „г. Полевой, вступивъ на поприще литературы, изданіемъ *Московскаго Телеграфа* совершенно уничтожилъ другіе московскіе журналы, которые публика получала по старой привычкѣ изъ уваженія къ основателямъ, и читала, слѣдуя поговоркѣ: за неимѣньемъ гербовой, пишутъ на простой. Предъ литературнымъ трибуналомъ *Московскаго Телеграфа* разсыпалось въ прахъ множество незаслуженныхъ репутацій: старые педанты, молодые неучи и цѣлые легіоны безграмотныхъ ужаснулись и возстали противъ смѣлаго судьи. Правда, что въ началѣ изданія *Московскаго Телеграфа*, г. Полевой слѣдовалъ иногда внушенію людей, которые присвоили себѣ диктаторство во время всеобщаго молчанія въ Москвѣ, и, увлекаясь пристрастными ихъ толками, или уступая вліянію, открылъ въ своемъ журналѣ поприще полемикѣ, которой цѣлью было ратоборство съ журналами, непреклонявшими главы передъ хоругвію господствовавшей литературной партіи, несправедливо прикрывавшейся блистательнымъ именемъ Карамзина, чуждаго всѣхъ литературныхъ сплетней и партизанства. Но умный г. Полевой вскорѣ самъ осмотрѣлся, стряхнулъ оковы чуждаго вліянія, свободно выступилъ на поприще литературы и сдѣлалъ свой журналъ самостоятельнымъ. Число противниковъ его умножилось, но за то онъ пріобрѣлъ большой вѣсъ въ публикѣ, пріобрѣлъ уваженіе всѣхъ благомыслящихъ, безпристрастныхъ любителей просвѣщенія и сталъ на такой точкѣ, къ которой нынѣшніе издатели московскихъ журналовъ никогда не приблизятся. Мы не называемъ г. Полеваго безошибочнымъ, но онъ одаренъ отъ природы умомъ и памятью необыкновенными, трудолюбивъ, пріобрѣлъ познанія, въ которыхъ безпрерывно усовершается, пламенно любитъ просвѣщеніе, старается слѣдовать за ходомъ своего вѣка, и мы увѣрены, что какъ журналъ его хорошъ, такъ и *Исторія Русскаго народа* не можетъ быть дурною, какъ стараются провозглашать его противники, не видавъ еще ни книжки оной.

Противники г. Полевого (особенно несчастная *Галатея*) кричатъ: какое право онъ имѣетъ писать Исторію? что онъ сдѣлалъ? что написалъ историческаго? Смѣшные люди! г. Полевой имѣетъ то право писать исторію, что онъ чувствуетъ въ себѣ пламенное желаніе быть полезнымъ своимъ соотечественникамъ и раздѣляетъ мнѣніе всѣхъ истинно просвѣщенныхъ людей, что послѣ Карамзина не только можно, но и должно писать Русскую Исторію. Хотя Исторія Карамзина имѣетъ несовершенства, но понынѣ она еще не была обсужена, какъ слѣдуетъ. Мы даже не хотѣли бы упоминать о жалкихъ нападкахъ гг. Арцыбашева и Каченовскаго на сіе блистательное твореніе, ибо критики сіи похожи на моль, грызущую одно *тлѣнное* вещество — бумагу. Г. Полевой высказалъ также свое мнѣніе объ исторіи Карамзина. Мы во многомъ несогласны съ г. Полевымъ, но насчетъ исторіи находимъ много справедливыхъ мыслей въ его мнѣніи. Не взирая на всѣ толки, г. Полевой доказалъ въ своей критической статьѣ, что онъ имѣетъ *высшій взглядъ* на исторію, нежели всѣ мелко-травчатые притязатели къ Карамзину и всѣ противники г. Полевого. По-нынѣ, кромѣ г. Лелевеля, никто такъ умно, такъ ясно и такъ благонамѣренно не дѣлалъ замѣчаній на *Исторію Государства Россійскаго, какъ г. Полевой*". По поводу этой статьи Булгарина Погодинъ писалъ Шевыреву: „У насъ дѣлаются чудеса неслыханныя. Булгаринъ сравниваетъ Карамзина съ Полевымъ и отъ послѣдняго надѣется больше. У него высшій взглядъ, говоритъ онъ, и пр., а въ заключеніе: мы надѣемся, что почтенная публика подкрѣпитъ его своею подпискою. Господи, Господи! За что прогнѣвался Ты на нашу литературу? Въ *Вѣстникѣ Московскомъ* должна открыться пальба. А тебя-то нѣтъ!" [459]).

Между тѣмъ *Иванъ Выжигинъ* Булгарина не на всѣхъ произвелъ такое впечатлѣніе, какъ на Полеваго. Мнѣніе Погодина объ этомъ произведеніи Булгарина двоится. Прочитавъ его, Погодинъ отмѣтилъ въ своемъ *Дневникѣ:* „Ничего не

можетъ быть скучнѣе, безталантливѣе, безцвѣтнѣе"; но когда онъ услышалъ отъ Дашкевича, любимаго ученика Лелевеля, проживавшаго въ то время въ Москвѣ, объ успѣхѣ Выжигина, то нѣсколько смягчилъ свой первоначальный отзывъ: „Это пріятно (т.-е. успѣхъ Выжигина), какъ знакъ вниманія къ русскому сочиненію, впрочемъ, *Выжигинъ* не художественное произведеніе, чтобы не сказать дрянь" [460]). Московская журналистика отнеслась къ *Выжигину* единодушно. И *Вѣстникъ Европы*, и *Атеней*, и *Галатея* напали на *Выжигина*. Самъ же Погодинъ писалъ Шевыреву: „Гораздо больше *Полтавы* шуму въ Петербургѣ сдѣлалъ *Выжигинъ* Булгарина. Какъ литературное произведеніе, онъ ничтоженъ: ни дѣйствія, ни характеровъ, ни вѣрныхъ описаній, ни чувства. Надо отдать честь Москвѣ: рѣшительно всѣ порицаютъ сочиненіе, хотя авторъ и упоенъ славою, какъ пишетъ Булгаринъ въ письмѣ къ Полевому, по словамъ Максимовича. Булгаринъ почитаетъ себя соперникомъ теперь одного Пушкина и выступилъ противъ его *Полтавы*. Кирѣевскій написалъ противъ него для *Галатеи*. Баратынскій написалъ презлую эпиграмму на него: „Булгаринъ увѣряетъ насъ, что красть грѣшно, лгать стыдно" [461]).

Но какъ ни упоенъ былъ Булгаринъ своею славою, статья противъ его *Выжигина*, напечатанная въ *Вѣстникѣ Европы*, задѣла его за живое и онъ въ *Сѣверной Пчелѣ* ополчился противъ Каченовскаго: „Редакторъ *Вѣстника Европы*", писалъ онъ, „наполняя свой журналъ круглый годъ ученическими опытами и заставляя юношей писать заказную брань противъ всѣхъ, въ комъ есть хотя немного ума и таланта, этотъ г. редакторъ отъ своего лица сочиняетъ ежегодно по одной статьѣ, а именно воззваніе къ читателямъ съ всепокорнѣйшею просьбою подписываться на его журналъ... Это гласъ, вопіющій въ пустынѣ... Нынѣшнее сочиненіе г. Каченовскаго, т.-е. воззваніе къ читателямъ, отличается нѣжностью Нарцисса и смѣлостью Ахилла... Г. редакторъ рѣшился насмѣшить своихъ читателей и совершенно успѣлъ въ этомъ. Жаль, что число читателей ограничивается редакторомъ, кор-

ректоромъ, наборщиками и нѣсколькими журналистами, обязанными заглядывать во всякій печатный вздоръ. Какъ не смѣяться, когда г. Каченовскій пишетъ и печатаетъ, что въ *Вѣстникѣ Европы* „въ области бытописаній проложены стези къ мѣстамъ, до-нынѣ непосѣщеннымъ разыскателями; къ законамъ словесности здравой оказываемо было должное уваженіе, и правила ея, правила, самою мудростью извлеченныя изъ безсмертныхъ твореній, служили руководствомъ при обсуживаніи важныхъ предметовъ".

На это заявленіе Булгаринъ замѣчаетъ: „О, неустрашимый Ахиллъ! Не знаемъ, къ какимъ тайнымъ мѣстамъ бытописаній проложилъ г. Каченовскій пути, на какихъ правилахъ основывался, браня безпощадно Карамзина, Жуковскаго, Пушкина, князя Вяземскаго и другихъ первоклассныхъ писателей. Но „верхъ храбрости" Булгаринъ находитъ въ слѣдующихъ словахъ Каченовскаго: „Рѣшаюсь продолжать и въ слѣдующемъ году изданіе *Вѣстника Европы*, не мало, какъ слышу отъ другихъ, перемѣнившагося къ *лучшему* съ тѣхъ поръ, какъ онъ поступилъ въ мое завѣдываніе". „Побойтесь Бога, г. Каченовскій!" восклицаетъ на это Булгаринъ, „что вы это заговорили? *Вѣстникъ Европы* основанъ Карамзинымъ, продолжалъ его Жуковскій. *Вѣстникъ Европы* былъ однимъ изъ первыхъ журналовъ въ Европѣ; въ немъ помѣщались сочиненія Карамзина, И. И. Дмитріева, Муравьева, Жуковскаго, Батюшкова... А нынѣ? г. Каченовскій и сотрудникъ его, называемый имъ „почтеннымъ литераторомъ съ Патріаршихъ прудовъ"—вопіютъ въ этой гробницѣ прежней славы *Вѣстника Европы!* Еслибъ онъ не печатался даромъ и не разсылался безденежно, то давно не было бы о немъ и помину" [462]). Надо сознаться, что въ данномъ случаѣ Булгаринъ былъ правъ.

Когда *Выжигина* прочелъ князь П. А. Вяземскій, то писалъ изъ своего сельскаго уединенія къ И. И. Дмитріеву: „Наконецъ, прочелъ я *Выжигина.* Что за плоскость! И Полевой имѣетъ духъ ставить этотъ романъ наряду съ *Полтавою* и

12-мъ томомъ *Исторіи Государства Россійскаго.* На вольномъ воздухѣ, въ уединеніи кабинета, право, зажимаешь себѣ носъ и закрываешь глаза при чтеніи журнальныхъ новостей, а умъ отъ нихъ и самъ сжимается"; а М. А. Максимовичу князь П. А. Вяземскій сказалъ, что „*Ивана Выжигина* оставляешь какъ смирительный домъ" [463]).

XLIV.

Въ то время, когда *Московскій Телеграфъ*, имѣя своимъ предтечею *Московскій Вѣстникъ*, съ „неистовымъ остервенѣніемъ" нападалъ на *Исторію Государства Россійскаго* Карамзина, замышляя, по выраженію одного стараго журналиста, „воздвигнуть на ея развалинахъ мерзость запустѣнія", и въ то же время превознося таланты и дарованія Булгарина— въ *Вѣстникѣ Европы* съ не меньшимъ остервенѣніемъ нападали на безсмертныя произведенія Пушкина. Такимъ образомъ русскіе люди и польскаго, и русскаго направленія соединились, чтобы совокупными усиліями закидать грязью нашу народную славу, зная очень хорошо, что

За *новизной* бѣжать смиренно
Народъ безсмысленный привыкъ.

Противникомъ Пушкина явился неизвѣстный до того времени питомецъ рязанской семинаріи и московской духовной академіи, Николай Надеждинъ, который въ 1826 году былъ уволенъ изъ духовнаго званія и поселился въ Москвѣ, гдѣ вскорѣ получилъ мѣсто домашняго наставника въ домѣ Самариныхъ. „Баринъ", свидѣтельствуетъ Надеждинъ, „въ домѣ котораго я жилъ, былъ большой баринъ. Въ домѣ его была богатая библіотека. Надеждинъ принялся читать и началъ съ Гиббона, отъ котораго онъ не могъ оторваться, и прочелъ дважды отъ доски до доски. Отъ Гиббона онъ перешелъ къ Гизо, а чтобы познакомиться съ подробностями средневѣковой Исторіи, онъ принялся за двѣнадцать томовъ *Исторіи италь-*

янскихъ республикъ Сисмонди. Потомъ все это онъ обобщилъ при помощи и руководствѣ Галлама (Le moyen âge). Это дало ему способъ переработать прежній запасъ историческихъ его свѣдѣній по новымъ взглядамъ. Но, свидѣтельствуетъ Надеждинъ самъ о себѣ, „прежнее было заложено въ немъ такъ прочно, что не разрушилось, а только просвѣтилось и украсилось новою, облагородствованною физіономіею“ [464]). По свидѣтельству же Ксенофонта Полевого, Надеждинъ явился въ Москву съ цѣлью получить мѣсто профессора въ Университетѣ и скоро увидѣлъ, что для этого необходимо пріобрѣсти благосклонность хоть одного изъ старшихъ профессоровъ, имѣющихъ авторитетъ. Каченовскій обладалъ всѣми качествами для покровительствованія покорнаго ему кліента. Онъ былъ гордъ, самолюбивъ и твердъ, такъ что сочлены почти боялись его, знали его авторитетъ и готовы были сдѣлать для него многое потому даже, что не хотѣли съ нимъ ссориться. Распознавъ это, Надеждинъ уцѣпился за Каченовскаго и прикинулся жаркимъ его поборникомъ. Каченовскій страшно злобствовалъ на Пушкина за эпиграммы, которыя лишали его покоя, и онъ готовъ былъ язвить и бранить Пушкина всѣми способами, но всегдашняя лѣнь, хилое здоровье и отчасти боязнь проиграть еще больше въ новой войнѣ заставляли его молчать. Въ это-то время предложилъ ему свои покорныя услуги Надеждинъ, и въ *Вѣстникѣ Европы* стали появляться многоглаголивыя статьи съ подписью Надоумка. Сначала всѣ думали, что подъ завѣсой новаго псевдонима пишетъ самъ Каченовскій: такъ умѣлъ Надеждинъ перенять у него взгляды, мнѣнія и даже слогъ! Какая-то путанная теорія, какая-то тартюфская нравственность и тяжелый, фигурный, напоминавшій кутейника языкъ были отличительными свойствами этихъ статей. Особенно хороши тамъ мѣста, гдѣ авторъ хотѣлъ острить, напримѣръ: *стихи-хи-хи*“ [465])! По отзыву же Погодина, Надеждинъ былъ человѣкъ „съ большими способностями, и кромѣ ученыхъ достоинствъ, былъ отличный редакторъ, логичный, послѣдовательный. Это былъ въ полномъ смыслѣ государствен-

ный секретарь, въ родѣ Сперанскаго, котораго имя, т.-е. въ русскомъ переводѣ, получилъ отъ рязанскаго преосвященнаго Ѳеофилакта“ [466]). Пушкинъ изъ личнаго знакомства съ Надеждинымъ вынесъ о немъ самое непріятное впечатлѣніе и онъ дѣлаетъ мѣткую характеристику своему критику: „Я встрѣтился съ Надеждинымъ у Погодина. Онъ показался мнѣ весьма простонароднымъ, vulgaire, скученъ, заносчивъ и безъ всякаго приличія. Напримѣръ, онъ поднялъ платокъ, мною уроненный. Критики его были очень глупо написаны, но съ живостью, а иногда и съ краснорѣчіемъ. Въ нихъ не было мыслей, но было движеніе; шутки были плоски“ [467]).

Сдѣлавъ это необходимое отступленіе и познакомившись съ личностью Надеждина, взглянемъ теперь на его критики, которыя не могутъ не возмущать души патріота. Первою жертвою этого *государственнаго секретаря* (по выраженію Погодина) былъ *Графъ Нулинъ*. Въ 1828 году въ Петербургѣ вышла книжечка, заключавшая въ себѣ *Двѣ повѣсти въ стихахъ*: *Балъ* (Баратынскаго) *и Графъ Нулинъ* (Пушкина).

Надеждинъ въ *Вѣстникѣ Европы* написалъ на эту книжечку разборъ. Еще въ другой своей статьѣ, подъ заглавіемъ *Сонмище Нигилистовъ*, онъ замѣтилъ: „литературный хаосъ, осѣменяемый мрачною философіею *ничтожества*, разражается *Нулиными*! множить ли, дѣлить *нули* на *нули* — они всегда остаются *нулями*! Неужели бѣдной нашей литературѣ вѣчно мыкаться въ мрачной преисподней губительнаго *нигилизма*?.. Нѣтъ! подумалъ я: нѣтъ! это не возможно“! „Съ перваго взгляда“, пишетъ Надеждинъ въ своемъ разборѣ, „на сіе chef-d'oeuvre галантерейной нашей литературы нельзя не полюбоваться дружескимъ союзомъ, заключеннымъ такъ кстати между *Баломъ* и *Графомъ Нулинымъ*... Вѣроятно, этотъ союзъ происходитъ отъ того, что *Графъ Нулинъ*, какъ человѣкъ свѣтскій, никакъ не можетъ обойтись безъ *Бала*; но о томъ разсуждать не наше дѣло! Книжки напечатаны, союзъ между сею прелестною двоицею заключенъ и—славно!“ Покончивъ разборъ *Бала*, критикъ объявляетъ: „перейдемъ теперь къ его

сіятельству графу Нулину!“ „Если имя поэта“, пишетъ нашъ критикъ, „должно оставаться всегда вѣрнымъ своей етvмологіи, по которой означало оно у древнихъ грековъ *твореніе изъ ничего*, то пѣвецъ *Нулина* есть par exellence поэтъ. Онъ сотворилъ чисто *изъ ничего* сію поему. Но за то и оправдалась надъ ней во всей силѣ древняя аксіома Іонійской философской школы, что изъ *ничего ничего не бываетъ* (ex nihilo nihil fit). Никогда произведеніе не соотвѣтствовало такъ вполнѣ носимому имъ имени. Графъ Нулинъ есть *нуль*, во всей маѳематической полнотѣ значенія сего слова... Графъ Нулинъ проглотилъ пощечину Натальи Павловны; геній поэта переварилъ ее съ творческимъ одушевленіемъ и... разрѣшился Нулинымъ“. Но критикъ какъ бы впадаетъ въ противорѣчіе съ сказаннымъ, когда говоритъ о далеко не нулевомъ дѣйствіи этого произведенія Пушкина на нравственность. „Правду сказать“, пишетъ онъ, „нельзя не признаться, что сцена, происшедшая между графомъ и Натальей Павловной, безъ сомнѣнія, очень смѣшна. Можно легко повторить, что ей отъ всего сердца

Смѣялся Лидинъ, ихъ сосѣдъ,
Помѣщикъ двадцати трехъ лѣтъ.

Я и самъ, хоть не помѣщикъ, но завалившись недавно еще за двадцать три года, не могу не раздѣлить его смѣха. Но каково покажется это моему почтенному дядюшкѣ, которому стукнуло уже пятьдесятъ, или моей двоюродной сестрѣ, которой не вступило еще шестнадцать, если сія послѣдняя (чего Боже упаси!), соблазненная демономъ дѣвическаго любопытства, вытащитъ потихоньку изъ не запирающагося моего бюро это сокровище?... Грѣха не оберешься!“. Кончается разборъ слѣдующимъ общимъ замѣчаніемъ: „Это суть прыщики на лицѣ вдовствующей нашей литературы! Они и красны, и пухлы, и зрѣлы“.

И, такъ по приговору Надеждина, Пушкинъ и Баратынскій суть *прыщики* нашей литературы!“ [468]).

Но оставимъ на время Надеждина съ его критикою и обра-

тимся къ Пушкину. Окончивъ въ концѣ 1828 года *Полтаву*, Пушкинъ тотчасъ же уѣхалъ изъ Петербурга, а 27 октября былъ уже въ Тверской губерніи въ деревнѣ Маленникахъ, принадлежавшей сосѣдямъ Пушкина по Михайловскому. Къ новому 1829 году Пушкинъ явился не въ Петербургъ, какъ повѣствуютъ его біографы [469]), а въ Москву, ибо въ *Дневникѣ* Погодина, подъ 3 января 1829 года, мы читаемъ: „Предчувствовалъ, что пріѣдетъ Пушкинъ, принялся за *Мазепу*". Въ этотъ пріѣздъ въ Москву Пушкинъ въ первый разъ читалъ свою *Полтаву* у Сергѣя Киселева. Присутствовавшій при этомъ князь П. А. Вяземскій передаетъ слѣдующую подробность: „чтеніе Пушкина происходило при Американцѣ Толстомъ и при сынѣ Башилова, который за обѣдомъ нарѣзался и котораго во время чтенія вырвало чуть не на Толстого [470]). Повидимому, Пушкинъ оставался въ Москвѣ недолго и уѣхалъ въ Петербургъ. Здѣсь ему явилась мысль ѣхать на Кавказъ. На поѣздку эту онъ даже не испросилъ разрѣшенія у кого слѣдовало. Въ бумагахъ его сохранился только видъ, данный ему отъ С.-Петербургскаго почтъ-директора 4 марта 1829 года [471]); а 14 марта 1829 года мы уже видимъ Пушкина опять въ Москвѣ, когда критика Надеждина на *графа Нулина* была напечатана. Критика эта возмутила Пушкина до глубины души. „*Графъ Нулинъ*", писалъ онъ, „надѣлалъ мнѣ большихъ хлопотъ. Нашли его, съ позволенія сказать, похабнымъ, — разумѣется, въ журналахъ; въ свѣтѣ приняли его благосклонно, и никто изъ журналистовъ не захотѣлъ за него вступиться. Кстати о моей бѣдной сказкѣ, писанной, будь сказано мимоходомъ, самымъ трезвымъ и благопристойнымъ образомъ, подняли противъ меня всю классическую древность и всю европейскую литературу! Вѣрю стыдливости моихъ критиковъ. Но какъ-же упоминать о древнихъ, когда дѣло идетъ о благопристойности? И ужели творцы шутливыхъ повѣстей: Аріостъ, Боккачіо, Лафонтенъ, и пр., извѣстны имъ по однимъ лишь именамъ? Ужели, по крайней мѣрѣ, не читали они Богдановича и Дмитріева? Какой несчастный педантъ осмѣлится укорить *Душеньку* въ безнравственности и

неблагопристойности? Какой угрюмый дуракъ станетъ важно осуждать *Модную жену*? Эти гг. критики нашли странный способъ судить о степени нравственности какого-нибудь стихотворенія. У одного изъ нихъ есть пятнадцати-лѣтняя племянница, у другого пятнадцати-лѣтняя знакомая, и все, чтó по благоусмотрѣнію родителей не дозволяется имъ читать, провозглашено неприличнымъ, безнравственнымъ, похабнымъ! Какъ будто литература и существуетъ только для шестнадцати-лѣтнихъ дѣвушекъ! Благоразумный наставникъ, вѣроятно, не дастъ въ руки ни имъ, но даже ихъ братцамъ ни единаго изъ полныхъ сочиненій классическаго поэта, особенно древняго; на то издаются христоматіи; но публика не пятнадцати-лѣтняя дѣвица и не тринадцати-лѣтній мальчикъ. Она, слава Богу, можетъ себѣ прочесть безъ опасенія сказки добраго Лафонтена и эклогу добраго Виргилія и все, чтó про себя читаютъ сами гг. критики, если критики наши что-нибудь читаютъ, кромѣ корректурныхъ листовъ своихъ журналовъ“ [472]). Погодинъ въ своемъ *Дневникѣ* записалъ: „Цѣлое утро убѣждалъ Пушкина, чтобъ онъ не намекалъ на царскую цензуру своимъ критикамъ. Бѣсится безъ памяти за обвиненіе въ безнравственности“ [473]). Насъ крайне удивляетъ, что Погодинъ, будучи столь близокъ къ Пушкину, не только былъ равнодушенъ къ выходкамъ Надеждина противъ Пушкина, но даже одобрялъ ихъ и даже писалъ Шевыреву: „Надеждинъ вооружился противъ Пушкина и говорилъ много дѣла между прочимъ, хотя и семинарскимъ тономъ“.

Между тѣмъ вышла въ свѣтъ *Полтава*. Самъ же Пушкинъ въ это время собирался писать Исторію Малороссіи; но Погодинъ отнесся скептически къ этому предпріятію и писалъ Шевыреву: „Я не думаю, чтобы онъ былъ способенъ къ *труду* медленному и часто мелочному по необходимости. Онъ теперь увивается въ Москвѣ около Ушаковой“.

Погодинъ напрасно дѣлаетъ такое заключеніе; ибо Пушкинъ былъ способенъ къ труду. „Движимый, часто волнуемый“, свидѣтельствуетъ князь П. А. Вяземскій, „мелочами жизни, а еще

болѣе внутренними колебаніями не совсѣмъ еще установившагося равновѣсія внутреннихъ силъ онъ могъ увлекаться или уклоняться отъ цѣли, которую имѣлъ всегда въ виду и къ которой постоянно возвращался послѣ переходныхъ заблужденій. Но при немъ, но въ немъ глубоко таилась охранительная и спасительная нравственная сила. Еще въ разгарѣ самой заносчивой и треволненной молодости, въ вихрѣ и разливѣ разнородныхъ страстей онъ нерѣдко отрезвлялся и успокоивался на лонѣ этой спасительной силы. Эта сила была *любовь къ труду, потребность труда*... Трудъ былъ для него святыня, купель, въ которой исцѣлялись язвы, обрѣтали бодрость и свѣжесть немощь унынія, возстановлялись разслабленныя силы".

Вскорѣ, а именно 1 мая 1829 года Пушкинъ уѣхалъ въ Тифлисъ, а оттуда въ Азіатскую Турцію. Памятникомъ этого въ нашей литературѣ осталось его *Путешествіе въ Арзрумъ во время похода 1829 г.*

Полтава его была принята очень холодно. „У Пушкина", писалъ Погодинъ Шевыреву, „публика вычитаетъ теперь изъ должныхъ похвалъ прежнія лишенія" [474]). Во время путешествія Пушкина Надеждинъ разразился надъ *Полтавою* грубою критикою въ томъ же *Вѣстникѣ Европы*. Разбору своему Надеждинъ предпослалъ предисловіе, въ которомъ, между прочимъ, читаемъ: „Всѣ посвящающіе себя служенію красотѣ не должны-бъ-ли были составлять единаго священнаго братства, проникаемаго и оживотворяемаго единымъ духомъ любви? Но, между тѣмъ — какое странное зрѣлище представляетъ нынѣ Парнассъ нашъ!... Сыны благодатнаго Феба, жрецы кроткихъ Музъ только что не вцѣпляются другъ другу въ волосы. Куда ни обернись — вездѣ шумъ и крикъ, вездѣ смуты и сплетни, вездѣ свары и брани. Кровь чернильная льется потоками въ междоусобныхъ сѣчахъ, и перяныя стрѣлы изощряются только на взаимное пораженіе и истребленіе. Говорить правду на нашихъ литературныхъ торжищахъ нынѣ значитъ не только терять дружбу, но еще наживать лютѣйшую, непримиримѣйшую ненависть. Оскорбленное само-

любіе литературнаго временщика неумолимѣе презрѣнной любви обветшавающей кокетки, и—увы!

Я самъ то испыталъ,
Когда мои статьи въ журналы посылалъ!

Критикѣ своей на *Полтаву* Пушкина Надеждинъ далъ форму діалога, въ которой какой-то старецъ подъ именемъ Пахома Силыча Правдивина въ бесѣдѣ своей съ нѣкіимъ Флюгеровскимъ изрекаетъ свои приговоры надъ Пушкинымъ въ родѣ слѣдующихъ: на вопросъ Флюгеровскаго: „Какое же понятіе вы имѣете о чародѣйской музѣ Пушкина? Старецъ отвѣчаетъ: Самое настоящее! Это есть рѣзвая шалунья, для которой весь міръ ни въ копейку. Ея стихія—пересмѣхать все худое и хорошее... не изъ злости или презрѣнія, а просто изъ охоты позубоскалить. Это-то сообщаетъ особую физіономію поэтическому направленію Пушкина, отличающую оное рѣшительно отъ мізанѳропіи Байрона, котораго поэмы суть запустѣвшія кладбища, на которыхъ плотоядные коршуны отбиваютъ съ остервенѣніемъ у шипящихъ змѣй полуистлѣвшіе черепы... Поэзія же Пушкина есть просто пародія. И Пушкина можно назвать по всѣмъ правамъ геніемъ на каррикатуры. По моему мнѣнію, самое лучшее его твореніе есть—*Графъ Нулинъ!* Здѣсь поэтъ находится въ своей стихіи; и его пародіальный геній является во всемъ своемъ арлекинскомъ величіи. Привыкши зубоскалить, мудрено сохранить долго важный видъ: вѣроломныя гримасы прорываются украдкой сквозь личину поддѣльной сановитости. За примѣрами не за чѣмъ ходить далеко: развернемъ *Полтаву!..* На чемъ движется весь поэтическій машинизмъ сей поэмы...? Основное колесо ея есть непримиримая ненависть Мазепы къ Полтавскому герою: и чѣмъ же заблагоразсудилось завесть это колесо нашему поэту?.. Сѣдыми усами Мазепы. И отъ этихъ усовъ столько шуму! Ай, да усы!“ Даже превосходный стихъ Пушкина:

Въ одну телѣгу впречь не можно
Коня и трепетную лань—

подвергся глумленію „Льзя ли, изрекаетъ старецъ, вульгарнѣе выразиться о блаженномъ состояніи супружеской жизни?.. Или еще уродливѣе и смѣшнѣе:

Такъ! было время: съ Кочубеемъ
Былъ другъ Мазепа: въ оны дни,
Какъ солью, хлѣбомъ и елеемъ
Дѣлились чувствами они.

У насъ на Руси,—замѣчаетъ старецъ,—хлѣбъ точно неразлученъ съ солью; но о елеѣ упоминается только вмѣстѣ съ виномъ—да и то въ однихъ святцахъ!.. Карла XII онъ называетъ *любовникомъ бранной славы:* иной проказникъ для продолженія аллегоріи, пожалуй, скажетъ, что нашъ Петръ присадилъ рога этому волокитѣ. Но я не знаю, что̀ подумать о подобныхъ емфатическихъ фразахъ:

Ты проклянешь и день, и часъ,
Когда ты дочь крестилъ у насъ,
И пиръ, на коемъ часто чашу
Тебѣ я полно наливалъ,
И ночь, когда голубку нашу
Ты, старый коршунъ, заклевалъ!

Это ужъ — не то слишкомъ малярно, не то слишкомъ морально!.. Короче можно примѣтить, что и языкъ Пушкина, эта острая бритва, начинаетъ иззубриваться!“

Мы не имѣемъ духа продолжать дѣлать выписки изъ этой возмутительной критики, которая такъ оскорбляетъ наше патріотическое чувство. Скажемъ только, что въ заключеніе Надеждинъ какъ бы опомнился и написалъ: „Что̀ будетъ, то будетъ!.. Утѣшаюсь, по крайней мѣрѣ, мыслію, что ежели пѣвцу *Полтавы* вздумается швырнуть въ меня эпиграммой, то это будетъ для меня незаслуженное удовольствіе!“ [475]).

Пушкинъ прочелъ эту критику на обратномъ пути изъ своего путешествія во Владикавказъ. „У *П.* на столѣ нашелъ я“, пишетъ онъ, „Русскіе журналы. Первая статья, мнѣ попавшаяся, былъ разборъ *Полтавы.* Въ ней всячески бранили меня и мои стихи. Я сталъ читать ее вслухъ. *П.* остановилъ меня, требуя, чтобы я читалъ съ бо̀льшимъ мимическимъ

искусствомъ. Надобно знать, что разборъ былъ украшенъ обыкновенными затѣями нашей критики: это былъ разговоръ между дьячкомъ, просвирней и корректоромъ типографіи, Здравомысломъ этой маленькой комедіи... Таково было первое привѣтствіе въ любезномъ отечествѣ" [476]). Пушкинъ доставилъ удовольствіе Надеждину и „швырнулъ въ него эпиграммой, которая вскорѣ и была напечатана:

Мальчишка Фебу гимнъ поднесъ.
„Охота есть, да мало мозгу".
А сколько лѣтъ ему, вопросъ?
Пятнадцать. — „Только-то? Эй розгу!"
Засимъ принесъ семинаристъ
Тетрадь лакейскихъ диссертацій,
И Фебу вслухъ прочелъ Горацій,
Кусая губы, первый листъ.
Отяжелѣвъ, какъ отъ дурмана,
Сердито Фебъ его прервалъ,
И тотчасъ взрослаго болвана
Поставить въ палки приказалъ [477]).

Не довольствуясь эпиграммой, Пушкинъ представилъ своего критика въ слѣдующей сказкѣ: „Ванюша, сынъ приходского дьячка, былъ ужасный шалунъ. Цѣлый день проводилъ онъ на улицѣ съ мальчиками, валяясь съ ними въ грязи и марая свое праздничное платье. Когда проходилъ мимо ихъ порядочный человѣкъ, Ванюша показывалъ ему языкъ, бѣгалъ за нимъ и изо всѣхъ силъ кричалъ: „пьяница, уродъ, развратникъ, зубоскалъ, писака, безбожникъ!" и кидалъ въ него грязью. Однажды степенный человѣкъ, имъ замаранный, разсердился и, поймавъ его за вихоръ, больно побилъ его тросточкою. Ванюша въ слезахъ побѣжалъ жаловаться своему отцу. Старый дьячекъ сказалъ ему: „Подѣломъ тебѣ, негодяй; дай Богъ здоровья тому, кто не побрезгалъ поучить тебя" [478]). Съ своей стороны, и Надеждинъ отвѣчалъ Пушкину двумя эпиграммами, скрывши свое имя подъ *Орлино-Когтевъ* и *Львино-Зубовъ* [479]). По поводу этихъ эпиграммъ князь П. А. Вяземскій замѣтилъ: „Любителей русской поэзіи можно поздравить съ двумя дебютантами-близнецами: Орлино-Когтевъ и Львино-Зубовъ. Впро-

чемъ, они только именемъ страшны, а стихи ихъ также незлобивы, какъ и всѣ эпиграммы *Вѣстника Европы*" [480]).

Мы уже сказали, что критики Надеждина на произведенія Пушкина нельзя читать безъ глубокаго негодованія. Не менѣе насъ негодовалъ на нихъ и Шевыревъ; но иначе относился къ нимъ Погодинъ, и какъ бы смѣясь надъ Шевыревымъ, писалъ ему: „Надеждинъ ратуетъ въ *Вѣстникѣ Европы*, и рѣшительно говорю, что это литераторъ истинный, хоть и кричатъ на него разные прихожане, хотя и недостаетъ ему теперь вкуса. Повѣрь мнѣ: это *надежда*. И. И. Дмитріевъ прежде ругалъ его, а теперь ласкаетъ, ибо оба ненавидятъ Полеваго" [481]). Но у Пушкина былъ и есть большой приходъ. Его прихожане—Россія и Европа. Признательный Надеждинъ за сочувствіе къ попиранію русской славы написалъ Погодину чуть не любовное письмо: „Приношу вамъ искреннѣйшую мою благодарность за удовольствіе, которое вы мнѣ доставили. Теперь я буду имѣть пріятную возможность любоваться вашими полезными и истинно благонамѣренными трудами, не какъ бывало прежде—урывками и критическими набѣгами,—а на досугѣ, свободно и безпрепятственно. И это будетъ для меня тѣмъ пріятнѣе, что, и не смотря на излишнюю надзорчивость Пахома Силыча, самъ въ себѣ былъ, есмь и буду всегда увѣренъ, что вы останетесь тѣмъ, чѣмъ доселѣ были -- искреннимъ поборникомъ и ревнителемъ истины на пользу и славу нашего просвѣщенія. Ей! не обинуясь, глаголю: ибо льстить не мастеръ и не охотникъ никому—ни за глаза, но тѣмъ менѣе въ глаза. Увѣренъ также я и въ томъ, что самъ строптивый Пахомъ Силычъ не найдетъ ни малѣйшей причины прогнѣваться на васъ за то, что вы хорошее, по вашему мнѣнію, будете называть хорошимъ, и дурное дурнымъ. Старику того-то и хочется. Пусть всякъ говоритъ то, что думаетъ, во что вѣритъ, чего ищетъ — лишь бы только это было одушевлено безкорыстною и искренною любовью къ истинѣ. Старикъ, какъ и всѣ мы, принадлежитъ къ одному великому приходу, въ коемъ старостою и старостихою—любовь

ко благу отечественнаго просвѣщенія. О вашемъ трудѣ, принуждающемъ васъ теперь *особиться* въ вашемъ кабинетѣ, слышалъ я нѣчто отъ общаго нашего знакомаго Іустина Евдокимовича. И Пахомъ Силычъ говорилъ торжественно, что отъ васъ можно ожидать истинно добраго" [482]). Замѣтимъ здѣсь кстати, что Погодинъ въ описываемое время, относясь весьма сочувственно къ *Вѣстнику Европы*, питалъ враждебныя чувства къ *Сѣвернымъ Цвѣтамъ*. Альманахъ этотъ съ 1825 года издавался лучшимъ другомъ Пушкина, барономъ Дельвигомъ и постояннно украшался именами Плетнева, Баратынскаго, Дашкова, Пушкина, Жуковскаго, Крылова, князя Вяземскаго, Козлова, Гнѣдича, Востокова, Батюшкова, Языкова, Хомякова и, наконецъ, Шевырева, а потому даже забавно читать слѣдующія строки Погодина къ тому же Шевыреву: „Признаюсь, мнѣ не хочется, чтобы ты писалъ для *Цвѣтовъ:* это не наши; они смотрѣли на насъ сверху, не хотѣли помогать намъ и ободрить насъ; такъ и мы отъ нихъ прочь. Послѣ, послѣ, когда намъ удастся показать себя, мы будемъ давать имъ кое-что въ знакъ нашего благоволенія и незлопамятства" [483]).

Но когда же Пушкинъ, князь Вяземскій, Жуковскій и другіе смотрѣли на нихъ *сверху?* Чуть не въ каждомъ нумерѣ *Московскаго Вѣстника* мы встрѣчаемъ произведенія Пушкина. Что же касается до князя Вяземскаго, то, по свидѣтельству самого же Погодина, онъ принималъ живое участіе въ первомъ его литературномъ предпріятіи, доставилъ ему знакомство съ Пушкинымъ, помогъ издать переводъ его и Шевырева славянской граматики Добровскаго, отъ котораго отказывались и Университетъ, и Академія, и ученыя общества, и графъ Румянцовъ, и пр., и пр.; но, конечно, они не могли сочувствовать Арцыбашеву, котораго критики на Карамзина Погодинъ съ такимъ радушіемъ помѣщалъ на страницахъ *Московскаго Вѣстника*.

XLV.

Московскій Вѣстникъ и въ 1829 году былъ открытъ для Арцыбашева. Но прежде помѣщенія своихъ знаменитыхъ *Замѣчаній* на *Исторію Государства Россійскаго*, онъ потребовалъ отъ Погодина напечатать опечатки, усмотрѣнныя имъ въ прежнихъ своихъ статьяхъ, напечатанныхъ въ *Московскомъ Вѣстникѣ*. Не взирая на всѣ непріятности, которыя доставили Погодину статьи Арцыбашева, послѣдній пребывалъ въ олимпійскомъ спокойствіи и горделиво писалъ своей жертвѣ: „Рѣшившись твердо не отвѣчать на пустыя возраженія, дѣлаемыя мнѣ журнальными статьями сердитыхъ и безсильныхъ *незнатоковъ* (душевно радуюсь, что и знаменитый нашъ археографъ П. М. Строевъ думаетъ такъ же), долгомъ моимъ поставляю объясниться съ вами. Вы пишете: „Въ предлагаемыхъ *Замѣчаніяхъ* (моихъ) есть нѣсколько выходокъ, лично относящихся къ Карамзину, писанныхъ какъ будто бы не съ хладнокровіемъ—онѣ мнѣ не нравятся". Крайне жалѣю; но осмѣливаюсь спросить васъ: какой смыслъ присоединяете вы къ слову *выходка?* Если подобный моему, а именно: *выходка есть гнѣвливое выраженіе, ничѣмъ не доказанное и ничего не доказывающее*, то истинно не вижу, гдѣ въ *Замѣчаніяхъ* моихъ употреблены были сіи выходки и гдѣ писано *лично относящееся къ Карамзину?* Я отъ роду не видалъ г. Карамзина и писалъ только объ его произведеніи. „Тонъ его" (мой) „мнѣ не нравится". Какъ понимаете ты слово *тонъ?* Если, подобно мнѣ, что *тонъ есть способъ выраженія мыслей,* то я не измѣнилъ бы моего *тона,* возражая даже и знаменитому Августу Людовику Шлецеру: ибо сей великій мужъ пишетъ самъ: „im Reiche der Wahrheit gilt keine Autorität". „Исторія — слово иностранное, которому у насъ не придается никакого опредѣленнаго значенія, не можетъ собственно управлять падежемъ, а еще менѣе предлогомъ съ падежемъ". Почему же *не имѣетъ опредѣленнаго значенія и не можетъ управлять падежемъ?* Слово ἱστορία (происходящее отъ слова

ἱστορέω=разсматриваю) значитъ по-латинѣ narratio, по-русски—*повѣствованіе* и управляетъ падежемъ предложнымъ съ предлогомъ *о* или *объ*. Вы, вѣроятно, избавите меня отъ ссылки на краткую россійскую грамматику, изданную главнымъ управленіемъ училищъ. „И въ этомъ“ (что расположеніе Исторіи Государства Россійскаго занято, кажется, отъ Юма) не правъ г. Арцыбашевъ“. Почему же не правъ? Благоволите сличить *The History of England* съ *Исторіею Государства Россійскаго*, и вы найдете сходство въ расположеніи обѣихъ. Впрочемъ, я не оказался противникомъ этого расположенія. „Въ мнѣніи о слогѣ, говоря вообще, я совершенно не согласенъ съ г. Арцыбашевымъ“. Позвольте и мнѣ остаться при моемъ мнѣніи [484]). Письмо это Погодинъ напечаталъ въ *Московскомъ Вѣстникѣ* и вслѣдъ за нимъ появилось его возраженіе по пунктамъ: 1) „Выходками называлъ я нѣкоторыя неучтивыя придачи къ доказательствамъ, вами сдѣланныя, въ прежнихъ вашихъ *Замѣчаніяхъ*,—неучтивыя особенно потому, что дѣло шло о писателѣ знаменитомъ, оказавшемъ великія услуги исторіи и словесности вообще. Такихъ выходокъ въ нынѣшнихъ *Замѣчаніяхъ* нѣтъ. Еслибъ не было ихъ прежде, то ваши противники, не имѣя благовиднаго предлога, должны были бы оставить ихъ въ покоѣ, какъ не для нихъ писанныя,—а другіе, которые любятъ науку для науки, воспользовались бы ими гораздо съ бо́льшимъ удовольствіемъ. 2) Частое употребленіе такихъ выходокъ вообще назвалъ я вашимъ тономъ, который мнѣ не нравится, и потому, истинное Шлецерово правило, приведенное вами, сюда никакъ не идетъ, правду говорить должно, но лучше безъ упомянутыхъ выходокъ. Еще за годъ предъ симъ, не слыхавъ о вашихъ *Замѣчаніяхъ*, я точно также отозвался о другихъ, помѣщавшихся въ *Вѣстникѣ Европы*. 3) Если подъ исторіею разумѣть разсмотрѣніе, то она необходимо должна употребляться съ родительнымъ падежемъ: разсмотрѣніе чего, а не о чемъ. 4). Исторіографъ не заимствовалъ расположеніе отъ Юма, ибо до Юма тысячи книгъ располагались такимъ же образомъ. О 5-мъ пунктѣ

мнѣ остается только повторить изреченіе: *de gustibus non est disputandum*“ [485]). Такимъ образомъ, въ *Московскомъ Вѣстникѣ* открылась оригинальная полемика: редактора съ своимъ сотрудникомъ. Между тѣмъ, В. П. Титовъ писалъ Погодину: „Критики на Карамзина *оставили* во многихъ невыгодное весьма впечатлѣніе; изгладить его трудно; надежда только есть на милость Божію и время; прежнее благорасположеніе сохраняютъ Кругъ и Жуковскій, хотя ты и взбѣсилъ его просьбою некстати въ пользу предполагаемыхъ изданій Арцыбашева. Эта просьба подтвердила мнѣ замѣченное изъ многихъ твоихъ поступковъ: ты любишь гоняться вдругъ за нѣсколькими зайцами, чѣмъ портишь и будешь портить всѣ дѣла свои. Впрочемъ, относительно Арцыбашева etc., ты вооружился quasi стоицизмомъ, и похвально; ибо другаго дѣлать нечего; я бы только желалъ по менѣе болтливости въ твоихъ послѣднихъ объявленіяхъ, гдѣ отбояриваешься голосомъ гонимой невинности. Письма твои слѣпы: ты толкуешь о мучительныхъ обстоятельствахъ, которыя ни мнѣ, ни Кругу и никому здѣсь неизвѣстны; если дѣло въ деньгахъ, то намъ всѣмъ, принимающимъ въ путныхъ предпріятіяхъ твоихъ искренее участіе, больно было-бъ узнать, что невѣрная надежда вовлекла тебя въ какія-нибудь пожертвованія; притомъ въ сихъ послѣднихъ не было особенной нужды“ [486]). Пушкинъ же прямо объявилъ Погодину: „Вы вооружили всѣхъ противъ себя ужасно. Вяземскій еще изъ умѣренныхъ. Дорога вамъ преграждена“ [487]). При такихъ обстоятельствахъ Погодинъ напечаталъ въ *Московскомъ Вѣстникѣ* слѣдующую іеремiаду: „Литературное гоненіе на меня, въ разныхъ видахъ, за помѣщеніе статьи г. Арцыбашева все еще продолжается. Даже нѣкоторые изъ помѣщавшихъ труды свои у меня въ журналѣ требовали, чтобы я выгородилъ ихъ изъ-подъ мнимой опалы, какъ не принимавшихъ участія въ этомъ дѣлѣ. Не пугаются-ли иные робкіе читатели даже и того, что читали статью? o tempora! o mores! На сіе долгомъ поставляю объявить, что вся вина, если есть какая, въ помѣщеніи *Замѣчаній* г. Ар-

цыбашева, простирается на одного меня, ибо оно ни отъ кого болѣе не зависѣло. Прибавлю однакожъ, что, еслибы случилось мнѣ опять попасть въ такія же обстоятельства, то опять поступилъ бы я также, хотя бы сотеро непріятностей должно было мнѣ вынести послѣ. Съ другой стороны, нѣкоторые литераторы требовали отъ меня, чтобы я отвѣчалъ на разныя выходки, помѣщенныя въ журналахъ, уличилъ въ злонамѣренности своихъ противниковъ, показалъ напраслины, взводимыя на меня и проч. Нѣтъ, милостивые государи, если вы со вниманіемъ читали критическія статьи въ *Московскомъ Вѣстникѣ,* напечатанныя подъ моимъ именемъ, то вы увидѣли бы, что такіе отвѣты не сообразны съ моими литературными правилами. Самъ, пользуясь правомъ судить и говорить о другихъ, я долженъ предоставить и другимъ право судить и говорить обо мнѣ. Какъ говорить и судить — это другой вопросъ, но на него отвѣчаетъ всякій, по русской пословицѣ, предъ Богомъ, совѣстью и добрыми людьми. Добавлять, пояснять мнѣ нечего, и такимъ образомъ я спокойно предоставляю рѣшеніе спорныхъ дѣлъ публикѣ и времени. Притомъ—умъ любитъ просторъ, говорилъ, не помню, кто-то императору Петру Великому—пусть судятъ произведенія, какъ кому угодно, это имѣетъ вообще свою пользу: подсудимый, сравнивая пристрастныя порицанія враговъ съ пристрастными похвалами друзей, можетъ узнать оцѣнку себѣ въ общемъ мнѣніи. Нельзя однакожъ не замѣтить, что въ послѣднѣе время въ нашей литературѣ происходили такія нелитературныя явленія, кои возбуждаютъ негодованіе во всѣхъ благородныхъ людяхъ, и кои покрываютъ навсегда стыдомъ виновниковъ хотя бы они и оказали какія-либо относительныя услуги просвѣщенію“ [488]).

Въ тоже время Погодинъ писалъ Востокову: „Что скажете о преніи по дѣлу Арцыбашева? Я рѣшился стоять на своемъ и обличать все, по моему мнѣнію несправедливое, кто-бы ни сказалъ оное по этому дѣлу“ [489]). И дѣйствительно, Погодинъ не разрывалъ своихъ сношеній съ Арцы-

башевымъ, не смотря даже на полемику, происшедшую между ними. По поводу какой-то книжки, Арцыбашевъ писалъ Погодину: „получилъ я ваше письмо съ книгою, которую цѣню потому только, что прислана вами; иначе не желалъ-бы и читать ее: это чепуха, не заслуживающая вниманія. Но какъ въ письмѣ моемъ исчислить всѣ пустословія этой книги! Она отстала отъ нынѣшнихъ критическихъ сочиненій лѣтъ сотнею. Наконецъ, Руссовъ, благонамѣренно и вѣжливо, принимается за васъ и Каченовскаго и Строева!! Одинъ виноватъ, а четыремъ упреки. Извѣстна ли вамъ критика на X и XI томы *Исторіи Государства Россійскаго* въ *Сѣверномъ Архивѣ* 1825 г.? Почитайте-ка ее и вы увидите какъ тамъ нашего покойнаго г. Исторіографа отхватываютъ; но не ругательствами и клеветою, а дѣломъ. Согласитесь, что у насъ ахаютъ сперва отъ всего; кричатъ: несравненно, безподобно! Такъ кричали о Татищевѣ, Щербатовѣ, Стриттерѣ и даже объ Еминѣ, а теперь не хотятъ уже сочиненій ихъ и въ руки взять. *Кажется подобная же участь ожидаетъ Исторію Карамзина* и всѣхъ нынѣшнихъ историковъ-художниковъ, какъ вы ихъ называете, судящихъ, рядящихъ, старающихся показывать событія или, простите мнѣ уподобленіе, сквозь граненый хрусталь, или сквозь закопченое стекло“.

Какъ-бы то ни было, но дружба съ Арцыбашевымъ обошлась Погодину дорого и преградила ему путь въ Петербургъ, куда онъ давно уже мечталъ переселиться; по крайней мѣрѣ такъ думалъ самъ Погодинъ, но Кеппенъ увѣрялъ его, что помѣщеніе въ *Московскомъ Вѣстникѣ Замѣчаній* Арцыбашева рѣшительно не имѣло вліянія на его карьеру; вмѣстѣ съ тѣмъ Кеппенъ совѣтовалъ Погодину готовить себя въ академики и профессора. „Занятіе же повременнымъ изданіемъ, писалъ онъ ему по этому поводу, можетъ удалить васъ отъ того и другого“. Замѣчательно, что на томъ-же настаивалъ и В. П. Титовъ. „Проклятый журналъ“, читаемъ въ письмѣ его, „еслибы не имъ ты связалъ себя такъ глупо, то необходимо

бы тебѣ во что бы то ни стало написать по части исторіи такую штуку, которая заставила бы зажать ротъ противникамъ, а въ сердцахъ меценатовъ пробудила бы искру благо расположенія, которая ни въ комъ, я думаю, вовсе не потухла". Въ письмѣ, касавшемся того-же вопроса, Кеппенъ писалъ между прочимъ: „со стороны *высшаго* нашего начальства я совершенно успокоенъ на счетъ васъ. Вы можете быть въ томъ увѣрены, что неудачи ваши произошли не отъ литературныхъ занятій. Почтенный Блудовъ въ нихъ вовсе не участвовалъ" [490]). Но Погодина это не успокоивало и въ *Дневникѣ* своемъ онъ отмѣчаетъ: „Въ жалованьѣ отказали подлецы" [491]). На этомъ основаніи, Кругъ и не желалъ брать Погодина въ свои адъюнкты, о чемъ свидѣтельствуютъ нижеслѣдующія строки В. П. Титова: „Кругъ, узнавъ, что надежды на другія мѣста сдѣлались невѣрными, и руками и ногами противъ твоего адъюнкства; - лучше, де не принимать его, нежели пріѣхать сюда, когда жить будетъ не чѣмъ" [492]). „Что-то будетъ со мною?", писалъ Погодинъ Шевыреву, „все-ли по прежнему сурово будетъ смотрѣть на меня удача? Да и чортъ съ нею". Въ это время ему пришла мысль издать журналъ *Благопромыслительный Муравей* съ предисловіемъ: Съ тѣхъ поръ какъ Нѣмцы искусились вызывать чертей съ того свѣта, сообщеніе стало легче, и я etc. Тутъ именемъ Тредьяковскаго, я вступился-бы за нравственность Пушкина, ибо-де, и я Тредьяковскій, писалъ *Ѣзду на островъ любви.* Отъ имени Шлецера и Карамзина порицалъ бы своихъ гонителей etc." [493]). Но эта мечта конечно не осуществилась. Когда о стремленіи Погодина въ Петербургъ узналъ Арцыбашевъ, то писалъ ему: „Назовите меня опять *неучтивымъ,* а я вамъ признаюсь, что внутренно смѣялся надъ вашими стремленіями къ Петербургу; да чего вы хотѣли, милостивый государь? По молодости своей, вы довольно хорошо и въ Москвѣ пристроены; а сверхъ того, пользуетесь вниманіемъ общественнымъ. Отъ добра добра не ищутъ, есть русская пословица, весьма справедливая [494]). Но вслѣдствіе неудачи пробраться въ Петербургъ, Погодинъ сталъ

мечтать, то объ уединеніи, то о путешествіи. „На зиму хочу ѣхать“, писалъ онъ Шевыреву, въ какую-нибудь деревню и заточиться [495]); а въ *Дневникѣ* своемъ онъ отмѣчаетъ: „Какъ хочется оставить мнѣ эту суету и заточиться въ какомъ-нибудь лѣсу дремучемъ и тамъ за работу, за работу!“ Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ мечтаетъ и о путешествіи въ Америку, и въ Остъ-Индію, и въ Малую Азію, чрезъ Персію въ Іерусалимъ и въ Египетъ [496]); а Шевыреву онъ пишетъ: „Въ Римъ лечу душею, и всякое письмо твое меня приводитъ въ волненіе. Господи! помози мнѣ устроиться и опрометью съ профессорской каѳедры на студенческую лавку“ [497]).

XLVI.

Въ то время, когда *Московскій Вѣстникъ* сдѣлался ареною нападеній на Карамзина, Погодинъ близко сошелся съ Каченовскимъ, часто посѣщалъ его и находилъ усладу въ бесѣдѣ съ нимъ. Каченовскій подчивалъ Погодина винцомъ и дружелюбно бесѣдовалъ съ нимъ объ университетѣ, Писаревѣ, о журналистахъ нынѣшнихъ и „ихъ подлости“, о литературѣ, о Надеждинѣ, объ исторіи, о Полевомъ. Сдѣлавшійся впослѣдствіи врагомъ скептиковъ, Погодинъ въ это время весьма сочувственно относился къ направленію дѣятельности отца ихъ, коимъ считался Каченовскій, и писалъ Шевыреву (отъ 15 іюля 1829 года): „Каченовскій выступаетъ побѣдоносно противъ *Русской Правды,* которой никогда будто у насъ не было“. Но и тогда онъ уже находилъ, что „скептицизмъ Каченовскаго слишкомъ далеко простирается“. Погодинъ обращался за совѣтами и указаніями и Каченовскій охотно дѣлился съ нимъ своими познаніями. Такъ, однажды онъ написалъ ему по поводу какой-то грамоты, представленной на разсмотрѣніе: „Въ грамотѣ Михаила Ѳеодоровича, помнится, буквы *я, ю* стоятъ обыкновенныя, и еще что-то не такъ. У меня былъ оттискъ, но пьяный работникъ гравера

потерялъ его“ [498]). Только разъ какъ-то Каченовскій раздосадовалъ Погодина. Это было въ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ, гдѣ Погодинъ читалъ свое изслѣдованіе о *Святополкѣ*. Объ этомъ мы узнаемъ изъ слѣдующей записи Погодина въ Дневникѣ: „Каченовскій досадилъ своими выходками о Святополкѣ“ [499]). Но вскорѣ добрыя отношенія между Погодинымъ и Каченовскимъ нарушились и, притомъ, первое яблоко раздора было брошено Венелинымъ.

Натура Погодина, какъ мы знаемъ, была общительная, и его стремленія къ уединенію были, конечно, платоническія. Онъ поддерживалъ старыя отношенія и безпрестанно заводилъ новыя. Однимъ изъ старѣйшихъ друзей Погодина, былъ Алексѣй Михайловичъ Кубаревъ, съ которымъ онъ неизмѣнно поддерживалъ дружескія отношенія но, тѣмъ не менѣе, вотъ какую запись находимъ мы въ *Дневникѣ* Погодина подъ 2 марта 1829 года: „Перебиралъ и перечитывалъ свой *Дневникъ*. Былъ Кубаревъ, который какъ будто-бы смѣется надъ нимъ: „Скоро-ли напечатаете“. Какъ бы желалъ я, чтобъ этотъ человѣкъ изложилъ подробно свое мнѣніе обо мнѣ. Вѣдь это, однако, непонятно, что онъ не можетъ, кажется, отдать мнѣ чести ни за какую мою мысль, ни за какой мой трудъ, а о многомъ думаемъ мы согласно съ нимъ. Проклинали невѣжество нашихъ вельможъ“. Въ это время Кубаревъ, кромѣ своего профессорства въ московскомъ университетѣ, по свидѣтельству Погодина: „ходилъ по урокамъ и копилъ деньги“ [500]). Въ числѣ учениковъ Кубарева находился будущій фельдмаршалъ, князь Александръ Ивановичъ Барятинскій, который, четырнадцатилѣтнымъ отрокомъ, вмѣстѣ съ своимъ братомъ княземъ Владиміромъ Ивановичемъ, былъ отправленъ въ Москву для усовершенствованія въ наукахъ. Оба брата были ввѣрены попеченію графа А. Н. Панина и Е. В. Новосильцовой. Воспитаніемъ ихъ занимался знакомый намъ лекторъ англійскаго языка въ московскомъ университетѣ, Ѳома Яковлевичъ Эвансъ [501]). Покойный фельдмаршалъ, на высотѣ своего могущества и славы, не забылъ смиреннаго наставника своего и оказывалъ

ему знаки трогательнаго вниманія. Такъ, однажды онъ привезъ ему въ гостинецъ изъ-за-границы великолѣпное изданіе *Писемъ Плинія Младшаго*, а въ 1860 году прислалъ ему свой портретъ. Въ бумагахъ Московскаго Публичнаго Музея сохранилось слѣдующее черновое письмо Кубарева къ фельдмаршалу, по поводу полученія упомянутаго портрета: „Сіятельнѣйшій князь, милостивѣйшій государь, сколько обрадовалъ меня даръ вашего сіятельства, врученный мнѣ другомъ моимъ, М. П. Погодинымъ, я не въ силахъ выразить словомъ. Какое удовольствіе души въ преклонныхъ лѣтахъ моихъ могу сравнить съ удовольствіемъ видѣть, хотя въ художественныхъ чертахъ, лицо ваше во всемъ блескѣ почестей и славы, и въ тоже время знать, что эти черты присланы мнѣ отъ васъ, какъ знакъ благосклоннаго вашего вниманія ко мнѣ! Исполненный пріятнѣйшихъ воспоминаній и чувствованій, созерцаю изображеніе лица, столь глубоко запечатлѣвшагося въ душѣ моей въ юношескихъ чертахъ его, лица вождя, избраннаго судьбой положить конецъ столь упорной, столь долголѣтней борьбѣ нашей съ враждебными сынами Кавказа. Сіятельнѣйшій князь! Военными подвигами своими снискали вы особенное благоволеніе къ вамъ и дружбу государя императора, громкія похвалы и признательность соотечественниковъ и безсмертную славу въ потомствѣ! Но не одна военная слава украшаетъ жизнь вашу. И въ отдаленныхъ областяхъ имперіи давно уже извѣстно, какъ всѣ служащія лица и жители страны, ввѣренной управленію вашему, благословляютъ день, въ который поступили подъ начальство ваше. Не удивляюсь этому. Имѣвъ счастіе находиться нѣкогда въ числѣ лицъ, къ вамъ приближенныхъ, могу-ли не знать всей доброты сердца вашего, столько украшавшей васъ еще въ юности вашей? Могу-ли забыть тогдашнее ваше расположеніе ко мнѣ? И доселѣ храню, какъ незабвенный для меня памятникъ этого расположенія, даръ, который я имѣлъ счастье получить отъ вашего сіятельства еще въ 1831 году. Онъ всегда былъ для меня утѣшеніемъ и тогда, когда я не могъ еще предвидѣть будущаго

величія вашего—съ тѣхъ поръ столько произошло перемѣнъ въ политическомъ и гражданскомъ мірѣ! Съ тѣхъ поръ вы взошли на высокую степень чести и славы! И безпримѣрная доброта души вашей не измѣнилась. И вы еще, при столь многихъ, столь разнообразныхъ занятіяхъ, не забываете тѣхъ, къ которымъ были расположены столь радушно! И вы еще озаряете отраднымъ лучемъ склоняющіеся уже къ западу дни мои, приславъ мнѣ въ даръ драгоцѣнныя для меня черты лица вашего! Въ какихъ словахъ выражу вамъ свою благодарность? Пусть выразится она въ мольбѣ моей ко Всевышнему: Да хранитъ Онъ васъ подъ несокрушимымъ щитомъ Своимъ среди военныхъ опасностей; да подкрѣпитъ ваши силы на поприщѣ служенія государственнаго и да продлитъ дни жизни вашей долго, долго, ко благу и славѣ любезнаго отечества нашего! Вотъ все, чего можетъ, въ знакъ признательности своей, пожелать вамъ человѣкъ, нѣкогда къ вамъ приближенный и всегда душевно вамъ преданный" [502]).

Кубаревъ оставался по прежнему неизмѣннымъ классикомъ и писалъ Шевыреву въ Римъ (отъ 26 сентября 1829 года): „Хоть каплю воздуха того, коимъ вы дышете, любезный другъ, привезите мнѣ, или буде этого не можно, то хоть горсточку пыли съ гробницы Сципіоновъ" [503]). Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ изучалъ русскія древности и весьма интересовался военною исторіею. Однажды Погодинъ зашелъ къ нему подъ праздникъ и „вмѣсто всеношной" онъ пробесѣдовалъ съ нимъ о Наполеонѣ. Кубаревъ познакомилъ Погодина съ своимъ другомъ, извѣстнымъ впослѣдствіи, Михаиломъ Ивановичемъ Топильскимъ, который, несмотря на свою многотрудную службу при министрѣ, графѣ В. Н. Панинѣ, остался до конца жизни страстнымъ любителемъ классической литературы.

Въ квартирѣ Погодина постоянно толпились посѣтители и на это онъ жалуется въ своемъ *Дневникѣ:* „Утро отнялъ Кубаревъ, Максимовичъ. Утро отхватили Максимовичъ, Краевскій. Максимовичъ, Кубаревъ, Андросовъ и утро процвѣте и погибе", и т. д. Поддерживая старыя знакомства, Погодинъ заводилъ

и новыя. Въ это время онъ сблизился съ семействомъ почтеннаго московскаго полиціймейстера Ровинскаго и пользовался ихъ гостепріимствомъ. Однажды онъ обѣдалъ у нихъ великимъ постомъ и по поводу этого сдѣлалъ странную запись въ своемъ *Дневникѣ*: „Не ѣвши скоромнаго, былъ въ странномъ положеніи противъ тамошнихъ философовъ, утверждавшихъ, что мясо не грѣхъ. День погибъ за невольнымъ бостономъ у нихъ". Къ этому же времени относился знакомство Погодина съ достопочтеннымъ Дмитріемъ Николаевичемъ Бантышемъ-Каменскимъ [504]). По своей общительности, Погодинъ заводилъ сношенія съ профессорами и другихъ университетовъ и они нерѣдко обращались къ нему съ разными просьбами. Такъ дерптскій профессоръ Бунге писалъ ему: „приглашенъ я извѣстными гейдельбергскими профессорами гг. Миттермайеромъ и Цахаріемъ къ участвованію въ издаваемомъ ими критическомъ журналѣ для правовѣдѣнія во всѣхъ европейскихъ государствахъ. Меня же именно просятъ они доставлять имъ критическія и литературныя статьи о россійскомъ, лифляндскомъ, эстляндскомъ и курляндскомъ правѣ. Вслѣдствіе чего намѣренъ я сочинить краткое обозрѣніе литературы россійскаго права и юридической литературы въ Россіи вообще. Не достаетъ мнѣ нѣкоторыхъ свѣдѣній о первоначальномъ систематическомъ преподаваніи юриспруденціи вообще и россійскаго права въ особенности въ московскомъ университетѣ". Бунге проситъ Погодина сообщить ему эти свѣдѣнія, а въ концѣ письма извиняется: „Напослѣдокъ долженъ я просить еще извиненія и снисхожденія вашего въ разсужденіи погрѣшностей и ошибокъ противъ слога и противъ грамматики, коихъ въ письмѣ моемъ, конечно, не мало найдется. Почти совершенный недостатокъ оказіи въ Дерптѣ говорить и писать по-русски вѣрно извинитъ меня, какъ несовершеннаго русскаго" [505]).

Изъ писателей Погодинъ всего менѣе сошелся съ Баратынскимъ, котораго ни онъ, ни даже Шевыревъ, не умѣли въ то время цѣнить, за чтò и упрекалъ ихъ Пушкинъ. „Былъ

Баратынскій“, отмѣчаетъ Погодинъ въ своемъ *Дневникѣ*, „съ которымъ я затрудняюсь говорить“ [506]). Тѣмъ не менѣе Баратынскій не отказывался содѣйствовать *Московскому Вѣстнику*, о чемъ свидѣтельствуетъ письмо его къ Погодину: „Домашніе непредвиденные мною хлопоты отвлекаютъ меня отъ литературы и, не имѣя возможности изготовить обѣщанныя мною статьи для нашего альманаха, я принужденъ отказаться отъ участія въ его изданіи. Маловажныя стихотворенія, которыя я могъ-бы вамъ доставить, помогли-бы вамъ не много и въ этомъ случаѣ. Я обязанъ отдать себѣ справедливость. Искренно радуюсь изданію *Московско Вѣстника* на будущій годъ. Онъ нуженъ нашей литературѣ. Почитаю долгомъ записатся въ его службу и тѣмъ доказать, по крайней мѣрѣ, мое словесное правовѣріе“. И дѣйствительно, на страницахъ *Московскаго Вѣстника* было впервые напечатано его чудное стихотвореніе подъ заглавіемъ *Смерть*.

XLVII.

Благую мысль объ охраненіи нашихъ древностей отъ истребленія, Московское Археологическое Общество унаслѣдовало отъ отцевъ нашихъ. Еще въ 1829 году И. М. Снегиревъ, носившій тогда званіе секретаря Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, писалъ Погодину: „Прошу васъ не предать забвенію доставленный мною вамъ достопамятный указъ Николая I о сохраненіи и описаніи отечественныхъ памятниковъ, кои до нынѣ невѣжествомъ и хладнокровіемъ сокрушаются или искажаются. Более всего терпятъ древнія церкви наши отъ нелѣпыхъ пристроекъ и своенравныхъ перестроекъ попа и старосты вмѣстѣ съ коммиссіею строенія. Онѣ походятъ на старухъ набѣленныхъ и нарумяненныхъ съ разновѣковымъ костюмомъ. Святотатственная рука изглаживаетъ надписи на гробовыхъ камняхъ, отнимая у покойниковъ послѣднее ихъ имущество на землѣ. Пора объ этомъ

говорить торжественно: самъ Царь подаетъ примѣръ“ [507]). Тою же мыслію былъ одушевленъ знаменитый археографъ нашъ П. М. Строевъ, предпринявшій въ то время свое грандіозное путешествіе по Русскому Сѣверу. Разумѣется, Погодинъ всѣмъ сердцемъ сочувствовалъ этому великому дѣлу и находился тогда въ наилучшихъ отношеніяхъ съ Строевымъ. У послѣдняго, передъ отправленіемъ въ археографическое путешествіе, явилась мысль привлечь Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ къ соучастію въ своемъ, по истинѣ патріотическомъ предпріятіи. „Почему совѣту Императорскаго Московскаго университета“,—говорилъ нашъ археографъ въ Обществѣ,— „изъ числа многочисленныхъ студентовъ, не избрать одного, въ коемъ прозябаетъ уже зерно Отечественной Исторіи, и, можетъ быть, довольно полное, а Обществу Историческому не согрѣть, не воспитать и не возрастить онаго? Такой питомецъ, будучи присоединенъ къ Археографической Экспедиціи подъ моимъ руководствомъ, можетъ познать очень многое“. При этомъ Строевъ представилъ Обществу и проектъ *присоединенія къ Археографической Экспедиціи одного изъ студентовъ Императорскаго Московскаго Университета* [508]). Но гласъ археографа былъ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, и Погодинъ справедливо замѣчаетъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Вѣдь подлецы не захотѣли воспользоваться его предложеніемъ обучать студентовъ въ путешествіи“ [509]).

15 марта 1829 года Экспедиція путешествующаго археографа выѣхала изъ Москвы и направила путь свой къ Сѣверу въ „землю классическую для историка Русскаго“. Только въ сентябрѣ, изъ Вологды, Строевъ откликнулся Погодину: „разъ пять писалъ я и повторялъ женѣ моей, чтобы она извѣстила меня: уѣхали-ли вы въ С.-Петербургъ и что съ вами дѣлается; но она цѣлое лѣто проживши на Шаболовкѣ, въ загородномъ домѣ своего дѣда, и въ мое отсутствіе, не имѣя никакого сношенія съ міромъ ученымъ и литературнымъ, никакъ не могла удовлетворить моего желанія. Наконецъ, въ

городѣ Яренскѣ прочиталъ я въ московскихъ газетахъ, въ числѣ господъ университетскихъ преподавателей лекцій, и ваше имя. И такъ, вы, почтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ! все еще въ Москвѣ и не причастны Академіи или къ Нѣмецкой Слободкѣ, какъ именуетъ ее г. корреспондентъ Академіи Гречъ. Что же это значитъ? Неужели это почти совершенное дѣло разклеилось! Если вы не изгладили еще изъ своей памяти странствующаго или, лучше сказать, скитающагося въ пустыняхъ археографа и удѣлите нѣсколько моментовъ отъ безпрерывныхъ занятій вашихъ *Московскимъ Вѣстникомъ*, котораго на сей годъ я еще не видѣлъ, то я повѣдаю о себѣ слѣдующее: я прожилъ около трехъ мѣсяцевъ въ Архангельскѣ; хотѣлъ плыть въ Соловецкій монастырь, но, по случаю несоглашенія съ тамошнимъ начальствомъ о казенномъ суднѣ, оставилъ сіе предпріятіе до слѣдующей весны; ѣздилъ въ Онегу, оттуда на островъ Кій въ Крестовый монастырь; двадцать три дня прожилъ въ уединенной Сійской обители, въ Холмогорскомъ уѣздѣ; ѣздилъ верстъ триста вверхъ по рѣкѣ Пинегѣ и сражался тамъ съ легіонами комаровъ въ безпрерывныхъ лѣсахъ; по нѣскольку времени жилъ въ Холмогорахъ, Шенкурскѣ, Вельскѣ и Верховажьѣ; 29 іюля прибылъ въ Вологду, а 6 августа сѣлъ въ лодку и плылъ 500 верстъ до Великаго Устюга; оттуда ѣздилъ въ Сольвычегодскъ, Яренскъ и далѣе; потомъ, возвратясь въ Устюгъ, слѣдовалъ черезъ Тотьму и Кадниковъ до Вологды. Теперь квартирую съ Археографическою Экспедиціею въ архіерейскомъ домѣ, у предобрѣйшаго изъ владыкъ преосвященнаго епископа Стефана. Вотъ вамъ описаніе кампаніи моей перваго года. До новаго года проживу въ Вологдѣ и сдѣлаю только нѣсколько поѣздокъ въ окрестные монастыри. Итакъ, двѣ губерніи, Архангельская и Вологодская (исключая Соловецкаго монастыря) совершенно осмотрѣны: всѣ архивы духовные и свѣтскіе обшарены, и я, гордо посматривая на археографическія свои порфели, полные документовъ и копій, съ гордостію восклицаю: nec plus ultra. По истинѣ, у меня

есть прекраснѣйшія вещи; а что будетъ далѣе? Простите, почтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ! что я болтовнею своею отвлекъ васъ отъ занятій вашихъ. Страшно пріятно бесѣдовать о трудахъ своихъ съ родными; а вы мнѣ кровный по литературѣ. Не поскучайте и вы повѣдать мнѣ тайны вашихъ сношеній съ Академіею, и скоро ли могу я имѣть счастіе видѣть васъ въ числѣ конференціальныхъ судей *посильныхъ*, по выражеію *Телеграфа*, трудовъ моихъ на поприщѣ Археографіи и обширныхъ пустынь Русскаго Сѣвера. Когда-нибудь, на досугѣ, напишу о своихъ находкахъ по подробнѣе; теперь простите; рука устала отъ многой нынѣ корреспонденціи, а потому и пишу къ вамъ нескладно и не связно. При свиданіи засвидѣтельствуйте мое усерднѣйшее почтеніе Его Превосходительству Александру Александровичу Писареву и г. Секретарю Общества Историческаго. Здѣшній Владыка, природный полякъ, открылъ намъ, что *Выжигинъ* есть копія съ *Досвичинскаго* у Польскаго автора Красицкаго. Сообщите о семъ какому-нибудь журналисту, разумѣется — по секрету" [510]).
Погодинъ не замедлилъ отвѣтомъ: „Какъ я обрадовался", писалъ онъ, „вашему письму. Такъ давно не получалъ я извѣстій о васъ! Ну, слава Богу, у васъ богатая жатва. Искренно поздравляю васъ и приношу вамъ вмѣстѣ со всѣми сынами (только не *Сыномъ)* отечества и друзьями наукъ благодарность за ваши достославные труды. Да подкрѣпитъ Богъ вамъ силы, а мы будемъ молиться. Прошу васъ покорно увѣдомить меня подробнѣе о вашихъ драгоцѣнныхъ находкахъ. Когда будете вы въ Соловкахъ? Отъ нихъ ожидать должно многаго... Тамъ былъ и Сильвестръ, и Филиппъ, и Василій Лукичъ Долгорукій!.. Я просилъ у васъ извѣстій о рыбной ловлѣ и рыбацкой жизни въ сѣверномъ краю... Мнѣ хочется написать жизнь Ломоносова простонароднымъ языкомъ для черни... Вчера получилъ я изъ Архангельска нѣсколько прекраснѣйшихъ извѣстій. Не знаю отъ кого. Прошу еще у васъ или у вашего любезнаго спутника, дайте мнѣ общія черты архангельскихъ: осени, зимы, весны и лѣта, тамошней

природы, особенно около Холмогоръ. Мнѣ хочется написать книгу для народа, коему у насъ нечего читать... Препоручите кому-нибудь въ Холмогорахъ развѣдать, сколько дѣтей было у отца Ломоносова, достаточно ли онъ жилъ и т. п. Теперь въ Архангельскѣ живетъ еще племянница Ломоносова Матрена Евсѣева, вдова, дочь его сестры Марьи, бывшая замужемъ за крестьяниномъ куростровскимъ—Лопатинымъ... Еще есть внука его. Теперь скажу вамъ о себѣ: министръ въ вознагражденіе за убытки, причиненные мнѣ его вызовомъ, прислалъ мнѣ своихъ ^{2}/т. р.; я въ первый разъ отказался, а во второй—пожертвовалъ ихъ на печатаніе общеполезныхъ книгъ (и уже вышла одна: *Болгаре* Венелина). Теперь я остался по прежнему въ Москвѣ, взялъ къ себѣ нѣсколько пансіонеровъ, требую себѣ жалованья изъ университета, которому два года служу за ординарнаго профессора, и не получаю ни копѣйки,— одинъ изъ всего вѣдомства. Издалъ въ нынѣшнемъ году одну сказку и дѣтскую книгу. Теперь собираюсь издавать послѣдній годъ *Вѣстника* по прежнему плану, въ двадцати четырехъ книжкахъ, и прошу вашего участія... Вы богаты теперь, а публикѣ весьма пріятно будетъ услышать о вашихъ подвигахъ. Подкрѣпите меня. У насъ въ литературѣ дѣлаются чудеса, о которыхъ, вѣроятно, вы знаете изъ газетъ, *исторія Народа Русскаго* въ двѣнадцати томахъ, по адріанопольскій миръ, котораго нѣтъ еще въ газетахъ; исторія Петра Великаго, плодъ шестилѣтнихъ путешествій г. Свиньина. Одинъ шутникъ говоритъ, что скоро выйдетъ: Исторія столпотворенія Вавилонскаго — угадайте чья? Смѣшеніе языковъ отдѣлано превосходно. Если вы не читаете ничего текущаго, то увѣдомьте меня: на досугѣ я опишу вамъ подробности обо всѣхъ нашихъ явленіяхъ... Я рѣшился прошибать стѣну лбомъ, если не прошибу и упаду, то помяните обо мнѣ не лихомъ и скажите: „онъ хотѣлъ дѣлать дѣло, да его не подкрѣпили". Право, бываетъ иногда грустно, хотя я и не мизантропъ. Шевыревъ въ Римѣ, Петръ Кирѣевскій въ Мюнхенѣ, Иванъ ѣдетъ въ Парижъ, Веневитиновъ въ Петербургѣ... Я пере-

челъ письмо и удивился самъ своей іеремiадѣ. Веселѣе за работу. Авось“ [511]).

Въ концѣ 1829 года Строевъ, для устройста дѣлъ Археографической экспедиціи, пріѣзжалъ въ Москву и 17 декабря обѣдалъ у Погодина, который записалъ въ своемъ *Дневникѣ:* „Обѣдалъ у меня Строевъ и разсказывалъ о своихъ находкахъ и вообще о путешествіи. Что за Россія! Сколько міровъ въ ней. И всѣ ихъ показалъ бы я тебѣ!“ [512]). О томъ же писалъ онъ и Шевыреву въ Римъ: „Строевъ здѣсь. Какія чудеса разсказываетъ онъ о сѣверномъ краѣ! Цѣлые міры въ Россіи! Каковы Самоѣды тамъ, каковы Русскіе, чистые и не смѣшанные“ [513]).

Въ торжественномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ 29 декабря 1829 года „во ушію“ первенствующаго въ имперіи ученаго сословія и избраннаго общества были оглашены слѣдующія достопамятныя слова нашего *Путешествующаго Археографа*: „Можно ли умолчать о наблюденіи мѣстностей особенно любопытномъ и поучительномъ? Двиняне, Онежане, Пинежцы, Вожане мало измѣнились отъ времени и нововведеній: ихъ характеръ *свободы*, волостное управленіе, образъ селитьбы, пути сообщенія, нравы, самое нарѣчіе, полное архаизмовъ, и выговоръ невольно увлекаютъ мысль въ плѣнительный міръ *самобытія* Новгородцевъ. Скажу болѣе: Двина и Поморье суть *земля классическая* для историка русскаго. Только тамъ можно постигнуть *вполнѣ* народный духъ нашихъ предковъ и физіогномію естественную и государственную древней Россіи. Самыя новгородскія и другія сѣверныя лѣтописи дѣлаются вразумительнѣе во многомъ. Надѣюсь, что выводы полугодового пребыванія моего на берегахъ Двины, Онеги, Пинеги, Ваги, Вычегды, Сухоны будутъ небезполезны для поясненія многихъ сказаній древности и приданія *истиннаго колорита* нѣкоторымъ періодамъ отечественнаго бытописанія. Наши историки — сидни столичные, довольствуются изъ лѣтописей дипломовъ одними событіями, но черты прежнихъ нравовъ, народнаго характера, образа дѣйствій внутреннихъ

и внѣшнихъ, физіогноміи театра происшествій и общежитія — все это для нихъ вещи сторонния, малопостижимыя. Посему удивительно ли, когда въ исторіяхъ россійскихъ часто находимъ смѣсь фантастическихъ разсказовъ, преувеличенія, чего то полуримскаго, а еще чаще празднословія! Познаніе мѣстностей, особенно *дѣвственнаго* Сѣвера, приложенное къ преданіямъ и документамъ старины, способно озарить наше дѣеписаніе живымъ свѣтомъ *истины*. Сюда, опытные наблюдатели!“ [514])

Но, говоря о русскихъ древностяхъ, вспоминая о Строевѣ, можно ли умолчать о несчастномъ Калайдовичѣ, который въ это время доживалъ свои послѣдніе скорбные дни?

Въ началѣ 1829 года Калайдовичъ посѣтилъ Кіевъ. Около этого времени онъ написалъ послѣднее изслѣдованіе, подъ заглавіемъ: *Св. Андрей Христа ради юродивый, славянинъ пятаго вѣка*. Сущность этого изслѣдованія состояла въ доказательствахъ, что упоминаемый въ лѣтописяхъ Андрей, приходившій къ горамъ Кіевскимъ, былъ не апостолъ Первозванный, а юродивый. „Не апостолъ Андрей Первозванный“, писалъ Калайдовичъ, „благословилъ горы кіевскія, но святый Андрей вѣрный чтитель Евангелія, юродъ Пречистыя Дѣвы Маріи, умѣвшій съ чистотою голубя и мудростію змія поручиться міру, сей то Андрей, намъ однороденъ, славянинъ пятаго вѣка, поставилъ первый крестъ на горахъ кіевскихъ и предрекъ явленіе свѣтлой денницы Ольги предъ солнцемъ лучезарнымъ Владиміромъ“. Любопытно замѣтить, что этимъ спорнымъ вопросомъ объ Андреѣ Калайдовичъ началъ свое ученое поприще по выходѣ изъ университета, въ спорѣ съ Платономъ митрополитомъ, тѣмъ же и кончилъ [515]). О пребываніи Калайдовича въ Кіевѣ Евгеній, митрополитъ, кіевскій писалъ Востокову: „Теперь въ Кіевѣ у насъ гоститъ К. Ѳ. Калайдовичъ и у меня часто бываетъ. Онъ отнюдь не сошелъ съ ума, какъ въ Москвѣ славили его, а только ипохондрически раздраженъ гоненіями“ [516]). Въ августѣ Калайдовичъ былъ уже въ Москвѣ. Погодинъ, посѣтивъ его, записалъ въ своемъ *Дневникѣ*:

„Слава Богу! сумасшествіе его прошло. Только слабость и мучительная мысль о невозможности помогать семейству. Съ сердечнымъ удовольствіемъ принималъ отъ него благодарность. Надо помочь ему еще. Бѣдственное положеніе! Не издать ли альманахъ въ его пользу! Или дать въ заемъ рублей 200! Хотѣлъ было дать на зубокъ женѣ, но посовѣстился. Достойная женщина! Сколько перенесла она! А я не любилъ ее *за мелкопомѣстныя выходки*; какъ жалокъ онъ, задумчивый и печальный! Къ Аксаковымъ. Спорилъ съ глупо-подозрительнымъ Фроловымъ, что онъ не притворяется сумасшедшимъ. Что за милыя дѣти, не чета въ большомъ свѣтѣ" [517]). Въ семействѣ Аксаковыхъ Калайдовичъ, удрученный скорбями, находилъ отраду и однажды С. Т. Аксаковъ былъ очень огорченъ тѣмъ, что какъ-то Калайдовичъ пошелъ отъ нихъ пѣшкомъ и едва дошелъ до дому. „Это", писалъ Аксаковъ Погодину, „непростительная съ моей стороны оплошность" [518]). По мысли О. С. Аксаковой, добрые люди, а въ числѣ ихъ и Погодинъ, желая хоть чѣмъ-нибудь помочь нуждающемуся семейству Калайдовича, открыли въ пользу его подписку и въ подписномъ листѣ было сказано: „Константинъ Ѳедоровичъ Калайдовичъ, столь извѣстный своими историческими познаніями и заслугами по части археологіи, отъ утомительныхъ трудовъ и безпрерывныхъ занятій, впалъ въ жестокую болѣзнь и даже умственное разстройство, которое продолжалось болѣе года; теперь оно миновалось совершенно; остались задумчивость и болѣзненная слабость, которыя не позволяютъ ему заниматься не только учеными трудами или отправленіями должности, но даже и чтеніемъ книгъ. Впрочемъ, опытные, безкорыстно пользующіе его врачи, увѣрены, что здоровье больного возстановится, если приличное, достаточное содержаніе и спокойствіе душевное будутъ помогать искусству и натурѣ. Г. Калайдовичъ имѣетъ жену, четверыхъ дѣтей малолѣтнихъ и терпитъ во всемъ крайнюю нужду, ибо родные не въ состояніи помогать ему значительно. Очевидно, что при такихъ обстоятельствахъ онъ не можетъ выздоровѣть совершенно. Кромѣ состраданія къ несчастному отцу

и его семейству, спасенія болѣе чѣмъ жизни человѣку, мы теряемъ одного изъ отличнѣйшихъ и дѣятельнѣйшихъ ученыхъ изыскателей; только литераторы, только истинные любители наукъ и просвѣщенія могутъ оцѣнить это послѣднее обстоятельство и имъ предлагается благотворный подвигъ. Потеря Калайдовича будетъ упрекомъ для всѣхъ, которые знали, могли и не хотѣли помочь ему; отъ нихъ зависитъ избавить себя и современниковъ своихъ отъ такой горькой укоризны; число ихъ не велико, а потому помощь должна быть значительна". По этому поводу Погодинъ писалъ Шевыреву: „Калайдовичу собираемъ тихо и деликатно, между знакомыми. Первая мысль (была) О. С. Аксаковой" [519]). Въ дѣйствительности же Погодинъ просилъ, писалъ и склонялъ къ пожертвованіямъ кого только могъ. Былъ онъ и у Антонскаго. „Пыталъ, пыталъ меня",—записалъ Погодинъ въ своемъ *Дневникѣ*, — „и наконецъ далъ для Калайдовича сто рублей" [520]). Вмѣстѣ съ тѣмъ Антонскій писалъ Погодину: „Я не отстану отъ другихъ въ помощи несчастному, но подписываться не люблю. Христосъ говоритъ, чтобъ шуйца не видѣла, что̀ десная добраго дѣлаетъ. Увидѣвшись съ вами, что̀ смогу, вамъ удѣлю". Погодинъ письменно обращался и къ П. А. Курбатову: „Наслышавшись",—писалъ онъ, —„о вашей готовности дѣлать добро, честь имѣю представить вамъ прекрасный случай, за который, надѣюсь, вы поблагодарите меня. Прошу васъ только сохранить все это дѣло въ *тайнѣ*, ибо приносящіе намѣрены подать помощь самымъ деликатнымъ образомъ нашему достопочтенному ученому. И еще просьба: прошу у васъ, какъ древній учитель Пансіона, нѣсколько билетовъ въ завтрашній концертъ". Въ тотъ же день Курбатовъ отвѣтилъ Погодину: „Принимая искреннее участіе въ почтенномъ Константинѣ Ѳеодоровичѣ и сердечно жалѣя, что, по моимъ обстоятельствамъ, не могу быть ему полезнѣе, прилагаю двадцать пять". И. И. Давыдовъ также не остался равнодушенъ къ доброму дѣлу и, по собственной инициативѣ, писалъ Погодину: „Покорнѣйше прошу прилагаемыя при семъ деньги, какъ

малую лепту, пріобщить отъ неизвѣстнаго къ той суммѣ, которую вы, по благороднѣйшимъ движеніямъ добраго сердца вашего, изволите собирать въ помощь несчастному нашему собрату". Такимъ образомъ, собранные пятьсотъ рублей Погодинъ отправилъ къ женѣ Калайдовича, которая благодарила его въ такихъ выраженіяхъ: „Да наградитъ васъ Богъ, почтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ, за то утѣшеніе, которое вы доставляете мнѣ, какъ матери и изнеможенному болѣзнью и обстоятельствами моему мужу" [521]). Письмо это доставило Погодину большое удовольствіе [522]). Не довольствуясь сборами въ Москвѣ, Погодинъ вопіялъ о помощи въ Петербургъ, но получилъ отъ Кеппена уклончивое письмо: „Участіе, которое вы изволите принимать въ судьбѣ нашего общаго пріятеля, К. Ѳ. Калайдовича, побуждаетъ меня сказать вамъ, что я о пособіи единовременномъ со стороны Россійской Академіи говорилъ съ П. И. Соколовымъ и что сей очень готовъ содѣйствовать къ успѣху въ семъ дѣлѣ. Нужно, однако же, подать Академіи поводъ къ такому доброму дѣлу. Прямо отъ себя Академія едва-ли рѣшится сдѣлать какое-либо вспоможеніе. Но нѣтъ-ли у г. Калайдовича книгъ, которыя Академія могла-бы купить?"

Затрудняясь оказать справедливую помощь знаменитому русскому ученому, Россійская Академія, въ то время, по свидѣтельству того же Кеппена, „наконецъ рѣшилась употребить отъ тридцати до сорока тысячъ рублей на пріобрѣтеніе Славянской библіотеки по всѣмъ нарѣчіямъ. Библіотекарями вызываются рекомендованные мною Ганка и Шафарикъ, съ жалованьемъ по четыре тысячи руб. и г. Челаковскій — три тысячи руб. въ годъ. Еще это не утверждено Государемъ Императоромъ, но въ успѣхѣ не сомнѣваюсь. Князь К. А. Ливенъ сказывалъ мнѣ, что Государь Императоръ уже предварительно изъявилъ на сіе свое Высочайшее согласіе. Но въ судьбѣ несчастнаго Калайдовича и семейства его принялъ живѣйшее участіе самъ графъ Карлъ Васильевичъ Нессельроде и, по его ходатайству, Государю Императору угодно было повелѣть, чтобы

К. Ѳ. Калайдовичу производилась пенсія по тысячѣ рублей въ годъ“ [523]).

XLVIII.

Наконецъ Погодинъ выступаетъ на поприщѣ мецената и объ этомъ сообщаетъ Шевыреву: „Въ укоризну всѣмъ русскимъ пустымъ меценатамъ, печатаю на свой счетъ изысканіе о Болгарахъ одного нашего студента Венелина“ [524]). Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сознается, что Болгаре Венелина его крайне *утомили и отняли* у него много времени [525]). Печатаніе книги Венелина о Болгарахъ пошло быстро и лѣтомъ дошло до предисловія. Между тѣмъ, для пользованія минеральными водами пріѣхалъ въ Москву съ своею молодою супругою престарѣлый адмиралъ А. С. Шишковъ *). Замѣтимъ здѣсь кстати, что несвоевременная женитьба совершенно измѣнила бытъ достопочтеннаго старца. Общество его перемѣнилось: Шишковъ, заклятый врагъ католиковъ и поляковъ, очутился окруженнымъ ими. Новая супруга наводнила его домъ людьми совсѣмъ другого рода, чѣмъ прежде. С. Т. Аксаковъ „не могъ равнодушно видѣть почтеннаго старца посреди разныхъ усачей самонадѣянныхъ, заносчивыхъ, болтавшихъ всякій вздоръ и обращавшихся съ нимъ слишкомъ за-просто“ [526]). Какъ бы то ни было, пріѣздъ Шишкова въ Москву былъ чрезвычайно благопріятенъ для Венелина. Чрезъ Аксакова сблизился съ Шишковымъ и Погодинъ, который писалъ Шевыреву: „Познакомился еще я покороче съ Шишковымъ, который здѣсь на водахъ. Очень любопытно слышать этого девяносто-лѣтняго старика, который съ жаромъ юноши говоритъ о Славянскомъ языкѣ; при томъ онъ знаетъ много примѣчательныхъ анекдотовъ о послѣднихъ царствованіяхъ“ [527]). Вскорѣ по пріѣздѣ Шишкова, Погодинъ уѣхалъ въ Малороссію, и Аксаковъ писалъ ему: „Шишковъ жалѣетъ, что вы уѣхали. Онъ непре-

---

*) Род. 16 марта 1753 года.

мѣнно желаетъ читать *Московскій Вѣстникъ* и я сейчасъ его къ нему посылаю" [528]). По возвращеніи въ Москву, Погодинъ еще засталъ Шишкова и часто навѣщалъ его вмѣстѣ съ С. Т. Аксаковымъ. По поводу одного посѣщенія, Погодинъ отмѣтилъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Къ Шишкову по дѣлу о Болгаріи. Не такъ жарко принялъ" [529]). Наконецъ Аксакову удалось представить Шишкову Венелина и устроить его путешествіе по Болгаріи на счетъ Россійской Академіи [530]). „Сію минуту", - писалъ Аксаковъ Погодину,— „мы проводили старика. Дѣло Юрія Ивановича Венелина взяло самый рѣшительный и благопріятный оборотъ, благодаря стараніямъ Шаховскаго. Въ то время, когда Погодинъ былъ въ Малороссіи, Аксаковъ писалъ ему: „Мы съ Венелинымъ вмѣстѣ хлопочемъ о предисловіи къ его *Болгарамъ*. Право, это для меня и затруднительно, и щекотливо: онъ о васъ говорилъ, а книга печатается на ваши деньги. Напрасно вы мнѣ не сказали объ этомъ прежде" [531]). Такимъ образомъ, предисловіе къ книгѣ Венелина, надѣлавшее, какъ мы увидимъ, столько хлопотъ, печаталось въ отсутствіе Погодина. Въ то время, когда книга Венелина была отпечатана, Полевой, какъ сообщалъ Погодину Снегиревъ, поѣхалъ въ Петербургъ „съ *Исторіею*, женою и травникомъ, т. е. Максимовичемъ" [532]). Въ книжной лавкѣ Смирдина Полевой впервые познакомился съ книгою Венелина и не замедлилъ написать на нее рецензію, которую тотчасъ же отправилъ въ Москву, для напечатанія въ *Телеграфѣ*. Рецензія самая ядовитая. „Есть два рода невѣжества,—писалъ Полевой,—одно неученое, другое ученое, и второе гораздо смѣшнѣе и несноснѣе перваго. Оно производило Рудбековъ, Тредьяковскихъ, Эминыхъ и въ наше время произвело книгу г. Венелина. Мы не говорили бы такъ сильно, если бы не видѣли въ г. Венелинѣ упрямства, хвастовства и насмѣшливости, не только неприличныхъ ученому писателю, но и самому разсказчику о похожденіяхъ царя Картауса Ѳеодуловича. Главная мысль автора, что Булгары были Славяне, но этого мало: онъ почитаетъ славянами Гунновъ, Аваровъ, Хозаровъ; утвер-

ждаетъ, что Аттила былъ Славянинъ и что Русскіе произошли отъ Роксоланъ, словомъ, нельзя читать книги г. Венелина не смѣясь, и смѣяться не досадуя, что въ нашъ вѣкъ еще осмѣливаются выползать на бѣлый свѣтъ литературныя чудовища такого рода. Кажется, что подобныя созданія не стоятъ критики. Не понимаемъ только, какъ М. П. Погодинъ могъ одобрить книгу г. Венелина и даже дать ему средства напечатать ее! Онъ, конечно, хотѣлъ подшутить надъ нами, но, Богъ знаетъ, сдѣлаетъ ли подобная шутка честь его собственной литературной извѣстности" [333]) Погодинъ же писалъ Шевыреву: „Книга Венелина вышла. Полевой разругалъ ее до-нельзя въ своемъ нумерѣ, который вышелъ въ одинъ день съ нею. Мочи нѣтъ въ иную минуту отъ этого невѣжества" [534]). Противъ Полевого выступилъ нѣкто въ *Галатеѣ* Раича и утверждалъ, что Полевой, не читавъ книги, заранѣе написалъ, или, какъ говорятъ, прислалъ изъ Петербурга краткое ругательство, дабы встрѣтить имъ сочиненіе Венелина [535]). На это Полевой отвѣчалъ: „въ *Московскомъ Телеграфѣ* помѣщено было библіографическое извѣстіе о книгѣ Венелина. Я могъ полагать, что самъ г. Венелинъ или кто-нибудь другой, кому это извѣстіе не понравится, станетъ отвѣчать на него и потребуетъ доказательствъ моего мнѣнія. Мнѣніе мое изложено было въ нѣсколькихъ строкахъ, потому что сочиненіе Венелина не стоитъ подробнаго разбора: это нелѣпость, превосходящая вѣроятіе и достойная Тредьяковскаго и Рудбека или Саларича и Апендина, коихъ сочиненія могутъ видѣть читатели въ 1-й книжкѣ повременнаго изданія Россійской Академіи (Спб., 1829 г., ч. I). Я сказалъ мнѣніе свое рѣзко для авторскаго честолюбія Венелина, потому что онъ осмѣлился съ неуваженіемъ говорить о Шлецерѣ, Карамзинѣ и другихъ людяхъ, достойныхъ глубокаго почтенія нашего. Надобно было остановить дерзость молодого литератора; при томъ нельзя было не пожалѣть о г. Погодинѣ, который, по собственнымъ словамъ г. Венелина (въ предисловіи), далъ ему средства напечатать его смѣшное произведеніе.

Ожиданіе отвѣта меня не обмануло, и отвѣтъ явился въ *Галатеѣ*, отвѣтъ неслыханный въ лѣтописяхъ литературы! Оставляю безъ вниманія дерзости, наглости. Кто не знаетъ *Галатейныхъ* критикъ? Но мнѣ говорятъ: 1) что я не могъ видѣть книги, писавши извѣстіе о ней, ибо она тогда еще не выходила въ свѣтъ, и я былъ въ Петербургѣ, а 16-я книжка *Телеграфа* издана безъ меня; 2) что я выдумалъ ей смѣшное названіе, ибо титулъ книги есть слѣдующій: *Древніе и нынѣшніе Болгаре, въ политическомъ, народописномъ, историческомъ и религіозномъ ихъ отношеніи къ Россіянамъ. Историческо-критическія изысканія:* только; слѣдственно, смѣшныя, далѣе слѣдующія слова: „*коими опредѣляется, вопреки общепринятому мнѣнію, происхожденіе, колыбель и древности сихъ двухъ племенъ въ частности, и Славянъ, и нѣкоторыхъ другихъ народовъ вообще, и разрѣшаются многіе важнѣйшіе вопросы изъ древней Исторіи Россіи*“, выдуманы мною; 3) что я солгалъ, сказавши, будто г. Погодинъ далъ средства Венелину напечатать его книгу, и что въ предисловіи къ книгѣ ничего объ этомъ нѣтъ.

Изъ всего выводится слѣдующее: „Полевой слышалъ о книгѣ Венелина, прежде даже хвалилъ его трудъ, просилъ статьи въ свой журналъ; но потомъ одумался, и, убоясь, чтобы изысканія Венелина не разрушили старинныхъ мнѣній о Славянахъ, а въ томъ числѣ, не погубили бы и его собственныхъ историческихъ бредней, не читавъ книги, заранѣе написалъ или, какъ говорятъ, прислалъ изъ Петербурга краткое ругательство, дабы встрѣтить имъ сочиненіе Венелина, а достойные его клевреты напечатали брань на книгу, еще не вышедшую даже изъ типографіи, назвали ее (что? брань или книгу?) такъ, какъ она не называется, и нашли то, чего въ ней нѣтъ“. Жалкіе люди! Жалкій г. —въ, который подписался подъ статейкою *Галатеи*! Неужели онъ не чувствуетъ, что статейка эта совершенно убиваетъ книгу его кліента, Венелина? Г-нъ —въ и не думаетъ защищать достоинства книги, слѣдственно, читатели могутъ понять, каково это бѣд-

ное созданіе! Далѣе: г. Погодинъ (ибо безъ согласія его г-нъ —въ не могъ за него говорить) отпирается, утверждаетъ, что онъ не давалъ средствъ напечатать книгу. Пусть судятъ читатели и по этому, какова книга, что отъ нея, какъ отъ чумы, отказываются добрые люди! Если книга хороша, что за безчестіе пособить сочинителю напечатать ее?

И такъ, участь книги г. Венелина рѣшена: о ней ни слова болѣе. Но меня обвиняютъ, съ прибавленіемъ ругательствъ, которыя да благоволятъ, кому угодно, прочитать въ *Галатеѣ,* что я прежде хвалилъ, просилъ статей, потомъ пугался, писалъ, не читавъ книги, и проч. и проч. Я столько уважаю доброе мнѣніе обо мнѣ читателей *Телеграфа*, что не для *Галатейныхъ* критиковъ, которымъ улыбка презрѣнія моя плата, а для моихъ читателей, рѣшаюсь изъяснить все дѣло. Тутъ увидятъ они, кто кого просилъ, кто пугался и каково безстыдство Венелина, Погодина, г-на —ва и всего этого *Галатейнаго* гнѣзда литературныхъ сплетней.

Года два, три тому назадъ появился въ Москвѣ г. Венелинъ, уроженецъ Карпато-Русскій, и началъ учиться въ Московскомъ Университетѣ. Онъ искалъ моего знакомства, и я ласково принялъ этого юношу, который показался мнѣ очень добрымъ. Мнѣ пріятно было говорить съ нимъ объ его родинѣ, о тѣхъ Славянскихъ земляхъ, гдѣ онъ бывалъ; онъ спрашивалъ о многомъ у меня, бралъ книги, которыя были ему надобны, и я охотно давалъ ихъ, желая всегда быть полезнымъ, сколько могу. Слыша отъ Венелина, что онъ почитаетъ Булгаровъ Славянами, я охотно готовъ былъ помѣстить его статью о семъ предметѣ въ *Телеграфѣ.* Для пробы Венелинъ, помнится въ прошломъ году, принесъ ко мнѣ статью; я прочиталъ ее, увидѣлъ сущіе пустяки и не помѣстилъ въ *Телеграфѣ:* статья эта цѣла, и теперь валяется она въ моихъ старыхъ бумагахъ; если угодно, я выставлю ее въ конторѣ *Телеграфа* на показъ. Послѣ того я уже ни слова не говорилъ съ Венелинымъ о Булгарахъ; что касается до славянизма Аттилы, Роксолановъ и прочаго,

нагороженнаго имъ, Венелинымъ, въ своей книгѣ, я отъ него и прежде не слыхалъ ни слова. Вѣроятно, онъ совѣстился говорить объ этомъ со мною, видя, что я хорошо знаю предметъ и, по привычкѣ моей, скажу правду въ глаза, не только Венелину, но и всякому другому. Потомъ вдругъ услышалъ я, что Погодинъ издаетъ составленное Венелинымъ огромное сочиненіе о Булгарахъ. Невольно дивился я этому слуху, ибо, зная, что Погодинъ съ успѣхомъ занимался Русскою исторіею, я не понималъ, что̀ онъ нашелъ въ Венелинѣ и его мечтахъ о Булгарахъ. Впрочемъ, всякому вольно думать и печатать по-своему. Въ августѣ мѣсяцѣ 1829 года, передъ отъѣздомъ въ Петербургъ, я видѣлъ Венелина: онъ приходилъ ко мнѣ просить Нѣмецкій подлинникъ Шлецерова Нестора. Не ожидая ничего добраго отъ безполезнаго труда, я ничего не говорилъ съ Венелинымъ о его книгѣ. Пріѣзжаю въ Петербургъ, живу тамъ и однажды, зашедши къ А. Ф. Смирдину, вижу у него книгу о Булгарахъ: г. Венелинъ разрѣшился. Мнѣ любопытно было просмотрѣть его созданіе, и я не могъ преодолѣть негодованія, какое оно во мнѣ возбудило. Тотчасъ послано было отъ меня краткое извѣстіе о книгѣ г. Венелина въ Москву и напечатано въ *Телеграфѣ*. Что же? Это извѣстіе перемутило всю братію. Они засуетились, заспорили, и вотъ у книги Венелина выдрали смѣшной титулъ, подъ какимъ видѣлъ я ее въ Петербургѣ, выдрали и предисловіе, въ которомъ авторъ упоминаетъ о г. Погодинѣ, напечатали вновь посвященіе А. С. Шишкову; имя Погодина замѣнили въ предисловіи именемъ г-на NN, придѣлали титулъ новый, предисловіе новое и, съ безстыдствомъ непостижимымъ, теперь кричатъ въ *Галатеѣ*, что я не видалъ книги, испугался, выдумалъ названіе, и т. д. Для чего все это? Не понимаю, да и вступаться въ чужіе разсчеты не мое дѣло; но я ссылаюсь на Смирдина, въ томъ, что книгу Венелина я точно въ Петербургѣ видѣлъ; видѣли ее и кромѣ меня многіе. Она была съ титуломъ и предисловіемъ, не тѣми, какіе у нея теперь. Я помню, что показывалъ ее Н. И. Гречу, какъ

вещь смѣшную. Она была съ предисловіемъ на XVI страницахъ и съ тѣмъ титуломъ, какой выписанъ въ *Телеграфѣ*. Нынѣшній титулъ и нынѣшнее предисловіе къ ней припечатаны и приклеены вновь: стоитъ взглянуть на книгу, чтобы въ этомъ удостовѣриться. Прошу еще заглянуть въ № 73 *Московскихъ Вѣдомостей:* тамъ напечатано о ней на стр. 3404 объявленіе, въ коемъ выставленъ прежній титулъ. Кажется, довольно для моего оправданія?

Надобно ли послѣ этого пояснять безстыдство г-на —ва, и то, кто испугался: я или Венелинъ съ братіею? Чего они хотятъ? Неужели прежде не успѣли они обдумать, что книга нелѣпа? Неужели думали, что эту нелѣпость я похвалю? Неужели думали, что я не въ силахъ открыть ихъ ничтожныхъ уловокъ? Стыжусь за Венелина и его товарищей и надѣюсь, что смѣхъ людей безпристрастныхъ довольно наградитъ ихъ за проказы, впрочемъ, дѣтскія и забавныя. Хороши литераторы: одинъ пишетъ вздоръ и только теперь это узнаетъ; другой даетъ денегъ на напечатаніе этого вздора, а потомъ пугается и скрываетъ себя подъ именемъ г-на NN.; третій берется защищать и, какъ ребенокъ, грозитъ, бранится, пока двое первыхъ выдираютъ титулъ и предисловіе книги! Жалкіе, забавные люди!" [536]). Противъ этой статьи Полевого возсталъ въ *Галатеѣ* самъ Венелинъ; но статьею его Погодинъ остался очень недоволенъ. „Прочелъ статью въ *Галатеѣ* Венелина и взбѣсился. Чортъ знаетъ, что̀ написалъ онъ тамъ. И это припишутъ моему вліянію, ибо живу вмѣстѣ съ нимъ. И что за двуличіе! Я самъ пишу тихо, а другихъ спускаю съ цѣпи. Ругался съ Венелинымъ"; но Кубаревъ „немного ободрилъ" Погодина слѣдующимъ доводомъ: „Вѣдь Венелина разругали, и онъ естественно по себѣ отбраниваться можетъ", и этотъ доводъ его примирилъ съ Венелинымъ [537]). Вмѣстѣ съ тѣмъ и С. Т. Аксаковъ писалъ Погодину: „Мнѣ весьма прискорбно, что вы такъ близко къ сердцу приняли статью Венелина. Я не читалъ *Галатеи* и не оправдываю Юрія Ивановича. Впрочемъ, успокойтесь, имя благороднаго человѣка

ни Полевой, ни подобные ему подлецы нисколько замарать не могутъ: и враги ваши васъ уважаютъ. Это не слово, а истина“ [538]). Но статьи Полевого, не смотря на всѣ утѣшенія, задѣли Погодина за живое. Въ *Дневникѣ* своемъ онъ отмѣтилъ: „Ужасную досаду причинилъ Полевой своею второю выдумкою, будто бы я отпираюсь отъ книги Венелина послѣ его рецензіи, выдралъ предисловіе. Онъ хочетъ обвинить меня въ *Галатеѣ*. Равнодушный къ ихъ выходкамъ, эту прочелъ съ волненіемъ“ [539]). Погодинъ счелъ необходимымъ отвѣтить Полевому. „Книгу Венелина издалъ я“,—писалъ онъ,—„на свой счетъ, воспользовавшись нѣкоторыми особливыми обстоятельствами, о коихъ не нужно знать публикѣ. Послѣдній и первый листъ съ заглавіемъ и предисловіемъ напечатаны были во время моей отлучки въ Малороссію. Возвратясь и увидѣвъ въ предисловіи комплименты себѣ, слишкомъ неумѣстные въ книгѣ, изданной на мой счетъ, я упросилъ автора не упоминать о моемъ имени и перемѣнить предисловіе, а вмѣстѣ и заглавіе, которое мнѣ не понравилось по другимъ причинамъ.

Авторъ исполнилъ мою просьбу, и книга вышла въ свѣтъ съ новымъ заглавіемъ и предисловіемъ. Въ тотъ же день вышло и бранное извѣстіе о ней въ *Телеграфѣ*, подъ прежнимъ заглавіемъ.

Г-нъ —въ, видя въ книгѣ одно заглавіе, а въ *Телеграфѣ* — другое, въ слѣдующемъ нумерѣ *Галатеи* обвинилъ *Телеграфъ* въ выдумкѣ: онъ поступилъ такъ или не зная о прежнемъ предисловіи и заглавіи, или желая упрекнуть *Телеграфъ* въ незаконномъ пріобрѣтеніи книги съ прежнимъ заглавіемъ и предисловіемъ, съ коими ни одного экземпляра не пущено въ продажу, а только подано три въ цензуру, немедленно перемѣненные.

Теперь открылось, что г. Полевой видѣлъ у г. Смирдина экземпляръ, посланный ему еще до перепечатанія, какъ новость, г. Ширяевымъ, безъ вѣдома автора и издателя. И такъ, до сихъ поръ, касательно заглавія и предисловія (до прочаго мнѣ дѣла нѣтъ), оба правы: и *Телеграфъ*, и г-нъ —въ. Но *Те-*

леграфъ не удовольствовался своимъ оправданіемъ; онъ сталъ утверждать, что предисловіе и заглавіе перепечатаны вслѣдствіе его рецензіи; между тѣмъ, какъ она вышла въ одинъ день съ книгою; онъ сталъ утверждать, что я отпираюсь отъ изданія книги, между тѣмъ, какъ я нигдѣ до сихъ поръ не напечаталъ о ней ни одного слова, и не думаю отпираться отъ нея такъ, какъ и отъ всякаго своего дѣйствія; онъ... но оставимъ по прежнему всѣ его оскорбительныя предположенія, догадки, выраженія: я не сталъ бы писать даже и этой страницы безъ необходимости, которую читатели видятъ сами. Теперь два слова о книгѣ г. Венелина, о которой въ VI-й части *Московскаго Вѣстника* предложено будетъ подробное извѣстіе. Кто прочелъ хоть одну лѣтопись среднихъ вѣковъ, хоть даже только первую главу въ *Исторіи* Карамзина, тотъ вѣрно удивлялся множеству народовъ, которые безпрестанно рождались и вымирали въ среднія времена. Что за фантасмагорія? Кому также казалось непонятнымъ внезапное разселеніе въ VI-мъ вѣкѣ Славянскихъ племенъ, о коихъ прежде и не слышно было, по всей средней и восточной Европѣ, отъ Адріатическаго моря до Балтійскаго? Откуда взялось ихъ вдругъ такое множество? Наконецъ, при первомъ взглядѣ на статистическую таблицу, по прочтеніи Дюпеня, нельзя не быть поражену числомъ Славянъ въ сравненіи съ числомъ всѣхъ прочихъ народовъ, древнихъ и новыхъ. Убѣдительное доказательство ихъ относительной древности. Сіи три замѣчанія, вѣроятно, занимали многихъ, но никто, воспитанный въ строгомъ правилѣ Шлецеревой критики, не думать о народѣ до появленія его въ лѣтописи, не смѣлъ отъ VI-го вѣка оглядываться назадъ и искать Славянъ ранѣе. Венелинъ предлагаетъ мысль, новую и смѣлую, что Славяне прежде VI-го вѣка жили подъ другими именами, и, руководимый свидѣтельствами, старается снять съ нихъ оныя.

Хорошо, еслибы онъ могъ примѣнить къ себѣ слова Шлецера: „первый, кто изгналъ изъ Французской исторіи Пріама, изъ Британской—Брута, изъ Нѣмецкой—Сакса и

Франка и т. д., вѣрно отъ современниковъ своихъ былъ почтенъ за невѣрующаго и даже нажилъ враговъ: второе поколѣніе само уже начало сомнѣваться, а третье совершенно примирилось съ первымъ невѣрующимъ и даже сдѣлалось ему благодарнымъ". Пусть ученые произнесутъ ему судъ, и если даже они утвердятъ, что молодой авторъ слишкомъ иногда увлекается своею мыслью, то, по крайней мѣрѣ, не откажутъ ему въ разнообразныхъ познаніяхъ, отличныхъ способностяхъ, діалектическомъ искусствѣ, многихъ открытіяхъ. Смѣяться очень легко надъ подобнымъ новымъ историческимъ мнѣніемъ, особливо безъ доказательствъ, но такимъ смѣхомъ пріобрѣтается не честь" [540]). Но и Полевой не сдавался и, въ формѣ письма, отвѣчалъ М. П. Погодину: „Статейка, напечатанная вами въ *Московскомъ Вѣстникѣ,* вынуждаетъ меня сказать вамъ нѣсколько словъ, послѣ противныхъ всякой литературной благопристойности статеекъ г. Г—ва и г. Венелина (которому я не хочу отвѣчать), ваша кажется скромнымъ литературнымъ отзывомъ. Вы въ ней позволяете себѣ однакожъ довольно нескромныя выраженія; но быть такъ, когда такъ завелось въ Русской журнальной полемикѣ. Вы сами сознаетесь, что книга Венелина издана вами, г. Г—въ утверждалъ, что я взвожу на васъ небылицу. Я видѣлъ книгу Венелина, читалъ ее и потомъ написалъ о ней извѣстіе; въ этомъ вы согласны. г. Г—въ рѣшительно осмѣливался утверждать, что я писалъ, не читавши книги. Имя ваше при перепечаткѣ предисловія замѣнено буквами: NN. Въ правѣ ли былъ я, видя это и слыша отверженіе ваше въ лицѣ г. Г—ва, думать, что вы стыдитесь, издавши книгу вздорную? Отъ извѣстія ли моего перепечатано предисловіе, не знаю; знаю только, что объявленіе о продажѣ книги въ № 73 *Московскихъ Вѣдомостей* было сдѣлано подъ старымъ ея названіемъ; слѣдственно, подъ прежнимъ титуломъ и съ прежнимъ предисловіемъ была она сначала пущена въ продажу. Имѣяй уши слышати, да слышитъ.

Словомъ: вы меня оправдали во всѣхъ обвиненіяхъ г-на —ва,

и я охотно признаю, что вы не принадлежите къ числу *Галатейныхъ* ратоборцевъ, какъ я думалъ прежде, полагая, что г-нъ —въ писалъ съ вашего дозволенія и согласія. За-то хочу я услужить вамъ добрымъ совѣтомъ: велите перепечатать ваши *Два Слова* о книгѣ г. Венелина. Пусть Венелинъ говоритъ, что хочетъ; пусть въ *Атенеѣ* *) пишутъ о его книжицѣ, какъ о твореніи Карпато-Русскаго Нибура и Геерена; но вы, заслуживши почетное вниманіе знатоковъ своими сочиненіями и переводами касательно Исторіи Руссовъ и Славянъ, могли-ли вы написать о книгѣ Венелина все то, что вы написали? Не понимаю!

Можете-ли вы удивляться множеству народовъ, исчисленныхъ въ 1-й главѣ *Исторіи Государства Россійскаго* Карамзина? Неужели вы только тутъ съ ними познакомились? Неужели вы такъ худо знаете исторію среднихъ временъ, и не понимаете, что Карамзинъ представилъ только неискусно Исторію сихъ народовъ; но что знающему другихъ писателей исторія переселеній въ Средніе Вѣки ясна, понятна, а совсѣмъ не фантасмогорія? 2) Какъ вы не совѣститесь показать такое незнаніе Исторіи Славянъ, что разселеніе ихъ изумляетъ васъ? Вы, или шутите, или, въ самомъ дѣлѣ, худо знаете Исторію! 3) И вы утверждаете, что Венелинъ предлагаетъ мысль новую, смѣлую; вы примѣняете къ нему слова Шлецера? Милостивый государь! да что же опровергали Байеры, Шлецеры, Тунманы, если не сказки, которыя возобновляетъ Венелинъ? Что же утверждали *Синопсисы*, Татищевы, Лызловъ, Раичъ (не Семенъ Егоровичъ: онъ невиненъ; я разумѣю Серба Раича)? Что говорилъ Тредьяковскій въ трехъ разсужденіяхъ своихъ? То, что теперь говоритъ и утверждаетъ Венелинъ! И это для васъ ново, смѣло? Подумайте, милостивый государь!

Вы говорите, что смѣхъ надъ мнѣніемъ Венелина, „особливо безъ доказательствъ“ неприличенъ, ибо-де (извините, что употребляю вашу любимую частичку) „такимъ смѣхомъ пріобрѣтается не честь“. Милостивый государь! Если честь

*) Писалъ А. М. Кубаревъ.

пріобрѣтается согласіемъ на мнѣнія, подобныя мнѣніямъ Венелина, то я отказываюсь отъ этой чести!

„Пусть ученые произнесутъ ему судъ“, говорите вы. Помилуйте, милостивый государь!... Мы съ вами не ребята; неужто мнѣнія чужія только святы. Дѣло идетъ не о гіероглифахъ Египетскихъ; предметъ знакомый вамъ, составляющій ваше исключительное занятіе, и вы, профессоръ Исторіи, прикидываетесь немогузнайкою! Да что же вы знаете, милостивый государь?

„Если даже и утвердятъ, что Венелинъ слишкомъ иногда увлекается своею мыслью, то, по крайней мѣрѣ, не откажутъ ему въ разнообразныхъ познаніяхъ, отличныхъ способностяхъ, діалектическомъ искусствѣ, многихъ открытіяхъ“. Будьте откровеннѣе, милостивый государь; скажите лучше, что вы сдѣлали ошибку и теперь для закрытія оной вертитесь всячески. Вѣроятно, вы не читали книги, напечатали, не читавши, повѣривъ на слово; теперь видите ошибку свою, и вотъ всклепываете на себя незнаніе, отнѣкиваетесь, отмалчиваетесь, говорите двусмысленно, чтобы только прикрыть ошибку свою. Докажите и смѣлость, и искренность свою; скажите прямо: 1) Подтверждаете ли вы основную мысль и подробности книги Венелина, какъ истины, въ противность Тунману, Шлецеру и другимъ знаменитымъ людямъ? 2) Подтверждаете ли вы, что мысль Венелина есть новая, вѣрная истина, а не старыя сказки Татищевыхъ и Раичей? 3) Утверждаете ли вы, что Исторія переселенія народовъ въ среднія времена, также Исторія Славянъ и Варяговъ безъ книги Венелина для васъ непонятны, и что всѣ донынѣ извѣстныя изысканія ученыхъ уничтожаются передъ выводами Венелина? Утвердите все это прямо, безъ уловокъ, и я изъ вашихъ же сочиненій и переводовъ берусь доказать вамъ противное. Какъ вамъ это покажется? Скучно опровергать вздоръ, но за то не трудно. Только входить въ состязаніе съ Венелинымъ я не стану. Если ваше имя придастъ его книжицѣ авторитетъ, такъ и быть: поговоримъ о томъ, правда ли, что Аттила значитъ

Тѣланъ; что онъ и Гунны его были Славяне; что Булгары были Славяне; что Меровингъ значитъ Мировой и проч., и проч. Теперь отъ васъ зависитъ, чтобы сказки Венелина были опровергнуты порядкомъ. Утвердите ихъ! Только мнѣ право напередъ смѣшно и за васъ совѣстно.

Что касается до познаній, способностей, открытій Венелина, то стоитъ прочесть разговоръ, какой заставляетъ онъ меня имѣть съ книгою его въ *Галатеѣ*, и эпилогъ къ этому разговору. Тутъ на нѣсколькихъ страничкахъ собрано столько ругательствъ, клеветъ, лжей, безстыдныхъ наглостей литературныхъ, надѣлано столько ошибокъ противъ здраваго смысла, языка, всѣхъ приличій и вкуса, что едва ли кто нибудь, кромѣ Венелина, можетъ это сдѣлать. Я согласенъ съ вами, что это верхъ діалектическаго искусства, только такого, которымъ (повторяю ваши слова) пріобрѣтается не честь“ [541]). Подъ впечатлѣніемъ этой полемики Венелинъ писалъ Шевыреву: „Какъ вы счастливы, что ходите по тѣмъ мѣстамъ, по коимъ носились стопы Овидіевъ, Виргиліевъ и старика Сенеки; какъ мы несчастны, что живемъ въ сосѣдствѣ съ литературными нахалами, терзающими, подобно бѣшенымъ собакамъ, всякаго проходящаго по сценѣ литературной“. Какъ бы то ни было, нападки Полевого очень тревожили и самого Погодина, и онъ писалъ къ тому же Шевыреву: „Встревоженъ наглою статьею Полевого, въ которой онъ лжетъ на меня и приписываетъ чортъ знаетъ чтò по поводу изданія книги Венелина. Это произвело на меня непріятное впечатлѣніе. Между тѣмъ изъ Академіи получено извѣстіе, что она даетъ шесть тысячъ на путешествіе. Но если этотъ невѣжа помѣшаетъ исполненію своими воплями!“ Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ бы сознавая силу Полевого, Погодинъ въ томъ же письмѣ замѣчаетъ: „Какъ мнѣ жаль, горько, что я по обстоятельствамъ принужденъ дѣйствовать на низкомъ поприщѣ съ презрѣнными бойцами. Говорилъ я вамъ, господа, что не должно нападать на нихъ до тѣхъ поръ, пока сами не представимъ чего либо важнаго. Вы не послушались меня и

компрометировались. Ну, скажи мнѣ, правъ ли я былъ? Нѣкоторые изъ васъ думали прежде, что я говорилъ такъ потому, что меня выгораживали литературные негодяи. Теперь я такъ обруганъ ими, выпилъ такую чашу, какой не подносили еще никому, и повторяю то-же. Надо мною еще собирается буря: нашъ литературный тріумвиратъ хочетъ стереть меня съ лица земли; я это вижу; теперь по поводу книги Венелина есть много орудій подлецамъ. О, если только я сдѣлаю что нибудь большое, чему только зародышъ еще таится въ глубинѣ моей души, я покрою стыдомъ нашихъ корифеевъ, которые соблюдаютъ теперь преступное молчаніе. Я сдѣлаю, я сдѣлаю это; душа мнѣ говоритъ это, и она не обманетъ. Впередъ! За науку, за Русь!"

Но какимъ же *стыдомъ могъ покрыть* Погодинъ *нашихъ корифеевъ*, т. е. И. И. Дмитріева, Жуковскаго, князя Вяземскаго, Пушкина? Но люди эти были искренними доброжелателями, если не сказать, благодѣтелями Погодина! Не могли же они быть равнодушными или сочувствовать критикѣ Арцыбашева на Карамзина или статьямъ Надеждина о Пушкинѣ! Да къ тому же, хотя Аксаковъ и писалъ Шевыреву, что „бездѣльникъ Полевой къ стыду нашего вѣка покуда торжествуетъ" [542]); но въ глубинѣ своей души Погодинъ самъ не довѣрялъ труду Венелина и проговаривался въ своемъ *Дневникѣ*: „Боюсь я нѣсколько за Венелина и себя: не старыя ли погудки на новый ладъ. Мало документовъ и литературныхъ знаній—вотъ бѣда" [543]). Этимъ недовѣріемъ объясняются и его запросы о книгѣ Венелина. „Скажите мнѣ свое мнѣніе",—писалъ онъ Востокову,—„о книгѣ г. Венелина. Я безмолвно дивился прежде, что Славяне въ VI-мъ столѣтіи вдругъ заняли всю среднюю Европу, и теперь обрадовался мысли, что они прежде могла скрываться подъ другими именами" [544]). Осторожный Востоковъ уклонился отъ отвѣта, но Арцыбашевъ прямо писалъ: „Книгу г. Венелина прочиталъ я очень внимательно и вотъ что́ скажу о ней въ нѣсколькихъ строкахъ, поелику вы того желаете: она изложена *по*

Шлецеровски, то есть *игриво*, только не достаетъ индѣ бездѣлицы: убѣдительныхъ доказательствъ Шлецеровыхъ; а это не радуетъ меня, полагающаго, что шутливая историческая критика похожа на попа, пляшущаго въ ризахъ. Порча, или лучше сказать, ославеніе именъ собственныхъ также не по моему вкусу; если россіянинъ станетъ имена славенить, нѣмецъ — нѣмчить, татаринъ – татарить, китаецъ – китаить, то и будемъ мы, какъ Нѣмецкіе кривотолки, считать *Ивановымъ* — *Киноваревымъ*. Въ книгѣ *Древніе и нынѣшніе Болгаре* нахожу я неоспоримо истиннымъ то, что *Гунны были не Монголы*; вѣроятнымъ, что Гунны суть Меотискіе Болгары; сомнительнымъ, что Болгары—Славяне; нигдѣ и никогда не слыхалъ въ древней Волжской Болгаріи Славянскаго названія, да и имена старинныхъ вождей Болгарскихъ (напр., Органъ, Кувратъ, Аспарухъ, Котрагъ) звукомъ своимъ ближе къ Татарскому, хотя и можетъ придти въ голову, что Меотискіе Болгаре, живучи подлѣ Антовъ, немного ославенились; а совершенно несправедливымъ то, что будто бы Козары суть Славяне. Но я не рѣшился изъ письма моего сдѣлать критическій разборъ. Говорить правду значитъ терять дружбу, которую я намѣренъ еще пріобрѣсти у г. Венелина, и стремленіе его къ изысканію истины весьма почитаю". Не восторженный отзывъ Погодинъ получилъ и отъ Кеппена. „О книгѣ г. Венелина, — писалъ онъ, — „я ничего сказать не могу. Другіе недовольны диктаторскимъ слогомъ и недостаточнымъ уваженіемъ къ мужамъ первокласнымъ. Къ тому же, пользуясь доводами, въ свою пользу пріисканными, авторъ иногда опускаетъ то, что́ могло бы служить къ его опроверженію или къ ослабленію его доводовъ. На Греческій текстъ въ сочиненіи Стриттера г. Венелинъ не обращаетъ вниманія" [545]). Все это очень огорчало Погодина, но болѣе всего его огорчало то, что студенты не покупаютъ книги Венелина [546]).

Въ то время, когда Полевой по пріѣздѣ въ Петербургъ на лету изучалъ сочиненіе Венелина о Болгарахъ и торопился писать рецензію на эту книгу, еще не вышедшую

въ свѣтъ, любезный спутникъ его М. А. Максимовичъ уединялся въ Ботаническій садъ и тамъ въ бесѣдахъ своихъ съ директоромъ онаго Фишеромъ повѣрялъ и пополнялъ свои ботаническія знанія. Кромѣ того Максимовичъ посѣщалъ своихъ земляковъ и у одного изъ нихъ за чаемъ, въ сообществѣ еще нѣсколькихъ Малороссіянъ, впервые увидѣлъ и познакомился съ будущимъ знаменитымъ авторомъ *Мертвыхъ душъ* [547]). Гоголь въ это время только что кончилъ курсъ въ Нѣжинскомъ лицеѣ и робко выступалъ на литературное поприще, подъ псевдонимомъ — В. Алова съ своею поэмою *Ганцъ Кюхельгартенъ*, которую Полевой обругалъ въ *Московскомъ Телеграфѣ*. „Издатель сей книжки", —писалъ Полевой, — „говоритъ, что сочиненіе г. Алова не было назначено для печати, но что *важныя для одного автора* причины побудили его перемѣнить свое намѣреніе. Мы думаемъ, что еще важнѣйшія причины имѣлъ авторъ не издавать своей идилліи. Достоинство слѣдующихъ стиховъ укажетъ на одну изъ сихъ причинъ:

Мнѣ лютыя дѣла не новость;
Но демона отрекся я,
И остальная жизнь моя —
Заплата малая моя
За остальную жизни повѣсть.

„Заплатою такихъ стиховъ", —остритъ Полевой, — „должно бы быть сбереженіе оныхъ подъ спудомъ" [548]). Рецензія эта произвела на Гоголя тяжкое впечатлѣніе и у него „сердце сжалось болѣзненною скорбью". Онъ бросился съ своимъ вѣрнымъ слугой Якимомъ по книжнымъ лавкамъ, отобралъ у книгопродавцевъ экземпляры, нанялъ нумеръ въ гостинницѣ и сжегъ всѣ до одного. При такихъ обстоятельствахъ началось знакомство Гоголя съ Максимовичемъ, перешедшее вскорѣ въ тѣсную, неразрывную дружбу. Погодина же Гоголь въ это время зналъ только какъ писателя и, повидимому, уважалъ его; ибо только ему да Плетневу онъ отправилъ incognito своего сожженнаго *Ганца Кюхельгартена* [549]).

XLIX.

Личные труды Погодина въ описываемое время были довольно разнообразны. Онъ продолжалъ трудиться надъ давнишнимъ своимъ переводомъ Славянской грамматики Добровскаго. „Я“,—писалъ онъ Шевыреву—„сижу надъ исправленіемъ Славянской грамматики.—Это не такъ легко, какъ я думалъ“ [550]). Между тѣмъ, въ началѣ марта 1829 года Погодинъ обратился къ Востокову съ просьбою принять на себя прочтеніе послѣдней корректуры его перевода [551]). Хотя Востоковъ и не сочувствовалъ этому труду Погодина, но не имѣлъ духу отказать ему въ его просьбѣ. „Съ прошлаго лѣта“,—писалъ онъ Погодину (отъ 4 іюня 1829 г.)—„и по сіе время я такъ былъ занятъ скопившимися въ одно время работами по двумъ библіотекамъ Публичной и Румянцовской, по Комитету разсмотрѣнія учебныхъ пособій, по Россійской Академіи и наконецъ по просьбамъ пріятелей, которые также присылали мнѣ свои корректурные листы, что мнѣ вовсе не оставалось свободнаго времени для корреспонденціи. Сверхъ того Н. И. Гнѣдичъ присылаетъ ко мнѣ уже съ полгода корректурные листы своей *Иліады,* чтобы я ему сообщалъ мои замѣчанія и совѣты. На-дняхъ просмотрѣна мною XVIII пѣснь. Это упражненіе служитъ мнѣ по вечерамъ отдыхомъ отъ дневныхъ работъ. Коль скоро удосужусь, охотно возьмусь просматривать послѣднюю корректуру вашего перевода *Грамматика* Добровскаго“ [552]). Погодинъ былъ въ восторгѣ отъ этого согласія. „Но былъ ли“, — справедливо замѣчаетъ Кочубинскій,—„радъ этому Востоковъ?... Не желаннаго и утомительнаго труда онъ понесъ массу: Погодинъ распоряжался имъ по свойски“ [553]). Самъ же Погодинъ не сидѣлъ усидчиво за этимъ, а занимался имъ урывками. „Такъ много въ головѣ скопилось, что не знаю, за что приняться“, — жалуется онъ Шевыреву,—„и то, и другое“ [554]). Дѣйствительно, въ то же время онъ пишетъ статью о *Святополкѣ* и читаетъ ее въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ [555]). „Я теперь

въ родахъ“,—извѣщаетъ онъ Шевырева,—„множество предметовъ обступило меня и пристаютъ: жизнь Ломоносова простонароднымъ языкомъ. Письма о Россіи Персіянина изъ свиты Хозрева Мирзы, который теперь у насъ Москвѣ веселится и играетъ съ барышнями въ кошку и мышку. Всѣ сіи сочиненія у меня обдуманы, планы приготовлены; только что писать, а не тутъ то было: не пишется. Они мѣшаютъ другъ другу“ [556]). Въ бумагахъ Погодина сохранилось начало его жизнеописанія Ломонова, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Господи благослови! Жизнь и чудныя похожденія Михаила Васильевича Ломоносова, который рожденъ въ крестьянствѣ, а умеръ почти генераломъ, который въ молодости ловилъ рыбу, а подъ старость училъ всякой мудрости православный народъ Русскій.* Въ *Дневникѣ* же своемъ Погодинъ жалуется: „сколько у меня теперь обдуманныхъ предметовъ и ничего не выливается“ [557]). Въ это же время у него зародилась мысль и приводилась въ осуществленіе написать трагедію *Мароа посадница.* Съ этою цѣлью онъ читаетъ Новгородскія Лѣтописи. О ходѣ этого труда мы узнаемъ изъ слѣдующихъ записей его *Дневника:*

Подъ 10 ноября 1829. „Попробовалъ карандашемъ послѣ обѣда на постели, а къ вечеру вылилось первое явленіе Мароы посадницы“.

Подъ 11 ноября. „Писалъ и удачно. Прочелъ Перевощикову, потомъ Аксакову. Потомъ прочту княжнѣ Трубецкой“.

Подъ 12 ноября. „Пишется. Помѣшали Аксаковъ, Веневитиновъ“.

Подъ 13 ноября. „Такъ и шевелится Мароа. Славныя штуки надумываются. Боюсь, что слишкомъ много дѣйствуетъ народъ“.

Подъ 16 ноября. „Минуты восторга по утру и вечеромъ. Превосходныя мѣста вылились въ рѣчи Мароы посадницы. Хотѣлъ было ѣхать въ Знаменское, но остался... ты *) любила меня, когда я беззвѣстенъ былъ и малъ,—теперь я дѣ-

*) Т. е. княжна А. И. Трубецкая.

лаюсь великимъ человѣкомъ, а ты... Въ самомъ дѣлѣ вѣдь чудеса предпринялъ я въ Маръѣ. Соединить устройство Французское съ частями Нѣмецкими, ужасъ безъ любви къ смерти, всю исторію Новгорода и удѣловъ и необходимость самодержавія". Въ это же время пріятель его М. А Максимовичъ задумалъ издавать альманахъ *Денницу*. „Надо приниматься за повѣсть для Максимовича",—отмѣчаетъ онъ въ своемъ *Дневникѣ* подъ 19 ноября 1829 года,—„съ вѣча перенестись къ мужикамъ". Въ то же время онъ приготовляетъ къ печати *Статистику* Кириллова, пишетъ другую повѣсть подъ заглавіемъ *Преступница*. „Чуть приткнулся писать",—отмѣчаетъ онъ въ своемъ *Дневникѣ* подъ 4 декабря 1829 г., „и полилося. Умственная дѣятельность у меня теперь необыкновенная". Рядомъ съ этими трудами и замыслами Погодинъ печатаетъ свое изслѣдованіе объ *Іоаннѣ Грозномъ* и предварительно читаетъ его въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ. „Въ наше бойкое время,—оговаривается Погодинъ,—нельзя пустить въ свѣтъ эту статью безъ оговорки. Да это уже есть, скажутъ иные, въ исторіи Карамзина и разсужденіяхъ Арцыбашева. Ваша правда милостивые государи, я только сложилъ сіи статьи, происшествія иначе, и взглянулъ на нихъ съ другой точки". Мы уже знаемъ, что Іоаннъ IV давно привлекалъ къ себѣ вниманіе Погодина, и по поводу напечатанной въ 1821 году въ *Вѣстникѣ Европы* статьи Арцыбашева *о свойствахъ царя Ивана Васильевича* онъ тогда же написалъ свои замѣчанія *) и только теперь, нѣсколько распространивъ ихъ, рѣшился выпустить въ свѣтъ. „Характеръ Іоанна IV",—пишетъ онъ,—„принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ характеровъ, кои назначаетъ, кажется, природа для ознаменованія въ нихъ всей силы своей. Рожденный въ вѣкѣ необразованномъ, среди народа грубаго, чуждаго просвѣщенію, стоявшаго на первой еще ступени гражданства, онъ явилъ способности необыкновенныя въ мудреной наукѣ правленія и, можетъ статься, лишилъ бы Петра

*) *Жизнь и Труды М. П. Погодина.* Спб. 1888. I 113—115.

славы быть первымъ государемъ въ Россіи, если бы судьба къ нашему несчастію не соединяла всѣхъ возможныхъ обстоятельствъ для совращенія его съ пути, ведшаго къ безсмертію: онъ сдѣлался тираномъ“. За симъ Погодинъ приступаетъ къ разсмотрѣнію причинъ сего гибельнаго переворота. Придя къ заключенію, что перемѣна въ свойствахъ Іоанновыхъ была готова задолго до смерти Анастасіи, Погодинъ замѣчаетъ, что Карамзинъ „слишкомъ рѣзкою уже чертою отдѣлилъ VIII томъ своей *Исторіи* отъ IX, сказавъ, что Анастасія унесла съ собою въ могилу добродѣтель „Іоаннову — отселѣ начало злу“; но Погодинъ полагаетъ, что „зло шло постепенно“ и что Карамзину „не хотѣлось бросить темную тѣнь на первую блистательную половину царствованія Іоанна, и потому все дурное отложилъ онъ ко второй“. Въ этой-же статьѣ своей Погодинъ устанавливаетъ и другую точку зрѣнія на Іоанна и находитъ, что не случайно родился онъ и дѣйствовалъ почти въ одно время съ Филиппомъ II въ Испаніи (1556—1598), Генрихомъ VIII въ Англіи (1509 - 1547), Христіаномъ II въ Даніи и Швеціи (1513 - 1523), Людовикомъ XI во Франціи (1461—1483). „Нѣтъ!“—восклицаетъ Погодинъ,—„пусть односторонніе писатели XVIII столѣтія и ихъ послѣдователи утверждаютъ, что дѣяніями человѣческими управляетъ случай! Мы повѣримъ лучше другимъ мыслителямъ, которые стараются доказать намъ, что міръ нравственный подчиненъ такимъ же строгимъ законамъ, какъ и міръ физическій; повѣримъ имъ и признаемъ въ сихъ несчастныхъ явленіяхъ души человѣческой необходимыя орудія вѣчныхъ судебъ. Въ XVI столѣтіи въ Европѣ должно было установиться самодержавіе на развалинахъ феодальной системы, и вотъ являются грозные во всѣхъ концахъ ея, на Востокѣ и Западѣ, Югѣ и Сѣверѣ, и утверждаютъ новый порядокъ вещей. Миръ ихъ праху!“ [558]).

Кромѣ того, Погодинъ написалъ большую статью о *Борисѣ Годуновѣ*. Увѣдомляя объ этомъ Шевырева (отъ 15 іюля 1829), онъ замѣчаетъ, что объ этой статьѣ „теперь шумятъ“ [559]).

Въ своихъ знаменитыхъ *Историческихъ воспоминаніяхъ и замѣчаніяхъ на пути къ Троицѣ*, Карамзинъ сказалъ: „Подлѣ Успенскаго собора врастаетъ въ землю маленькая, желѣзомъ крытая палатка, гдѣ погребена фамилія Годуновыхъ. Кто не остановится тутъ подумать о чудныхъ дѣйствіяхъ властолюбія, которое дѣлаетъ людей великими благодѣтелями и великими преступниками? Есть ли бы Годуновъ не убійствомъ очистилъ себѣ путь къ престолу, то исторія назвала бы его славнымъ государемъ, и царскія его заслуги столь важны, что русскому патріоту хотѣлось бы сомнѣваться въ семъ злодѣяніи: такъ больно ему гнушаться памятью человѣка, который имѣлъ рѣдкій умъ, мужественно противоборствовалъ государственнымъ бѣдствіямъ и страстно хотѣлъ заслужить любовь народа! Но что принято, утверждено общимъ мнѣніемъ, то дѣлается нѣкотораго рода святынею, и робкій историкъ, боясь заслужить имя дерзкаго, безъ критики повторяетъ лѣтописи. Такимъ образомъ исторія дѣлается иногда эхомъ злословія... Мысль горестная! Холодный пепелъ мертвыхъ не имѣетъ заступника, кромѣ нашей совѣсти: все безмолствуетъ вокругъ древняго гроба! Глубокая тишина его прерывается только благословеніями или проклятіемъ идущихъ мимо и читающихъ гробовую надпись. Что, если мы клевещемъ на сей пепелъ; если мы несправедливо терзаемъ память человѣка, вѣря ложнымъ мнѣніямъ, принятымъ въ лѣтопись безсмысліемъ или враждою?.. Но я пишу теперь не *исторію*" [560]). Эти слова Карамзина произвели, какъ мы уже знаемъ, сильное впечатлѣніе на Погодина, когда онъ былъ еще отрокомъ, и съ того времени онъ полюбилъ Бориса Годунова какъ бы человѣка ему давно знакомаго и родного *). Но когда Карамзинъ въ своей *Исторіи Государства Россійскаго* перемѣнилъ свое мнѣніе о Борисѣ, то Погодинъ на тридцатомъ году своей жизни выступилъ горячимъ защитникомъ царя Бориса и въ своемъ *Московскомъ Вѣстникѣ* напечаталъ: *Объ участіи Годунова въ убіеніи царевича Димитрія*. „Въ

*) *Жизнь и Труды М. П. Погодина*. Спб. 1888. I, 20.

жизни знаменитаго Годунова“, начинаетъ свою адвокатскую рѣчь Погодинъ, „представляется любопытный вопросъ: имѣлъ ли онъ участіе въ убіеніи Димитрія? До отвѣта на этотъ вопросъ, посмотримъ,—нужна ли была ему смерть царевича, и видно ли было изъ прежнихъ его дѣяній намѣреніе погубить несчастнаго сироту“. Но этотъ „несчастный сирота“, замѣтимъ мы, былъ „племя древняго варяга“ и вспомнимъ стихъ Пушкина:

Племя древняго варяга и теперь любезно всѣмъ,
А бояре въ Годуновѣ помнятъ равнаго себѣ.

Погодинъ же, соединивъ всѣ собранныя имъ доказательства за и противъ царя Бориса, представляетъ все это дѣло на судъ уголовной палаты по существующимъ нынѣ законамъ. Не должна ли она оставить Бориса только въ подозрѣніи и подозрѣніи слабомъ. „Какъ!“, восклицаетъ онъ, „нынѣшняя уголовная палата должна оставить Бориса только въ подозрѣніи, а исторія, имѣя на своихъ вѣсахъ еще двадцатипятилѣтіе благодѣяній Борисовыхъ Россіи, осмѣливается произносить ему рѣшительный приговоръ! Нѣтъ! нѣтъ! будемъ справедливы къ сему великому мужу, который такъ хорошо понималъ добродѣтель, если не сердцемъ, то, по крайней мѣрѣ, плодовитымъ умомъ своимъ, который въ продолженіе своего блистательнаго правленія возвелъ Россію на высокую степень могущества и славы, который въ торжественную минуту своего помазанія на престолъ обѣщался отдать послѣднюю рубашку съ плеча неимущему подданному и никогда не измѣнялъ сему священному обѣту, который хотѣлъ учредить университетъ въ Москвѣ въ 1600 году вмѣсто 1755-го,—будемъ справедливы къ нему и, по крайней мѣрѣ, въ свое оправданіе соберемъ со всевозможнымъ тщаніемъ всѣ свидѣтельства о его жизни, разсмотримъ ихъ со всевозможнымъ вниманіемъ, постараемся всѣми силами открыть истину, въ продолженіе вѣковъ сокровенную, и самые недостатки его при великихъ доблестяхъ припишемъ бренной скудели человѣческой. Борисъ вѣрно услышалъ съ удовольствіемъ о смерти Дмитріевой,

благопріятствовавшей его намѣреніямъ; но за это удовольствіе онъ заплатилъ слишкомъ дорого: собственною смертью, ужасною гибелью добродѣтельной супруги своей и любимаго сына, еще ужаснѣйшею жизнью своей прекрасной дочери и громкимъ проклятіемъ двухъ вѣковъ. Можетъ быть, за это же удовольствіе неумытная судьба оставила на память вѣкамъ нѣкоторыя причины обвинять его въ смерти, имъ только желанной; съ другой стороны, можетъ быть, въ вознагражденіе за излишнюю свою кару она утаила отъ насъ нѣкоторыя обстоятельства, по коимъ можно бы было рѣшительно приписать ему ужаснѣйшее изъ преступленій. Не будемъ строже судьбы!“.

Вслѣдъ за Годуновымъ, Погодинъ помѣстилъ въ *Московскомъ Вѣстникѣ* свою статью *Нѣчто объ Отрепьевѣ*, въ которой воздаетъ должную справедливость Платону митрополиту за разсужденіе его въ своей *Церковной Исторіи* о самозванцѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Погодинъ напечаталъ въ *Московскомъ Вѣстникѣ* отрывокъ изъ сочиненія польскаго поэта и историка Нѣмцевича *о Самозванцѣ* и снабдилъ его своими примѣчаніями. По его же желанію Арцыбашевъ въ письмѣ своемъ (отъ 23 ноября 1829), сообщаетъ свое мнѣніе о статьяхъ его. „Вы требуете отъ меня мнѣнія о нѣкоторыхъ вашихъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ 3-й части *Московскаго Вѣстника*. Вотъ оно: изложенное на счетъ Годунова и Отрепьева уважаю я весьма и написалъ уже статью *О кончинѣ царевича Димитрія*, гдѣ, изъявивъ это уваженіе, прибавилъ новыя доказательства къ вашимъ“. Въ своемъ *Обозрѣніи Русской Словесности за 1829 годъ* И. В. Кирѣевскій, обвиняя критиковъ Карамзина и противопоставляя имъ Погодина, писалъ: „Съ удовольствіемъ укажемъ на критику, въ которой дѣльность и безпристрастіе розысканій соединяются съ приличностью тона: это статья *Объ участіи Годунова въ убіеніи Димитрія*“. На это Ксенофонтъ Полевой ядовито замѣчаетъ: „Жаль только, что г. Погодинъ не рѣшилъ въ ней заданнаго имъ себѣ вопроса и что предметъ сей былъ гораздо

прежде его разсмотрѣнъ г. Булгаринымъ въ *Сѣверномъ Архивѣ* 1825 г. Кажется, и всѣ розысканія г. Погодина заимствованы оттуда".

Въ статьѣ *О происхожденіи имени Москва* Погодинъ предлагаетъ слѣдующую замѣтку почтеннаго Андрея Ивановича Бюргера: „*Ва* по-пермски и зырянски значитъ воду, и имена рѣкъ въ Пермской губерніи кончаются по большей части на этотъ слогъ: Сыл*ва*, Кол*ва*, Чусо*ва*, и пр. Но что значитъ слогъ предыдущій *Моск*. Есть Финское слово musko, что значитъ темный, темносѣрый. Итакъ: Москва значитъ *темная вода*; отъ рѣки названіе перешло и къ городу". По поводу этой замѣтки Погодинъ пишетъ: „Если это справедливо, то г. Бюргеру принадлежитъ лестная честь найти истинное значеніе знаменитаго имени древней столицы, значеніе, котораго такъ долго и тщетно искали наши старые этимологи, не оставившіе самого Мосоха въ покоѣ" [640]).

Въ *Москомскомъ же Вѣстникѣ* 1829 г. Погодинъ напечаталъ *Дѣло о судѣ надъ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ*, хотя Каразинъ и совѣтовалъ ему „оставить въ покоѣ" это *Дѣло*. „Бывши", писалъ онъ Погодину, „другомъ просвѣщенія и человѣчества, не будьте якобы защитникомъ противной имъ стороны, ибо печатать одни ея документы есть въ половину быть защитникомъ. Обработайте эту статью, какъ должно, хотя бы для потомства, если не для нынѣшняго времени"). Но Погодинъ, какъ видимъ, не внялъ этому совѣту Каразина. „Судъ надъ Царевичемъ", пишетъ онъ въ своемъ предисловіи, „принадлежитъ къ числу важнѣйшихъ происшествій въ Россійской Исторіи и въ частной жизни императора Петра Великаго. Къ сожалѣнію, до насъ дошло мало подробностей объ этомъ происшествіи: до сихъ поръ мы слышали только или пристрастныхъ иностранцевъ, которые безъ доказательствъ осуждаютъ Петра и даже обвиняютъ его въ казни сына, будто бы умерщвленнаго въ темницѣ, или отечественныхъ писателей, которые не обращаютъ достаточнаго вниманія на всѣ обстоятельства и увлекаются предубѣжде-

ніемъ и пристрастіемъ, — но не слыхали никакихъ свидѣтельствъ со стороны Царевича, свидѣтельства, кои, можетъ быть, тлѣютъ въ нашихъ книгохранилищахъ. Одна ли чистая, высокая любовь къ отечеству, одинъ ли страхъ видѣть великое дѣло рукъ своихъ новую Россію во власти недостойнаго преемника управляли Петромъ въ этомъ уголовномъ дѣлѣ? Не примѣшивалось ли здѣсь непримѣтное, внутреннее нерасположеніе къ Алексѣю, сыну первой противной супруги, нерасположеніе, только усиленное его постыднымъ поведеніемъ, и желаніе передать престолъ потомству любимой Екатерины? Этотъ вопросъ предоставляется на разрѣшеніе будущему историку нашего безсмертнаго преобразователя. Теперь можно сказать только, что гибель Алексѣя вообще была спасительна для Петровой Россіи". Экземпляры этого Розыскнаго Дѣла, изданные при Петрѣ I въ 1718 году, сожжены были, какъ говоритъ преданіе, по вступленіи на престолъ сына Алексѣева Петра II кромѣ очень немногихъ, сохранившихся у любителей. Погодинъ напечаталъ этотъ актъ по экземпляру, принадлежавшему А. С. Ширяеву.

Кромѣ изслѣдованій по Русской Исторіи Погодинъ напечаталъ въ *Московскомъ Вѣстникѣ* свой старый переводъ *Астова введеніе въ Исторію*, сдѣланный имъ еще въ 1823 году по указанію И. И. Давыдова, которому въ то время онъ и посвятилъ свой переводъ; но теперь, печатая этотъ переводъ, онъ почему-то счелъ нужнымъ умолчать объ этомъ посвященіи. Въ предисловіи къ переводу Погодинъ изъясняетъ: „Желая подать понятіе читателямъ *Московскаго Вѣстника* о точкѣ, съ которой новые нѣмецкіе ученые смотрятъ на Исторію, я представляю имъ переводъ Астова введенія въ сію науку. Очень увѣренъ, что многіе изъ нашихъ по разнымъ причинамъ отвергнутъ оное; но не сомнѣваюсь и въ томъ, что даже и отвергающіе найдутъ здѣсь много мыслей важныхъ и примѣчательныхъ въ лабиринтѣ варварскихъ терминовъ. При томъ — по выраженію св. Апостола Павла — *подобаетъ бо и ересѐмъ* (разномысліямъ) *въ васъ быти, да искусніи явлѐни бываютъ въ васъ* (*Кор.* II,

19). Астъ сдѣлалъ, скажу мимоходомъ, и приложеніе своей теоріи къ практикѣ: онъ написалъ Исторію положительную. Но его приложеніе, по крайней мѣрѣ какъ мнѣ доселѣ кажется, неудачно: часто прикладываетъ онъ происшествія къ своей теоріи, какъ ложу Прокрустову, часто не примѣчаетъ отношенія между ними. Впрочемъ, и въ приложеніи теорія навела его на многія прекрасныя мысли о происшествіяхъ, кои я современемъ постараюсь выбрать изъ его сочиненія и представить на судъ нашей мыслящей публики".

Наконецъ, въ томъ же 1829 году издалъ свой переводъ *Введеніе во Всеобщую Исторію для дѣтей,* сочиненіе А. Л. Шлецера, въ предисловіи котораго мы, между прочимъ, читаемъ: „Отъ правоученій тщательно я старался удерживаться: нѣтъ ничего несноснѣе для пожилыхъ читателей и безполезнѣе для молодыхъ неумѣстнаго проповѣдыванія въ Исторіи". Отъ себя же Погодинъ пишетъ: „Шлецеръ въ этой маленькой книжкѣ удачно *описалъ* Исторію; онъ ясно указалъ ребенку на предметы, которые должны обращать на себя его вниманіе въ Исторіи, внушаетъ въ него заблаговременно уваженіе къ сей высокой наукѣ, обогащаетъ его множествомъ любопытныхъ и занимательныхъ историческихъ свѣдѣній, возбуждаетъ охоту къ пріобрѣтенію другихъ". Шлецеръ написалъ эту книжку, будучи уже семидесятилѣтнимъ старцемъ" [561]).

Ведя самъ постоянную войну съ журналистами, Погодинъ былъ довольно глухъ и равнодушенъ къ тогдашней Турецкой войнѣ и только по поводу заключеннаго мира онъ писалъ Шевыреву (отъ 30 сентября 1829): „у насъ теперь всѣ радуется миру. Жалѣютъ только, что слишкомъ великодушно поступили, а великодушіе въ политикѣ не имѣетъ курса" [562]). Но Погодинъ не остался равнодушенъ къ тревожному слуху, который разнесся въ ноябрѣ 1829 о болѣзни Императора, и съ отчаяніемъ восклицаетъ въ своемъ *Дневникѣ:* „Боже! что за несчастіе. За что Ты наказуешь такъ строго Россію!" [563]). Но къ утѣшенію вѣрноподданныхъ за день до сей записи, а именно 14 ноября было обнародовано: „Поелику Его Импе-

раторское Величество теперь въ полномъ выздоровленіи, то и ежедневныя записки о здоровьѣ Государя Императора болѣе издаваться не будутъ“ [564]).

По поводу же толковъ на Западѣ о войнѣ нашей съ Турціей Погодинъ написалъ *Замѣчанія о политическомъ равновѣсіи въ Европѣ.* „Роялисты и либералы, говоритъ онъ, въ палатахъ французскихъ, члены министерскіе и оппозиціонные въ парламентахъ англійскихъ, политическіе журналисты вопіяли: „Не должно допускать, чтобъ Россія распространила еще свои владѣнія на счетъ Турецкой Имперіи! Новыми пріобрѣтеніями ея нарушится равновѣсіе въ Европѣ“. Обращаясь къ этимъ господамъ, Погодинъ спрашиваетъ: „Милостивые государи! неужели Ротшильдъ разбогатѣетъ, если къ его милліонамъ прибавится случайно еще нѣсколько тысячъ талеровъ? Неужели земля потеряетъ титло шара, если на ея поверхности встанетъ еще одинъ какой-нибудь Монбланъ или Моннуаръ, или провалится новый Содомъ и Гоморъ? Неужели вѣсъ тяжелой Россіи измѣнится ощутительно, если она приметъ въ себя еще нѣсколько золотниковъ?“ Въ другомъ мѣстѣ этой статьи Погодинъ замѣчаетъ: „Я вижу въ Европѣ безпрестанное колебаніе: государства качаются подобно маятникамъ, и никакой политикъ не осмѣлится утвердить, что теперь они пришли въ центръ своей тяжести, находятся въ надлежащемъ равновѣсіи и навсегда должны остаться въ нынѣшнемъ политическомъ положеніи. Почему, спросилъ бы я у такого: Венгры, напримѣръ, или южные Славяне, составляющіе большую половину народонаселенія Австрійской Имперіи и Европейской Турціи, въ какомъ нибудь XX-мъ столѣтіи не образуютъ новыхъ государствъ; *почему не совокупятся въ одно цѣлое черезполосныя Нѣмецкія или Италіанскія владѣнія?* Канцлеръ Оксенштирна и графъ Траутмансдорфъ, уравновѣшавшіе Европу въ Мюнстерѣ и Оснабрюкѣ, также совсѣмъ не могли предугадать, что *на Сѣверѣ нѣкогда должно родиться сильное государство Пруссія*“ [565]).

Афоризмы были любимою формою, въ которую Погодинъ облекалъ свои размышленія и о которой нѣкто Прибыльскій иронически отзывался въ письмѣ своемъ къ нему: „Чувствительно благодарю васъ за нѣсколько строкъ вашихъ. Онѣ напомнили мнѣ *Афоризмы Историческіе*, помѣщаемые вами въ *Московскомъ Вѣстникѣ*, въ которыхъ вы предоставляете читателю своему развить глубокую и новую мысль, въ нѣсколькихъ словахъ вами выраженную. Признаться, они немного *искушаютъ терпѣніе историковъ-художниковъ*, говоря языкомъ моего почтеннѣйшаго министра, которые желаютъ, чтобъ *историкъ-критикъ* очистилъ напередъ матеріалъ для ихъ трудовъ. Я не историкъ, не художникъ и не критикъ. Посудите послѣ того, легко ли мнѣ дополнить собственнымъ воображеніемъ ваши лаконическія семь строкъ“ [566]).

Вотъ афоризмы, съ которыми мы встрѣчаемся въ *Дневникѣ* Погодина 1829 года: „Вчера люди видѣли въ Шекспирѣ урода, нынѣ видятъ красавца, завтра увидятъ Богъ еще знаетъ что. Все зависитъ отъ приложенія собственнаго нашего *я*. Такъ судимъ и вообще о людяхъ.

Взглянуть на сочиненія среднихъ вѣковъ—тамъ вѣрно найти можно много высокаго.

Сборное воскресенье. Шатался по Охотному ряду и слушалъ разныя штуки... Какъ мало чудаки цѣнятъ себя.

Восхитился лекціей Кузена, въ которой много ясныхъ мыслей, сказанныхъ уже и несказанныхъ. Увы, а меня за нихъ не чтутъ.

Какое у насъ невѣжество! Многія присутственныя мѣста разбогатѣли и сидятъ съ деньгами. Напримѣръ, Смоленская гимназія имѣетъ капиталу 105 тыс. рублей. Почему жъ не учреждается при ней казенный коштъ на процентъ сей суммы? У приказовъ общественнаго призрѣнія огромные капиталы. Нынѣ закладываются, говорятъ, тріумфальныя ворота на мѣстѣ Тверской заставы, и обѣдъ на 70 человѣкъ изъ доходовъ городской думы, которые собираются съ бѣдныхъ обывателей. Они и не нюхаютъ этихъ обѣдовъ. Изъ думы же бралъ

театръ въ заемъ сотни тысячъ. Теперь спрашивается, какъ дума наша собрала такой капиталъ? Ужасными налогами. Я съ своего шеститысячнаго дома платилъ болѣе 100 р. повинностей городскихъ. Вотъ какъ была велика несоразмѣрность!

Въ государственномъ архивѣ хранятся драгоцѣнности, но начальникъ, невѣжа, не позволяетъ никому пользоваться. Въ газетахъ нынче сряду пятнадцать нѣмцевъ кавалерами. Въ Турціи у насъ нѣмецкая армія. На театральную школу изъ тридцати человѣкъ отпускать будутъ 130 т. О невѣжество!"

L.

Кипучая дѣятельность Погодина на поприщѣ журнальномъ мало удѣляла ему до сихъ поръ времени для дѣятельности университетской. Вообще въ это время онъ былъ слишкомъ развлеченъ житейскими попеченіями, въ чемъ самъ откровенно сознавался, а потому онъ и стремился въ деревенское уединеніе, чтобы тамъ достойнымъ образомъ приготовить себя къ высокому служенію на каѳедрѣ московскаго университета. Къ этому еще онъ не совсѣмъ ладилъ съ своими товарищами профессорами, а потому любилъ навѣщать стараго ректора Антонскаго и съ нимъ бесѣдовать „о старомъ полюбовномъ житьѣ университетскомъ" и, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ „думалъ о трудностяхъ профессорскаго званія". Кромѣ всеобщей исторіи Погодинъ въ 1829 году началъ преподавать въ университетѣ и русскую исторію. „Отселѣ", отмѣчаетъ онъ въ своемъ *Дневникѣ*, „три вечера въ недѣлю на приготовленіе къ лекціи Русской Исторіи" [567]). О своей университетской дѣятельности онъ писалъ Шевыреву (отъ 20 октября 1829 года): „Теперь устраиваю замѣчаніе на 1-й томъ *Исторіи* Карамзина. За ними послѣдуетъ поверхностное описаніе исторіи для шестнадцатилѣтняго молодого человѣка, которое уже написано у меня, но вылеживается. Это были первыя лекціи, коими я началъ нынѣ курсъ въ университетѣ. Я читаю те-

перь тамъ россійскую исторію преимущественно въ критическомъ отношеніи и излагаю всѣ изысканія до перваго періода, всѣ мнѣнія въ подробностяхъ„ [568]). Въ это время Погодинъ задумалъ прочесть въ университетѣ лекцію о Карамзинѣ. За два дня до этого онъ посѣтилъ И. В. Кирѣевскаго и проспорилъ съ нимъ о Карамзинѣ. Кирѣевскій былъ очень возмущенъ критиками Арцыбашева и свое негодованіе выразилъ печатно. „Въ темныхъ подвалахъ архивскихъ", писалъ онъ объ этихъ критикахъ, „они теряютъ всякое чувство приличія и выходятъ оттуда съ червями самолюбія и зависти, съ пылью мелкихъ придирокъ и въ грязи неуваженія къ достоинству. Даже достоинство учености думаютъ они отнять у *Исторіи* Карамзина и утверждаютъ, что она писана для однихъ *свѣтскихъ невѣждъ*, они *невѣжи не свѣтскіе*! Все безполезно, что они говорятъ, все ничтожно, все ложь, даже самая истина; и если случайно она вырвется изъ устъ ихъ, то, краснѣя, спѣшитъ снова спрятаться въ свой колодезь, чтобы омыться отъ ихъ осквернительнаго прикосновенія". Какъ бы то ни было, Кирѣевскій выразилъ Погодину желаніе слушать его лекцію о Карамзинѣ. „Вотъ тебѣ разъ", замѣчаетъ онъ въ своемъ *Дневникѣ*, „а мнѣ некогда приготовиться". Лекція эта была прочтена 14 ноября 1829 года. Самъ Погодинъ остался ею доволенъ. „Прочелъ не дурно", отмѣтилъ онъ въ своемъ *Дневникѣ*; но Кирѣевскому эта лекція „ужасно не понравилась". Повидимому, онъ не скрылъ этого отъ Погодина, ибо вотъ что этотъ записалъ въ своемъ Дневникѣ: „Кирѣевскій называетъ лекцію священнодѣйствіемъ. Я согласенъ, но я не имѣю времени приготовиться какъ должно" [569]).

Въ занятіяхъ Обществъ, имѣющихъ связь съ Университетомъ, Погодинъ принималъ, болѣе или менѣе, живое участіе. Мы уже знаемъ, что въ засѣданіи Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ (23 ноября 1829 года) онъ читалъ свои замѣчанія о Святополкѣ. По поводу этого засѣданія мы находимъ въ *Дневникѣ* Погодина слѣдующую, довольно неясную запись: „Какія гадости и подлости дѣлаютъ

Давыдовъ и Писаревъ для Рѣдкина. Я хотѣлъ говорить, что нельзя въ члены и въ соревнователи много; но не спросили и замяли рѣчь". Объяснить эти слова хотя отчасти можетъ слѣдующая статья изъ протокола этого засѣданія: „Почетный смотритель Задонскихъ училищъ Рѣдкинъ при письмѣ на имя предсѣдателя представилъ переводъ изъ Герберштейна статьи: *О принятіи пословъ и обращеніи съ ними въ Россіи*. Опредѣлено: Переводъ изъ Герберштейна по окончаніи всей книги напечатать, а переводившаго перечислить *дѣйствительнымъ членомъ*" [570]). Между тѣмъ И. И. Давыдовъ отъ имени попечителя просилъ Погодина занять должность секретаря въ Обществѣ. „Я буду спорить съ попечителемъ", отмѣчаетъ Погодинъ въ своемъ *Дневникѣ*, „чтобъ не вышло непріятностей и при мнѣ, скажу вамъ прямо: Рѣдкинъ не былъ бы выбранъ въ члены" [571]).

Въ 1829 году Общество Любителей Россійской Словесности до своего обновленія т.-е. до 1858 года доживало свои послѣдніе дни. Послѣ Кокошкина въ предсѣдатели былъ избранъ извѣстный писатель Загоскинъ, который, по свидѣтельству М. А. Дмитріева, началъ свое предсѣдательствованіе тѣмъ, что „сѣлъ, крякнулъ, потрепалъ себя по брюху" и обратился къ членамъ съ слѣдующею рѣчью: „Фу, батюшки! Обѣдалъ у Окулова! Такъ накормилъ, проклятый, что дышать не могу: всего расперло! Ну! что же намъ подѣлать?" Очевидно, справедливо замѣчаетъ Дмитріевъ, что Общество перестало видѣть въ предсѣдателѣ „лицо важное и уважительное". Загоскинъ предсѣдательствовалъ недолго. Въ преемники ему избрали генерала А. А. Писарева, попечителя Московскаго Университета. Очевидно, Общество стало уже нуждаться въ правительственной поддержкѣ [572]). По свидѣтельству Погодина, Писаревъ былъ избранъ въ предсѣдатели „по интригамъ И. И. Давыдова". Это подтверждаетъ и М. Н. Загоскинъ, который, встрѣтившись съ Погодинымъ у Аксакова, назвалъ Давыдова „интриганомъ" [573]). Въ это время послѣдній подружился съ Полевымъ и, по свидѣтельству Ксенофонта Полевого, „часто

посѣщалъ его брата и невольно чуждался университетскихъ сослуживцевъ своихъ“ [574]). Для возвеличенія Полеваго Давыдовъ старался устроить торжественное собраніе въ Обществѣ Любителей Россійской Словесности. Приготовляясь къ этому засѣданію, Давыдовъ отправился къ Погодину просить у него для прочтенія въ этомъ засѣданіи стихотвореніе Шевырева *Петроградъ;* но О. С. Аксакова „не велѣла“ давать ему этого стихотворенія. Между тѣмъ Погодинъ колебался, ѣхать или не ѣхать въ это засѣданіе. Но, посѣтивъ Давыдова, рѣшилъ ѣхать и даже „принужденъ былъ отдать ему стихотвореніе Шевырева, склонясь на его доводы: я его учитель“, сказалъ Давыдовъ, „и имѣю право“ [575]).

Наконецъ, 23 декабря 1829 года состоялось торжественное собраніе Общества. Въ этотъ день Погодинъ писалъ Шевыреву: „Нынѣ торжественное собраніе Общества Любителей Россійской Словесности. Николай Полевой будетъ читать отрывки изъ своей Исторіи. Я не ѣду; у меня есть много признаковъ, что онъ похитилъ разныя мои мысли, разсѣянныя въ *Московскомъ Вѣстникѣ*, сказанныя на лекціяхъ и знакомымъ, и прилично ли мнѣ слушать его, загребающаго жаръ моими руками. Собраніе дѣлаютъ самое блистательное, чтобы возвысить его. Приглашена вся Москва. Верстовскій писалъ музыку. Мочаловъ будетъ читать. Давыдовъ выпросилъ у меня и твой *Петроградъ.* Изъ Университета никто не будетъ, кажется, въ собраніи. Загоскинъ будетъ читать изъ своего романа *Милославскій*“ [576]).

По свидѣтельству М. А. Дмитріева, это засѣданіе было „съ арфою, съ пѣніемъ и чтеніемъ актера Мочалова съ каѳедры“. Вообще при предсѣдательствѣ генерала Писарева въ Обществѣ „пошли одни парады и все это кончилось тѣмъ, что „на свѣчи и на угощенія истратили всѣ деньги, и казначей Общества остался безъ гроша! Собранія Общества съ того времени прекратились и оно какъ бы замерло“ [577]). Вотъ въ это-то время, какъ бы на смѣхъ, въ засѣданіи Общества 23 декабря 1829 года Пушкинъ былъ избранъ въ члены

онаго. Неравнодушный къ славѣ своего друга и отечества, князь П. А. Вяземскій съ негодованіемъ писалъ Пушкину:

„Сдѣлай милость, откажись отъ постыднаго членства Общества Любителей Россійской Словесности. Мнѣ и то было досадно, что тебя и Баратынскаго выбрали вмѣстѣ съ Верстовскимъ, а вчерашнія *Московскія Вѣдомости* довершили мою досаду. Тутъ увидишь: предложеніе объ избраніи въ члены Общества корифеевъ словесности нашей, А. С. Пушкина, Е. А. Баратынскаго, Ѳ. В. Булгарина и отечественнаго композитора музыки, А. Н. Верстовскаго. Это написано не Шаликовымъ, потому что въ этой статьѣ хвалятъ *Исторію* Полеваго. Воля твоя, не надобно спускать такія наглыя дурачества. Мы худо дѣлаемъ, что пренебрегаемъ званіемъ литераторскимъ. Это званіе не то, что христіанина. Тутъ нечего давать свои щеки на пощечины. Мы не поѣдемъ къ вельможѣ, который станетъ насъ принимать наравнѣ съ канальями, съ Булгаринами и другими нечистотами общественнаго тѣла. Развѣ здѣсь не тоже? Гордиться пріемами нашихъ вельможъ и нашихъ литературныхъ обществъ смѣшно и невозможно человѣку съ здравымъ смысломъ; но не спускать ни тѣмъ, ни другимъ, когда они поступаютъ съ вами невѣжливо, должно, неотмѣнно должно. Сатурналіи нашей литературы дошли до того, что нельзя, по крайней мѣрѣ, отрицательно, если не дѣйствительно, не протестовать противъ этихъ изступленій безчинства“ [578]). Но Пушкинъ не отказался и, получивъ дипломъ на званіе члена Общества Любителей Россійской Словесности, онъ даже обратился къ Полевому съ запросомъ: „Дайте мнѣ знать, что́ дѣлать мнѣ съ Писаревымъ, съ его Обществомъ и съ моимъ дипломомъ. Все это меня чрезвычайно затрудняетъ“ [579]). Полевой немедленно же отвѣтилъ, *à monsieur, monsieur Pouchkine*: „Ничего, совершенно ничего, *мы всѣ, старые члены* ничего не дѣлаемъ, по крайней мѣрѣ, я. Избраніе ваше сопровождалось рукоплесканіями и показало, что желаніе Общества украсить списокъ своихъ членовъ вашимъ именемъ было согласно съ чувствами публики весьма

обширной. За дипломъ вземлятъ члены, т. е. за пергаментъ 25 рублей“ [580]). Этому показанію Полевого о дѣятельности Общества Любителей Россійской Словесности не противорѣчитъ и слѣдующая запись въ *Дневникѣ* Погодина подъ 31 мая 1830 года. „Все утро погубилъ въ Обществѣ Любителей Словесности. Избрали въ предсѣдатели Двигубскаго, по интригамъ Давыдова, на смѣхъ“.

Въ лѣтописяхъ ученой и общественной жизни Москвы 1829 годъ достопамятенъ посѣщеніемъ царствующаго града Александромъ Гумбольдтомъ. По повелѣнію императора Николая I министръ финансовъ Канкринъ пригласилъ Гумбольдта въ Россію для изученія естественныхъ богатствъ Урала и Сибири. Въ маѣ 1829 года Гумбольдтъ прибылъ въ Москву. „Здѣсь былъ Гумбольдтъ“ писалъ Погодинъ Шевыреву, „которому университетъ поднесъ дипломъ на званіе почетнаго члена, а друзья просвѣщенія давали великолѣпный обѣдъ въ залѣ Благороднаго Собранія, на которомъ присутствовалъ и я“ [581]). Объ этомъ обѣдѣ въ *Галатеѣ* сказано, между прочимъ, слѣдующее: „Нѣкоторые злонамѣренные люди разглашали прежде, что наши вельможи не примутъ участія въ этомъ праздникѣ, какъ для нихъ неприличномъ; напротивъ, тамъ явились многіе изъ нихъ, повинуясь благородному влеченію и вовсе забывая о томъ, что Гумбольдтъ — баронъ и дѣйствительный тайный совѣтникъ“ [582]). На обратномъ пути изъ Сибири Гумбольдтъ вторично посѣтилъ Москву. Любопытныя записи по поводу этого вторичнаго посѣщенія дѣлаетъ Погодинъ въ своемъ Дневникѣ *подъ 25 октября 1829 года:* „Думалъ ѣхать на вечеръ къ Гумбольдту. *Нѣтъ! Свои ученые умираютъ съ голоду*“.

Подъ 26 октября: „Гумбольдтъ въ университетѣ. Предложено ему: не угодно-ли имѣть какихъ историческихъ свѣдѣній о посѣщенныхъ имъ странахъ. Благодаритъ, опасается, что будетъ затруднительно, а впрочемъ, отнесется въ случаѣ нужды. Гумбольдтъ мастеръ говорить. Вотъ профессоръ. Ясность, убѣдительность. Онъ воспламенилъ меня къ лекціямъ“.

Въ это время въ Москвѣ пребывалъ извѣстный ученый, Гамель, съ которымъ познакомился Погодинъ, и Гамель говорилъ ему „о шарлатанствѣ Гумбольдта!„ [583]). Но, не взирая на этотъ отзывъ, по справедливому замѣчанію князя П. А. Вяземскаго, „пребываніе барона Гумбольдта въ Россіи есть важная эпоха въ воспоминаніяхъ нашего просвѣщенія. Мы видѣли въ немъ высокій примѣръ истинно ученаго и образованнаго человѣка, который, посвятя жизнь и всѣ способности свои на изученіе и развитіе одной изъ отраслей человѣческихъ познаній, не чуждается всѣхъ другихъ отраслей и любопытнымъ взглядомъ окидываетъ всѣ вопросы, любопытные для ума человѣческаго вообще и для ума народнаго частно. Всеобъемность размышленій и разговоровъ его изумительна. Съ равною свободою, съ равнымъ свѣдѣніемъ будетъ онъ вамъ говорить о таинствахъ подземнаго міра, объ обширныхъ подробностяхъ пустыни Новаго Свѣта и о мелкихъ, но блестящихъ частностяхъ гостиныхъ парижскихъ, въ которыхъ жизнь стѣсняется въ ограниченный, но не менѣе того любопытный кругъ; о духѣ младенчествующаго человѣчества и о распрѣ классицизма съ романтизмомъ. Въ Россіи, столь еще богатой для наблюденій разнородныхъ, столь еще свѣжей для изысканій, открылось обширное поле передъ испытательнымъ умомъ его“ [584]).

Такъ завершился 1829 годъ. Въ послѣдній день и часъ отходящаго въ вѣчность лѣта Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ:* „Поблагодарилъ, попросилъ, прославилъ Бога. *Благословиши вѣнецъ лѣта благости Твоея*“.

КОНЕЦЪ КНИГИ ВТОРОЙ.

Село Михайловское,
Подольскаго уѣзда, Московской губерніи.
23 сентября 1888 года.

1) *Сочиненія Филарета.* М. 1877, III, 40.

2) *Сѣверн. Пчела* 1826, № 18.

3) *Дневникъ.* 1826, подъ 3 февраля.

4) *Сочиненія Филарета,* III, 1—8.

5) *Сѣверн. Пчела.* 1826, № 18, прибавл.

6) *Дневникъ.* 1826, подъ 6 февраля.

7) 1826, подъ 12 февраля.

8) *На кончину Государя Императора Александра I.* М. Въ типографіи Императорскаго Московскаго театра. 1826. У содержателя Похорскаго.

9) Первоначально изслѣдованіе это было напечатано въ *Отечественныхъ Запискахъ* Свиньина (1826, № 71); а потомъ въ *Трудахъ Общества И. и Д. Россійскихъ,* ч. IV, кн. I. М. 1828, стр. 130—138.

10) *Дневникъ.* 1826, подъ 28 янв.

11) *Сѣверный Архивъ.* 1826, № IV, стр. 348—357.

12) Тамъ же, № VI, стр. 107—128.

13) *Письма,* I, 131.

14) Тамъ же, I, 151—154.

15) Тамъ же, I, 135.

16) *Дневникъ.* 1826, подъ 28 апр.

17) *Письма,* I, 183.

18) Тамъ же, I, 151 — 155, 163, 179—181.

19) Пыпинъ. *Зоріанъ Доленга Ходаковскій.* Вѣстникъ Европы. 1886. Ноябрь, стр. 305—357.

20) *Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву,* стр. 279, 0129.

21) *Истор. Вѣстникъ.* 1887, февр. стр. 286—287.

22) *Библіограф. Листы.* 1825, № 38, стр. 564.

23) *Труды Перваго Археолог. Съѣзда въ Москвѣ.* М. 1871, I, 15.

24) *Библіогр. Листы.* 1825, № 38, стр. 564.

25) *Дневникъ.* 1826. Мартъ.

26) Пятковскій. *П. Собр. Соч. Д. В. Веневитинова.* Спб. 1862, стр. 9.

27) *Дневникъ.* 1826, подъ 31 марта.

28) *Воспомин. о Шевыревѣ,* стр. 8—9.

29) *Дневникъ.* 1826, подъ 3 и 6 мая.

30) *Письма,* I, 83.

31) *Воспомин. о Шевыревѣ,* стр. 9.

32) *Дневникъ* 1826, подъ 24 марта, 3—6, 15—19, 21 апрѣля, 6, 10, 11, 23 іюля.

33) 1826, подъ 23 марта.

34) *Біографическ. Словарь Московск. Унив.,* II, 257.

35) *Дневникъ* 1826, подъ 26, 28 марта, 9 апрѣля.

36) *Дневникъ.* 1826. май. іюня 2.

37) *Письма.* I, 139—142.

38) *Дневникъ.* 1826, іюнь.

39) *Повѣсти Михаила Погодина.* М. 1832, III, 189—250.

40) *Дневникъ.* 1826, іюнь.

41) 1826, подъ 27—29 іюня, 2—3 іюля.

42) Бартеневъ. *Въ Память объ А. С. Хомяковѣ,* стр. 29—38.

43) *Утро.* М. 1866, стр. 426—428.

44) *Русскій Архивъ.* 1884, V, 222—223.

45) Бартеневъ. *Въ Память объ А. С. Хомяковѣ,* стр. 34.

46) *Дневникъ.* 1826, подъ 3—4 іюля.

47) *Сѣверн. Пчела.* 1826, № 85.

48) *Письма.* I, 129—130.

49) *Сѣверн. Пчела.* 1826, № 91.

50) *Дневникъ.* 1826, іюль.

51) *Сѣверн. Пчела.* 1826, № 92.

52) *Дневникъ* 1826, августъ.

53) *Сочиненія Филарета.* III, 49—50.

54) *Отечеств. Записки.* 1826, № 88, стр. 185.

55) *Дневникъ* 1826, авг. и сент.

56) *Русскій Архивъ* 1867, 311—312.

57) Майковъ. *Сочиненія К. Н. Батюшкова.* Спб. 1886, III, 515.

58) *Русскій Архивъ* 1885, № 1, 119—120; *Семейный Архивъ* М. А. Веневитинова.

59) *Знакомство съ Русскими Поэтами,* стр. 13.

60) *Русская Старина.* 1872, XII, 822—827.

61) *Дневникъ.* 1826, сентябрь.

62) Пятковскій. *Полное Собраніе Сочиненій Д. В. Веневитинова.* Спб. 1862, стр. 181—191.

63) *Дневникъ.* 1826, подъ 3 іюля, 20 августа, 24 сентября.

64) *Русскій Архивъ.* 1865, стр. 96.

65) *Девятнадцатый Вѣкъ.* М. 1872, II, 217.

66) Анненковъ. *Матеріалы.* Спб. 1873, стр. 164.

67) *Дневникъ.* 1826, сентябрь.

68) *Сѣверн. Пчела.* 1826, № 116.

69) *Дневникъ.* 1826, сентябрь.

70) *Русскій Архивъ.* 1865, стр. 97—100. *Дневникъ.* 1826, подъ 13 октября.

71) *П. Собр. Сочиненій Князя П. А. Вяземскаго.* Спб. 1882, VII, 307, 309.

72) *Дневникъ.* 1826, подъ 24 октября; *Русскій Архивъ.* 1865, стр. 100.

73) *Русскій Архивъ.* 1870, стр. 2140—2144.

74) *Дневникъ.* 1826, подъ 27 и 30 октября.

75) *Историческій Вѣстникъ.* 1887. май, стр. 289—301.

76) Анненковъ, *Матеріалы,* стр. 165.

77) *Сочиненія Пушкина,* VII, 187.

78) Анненковъ, *Матеріалы,* стр. 165.

79) *Сочиненія Пушкина,* VII, 188.

80) *Полное Собраніе. Сочиненія кн. П. А. Вяземскаго,* I, XLVIII—XLIX; X, 267.

81) *Русскій Архивъ.* 1885, I, 118.

82) *Дневникъ.* 1826, подъ 23 іюля.

83) *Русскій Архивъ.* 1885, I, 118—120.

84) Переводъ этотъ напечатанъ въ Москвѣ въ 1828 г.

85) *Русскій Архивъ.* 1885, I, 120—122.

86) Пятковскій. *Полное Собраніе Сочиненій Д. В. Веневитинова.* Спб. 1862, стр. 86—88.

87) *Дневникъ.* 1826, подъ 30 дек.

88) *Русскій Архивъ.* 1885, I, 122—123.

89) *Русскій Архивъ.* 1881, I, 428.

90) *Русская Старина.* 1874, X, 695—696.

91) *Письма,* I, 173.

92) *Русскій Архивъ.* 1878, III, 393.

93) *Дневникъ.* 1826, подъ 14 дек.

94) 1826, подъ 16 декабря.

95) 1826, подъ 8 ноября.

96) 1826, подъ 14 марта.

97) 1826, подъ 13 февраля.

98) *Письма,* I, 151—154.

99) *Русская Старина.* 1872, V, 336—337.

100) *Дневникъ.* 1826, подъ 8 іюня, 30 сентября, 1 октября, 12 ноября

101) *Письма,* I, 191—194.

102) *Дневникъ.* 1826, подъ 17 декабря.

103) *Собраніе Мнѣній и Отзывовъ Филарета.* Спб. 1885. II, 171, 175, 183, 189, 252.

104) *Дневникъ.* 1826, подъ 19 декабря.

105) *Русскій.* 1867, л. 7 и 8, стр. 111—112.

106) *Русская Старина.* 1875, XII, 821.

107) *Письма,* I, 165—170, 191—195; 201.

108) *Русскій Архивъ.* 1865, стр. 100—102.

109) Анненковъ, *Матеріалы,* стр. 167.

110) *Сынъ Отечества.* 1827, № 1, стр. 72.

111) *Русскій Архивъ.* 188.

112) *Дневникъ.* 1827, подъ 4 марта.

113) *Письма,* I, 345—352.

114) *Сочиненія Пушкина,* VII, 195.

115) *Дневникъ.* 1827, подъ 4, 22 и 1 мая.

116) *Письма,* I, 532—534.

117) Анненковъ, *Матеріалы,* стр. 167.

118) *Московскій Вѣстникъ.* 1827, № 1—2.

119) *Письма,* I, 229—232; *Полное Собраніе Сочиненій князя П. А. Вяземскаго,* I, 158—161; *Русскій* 1868, № 7; *Письма,* I, 241.

120) *Дневникъ.* 1827, подъ 21 января.

121) Подъ 23 апрѣля 1827.

122) *Московскій Вѣстникъ.* 1827, № 6.

123) *Московскій Телеграфъ.* 1827, № 3, стр. 121—122.

124) *Письма,* I, 237—238, 461—462.

125) *Дневникъ.* 1827 годъ, 5 и 8 марта.

126) 1827 подъ 15 марта.

127) *Письма,* I, 335—336.

128) I, 447—449.

129) *Дневникъ.* 1827, подъ 4 мая.

130) 1827, подъ 1 мая.

131) 1827, 7, 8, 29 октября; 6, 12 и 13 ноября.

132) *Московскій Вѣстникъ.* 1827, № 6, стр. 124; *Дневникъ.* 1827, подъ 9 и 29 марта.

133) Муравьевъ. *Знакомство съ Русскими Поэтами,* стр. 14—15.

134) *Сочиненія Пушкина,* V, 188—189.

135) *Московскій Вѣстникъ.* 1827, № 17; *Письма,* I, 507—509; *Московскій Вѣстникъ.* 1827, № 6; *Знакомство съ Русскими Поэтами,* стр. 14.

136) *Русскій Архивъ.* 1884, III, 224.

137) *Русскій Архивъ.* 1885, I, 126.

138) *Энциклоп. Лексиконъ.* Спб. 1837, IX, 368.

139) *Русскій Архивъ.* 1885, I, 126.

140) *Дневникъ.* 1827, подъ 19—21 марта; *Письма,* I, 207.

141) *Письма,* I, 285—288; *Московскій Вѣстникъ.* 1828, № 1, стр. 74.

142) Пятковскій. *Полное Собраніе Сочиненій. Д. В. Веневитинова.* Спб. 1862, стр. 28.

143) *Московскій Вѣстникъ.* 1827, № 7.

144) *Русскій* 1867, лл. 7—8.

145) *Письма,* I, 267, 327—328.

146) *Письма,* I, 301—302.

147) *Письма,* I, 345—352.

148) Пономаревъ, *М. А. Максимовичъ.* Спб. 1872, 2—4.

149) Мои *Письма, Замѣтки и Выписки,* (рукоп), IV.

150) *Юбилей М. А. Максимовича.* Кіевъ, 1871, стр. 62—63.

151) *Записки К. А. Полевого.* Спб. 1888, стр. 130—131

152) *Русскій Архивъ* 1882, мои примѣчанія къ Письмамъ М. П. Погодина, III, стр. 85.

153) Пономаревъ, *М. А. Максимовичъ,* стр 5.

154) *Московскій Вѣстникъ.* 1827, № 23, стр. 310—317.

155) *Полн. Собр. Сочин. И. В. Кирѣевскаго.* М. 1861, I, 1—7.

156) Бартеневъ, «А. П. Елагина», *Русскій Архивъ.* 1877, № 8, стр. 491—492.

157) *Полн. Собр. Сочин. И. В. Кирѣевскаго,* I, 8. 12—13.

158) *Московскій Вѣстникъ.* 1827, № 13.

159) *Письма,* I, 345—352.

160) *Дневникъ.* 1827, подъ 30 апрѣля.

161) *Московскій Вѣстникъ*. 1827, № 15—16.
162) *Письма*, I, 345—352.
163) *Письма*, I, 297.
164) *Письма*, I, 389,—406.
165) *Русскій Архивъ*. 1883, I, 246—247.
166) *Письма*, I, 503—505.
167) *Дневникъ*. 1827, подъ 13, 20 ноября;
168) Еленевъ «Два документа изъ бумагъ Ростовцева» *Русскій Архивъ*. 1873, № 1, стр. 456—457.
169) *Дневникъ*. 1826, подъ 10 октября.
170) *Русскій Архивъ*. 1873, № 1, стр. 483—485.
171) *Дневникъ*. 1826, подъ 12 октября.
172) *Московокій Вѣстникъ*. 1827, № 14, 129—135.
173) *Русскій Архивъ*. 1873, № 1, стр. 460—461.
174) *Сочиненія Пушкина*, VII. 106.
175) *Письма*, I, 293, 481—483.
176) *Московскій Вѣстникъ*. 1827, № 16.
177) *Московскій Вѣстникъ*. 1827. № 21, стр. 72—73.
178) *Дневникъ*. 1827, подъ 19—20 ноября.
179) *Московскій Вѣстникъ*. 1827, № 4.
180) Полн. Собраніе Сочин. Князя П. А. Вяземскаго, I, 321—322.
181) *Письма*, I, 427; *Москвитянинъ*. 1855, № 4. Февр. кн. 2, стр. 81, 88.
182) *Письма*, I, 373—376.
183) *Сѣверная Пчела*. 1826, № 156.
184) *Московскій Вѣстникъ*. 1827, № 2, стр. 149.
185) *Письма*, I, 499.
186) *Московскій Вѣстникъ*. 1827, № 24, стр. 438.
187) *Письма*, I, 209—210.
188) *Письма*, I, 301—302.
189) *Письма*, I, 289.
190) *Дневникъ*. 1827. Май.
191) *Семейный Архивъ М. А. Веневитинова*.
192) *Письма*, I, 341—344.
193) *Письма*, I, 411—412.
194) *Письма* I, 345—352.
195) *Московскій Вѣстникъ*. 1827, № 4, стр. 346—352; № 6, стр. 189—193.
196) *Московскій Вѣстникъ*. 1827, № 8, стр. 331—334.
197) *Московскій Вѣстникъ*. 1827, № 13, стр. 42 и слѣд.
198) *Московскій Вѣстникъ*. 1827, № 3, стр. 189—200.
199) *Московскій Вѣстникъ*. 1827, № 7, стр. 230—236.
200) *Московскій Вѣстникъ*. 1827; № 19, стр. 302—311.
201) *Московскій Вѣстникъ*. 1827, № 2, стр. 128—137; *Письма*, I, 229—232.
202) *Письма*, I, 345—352.
203) *Московскій Вѣстникъ*. 1827, № 13, стр. 71—81.
204) *Письма*, I, 345—352.
205) *Московскій Вѣстникъ*. 1827, № 16, стр. 420—431; № 23, стр. 336—343.
206) *Письма*, I, 535—536.
207) Анненковъ, *Матеріалы*, стр. 167.
208) *Письма*, I, 415—418; *Московскій Вѣстникъ*. 1827, №№ 20—23.
209) *Письма*, I, 435—438, 452—453; *Сочин. и Переп. П. А. Плетнева*, III, 389.
210) *Письма*, I, 447—449.
211) *Дневникъ*. 1827, подъ 5 октября.
212) 1827, подъ 9 октября.
213) *Письма*, 1, 469—471.
214) *Дневникъ*, 1827. Октябрь.
215) *Письма*, I, 455.
216) *Дневникъ*. 1827, подъ 30 октября.
217) 1827, подъ 6, 10 октября, 19 ноября.
218) 1827, подъ 2 ноября, 5 и 6 декабря.
219) *Письма*, I, 511.
220) *Архивъ* Департамента Героль-

діи. Дѣло 1836, № 25/2 о дворянствѣ Арцыбашевыхъ; Александръ Барсуковъ. *Родъ Шереметевыхъ*, Спб. 1888. Книга пятая, стр. 32, 135; *Письма*, II, 599—602.

221) Бестужевъ-Рюминъ. *Энциклопед. Словарь* 1862, V, 570—572; Арцыбашевъ. *Повѣствованіе о Россіи*. М. 1838, I, i.

222) *Письма*, I, 365.

223) *Письма*. I, 439.

224) *Дневникъ*. 1827, подъ 6 октября.

225) *Московскій Вѣстникъ*. 1827, № 21 и слѣд.

226) Аксаковъ. *Разныя сочиненія*. М. 1858, стр. 187—188.

227) *Дневникъ*. 1827, подъ 6 октября.

228) *Московскій Вѣстникъ*. 1827, № 2—3, 14, 5.

229) *Записки К. А. Полевого*. Спб. 1888, стр. 163.

230) *Письма*, I, 179—181.

231) *Московскій Вѣстникъ*. 1827, №№ 6, 24, 22, 11, 21, 1—2, 8, 9.

232) *Московскій Телеграфъ*. 1827, № 10. Смѣсь, стр. 85—91.

233) *Московскій Вѣстникъ*. 1827, №№ 6, 10, 14, 15.

234) *Дневникъ*. 1827, подъ 23 апрѣля, 17 октября. 1825, подъ 16 ноября; *Московскій Вѣстникъ*. 1827, № 8—9, 17—18, 20, 24. *Жизнь и Труды М. П. Погодина*. Спб. 1888, I, 154. *Письма*, I, 469—471.

235) *Московскій Вѣстникъ*. 1827, № 3, 5.

236) *Письма*, I, 211, 225—226.

237) *Переписка А. Х. Востокова*, стр. 247—248.

238) *Московскій Вѣстникъ*. 1827, № 5, стр. 87.

239) *Полн. Собр. Сочиненій Князя П. А. Вяземскаго*. Спб. 1879, II, 32—33.

240) *Письма*, I, 345—352, 435—438, 443.

241) *Юбилей М. А. Максимовича*. Кіевъ. 1871, стр. 64.

242) *Біограф. Слов. М. Университета*, II, 242.

243) *Вѣстникъ Европы*. 1887, апр., стр. 491.

244) *Русская Старина*. 1885, январь, стр. 17—18, 25—26.

245) *Письма*, I, 319—322.

246) *Дневникъ*. 1827, подъ 19 марта.

247) *Письма*, I, 325.

248) *Русская Старина*. 1885, февраль, стр. 265—266.

249) *Автограф. Донесеніе М. П. въ правленіе Моск. Университета*, отъ 14 ноября 1827 года.

250) *Московскій Вѣстникъ*. 1827, № 18, стр. 226—230.

251) *Сѣверная Пчела*. 182[illegible], № 156.

252 *Письма*, I, 233—235, 249.

253) Дмитріевъ. *Мелочи изъ запаса моей памяти*. М. 1869, стр. 167—171; *Труды Общества Л. Р. Сл.* М. 1827, VII, стр. 166—167, 197, 205, 221—224, 231—234.

254) *Дневникъ*. 1827, подъ 8—9 ноября, 20 декабря; *Воспомин. о Шевыревѣ*,. стр. 15.

255) *Московскій Вѣстникъ*. 1828, № 1, стр. 77—79.

256) *Сѣверная Пчела*. 1828, № 11.

257) *Дневникъ*. 1828, подъ 30 января.

258) *Письма*, II, 9—11.

259) *Дневникъ*. 1828, подъ 31 января.

260) *Московскій Вѣстникъ*. 1828, № 2.

261) *Дневникъ*. 1828, подъ 1 февраля, 23 апрѣля.

262) *Московскій Вѣстникъ*. 1828, № 5, стр. 61—105.

263) *Письма*, II, 13—33, 207—210.

264) *Московскій Вѣстникъ*. 1828, №№ 8—11, 19—20; *Дневникъ*. 1828, подъ 18 и 20 окт.

265) *Жизнь и Труды П. М. Строева*. Спб. 1878, стр. 144—146.

266) *Письма*, II, 259—261.

267 *Записки К. А. Полевого*. Спб. 1888, стр. 219—226.

268) *Письма*, II, 169—172.

269) *Записки К. А. Полевого*. Спб. 1888, стр. 226—231.

270) *Дневникъ*. 1828, подъ 20, 18, 19, 24, 30 января; 4, 9 апрѣля; 30 сентября; 2 октября; 25 ноября.

271) *Письма*, II, 449, 255—258.

272) *Дневникъ*, подъ 15 сентября.

273) *Воспомин. о Шевыревѣ*, стр. 15.

274) *Письма*, II, 165—168.

275) Анненковъ. *Матеріалы*. Спб. 1873, стр. 193—194; *Русскій Архивъ*. 1880, II, стр. 506.

276) *Дневникъ*. 1828, подъ 30 янв.

277) *Сѣверная Пчела*. 1828, № 17.

278) *Письма*. II, 25—27, 33—37; *Дневникъ*. 1828, подъ 9 февраля.

279) *Атеней*. 1828, № 4, стр. 76—89.

280) *Письма*. II, 69—72; *Русскій Архивъ*. 1866, стр. 1716.

281) *Дневникъ*. 1828, подъ 15 мар.

282) *Письма*. II, 81, 165—168, 353—357, 203—205.

283) *Русскій Архивъ*. 1874, II, 224.

284) *Дневникъ*. 1828, подъ 4 фев.

285) Пыпинъ и Спасовичъ. *Обзоръ Исторіи Славянскихъ Литературъ*. Спб. 1865, стр. 475—476.

286) *Сѣверная Пчела*. 1828, № 46.

287) *Дневникъ*. 1828, подъ 26 марта; 30 января; 14 и 15 февраля.

288) *Московскій Вѣстникъ*. 1828, № 13, стр. 3—6.

289) *Письма*. II, 221.

290) *Московскій Вѣстникъ*. 1828, № 18, стр. 107.

291) *Письма*. II, 415, 207—210.

292) Мои Примѣчанія къ письмамъ Погодина. *Русскій Архивъ*. 1882, № 5, стр. 81; *Московскій Вѣстникъ*. 1828, № 6, 19—20.

293) *Письма*. II, 203—205.

294) *Московскій Вѣстникъ*. 1828, № 1, 18.

295) *Письма*. II, 207—210, 147—150.

296) *Московскій Вѣстникъ*. 1828, № 17, 2.

297) *Письма*. II, 59.

298) *Московскій Вѣстникъ*. 1828, № 9, стр. 8—12.

299) *Письма*. II, 337.

300) *Московскій Вѣстникъ*. 1828, № 21—22, стр. 129—144; № 23—24, стр. 313—325.

301) *Записки Вигеля*. I, 197—198; *Московскій Вѣстникъ*. 1828, № 1, стр. 16.

302) *Письма*. II, 151—152.

303) *Московскій Вѣстникъ*. 1828, № 16.

304) *Письма*. II, 259—261, 397—399, 105.

305) *Московскій Вѣстникъ*. 1828, № 4.

306) *Письма*. II, 69—72, 137—138, 359—361.

307) *Сѣверная Пчела*. 1828, № 88.

308) *Письма*. II, 229—230, 376, 101.

309) Безсоновъ. *Древніе и нынѣшніе Болгаре*. М. 1856, стр. V—XLIX.

310) *Древніе и нынѣшніе Болгаре* М. 1829. I.

311) *Московскій Вѣстникъ*. 1828, № 15, стр. 278—279.

312) *Дневникъ*. 1828, подъ 22 окт., 28 ноября.

313) *Современные церковные вопросы*. Спб. 1882, стр. 21.

314) *Пять лѣтъ изъ Исторіи Харьковскаго Университета*. Харьковъ. 1868, стр. 77.

315) Тихонравовъ. *Лѣтописи Русской Литературы*. М. 1861, VI, 96—97.

316) *Русскій*. 1866, № 19.

317) *Русская Старина*. 1871, III, 326—328.

318) *Московскій Вѣстникъ*. 1828, № 15, стр. 309—311; *Письмо*. II, 143, 429.

319) *Русскій*. 1868, № 15, стр. 289—294.

320) *Дневникъ*. 1828, подъ 6 декаб.

321) *Жизнь и Труды Погодина*. Спб. 1888, I, стр. 56.

322) *Русскій*. 1867, № 9—10, стр. 133.

323) *Московитянинъ*. 1855, февр. № 3, стр. 85.

324) *Письма*. II, 13—16.

325) *Московскій Телеграфъ*. 1828, № 4, стр. 354, 531, 533.
326) *Труды Общ. Л. Р. Сл.* XVII, стр. 12.
327) *Московскій Вѣстникъ*. 1828, № 12, стр. 395—404.
328) *Разныя Сочиненія*. М. 1858, стр. 89—90.
329) Мои *Примѣчанія* къ Письмамъ *Погодина*. „Русскій Архивъ". 1882, № 5, стр. 89; *Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ въ его письмахъ*. М. 1888. I, 12—15, 20.
330) *Разныя Сочиненія*, стр. 201, 127.
331) *Дневникъ*. 1828, подъ 31 янв., 11 февр., 3, 27 марта, 7, 8 и 21 апрѣля.
332) *Полное Собраніе Сочиненій Князя П. А. Вяземскаго*. Спб, 1884. IX, стр. 99—103.
333) *Письма*. II. 259—261, 285—286.
334) *Дневникъ*. 1828, подъ 22, 29 сентября, 6, 7, 20 октября, 3, 10, 25, 27 ноября, 8, 14, 15, 22, 29 декабря, 2 февраля.
335) *Московскій Вѣстникъ*. 1828, № 6, стр. 238—240.
336) *Дневникъ*. 1828, подъ 30 сентября.
337) *Формулярный списокъ* о службѣ и достоинствѣ коллежскаго ассессора Андрея Александрова, сына Краевскаго, за 1838 годъ.
338) *К. Ѳ. Калайдовичъ*, стр. 85.
339) *Дневникъ*. 1828, подъ 17, 25 января, подъ 3 февраля.
340) *Московскій Телеграфъ*. 1828, № 8, стр. 369—373.
341) *Жизнь и Труды П. М. Строева*. Спб. 1878, стр. 137.
342) *Дневникъ*. 1828, подъ 12 сентября.
343) *Письма М. П. Погодина*, л. з.
344) *Письма*. II. 29—32, 25—28, 255—258, 267—269.
345) *Дневникъ*. 1828, подъ 20 сентября, 17 февраля, 1 апрѣля, 17 сентября.
346) *Московскій Вѣстникъ*. 1828, № 4, стр. 485—490.
347) *Письма* II, 51—52, 95, 213—215, 281, 282. Въ Архивѣ М. П. Погодина сохранилась тетрадка in 4°, въ которой заключается этотъ переводъ дочери Арцыбашева.
348) *Московскій Вѣстникъ*. 1828, №№ 19, 20, стр. 285—318; №№ 21, 22, стр. 52—91; №№ 23, 24, стр. 254—285.
349) *Дневникъ*. 1828, подъ 19 окт.
350) *Московскій Вѣстникъ*. 1828, №№ 19, 20, стр. 285—287.
351) *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*. 1888, апрѣль, стр. 498.
352) *Московскій Телеграфъ*. 1828, № 19.
353) *Дневникъ*. 1828, подъ 17, 18, 27 ноября.
354) *Московскій Вѣстникъ*. №№ 21, 22, стр. 186—190.
355) *Московскій Телеграфъ*. 1828, № 20, стр. 486—489.
356) *Дневникъ*. 1828, подъ 30 ноября.
357) *Письма*. II. 401—403, 407—409.
358) *Московскій Вѣстникъ*. 1828, №№ 23, 24, стр. 378—379.
359) *Дневникъ*. 1828, подъ 23 дек.
360) *Московскій Вѣстникъ*. 1828, №№ 23, 24, стр. 389—395.
361) *Письма*. II, 453—455.
362) *Дневникъ*. 1828, 6—9, 11—14, 16, 22 декабря.
363) *Русскій Архивъ*. 1868, стр. 976—1002, 1317—1328.
364) *Дневникъ*. 1828, подъ 23 дек.
365) Мои *Примѣчанія къ письмамъ Погодина*. „Русскій Архивъ". 1882, № 5, стр. 81, 82.
366) *Москвитянинъ*. 1845, № 9.
367) *Письма*. II, 425, 433, 473—483; III, 9, 10.
368) *Телескопъ*. 1831. № 23, стр. 387—388.
369) Князь Лобановъ-Ростовскій, *Русская Родословная книга*. Спб. 1873, стр. 90.

370) *Дневникъ.* 1828. подъ 16, 25, 26 декабря, 27 января и 20 октября.

371) *Полное Собраніе Сочиненій князя П. А. Вяземскаго.* Спб. 1879. II, стр. 355, 356.

372) *Дневникъ.* 1828, подъ 6 января, 4, 12 февраля, 23 апрѣля, 4 ноября, 28 января, 20 сентября, 21 сентября, 3 октября, 17 октября, 19 октября.

373) *Исторія М. Университета,* стр. 470.

374) *Письма.* II, 435.

375) *Московскій Вѣстникъ.* 1828, №№ 23, 24, стр. 395.

376) *Письма.* II, 441.

377) *Дневникъ.* 1828, подъ 21 декабря.

378) *Московскій Вѣстникъ.* 1828, №№ 23, 24, стр. 395; *Дневникъ.* 1828, подъ 2 марта, 9 декабря; *Письма.* II, 579—582.

379) *Дневникъ.* 1828, подъ 25 января и 21 сентября.

380) ***Повѣсти*** Михаила Погодина. М. 1832. III, 12, 13.

381) *Дневникъ.* 1828, подъ 24 апрѣля, 30 сентября.

382) *Московскій Вѣстникъ.* 1828, №№ 19, 20, стр. 381, 382.

383) *Русскій Архивъ.* 1868, стр. 1—3.

384) *Московскій Вѣстникъ.* 1828, №№ 21, 22, стр. 191, 192, 109—128.

385) *Дневникъ.* 1828, подъ 2 марта.

386) *Московскій Телеграфъ.* 1828, № 18, стр. 219.

387) *Московскій Вѣстникъ.* 1828, № 16, стр. 322—334; № 13, стр. 83—85; № 3, № 8, стр. 430—434; № 13, стр. 70—77.

388) *Дневникъ.* 1828, подъ 3 февр.

389) *Сочиненія В Бѣлинскаго.* М. 1859, I, 194—197.

390) *Дневникъ.* 1828, подъ 13, 14, 16, 21 февраля, 19 марта, 4 апрѣля, 4 сентября.

391) *Московскій Вѣстникъ.* 1828, №№ 19, 20, стр. 397, 398; № 8, стр. 466.

392) *Письма.* II, 355—357.

393) *Московскій Телеграфъ.* 1828, № 20, стр. 487.

394) *Дневникъ.* 1828, подъ 24 декабря, 7, 8, 11 ноября, 31 декабря.

395) *Письма.* II, 583—586; *Русскій Архивъ.* 1868, стр. 606.

396) *Русскій Архивъ.* 1864, стр. 810, 811.

397) *Письма Карамзина и Грибоѣдова.* М. 1860, стр. 31—33.

398) *Сочиненія А. С. Пушкина.* Спб. 1887, IV, 430.

399) *Сочиненія Е. А. Баратынскаго.* М. 1869, I, 103, 104.

400) *Воспоминаніе о С. П. Шевыревѣ,* стр. 16.

401) *Письма,* II, 535—538.

402) *Русскій Архивъ.* 1882, № 5, стр. 76.

403) *Письма,* II, 837—839.

404) *Дневникъ.* 1829, подъ 6 апрѣля, 27 марта.

405) *Русскій Архивъ.* 1882, № 5, стр. 81.

406) *Вѣстникъ Европы.* 1829, № 6, стр. 174.

407) *Стихотворенія Н. М. Языкова.* Спб. 1858, I, IV—VI.

408) *Дневникъ.* 1829, подъ 25 мая.

409) *Русскій Архивъ.* 1882, № 5, стр. 92, 96, 125.

410) *Дневникъ.* 1829, подъ 15 марта.

411) *Письма.* II, 567, 568.

412) *Дневникъ.* 1829, подъ 27 и 28 марта.

413) *Полн. собр. сочиненій И. В. Кирѣевскаго.* I, 18, 19.

414) Бартеневъ. *Біограф. воспомин. о А. С. Хомяковѣ,* стр. 31.

415) *Письма.* II, 535—538.

416) *Семейный Архивъ М. А. Веневитинова.*

417) *Дневникъ.* 1829, подъ 3 апрѣля.

418) *Русскій Архивъ.* 1882, № 5, стр. 79, 96.

419) *Семейный Архивъ М. А. Веневитинова.*

420) *Русскій Архивъ.* 1882, № 5, стр. 103.

421) *Семейный Архивъ М. А. Веневитинова.*

422) *Дневникъ.* 1829, подъ 9 ноября.

423) *Русскій Архивъ.* 1882, № 5, стр. 77.

424) *Дневникъ.* 1829, подъ 11 марта, 16 октября, 1 января, 16 марта, 19 августа, 18 ноября, 19 ноября, 13 апрѣля, 7 декабря.

425) *Письма.* II, 631—633, 649—652.

426) *Русскій Архивъ.* 1882, № 5, стр. 95.

427) *Дневникъ.* 1829, подъ 29, 30 и 31 іюля, 1, 2 августа.

428) *Письма.* II, 666—668.

429) *Дневникъ.* 1829, подъ 2 августа.

430) *Письма.* II, 679—681.

431) *Дневникъ.* 1829, подъ 2 августа.

432) *Письма.* II, 723, 724.

433) *Дневникъ.* 1829, подъ 3—8 августа.

434) *Русскій Архивъ.* 1882, № 5, стр. 98.

435) *Дневникъ.* 1829, подъ 1, 12, 14, 19, 20, 28, 31 марта; 13, 14 апрѣля — 25 мая.

436) *Письма,* II, 587.

437) *Дневникъ.* 1829, подъ 17, 20, 28 августа—1 сентября, 3—15 сентября.

438) *Русскій Архивъ.* 1882, № 5, стр. 104.

439) *Дневникъ.* 1829, подъ 17 сентября, 12—15, 24 октября.

440) *Письма.* II, 761.

441) *Дневникъ,* подъ 30 октября, 5—7 ноября.

442) *Русскій Архивъ.* 1882, № 5, стр. 121.

443) *Дневникъ.* 1829, подъ 19 и 21 ноября.

444) *Русскій Архивъ.* 1882, № 5, стр. 121.

445) *Дневникъ.* 1829, подъ 4 и 14 декабря.

446) *Письма.* II, 812.

447) *Письма.* II, 489; III, 56. *Московскій Вѣстникъ.* 1830, № 3, стр 313—315.

448) *Русскій Архивъ.* 1882, № 5, стр. 77, 92, 93, 98, 117; 1866, стр. 1719, 1720; 1869, стр. 605; 1882, № 5, стр. 117.

449) *Полн. собр. сочиненій князя П. А. Вяземскаго.* I, XLIX; X, 267, 268, 291.

450) *Русскій Архивъ.* 1868, стр. 605.

451) *Записки К. А. Полеваго.* Спб. 1888, стр. 269—272.

452) *Отечественныя Записки.* 1865. мартъ, стр. 65, 66.

453) *Русскій Архивъ.* 1864, стр. 827—830.

454) *Московскій Телеграфъ.* 1829, № 12, стр. 467—500; № 7, стр. 344—347; № 13, стр. 65—69.

455) *Дневникъ.* 1829, подъ 10 августа.

456) *Русскій Архивъ.* 1882, № стр. 98—99.

457) *Записки К. А. Полеваго.* Спб. 1888, стр. 291—293.

458) *Московскій Телеграфъ.* 1829, № 19. Октябрь, № 24, стр. 468; *Дневникъ* 1829 г., подъ 10 августа, 13, 24—29 декабря; *Письма,* II, 767—770, 789. 790; *Русскій Архивъ.* 1882, № 5, стр. 118.

459) *Сѣверная Пчела.* 1829, №№ 129, 130; *Русскій Архивъ.* 1882, № 5, стр. 120.

460) *Дневникъ.* 1829, подъ 3 и 12 апрѣля.

461) *Русскій Архивъ.* 1882, № 5, стр. 80, 79.

462) *Сѣверная Пчела.* 1829, № 128.

463) *Русскій Архивъ.* 1866, стр. 1718, 1719; *Денница.* 1831, XVII.

464) *Русскій Вѣстникъ.* 1856. мартъ. Кн. 1, стр. 55, 57.

465) *Записки К. А. Полеваго,* стр. 255, 256.

466) *Русская Газета.* 1859, № 2.

467) *Сочиненія А. С. Пушкина.* V, 276.

468) *Вѣстникъ Европы.* 1829, № 2, стр. 113, 151—171, 215—230.

469) Анненковъ. *Матеріалы*, стр. 205—208.

470) *Полное Собраніе Сочиненій князя П. А. Вяземскаго*, X, 3.

471) Анненковъ. *Матеріалы*, стр. 209.

472) *Сочиненія А. С. Пушкина*. V, 122, 123.

473) *Дневникъ*. 1829, подъ 4 апрѣля.

474) *Русскій Архивъ*. 1882, № 5, стр. 79—81; *Полное Собраніе Сочиненій князя П. А. Вяземскаго*, II, 372, 373.

475) *Вѣстникъ Европы*. 1829, № 8, стр. 287—302; № 9, стр. 17—48.

476) *Сочиненія А. С. Пушкина*. IV, 452.

477) *Сѣверные Цвѣты* на 1830 г. Спб. 1829, стр. 50. *Русскій Архивъ*. 1863, стр. 867—871.

478) *Сочиненія А. С. Пушкина*, V, 106.

479) *Вѣстникъ Европы*. 1830. № 1.

480) *Полное Собраніе Сочиненій Князя П. А. Вяземскаго*, II. 129.

481) *Русскій Архивъ*. 1882, № 5, стр. 122.

482) *Письма*, II, 845, 846.

483) *Русскій Архивъ*. 1882, № 5, стр. 167

484) *Письма*, II, 503, 504.

485) *Московскій Вѣстникъ*. 1829 г. III, стр. 201, 202.

486) *Письма*, II, 535, 538.

487) *Дневникъ*. 1829, подъ 14 марта.

488) *Московскій Вѣстникъ*. 1829, ч. II, стр. 261, 262.

489) *Переписка А. Х. Востокова*, стр. 271, 272.

490) *Письма*, II, 599—602, 795—798, 579—582, 751—753.

491) *Дневникъ*. 1829, подъ 5 апрѣля.

492) *Письма*, II, 579—582.

493) *Русскій Архивъ*. 1882, № 5, стр. 76, 77. 80.

494) *Письма*, II, 767—770.

495) *Русскій Архивъ*. 1882, № 5, стр. 80.

496) *Дневникъ*. 1829, подъ 26 мая, 16 сентября.

497) *Русскій Архивъ*. 1882, № ·, стр. 117.

498) *Дневникъ*. 1829, подъ 9 января, 2 ноября, 19 декабря; *Письма*, II, 629; *Русскій Архивъ*. 1882, № 5, стр. 96.

499) *Дневникъ*. 1829, подъ 23 ноября.

500) *Русскій Архивъ*. 1882, № 5, стр. 104.

501) Зиссерманъ, *Біографія Князя А. И. Барятинскаго*. Русскій Архивъ, 1888, I 109.

502) *Бумаги Моск. Публ. и Румянцев. Музеевъ*, № 2591.

503) *Руссікй Архивъ*. 1882, № 5, стр. 103.

504) *Дневникъ*. 1829, подъ 10 марта, 12 апрѣля, 27 октября, 21, 23 ноября. 6, 7 декабря.

505) *Письма*,II, 521—524.

506) *Дневникъ*. 1829, подъ 3 апрѣля.

507) *Письма*, III, 743, 744, 837—839.

508) *Жизнь и Труды П. М. Строева*. Спб· 1878, стр. 160—163.

509) *Дневникъ*. 1829, подъ 8 марта.

510) *Письма*, II. 693—696.

511) *Жизнь и Труды П. М Строева*, стр. 194, 195.

512) *Дневникъ*. 1829, подъ 17 декабря.

513) *Русскій Архивъ*. 1882, № 5, 125.

514) *Жизнь и Труды П. М. Строева*, стр· 198, 199.

515) Безсоновъ, *Калайдовичъ*, стр. 86, 87.

516) *Переписка А. Х. Востокова*, стр. 273.

517) *Дневникъ*. 1829. подъ 24 августа.

518) *Письма*, II, 717.

519) *Русскій Архивъ*. 1882, № 5, стр. 120.

520) *Дневникъ*. 1829, подъ 3 декабря.

521) *Письма*, II, 805, 831, 832, 853, 799.

522) *Дневникъ.* 1829, подъ 10 декабря.

523) *Письма*, II, 751—753, 795—798.

524) *Русскій Архивъ.* 1882, № 5, стр. 271.

525) *Дневникъ.* 1829, подъ 20 марта.

526) *Семейная Хроника.* М. 1856. II, 361, 362.

527) *Русскій Архивъ.* 1882, № 5, стр. 96.

528) *Письма*, II, 649—652.

529) *Дневникъ.* 1829, подъ 24 августа.

530) *Русскій Архивъ.* 1882, № 5, стр. 103.

531) *Письма*, II, 701, 65, 4656.

532) *Русскій Архивъ.* 1882, № 5, стр. 104.

533) *Московскій Телеграфъ.* 1829, № 216, стр. 485, 486.

534) *Русскій Архивъ.* 1882, № 5, стр. 103.

535) *Галатея.* 1829, № 38, стр. 97—100.

536) *Московскій Телеграфъ.* 1829, № 17, стр. 145—150.

537) *Дневникъ.* 1829, подъ 19, 20 октября.

538) *Письма*, II, 717.

539) *Дневникъ.* 1829, подъ 19 сент. —7 окт.

540) *Московскій Вѣстникъ.* 1820, IV, стр. 166, 167.

541) *Московскій Телеграфъ.* 1829, № 19, стр. 396—400.

542) *Русскій Архивъ.* 1882, № 5, стр. 111—113, 115.

543) *Дневникъ.* 1829, подъ 23 октября.

544) *Переписка А. Х. Востокова*, стр. 278, 279.

545) *Письма*, II, 767—790, 705—798.

546) *Дневникъ.* 1829, подъ 5 декабря.

547) *Біограф. Словарь М. Университета.* II, 9.

548) *Московскій Телеграфъ.* 1829, № 12.

549) Кулишъ. *Записки о жизни Гоголя.* Спб. 1856. I, 66, 67, 116.

550) *Русскій Архивъ.* 1882, № 5, стр. 111.

551) Кочубинскій. *Начальные годы Русскаго Славяновѣдѣнія.* Одесса. 1887—1888, стр. 186, 187.

552) *Письма* II. 617, 618.

553) *Русское Славяновѣдѣніе*, стр. 187.

554) *Русскій Архивъ.* 1882, № 5, стр. 103.

555) *Труды и Лѣтописи О. И. и Д. Р.* М. 1837, VIII, 144.

556) *Русскій Архивъ.* 1882, № 5, стр. 120.

557) *Дневникъ.* 1829, подъ 3 ноября.

558) *Труды и Лѣтописи О. И. и Д. Р.*, VIII, 10; *Московскій Вѣстникъ.* 1829, ч. III, стр. 16—28.

559) *Русскій Архивъ.* 1882, № 5, стр. 95.

560) *Сочиненія Н. М. Карамзина.* М. 1820, IX, 234, 235.

561) *Московскій Вѣстникъ.* 1829, III, 90—126. 112, 144—170, 127—143, 86—89; V, 1—157; III. 171—195; VI, 199—207; *Денницы*, 1830; *Московскій Телеграфъ*, 1829, № 2, стр. 214, 215; *Письма*, II, 667, 668.

562) *Русскій Архивъ.* 1882, № 5, стр. 115.

563) *Дневникъ.* 1829, подъ 15 ноября.

564) *Сѣверная Пчела.* 1829, №№ 137, 138.

565) *Московскій Вѣстникъ.* 1829, III, 5—18.

566) *Письма*, II, 549—551.

567) *Дневникъ.* 1829, подъ 3, 10, 14 марта, 17 августа, 16, 21 октября.

568) *Русскій Архивъ.* 1882, № 5, стр. 117.

569) *Дневникъ.* 1829, подъ 12, 14, 23 ноября; *Полное Собраніе Сочиненій И. В. Кирѣевскаго*, I, 26—28

570) *Труды и Лѣтописи О. И. и Д. Р.*, VIII, 144.

571) *Дневникъ.* 1829, подъ 3 декабря.

572) *Мелочи изъ запаса моей памяти*, стр. 170, 171.

573) *Дневникъ*. 1829, подъ 19 декабря.

574) *Записки К. А. Полевого*, стр. 250.

575) *Дневникъ*. 1829, подъ 18—19 декабря.

576) *Русскій Архивъ*. 1882, № 5, стр. 122.

577) *Мелочи изъ запаса моей памяти*, стр. 170, 171.

578) *Русскій Архивъ*. 1879, № 8, стр. 483.

579) *Сочиненія А. С. Пушкина*, VII. 219, 220.

580) Бартеневъ, *Бумаги А. С. Пушкина*. М. 1881, I, 15.

581) *Русскій Архивъ*. 1882, № 5, стр. 92.

582) *Галатея* 1829, № 22, стр. 34, 35.

583) *Дневникъ*. 1829, подъ 7 декаб.

584) *Полное Собраніе Сочиненій кн. П. А. Вяземскаго*, II, 112.

Цѣна 2 руб. 50 коп.

Складъ книги у издателя Александра Дмитріевича Погодина. Спб. Лиговка, д. № 23, кв. 2.

